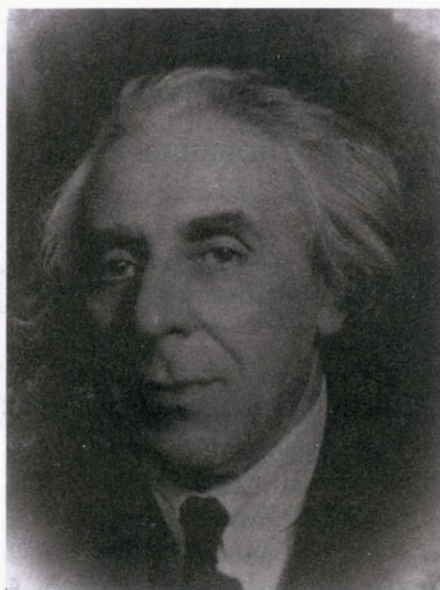

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРЫ XX века

выпуск 1

Г.И. Чулков

ЖИЗНЬ
ДОСТОЕВСКОГО

Георгий Иванович Чулков.
1930-е годы.
ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 2. Ед. хр. 31

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРЫ XX века

Серия основана в 2015 г.

Выпуск 1

Редакционная коллегия серии:

В.В. Полонский

Н.В. Корниенко

Е.Р. Матевосян

Д.С. Московская

К.И. Плотников (ученый секретарь)

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Г.И. Чулков

ЖИЗНЬ ДОСТОЕВСКОГО

Москва
ИМЛИ РАН
2015

Рецензенты:

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
ИМЛИ им. А.М. Горького РАН
В.А. Келдыш

доктор филологических наук,
профессор Томского государственного университета
Е.Г. Новикова

Г.И. Чулков.

Жизнь Достоевского / Сост., подг. текста, коммент. и вступит. статья *О.А. Богдановой*. М.: ИМЛИ РАН, 2015. — 472 с.

Настоящее издание — первая публикация биографического исследования о Ф.М. Достоевском, написанного замечательным прозаиком, поэтом, литературным критиком первой трети XX века Г.И. Чулковым, которое несколько десятилетий пролежало в российских архивах, не пропущенное в печать атеистической советской цензурой. Помимо самостоятельной художественно-эстетической ценности, предлагаемая читателю книга обогащает биографику великого писателя, являясь первым опытом его полноценного научно-художественного жизнеописания. Обращение к качественной литературной биографии Достоевского, моделирующей высокий духовный образ писателя-пророка, особенно актуально в условиях сниженной криминально-сексуальной интерпретации его облика в популярных телесериалах начала XXI века.

Издание адресовано как специалистам в области достоевковедения и изучения литературы рубежа XIX–XX веков, так и широкой читательской аудитории, интересующейся историей русской литературы и культуры.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Богданова О.А.</i> Г.И. Чулков — биограф Ф.М. Достоевского.....	4
Жизнь Достоевского	32
Примечания <Г.И. Чулкова>	336

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Чулков Г.И.</i> От издательства	426
<i>Чулков Г.И.</i> О плане книги «Жизнь Достоевского».....	431
<i>Чулков Г.И.</i> План книги Георгия Чулкова «Жизнь Достоевского».....	436
<i>Другов Б.М., Кирпотин В.Я., Томашевский Б.В., Любимова<-Дороватовская> В.С.</i> Рецензии на «Жизнь Достоевского» Г.И. Чулкова.....	441
От составителя.....	454
Список принятых сокращений	465

Г.И. ЧУЛКОВ – БИОГРАФ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Любовь и интерес к Достоевскому пронизывают всю жизнь замечательного русского писателя, поэта, критика, публициста Серебряного века Георгия Ивановича Чулкова (1879–1939), внимание к творчеству которого заметно выросло за последние четверть века¹. «Достаточно сказать, что первое крупное философско-критическое произведение Чулкова 1906 года, выпущенное под названием “О мистическом анархизме”.., включало в себя главу, посвящённую Достоевскому, а завершил он свой жизненный путь, написав книгу “Как работал Достоевский”, которая вышла в год его смерти. Известно, что в середине 1910-х годов Чулков регулярно читал лекцию “Достоевский и современность”, которая составила основу его работы “Достоевский и судьба России”, опубликованной в 1918 г. в альманахе “Огни”»². Кроме того, в 1920-е гг. Чулков был бессменным руководителем секции по изучению творчества Достоевского в ГАХН, где при его активном участии выпущен этапный в достоевковедении сборник со статьями В.С. Дороватовской-Любимовой, С.Н. Дурьилина, И.Н. Кубикова, В.С. Нечаевой, М.А. Петровского, П.С. Попова. Здесь же была помещена статья самого Чулкова «Последнее слово Достоевского о Белинском»³. В 1929 г. ему удалось напечатать статью «Достоевский и утопический социализм», а в 1931 г. — одну из всту-

¹ См. издания произведений Чулкова, подготовленные М.В. Михайловой, Л.И. Сараскиной, Н.Ю. Грякаловой и др.: Чулков Г.И. Валтасарово царство. М.: Республика, 1998; Чулков Г.И. Жизнь Пушкина. М.: Республика, 1999; Чулков Г.И. Годы странствий. М.: Эллис-Лак, 1999; Чулков Г. Тайная свобода: стихотворения из неизданных книг (1920–1938). М.: ПалЕАлиТ, 2003; Чулков Г.И. Жизнь Пушкина. М.: Наш дом — L'Age d'Homme, 1999; Чулков Г.И. Достоевский и судьба России // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 15. СПб.: Наука, 2000. С. 382–407; Чулков Г. Откровенные мысли // Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 457–499; Чулков Г. Императоры России. Психологические портреты. Харьков: Интербук, 1990; М.: Московский рабочий, 1991; М.: Художественная литература, 1993; М.: Искусство, 1995; М.: Слово, 2003; М.: АСТ, 2005; и др.

² Михайлова М.В. Г.И. Чулков и Ф.М. Достоевский // Достоевский и мировая культура: альманах. Вып. 12. М.: Раритет — Классика плюс, 1999. С. 193.

³ Чулков Г.И. Последнее слово Достоевского о Белинском // Сборник ГАХН. С. 61–83.

пительных статей, наряду с А.В. Луначарским и В.Ф. Переверзевым, к юбилейному однотомнику Достоевского⁴.

Однако большая часть написанного Чулковым о Достоевском в 1920-1930-е гг. осталась неопубликованной. Сохранились черновые автографы и машинопись речей, докладов и статей «Современная душа и темы Достоевского»⁵, «Достоевский и Тургенев», «Некрасов и Достоевский»⁶, «Достоевский и Пушкин», «Достоевский и современность», «Достоевский и Запад»⁷, «Самоубийцы в романе Достоевского и наша современность»⁸, «Достоевский и революция»⁹. Не увидело свет и самое значительное произведение Чулкова о любимом писателе — беллетризованное биографическое исследование «Жизнь Достоевского»¹⁰.

Прежде чем перейти к подробному разговору о нём, отметим тот факт, что в 1920–1930-е гг. Чулков всё больше и больше обращался к литературоведению: «Став в советское время писателем внутренней эмиграции и вынужденно работая на обочине литературной жизни, Чулков нашёл для себя самую естественную интеллектуальную нишу — историю русской классической литературы»¹¹, в которой основное внимание уделял биографическому жанру. Помимо Достоевского, его главными «героями» стали А.С. Пушкин и Ф.И. Тютчев.

Над научной биографией Пушкина, опубликованной сначала в «Новом мире» (1936), а затем отдельным изданием в 1938 г., «Чулков начал работать сразу после 1917 г. Он назвал свою рукопись “Поэт. Душа творчества”, но в 1921 г. книга была окончательно запрещена цензурой»¹². В ставшей итогом многолетней работы «Жизни Пушки-

⁴ Чулков Г.И. Достоевский и утопический социализм // Каторга и ссылка. 1929. №№ 2, 3. С. 9–35, 134–151; Чулков Г.И. Достоевский: Вступительная статья // Достоевский Ф.М. Сочинения / Под общей ред. А.В. Луначарского. М.: ГИХЛ, 1931. С. XXXV–XXXIX.

⁵ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 186.

⁶ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 185.

⁷ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 172 (1), 172 (2).

⁸ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 171 (1).

⁹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 173.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 178; РГБ. Ф. 371. Карт. 8. Ед. хр. 1; ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 68.

¹¹ Сараскина Л.И. «Огонь глухой и буйство скрытых сил» (Творческий путь Г.И. Чулкова) // Чулков Г. Жизнь Пушкина. М.: Наш дом — L'Age d'Homme, 1999. С. 11.

¹² Михайлова М.В. Религиозная биография поэта // Университетский пушкинский сборник. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 283.

на», помимо голосов эпохи (фактов, дневников, писем), слышен «выразительный голос самого автора. Он часто перебивает свидетельства современников и потомков собственными умозаключениями, делает определённые выводы, предлагает гипотезы»¹³. По сути дела, в чулковской биографии Пушкина оспаривался насаждавшийся в 1930-е гг. классовый подход к литературе и искусству, а также «сказалась глубокая религиозность самого автора»¹⁴.

По отношению к Тютчеву Чулков выступил не только как биограф, но и как составитель и комментатор двухтомного Полного собрания стихотворений поэта, вышедшего в 1933–1934 гг. в издательстве «Academia». Незадолго до этого Чулков выпустил биографическую книгу «Последняя любовь Тютчева» (Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928), опирающуюся на новый документальный материал — письма Е.А. Денисьевой. Итогом его изучения биографии поэта XIX века стал выход книги «Летопись жизни и творчества Тютчева» (М.; Л.: Academia, 1933).

Кроме того, перу Чулкова в 1920-е гг. принадлежат биографические портреты пяти российских императоров¹⁵ и восьми декабристов¹⁶, а в книге «Годы странствий: Из книги воспоминаний» (М.: Федерация, 1930) — своих ушедших из жизни современников В.Я. Брюсова, Л.Н. Андреева, А.А. Блока, Ф. Сологуба.

Как видим, писатель и литературовед освоил практически все жанры биографического исследования, создавая сжатые очерки и психологические портреты, вычлняя отдельные жизненные сюжеты, выстраивая хронологическую канву из дат и событий и, наконец, синтезируя полномасштабное беллетризованное биографическое повествование.

Само обращение Чулкова к жанру биографии объяснялось не только отмеченным выше стремлением к «внутренней эмиграции», но и общей тенденцией эпохи первой трети XX века — в те годы биографии выдающихся людей в обилии создавались не только советскими писателями (Л.П. Гроссманом, Ю.Н. Тыняновым, М.А. Булгаковым и др.), но и западноевропейскими авторами, а также русскими эмигрантами на Западе¹⁷. Дело в том, что «кардинальные изменения в европейской...

¹³ Там же. С. 284.

¹⁴ Там же. С. 286.

¹⁵ Чулков Г.И. Императоры. Психологические портреты. М.: Госиздат, 1928.

¹⁶ Чулков Г. Мятеежники 1825 года. М.: Современные проблемы, 1925.

¹⁷ Вспомним, к примеру, книги А. Моруа о П.Б. Шелли, Дж.Г. Байроне и др., С. Цвейга — о Ч. Диккенсе, О. де Бальзаке и Ф.М. Достоевском, Д.С. Мережковского — о Наполеоне Бонапарте, Данте Алигьери и др., Б.К. Зайцева — об И.С. Тургенева и др.

литературной парадигматике начала XX века привели к существенным трансформациям биографического жанра», первоначально возросшего «на почве просвещенческого рационализма» с его «сведением единичного (индивидуального) ко всеобщему (универсальным законам развития общества и природы)»¹⁸. В эпоху символизма авторская индивидуальность стала главным конституирующим фактором художественного произведения и писательская биография приобрела статус житнетворческого процесса. Неудивительно, что «в 1910–1920-е гг. характерной чертой эпохи становится завоевание биографией едва ли не господствующего места в литературе»¹⁹.

В отечественном литературоведении осмысление новой ситуации в биографике связано прежде всего с работами Б.В. Томашевского, Ю.Н. Тынянова, Г.О. Винокура. Различая «идеальную биографическую легенду» и «реальную... биографию» поэта или писателя, Томашевский утверждал, что «нужная историку литературы биография — не послужной список и не следственное дело, а та творимая автором легенда о его жизни, которая единственно и является литературным фактом»²⁰. Этот тезис с очевидностью озвучивал фактически сложившееся в Серебряном веке положение дел — наряду с моделированием «*биографических легенд*» его современников (А.М. Горького, А.А. Блока, А. Белого, С.А. Есенина и мн. др.)²¹, «*мифологизированное* (здесь и далее, кроме особо оговорённых случаев, курсив мой — О.Б.) восприятие имен великих предшественников»²². Более того, «взаимодействуя между собою», их имена образовывали «особую мифологическую систему, единое культурное поле», как, например, «оппозиция имен Достоевского и Л. Толстого» для Д.С. Мережковского, Блока, А. Белого²³. Можно говорить о создании

¹⁸ Полонский В.В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 150.

¹⁹ Там же. С. 150–151.

²⁰ Томашевский Б.В. Литература и биография // Книга и революция. 1923. № 4 (28). С. 8–9.

²¹ См. об этом подробнее: Магомедова Д.М. Модели писательских биографий как литературные универсалии // Проблемы писательской биографии: к 150-летию А.П. Чехова: Доклады и материалы Международного круглого стола «Проблемы построения научной биографии писателя: к 150-летию А.П. Чехова (21–22 декабря 2010 г., ИМЛИ РАН). М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 11–19. Курсив Д.М. Магомедовой.

²² Приходько И.С. Александр Блок и русский символизм: мифопоэтический аспект. Спецкурс. Владимир, 1999. С. 25.

²³ Приходько И.С. «Вечные спутники» Мережковского (К проблеме мифологизации культуры) // Д.С. Мережковский: мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 201.

в Серебряном веке и особого «мифа Достоевского», в котором образ писателя-классика скорее «становился... воплощением идеи»²⁴ творцов этого мифа, чем раскрывался в своём «реальном» облике.

Тот факт, что мифологизирующее сознание Серебряного века, помимо актуализации архаических («вечных») мифов, в изобилии создавало т.н. неомифы, впервые отметила З.Г. Минц²⁵; неомифами являлись не только сугубо авторские автобиографические мифы — плоды индивидуального творчества участников литературной жизни первой четверти XX века²⁶, но и мифологизированные тексты предшествующей литературы («Божественная комедия», «Гамлет», «Дон Жуан», «Фауст», «Евгений Онегин», «Мертвые души», «Преступление и наказание» и др.), а также биографии их создателей: Данте, У. Шекспира, Дж.Г. Байрона, И.В. Гете, Пушкина, Н.В. Гоголя, Достоевского...

Механизмы мифологизации образа Достоевского в литературе рубежа XIX–XX вв. еще не исследованы в достаточной степени, но уже сейчас с большой долей вероятности можно утверждать, что их суть — в перенесении черт литературных героев на самого автора. Последнее очевидно связано с обычным в работах о Достоевском 1890–1910-х гг. неразличением авторского и персонажных голосов, отождествлением биографического Достоевского с его литературными героями: от Прохарчина до князя Мышкина, от Мечтателя «Белых ночей» до Великого инквизитора в «Братьях Карамазовых». В результате «неомиф Достоевского» вобрал в себя резко противоречивые характеристики, что и отразилось в известной формуле Мережковского о «полубесноватом, полу-святом, Федо-

²⁴ Приходько И.С. Александр Блок и русский символизм: мифопоэтический аспект... С. 26.

²⁵ См.: Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПб, 2004. С. 59–96. Ср.: «Наследуя Шеллингу, который ввел в сонм традиционных мифологических персонажей новых — литературных — героев общемировой значимости, как Дон-Кихот и Гамлет, символисты придали “мифологический статус” не только созданиям Вагнера и Ницше..., но и образам русской литературы <...> Мифопоэтическая интерпретация “Медного всадника” и “Пиковой дамы” Пушкина, повестей Гоголя и романов Достоевского легла в основу многих произведений символистов, продолживших “петербургский текст” (термин В.Н. Топорова) русской литературы XIX века» (Корецкая И.В. Символизм // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). В 2 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. С. 692–693).

²⁶ См.: Магомедова Д.М. Модели писательских биографий как литературные универсалии... С. 11–19.

ре Михайловиче Достоевском»²⁷. Слияние апологетики и демонизации в образе писателя встречаем также в статьях С.Н. Булгакова («Иван Карамазов как философский тип», 1902; «Венец терновый», «Чрез четверть века», 1906; «Русская трагедия», 1914). Впрочем, нередки у авторов Серебряного века и однотонные вариации «неомифа Достоевского»: так, сугубо демоническая окраска присутствует в статьях «Безвременье» (1906) А.А. Блока, «Достоевский и революция» (1906) молодого Чулкова, книге В.В. Вересаева «Живая жизнь» (1911), апологетическая — в книгах А.Л. Волынского («Достоевский», 1906) и Волжского <А.С. Глинки> («Федор Михайлович Достоевский. Жизнь и проповедь», 1906) и др. Наиболее концентрированно «неомиф Достоевского» воплощён в известной характеристике Ю.И. Айхенвальда, включающей в себя такие черты, как психопатология, inferнальность, преступная аура, мощный стихийный динамизм, парадоксальное сочетание революционности и религиозных пророчеств²⁸.

Возвращаясь к проблемам биографики 1920-х гг., отметим, что Тынянов в статье «Литературный факт» (1924) объяснил произошедшую на рубеже XIX–XX вв. трансформацию биографического жанра — «динамизмом формы», которая извлекает новые жанровые «конструктивные принципы» из гуши «быта или личной жизни поэта» и выдвигает их «в самый центр литературы», делая «литературным фактом»²⁹. В статье «О литературной эволюции» (1927), проведя различие между «литературной личностью» Байрона и Г. Гейне и их реальной биографической жизнью, Тынянов, по сути дела, провозгласил именно первую подлинным объектом традиционных жизнеописаний³⁰.

Развитие и частичное преодоление высказанных точек зрения — в книге близкого Чулкову по работе в ГАХН Винокура, чьи мысли очевидно повлияли на биографический подход автора «Жизни Достоевского». В качестве объекта биографического исследования учёный выдвинул восходящее к «философии жизни» В. Дильтея понятие «личной жизни» как «единства, неразрывного и всегда присутствующего, в каком вся... мешанина наблюдений, фактов и догадок... дана

²⁷ Мережковский Д.С. I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. С. 26.

²⁸ См.: Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. Вып. II. М.: Научное слово, 1908. С. 91.

²⁹ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 255–269.

³⁰ См.: Там же. С. 270–281.

нам в истории»³¹. «Нет биографии внешней и внутренней», «биография *одна*, как едина жизнь, цельная и конкретная», личность же «основной стержень, вокруг которого располагаются все биографические материалы». «Личность — это и есть то, что живёт и без чего нет самой жизни», личность — величина «динамическая»³². Предметом изображения биографа становится, таким образом, «особое творчество в сфере личной жизни», «личная жизнь» как «произведение искусства», не сводимое ни к «системе нравственно-религиозных переживаний», ни к «сфере быта», ни к «душевной жизни... в психологическом смысле»³³. Так и в чулковской биографии Достоевского, где огромное место занимает религиозно-философское раскрытие личности писателя, не менее ярко представлены и её любовно-романические, общественно-политические, эстетические и др. грани.

Более того, чтобы стать, по мысли Винокура, «фактом биографии», исторический факт должен быть с необходимостью «пережит данной личностью»: «становясь предметом переживания, исторический факт получает биографический смысл»³⁴. Симптоматично, что в чулковской биографии Достоевского полностью отсутствует т.н. объективный исторический фон, столь характерный для марксистского биографического письма социально-исторический контекст, внутри которого вынужден действовать персонаж. Точкой отсчёта становится переживающая и «синтаксически (вовсе не эволюционно!)» разворачивающаяся личность Достоевского, «не привязанная... к отвлечённым высшим началам», но раскрывающая свой внутренний «сокровенный смысл»³⁵.

Свойственная персонажу биографии «особая жизненная манера», или «стиль», объединяет, по Винокуру, его переживания и поступки, определяя также и характер его творчества, поэтику произведений (характеры героев, «стилистический уклад речи», «характерные приёмы сюжетосложения» и т.д.). «Типичные формы авторского поведения откладываются на структуре поэмы...»³⁶. И вот у Чулкова сплошь и рядом источником сведений о переживаниях Достоевского становятся внутренние монологи его персонажей: Голядкина, Прохарчина,

³¹ Винокур Г.О. Биография и культура. М.: ГАХН, 1927. С. 18–19.

³² Там же. С. 26–27, 32.

³³ Там же. С. 9–10.

³⁴ Там же. С. 37.

³⁵ Там же. С. 34, 60.

³⁶ См.: Там же. С. 46–48, 81.

Ордынова, Аркадия Долгорукого, Мышкина... Причём биограф нередко доходит до полного психологического отождествления автора со своими героями в соответствующие моменты его жизни.

Заметен в чулковской биографии принципиальный отход от «неомифа Достоевского», бытовавшего в Серебряном веке. Солидная документальная основа, накопленная достоевковедением к 1930-м гг., избавила Чулкова от изображения «противоестественной помеси реакционера с террористом»³⁷. Сказалась и новая концепция биографического письма, впервые заявленная в получившей широкую известность книге Л. Стрэйчи «Знаменитые викторианцы» (1918). Главным здесь стали повышенное внимание к внутреннему миру и непредвзятый показ персонажа без всякого «глянца», избегая его критики или оценок.

Несомненной заслугой Чулкова стало преодоление не только символистской, но и фрейдистской и, наконец, марксистской мифологизации Достоевского. Вторая была представлена как отечественными, так и зарубежными исследованиями. Расцвет психоаналитической школы в Советской России приходится на 1921–1925 гг. и, применительно к литературоведению, в первую очередь связан с деятельностью И.Д. Ермакова³⁸. Среди психоаналитических работ о Достоевском можно назвать книгу А.А. Кашиной-Евреиновой «Подполье гения (Сексуальные источники творчества Достоевского)» (Пг.: Третья стража, 1923), статью П.С. Попова «“Я” и “Оно” в творчестве Достоевского» (*Сборник ГАХН*) и др. Последняя готовилась к печати при непосредственном участии Чулкова.

Из зарубежной психоаналитической литературы о Достоевском Чулков был, несомненно, знаком с переведённой на русский язык книгой Иолан Нейфельд «Достоевский: Психоаналитический очерк под ред. проф. З. Фрейда» (Л.; М.: Петроград, 1925), а также с немецкоязычной статьёй самого Фрейда «Достоевский и отцеубийство», напечатанной в качестве вступления к первой публикации рукописей «Братьев Карамазовых» в серии «Наследие Достоевского» в Германии (Мюнхен: Р. Пипер, 1928)³⁹.

³⁷ Мережковский Д.С. I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. С. 26.

³⁸ См., напр.: Ермаков И.Д. Этюды по психологии творчества А.С. Пушкина. М.; Пг.: Госиздат, 1923; Ермаков И.Д. Очерки по анализу творчества Гоголя (Органичность произведений Гоголя). М.; Пг.: Госиздат, 1923.

³⁹ См.: F.M. Dostojewski. Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente. Erläutert von W. Komarowitsch. München.: R. Piper, 1928.

Учитывал автор «Жизни Достоевского» и методологию современных ему эмигрантских исследований о писателе, а именно — семинария по изучению Достоевского при Русском народном университете в Праге, руководимого А.Л. Бемом. Сведения о его работе проникали в интеллигентские круги Советской России из библиографических обзоров и рецензий, иногда встречавшихся в советских журналах 1920-х гг., но в основном — благодаря личным контактам (например, переписке Бема с Т.А. Крюковой после её возвращения из Праги в Ленинград в 1926 г.)⁴⁰. Известно, что прочитанный Крюковой по приезду из Чехословакии доклад «произвёл глубокое впечатление» на посетителей нелегальных кружков «Братство преп. Серафима Саровского» и «Космическая академия наук»⁴¹, среди которых были десятки литературоведов. Ряд авторов пражских сборников «О Достоевском» 1929 и 1933 гг.: сам Бем, Н.Е. Осипов, Д.И. Чижевский, — отдавая дань фрейдистскому подходу, писали статьи с анализом бессознательных переживаний, сновидений, галлюцинаций, вытеснений, эротических сублимаций и т.п. в произведениях великого романиста⁴².

Однако внимание Чулкова к интимной жизни писателя (например, детальное воспроизведение его психофизических переживаний наедине с отказывавшей ему в близости А.П. Суловой; или вскрытие подоплёки несчастного брака с Марией Дмитриевной, будто бы таившейся в её непреодоленном женском влечении к молодому красивому мужчине, учителю Вергунову; или акцент на чувственной окраске его писем 1870-х гг. ко второй жене; и т.п.) нигде не приобретает тотального характера. Используя лишь элементы психоанализа личности Достоевского, ничуть не пытаясь втиснуть его в прокрустово ложе Эдипова комплекса или учения о либидо, за основу в своей биографии писателя Чулков взял совсем иной метод постижения столь сложного предмета исследования. Какой — будет сказано ниже.

То, что созданный Чулковым образ Достоевского совершенно не вписывался в марксистский миф об искреннем, но запутавшемся революционере-петрашевце, сподвижнике Белинского, собеседнике

⁴⁰ Подробнее см.: Магидова М. Материалы к истории литературных контактов А.Л. Бема 1920-х гг. (Письма А.С. Долинина и Т.А. Крюковой) // Достоевский и мировая культура: альманах. Вып. 19. СПб.: Серебряный век, 2003. С. 231–259.

⁴¹ См.: Тур. Пепел дубов: <фельетон> // Ленинградская правда. 1928. 14 июня. С. 3.

⁴² См., напр.: Бем А.Л. Драматизация бреда («Хозяйка» Достоевского) (1929), Осипов Н.Е. «Двойник. Петербургская поэма» Ф.М. Достоевского (Заметки психиатра) (1929); Чижевский Д.И. Достоевский-психолог (1932); и др.

Чернышевского и Герцена, сугубом радетеле за «униженных и оскорблённых» и ненавистнике самодержавного строя, сознавал прежде всего сам автор. В его «Предисловии»⁴³ к «Жизни Достоевского» книга названа «первой попыткой “прагматического” жизнеописания писателя», которую «отнюдь не следует рассматривать как опыт научного»⁴⁴ исследования жизни Достоевского. Автор — не марксист. Этим всё сказано. Однако биографический материал, неплохо в литературном отношении им обработанный, открывает перспективы социологического исследования, на которое сам автор, по-видимому, нисколько не претендует»⁴⁵. Очевидно, Чулков надеялся с помощью этого тактического приёма преодолеть «минное поле» советской цензуры.

Перечисленные особенности биографического подхода Чулкова стали объектом принципиальной критики первых рецензентов «Жизни Достоевского» в конце 1930-х — середине 1940-х гг. Причём если Б.М. Другов, по-видимому, убеждённо стоял на марксистских и антифрейдистских позициях, то Б.В. Томашевский, В.Я. Кирпотин и В.С. Любимова-Дороватовская настаивали на методологических «исправлениях», скорее заботясь о «проходимости» чулковского текста в советскую печать.

Стремясь издать свою книгу в СССР, Чулков не мог не пойти на некоторые компромиссы и, помимо сокращения «неудобных» эпизодов и рассуждений, допускал иногда явно идеологизированные пассажи. Так, например, в XLIX главе, воссоздавая окружение Достоевского в Петербурге 1870-х гг., он писал: «князь Мещерский, салонный беллетрист и неряшливый публицист, скоро сделавшийся откровенным реакционером и журнальным бесстыдником, раздражал Достоевского чрезвычайно; К.П. Победоносцев, этот неглупый, холодный и ядовитый человек, двусмысленно “полюбивший” Достоевского, старался цинично извлечь из него то, что ему было нужно для его политической стряпни <...> М.Н. Катков — тоже “союзник” — давно уж променял последние остатки либерального патриотизма на чечевичную похлёбку консервативного национализма... Все эти люди были заинтересованы в том, чтобы ставить палки в колёса свободному развитию страны по тем или другим мотивам». Сотрудники газеты

⁴³ Такой заголовок — в экз. РГАЛИ (Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 179. Л. 21); в Мп РГБ (Ф. 371 Г.И. Чулков. К. 8. Ед. хр. 1. С. II) заголовок «От издательства».

⁴⁴ «Научное» в этом контексте синоним марксистского, что было характерно для советского дискурса.

⁴⁵ РГБ. Ф. 371 Чулков Г.И. К. 8. Ед. хр. 1. С. III.

«Гражданин» в этой же главе саркастически названы «ревнителями национальной исключительности»⁴⁶. А сочувствие Достоевского революционерам иногда нарочито педалировалось, как будто с целью компенсировать «порочащие» писателя великосветские знакомства 1870-х гг.: так, делаясь с собеседником планами продолжения «Братьев Карамазовых», романист «сказал, что напишет ещё один роман, где героем будет опять Алёша Карамазов. Он хотел его провести через монастырь и сделать революционером <...> Какой странный замысел для посетителя великокняжеских салонов!»⁴⁷

Известно, что утвердившееся в СССР к началу 1930-х гг. марксистское биографическое письмо исходило из представления о второстепенном, подчинённом значении личности в истории, которая будто бы творилась массами, действовавшими в соответствии с открытым К. Марксом и Ф. Энгельсом законом исторического развития — неизбежностью последовательной смены общественно-экономических формаций: феодализма, капитализма на пути к коммунизму... С такой позиции биография лишалась самодостаточной ценности, взамен приобретая воспитательную, пропагандистскую и научно-популярную функции. Запуская в 1934 г. серийный проект «Жизнь замечательных людей», А.М. Горький мечтал о преображении страны благодаря воспитанию новых поколений на положительном примере выдающихся людей, вобравших в себя волю масс; в их биографиях подчёркивались социально значимые моменты.

Ничего подобного в чулковской «Жизни Достоевского», писавшейся параллельно первым выпускам горьковской биографической серии⁴⁸, не было. При этом сам автор считал её одним из наиболее значительных своих произведений, о чём оставил запись в тайном дневнике «Откровенные мысли» (1935–1938)⁴⁹. Здесь же — отзывы о характере книги и мысли о значении Достоевского: «Не все понимают, что романы Достоевского — апология христианства»⁵⁰; «В моей

⁴⁶ ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 68. С. 303–304.

⁴⁷ Там же. С. 369.

⁴⁸ См., напр.: Шторм Г.П. Ломоносов (1933), Каменев Л.Б. Чернышевский (1933), Воронский А.К. Желябов (1934), Эльсберг Я.Е. Салтыков-Щедрин (1934), Штрайх С.Я. Ковалевская (1935), Эльсберг Я.Е. А. Михайлов (1935); Вальбе Б.С. Помяловский (1936); и мн. др.

⁴⁹ См.: РГБ. Ф. 371 Чулков Г.И. К. 2. Ед. хр. 1. Л. 7; Чулков Г. Откровенные мысли / Предисл., публ. и коммент. Н.Ю. Грякаловой // Писатели символистского круга. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 469.

⁵⁰ Там же. Л. 95; Писатели символистского круга... С. 484.

книге о Достоевском я говорю... об его главной мифологеме <...> Для него и для меня эта мифологема есть выражение живой и абсолютной Истины»⁵¹.

«Книга о жизни Достоевского, подготовленная мною к печати, представляет тот же биографически-повествовательный жанр, коим я пользовался, когда писал мои книги “Жизнь Пушкина”⁵², “Императоры”⁵³ и “Мятежники”⁵⁴. Решительно избегая всяких беллетристических вольностей, я точные фактические сообщения сочетаю с занимательным рассказом», — признавался Чулков в черновом наброске «О плане книги “Жизнь Достоевского”»⁵⁵.

«Жизнь Пушкина» в «Откровенных мыслях» названа «духовной биографией» поэта, и оба великих персонажа чулковских жизнеописаний сближены по одному признаку — за «многоцветьем» мира они угадывали «плерому»⁵⁶ как “полноту наполняющего всё во всё”»⁵⁷.

Подлинную концепцию обеих биографий и своё отношение к господствующей в СССР идеологии автор передал в записи от 30 марта 1937 г.: «В связи со столетием со дня смерти Пушкина не раз с укоризной вспоминали о Достоевском, который, мол, проповедывал смирение <...> Невежественные болтуны воображают, что под смирением Достоевский разумел слепую покорность графу Бенкендорфу или что-то вроде этого. Но Достоевский понимал смирение так же, как Блез Паскаль. Смирение — величайшая духовная сила, предельная победа над врагом, апофеоз борьбы. Дурак всегда петушится. Мудрец “смирится”, то есть отказывается от бесплодных усилий страсти»⁵⁸.

Современная исследовательница справедливо обращает внимание на автобиографический субстрат «Жизни Достоевского»: «за устойчивой сюжетной схемой, взятой писателем за основу повество-

⁵¹ Там же. Л. 56; Писатели символистского круга... С. 477.

⁵² Чулков Г.И. Жизнь Пушкина. М.: Художественная литература, 1938. 340 с.

⁵³ Чулков Г.И. Императоры: Психологические портреты. М.: Госиздат, 1928. 367 с.

⁵⁴ Чулков Г.И. Мятежники 1825 года. М.: Современные проблемы, 1925. 298 с.

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 179. Лл.1–2.

⁵⁶ Плерóма (греч. πλῆρομα, наполнение, полнота, множество) — термин в греческой философии, одно из центральных понятий в гностицизме, обозначающее божественную полноту. В Новом Завете «вся полнота Божества телесно» обитает во Христе (Кол. 2: 8–9).

⁵⁷ РГБ. Ф. 371 Чулков Г.И. К. 2. Ед. хр. 1. Л. 20; Писатели символистского круга... С. 471.

⁵⁸ Там же. Лл. 39–41; Писатели символистского круга... С. 474.

вательного движения» в биографиях Пушкина и Достоевского, угадывается «собственный опыт религиозного становления» Чулкова; «внешняя событийная канва... лишь оболочка внутреннего сюжета, повествующего о путях духовного развития личности, кульминационной точкой которого становится момент духовного прозрения героя — восприятие им мира как положительного всеединства» в духе философии Вл.С. Соловьева, приверженцем которой «последний символист» оставался до конца жизни⁵⁹.

«Своё понимание художественного метода Достоевского Чулков пояснил во вступлении (впоследствии сокращённом) к IV главе повести “Вредитель”: “<...> я ведь не обещал своим читателям, что у меня всё будет благополучно в отношении композиции. Пусть в этом пункте у меня будет некоторый изъян, зато я выигрываю на реализме, то есть, разумеется, не на глупеньком псевдореализме, который нужен бездарностям, а на том “реализме в высшем смысле”, без которого всё летит к черту на рога”⁶⁰»⁶¹. А в дневниковой записи от 2 февраля 1935 г. читаем: «В Большой советской энциклопедии сказано, что в книге “Покрывало Изида” я стоял на субъективно-идеалистической точке зрения. Книга эта незрелая и о ней не стоило бы вообще говорить, но и тогда уже я не руководствовался субъективно-идеалистическим мирозерцанием. И тогда уже я склонялся к “реализму в высшем смысле”. А ведь это совсем иное»⁶². Именно стремление к «реализму в высшем смысле»⁶³, или «христианскому реализму»⁶⁴, определило подход Чулкова-биографа к воссозданию облика великого писателя.

⁵⁹ См.: Грякалова Н.Ю. «Тайная свобода» последнего символиста (Георгий Чулков в 1930-е годы) // Грякалова Н.Ю. Человек модерна: Биография — рефлексия — письмо. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 362.

⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 121.

⁶¹ Михайлова М.В. «Бесы» Ф.М. Достоевского в художественном освоении и теоретическом осмыслении Г.И. Чулкова // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: Традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф.М. Достоевского. М.: Водолей, 2013. С. 291.

⁶² РГБ. Ф. 371 Чулков Г.И. К. 2. Ед. хр. 1. Л. 6; Писатели символистского круга... С. 469.

⁶³ «Реализм в высшем смысле» (самоназвание творческого метода Достоевского) — это «воссоздание реального мира в предельно объёмном физическом и метафизическом измерении и изображение личности в максимально возможной онтологической глубине» (Степанян К.А. Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского. СПб.: Круга, 2010. С. 17).

⁶⁴ «Христианский реализм — это реализм, в котором жив Бог, зримо присутствие Христа, явлено откровение Слова (курсив автора — О.Б.)» (Захаров В.Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. С. 175).

Размышляя о судьбах русской интеллигенции в условиях СССР 1920-х гг., Г.П. Федотов отметил парадоксальное, на первый взгляд, явление — «расцвет церкви и православного быта. Кто же в России ходит в церковь?» Совсем не простой народ, поддавшийся соблазнам «атеизма и американизма». «Уже сразу бросается в глаза... как много в храмах бывшей интеллигенции. <...> Воочию видишь: наконец-то поколения “святых, неверующих в Бога” нашли своего Бога и вместе с Ним нашли себя. Вековой маскарад кончился. Интеллигенция влилась в основное русло великой русской культуры, уже начавшей своё оцерковление с конца XIX века». Возможно, по мысли философа, «в этой точке рождается новая интеллигенция, с новым отрывом от народа, переменявшаяся с ним ролями: народ отрывается от исторической почвы, интеллигенция хранит религиозное сознание?» И так, «отныне религиозное и национальное сознание России может строиться только в работе этой новой церковной интеллигенции: не на этнографических пережитках, а на идее-символе»⁶⁵. Такими «символами», точками кристаллизации обновлённой и в то же время укоренённой в исторической глубине русской ментальности, стали образы создателей великой литературы России — Пушкина, Тютчева, Достоевского...

Архивные находки убедительно свидетельствуют о том, что в годы написания книги «Жизнь Достоевского» Чулков — глубоко верующий православный христианин, близкий к потаённой церковной и монастырской жизни. Так, он посещал закрытую Советской властью Оптиную пустынь, писал в 1925 г. последнему её старцу Нектарию (см. воспоминания Н.Г. Чулковой⁶⁶), был «добрым знакомым» выдающегося деятеля «катакомбной» церкви М.А. Новосёлова⁶⁷. Неудивительно, что трактовка личности и творчества Достоевского в его биографическом исследовании дана в религиозном ключе. Правда, по условиям советской печати, это было сделано почти незаметно, без прямых деклараций, путём умелого монтажа биографического материала, в подтексте, предоставляя слово эпистолярным и мемуарным свидетельствам. Так, в условиях атеистической цензуры, Чулков хотел донести до советского читателя подлинного, как он его понимал, Достоевского — великого подвижника Христовой веры.

⁶⁵ Богданов Е. <Г.П. Федотов>. Трагедия интеллигенции // Вёрсты. Париж, 1927. № 2. С. 182–183.

⁶⁶ РГБ. Ф. 371 Чулков Г.И. К. 6. Ед. хр. 1. Лл. 188–189.

⁶⁷ См.: Григорий, еп. РПАЦ <В.М. Лурье>. Жития радикальных святых: Кирилл Белозерский, Нил Сорский, Михаил Новосёлов. М.: Эксмо, 2014. С. 139.

Как отмечено в справке «От составителя» к настоящему изданию, текст «Жизни Достоевского» сохранился в двух основных редакциях: машинописи РГБ и машинописи ИМЛИ, последняя из которых хранит следы значительной автоцензурной правки. Чулков, стремившийся провести своё произведение в печать, успел отреагировать только на прижизненную рецензию Другова (?), внося соответствующую его основным замечаниям правку, — поэтому среди сокращённых пассажей «Жизни Достоевского», помимо мест о революционерах-демократах и любовных романах писателя, встречаем немало отступлений на религиозно-философские темы.

Приведём некоторые примеры сокращений варианта ИМЛИ по сравнению с вариантом РГБ. Так, в главе XXXV основного текста зачёркнут абзац: «Итак, по признанию самого Достоевского, несколько не вынужденному, сообщённому в откровенном письме к брату, смысл его “Записок из подполья” не в “богохульном” отрицании всех моральных начал, а во внутренней необходимости победить во что бы то ни стало всё это “глумление над всем” положительною верою во Христа»⁶⁸; в главе XLIII основного текста, где рассказывается о состоянии Достоевского во время первых родов Анны Григорьевны в 1867 г., было: «Он или сидел в глубокой задумчивости, закрыв лицо руками, или стоял на коленях перед иконою и молился», а стало после правки: «Он или сидел в глубокой задумчивости, закрыв лицо руками, или молился»⁶⁹.

Особенно много сокращений и исправлений, камуфлирующих религиозную позицию автора «Жизни Достоевского», — в его «Примечаниях» к основному тексту биографического исследования, где звучат прямые оценки, суждения, мнения Чулкова. Так, например, в «Примечаниях» к V главе, комментируя слова юного Достоевского в письме к брату Михаилу от 1 января 1840 г. о том, что «в Илиаде Гомер дал всему древнему миру организацию и духовной, и земной жизни, совершенно в такой же силе, как Христос новому», Чулков первоначально поместил собственное соображение: «Это рассуждение восемнадцатилетнего юноши, столь ещё незрелое, не заключает в себе, однако, ничего “антихристианского”, ибо даже с точки зрения “верующего христианина” изучение “мифологемы” о Христе в плане истории культуры вовсе не исключает и другого внутреннего отношения к той же теме»⁷⁰, — но в результате правки полностью убрал его.

⁶⁸ ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 68. С. 206.

⁶⁹ Там же. С. 271.

⁷⁰ РГБ. Ф. 371 Чулков Г.И. К. 8. Ед. хр. 1. С. 398.

А вот удалённая после правки полемика с А.С. Долининым в «Примечаниях» к XXXII главе: «Достоевский — по мнению А.С. Долинина — смотрел глазами Герцена на западную буржуазию и так же, как он, возлагал надежду на развитие русской крестьянской общины. С другой стороны, он ценил реформу Петра и в 1861 и 1862 годах вёл полемику со славянофилами, осуждая их за высокомерную оценку нашей культуры и литературы петербургской эпохи. То, что Герцен был пессимист и атеист, а Достоевский — христианин, — А.С. Долинину кажется неважным. “Мы уверены, — пишет А.С. Долинин, — что Достоевский далеко не исчерпывается одним христианством, что это было бы величайшей узостью видеть в его воззрениях только православие: мистическое или этическое, безразлично”... Долин. I, стр. 318⁷¹»⁷².

Неудивительно, что в «Откровенных мыслях» 1935 г. Чулков высказался о долининской безрелигиозной интерпретации Достоевского ещё резче: «Академия наук распорядилась поставить свою визу на книге Долинина “Достоевский. — Материалы”⁷³. Это — *Urgestalt*⁷⁴ “Братьев Карамазовых”. Всё бы неплохо, но вступительная статья — предел умственной импотенции. И по обыкновению “Сон смешного человека” трактуется, как преклонение Достоевского перед безбожным социализмом. Всё вверх ногами. И как можно понять Достоевского, не зная вовсе ни Христа, ни видений Патмоса? <...> Важно то, что он осязал плерому — вот он — реализм в высшем смысле»⁷⁵.

Симптоматично, что временные обозначения в «Жизни Достоевского», как правило, соотнесены с православным церковным календарём: о пожаре в Даровом родители Достоевского узнали «на третий день Пасхи», в Сибирь писателя отправили «как раз накануне Рождества», с Анной Григорьевной он уехал в Москву «на пятой неделе поста» и т.д. Очевидно, что этим Чулков стремится передать самоощущение писателя, который, к примеру, отмечал в письме к Сусловой: «Выехал из Петербурга в страстную пятницу (кажется, 14 апреля)...»⁷⁶,

⁷¹ Долинин I. С. 318.

⁷² РГБ. Ф. 371 Чулков Г.И. К. 8. Ед. хр. 1. С. 448–449.

⁷³ Имеется в виду: Ф.М. Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. А.С. Долинина. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Здесь впервые в оригинале были опубликованы рукописи «Братьев Карамазовых».

⁷⁴ Первообраз (нем.)

⁷⁵ РГБ. Ф. 371 Чулков Г.И. К. 2. Ед. хр. 1. Лл. 9–11; Писатели символистского круга... С. 469–470.

⁷⁶ Цит. по: ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 68. С. 249.

и помещает все события его жизни в циклическое христианско-мифологическое время, символизирующее вечность.

В предреволюционные годы Чулков, однако, был довольно далёк от традиционного церковного православия, хотя, в силу своей принадлежности к символистским кругам (близкому знакомству с Мережковскими, Вяч.И. Ивановым, Н.А. Бердяевым, участием в Петербургском религиозно-философском обществе и т.д.), живо интересовался вопросами веры. Религиозно-философские идеи Серебряного века, отразившиеся в биографическом исследовании Чулкова, — это мысли Мережковского о Достоевском — «тайновидце духа»⁷⁷ и «пророке» «религиозной революции»⁷⁸, Иванова — о романе-трагедии⁷⁹ и о христианском отношении к земле, «Святой Руси»⁸⁰; Бердяева — о «художественных откровениях о человеке» и «человеческой бездонности» у Достоевского⁸¹; и др. Правда, по условиям подцензурного советского издания, — без ссылок на источники (все три названных мыслителя в 1930-е гг. находились в эмиграции). Отзвуки неприятия «исторического христианства» звучат, к примеру, в следующих строках «Жизни Достоевского»: «Хотелось какой-то духовной помощи. Но где её найти? Не в этих же “попах”, с какими довелось встретиться Достоевскому за границей и здесь, в казённой обстановке официального благочестия. Хороши ирмосы и тропари, хороша древняя литургия, но исполнители! ... Лучше бы вовсе не видеть этих ожиревших распутных архиереев и столичных “красноречивых” батюшек»⁸². Или в характеристике оптинского старца Амвросия, будто бы неспособного понять «бурь в душе» Достоевского: «Монах был связан полуторатысячелетним существованием так называемой “христианской” государственности. Он думал, что он живёт, как “у Христа за пазухой”. Он вместе со всею историческою церковью отказался от вме-

⁷⁷ Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский (1901–1902) // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 140.

⁷⁸ Мережковский Д.С. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского) (1906) // Мережковский Д.С. Собрание сочинений. Грядущий Хам. М.: Республика, 2004. С. 146–150.

⁷⁹ Иванов В.И. Достоевский и роман-трагедия (1911) // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 287–289.

⁸⁰ Иванов В.И. Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского (1917) // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 316–317, 318–320.

⁸¹ Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // Русская мысль. 1918. № 3–6. С. 46, 61.

⁸² ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 68. С. 352.

шательства в “общее дело”»⁸³. Однако в то же время очевиден отказ автора «Жизни Достоевского» от утопическо-хилиастической веры в «Царство Божие на земле», характерной для проповедников «нового религиозного сознания»: его герой, «подобно многим хилиастам и до него бывшим, спутал в своём гениальном бреде “тысячелетнее царство”, приснившееся величайшему поэту Патмоса⁸⁴, с нашей исторической действительностью <...> падшую петербургскую монархию он мечтал преобразить в сказочное крестьянское царство <...>, но... не хотел “верить своим глазам”, когда перед ним развёртывалась картина потрясённого мира, не исключая и русской империи»⁸⁵.

Биографическое исследование Чулкова «Жизнь Достоевского» имеет несомненную ценность для науки о писателе, являясь первой его полноценной художественной биографией, стоящей на прочном научном фундаменте. Самое раннее осознание этого задания можно отнести ещё к 1906 г. Оно было вызвано, как нам представляется, полемическим контекстом вокруг вступительной статьи к Юбилейному (6-му) Полному собранию сочинений писателя⁸⁶. Известно, что А.Г. Достоевская, стремясь получить для этого издания адекватный биографический очерк жизни и деятельности своего мужа, последовательно обращалась к Мережковскому, С.И. Смирновой (Сазоновой) и С.Н. Булгакову, чья статья и была напечатана вдовой писателя, несмотря на неудовлетворённость её содержанием, из-за невозможности долгие откладывать выход 1-го тома.

В декабре 1906 г. в отклике на появление 6-го и 7-го Полных собраний сочинений Достоевского Волжский <А.С. Глинка> заметил по поводу вступительных статей Булгакова (помещённой в 1 томе) и Мережковского (отклонённой Анной Григорьевной), что «классические издания собраний сочинений Достоевского» нуждаются не в публицистической статье, а в «филологическом по преимуществу», «строго научном, хотя бы и более сухом вступлении»⁸⁷, поставив тем

⁸³ Там же. С. 356.

⁸⁴ Имеется в виду автор Апокалипсиса св. Иоанн Богослов, имевший божественное откровение на о. Патмосе в Эгейском море.

⁸⁵ ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 68. С. 382.

⁸⁶ См.: Булгаков С.Н. Чрез четверть века (1881–1906): Очерк о Ф.М. Достоевском // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 14 т. Юбилейное (6-е) изд. Т. 1. СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1906. С. III–XL.

⁸⁷ Волжский <А.С. Глинка>. Памяти Ф.М. Достоевского // Московский еженедельник. 1906. № 40. 23 декабря; Критическое обозрение. 1907. Вып. 1.

самым задачу создания научной биографии писателя. Симптоматично, что о том же писал в 1907 г. и библиограф А.Г. Фомин в связи с выходом «Библиографического указателя...» А.Г. Достоевской⁸⁸: «Достоевский — крупная величина нашей литературы. Между тем у нас до сих пор его деятельность и творчество не изучены в достаточной степени, мы не имеем даже хорошей его биографии. Составить последнюю до настоящего времени представляло большую трудность, отсутствие библиографического указателя стесняло работу, приходилось разыскивать те или иные издания, затрачивать много времени на предварительные библиографические изыскания»⁸⁹.

Впервые это задание смогло осуществиться, после многих попыток других авторов, только под пером Чулкова во второй половине 1930-х гг.⁹⁰ Условием возникновения первой полной научно-художественной биографии Достоевского⁹¹ стали многолетние усилия исследователей его творчества в 1910–1930-е гг.

Во-первых, только во второй половине 1920-х гг. появилось первое научное издание сочинений Достоевского (тексты которого были напечатаны по прижизненным публикациям и сверены с другими вариантами), снабжённое солидным научно-справочным аппаратом (примечаниями, библиографическими статьями, библиографическим списком изданий Достоевского и литературы о нём, именным указателем и т.д.); в него было включено большое количество атрибутированных (из прижизненной печати) и вновь открытых (из национализированных Советской властью архивов) текстов Достоевского⁹².

Во-вторых, к 1934 г. уже был издан основной корпус писем Достоевского (три тома из четырёх)⁹³.

⁸⁸ См.: **Библиогр. указатель.**

⁸⁹ Фомин А.Г. А.Г. Достоевская. Библиографический указатель... [Рец.] // Исторический вестник. 1907. № 3. С. 1052–1054.

⁹⁰ Его неопубликованное исследование «Жизнь Достоевского» (ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 68; РГБ. Ф. 371. К. 8. Ед. хр. 1; РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 178) впервые печатается в настоящем издании.

⁹¹ Книгу Л.П. Гроссмана «Путь Достоевского» (Л., 1924) всё же нельзя считать первой реализацией этого жанра, так как сам её автор «не ставил себе строго биографических задач» и «стремился дать синтетический очерк духовного роста Достоевского на фоне его личных впечатлений, встреч, увлечений, дружб, чтений и общих условий его трудного жизненного пути» (с. 7).

⁹² См.: **ПСХП.**

⁹³ См.: **Письма I, Письма II, Письма III.** Последний, IV-й, том появился только в 1959 г.

В-третьих, в течение 1920-х гг., в дополнение ко второму изданию сборника В.Е. Чехихина-Ветринского «Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах» (М., 1923), в печати одно за другим появились объёмные мемуарные свидетельства Л.Ф. Достоевской, А.Г. Достоевской, А.П. Сусловой, А.М. Достоевского⁹⁴ и др., ставшие важнейшим источником ранее неизвестных биографических сведений о писателе.

Наконец, в 1935 г. Л.П. Гроссманом была выпущена в свет книга «Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. Биография в датах и документах», написанная в жанре «летописи жизни и творчества русских писателей», выработанном в издательстве «Academia»⁹⁵. Такая «фактическая сводка биографических материалов, расположенных в хронологическом порядке», стала необходимой основой для написания «исчерпывающего труда о жизни, личности и творчестве Достоевского»⁹⁶ во второй половине 1930-х гг.

Биографика Достоевского — малозатронутая сфера науки о писателе⁹⁷. Тем интереснее и важнее становится задача выстроить ряд имеющихся биографических исследований о Достоевском, сопоставить их и определить место в этом ряду утерянного до времени звена — биографии, написанной Чулковым. Так, в восприятии разных людей и эпох, предстаёт перед нами многогранный образ великого писателя. Подобно пушкинской, толстовской и некоторым другим, биография Достоевского стала одним из важнейших текстов-мифов русской культуры. Ведь «гений — это “мы”»: в своём, так сказать, пределе <...> Постичь биографию гения — и для отдельного человека, и для целой нации есть акт **самопознания**⁹⁸. Более того, в связи с

⁹⁴ См.: Достоевская Л.Ф., Достоевская А.Г., Сулова А.П., Достоевский А.М.

⁹⁵ Гроссман Л.П. Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. Биография в датах и документах. М.; Л.: Academia, 1935. 382 с.

⁹⁶ Там же. С. 7.

⁹⁷ Нам известны единичные аналитические работы по этой теме, напр.: Гиль О.Л. Биография Достоевского в контексте современности // Вестник Омского университета. 2012. № 1 (63). С. 252–256; Петрова Ю.В. Образ «великого писателя» в неклассической биографической парадигме: биографии Ф.М. Достоевского конца XIX века // Вестник Омского университета. 2012. № 1 (63). С. 268–270; Ляху В.С., Лобанов И.В. Старый новый «Достоевский» перед лицом XXI века // Достоевский и современность: Материалы XXVII Международных Старорусских чтений 2012 года. Великий Новгород, 2013. С. 291–299.

⁹⁸ Волгин И.Л. Родные и близкие: Историко-биографические очерки // Хроника рода Достоевских; Волгин И.Л. Родные и близкие: историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 1130.

недавним выходом на экраны телевизионного сериала режиссёра В.И. Хотиненко «Достоевский» (2011), проблема биографии писателя приобрела уже интермедийальный характер. В интервью «Российской газете» Б.Н. Тихомиров справедливо заметил, что, несмотря на ряд режиссёрских удач Хотиненко, в сценарии Э.Я. Володарского, по которому поставлен фильм, «Достоевский интересует автора исключительно как каторжник, эпилептик, азартный игрок и сексуально озабоченный тип»⁹⁹. Вот такой новой, китчево-низовой, мифологизации личности и жизненного пути Достоевского следует в наше время опасаться больше всего. На этом фоне обращение к традиции *качественного* литературного жизнеописания становится особенно актуальным.

Итак, вернёмся к списку литературных биографий писателя, который начинается «Материалами к жизнеописанию Ф.М. Достоевского» О.Ф. Миллера и «Воспоминаниями» Н.Н. Страхова, написанными в 1883 г.¹⁰⁰, и заканчивается на сегодняшний момент — книгой Л.И. Сараскиной 2011 г. в серии «ЖЗЛ»¹⁰¹. Между этими полюсами — разного объёма и подхода исследования, расположенные в хронологическом порядке, — Д.В. Аверкиева, К.К. Случевского, В.В. Розанова, Д.С. Мережковского, Е.А. Соловьёва, Волжского <А.С. Глинка>, В.П. Свенцицкого, В.В. Вересаева, В.Ф. Перверзева, Л.П. Гроссмана, Ю.И. Селезнёва¹⁰². Нельзя также не отметить историко-биографических исследований И.Л. Волгина, хотя и посвящённых отдельным периодам жизни Достоевского, но в совокупности

⁹⁹ Российская газета. 2011. 2 февр.

¹⁰⁰ См.: **Материалы 1883**.

¹⁰¹ См.: Сараскина Л.И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011. 825 с. — Серия «Жизнь замечательных людей».

¹⁰² См.: Аверкиев Д.В. Краткий очерк жизни и писательства Ф.М. Достоевского // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 1. СПб., 1886. С. 1–31; Случевский К.К. Достоевский (Очерк жизни и деятельности) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 12 т. Изд. 4-е. Т. 1. СПб., 1892. С. I–XII; Розанов В.В. Ф.М. Достоевский (Критико-биографический очерк) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб.: Изд-е А.Ф. Маркса, 1894. Т. 1. С. V–XXIV; Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский (1901–1902) // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 45–61; Соловьёв Е.А. Ф. Достоевский. Его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк. СПб., 1891. 96 с.; Волжский <А.С. Глинка>. Достоевский. Жизнь и проповедь. М., 1906. 80 с.; Свенцицкий В. Жизнь Достоевского. М.: Народное изд-во, 1911. 78 с.; Вересаев В. «Человек проклят» (О Достоевском) // Вересаев В. Живая жизнь. Часть 1. О Достоевском и Льве Толстом. М., 1911. С. 5–74; Гроссман Л.П. Путь Достоевского Л.: Брокгауз и Ефрон, 1924. 238 с.; Перверзев В.Ф. Ф.М. Достоевский. М.; Л.: ГИЗ, 1925. С. 3–19; Гроссман Л.П. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1963. 543 с.; Селезнёв Ю.И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1981. 543 с.

складывающихся практически в полное жизнеописание¹⁰³. Важный вклад в биографику автора «Братьев Карамазовых» внесли также беллетризованные и справочно-энциклопедические публикации С.В. Белова¹⁰⁴. Качественно новой ступенью изучения биографии великого писателя, по сравнению с аналогичным по задачам изданием Гроссмана 1935 г., стала трехтомная «Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского», подготовленная в Пушкинском Доме¹⁰⁵.

Имя Чулкова следует поставить в этом ряду между небольшой биографической главкой в книжке Переверзева 1925 г., написанной в социологическом ключе, и объёмной книгой Гроссмана 1962 г., вышедшей в серии «ЖЗЛ». Необходимо добавить, что в 1947 г. в Париже вышла биография Достоевского, написанная К.В. Мочульским¹⁰⁶. Как и чулковская, она несколько десятилетий была практически неизвестна на родине. Но сейчас, после возвращения российскому читателю исследований Чулкова и Мочульского, уже очевидно, что сорокалетний промежуток в русской биографике Достоевского на самом деле не существовало.

Качественный скачок в этой области, безусловно, впервые совершён Чулковым. Вполне возможно, что в неопубликованной машинописи его исследование стало известно Гроссману, в 1920-е гг. учёному секретарю Литературной секции ГАХН, с которым Чулкова в 1930-е гг. связывали дружеские отношения (см. воспоминания Н.Г. Чулковой¹⁰⁷). В середине 1940-х гг. машинопись «Жизни Достоевского» прочёл в качестве рецензента В.Я. Кирпотин, будущий автор этапной для советского достоевковедения книги «Разочаро-

¹⁰³ См.: Волгин И.Л. Последний год Достоевского. Исторические записки. Изд. 2-е, доп. М.: Советский писатель, 1991. 544 с.; Волгин И.Л. Родиться в России. Достоевский и современники: Жизнь в документах. М.: Книга, 1991. 605 с.; Волгин И.Л. Пропавший заговор. Достоевский и политический процесс 1849 г. М.: Либерея, 2000. 704 с.; Волгин И.Л. Родные и близкие: Историко-биографические очерки // Хроника рода Достоевских; Волгин И.Л. Родные и близкие: историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 961–1167.

¹⁰⁴ См., напр.: Белов С.В. Жена писателя. Последняя любовь Достоевского. М.: Советская Россия, 1986. 208 с.; Белов С.В. Федор Михайлович Достоевский: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1990. 207 с.; Белов С.В. Ф.М. Достоевский и его окружение: Энциклопедический словарь: В 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1. 573 с. Т. 2. 541 с.

¹⁰⁵ См.: Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. 1821–1881: В 3 т. / Под ред. Н.Ф. Будановой и Г.М. Фридляндера. СПб.: Академический проект, 1993–1995. Т. 1. 540 с. Т. 2. 588 с. Т. 3. 614 с.

¹⁰⁶ См.: Мочульский К.В. Достоевский. Жизнь и творчество // Мочульский К.В. Гоголь. Соловьёв. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 219–549.

¹⁰⁷ РГБ. Ф. 371 Чулков Г.И. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 197.

вание и крушение Родиона Раскольникова»¹⁰⁸, где сравнительно много внимания уделено христианству Достоевского. Так что чулковская биография, по-видимому, не канула бесследно, но сыграла свою скрытую, подземную роль в советско-российской науке о великом писателе, в росте и развитии столь расцветшего ныне в России христианско-аксиологического подхода к его личности и творчеству.

Особенностью книги Чулкова, отличающей её от более поздних биографий Достоевского, является *сугубая* биографичность, отсутствие развёрнутого литературоведческого анализа произведений писателя и широкого исторического фона, чем и объясняется сравнительно небольшой объём этого исследования. Вслед за *жизнеописанием* автора «Братьев Карамазовых» Чулков создал ещё одну книгу — «Как работал Достоевский», в которой, в отличие от «Жизни Достоевского», «ставил себе следующие цели: во-первых, ознакомление читателя с краткой историей текста художественных произведений писателя; во-вторых, дать по возможности полную сводку высказываний самого Достоевского об его повествовательных опытах; в-третьих, сообщить мои наблюдения над писательской техникой художника и отметить психологические мотивы этой техники; в-четвёртых, выяснить основы поэтики Достоевского, поскольку она зависела от биографических и социальных условий его писательского труда»¹⁰⁹. Понятно, что всё вышеперечисленное в книге о *жизни* Достоевского должно было отсутствовать по самому её замыслу: «Моя книга — биография по преимуществу, а не историко-литературная и тем менее критическая работа о Достоевском. Однако я не могу умолчать ни об одном значительном его произведении, так как все его романы освещают историческую обстановку и, с другой стороны, ею определяются»¹¹⁰.

К непреходящим достоинствам чулковской биографии Достоевского относится то, что написана она не только учёным, но писателем и поэтом — талантливым, тонким художником слова. Это было отмечено ещё первыми рецензентами «Жизни Достоевского» в середине 1940-х гг. Так, В.С. Любимова-Дороватовская писала: «В своей книге Чулков пошёл по особому пути. Это... художественная биография, — написанная художником, цель которой дать прежде всего

¹⁰⁸ Кирпотин В.Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова (Книга о романе Достоевского «Преступление и наказание»). М.: Советский писатель, 1970. 447 с.

¹⁰⁹ См.: Чулков Г.И. Как работал Достоевский. М.: Советский писатель, 1939. С. 3.

¹¹⁰ Чулков Г.И. О плане книги «Жизнь Достоевского» (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 179. Л.1).

образ писателя, раскрыть характер и смысл его своеобразной и ещё во многом неразгаданной личности»¹¹¹. Солидарна с таким восприятием и М.В. Михайлова¹¹². Действительно, под пером автора известных символистских романов «Сатана», «Серёжа Нестроев», «Метель», художественно значительных сборников рассказов «Люди в тумане», «Посрамлённые бесы», «Вечерние зори» возникает неоднозначный, волнующий и в то же время документально достоверный образ одного из самых непостижимых людей, когда-либо живших на земле.

Художественно убедительный, живой, незавершённый и неуспокоенный образ писателя в чулковской биографии лишён как не всегда оправданной апологетики, так и романтизированной демонизации — крайностей, характерных для восприятия Достоевского на рубеже XIX–XX вв., которым в молодости отдал дань и сам автор.

Достаточно обратиться к главам, повествующим о приезде Достоевского в июне 1880 г. в Москву на торжества по случаю открытия памятника Пушкину. Опираясь на письма писателя к оставшейся в Старой Руссе жене, с одной стороны, и воспоминания слушателей знаменитой «Пушкинской речи» Достоевского в зале Благородного собрания — с другой, Чулков с редким тактом соединил в авторе «Братьев Карамазовых» величие писателя-пророка и мелкие страсти человека с неудовлетворённым самолюбием. Он не сглаживал контрастов, не сводил всё в личности великого человека к некоему общему знаменателю, не создавал образца для подражания, не морализировал и не оценивал. Достоевский на страницах чулковской книги отнюдь не во всех жизненных ситуациях предстаёт в привлекательном виде: вспомним о «ротшильдовских» планах молодого писателя в 1840-е гг. и о его поведении в ситуации «травли» бывшими друзьями и поклонниками из кружка Белинского; о заграничном путешествии с Суловой на фоне страданий умирающей жены в начале 1860-х гг.; об унижительной страсти к рулетке в годы скитаний по Европе; и т.п. Чулковский образ Достоевского нередко строится как будто в соответствии со знаменитыми пушкинскими строками:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,

¹¹¹ ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 68. Л. 11.

¹¹² См.: Михайлова М.В. «Бесы» Ф.М. Достоевского в художественном освоении и теоретическом осмыслении Г.И. Чулкова // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф.М. Достоевского. М.: Водолей, 2013. С. 281.

В заботах суетного света
Он малодушно погружён...
(«Поэт», 1827)

Как во всякой художественной прозе, большую роль в «Жизни Достоевского» играет деталь. Воссоздавая, например, новый круг интересов своего героя в связи с женитьбой на М.Д. Исаевой, автор подробно перечислил предметы женского туалета, которые тот намеревался приобрести для своей невесты: «...весеннюю дамскую шляпу, шёлков<ую> матери<ю> на платье модного цвета (только не glacé¹¹³), бархатную мантилью, два чепчика с голубыми лентами и ещё какую-то косыночку шерстяного кружева...» В некоторые моменты жизни Достоевский вникал и в такие пласты существования, это одна из граней его быта, всегда, тем не менее, пронизанного токами высшего бытия.

Да и в целом язык основного текста чулковской книги — художественный. Так, сравнивая понимание слова «церковь» К.П. Победоносцевым и Достоевским, Чулков образно воспроизвёл мышление своего героя, для которого церковь — это «римский Колизей и на арене мученики, исповедующие Христа; таинственные агапы; евхаристия в катакомбах на костях единоверцев, погибших по приказу кесаря; подвижники африканской пустыни; гениальные песнотворцы; преподобные в лесных дебрях России или юродивые, обличающие царей, на стогнах древней Москвы...»¹¹⁴. В изображении горя родителей, потерявших первенца, Чулков достиг подлинных лирических высот: «Достоевский рыдал как женщина. Он целовал восковое личико и крошечные ручки маленькой покойницы. Он сам вместе с женою надел на неё белое атласное платьице, уложил её в белый гробик, и они повезли свою Соню в русскую церковь, а потом на кладбище. На её могилку поставили белый мраморный крест. Кругом росли кипарисы»¹¹⁵. Подобные чувства были знакомы автору «Жизни Достоевского», пережившему в 1920 г. смерть маленького сына...

Использует Чулков и характерный для художественной прозы приём смены идеологических, психологических и фразеологических «точек зрения»¹¹⁶: так, например, интерьер квартиры Достоевского в доме Алонкина, где писался «Игрок», воспроизведён свежим сочувст-

¹¹³ глянцевого (фр.).

¹¹⁴ ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 68. С. 340.

¹¹⁵ ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 68. С. 273.

¹¹⁶ См.: Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000.

венно-приметливым взглядом молоденькой «стенографки» А.Г. Сниткиной: «В столовой, кроме стола и стульев, по стенам стояли большие сундуки, прикрытые коврами. Тут же был комод с белой вязаной на нём скатертью. Над жиденьким диваном тикали часы. В кабинете Достоевского было... сумрачно... Поперёк комнаты стоял скромный письменный стол. Вдоль стены большой диван, обитый зелёным сафьяном. Над ним висел в ореховой раме портрет чрезвычайно худой дамы с болезненным лицом и страдальческими глазами. Обстановка вся была скудная. Только на окнах стояли две большие драгоценные китайские вазы»¹¹⁷. А через несколько абзацев на первый план выдвигается «точка зрения» самого Достоевского, в восприятии которого и появляется впервые перед читателем его будущая жена: «он ловит себя на мысли, что его юная “стенографка”, в сущности, тоже очень мила и, должно быть, у неё простое бесхитрое сердце, способное любить верно и свято, как любила пушкинская Татьяна. Но думать о простом сердце “стенографки” никак нельзя, потому что сейчас у него в душе совсем иной и вовсе непростой женский образ, образ причудницы, в которую был влюблён его двойник, игрок»¹¹⁸. Постоянное чередование «точек зрения» героев повествования, переданных с помощью несобственно-прямой речи, — преимущественный композиционный приём «Жизни Достоевского». Интересно, что авторский взгляд (в основном тексте книги) лишь в единичных случаях претендует на «монологические» оценки и выводы, что также свидетельствует о стремлении Чулкова к освоению творческого метода самого Достоевского-художника — «реализма в высшем смысле».

При этом нельзя не отметить и такого обстоятельства: работа над книгой всё же не была полностью завершена автором — поэтому порой здесь встречаются стилистические неловкости, неудачи, вроде фразы: «В этом 1876 году случилось с Достоевским ещё одно очередное недоразумение с Тургеневым»¹¹⁹. Иногда проскальзывают слишком грубые, кричащие определения, которые при дальнейшей авторедактуре наверняка были бы устранены: так, полемизируя с хилиастическими, по его мнению, воззрениями Достоевского, Чулков замечал: «В своём *сумасшествии* падшую петербургскую монархию он мечтал преобразить в сказочное крестьянское царство»¹²⁰. А приверженность своего героя идеям монархии неоднократно называл «бредом» (такая

¹¹⁷ ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 68. С. 236.

¹¹⁸ Там же. С. 238.

¹¹⁹ Там же. С. 330.

¹²⁰ Там же. С. 382.

резкость, скорее всего, объясняется неизжитой юношеской симпатией к «религиозной общественности» Мережковского).

Научный стиль имеет место лишь в авторских «Примечаниях», изобилующих ссылками на источники, уточнениями, религиозно-философскими и литературоведческими суждениями и оценками. Собственно научная эрудиция Чулкова, отразившаяся в книге о Достоевском, не подлежит сомнению: он свободно владел обширным и разнородным материалом, накопленным к 1930-м гг. отечественной и зарубежной наукой о великом писателе. Но при этом неизбежно разделял с этапом развития этой науки в указанный период некоторые мнения, сейчас, в начале XXI века, признанные небесспорными, например версию об убийстве отца писателя, М.А. Достоевского, его крепостными крестьянами. По Чулкову, опиравшемуся на семейную легенду и разыскания В.С. Нечаевой, «факт убийства не подлежит сомнению»¹²¹. Однако найденные на рубеже XX–XXI вв. документы и проведённые исследования склоняют ряд учёных считать, что отец писателя умер от апоплексического удара, или, по крайней мере, не отметить эту версию полностью¹²².

Или, например, отсутствие в чулковском жизнеописании среди литературы, известной молодому Достоевскому-петрашевцу, упоминания книги М. Штирнера «Единственный и его собственность». Хотя при жизни Чулкова уже существовали работы, отмечавшие важность идейной полемики со Штирнером автора «Записок из подполья» и «Преступления и наказания»¹²³, тем не менее этот факт прошёл мимо внимания биографа и был обстоятельно осмыслен только позднейшими исследователями Достоевского¹²⁴.

¹²¹ Там же. Примечания. С. 9.

¹²² См.: Фёдоров Г.А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 146–193; Прохоров Г.С. Следственные мероприятия по делу о смерти М.А. Достоевского в контексте криминалистики того времени // Ф.М. Достоевский в диалоге культур. Материалы международной научной конференции 25–29 августа 2009 г. / Сост. В.А. Викторovich. Коломна, 2009. С. 217–220; Сараскина Л.И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 101–109; Хроника рода Достоевских / Под ред. И.Л. Волгина; Волгин И.Л. Родные и близкие: Историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 109–125.

¹²³ См., напр.: Гроссман Л.П. Путь Достоевского // Творчество Достоевского. С. 83–108; Отверженный Н. [Булычёв Н.Г.]. Штирнер и Достоевский. М.: Голос труда, 1925; Покровский Г.А. Мученик богоискательства (Ф.М. Достоевский и религия). М.: Атеист, 1929; Скафтымов А.П. «Записки из подполья» среди публицистики Достоевского // Slavica. 1929. Вып. VIII. Кн. 1. С. 101–117. Кн. 2. С. 312–339.

¹²⁴ См., напр.: Кирпотин В.Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова (Книга о романе Достоевского «Преступление и наказание»). М.: Советский писатель,

11 мая 1938 г. в «Откровенных мыслях» Чулков сделал знаменательную запись, которая вполне может быть отнесена и к «Жизни Достоевского»: «Биографы страшные люди. Благодаря им (и мне в том числе) стало известно, что Тютчев в одно и то же время, иногда в один и тот же день, писал письма с объяснениями в любви и уверениями в верности своей жене и своей возлюбленной. Это страшно. Но страшнее всего то, что он делал эти признания с совершенной искренностью, без малейшего лицемерия. У него было большое сердце. Слишком большое сердце. Но сыновья негодовали. И были по-своему правы. Но и он прав. И я прав. Но это страшно»¹²⁵.

Раскрывая и объясняя личность Достоевского, книга Чулкова в то же время свидетельствует о её метафизической неисчерпанности, целомудренно оставляя читателя наедине с «тайной» великого писателя. И в этом тоже неповторённая заслуга Чулкова-биографа.

О.А. Богданова

1970; Кибальник С.А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб.: ИД «Петрополис», 2013. С. 219–232.

¹²⁵ РГБ. Ф. 371 Чулков Г.И. К. 2. Ед. хр. 1 Лл. 69–70; Писатели символистского круга... С. 479.

ЖИЗНЬ ДОСТОЕВСКОГО

I.

В 1821 году москвичи ещё помнили пылающий Кремль, голод и ужасы войны двенадцатого года. Прошло девять лет, но почти во всех кварталах Москвы можно было увидеть обуглившиеся остовы домов. Даже на Тверской, Воздвиженке и Пречистенке чернели печальные руины. Однако жизнь шла своим чередом... На улицах появились франты в альмавивах, дамы в дорогих бурнусах, купцы в шеголеватых сибирках; московские дворяне, успевшие отстроить себе заново особняки с пузатыми колоннами и с важными львами на воротах, веселились и танцевали. Устраивались домашние спектакли, и в комедиях демократа Бомарше подвизались в качестве лицедеёв московские вельможи... Богатые чревоугодники задавали диковинные пиры, обыватели попроще, отнюдь не родовитые, сгрудившись на улицах вокруг глиняных корчаг, лакомились пшённою с маслом кашею, которою торговали предприимчивые оброчные мужики с деревянными ложками за поясом; в Марьиной роще разгуливали цыганки в красных мериносовых платках; бабы продавали на лотках говяжий студень или блины; в распивочных любители наслаждались кроновским пивом и сычёною брагою... А в Английском клубе маститые по-прежнему величаво вольнодумствовали, «гутируя»¹ иностранные вина и национальную икру <нрзб.>²... Успенский собор давно уж был очищен от навоза, и там, где были стойла для лошадей, вновь сияли золотые ризы икон и верующие клали поклоны усердно. Кремлёвские башни, взорванные Наполеоном, вновь были воздвигнуты. И колокола московских колоколен наполняли воздух густым серебряным пением.

Студент четвёртого класса московского отделения Медико-хирургической академии Михаил Достоевский «по надобности во врачах» ещё в августе 1812 года был командирован в «московскую

¹ смакуя (*разг., устар.* от фр. gouter).

² Восстановлено по экземпляру РГБ (далее: Мп РГБ): А в это время во дворах барских особняков секли на конюшнях провинившихся дворовых

Головинскую госпиталь для пользования больных и раненых»³. Ровно через год был он произведён в полковые штаб-лекари. Весною 1819 года тридцатидвухлетний Михаил Андреевич Достоевский сочетался законным браком с Марьей Фёдоровной Нечаевой, дочерью московского торговца. Марье Фёдоровне было тогда восемнадцать лет. Приданое у неё было скромное, и молодой штаб-лекарь женился на миловидной купеческой дочке по любви.

В 1821 году, с коего и начинается наше повествование, Михаил Андреевич состоял уже на штатной службе в качестве лекаря «при отделении приходящих больных женского пола в больнице для бедных»⁴. Эта больница, известная под именем Мариинской, построена была итальянским зодчим Жиллярди. В великолепном и монументальном здании отвели лекарю Достоевскому весьма тесное помещение во флигеле. <Нрзб.>⁵.

Вот в этой лекарской квартире тридцатого октября 1821 года родился Фёдор Михайлович Достоевский. Он был вторым ребёнком в семье штаб-лекаря. Всего детей у Михаила Андреевича было семь человек. Через год после рождения Фёдора Михайловича семья Достоевских переселилась из левого флигеля в правый, но и эта квартира была непросторнее первой. Вся квартира состояла из 2 комнат, если не считать передней и тёмной клетушки за перегородкой. Только в тридцатых годах прибавили к ней ещё одну комнату с окнами на задний двор. Было тесно, зато кухня была большая, с громадною русскою печью, где готовили обильные яства. Под парадною лестницей расположена была кладовая, куда ставили кадки с капустою, мочёными яблоками и разными соленьями. В квартире штаб-лекаря было тепло. В огромных голландских печах, сложенных из «ленточного изразца» с синими каёмками, весело потрескивали берёзовые дрова. В зале, стены коей выкрашены были жёлтою краскою, стоял обеденный стол и дюжины полторы берёзовых стульев под светлую политурую, с мягкими подушками из зелёного сафьяна.

В спальне родителей с трудом размещалась кровать, рукоёмник и два пузатых сундука, наполненных шубами и платьями. Тут же стояли детские колыбели. А когда появились младшие дети, Михаилу и

³ Формулярный список о службе М.А. Достоевского // Цит. по: Волоцкой М.В. Хроника рода Достоевского. 1506–1933 / Предисл. П.М. Зиновьева. Под ред. М. Цявловского. М.: Север, 1933. С. 47.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ В *Мп РГБ*: Вся квартира состояла из двух комнат, если не считать кухни, передней и тёмной клетушки за перегородкой

Фёдоров пришлось поставить кровати в полутемную клетушку, отделённую от передней небольшою перегородкою, не доходившею до потолка.

Трудно было понять, как могли разместиться в этой тесной ларкарской квартирке служанки и слуги, коих было почти всегда не менее семи человек: кучер Давид (у него на попечении была четвёрка лошадей); его брат Фёдор, то в потасканной ливрее и трехугольной шляпе торчавший на запятках рыжей кареты, то шагавший с ведрами на коромысле за водой к Сухаревой башне и обратно на Божедомку; стряпуха Анна; прачка Василиса, сбежавшая однажды и осрамившая тем семейство почтенного штаб-лекаря; горничная Вера, удалённая впоследствии из дому за любовные шашни; очередная кормилица; наконец, сама Алёна Фроловна, пожилая девица необъятных размеров, на которую были возложены обязанности няни и домоуправительницы. Вся эта челядь ютилась кое-как — в кухне, в передней — на лавках и сундуках.

Штаб-лекарь, женившийся на дочке разорившегося московского купца, лишённый всяких связей с привилегированными кругами тогдашней Москвы и, по-видимому, вполне примирившийся с бытом разночинца, по своему происхождению, однако, принадлежал к древнему дворянскому роду. Род этот, правда, уже давно захудал, и дед писателя был скромным священником где-то в Каменец-Подольской губернии, откуда и бежал Михаил Андреевич, не пожелавший использовать своё семинарское образование и принять на себя обязанности пастыря. Покинув отчий дом, утратил он и все документы, свидетельствующие о том, что его родоначальник был какой-то Данило Иртищ, боярин Пинского повета, что их роду принадлежало местечко Достоево, расположенное между реками Пиной и Яцольдой. В XVI веке род Достоевских уже разделился на две ветви — иные из них приняли католичество и даже, монашествуя, достигали епископского сана, — другие, оставшись верными православию, поселились на Волыни и в Подолии. Один из предков писателя, тоже Фёдор Достоевский, связал свою судьбу с знаменитым эмигрантом князем А.М. Курбским⁶. Но московский штаб-лекарь не был озабочен связью с предками и, получив по чину своему право на дворянство, записался скромно в незнатную родословную книгу Московской губернии. А когда его спрашивали, почему он не интересуется древностью

⁶ Курбский А.М., кн. (1528–1583) — русский полководец, политик и писатель, приближённый Ивана Грозного; опасаясь расправы, в 1564 г. бежал в великое княжество Литовское, откуда вёл с русским царём знаменитую переписку (1564–1579).

своего рода, Михаил Андреевич цитировал обычно басню «Гуси»: «Оставьте предков вы в покое»⁷... Эту крыловскую басню прочёл Михаил Андреевич в «Беседе любителей русского слова», будучи ещё студентом, в 1811 году, и ему, беглецу от отцовского очага, показалась она, по-видимому, весьма назидательной.

II.

Семья Достоевских была, что называется, патриархальной семьёй. Дни шли размеренно, похожие один на другой, в строгом порядке, покорствуя быту, коего держался сам глава дома, Михаил Андреевич, «коллежский советник и кавалер трёх орденов». — Вставали утром рано, часов в шесть. В восьмом часу отец уходил в больницу. В это время шла уборка квартиры и зимою топили печи. В девять часов лекарь возвращался домой переодеться и отправлялся на практику. Дети садились за уроки. В половине первого был обед. После обеда папенька надевал халат и ложился на диван отдохнуть, а кто-нибудь из детей, если было лето, дежурил около спящего, отгоняя мух липовою веткою. В четыре часа пили чай. Потом опять Михаил Андреевич шёл в больницу. Вечером семья собиралась вокруг стола, на коем горели сальные свечи. Маменька или папенька читали вслух. Читали Ломоносова, Державина, Жуковского, читали с восхищением Карамзина «Бедную Лизу» и «Марфу Посадницу» и, главное, «Историю государства Российского» ... Потом стали читать и тогдашние литературные новости — «Юрия Милославского» Загоскина, «Ледяной дом» Лажечникова, «Сказки казака Луганского» Даля...

Благообразие семейного быта нарушалось иногда мрачной суровостью отца и его болезненной мнительностью, но, пока жива была мать, она умела вовремя его успокоить, и всё было как будто ладно и мирно: зимою — семейные чтения, уроки, почтительные приветствия родителей в день их ангела с декламацией наизусть французских стихотворений, напр<имер> отрывков из Вольтеровой «Генриады»; летом — чинные прогулки с родителями в Марьину рощу, ныне не существующую, а тогда расположенную недалеко от Божедомки по соседству с больницей для бедных; изредка поездки с матерью в Троиц-

⁷ Крылов И.А. Сочинения: В 2 т. / Вступит. статья, сост., подг. текста и коммент. С.А. Фомичёва. М.: Художественная литература, 1984. Т. 2. С. 525.

кую лавру на поклонение мощам преподобного Сергия⁸... Родители Достоевского были благочестивы. Вся семья посещала всенощные и обедни, соблюдала посты и говела. И маленький Федя, впоследствии пугавший родителей своим пламенным характером и беспокойным умом, будучи трёхлетним младенцем, умилял их молитвенным своим усердием.

Если прогулки с родителями в Марьину рощу были очень чинны и сопровождалась скучными рассуждениями отца, который, указывая на встречавшиеся по пути переулки или огороженные заборами пустыри, объяснял детям наглядно, что значат прямые, тупые и острые углы, зато были удовольствия в отсутствие папеньки: при больнице находился большой сад с липовыми аллеями, и можно было затеять там игры, состязаясь с братьями в ловкости и силе; можно было затеять что-нибудь и запретное, например познакомиться с какими-нибудь выздоравливающими больными, которые разгуливали по саду в верблюжьего цвета халатах, в белых колпаках и в шлепающих туфлях без задков. Но величайшим наслаждением почиталось посещение дома Лукерьей, кормилицей младшего брата Андрея. Эта необыкновенная женщина, обладавшая даром сказительницы дивных и страшных сказок, была желаннейшей гостьей. Лапотница Лукерья приходила из деревни пешком и гащивала дня по три, по четыре. Она оделяла лакомок необыкновенно вкусными лепёшками, испечёнными на пахтанье, а главное, она собирала вокруг себя по вечерам всех ребят и рассказывала такие чудеса про жар-птицу, бабу-ягу, колдунов, домовых и леших, что дети укладывались спать в счастливом бреду, страшась темноты и, однако, наслаждаясь воспоминаниями об удивительных приключениях Иванушки-Дурачка или Еруслана Лазаревича.

Монотонная жизнь нарушалась изредка поездками в гости к душешке Василию Михайловичу Котельницкому (он приходился родным дядей матери) — в его деревянный дом «под Новинским». Детям нравился этот старичок в чёрных шёлковых чулках и коротких штанах с пряжками у колен, в кофейного цвета фраке с металлическими пуговицами. Особенно эти посещения были памятны на маслянице. Старый профессор (Котельницкий читал⁹ на медицинском факуль-

⁸ Сергей Радонежский, преп. (1314–1392) — великий православный подвижник и выдающийся церковный и политический деятель, благословивший кн. Дмитрия Донского на Куликовскую битву (1380); основал Троице-Сергиев монастырь под Москвой с общежительным уставом, способствовал распространению монашества в Северной Руси.

⁹ *Далее было:* какой-то курс

тете курс по врачебному веществословию и фармации) отправлялся вместе с внуками смотреть масляничные балаганы, расположенные около его дома.

Здесь можно было увидеть много чудесных вещей — фокусников, глотающих шпаги и пожирающих самый настоящий огонь; великаншу, подпирающую головою потолок, и карликов ростом не больше бутылки; царицу Клеопатру, сделанную из воска и дышащую, однако, как живая... Но интереснее всего был Петрушка: он побивал палкою всех своих противников и в том числе самого квартального, что приводило публику в неописуемый восторг. В театр детей возили редко, зато каждый спектакль был событием. Знаменитая пьеса «Жоко, или Бразильская обезьяна» была предметом восхищения. Актёр, игравший обезьяну, изумлял зрителей чудесами эквилибристики. Федя Достоевский, соперничая с ловким чудодеем, прыгал через стулья и стоял на голове, как настоящий жонглёр. Но сильнейшим театральным впечатлением были «Разбойники» Шиллера. Достоевскому было тогда всего лишь десять лет, но он уже произносил наизусть страстные монологи Карла Моора¹⁰, подражая Мочалову¹¹.

Дом Достоевских редко навещали гости. Только старший врач больницы да больничный священник были постоянными посетителями штаб-лекарской квартиры. По праздникам приходил обедать тесть Михаила Андреевича, старичок Нечаев, с медалью двенадцатого года, на коей была надпись — «Не мне, не мне, а имени твоему». Приходил еще дядя Михаил, брат маменьки; после обеда он брался за гитару; маменька ему аккомпанировала; он пел то грустные, то разудалые песни, восхищая Достоевского; но в один несчастный день эти посещения прекратились; маменька заметила, что дядя Михаил передал записочку хорошенькой горничной Вере; записочка была конфискована, оказалась любовного содержания, и строгая маменька укоряла братца в безнравственности <нрзб.>¹², а папенька, <нрзб.>¹³, вытолкал неудачника на улицу, к немалому огорчению детей, любивших беспутного дядюшку. Раза два в месяц скромная Божедомка оглашалась криком форейтора — «Пади! Пади!...» — и во двор больницы въезжала карета цугом в четыре лошади, с лакеем на запятках: в

¹⁰ Карл Моор — герой трагедии Ф. Шиллера «Разбойники» (1782), воплощение благородства и великодушия.

¹¹ Мочалов П.С. (1800–1848) — великий русский актёр, выразитель настроений романтизма; исполнял роль Карла Моора на сцене Малого театра в Москве.

¹² В Мп РГБ: неосторожный любовник обозвал сестрицу дурой

¹³ В Мп РГБ: ударив его по щеке

карете сидела сестрица маменьки, Александра Фёдоровна Куманина, гостя весьма желанная, ибо она привозила ребятам гостинцы — конфеты и фрукты; супруг её, Александр Алексеевич, впоследствии благодетель всего семейства, приходил чаще днём в отсутствие Михаила Андреевича, которого недолюбливал; на вопрос маменьки: «Чем угощать вас, братец?» — всегда говорил: «Велите подать мне сахарной водицы, сестрица». — Попивая сладкую воду, он весело и дружелюбно беседовал с маменькой.

III.

В 1831 году, когда Достоевскому было десять лет, родители приобрели в Каширском уезде Тульской губернии сельцо Даровое. Ранней весною, вскоре после Пасхи, к крыльцу лекарского флигеля подъехала тройка пегих деревенских лошадок, и семья Достоевских отправилась на новоселье. Надобно было проехать вёрст полтора — мимо Люберец, Чулкова, Бронниц, Коломны и Зарайска. Делая перегоны верст по тридцати, можно было совершить путешествие дня в два или три. Едва только старый седоусый инвалид, получив подорожные, поднял полосатый шлагбаум и Семён Широкий, крепостной крестьянин, слез с облучка и отвязал под дугой колокольчик, Федя Достоевский почувствовал доселе неиспытанный восторг. Рогожская застава позади, а впереди вольный простор, необъятные поля, ветерок, пахнувший весенней землёю... Пегие лошади бегут бойко, освобождённый колокольчик звенит лихо, и ему весело вторят бубенцы... А какое наслаждение на остановках, когда кормят лошадей, похлопать их по вспотевшим бокам, потом забраться на облучок и выпросить у Семена вожжи и, подражая ему, покрикивать на тройку!

Там, в Даровом, был, конечно, рай. Домик, в котором поселилось семейство штаб-лекаря, был, правда, плетнёвый, связанный глиною, с соломенною крышею, и в нём было всего три маленькие комнаты, но зато четыре столетние липы, расположенные на кургане около дома, были так величавы и тенисты, что валяться под ними на траве в жаркие летние дни было немалое наслаждение. Рядом небольшое поле, а за ним фруктовый сад, окружённый рвом и густою стенкою крыжовника. А по другую сторону поля — Брыково, где был берёзовый лесок, холмы, овраги и немного подальше начиналась ложбина, должно быть русло высохшей реки, — и всё вокруг было не лишено мрачной живописности. Уверjali, что здесь водятся ядовитые змеи.

Это было любимое место для прогулок Достоевского. И впоследствии Брыково называли в семье «Фединой рощей».

Строгий и мрачный Михаил Андреевич приезжал в деревню изредка на несколько дней, а маменька не мешала детям наслаждаться деревенской свободой. Значит, можно было «играть в диких», раздевшись донага, воткнув в волосы перья и вооружившись луком и стрелами; значит, можно было играть в Робинзона и мало ли ещё что можно было придумать, когда есть сад, роща и поле. А потом вырыли пруд, и раза три в день можно было купаться... А разве не наслаждение пробраться в поле и по неровным колеям жирной земли брести за мужиком, который пашет, покрикивая на лохматую лошаdенку, — или во время сенокоса вдыхать сладостный запах скошенной травы, прислушиваясь к шороху кос! Но не всё же радости и наслаждения. Бывает и другое — вот, например, встречи с дурочкой Аграфеной, которую, говорят, кто-то обидел, и она теперь так дико бормочет о каком-то зарытом на кладбище ребёнке; или рассказы о том, как соседняя помещица запохла до смерти дворовую девку; или случайно подслушанный разговор двух парней, которые сулили нехорошую смерть барину... Какому барину? Да мало ли ещё всяких страхов — вот, говорят, вокруг Дарового бродит бешеный волк... Однажды в осенний день, сухой и ясный, но несколько холодный и ветреный, когда скоро надобно было ехать в Москву и опять скучать всю зиму за французскими уроками и так было жалко расстаться с деревней, Федя Достоевский прошёл за гумно и, спустившись в овраг, забился в густые кусты. Феде нужно было вырезать себе ореховый хлыст, и он был занят этим важным делом, не предчувствуя никакой беды. Недалеко, шагах в тридцати от кустов, на поляне, пахал мужик. Федя знал, что мужик пашет круто в гору и лошадь идёт трудно. Изредка долетал крик: «Ну-ну!...» Федя знал почти всех мужиков по именам, но кто сейчас пашет, не знал, да и ему было всё равно: главное — вырезать надо было получше ореховый хлыст. Вдруг, среди глубокой тишины, Федя ясно и отчетливо услышал крик: «Волк бежит!» — Он вскрикнул и, вне себя от испуга, продолжая кричать в голос, выбежал на поляну, прямо на пашущего мужика. Это был мужик лет пятидесяти, плотный, довольно рослый, с сильною проседью в тёмно-русой окладистой бороде. Звали его странно — Мареем. Федя знал его, но ему не случалось ещё ни разу с ним заговаривать. Марей остановил кобылёнку, слышав крик. Разбежавшись, Федя уцепился за его рукав и прокричал, задыхаясь:

— Волк бежит!

Марей вскинул голову и огляделся кругом:

— Где волк?

— Закричал... Кто-то кричал: «Волк бежит!...»

— Что ты, что ты! Какой волк! Померещилось, вишь... Какому тут волку быть! — бормотал Марей.

Но Федя весь трясся и ещё крепче уцепился за его зипун. Марей смотрел на мальчика с беспокойною улыбкою, видимо боясь и тревожась за него.

— Ишь, ведь испужался, ай-ай! — качал он головою. — Полно, родной. Ишь малец, ай!

Он протянул руку и вдруг погладил Федю по щеке.

— Ну, полно же, ну, Христос с тобою, окрестись!

Но Федя не крестился. Углы губ его вздрагивали, и, кажется, это особенно поразило Марeya. Он протянул свой толстый с чёрным ногтем, запачканный в земле палец и тихонько дотронулся до вздрагивающих Фединых губ.

— Ишь, ведь, ой, — улыбнулся Марей какой-то материнскою длиною улыбкою. — Господи, да что это, ишь, ведь...

Федя понял, наконец, что волка нет и что ему померещилось. Но крик, однако, был такой ясный и отчётливый...

— Ну, я пойду, — сказал Федя, вопросительно и робко смотря на мужика.

— Ну и ступай, а я те вслед посмотрю. Уж я тебя волку не дам! Ну, Христос с тобой, ну, ступай...

Федя пошёл, оглядываясь назад почти каждые десять шагов. Марей, пока мальчик шёл, всё стоял со своей кобылёнкою и смотрел ему вслед, каждый раз кивая ему головою, когда он оглядывался. Феде немножко было стыдно, но он шёл, всё ещё побаиваясь волка, пока не поднялся на косогор до первой риги. Тут испуг соскочил совсем. С лаем бросился ему навстречу Волчок, а с ним стало совсем легко и нестрашно. Федя ещё раз обернулся к Марeyю. Лица его нельзя было разглядеть, но Федя чувствовал, что он всё ещё ласково улыбается и кивает головою. Федя махнул ему рукой, он — тоже и тронул кобылёнку.

— Ну, ну! — послышался опять крик, и кобылёнка опять потянула свою соху.

На третий день Пасхи, в 1833 году, когда семья Достоевских готовилась к переезду на летние месяцы в Даровое, из деревни неожиданно приехал приказчик. Он явился в лаптях (хотя дворовые никогда в лаптях не ходили), в разорванном заплатанном зипуне, с небритою бородою и с мрачным лицом. На тревожный вопрос, зачем он явился, приказчик ответил гробовым голосом:

— Несчастье... Вотчина сгорела!

Федя Достоевский был потрясён и самою вестью и особенно тем,

что родители тотчас же стали молиться перед иконами, стоя на коленях, а потом поехали к Иверской...

Пожар случился оттого, что какой-то крестьянин вздумал палить кабана у себя во дворе. Был сильный ветер. Загорелась его изба, а за нею соседние. И сам виновник пожара сгорел в избе, куда он полез что-то спасать.

Приказчика отправили назад в деревню с полученным от господ обещанием «последнюю рубашку свою поделить с крестьянами». Денег добыли у дядюшки Куманина, и к концу лета деревня была отстроена заново.

IV.

Осенью семья Достоевских возвращалась в город. Начинались уроки. В зале по утрам раскладывали ломберный стол, за который усаживались ребята с книжками и тетрадями. Приходил отец дьякон из Екатерининского института. Он с немалым воодушевлением рассказывал о том, как Адам и Ева были изгнаны из рая, или о том, как Иаков в пустыне глубокою ночью боролся с самим Богом...

Отец дьякон, расхаживая по комнате, повествовал о таинственной судьбе Иова, о странных видениях Иезикииля, о пророческих воплях Исаяи, о появлении на берегах Иордана загадочного Иоанна¹⁴, дерзнувшего объявить Израилю, что обещанный пророками Спаситель мира — сын плотника из Назарета, <нрзб.>¹⁵ воистину Сын Божий. Федя Достоевский слушал с горящими глазами. Однако все эти необычайные и странные рассказы изложены были в учебнике весьма прозаическим «суконным» языком, а между тем отвечать отцу дьякону надо было точь-в-точь, как в книжке, заучивая все «вдолбёжку». Также «вдолбёжку» приходилось зубрить — «Начатки» митрополита Филарета¹⁶.

¹⁴ Иов — главный персонаж библейской книги Иова (Ветхий Завет), заслуга которого — в неизменной любви к Богу, несмотря на тяжкие испытания и несчастья; Иезикииль — один из великих пророков Ветхого Завета, живший в VII–VI вв. до н.э. и попавший в вавилонский плен; Исаяя — великий пророк Ветхого Завета, живший в VIII в. до н.э., предсказавший рождение Христа; Иоанн (Иоанн Креститель, Иоанн Предтеча) — персонаж Евангелий (Новый Завет), последний иудейский пророк, подготовивший пришествие Христа.

¹⁵ В *Мн РГБ*: окружённый толпой безумцев, поверивших в то, что этот галилеянин

¹⁶ Имеется в виду: Филарет (Дроздов), митр. Начатки христианского учения, или Краткая Священная история и краткий катехизис. М., 1828.

Французскому языку обучал детей Николай Иванович Сушард, страстно желавший сделаться истинно русским человеком и для сей цели выпросивший себе фамилию Драшусова. К этому французу, <нрзб.>¹⁷, за год до поступления в пансион ездили братья Достоевские ежедневно обучаться математике и словесности у его двух сыновей. А латинский язык преподавал детям сам отец Михаил Андреевич. Федя Достоевский по часу, а то и по два выстаивал перед ломберным столом, склоняя латинские существительные или спрягая глаголы и страшась при этом отцовского гнева, ибо Михаил Андреевич был человек весьма вспыльчивый и нетерпеливый.

Осенью 1834 года Достоевского и его брата Михаила определили в известный тогда в Москве пансион Леонтия Ивановича Чермака. По субботам часам к двум приезжали братья Достоевские с Новой Басманной на Божедомку, где ждал их семейный обед. Пансион Чермака был тогда едва ли не лучшим московским пансионом, и преподавание в нём было поставлено не худо, и самый дух заведения содействовал развитию литературного вкуса у его питомцев. Братья Достоевские привозили с собой из пансиона кучу книг. Пушкин уже был в то время их кумиром. Стихи заучивались наизусть, читались вслух, и родители благосклонно слушали декламацию, и хотя «Граф Габсбургский» заслуженного и маститого Жуковского им нравился больше, чем пушкинское стихотворение «Смерть Олега», однако и опыты этого вольнодумца, прощённого, как говорили, монархом, снисходительно поощрялись Михаилом Андреевичем, а маменька даже во время своей болезни неоднократно просила Федю почитать Пушкина. Федя был пламенным поклонником поэта. Впрочем, ежели он чем-нибудь увлекался, то уж всегда с такой горячностью, что папенька неоднократно ему говаривал: «Эй, Федя, уймись, несдобровать тебе... Быть тебе под красною шапкою!...»¹⁸

Начало 1837 года ознаменовалось для Достоевского двумя событиями — не стало Пушкина, а спустя несколько недель умерла Марья Фёдоровна, мать Достоевского.

Андрей Михайлович Достоевский запомнил, что старший брат Фёдор не раз с немалым волнением повторял, что не будь семейного траура, все равно его нужно было бы носить по убитом поэте.

Пока в доме штаб-лекаря служили панихиды, пахло ладаном и отец Иоанн Баршев говорил назидательные и умиротворяющие слова, всё казалось необходимым и как будто имеющим смысл, но когда

¹⁷ В *Мн РГБ*: сделавшемуся русским патриотом

¹⁸ Достоевский А.М. С. 71.

батюшка уходил, опустевшие комнаты казались особенно мрачными, и братья Достоевские со страхом и смущением видели, как отец Михаил Андреевич подходил к шкапчику и, взяв дрожащими руками графин с настойкою, опрокидывал одну рюмку за другой, а потом шёл в спальню неверными шагами, покашливая угрюмо. На могилу матери поставили памятник с надписью из Карамзина: «Покойся, милый прах, до радостного утра».

Ещё при жизни Марьи Фёдоровны было решено, что два старших сына должны поступить в петербургское Инженерное училище. Их принимали туда, по протекции старшего врача больницы, на казённый счет. Фёдору Михайловичу было тогда шестнадцать лет. Наконец, наступил день отъезда. Это было весною, но дни были жаркие, как в июле. Ехали на долгих, почти шагом, и стояли на станциях часа по два и по три. Чтобы добраться до северной столицы, понадобилась целая неделя. «Мы с братом, — писал впоследствии Достоевский, — стремились тогда в новую жизнь, мечтали о чём-то ужасно, обо всем “прекрасном и высоком”, — тогда это словечко было ещё свежо и выговаривалось без иронии. И сколько тогда было и ходило таких прекрасных словечек! Мы верили чему-то страстно, и хотя мы оба отлично знали всё, что требовалось к экзамену из математики, но мечтали мы только о поэзии и поэтах. Брат писал стихи, каждый день стихотворения по три, и даже дорогой, а я непрерывно в уме сочинял роман из венецианской жизни. Тогда, всего два месяца перед тем, скончался Пушкин, и мы, дорогой, сговаривались с братом, приехав в Петербург, тотчас же сходить на место поединка и пробраться в бывшую квартиру Пушкина, чтобы увидеть ту комнату, в которой он испустил дух»¹⁹...

И вот однажды, перед вечером, когда путешественники остановились отдохнуть на постоялом дворе, Достоевский увидел из окна подлетевшую к станционному дому курьерскую тройку. Из тележки выскочил фельдъегерь в мундире, с узенькими фалдочками назад, в большой трёхугольной шляпе с цветными перьями. Фельдъегерь был высокий, чрезвычайно плотный и сильный детина с багровым лицом. Он скрылся в станционном доме и, хлопнув, должно быть, там очередную рюмку, снова появился на крыльце, к которому уже лихо подкатила переменная тройка. Ямщик, парень лет двадцати, в красной рубахе, держа на руке армяк, вскочил на облучок. Фельдъ-

¹⁹ ПСХП. Т. 11. С. 169 («Дневник писателя за 1876 год. Январь. Глава третья. I. Российское общество покровительства животным. Фельдъегерь. Зелено-вино. Зуд разврата и Воробьев. С конца или с начала?»).

егерь мигом очутился в тележке. Но не успел ещё ямщик собрать вожжи, как ражий детина с перьями на голове приподнялся и молча, без всяких пояснений, поднял свой здоровенный кулак и опустил его в самый затылок ямщика. Тот весь тряхнулся вперёд и изо всей силы хлестнул коренную. Лошади рванулись, но это вовсе не укротило фельдъегеря. Страшный кулак завился снова и снова ударил в затылок. Затем снова и снова, и так продолжалось, пока тройка не скрылась из виду.

Достоевский запомнил эту сцену на всю жизнь.

V.

Военное Инженерное училище, в котором жил и учился Достоевский, помещалось в том самом великолепном и страшном замке, где когда-то гвардейцы убили императора Павла. Мрачен был этот замок, ставший могилою сумасшедшего государя.

Достоевскому показывали покои Павла, где он валялся на полу, задушенный теми, кто ещё недавно трепетал перед его сумасбродною волею; Достоевскому показывали залу, где придворные изуверы-хлысты устраивали таинственные радения, соблазняя простодушных; в мрачных коридорах всегда были сквозняки, и было непонятно, откуда дует ветер, сырой и холодный — даже в летние дни.

И всё-таки этот замок, созданный по замыслу безумного мальтийского рыцаря, нравился Достоевскому. Заворожённый своими мечтаниями, Достоевский не пленился великолепием нашего северного императора, но мрачный романтизм павловского дворца не мог не очаровать художника. Ему нравился фасад замка с его пышным скульптурным фронтоном, внутренний восьмиугольный двор, лепные фризы, панно, статуи в нишах, мраморные могучие колонны, поддерживающие балкон, великолепная лестница, высокая, расширяющаяся книзу, как будто «предназначенная для торжественных процессий».

Ему нравилось, отстав от шумной толпы товарищей, одиноко бродить по коридорам замка или сидеть в амбразуре окна в угловой круглой зале, откуда можно было видеть свинцовые воды канала, петербургское небо и ключья тумана, угрюмо нависшие над набережной Фонтанки. По ночам, когда юноши укладывались спать, Достоевский, накинув на плечи одеяло, просиживал долгие часы перед огарком сальной свечки с пером в руке.

Юный Достоевский не был красив: у него был слегка²⁰ вздёрнутый нос и серовато-бледный цвет лица. Некрасивость его искупалась, однако, блеском умных глаз, то внимательных и зорких, то как будто сосредоточенных на чём-то внутреннем и тайном. Достоевский был крепко сложен, коренаст, но несколько сутул; походка у него была порывистая. Белокурые волосы его были мягки. Он говорил медленно и внушительно и, когда воодушевлялся, владел в совершенстве голосом, хотя он был у него грудной, странного тембра, что было, вероятно, последствием болезни горла, которую он перенёс весной 1837 года.

В год поступления Достоевского в Инженерное училище было ему семнадцать лет. Тридцатые годы прошлого века были годами романтизма, и Достоевский отдал ему дань со всею пылкостью, ему свойственной. Семнадцатилетнему романтику мир представлялся волшебным и таинственным. Его личная судьба исполнена мучительных противоречий. «Не знаю, стихнут ли когда мои грустные идеи? — пишет юный Достоевский своему брату Михаилу. — Одно только состоянье и дано в удел человеку: атмосфера души его состоит из слиянья неба с землёю; какое же противузаконное дитя человек! Закон духовной природы нарушен... Мне кажется, что мир наш — чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслью»... «Мне кажется, мир принял значение отрицательное и из высокой изящной духовности вышла сатира. — Попадись в эту картину лицо не разделяющее ни эффекта, ни мысли с целым, словом совсем постороннее лицо... Что ж выйдет? Картина испорчена и существовать не может!... Но видеть одну жёсткую оболочку, под которой томится вселенная, знать, что одного взрыва воли достаточно разбить её и слиться с вечностью, знать и быть, как последнее из созданий... ужасно! Как малодушен человек! Гамлет! Гамлет! Когда я вспомню эти бурные, дикие речи, в которых звучит стенанье оцепенелого мира, тогда ни грустный ропот, ни укор не сжимают груди моей... Душа так подавлена горем, что боится понять его, чтобы не растерзать себя»²¹... Что за патетический тон! Какой странный язык!

В это время Достоевский ведёт дружбу с Иваном Николаевичем Шидловским²². Он на пять лет старше Достоевского, однако у них общие интересы, и они беседуют как равные.

²⁰ Было: широкий

²¹ Письма I. С. 46 (Письмо М.М. Достоевскому от 9 авг. 1838 г.).

²² Шидловский И.Н. (1816–1872) — чиновник Министерства финансов, поэт-романтик, историк Церкви, друг юности Ф.М. Достоевского; его черты отразились в образах Ордынова, Мечтателя и др. героев-романтиков в произведениях писателя.

Кто этот Шидловский? Он тоже романтик. Он пишет стихи и живёт как в бреду, очарованный мечтаниями. Достоевский восхищается его дарованием. Шидловский — необыкновенный человек. «Взглянуть на него: это мученик! — пишет Достоевский брату, — Он иссох; щеки его впали; влажные глаза его были сухи и пламенны; духовная красота его лица возвысилась с упадком физической. — Он страдал! Тяжко страдал! Боже мой, как любит он какую-то девушку (Marie, кажется). — Она же вышла за кого-то замуж. — Без этой любви он не был бы чистым, возвышенным, бескорыстным жрецом поэзии... Пробираясь к нему на его бедную квартиру, иногда в зимний вечер (н.п. ровно год назад), я невольно вспоминал о грустной зиме Онегина в Петербурге (8-я глава)»... «Часто мы с ним просиживали целые вечера, толкуя бог знает о чём! О, какая откровенная чистая душа! У меня льются теперь слезы, как вспомню прошедшее! Он не скрывал от меня ничего, а что я был ему?...» «О, ежели бы ты знал те стихотворенья, которые написал он прошлою весною. Например, стихотворение, где он говорит о славе»... «В последнее свидание мы гуляли в Екатерингофе. О, как мы провели этот вечер! Вспоминали нашу зимнюю жизнь, когда мы разговаривали о Гомере, Шекспире, Шиллере, Гофмане, о котором столько мы говорили, столько читали»... «Ты писал ко мне, брат, что я не читал Шиллера. — Ошибаешься, брат! Я вы зубрил Шиллера, говорил им, бредил им; и я думаю, что ничего более к стати не сделала судьба в моей жизни, как дала мне узнать великого поэта в такую эпоху моей жизни; никогда бы я не мог узнать его так, как тогда. Читая с ним Шиллера, я поверял на д н и м и благородного, пламенного Дон-Карлоса, и Маркиза Позу и Мортимера²³. — Эта дружба так много принесла мне и горя, и наслаждения! Теперь я вечно буду молчать об этом; имя же Шиллера стало мне родным, каким-то волшебным звуком, вызывающим столько мечтаний; они горьки, брат; вот почему я ничего не говорил с тобою о Шиллере, о впечатлениях, им произведённых: мне больно, когда я услышу хоть имя Шиллера»²⁴.

²³ Дон Карлос, маркиз Поза — герои драматической поэмы Ф. Шиллера «Дон Карлос, инфант испанский» (1787); Мортимер — герой трагедии Ф. Шиллера «Мария Стюарт» (1800).

²⁴ Письма I. С. 56–57 (Письмо М.М. Достоевскому от 1 янв. 1840 г.).

VI.

В то время как Достоевский жадно читал Шиллера, вёл дружбу с романтиком Шидловским и сочинял «проект» сделаться сумасшедшим, разумеется во вкусе Гофмана, обыденная трезвая жизнь предъявляла юноше свои суровые требования, иногда вовсе для него непосильные. Окружающие его товарищи, педагоги и начальники не были похожи на благородных Дон Карлосов или на фантастических персонажей Гофмана. Из мира поэзии и романтики приходилось возвращаться к занятиям геометрией, фортификацией и артиллерией, готовиться к экзаменам, а иногда и терпеть на них неудачи, как это и случилось, например, осенью 1838 года, когда пришлось остаться в том же классе на второй год. Об этой неудаче надо было писать отцу. Это было не так просто. Михаил Андреевич Достоевский был человек требовательный, вспыльчивый, а после смерти жены и вовсе утративший душевную ясность²⁵. «Мне жаль бедного отца! — писал Достоевский брату Михаилу как раз в октябре 1838 года. — Странный характер! — Ах, сколько несчастий перенёс он! Горько до слёз, что нечем его утешить!...»²⁶

Михаил Андреевич, выйдя в отставку, поселился у себя в деревеньке, неохотно и скупо посылал оттуда деньги сыновьям, мрачно тосковал²⁷, одурманивая себя водкой. И вот в начале лета 1839 года Достоевский получил страшную весть. Крепостные мужики убили отца. Как убили? За что?

В наши дни крестьяне <нрзб.>²⁸ сельца Дарового рассказывают про Михаила Андреевича, со слов дедов, что он, барин, был «неладный»...²⁹ «Черемашинские мужики задумали с ним кончить. Сговорились между собою — Ефимов, Михайлов, Исаев да Василий Никитин. Теперь всё равно никого на свете нет, давно сгнили, — можно сказать. Петровками, о сю пору, навоз мужики возили. Солнце уж высоко стояло, барин спрашивает, все ли выехали на работу. Ему говорят, что из Черемашни четверо не поехало, сказались больными. “Вот я их вылечу”, — велел дрожки заложить. А у него палка вот

²⁵ *Далее было:* и почти всегда хмельной

²⁶ *Письма I. С. 52* (Письмо М.М. Достоевскому от 31 окт. 1838 г.).

²⁷ *Далее было:* тщетно искал утешений в объятиях крепостной любовницы

²⁸ *В Мп РГБ:* мужики

²⁹ *Далее было:* Крестьян порол ни за что. Бывало, гуляет по саду, а там за дорогою мужик пашет, не видит барина и шапки не снимает. А барин велит позвать да всыпать ему шток от двадцати до тридцати, а потом посылает: «Иди, работай».

такая была. Приехал, а мужики уж стоят на улице. — “Что не едете?” — “Мочи, говорят, нет”. Он их палкой — одного, другого. Они во двор, он за ними. Там Василий Никитин, здоровый, высокий такой был, его сзади за руки схватил, а другие стоят, испугались. Василий им крикнул: “Что ж стоите? Зачем сговаривались?” Мужики бросились, рот барину заткнули, да за нужное место... чтоб следов никаких не было. Потом вывезли, свалив в поле, на дороге из Чермашни в Даровое. А кучер Давид был подговорён. Оставил барина, да в Моногарово за попом, а в Даровое и не заезжал. Поп приехал, барин дышит, но уж не в памяти. Поп глухую исповедь принял, знал он, да скрыл, крестьян не выдал. Следователи потом из Каширы приезжали, спрашивали всех, допытывали, ничего не узнали. Будто от припадка умер, у него припадки бывали».

О болезни отца Достоевского мы ничего не знаем, но зато мы знаем, что у сына бывали припадки падучей. По его собственным словам, они начались в Сибири, но есть предположение, что начались они раньше, что Достоевский в первый раз упал в судорогах с пеною у рта, когда ему сообщили об ужасном убийстве.

Правда это или нет, но одно несомненно, что страшная смерть отца должна была поразить юношу. После Достоевского не осталось, однако, ни одного документа, ни одной строки, где можно было бы найти хотя бы намёк на осуждение убийц, хотя бы тень затаённой к ним неприязни. Достоевского не пугали почему-то воспоминания об этих двух деревеньках — Даровом и Чермашне, где раздавались гневные крики <нрзб.>³⁰ отца и его последние вопли, когда убийцы скрутили старику руки. Достоевский помнил лишь свои детские впечатления. Он даже стремился попасть в эти деревеньки и, когда ему, незадолго до смерти, удалось туда проехать, он, по свидетельству его жены, «посетил самые различные места в парке и окрестностях, дороги ему по воспоминаниям, и даже сходил пешком (версты две от усадьбы) в любимую им в детстве рошу Чермашню»... О мрачной смерти отца здесь, на дороге от Дарового до Чермашни, он как будто забыл. Но ведь не мог же он, однако, о ней забыть...

VII.

Заниматься черчением, фортификацией, артиллерией — невесело и трудно. А тут еще фронт, а тут еще отправляют ординарцем к вели-

³⁰ В Мн РГБ: пьяного

кому князю Михаилу Павловичу. Рассеянный поклонник Шиллера в своем рапорте пропустил <и^{рзб.}>³¹ слова «к Вашему Императорскому Высочеству», за что и получил замечание от этого самого Высочества: «Посылают же таких дураков!...» Но разве можно запомнить титул и всё, что полагается по правилам субординации, когда в голове гениальные замыслы, когда он, Достоевский, уже пишет трагедию — «Марию Стюарт» и «Бориса Годунова»!

Получив осенью 1841 года чин прапорщика, Достоевский устроился на частной квартире, но ему, девятнадцатилетнему мечтателю, пришлось взять на себя попечение о младшем брате Андрее, который поселился с ним на квартире для подготовки в строительное училище. Достоевский оказался плохим воспитателем. А когда брат Андрей заболел, этот его воспитатель по рассеянности дал ему ложку лекарства, предназначенного для наружного употребления. Ядовитое лекарство обожгло мальчику внутренности и вызвало неистовые его крики. А сам Достоевский, бегая по комнате, рвал на себе волосы, уверенный, что отравил младшего брата.

Больного, впрочем, вылечили. Но и здоровый мальчик тяготил старшего брата. Достоевский вёл в это время рассеянный образ жизни. Он увлекался тогда театром, балетом, концертами. Пользуясь относительной свободой, он беззаботно тратил деньги, которые высылал ему Карепин³², муж старшей сестры Варвары³³, взявший на себя обязанности опекуна осиротевшего семейства Достоевских.

В это время приезжал в Петербург из Ревеля³⁴ старший брат Михаил сдавать экзамен на чин прапорщика полевых инженеров. Этого брата любил Достоевский. Накануне его отъезда устроили прощальный вечер, и Достоевский читал отрывки из своих драматических опытов. Его вдохновляла Лилли Леве, немецкая трагическая актриса, которая гастролировала тогда в Петербурге.

Эти драматические опыты не удовлетворяли, однако, самого Достоевского. Он работал ещё над повестью, но она тоже подвигалась медленно, а между тем он чувствовал себя писателем и тяготился службою. Но как быть? Опекун неумолим. Опекун, Карепин, — человек положительный и деловой, и он не верит, что Достоевский будет равен

³¹ В *Мп РГБ*: , разумеется,

³² Карепин П.А. (1796–1850) — муж сестры писателя Варвары, после смерти М.А. Достоевского ставший опекуном его несовершеннолетних детей; один из прототипов Быкова в «Бедных людях».

³³ Она была старшей из сестёр писателя, однако младше самого Ф.М. Достоевского.

³⁴ В настоящее время Таллинн (Эстония).

Шекспиру. Да и что такое Шекспир? Не лучше ли быть прилежным инженером и аккуратно получать жалованье, не мечтая о трагедиях.

Достоевский получал довольно денег из Инженерного управления и от опекуна — всего около 5000 ассигнациями, и по тем временам мог бы жить, не нуждаясь, но жить расчётливо было не в его вкусах и не в его правилах. Достоевский по природе своей был расточителен. Получив изрядную сумму денег, он тотчас же с беспечностью поэта спешил ее истратить, раздавая их всем, кто бы ни попросил у него, и если не находилось охотников до чужих денег, он шёл в ресторан Доминика играть на биллиарде или в домино и проигрывал всё, что приносил с собою. Оставшись без копейки, он искренне думал, что находится в безвыходном положении благодаря низким интригам опекуна или по вине фатальных обстоятельств. Он пишет письма, исполненные отчаяния и сарказма, требуя от Карепина денег на каких угодно условиях, отказываясь от наследства с тем, чтобы получить одновременно тысячу рублей. Если деньги получены, он едет к какому-нибудь скромному своему знакомому в неурочный час, будит его и, если даже у того лихорадка, требует, чтобы он ехал с ним в ресторан Лерха, на Невский, — требует с такою настойчивостью, как будто от этого зависит вся его жизнь. Там, у Лерха, он занимает отдельный кабинет с роялью, заказывает изысканный ужин и угощает растерявшегося приятеля шампанским.

12 августа 1843 года Достоевский закончил полный курс наук в офицерских классах Инженерного училища и был зачислен на действительную службу для работ в чертёжной Инженерного департамента. Опекун думал, что это очень хорошо, а Достоевский думал, что это очень худо. Опекун думал, что дворянину надлежит служить, получать чины и жалованье, а Достоевский думал, что он великий поэт, что он счастливый соперник Гоголя, а что до денег, то они, конечно, потекут к нему сами собою и вовсе нет надобности служить в департаменте, трепетать перед его превосходительством и тратить драгоценное время на черчение крепостных планов.

VIII.

Ещё там, в училище, сидя в амбразуре окна, выходящего на Фонтанку, Достоевский обдумывал одну странную «идею». Утратив отца, узнав по горькому опыту, как трудно искать помощи у чужих людей, изведав мучительную скуку толпы, с коей приходилось ему поневоле иметь дело в течение шести лет (причём первые три года без всяких

отпусков день и ночь, то в дортуарах Михайловского замка, то в Петергофских лагерях), Достоевский возненавидел этот плен и возжаждал свободы во что бы то ни стало. Но он был юн. Будучи неизмеримо развитее и образованнее своих товарищей, он был, однако, «подростком» и даже позднее, когда его сверстники уже познали мудрость века сего, он всё ещё оставался «подростком», тяготился департаментом и дичился людей, мечтая о независимости и свободе. «Идея», сочинённая им там, «в амбразуре окна», была странная идея. Цель этой идеи была одна — завоевать уединение и свободу... Быть свободным, независимым и могущественным. Да, он жаждал могущества и уединения. Он мечтал о том даже в таких ещё letech, когда уж решительно всякий засмеялся бы ему в глаза, если бы разобрал, что у него в душе. Вот почему он так полюбил тайну. Да, он так мечтал, что ему даже «некогда было разговаривать». Из этого вывели, что он нелюдим. Но он был счастлив, когда, ложась спать и закрываясь одеялом, начинал уже один, в самом полном уединенье, без ходящих кругом людей и без единого от них звука, пересоздавать жизнь на иной лад. Самая яростная мечтательность сопровождала его вплоть до открытия «идеи». Все слилось в одну цель: добыть много денег. Но как их добыть? Находчивость, а потом упорство, твёрдость и непрерывность — и не надо риска. Накануне французской революции Лоу затеял банк. Акции раскупались нарасхват. Все сошли с ума от жадности и азарта. Подписка шла на улице. Не хватило столов, и какой-то горбун предложил свою спину вместо стола. Банк лопнул. Все разорились. Выиграл один горбун, ибо он брал не акции, а настоящие луидоры. Вот он, Достоевский, и есть этот самый горбун, который играет без риска. Разбогатеть очень просто.

«Хотя Карепин и прислал мне 500, — пишет Достоевский брату, — но следуя прежней системе, которой невозможно не следовать, имея долги в доме, я опять с 200 руб<лей> сереб<ром> долгу. Из долгов как-нибудь нужно выбраться. Под сидяч камень вода не потечёт. Судьба благословила меня идеей, предприятием, назови как хочешь»³⁵.

Далее следует просьба перевода и издания на свой счёт романа Евгенья Сю³⁶ «Матильда»...

«За бумагу требуют одну треть цены, а остальное дают в долг. Долг обеспечивается экземплярами книги. Знакомый типографщик, француз, сказал мне, что ежели я дам 1000 руб<лей>, то он мне печатает все экземпляры (в числе 2500), а остальное будет ждать до

³⁵ Письма I. С. 66 (Письмо М.М. Достоевскому от 31 дек. 1843 г.).

³⁶ Сю, Эжен (1804–1857) — французский писатель, автор остросюжетных социально-авантюрных романов, пользовавшихся популярностью в России 1840-х гг.

продажи книги»... «300 экземпляров окупают все издержки печати. Пусти весь роман в 8 томах по целковому, у нас барыш семь тысяч»... «Вот наше предприятие. Хочешь вступить в союз или нет? Выгоды очевидны»³⁷...

Недели через две будущий Ротшильд опять пишет брату о необходимости переводить роман Сю и сулит чудесные барыши. Брат получит не менее 4000 руб<лей> ассигнациями. Это так же верно, как луидоры горбуна. Но в конце письма несколько меланхолическая приписка: «Миленький побратим, есть до тебя субтильная просьбица. Я теперь без денег»... «Ради ангелов небесных пришли 35 руб<лей> ассигнациями»³⁸...

Через месяц опять письмо: «Ты мне приказал уведомить себя на счёт обстоятельств перевода... К крайнему прискорбию моему, бесценный друг мой, скажу тебе, что дело кажется не пойдет на лад»³⁹...

Однако гениальная «ротшильдовская» идея не умрёт. В апреле месяце Достоевский с таким же азартом предлагает брату переводить «Дон-Карлоса» и опять издавать на свой счёт. На этот раз бухгалтерские выкладки написаны колонкою с чертою под нею. Выгода несомненная... В конце приписка: «Служба надоедает. Служба надоела, как картофель»⁴⁰.

В следующем письме те же просьбы: «За успех я ручаюсь головою, и тебя без денег не оставляю. Подожди, к нам как мухи налетят, когда в руках наших увидят переводы. Не одно будет предложение от книгопродавцев и издателей. Это собаки — я их несколько узнал»⁴¹...

Осенью Михаил Михайлович прислал свой перевод «Дон-Карлоса». Достоевский критикует частности, но переводом доволен, даже восхищается им. Необходимо перевести всего Шиллера. «На счёт издателей посмотрим. Но штука в том, что гораздо лучше самим. Иначе нет барыша»... «Перевод произведёт сенсацию... Малейший успех и барыш удивительный...»⁴²

Такова «идея». Действительность совсем иная: «Ну, брат, я и сам знаю, что я в адских обстоятельствах»... «Подал я в отставку, оттого что подал, т.е. клянусь тебе, не мог служить более»⁴³...

³⁷ Письма I. С. 67 (Письмо М.М. Достоевскому от 31 дек. 1843 г.).

³⁸ Там же. С. 69 (Письмо М.М. Достоевскому от 2-й половины янв. 1844 г.).

³⁹ Там же. С. 69 (Письмо М.М. Достоевскому от 14 февр. 1844 г.).

⁴⁰ Там же. С. 71 (Письмо М.М. Достоевскому от апр. 1844 г.).

⁴¹ Письма II. С. 554 (Письмо М.М. Достоевскому от лета 1844 г.).

⁴² Письма I. С. 72 (Письмо М.М. Достоевскому от 30 сент. 1844 г.).

⁴³ Там же.

«Никто не знает, что я выхожу в отставку. Теперь, если я выйду, что тогда буду делать? У меня нет ни копейки на платье. Отставка моя выходит к 14 октября. Если свиньи москвичи промедлят, я пропал. И меня пресерьёзно стащут в тюрьму (это ясно). Прекосическое обстоятельство»... «Эти москвичи невыразимо самолюбивы, глупы и резонёры. В последнем письме Карепин ни с того ни с сего советовал мне не увлекаться Шекспиром! Говорят, что Шекспир и мыльный пузырь всё равно. Мне хотелось, чтобы ты понял эту комическую черту, озлобленье на Шекспира. Ну к чему тут Шекспир?»⁴⁴

19 октября 1844 года состоялся, наконец, высочайший приказ об увольнении от службы по домашним обстоятельствам в чине поручика Фёдора Достоевского.

IX.

В один из осенних вечеров 1844 года, когда Достоевский, уже в штатском платье, бродил по Петербургу, весь поглощённый мыслями о повести, над которой он работал, перед ним неожиданно возникла из тумана сухопарая фигура, и чьё-то веселое лицо, с небольшими бачками, прильнуло к нему, ища уст для поцелуя. Достоевский узнал смеющиеся, задорные, но добродушные глаза молодого человека, так бесцеремонно заключившего его в свои объятия. Это был Григорович⁴⁵, товарищ его по Инженерному училищу, покинувший, впрочем, это училище и перешедший в Академию художеств.

Ничуть не смущаясь сухостью и холодностью Достоевского, не любившего фамильярных изъявлений чувств, весёлый молодой человек, захлёбываясь и даже со слезами смеха на глазах, немедленно, тут же на улице, стал рассказывать Достоевскому о том, что он теперь литератор и что у него приятели тоже литераторы...

Несколько раз он называл какого-то Перепельского, восхищался его способностями и бойкостью пера. Этот Перепельский, по его словам, был «на всё способен» — он был и поэт, и фельетонист, и водевилист, но — главное — он был умница и с ним не пропадёшь. На Александринской сцене шёл его водевиль «Шила в мешке не ута-

⁴⁴ Там же. С. 73–74 (Письмо М.М. Достоевскому от 30 сент. 1844 г.).

⁴⁵ Григорович Д.В. (1822–1900) — известный русский писатель, товарищ Ф.М. Достоевского по Главному инженерному училищу, участник кружка В.Г. Белинского и «натуральной школы» в литературе 1840-х гг.

ишь — девушку под замком не удержишь». Правда, у Нарезного⁴⁶ есть что-то вроде этого, но ещё Мольер сказал: «Je prends mon bien (partout) où je le trouve»⁴⁷... А его мелодрама «Материнское благословение» имела большой успех. В заключение он объявил, что непременно познакомит приятеля с Некрасовым. С каким Некрасовым? Да ведь Перепельский и есть Некрасов, Николай Алексеевич... И лет ему столько же, сколько Достоевскому. Они ровесники. И тоже умница. Но он ещё и делец. А теперь Некрасов познакомился с критиком Белинским и метит попасть в большую литературу. Сам он, Григорович, кое-что успел напечатать, а вот сейчас он написал «физиологический очерк» — это теперь в моде... Булгарин написал «Салопницу», Башуцкий «Водовоза», Даль «Дворника»⁴⁸, а он теперь «Петербургских шарманщиков»... Какое счастье, что он встретил Достоевского! Только его мнением он и дорожит. Достоевский должен зайти к Григоровичу и прослушать его очерк. И Григорович повлёк приятеля к себе, где тотчас же, немедленно прочёл ему своих «Шарманщиков»... При чтении в одном месте автор заметил, что Достоевский поморщился. У Григоровича было написано так: когда шарманщик перестаёт играть, чиновник из окна бросает пятак, который падает к ногам шарманщика. «Не то, не то, — раздражённо заговорил вдруг Достоевский, — совсем не то! У тебя выходит слишком сухо: пятак упал к ногам... Надо было сказать: пятак упал на мостовую, звеня и подпрыгивая»⁴⁹...

Но всё же Достоевский похвалил «Петербургских шарманщиков», Григорович был польщён. Тут же приятели порешили поддерживать знакомство. Вскоре они поселились вместе, наняв квартиру в доме Прянишникова, на углу Владимировского⁵⁰ и Графского переулка.

⁴⁶ Нарезный В.Т. (1780-1825) — прозаик, драматург, поэт; автор первого бытового русского романа «Российский Жильбляз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (1814), один из родоначальников реалистической школы в русской литературе.

⁴⁷ «Я беру своё добро там, где его нахожу» (фр.).

⁴⁸ Булгарин Ф.В. (1789–1859) — писатель, журналист, литературный критик, издатель, автор авантюрных романов, фельетонов, нравоописательных очерков, известен ожесточёнными нападками на А.С. Пушкина; Башуцкий А.П. (1803–1876) — писатель и публицист, автор нравоописательных очерков; Даль В.И. [Казак Луганский] (1801–1872) — писатель и учёный, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка», в 1840-е гг. участник «натуральной школы», автор социально-бытовых очерков.

⁴⁹ См.: Григорович Д.В. С. 131.

⁵⁰ Имеется в виду Владимирский проспект, проложенный в 1740-х гг. как продолжение Литейного проспекта по проекту Комиссии о Санкт-Петербургском строении (утверждён в 1739 г.).

Квартира состояла из кухни и двух комнат. Хозяйство у них велось беспорядочно. Григорович от своей матушки, а Достоевский — от опекуна получали довольно денег, но им хватало их примерно на две недели, а вторую половину месяца они пробавлялись больше ячменным кофеем и булками, за коим они сами бегали в дом Фридерикса.

Когда приятели поселились на Владимирской⁵¹, Достоевский только что кончил перевод романа Бальзака «Евгения Гранде». Оба они, и Григорович, и Достоевский, увлекались Бальзаком чрезвычайно. Достоевский собирался отдать свой перевод в «Отечественные записки», но перевод появился не там, а в «Репертуаре и пантеоне» — и притом, к досаде Достоевского, в сокращённом виде.

«Я моей работой доволен, — писал Достоевский брату 30 сентября 1844 года, имея в виду перевод Бальзака. — Получу, может быть, рублей 400 — вот и все надежды мои. Я бы тебе более распространился о моем романе, да некогда»⁵²... О каком романе? Это всё тот же роман, который и увлекал, и мучил Достоевского последние полтора года и о котором он позднее несколько раз писал брату, всё ещё не называя его никак. Это, конечно, первый повествовательный опыт Достоевского «Бедные люди».

«Достоевский, — рассказывает Григорович, — просиживал целые дни и часть ночи за письменным столом. Он слова не говорил о том, что пишет; на мои вопросы он отвечал неохотно и лаконически; зная его замкнутость, я перестал его спрашивать. Я мог только видеть множество листов, исписанных тем почерком, который отличал Достоевского: буквы сыпали у него из-под пера точно бисер, точно нарисованные»... «Как только Достоевский переставал писать, в его руках немедленно появлялась книга. Он одно время очень пристрастился к романам Ф. Сулье⁵³, особенно восхищали его «Записки демона»⁵⁴...

«Моим романом я серьёзно доволен, — писал Достоевский брату весною 1845 года. — Это вещь строгая и стройная. Есть, впрочем, ужа-

⁵¹ Владимирский проспект с конца XVIII в. именовался также Владимирской улицей.

⁵² Письма I. С. 73 (Письмо М.М. Достоевскому от 30 сент. 1844 г.). Из контекста письма очевидно, что Достоевский пишет не о переводе «Евгения Гранде», а о работе над другим произведением. М.П. Алексеев предположил, что речь идет об утраченной драме «Жид Янкель» (См.: Алексеев М.П. О драматических опытах Достоевского // Творчество Достоевского. С. 51).

⁵³ Сулье, Фредерик (1800–1847) — французский писатель и драматург, один из создателей жанра романа-фельетона.

⁵⁴ Григорович Д.В. С. 139.

сные недостатки»... «Ты, может быть, хочешь знать, чем я занимаюсь, когда не пишу — читаю. Я страшно читаю и чтение странно действует на меня. Что-нибудь, давно перечитанное прочитаю вновь и как будто напрягусь новыми силами, вникаю во всё, отчётливо понимаю и сам извлекаю уменье создавать»⁵⁵...

Да, Достоевский действительно извлекал из книги «уменье создавать». И никто не посмеет сказать, что он подражает, ибо он пишет лучше тех, у кого он учится писать. Да, он изучил до тонкости все повествовательные приемы Бальзака, Гофмана, Виктора Гюго, Жорж Санд... Эти все были ему близки и нужны, каждый по-разному. Но его чтение так многообразно. От его внимания не ускользает ни один талант. Уже три года назад он мог произносить наизусть целые страницы из «Мёртвых душ»... И можно с уверенностью сказать, что, если бы он не читал пушкинского «Станционного смотрителя» и гоголевской «Шинели», его повесть о бедном Девушкине не была бы написана.

Но не думайте, что он живёт одними книгами. Нет, он, застенчивый и дикий, умеет, однако, зорко приглядываться ко всему и угадывать людей. Ведь значит же что-нибудь лицо человеческое! Уже в те годы, когда он, получив чин прапорщика, поселился впервые на частной квартире, он бродил по городу недаром. И его мечтательность не была бесплодной. Когда доктор Ризенкампф стал жить с ним, Достоевский изучал его пациентов, особенно бедняков, это обходилось ему иногда недёшево. Приходилось делиться с ними последним рублём. Какой-то брат какого-то фортепьянного мастера Келера сделался завсегдаем квартиры Достоевского. Этот Келер рассказывал Достоевскому о «пролетариате столицы»...

Но вот повесть окончена. Взыскательный художник ею доволен. Но не оставьте же в столе эту довольно объёмистую тетрадь почтовой бумаги большого формата! Надо напечатать эту повесть.

Он ведь не только мечтатель, у него «идея», у него *idée fixe*⁵⁶. Это ничего, что он расточает всё, что получает от опекуна, а то, что он весь в долгах, — это случайность. Но он должен быть свободным, а для этого нужны деньги. Повесть написана. Её надо обратить в золото. Но как? Он прочёл недавно в «Инвалиде»⁵⁷ о немецких поэтах, которые умерли с голоду или погибли в сумасшедшем доме... Таких было не менее двадцати... И какие имена! Ему стало страшно.

⁵⁵ Письма I. С. 75, 76 (Письмо М.М. Достоевскому от 24 марта 1845 г.).

⁵⁶ Идефикс, навязчивая идея, неподвижная идея (*фр.*).

⁵⁷ Имеется в виду г. «Русский инвалид».

Сначала он хотел во что бы то ни стало сам печатать повесть. Так выгоднее. Зачем отдавать барыши издателю или журналу! Но дело что-то не клеится.

«Не знаю, брат, что со мною будет! Ты несправедливо говоришь, что меня не мучает моё положение. До дурноты, до тошноты мучает. Часто я по целым ночам не сплю от мучительных мыслей. — Мне говорят толковые люди, что я пропаду, если напечатаю мой роман отдельно»⁵⁸...

«А не пристрою романа, так может быть и в Неву. Что же делать? Я уж думал обо всём! Я не переживу смерти моей *idée fixe!*...»⁵⁹

В сущности, у него, Достоевского, литературных знакомств вовсе не было. Единственный литератор, ему известный, Григорович, был ещё писатель начинающий, автор двух-трёх очерков. Но зато он был бойкий и услужливый. Это он убедил Достоевского отдать рукопись Некрасову. В это время двадцатичетырёхлетний Некрасов сотрудничал уже в «Отечественных записках» и готовил к изданию «Петербургский сборник»... Та идея, которая соблазняла Достоевского <нрзб.>⁶⁰, у Николая Алексеевича Некрасова стала впоследствии делом, из мечтаний обратилась в действительность, и сам он из ничего стал, как известно, богачом...

Ни денег, ни званья, ни племени,
Мал ростом и с виду смешон,
Да сорок лет минуло времени, —
В кармане моем миллион⁶¹.

Тогда, в 1845 году, он ещё только начинал, но «демон» уж был с ним. Этот демон ему, наверное, сопутствовал лет с шестнадцати, когда он почти бежал от отца и очутился на петербургской мостовой.

Но в этот же 1845 год у него сложилось в душе стихотворение «В дороге» — этот стон о судьбе крепостной России... Рукопись «Бедных людей» прочёл не расчётливый издатель, а поэт с сердцем, уже израненным и горем, и стыдом, и страстью.

Вечером того дня, когда рукопись «Бедных людей» попала в руки Некрасова, Достоевский ушёл из дому к одному из прежних товари-

⁵⁸ Письма I. С. 77 (Письмо М.М. Достоевскому от 4 мая 1845 г.).

⁵⁹ Там же. С. 79 (Письмо М.М. Достоевскому от 4 мая 1845 г.).

⁶⁰ В *Мп РГБ*: всю его жизнь

⁶¹ Некрасов Н.А. Т. 1. С. 160 (Из стихотворения «Секрет (Опыт современной баллады)», 1851–1855).

щей и засиделся у него поздно, разговаривая о Гоголе и читая в сотый раз «Мёртвые души». Вернулся он домой в четыре часа. Была настоящая петербургская белая ночь. Достоевский не мог спать. Он сел у открытого окна. Громады каменных домов вдруг стали лёгкими и как будто прозрачными. Все стало похоже на фантастическую декорацию. От волшебного белого света кружилась голова.

Роман окончен, — думал Достоевский. — Он теперь в чьих-то чужих руках. Вероятно, рукопись ещё долго будет валяться у этого Перепельского... Или как его настоящая фамилия? Да, у Некрасова. А если Григорович будет настаивать, возможно, что Некрасов и скоро прочтёт... Но поймёт ли он его, Достоевского? Конечно, в этой повести есть «ужасные недостатки»... Но ведь не в них же дело. Дело в том, что мир исполнен красоты и ужаса, и он, Достоевский, вот этот самый Достоевский, с упрямым вихром на голове и с несколько утиным носом, чувствует этот мир, как огромный трагический театр.

Пусть он не успел в этой повести рассказать и сотой доли своих предчувствий и своих прозрений, но неужели нельзя угадать в этих бедных людях образ человека вообще — его слепоту, ничтожество и, однако, его нравственную высоту? Неизвестно, как читатели отнесутся к повести, но он, Достоевский, чувствует всем своим существом, что пришёл в мир неслучайно. Карепин издевается над Шекспиром и над ним. Глупец не знает, что, быть может, в этом сопоставленьи именно есть что-то пророческое. Впрочем, зачем эти высокие размышления? Ему теперь нужна, прежде всего, свобода. Как это у Пушкина говорит книгопродавец — «без денег и свободы нет»?

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать...⁶²

Ну, а если романа не напечатают? Тогда можно и в Неву...

Вдруг звонок. Достоевский удивился. Как? В четыре часа ночи? У него даже сердце сжалось. Руки дрожали, когда поворачивал ключ. Вошёл Григорович и с ним Некрасов. Они бросились обнимать его, чуть не плача, в совершенном восторге. Накануне вечером они взяли рукопись и стали читать на пробу: «С десяти страниц видно будет». Но, прочтя десять страниц, решили прочесть ещё десять, а затем, не отрываясь, просидели уже всю ночь до утра, читая вслух и чередуясь, когда один уставал.

⁶² Пушкин А.С. Т. 2. С. 179 (Из стихотворения «Разговор книгопродавца с поэтом», 1824).

— Читает Некрасов про смерть студента, — торопился Григорович, захлёбываясь от волнения, — и вдруг я вижу, в том месте, где отец за гробом бежит, у него голос прерывается, раз и другой, и вдруг не выдержал, стукнул ладонью по рукописи...

Вот они и решили идти тотчас же, немедленно, чтобы сказать Достоевскому, что его повесть прекрасна. «Что ж такое, что спит, мы разбудим его, э т о выше сна!»...

Они говорили теперь с восклицаниями, торопясь, перебивая друг друга. Некрасов сказал: «Сегодня же снесу Белинскому вашу повесть»... «Вот вы познакомитесь, увидите, какая это душа!»... «Ну, теперь спите, спите, мы уходим, а завтра к нам!»

Но Достоевский не мог заснуть. Какой восторг! Какой успех! «У иного успех, ну хвалят, встречают, поздравляют, а, ведь, эти прибежали со слезами, в четыре часа, разбудить, потому что это выше сна... Ах, хорошо!...»

Нет уж! Какой тут сон!

Х.

— Новый Гоголь явился! — закричал Некрасов, входя к Белинскому с рукописью «Бедных людей».

— У вас Гоголи-то как грибы растут!

Когда Некрасов зашёл к нему в тот же день вечером, то Белинский встретил его «просто в волнении»:

— Приведите, приведите его скорее!

П.В. Анненков⁶³, тот самый, который под диктовку Гоголя писал «Мёртвые души», а впоследствии был или неизменным корреспондентом, или спутником Тургенева, рассказывает в своих воспоминаниях: «В одно из моих посещений Белинского, перед обедом, когда он отдыхал от утренних писательских работ, я со двора дома увидел его у окна гостиной, с большой тетрадью в руках и со всеми признаками волнения на лице. Он тоже заметил и прокричал: “Идите скорее, сообщу новость”»... «Вот от этой самой рукописи, — продолжал он, поздоровавшись со мною, — которую вы видите, не могу оторваться второй день. Это — роман начинающего таланта: каков этот господин

⁶³ Анненков П.В. (1812–1887) — литературный критик, прозаик, мемуарист, близкий друг И.С. Тургенева, участник кружка В.Г. Белинского в 1840-е гг., автор известной книги воспоминаний «Замечательное десятилетие. — 1838–1848» (1880); основатель отечественной пушкинистики (выпустил первое критически подготовленное собрание сочинений А.С. Пушкина и первую научную биографию великого поэта).

с виду и каков объём его мысли — ещё не знаю, а роман открывает такие тайны жизни и характеров на Руси, которые до него и не снились никому. Подумайте, это первая попытка у нас социального романа и сделанная притом так, как делают обыкновенно художники, т.е. не подозревая и сами, что у них выходит. Дело тут простое: нашлись добродушные чудаки, которые полагают, что любить весь мир есть необычайная приятность и обязанность для каждого человека. Они ничего и понять не могут, когда колесо жизни со всеми её порядками, наехав на них, дробит им молча члены и кости. Вот и всё — а какая драма, какие типы! Да я забыл вам сказать, что художника зовут Достоевский»⁶⁴...

На третий день Достоевского привели к Белинскому. Молодой автор шёл к нему не без смущения. Белинскому, уже известному тогда критику, было тридцать четыре года. Достоевский был моложе его на десять лет. Критик жил на углу Фонтанки и Невского, близ Аничкова моста, в доме Лопатина; окна выходили во двор и квартира помещалась во втором этаже, над сараями. Квартира была маленькая, но чистенькая. В гостиной стоял сафьянный диван и кресла вокруг круглого стола — всё симметрично. На окнах — герань, гвоздика, рододендроны... Соседняя комната, узкая, как коридор, заставлена была шкапами с книгами. Там стоял письменный стол. Где-то попискивала канарейка. Хозяин вышел навстречу гостям. Достоевский воображал почему-то «этого страшного критика» человеком большого роста и внушительного вида. Но Белинский был мал, невзрачен, сутуловат. Грудь у него была впалая. Одна лопатка выдавалась больше другой. Он вышел из своего кабинета как-то боком, покашливая. Какое у него было странное лицо! Нос был приподнят с одной стороны, а с другой — напротив, была какая-то впадина. Верхняя губа тоже с одной стороны торчала кверху, а с другой была опущена. Выдавались вперед на бледном худом лице красноватые скулы. Хороши были только глаза, голубовато-серые, с искорками, но их Достоевский сразу не разглядел. Они были полузакрыты тяжелыми веками. Прямые светлые волосы падали прядью на низкий лоб. Одет он был в серый сюртук. Поздоровавшись, Белинский тотчас же вытащил из заднего кармана табакерку и принялся вертеть её в руках, пощёлкивая пальцами о крышку. Ручки у него были маленькие — как у женщины.

Сначала Белинский старался быть важным и не спешил высказываться, поглядывая искоса на автора «Бедных людей». Но разглядев,

⁶⁴ Анненков П.В. Замечательное десятилетие. — 1838–1848 // Анненков П.В. Литературные воспоминания. СПб., 1909. С. 290.

должно быть, что гость тоже не очень развязен и смотрит волчком, заговорил слабым голосом, с хрипотой, с особенными удвоениями и придыханиями, однако «упорствуя, волнуясь и спеша»⁶⁵.

— Да вы понимаете ли сами-то, что вы такое написали! Вы только непосредственным чутьём, как художник, это могли написать, но осмыслили вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы нам указали? Да ведь этот ваш несчастный чиновник — ведь он до того заслужился и до того довёл себя уже сам, что даже и несчастным-то себя не смеет почесть от приниженности и почти за вольнодумство считает малейшую жалобу, даже право на несчастье за собой не смеет признать... А эта оторвавшаяся пуговица, а эта минута целования генеральской ручки, да ведь тут уж не жалость к этому несчастному, а ужас, ужас! Это трагедия! Вы до самой сути дела дотронулись... Мы, публицисты и критики, только рассуждаем, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художники, одною чертою, разом в образе выставляете самую суть, чтобы ощупать можно было рукой... Вот гайна художественности, вот правда в искусстве! Вот служение художника истине! Вам правда открыта и возвешена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будете великим писателем!...

Белинский задыхался. Временами вскрикивал, <нрзб.>⁶⁶, поднимая кверху руку с табакеркою.

Достоевский вышел от него в упоении. Он остановился на углу улицы, смотрел на небо, на светлый майский день, на прохожих — и весь, всем существом своим, ощущал, что в жизни его случилось что-то важное, торжественное, какой-то перелом навеки, что началось что-то совсем новое, но такое, чего он не предполагал тогда даже в самых страстных своих мечтах. А он был мечтатель!

Так вот что значат эти бессонные ночи, эти томления, этот хмель от шекспировских трагедий, от романов великого Бальзака, от странных признаний безумца Гофмана! Это значит, что он сам, Достоевский, равен им... Такой же, как Гоголь... Великий писатель!

Он даже застыдился, чувствуя, что голова его кружится:

— И неужели вправду я так велик? О, я буду достойным этих похвал! И какие люди! Какие люди! О, я буду таким же, как они... Пребуду “верен”! О, как я легкомыслен! И если бы только Белинский знал, какие во мне есть дрянные, постыдные чувства! А все говорят,

⁶⁵ Некрасов Н.А. Т. 1. С. 121 (Из стихотворения «Памяти Белинского», 1851–1853).

⁶⁶ В Мп РГБ: даже взвизгивал

что эти литераторы горды и самолюбивы... Нет, у них одних истина, а истина, добро и правда всегда побеждают и торжествуют над пороком и злом. О, мы победим!

Достоевскому было тогда двадцать четыре года. И вот начались свидания Белинского с Достоевским. Это было за три года до смерти критика. Чахотка уже душила его. Но ему не хотелось умирать. Напротив, никогда еще не казалась ему жизнь такой заманчивой. Забыты Шеллинг, Фихте и даже Гегель. Уроки Мишеля Бакунина⁶⁷ как будто пропали даром. Теперь у него были другие кумиры, которые казались ему живою истиной. И как он в эти кумиры поверил! Это были несравненная Жорж Санд, Кабе (или, как тогда говорили, — Кабет), Пьер Леру⁶⁸, именовавшийся в кружке приятелей Белинского Петром Рыжим, и, наконец, Прудон⁶⁹, который казался тогда чуть не гением. Эти трое особенно пленяли сердце Белинского. Как мог он, Белинский, тратить свои силы на отвлечённейшие рассуждения немецких метафизиков! Нет, он теперь понимает, что гегелевский Абсолютный разум — мнимый логический закон. Этот закон — как дышло, куда хочешь, туда и вышло. Этот мнимый Абсолютный разум привёл его, Белинского, к нелепому оправданию действительности. Он краснеет при воспоминании о своих статьях «Бородинская годовщина» и «Мендель, критик Гете». Как он мог написать такой реакционный вздор! И это в то время, когда весь мир изнемогает от подлых социальных порядков, когда Россия раздавлена ботфортом жандарма... Но старания Станкевича⁷⁰, Бакунина, Герцена, Каткова⁷¹, худо или хорошо обучавших Белинского немец-

⁶⁷ Бакунин М.А. (1814–1876) — революционер, философ, публицист; активный деятель международного революционного движения; панславист, анархист, идеолог народничества; возможно, один из прототипов Ставрогина в «Бесах».

⁶⁸ Кабе, Этьен (1788–1856) — глава коммунистического направления во французском утопическом социализме, автор знаменитого романа «Путешествие в Икарию» (1840); Леру, Пьер (1797–1871) — французский философ и политэконом, развивавший социально-утопические идеи.

⁶⁹ Прудон, Пьер Жозеф (1809–1865) — французский политик, социолог и экономист социалистической направленности, объявивший крупную капиталистическую собственность «кражей».

⁷⁰ Станкевич Н.В. (1813–1840) — организатор и глава кружка (1831–1839), сыгравшего важную роль в истории общественной мысли России, в который входили М.А. Бакунин, В.Г. Белинский, К.С. Аксаков, Т.Н. Грановский, М.Н. Катков и др.

⁷¹ Катков М.Н. (1818–1887) — литературный критик, публицист, с конца 1850-х гг. редактор и издатель ж. «Русский вестник» и г. «Московские ведомости»; в юности участник кружка Н.В. Станкевича; его взгляды эволюционировали от либерализма (1860-е) к консерватизму (1870–1880-е); с 1866 г. регулярно печатал в своём журнале

кому идеализму, были всё-таки не бесплодны. Утопический социализм пленял его теперь, потому что в нём он видел применение к жизни некоего морального идеала, которого он так страстно искал в отвлеченных формулах сначала Шеллинга, а потом Гегеля. Абстракция его утомила. Он хочет быть реалистом. В его чахоточной голове учение французских утопистов отождествляется с наукою. Приятели Белинского познакомили его с книгами Штрауса и Фейербаха⁷². Это была вода на мельницу Белинского. Теперь он знает, что атеизм последнее слово европейской науки. И в самом деле — как это просто и легко: надобно отказаться раз навсегда от суеверий, которые душили человечество... В словах «бог» и «религия» — тьма, мрак, цепи и кнут... Что есть истина? Этого еще никто не уразумел. А вот голодного надо накормить, раба надо освободить — это ясно... «А чорт ли в истине, если её нельзя приложить непосредственно к нашей нищей и грязной жизни!...»⁷³

Вот с этими идеями и бросился Белинский к юному автору нашего «первого социального романа». Достоевский, соблазненный и очарованный похвалами, которые расточал ему «страшный критик», не сразу открыл свои карты. Да и вся отрицательная программа Белинского, вся его страстная критика социального безобразия, политического гнёта и мрачных бытовых условий — всё это было по душе Достоевскому... Ему ли не видеть позор и муки всех этих униженных и оскорблённых! Белинский и его юный приятель часами толковали о том счастливом времени, когда весь этот мещанский порядок будет опрокинут... А если понадобится пролить кровь? Ничего не поделаешь. Иногда приходится надеяться на «матушку святую гильотину»...

Утомившись страстную речь, Белинский умолкал и бежал к цветам — поливать, отрывать засохшие листочки... — Надо мыслить по-маратовски, — бормотал он, любовно ухаживая за каким-нибудь чахленьким растеньицем.

произведения Ф.М. Достоевского, нередко предоставляя писателю материальную помощь в сложных жизненных ситуациях.

⁷² Штраус, Давид (1808–1874) — немецкий философ, историк, теолог левогегельянского толка, автор известной книги «Жизнь Иисуса» (1835); Фейербах, Людвиг (1804–1872) — немецкий философ, глава левого гегельянства, основатель антропотеизма, автор книги «Сущность христианства» (1841).

⁷³ См.: *Письма Белинского III*. С. 87 (Из письма А.И. Герцену от 26 янв. 1845 г.: «Истину я взял себе, — и в словах Б о г и р е л и г и я вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре. Всё это так, но ведь я по-прежнему не могу печатно сказать всё, что я думаю и как я думаю. А чорт ли в истине, если её нельзя популяризировать и обнародовать? — мёртвый капитал!»).

Но недоразумение должно было рано или поздно выясниться. Социализм Достоевского был какой-то другой, не тот социализм, каким жил Белинский. У Белинского было всё яснее и проще — как раз именно в эти годы, когда он прочёл «Бедных людей», — прочёл и восхитился ими, истолковав их по-своему. И раньше, и позже у самого Белинского были сомнения и вопросы, а в этот 1845-й год он с такою страстью принял учение проповедников социальной утопии, что для их рая готов был всем пожертвовать. Впрочем, едва ли он сознавал размеры жертвы, её вес и значительность. По свидетельству друзей Белинского, он не был обременён большими знаниями, он шёл по своему пути налегке. И дело было не в том, что «исторические сведения Белинского были слишком слабы»⁷⁴, как сообщает И.С. Тургенев, а в том, что он не чувствовал истории, не чувствовал тысячелетий, у него не было исторической памяти, он попросту забыл «отчий дом»: тем горячее и страстнее он должен был отдаться своей мечте о будущем. Если нет «отчего дома», построим н о в ы й дом. Без крова жить нельзя. Если мы пасынки истории, если она жестокая мачеха, а не мать, так отречёмся от ветхого мира... Во второй части «Фауста» Гёте сосредоточены едва ли не все накопившиеся в веках культурные проблемы, но для него, Белинского, всё это не более, как «сухая, мёртвая, гнилая символика и аллегорика»⁷⁵. Белинский от кого-то услышал, что в каком-то немецком журнале появилась статья, где бранят непонятную вторую часть «Фауста», и другая статья, где автор доказывает, что «Divina Commedia»⁷⁶ Данте бессодержательная «символика». Белинский в восторге, что его мнение совпадает с мнением Европы. Какое дело ему, Белинскому, до этого чудака Данте, который в своих терцинах запечатлел будто бы навек всю сложность Средневековья! Все эти суеверия пора сдать в архив...

Для Достоевского история не была случайным хламом. Ещё будучи юношей лет восемнадцати, он писал брату письма, из коих видно, что он уже видел в истории глубочайший смысл. Уже в 1840 году, за пять лет до встречи с Белинским, он рассуждает об «организации и духовной, и земной жизни»⁷⁷ в христианском и дохристианском мире; для него история не пустое место, а действительно «отчий

⁷⁴ Тургенев И.С. Литературные и житейские воспоминания. II. Воспоминания о Белинском // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1898. Т. 12. С. 51.

⁷⁵ См.: **Письма Белинского I**. С. 333 (Письмо И.И. Панаеву от 19 авг. 1839 г.).

⁷⁶ «Божественная комедия» (*итал.*).

⁷⁷ **Письма I**. С. 58 (Письмо М.М. Достоевскому от 1 янв. 1840 г.).

дом». И если он его покидает, то покидает, прекрасно сознавая, на что он идёт и от чего отказывается.

Но Белинскому было не до сокровищ прошлого. Он был весь поглощён страстною мечтою о будущем. Пора уже изничтожить самые основания старого общества — прежде всего собственность. Ну, а если собственность, то и семью. О, как права эта умница Жорж Санд!

Но сам Белинский был женат на перезревшей классной даме и нёс покорно иго супружества и даже кротко терпел в доме своём своячениц. В соседней комнате то и дело слышался диалог сестриц:

— Ma sœur, où sont les clefs?

— Ma sœur, donnez moi les clefs...⁷⁸

А если слышался детский плач, Белинский тотчас же бежал к своей Олечке — утешить, а потом — опять рука с табакеркою угрожала каким-то обскурантам и он, задыхаясь, декламировал о женской эмансипации и негодовал на пушкинскую Татьяну за её верность мужу.

— Нет! Надо уничтожить самые основы старой общественности... Надо низложить ту религию, из которой вышли нравственные основания общества... Надо низложить христианство...

Прошло двадцать восемь лет; Белинский давно уже умер; Достоевский пережил эшафот, каторгу, смерть жены и многое иное — а эти разговоры с «страшным критиком» остались у Достоевского в памяти, как будто он вёл их вчера.

«Учение Христово он, как социалист, необходимо должен был разрушить, называть его ложным и невежественным человеколюбием, осуждённым современной наукой и экономическими началами, — писал Достоевский в 1873 году. — Но всё-таки оставался пресветлый лик Богочеловека, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота. Но в непрерывном неугасимом восторге своём Белинский не остановился даже и пред этим неодолимым препятствием, как остановился Ренан⁷⁹, провозгласивший в своей полной безверия книге “*Vie de Jésus*”⁸⁰, что Христос всё-таки есть идеал красоты человеческой, тип недостижимый, которому нельзя уже более повториться даже и в будущем»⁸¹...

⁷⁸ — Сестра, где ключи?

— Сестра, дайте мне ключи... (*фр.*).

⁷⁹ Ренан, Эрнест (1823–1892) — французский писатель и историк религии, позитивист и скептик, автор книги «Жизнь Иисуса» (1863).

⁸⁰ «Жизнь Иисуса» (*фр.*).

⁸¹ ПСХП. Т. 11. С. 8–9 («Дневник писателя. 1873 г. II. Старые люди»).

И далее Достоевский рассказывает про Белинского:

«Да знаете ли вы, — взвизгивал он раз вечером (он иногда как-то взвизгивал, если очень горячился), обращаясь ко мне, — знаете ли вы, что нельзя насчитывать грехи человеку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество так подло устроено, что человеку невозможно не делать злодейств, когда он экономически приведён к злодейству, и что нелепо и жестоко требовать с человека того, чего уже по законам природы не может он выполнить, если б даже хотел...»⁸²

«В этот вечер мы были не одни, — продолжает свое повествование Достоевский, — присутствовал один из друзей Белинского, которого он весьма уважал и во многом слушался; был тоже один молоденький, начинающий литератор, заслуживший потом известность в литературе...

— Мне даже умилительно смотреть на него, — прервал вдруг свои яростные восклицания Белинский, обращаясь к своему другу и указывая на меня, — каждый-то раз, когда я вот так помяну Христа, у него всё лицо изменяется, точно заплакать хочет... Да поверьте же, наивный вы человек, — он набросился опять на меня, — поверьте же, что ваш Христос, если бы родился в наше время, был бы самым незаметным обыкновенным человеком; так и стушевался бы при нынешней науке и при нынешних двигателях человечества.

— Ну, не-е-ет! — подхватил друг Белинского. (Я помню, мы сидели, а он расхаживал взад и вперёд по комнате) — Ну, нет: если бы теперь появился Христос, он бы примкнул к движению и стал во главе его...

— Ну да, ну да, — вдруг и с удивительной поспешностью согласился Белинский. — Он бы именно примкнул к социалистам и пошёл за ними...»⁸³

XI.

Несмотря на то, что Белинский считал Достоевского талантливым, но ещё наивным юношей, а Достоевский, в свою очередь, удивлялся, что «страшный критик» оказался в его глазах человеком весьма восторженным, но отнюдь не мудрым, у них было влечение друг к другу.

Однажды, скитаясь по Петербургу, Достоевский забрёл на Знаменскую площадь, где строился в это время Николаевский вокзал, и встретил там Белинского.

⁸² Там же. С. 9.

⁸³ Там же.

— Я сюда часто захожу взглянуть, как идет постройка, — сказал Белинский. — Хоть тем душу⁸⁴ отведу, что постою и посмотрю на работу: наконец-то и у нас будет хоть одна железная дорога. Вы не поверите, как эта мысль облегчает мне иногда сердце.

Белинский никогда не рисовался. И сказано было горячо и хорошо. Недаром этот восторг перед «прогрессом» запомнился Достоевскому, и он, спустя двадцать восемь лет, отметил его в своем «Дневнике» как характернейшую для Белинского черту⁸⁵.

«Бедные люди» еще не были напечатаны, а Достоевский уже принялся писать другую повесть — «Повесть о господине Голядкине»⁸⁶. Белинский с нетерпением ждал нового «социального романа». Время от времени он посылал Достоевскому записки с приглашением навестить его: «Достоевский! Душа моя (бессмертная) жаждет вас видеть»⁸⁷...

И Достоевский охотно шёл к «нашим», т.е. к Белинскому и его друзьям, этим счастливым «избранникам»... Они все поэты. Они, правда, не разделяют самых заветных идей его, Достоевского, но он пока и не спешит высказываться до конца. Главное — они все поэты и художники. И Белинский тоже в своем роде большой поэт. Все они братья — в искусстве. А то главное, тайное, что у него на душе, — об этом он, Достоевский, расскажет в своих будущих романах...

Летом Достоевский поехал в Ревель к брату Михаилу. Ему хотелось рассказать о своей «новой жизни». Но, почуяв веяние крылатой славы, он ещё не вкусил пока ее плодов. Повесть ещё не была напечатана. Денег по-прежнему было мало. И его рассказ о «новой жизни» был как-то не совсем убедителен. Он возвращался домой в дурном настроении. Пароход полз, а не шёл. Ветер был противный, волны хлестали через палубу. Достоевский озяб, продрог, его тошнило, он изнемог и почти лишился чувств... Петербург и будущая петербургская жизнь показались такими страшными, безлюдными, безотрадными... Кредиторы напоминали о себе. Достоевский пошёл к

⁸⁴ *Было: сердце*

⁸⁵ См.: ПСХП. Т. 11. С. 10 («Дневник писателя. 1873 г. II. Старые люди»).

⁸⁶ Неточное название повести Ф.М. Достоевского «Двойник», в первой публикации («Отечественные записки», 1846, № 2) имевшей подзаголовок «Приключения господина Голядкина».

⁸⁷ Семевский В.И. Петрашевцы С.Ф. Дуров. А.И. Пальм. Ф.М. Достоевский и А.Н. Плещеев // Голос минувшего. 1915. № 11. Ноябрь. С. 21–22. В бумагах Ф.М. Достоевского при аресте по делу М.В. Петрашевского в 1849 г. была найдена следующая записка: «Достоевский, душа моя (бессмертная) жаждет видеть вас. Приходите, пожалуйста, к нам, вас проводит человек, от которого вы получите эту записку. Вы увидите все наших, а хозяина не дичитесь, он рад вас видеть у себя. В. Белинский».

Белинскому, и тот прочёл ему наставление о том, как можно ужиться в нашем литературном мире.

В письме от 8 октября 1845 года Достоевский сообщил брату: «Я бываю весьма часто у Белинского. Он ко мне донельзя расположен и серьёзно видит во мне доказательство перед публикой и оправдание мнений своих»... «Вообще говоря, будущность (и весьма недалёкая) может быть хороша и может быть и страх, как дурна. Белинский понукает меня дописывать Голядкина. Уж он разгласил о нём во всём литературном мире и чуть не запродам Краевскому, а о «Бедных людях» говорит уже пол-Петербурга. Один Григорович чего стоит! Он сам мне говорит: “Je suis votre *claqueur-chauffeur*”⁸⁸»⁸⁹...

«Наши» пока ещё благосклонны к Достоевскому. Некрасов собирается издавать сатирический альманах «Зубоскал». В редакцию приглашён Достоевский. Ему даже поручили написать программное объявление, и оно было напечатано в ноябрьском номере «Отечественных записок» в том же 1845 году. Правда, альманах цензура не разрешила: показалась подозрительной фраза Достоевского — «“Зубоскал” будет смеяться над всем, что достойно смеха»...

Итак, Достоевский ещё ничего не успел напечатать, но слава его растёт. А может быть, она вовсе не так уж растёт, но ему кажется, что все только о нём и думают, только им одним интересуются. <Ирзб.>⁹⁰. Он как в лихорадке. Он сам поражён сокровищами, которыми владеет. От мрачной подозрительности, мнительности и уединённых размышлений он вдруг кинулся в иную крайность. Он теперь, как малый ребенок, поверил в свою славу.

«Ну, брат, никогда, я думаю, слава моя не дойдёт до такого апогея, как теперь, — пишет он брату 16 ноября 1845 года. — Всюду почтение невероятное, любопытство насчёт меня страшное. Я познакомился с бездною народу самого порядочного. Князь Одоевский⁹¹ просит меня осчастливить его своим посещением, и граф Соллогуб⁹²

⁸⁸ «Я ваш *клакер-пропагандист*» (фр.).

⁸⁹ Письма I. С. 82 (Письмо М.М. Достоевскому от 8 окт. 1845 г.).

⁹⁰ В *Мп РГБ*: Нет, довольно он насиделся в амбразуре окна, там, в Инженерном замке, дичась и уединяясь. Достоевский чувствует, что душа его исполнена каких-то необычайных идей и образов

⁹¹ Одоевский В.Ф., кн. (1803–1869) — писатель, музыкальный критик, композитор, автор сборника новелл и философских бесед «Русские ночи» (1844), а также повестей романтического и философско-фантастического характера.

⁹² Соллогуб В.А., гр. (1813–1882) — писатель, мемуарист, тяготевший к славяно-

рвёт на себе волосы от отчаяния. Панаев⁹³ объявил ему, что есть талант, который их всех в грязь втопчет. Соллогуб обегал всех и, зашедши к Краевскому⁹⁴, вдруг спросил его: Кто этот Достоевский? Где мне достать Достоевского? Краевский, который никому в ус не дует и режет всех напрапалую, отвечает ему, что Достоевский не захочет вам сделать честь осчастливить вас своим посещением. Оно и действительно так: аристократишка теперь становится на ходули и думает, что уничтожит меня величием своей ласки. Все меня принимают, как чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всех углах не повторяли, что Достоевский то-то сказал, Достоевский то-то хочет делать. Белинский любит меня как нельзя более. На днях воротился из Парижа поэт Тургенев (ты, верно, слышал) и с первого раза привязался ко мне такую привязанностью, такую дружбою, что Белинский объясняет её тем, что Тургенев влюбился в меня. Но, брат, что это за человек. Я тоже едва ли не влюбился в него. Поэт, талант, аристократ, красавец, богач, умён, образован, двадцати пяти лет, — я не знаю, в чём природа отказала ему. Наконец: характер неистощимо прямой, прекрасный, выработанный в доброй школе. Прочти его повесть в “Отечественных записках” “А н д р е й К о л о с о в”. — Это он сам, хотя и не думал тут себя выставлять»⁹⁵ ...

«У меня бездна идей. И нельзя мне рассказать что-нибудь из них хоть Тургеневу, например, чтобы на завтра почти во всех углах Петербурга не знали, что Достоевский пишет вот то-то и то-то. Ну, брат, если бы я стал исчислять так все успехи мои, то бумаги не нашлось бы столько. Я думаю, что у меня будут деньги. Голядкин выходит превосходно. Это будет мой *chef-d'œuvre*⁹⁶. Вчера я в первый раз был у Панаева и, кажется, влюбился в жену его⁹⁷. Она умна и хорошенькая,

фильству; автор известной книги «Тарантас: Путевые впечатления» (1845).

⁹³ Панаев И.И. (1812–1862) — писатель, журналист и литературный критик, автор «физиологических очерков»; муж А.Я. Панаевой, близкий друг В.Г. Белинского и Н.А. Некрасова, участник «натуральной школы» в 1840-е гг., один из основателей и редакторов ж. «Современник».

⁹⁴ Краевский А.А. (1810–1889) — журналист, издатель ж. «Отечественные записки», в котором вёл критический отдел В.Г. Белинский и с 1846 г. печатался Ф.М. Достоевский; совмещал в себе черты незаурядного организатора, просветителя и буржуазного дельца, эксплуатировавшего своих литературных сотрудников.

⁹⁵ Письма I. С. 84 (Письмо М.М. Достоевскому от 16 нояб. 1845 г.).

⁹⁶ шедевр (*фр.*).

⁹⁷ Имеется в виду А.Я. Панаева (во втором браке Головачёва) (1819–1893) — жена И.И. Панаева, вскоре ставшая гражданской женой Н.А. Некрасова; актриса, писатель-

вдобавок любезна и пряма донельзя. Время я провожу весело. Наш кружок небольшой⁹⁸. Но я всё пишу о себе. Извини, любезнейший. Я откровенно тебе скажу, что я теперь почти упоён собственной славою своей»⁹⁹...

Достоевский действительно, кажется, охмелел от этой выпавшей на его долю неожиданной известности. Попад в <нрзб.> чуждую ему среду светских людей, избалованных, распущенных и никогда не знавших того душевного подполья, которое с юности им владело, Достоевский растерялся, как мальчик. А тут ещё Краевский навязывает ему пятьсот рублей взаймы, и вообще круг его кредиторов растёт, а между тем «Минушки, Кларушки, Марианны и тому подобные похорошели донельзя, но стоят страшных денег»¹⁰⁰... Какому-нибудь Панаеву это нипочём. Все эти «Минушки и Кларушки» для него привычное дело, но Достоевскому они дорого обходятся не только потому, что он входит из-за них в долги. Они ему дорого обходятся, потому что он не может не видеть во всех этих прелестницах замученных душ, оскорблённых и униженных сердец. Он легкомысленничает в этом хмельном письме к брату, но ясно, что у него на сердце скребут кошки и что от всей этой славы и от объятий публичных женщин у него остаётся на душе горький осадок. Нет, он не может быть «как все». Да и в «славу» свою он в глубине своего сердца вовсе не верит. А что всё это не домыслы, а сушая правда, — об этом свидетельствует его страшный «Двойник».

В те самые дни, когда он как будто упоён лестью и похвалами и когда он ведёт такую беспорядочную жизнь, что Белинский и даже Тургенев «разбрали его в прах»¹⁰¹, в эти самые дни он вместе со своим Голядкиным видит в бреду собственный позор, унижение и, главное, своё сумасшедшее ничтожество.

Да, этот петербургский ноябрь ужасен. Вместе с «двойником» Достоевский слушает вой ветра и тоскливый скрип фонарных столбов. Вода в каналах так черна! Жёлтые огни так унылы в этом петербургском тумане! А там, в бельэтаже, сияют люстры, гремит музыка и некая прекрасная дама кому-то благосклонно протягивает свою чудесную ручку. Кому это? Увы! Отнюдь не Голядкину. Его, напротив,

ница, автор «Воспоминаний» (1889), представляющих историко-литературную ценность.

⁹⁸ В источнике: пребольшой

⁹⁹ Письма I. С. 85 (Письмо М.М. Достоевскому от 16 нояб. 1845 г.).

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

безжалостно выталкивают вон из блестящей залы и бросают в ночь. «Ночь была ужасная — ноябрьская — мокрая туманная, дождливая, снежная»... «Ветер выл в опустелых улицах, вздымая выше колец черную воду Фонтанки»¹⁰²... Среди ночного безмолвия, прерываемого лишь отдалённым гулом карет, воем ветра и журчанием воды, стекавшей со всех крыш, жёлобов и карнизов на гранитный помост тротуара, в голову приходили бог знает какие страшные мысли. «Ни души не было ни вблизи, ни вдали, да казалось, что и быть не могло в такую пору и в такую погоду. Итак, один только господин Голядкин, один с своим отчаянием, трусил в это время по тротуару Фонтанки своим обыкновенным мелким и частым шагком, спеша добежать как можно скорее в свою Шестилавочную улицу, в свой четвёртый этаж, к себе на квартиру»¹⁰³...

Такую жуткую повесть о выброшенном на улицу человеке, утратившем право на участие в благополучной и благопристойной жизни, сочинял Достоевский как раз в те дни, когда судьба как будто сулила ему это самое буржуазное благополучие. Должно быть, Достоевский не очень-то верил в возможную для себя гармонию здесь, на земле. В повествовании о двойнике чудится какая-то личная затаённая боль оскорблённого сердца.

Слава и светские успехи Достоевского имели свою обратную сторону. Однако он не лгал, сообщая брату о своих успехах. Все им рассказанные факты подтверждаются иными свидетельствами. И.И. Панаев, например, почти в таких же выражениях, как Достоевский, рассказывает о том, как граф Соллогуб ревниво искал знакомства с гениальным писателем. Он был увлечён «Бедными людьми» Достоевского и приставал ко всем литераторам: «Да кто такой этот Достоевский? Бога ради, покажите его, познакомьте меня с ним!...»¹⁰⁴ А сам граф Соллогуб рассказывает в своих воспоминаниях, как он явился с визитом к автору знаменитой повести и застал в маленькой квартирке «молодого человека, бледного и болезненного на вид. На нём был надет довольно поношенный домашний сюртук с необыкновенно короткими, точно не на него сшитыми рукавами»... «Он сконфузился, смешался и <нрзб.> подал мне единственное находившееся в комнате старенькое, старомодное кресло»¹⁰⁵...

¹⁰² ПСХП. Т. 1. С. 142 («Двойник»).

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Панаев И.И. Литературные воспоминания // Панаев И.И. Полн. собр. соч.: В 6 т. СПб.: Изд. книгопродавца Н.Г. Маргаринова, 1888. Т. 6. С. 141.

¹⁰⁵ Соллогуб В.А., гр. Воспоминания. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1887. С. 217.

XII.

В начале декабря того же 1845 года Белинский настоял на том, чтобы Достоевский прочёл ему хотя бы некоторые главы из его «Двойника». Чтение состоялось, и Белинский, под впечатлением «Бедных людей», горячо хвалил новую повесть, ещё не зная её конца. Тургенев тоже похвалил, но чтение не дослушал и ушёл, «очень куда-то спешил»¹⁰⁶, как не без иронии отметил сам Достоевский спустя много лет в своем «Дневнике». Однако эти похвалы были не такие горячие, как те, какими упивался Достоевский весною. Но самолюбивый автор ещё худо представляет себе, что он накануне катастрофы, что ему грозит унижение, что те самые люди, которые поспешили провозгласить его гением, уже готовы <нрзб.>¹⁰⁷ его осмеять. Достоевский всё ещё в бреде славы. «Б е д н ы е л ю д и » вышли пятнадцатого, — пишет он брату 1 февраля 1846 года. — Ну, брат! Какою ожесточённою бранью встретили их везде. В Иллюстрации я читал не критику, а ругательство. В “Северной пчеле” было чорт знает что такое. Но я <нрзб.> помню, как встречали Гоголя, и все мы знаем, как встречали Пушкина... «Представь себе, что наши все и даже Белинский нашли, что я даже далеко ушёл от Гоголя. В “Библиотеке для чтения”, где критику пишет Никитенко, будет огромнейший разбор “Б е д н ы х л ю д е й ” в мою пользу. Белинский подымает в марте месяце трезвон. Одоевский пишет отдельную статью о “Б е д н ы х л ю д я х ”. Соллогуб, мой приятель, тоже»¹⁰⁸...

И далее, задыхаясь от какого-то болезненного лихорадочного самолюбия, Достоевский торопится себя уверить, что ещё всё благополучно, что он ещё не развенчан, что все понимают, что он гений: он «действует анализом», он «разбирает по атомам» и потом отыскивает целое. «Гоголь же берёт прямо целое и оттого не так глубокий, как я»...

Голядкин должен выйти в «Отечественных записках». «Г о л я д - к и н ” в десять раз выше “Б е д н ы х л ю д е й ”. Наши говорят, что после “М ё р т в ы х д у ш ” на Руси не было ничего подобного, что произведение гениальное и чего-чего не говорят о ней! С какими надеждами они все смотрят на меня!»...

Это письмо Достоевский писал, уже переехав на новую квартиру — у Владимирской церкви, на углу Гребецкой улицы и Кузнечно-

¹⁰⁶ ПСХП. Т. 12. С. 298 («Дневник писателя за 1877 год. Ноябрь. Глава первая. II. История глагола “стусhevаться”»).

¹⁰⁷ В Мп РГБ: злорадно

¹⁰⁸ Письма I. С. 86 (Письмо М.М. Достоевскому от 1 февр. 1846 г.).

го переулка, в доме купца Кучина. Эти постоянные перемены адреса вполне соответствуют душевной лихорадке, посетившей Достоевского. Писать такие письма мог ли здоровый человек? Нет, он решительно болен душевно, он — как его герой Голядкин — едва ли не сходит с ума. Кажется, сам он подозревает, что дело его плохо: «Здоровье моё ужасно расстроено. Я болен нервами и боюсь горячки или лихорадки нервической. Порядочно жить я не могу, до того я беспутен»... В этом же письме Достоевский сообщал: «я был влюблён не на шутку в Панаеву, теперь проходит, а не знаю ещё...» Это упоминание о Панаевой неслучайно. Кажется, влюблённость Достоевского в черноглазую очаровательницу, пленявшую сердца многих, была замечена не только её мужем, Иваном Ивановичем Панаевым, но — что гораздо важнее — Николаем Алексеевичем Некрасовым. В первый раз Достоевский пришёл вечером к Панаевым 15 ноября 1845 года. Он едва ли подозревал, что¹⁰⁹ эта прелестная Авдотья Яковлевна станет возлюбленной поэта... Сама Панаева, как известно, не сразу уступила любовным домогательствам Некрасова, а Некрасов был большой ревнивец. Нетрудно понять, что он не мог остаться равнодушным к увлечению Достоевского. Немудрено, что желчный поэт в союзе с легкомысленным Тургеневым стал изощряться в грубоватом остроумии насчёт автора «Бедных людей».

Но Достоевский не сразу признался самому себе, что он совсем чужой в этом приятельском кружке Некрасова, Тургенева, Григоровича, Панаева, Анненкова, бесцеремонного Кетчера¹¹⁰, какого-то хромого весельчака Языкова¹¹¹, совсем незначительного Николая Тютчева¹¹² и прочих литераторов и любителей литературы. Он всё ещё старался уверить себя, что это всё «наши», что это всё избранные — и он с ними. Он хочет быть литератором, писателем, журналистом, как они. К тому же у него в голове всевозможные литературные планы и замыслы. Он пишет две повести, «Сбритые бакенбарды» и «Повесть об уничтоженных канцеляриях». Правда, этим повестям так и не суждено было увидеть свет. Черновики их, по-видимому, утрачены.

¹⁰⁹ *Далее было:* очень скоро

¹¹⁰ Кетчер Н.Х. (1809–1886) — русский писатель-переводчик, врач; в 1830-е гг. участник кружка Н.В. Станкевича, друг А.И. Герцена и Н.П. Огарёва; в 1840-е гг. участник кружка В.Г. Белинского, сотрудник ж. «Отечественные записки».

¹¹¹ Языков М.А. (1811–1885) — чиновник, в 1840-е гг. близкий к В.Г. Белинскому, И.С. Тургеневу и кругу журналов «Отечественные записки» и «Современник».

¹¹² Тютчев Н.Н. (1815–1878) — чиновник Министерства финансов, участник кружка В.Г. Белинского в 1840-е гг.

Зато он в одну ночь написал «Роман в девяти письмах» (ещё в ноябре 1845 года), а к осени 1846 года у него был готов рассказ «Господин Прохарчин», искалеченный цензурой и в таком виде напечатанный в октябрьской книжке «Отечественных записок». Тогда же осенью он начал писать повесть «Хозяйка», и в это же время у него созрел план «Неточки Незвановой». Он не может пожаловаться на отсутствие воображения и на утрату работоспособности. У него другая беда — избыток замыслов, идей, образов... Они преследуют его, и он изнемогает в тщетной с ними борьбе. Он вовсе не уверен в своих художественных удачах. <Нрзб.>¹¹³.

«Слава моя достигла до апогея, — пишет Достоевский 1 апреля 1846 г. — В два месяца обо мне, по моему счёту, было говорено около тридцати пяти раз в различных изданиях. В иных хвала до небес, в других с исключениями, а в третьих ругают напрапалую. Чего лучше и выше! Но вот что гадко и мучительно: свои, наши, Белинский и все мною недовольны за Голядкина. Первое впечатление было безотчётный восторг, говор, шум, толки. Второе — критика, именно: все, все с общего говору, т.е. н а ш и и вся публика нашли, что до того Голядкин скучен и вял, до того растянут, что читать нет возможности»...

«Что же касается до меня, то я даже на некоторое мгновение впал в уныние. У меня есть ужасный порок: неограниченное самолюбие и честолюбие. Идея о том, что я обманул ожидания и испортил вещь, которая могла бы быть великим делом, убивает меня. Мне “Г о л я д - к и н” опротивел. Многое в нем писано наскоро и в утомлении. Первая половина лучше последней.

Рядом с блистательными страницами есть скверность, дрянь, из души воротит, читать не хочется. Вот это-то создало мне на время ад, и я заболел от горя»...

«С первого взгляда на Достоевского видно было, что это страшно нервный и впечатлительный молодой человек, — рассказывает Авдотья Яковлевна Панаева. — Он был худенький, маленький, белокурый, с болезненным цветом лица; небольшие серые глаза его как-то тревожно переходили с предмета на предмет, а бледные губы передёргивались. Почти все присутствовавшие тогда у нас уже были ему знакомы, но он, видимо, был сконфужен и не вмешивался в общий разговор. Все старались занять его, чтобы уничтожить его застенчивость и показать ему, что он член кружка. С этого вечера Достоевский

¹¹³ В *Мн РГБ*: Да и возможно ли дать себе отчёт в собственных силах, когда тебя как будто вывели на лобное место и народ глазеет на тебя, как на что-то ему непонятное и чуждое

часто приходил вечером к нам. Застенчивость его прошла, он даже выказывал какую-то задорность, со всеми заводил споры, очевидно, из одного упрямства противоречил другим. По молодости и нервности, он не умел владеть собою и слишком явно высказывал своё авторское самолюбие и высокое мнение о своем писательском таланте. Ошеломлённый неожиданным блистательным первым своим шагом на литературном поприще и засыпанный похвалами компетентных людей в литературе, он, как впечатлительный человек, не мог скрыть своей гордости перед другими молодыми литераторами, которые скромно выступали на это поприще с своими произведениями. С появлением молодых литераторов в кружке, беда была попасть им на зубок, и Достоевский, как нарочно, давал к этому повод своею раздражительностью и высокомерным тоном, что он несравненно выше их по своему таланту. И пошли перебивать ему косточки, раздражать его самолюбие уколами в разговорах; особенно на это был мастер Тургенев»... «Достоевский заподозрил всех в зависти к его таланту и почти в каждом слове, сказанном без всякого умысла, находил, что желают умалить его произведение, нанести ему обиду. Он приходил уже к нам с накипевшей злобой, придирался к словам, чтобы излить на завистников всю жёлчь, душившую его. Вместо того, чтобы снисходительнее смотреть на больного, нервного человека, его ещё сильнее раздражали насмешками»...

Все эти «наши», как их доверчиво называл Достоевский в письмах к брату, оказались людьми совершенно ему чужими. Панаева говорит, что он «из одного упрямства противоречил другим». Так ли это? Мы не знаем, о чём спорил Достоевский с этими весёлыми молодыми беллетристами, но не явно ли, что он мог им противоречить вовсе не из одного упрямства? В своей повести «Двойник», которую он сам признал неудачною, Достоевский затронул, однако, значительную тему. Впоследствии, будучи автором прославивших его романов, Достоевский говорил, что никогда он не проводил более важной идеи, чем идея «Двойника». Человек, возмечтавший быть «сам по себе» и дороживший этим единственным своим сокровищем — правом стать личностью, вдруг убеждается, что он вовсе не «сам по себе», а что у него есть двойник, его обезьяна. А ведь если есть второй Голыдкин, значит, их может быть и легион! В этом весь ужас бытия, вся трагедия человека. Само собой разумеется, что ни Панаев, ни Григорович, ни Тургенев не могли заинтересоваться этою темою. Достоевский говорил с ними на непонятном для них языке. Но ведь тема «Двойника» была не единственная, волновавшая юного Достоевского. И другие идеи тогдашних его литературных опытов были того же

высокого порядка, до которого не доросли его удачливые и благополучные товарищи.

В недоумении и гнев он бежал от них к Белинскому. Но тот успел разочароваться в философии и боялся, как огня, всяких высоких тем. Ему было недосуг вникнуть по-настоящему в ту странную проповедь о человеке, о личности, какую уже тогда начал на свой страх и риск этот молодой начинающий писатель, застенчивый и самоуверенный, нескладный и гениальный. Белинский не догадался, что тема Достоевского вовсе не похожа на «отвлеченные начала» гегелевской метафизики; Белинский не понял, что кроме худосочного немецкого идеализма, в котором он разочаровался, и дебелого французского позитивизма, который он с азартом принял, может быть нечто третье, не похожее вовсе ни на гегелевский идеализм, ни на тогдашнюю поверхностную французскую философию. Но Белинский искренне жаждал истины, и Достоевский приходил к нему в надежде, что с ним-то он договорится до чего-нибудь важного. Увы! Белинский со страхом смотрел на своего сумасшедшего собеседника. Нет уж! Лучше он сядет за ломберный стол и будет играть с Некрасовым в преферанс.

Та же Панаева рассказывает, как негодовал Достоевский на этот преферанс.

— Как можно умному человеку просидеть даже десять минут за таким идиотским занятием, как карты! ... А он сидит по два и по три часа! — говорил Достоевский с каким-то озлоблением. — Право, ничем не отличишь общества чиновников от литераторов: то же тупоумное препровождение времени!

Белинский избегал всяких серьезных разговоров, чтобы не волноваться, — объясняет Панаева. — Достоевский приписывал это охлаждению к нему Белинского, который иногда, слыша разгорячившегося Достоевского в споре с Тургеневым, потихоньку говорил Некрасову, игравшему с ним в карты: «Что это с Достоевским! Говорит какую-то бессмыслицу, да ещё с таким азартом». Когда Тургенев, по уходе Достоевского, рассказывал Белинскому о резких и неправильных суждениях Достоевского о каком-нибудь писателе, Белинский ему замечал:

— Ну, да вы хороши, сцепились с большим человеком, подзадаете его, точно не видите, что он в раздражении, сам не понимает, что говорит.

Когда Белинскому передавали, что Достоевский считает себя гением, то он пожимал плечами и с грустью говорил:

— Что за несчастье, ведь несомненный у Достоевского талант, а если он, вместо того чтобы разработать его, вообразит уже себя гени-

ем, то ведь не пойдёт вперёд. Ему непременно надо лечиться. Всё это происходит от страшного раздражения нервов. Должно быть, потрепала его, бедного, жизнь!

Но прочие члены «кружка» не были так снисходительны, как Белинский. Какое им дело до этих нелепых притязаний невзрачного молодого человека! Его гнев забавен: почему же не посмеяться над автором «Бедных людей» и непонятого «Двойника»?... И смеялись. Тургенев в присутствии Достоевского с невинным видом рассказывал о том, как он будто бы встретил где-то в провинции какого-то обывателя, вообразившего, что он гений. Приятели хохотали до упаду, когда милейший Иван Сергеевич изощрялся в своём остроумии, издеваясь над собратом по перу. «Достоевский был бледен, как полотно, — рассказывает Панаева, — весь дрожал и убежал, не дослушав рассказ Тургенева». При этом добренькая, хорошенькая Панаева была смущена весёлостью приятелей и пыталась его защищать:

— К чему изводить так Достоевского?

Может быть, она догадывалась, что влюблённость в неё Достоевского, для всех заметная, была как масло в огонь, и Некрасов, добивавшийся её взаимности, вероятно, не очень огорчался, когда издевались над его «соперником».

Приятели сочиняли неоднократно юмористические вирши, посвящённые Достоевскому. Тургенев написал стихи от имени Девушкина, в них то и дело появлялось словцо «маточка». Потом Некрасов и Тургенев сочинили послание от имени Белинского:

Витязь горестной фигуры,
Достоевский, юный пыщ,
На носу литературы,
Рдеешь ты, как новый прыщ...

В этом послании авторы глумились над Достоевским по поводу не то обморока, не то припадка, который с ним случился, когда его в салоне Виельгорских¹¹⁴ представили какой-то светской красавице, кажется, Сенявиной¹¹⁵.

¹¹⁴ Виельгорский М.Ю., гр. (1788–1856) — хозяин известного в Петербурге литературно-музыкального салона, композитор, автор романсов, музыкальный деятель; Виельгорская Л.К., гр. (1791–1853) — жена М.Ю. Виельгорского, хозяйка литературно-музыкального салона, который в 1840-е гг. посещали В.Г. Белинский, В.А. Соллогуб, Ф.М. Достоевский и мн. др.

¹¹⁵ Сенявина А.В. (?–1862) — известная в Петербурге светская красавица, жена товарища министра внутренних дел, сенатора, тайного советника И.Г. Сенявина; по

Достоевский — острили поэты — «ставши мифом и вопросом, пал чухонскою звездой и моргнул курносый носом перед русой красотою»...

Как трагически-недвижно
Ты смотрел на сей предмет,
И чуть-чуть скоропостижно
Не погиб во цвете лет.

И.И. Панаев, стараясь не отстать от Некрасова и Тургенева, также сочинил фельетон-пасквиль с намёками на болезнь Достоевского. Приятели распространили слух, что будто бы Достоевский просил Некрасова обвести его повесть в «Петербургском сборнике» особою каймою, дабы выделить её из ряда прочих произведений, там напечатанных.

26 апреля 1846 года Достоевский писал брату: «Я не писал тебе оттого, что до самого сегодня не мог взять пера в руки. Причина же тому то, что был болен при смерти в полном смысле этого слова. Болен я был в сильнейшей степени раздражением всей нервной системы»...

ХIII.

Достоевский тяжело заболел. Его травили нещадно — и травили те самые, которые недавно бегали по Петербургу и трезвонили в салонах и редакциях об его гениальности. Жить среди ненавистников было страшно. От этого страха можно было заболеть, сойти с ума... Можно было умереть, как умер от страха господин Прохарчин. Какой странный рассказ об этом Прохарчине! Казалось бы, что общего между ничтожным чиновником и гениальным автором нашего первого «социального романа»? А между тем если пристально вчитаться в текст этого мрачного анекдота, увидишь в нём, пожалуй, нечто автобиографическое. Ведь у этого Прохарчина была тоже своя «идея», как у «подростка», своя ротшильдовская идея. В жалкой и запуганной душе департаментского чиновника гнездилась тоже какая-то мечта о независимости и свободе. Правда, он запрягал свою мечту в гнилой тюфяк, но ведь у него не было подвалов и кованых сундуков, как у пушкинского скупого рыцаря... Но не только эта идея сблизает

воспоминаниям Д.В. Григоровича, она произвела на Ф.М. Достоевского столь сильное впечатление, что он от волнения упал в обморок к её ногам.

Прохарчина с самим Достоевским: автор и его герой оказались игрою случая в одном и том же положении. Ближние травили нещадно и того, и другого. Прохарчин в ужасе от этой травли, в смятении и страхе отдал Богу душу. Достоевский не умер, — однако и он «был болен при смерти в полном смысле этого слова».

С «Господином Прохарчиным» Достоевскому не повезло. «Прохарчин страшно обезображен в известном месте, — писал Достоевский брату: — Эти господа известного места запретили даже слово ч и н о в н и к, и бог знает из-за чего; уж и так всё было слишком невинное, и вычеркнули его во всех местах. Всё живое исчезло. Остался только скелет того, что я читал тебе. Отступаюсь от своей повести».

Рассказ, впрочем, даже в этом обезображенном виде выразителен и символичен. Связь между его темой и страхом, который в те дни посетил сердце Достоевского, совершенно очевидна... Достоевский мечтает убежать от своих мучителей, как Прохарчин. Но куда бежать? Достоевский собирается ехать за границу. «Петербург ад для меня. Так тяжело, так тяжело жить здесь! А здоровье моё слышно хуже. К тому же я страшно боюсь»... «Удери от всех»... «Я теперь почти в паническом страхе за здоровье»... «Современник издает Некрасов и Панаев первого января. Критик Белинский. Подымаются разные журналы и чорт знает что еще. Но я бегу от всего затем, что хочу быть здоровым, чтобы написать что-нибудь здоровое».

Достоевскому так и не удалось «написать что-нибудь здоровое», не удалось убежать от своих мучителей куда-нибудь в Париж или в Рим, как он мечтал. Но у него была уверенность, что ему есть что сказать об этом ужасном мире, где люди ненавидят друг друга и умирают от страха жизни. Нет, сам Достоевский не Прохарчин. Он всё одолеет. Правда, враги замышляют против него новые мерзостные интриги, но он будет бороться. Этот «Иуда» Некрасов вместе с бесстыдником Панаевым и легкомысленным баричем Тургеневым распускает повсюду гнусные сплетни про него, Достоевского; в «Современнике» хотят напечатать какую-то гадость: но всё это, очевидно, «личности»... Дело не в том, что «Двойник» не удался, нет, тут уж какая-то личная неприязнь, какая-то ненависть к самому Достоевскому...

Однажды к Некрасову, когда тот сидел у себя в кабинете, ворвался Достоевский. Они уже не бывали друг у друга. При встречах на улице Достоевский поднимал воротник и перебежал на другую сторону. И вот вдруг Достоевский с сверкающими глазами входит к Некрасову. Неизвестно, что там произошло.

Испуганная Авдотья Яковлевна слышала из соседней комнаты странные выкрики Достоевского и хрипящий злобный голос Некра-

сова. Достоевский выбежал из кабинета в переднюю, бледный, как полотно, и всё никак не мог попасть в рукав пальто, которое ему подавал лакей. Достоевский вырвал пальто из лакейских рук и выскочил на лестницу.

Авдотья Яковлевна нашла Некрасова в кабинете — тоже в гневе и в ярости. Голос у него дрожал от волнения.

— Достоевский просто сошёл с ума! — бормотал он. — Явился ко мне с угрозами, чтобы я не смел печатать мой разбор на его сочинения в следующем нумере... И кто это ему наврал, будто бы я всюду читаю на него пасквиль в стихах! До бешенства дошёл...

26 ноября 1846 года Достоевский писал брату: «Скажу тебе, что я имел неприятность окончательно поссориться с Современником в лице Некрасова»... «Это всё подлецы и завистники»... «Одним словом грязная история»... «Некрасов же меня собирается ругать. Что же касается до Белинского, то это такой слабый человек, что даже в литературных мнениях у него пять пятниц на неделе»¹¹⁶...

Достоевский недоумевал, читая отзывы Белинского об его «Бедных людях» и «Двойнике»: «Для всякого, кому доступны тайны искусства, с первого взгляда видно, что в “Д в о й н и к е ” ещё больше творческого таланта и глубины мысли, нежели в “Б е д н ы х л ю д я х ”. А между тем почти общий голос петербургских читателей решил, что этот роман несносно растянут и оттого ужасно скучен»¹¹⁷... Ну, положим, это голос читателей — а мнение самого Белинского? Оказывается, что и петербургские читатели правы, и те, «кому доступны тайны искусства», тоже правы. И во всей этой противоречивой статье Белинский не устает повторять «с одной стороны — с другой стороны», оставляя на всякий случай какие-то позиции для отступления. Однако «Двойник» носит на себе отпечаток таланта «огромного и сильного», но еще молодого и неопытного... «Его талант принадлежит к разряду тех, которые постигаются и признаются не вдруг. Много, в продолжение его поприща, явится талантов, которых будут противопоставлять ему, но кончится тем, что о них забудут именно в то время, когда он достигнет апогея своей славы»¹¹⁸...

Забыв, по-видимому, о своем собственном пророчестве, Белинский в другой статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года», напечатанной уже в «Современнике», пишет назидательно: «Всё, что в

¹¹⁶ Письма I. С. 102–103.

¹¹⁷ Белинский В.Г. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым (1846) // Белинский В.Г. Т. 8. С. 140.

¹¹⁸ Там же. С. 143.

“Б е д н ы х л ю д я х ” было извинительными для первого опыта недостатками, в “Д в о й н и к е ” явилось чудовищными недостатками... В “Д в о й н и к е ”, оказывается, имеется ещё один изъян, весьма существенный — «это её фантастический колорит. Фантастическое в наше время может иметь место только в домах умалишённых»... В том же обозрении Белинский сообщал, что рассказ Достоевского «Г о с п о д и н П р о х а р ч и н » поверг в неприятное изумление читателей его таланта. Не вдохновение, а «умничанье и претензии» понудили автора написать эту странную повесть¹¹⁹.

XIV.

Белинский был решительно недоволен «фантастическим колоритом» повествовательных опытов Достоевского. Но что было делать Достоевскому, когда он не мог справиться с призраками, которые возникали вокруг него помимо его воли! Он сам страшился, что «нервы и фантазии займут очень много места в существе. Всякое внешнее явление с непривычки кажется колоссальным и пугает как-то. Начинаешь бояться жизни»...

Вот этот с т р а х ж и з н и, «прохарчинский» страх, преследует двадцатипятилетнего Достоевского. И вместе с этим страхом жизни растёт столь ненавистное Белинскому «фантастическое» его творчество. Достоевский пишет в это время повесть «Хозяйка», которая впоследствии, уже в 1848 году, дала повод Белинскому заявить на страницах того же «Современника», что в ней всё «поддельно и фальшиво»¹²⁰. Об этой же повести Белинский писал П.В. Анненкову, что она «ерунда страшная»... «Надулись же мы, друг мой, с Достоевским»... «Я, первый критик, разыграл тут осла в квадрате»...

А Достоевский, как Ордын, герой его повести «Хозяйка», «начал бояться за всю свою жизнь, за всю свою деятельность и даже за будущность. Новая мысль убивала покой его. Ему вдруг пришло в голову, что всю жизнь свою он был одним, что никто не любил его, да и ему никого не удавалось любить». «Он видел, что его принимали за сумасшедшего или за оригинальнейшего чудака, что, впрочем, было совсем справедливо».

¹¹⁹ Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Белинский В.Г. Т. 8. С. 213–214.

¹²⁰ См.: Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья вторая // Белинский В.Г. Т. 8. С. 405.

«Порой, в минуту неясного сознания, — рассказывает Достоевский о своём герое, как будто о самом себе, — мелькало в уме его, что он должен жить в каком-то длинном нескончаемом сне, полном странных, бесплодных тревог, борьбы и страданий. В ужасе он старался восстать против рокового фатализма, его гнетущего, и в минуту напряжённой, самой отчаянной борьбы какая-то неведомая сила опять поражала его, и он слышал, чувствовал ясно, как он снова теряет память, как вновь непроходимая, бездонная темень разверзается перед ним, и он бросается в неё с воплем тоски и отчаяния»...

«Хозяйка» — этот романтический сон Достоевского — был художественным соответствием его собственных «сумасшедших» скитаний по фантастическому Петербургу. Эпоха романтических мечтаний тогда ещё не была исчерпана Достоевским. «А знаете ли, что такое мечтатель, господа? — писал Достоевский летом 1847 года. — Это кошмар петербургский, это олицетворённый грех, это трагедия, безмолвная, таинственная, угрюмая, дикая, со всеми неистовыми ужасами, со всеми катастрофами, перипетиями, завязками и развязками»... «Фантазия их, подвижная, летучая, лёгкая уже возбуждена, впечатление настроено, и целый мечтательный мир, с радостями, с горестями, с адом и раем, с пленительными женщинами, с героическими подвигами, с благородною деятельностью, всегда с какою-нибудь гигантской борьбою, с преступлениями и всякими ужасами, вдруг овладевает всем бытием мечтателя. Комната исчезает, пространство тоже, время останавливается или летит так быстро, что час идёт за минуту. Иногда целые ночи проходят незаметно в неописанных наслаждениях»...

И далее он откровенно пишет в том же фельетоне о петербургском мечтателе, как будто отвечая Белинскому: «На улице он ходит, повесив голову, мало обращая внимания на окружающих, иногда и тут совершенно забывая действительность, но если заметит что, то самая обыкновенная житейская мелочь, самое пустое, обыденное дело немедленно принимает в нем колорит фантастический. Уж у него и взгляд так построен, чтобы видеть во всём фантастическое»...

Дух беспокойства и тревоги, владевший тогда Достоевским, не только побуждал его бродить неустанно по ночному Петербургу, как Голядкина, Ордынова или героя «Белых ночей», но и с какою-то странно неутомимостью искать для себя всё новых и новых жилищ. Осенью 1844 года он жил в Графском переулке у Владимирской церкви; в феврале 1846 года он — на углу Гребецкой (теперь Ямской) и Кузнечного переулка, недалеко от той же Владимирской церкви. В сентябре того же года Достоевский жил у Казанского собора, на

углу Б<ольшой> Мещанской (теперь Казанской) и Соборной площади; в ноябре он уже поселился на Васильевском острове, против Лютеранской церкви, на углу Б<ольшого> проспекта и Первой линии. Эта последняя его квартира была его убежищем. Здесь Достоевский надеялся обрести утраченную им трезвость. «Брат! Я возрождаюсь, — писал тогда Достоевский, — не только нравственно, но и физически. Никогда не было во мне столько обилия и ясности, столько ровности в характере, столько здоровья физического. Я много обязан в этом деле моим добрым друзьям Бекетовым, Залюбецкому¹²¹ и другим, с которыми я живу; это люди дельные, умные, с превосходным сердцем, с благородством, с характером. Они меня вылечили своим обществом. Наконец, я предложил жить вместе. Нашлась квартира большая, и все издержки, по всем частям хозяйства, всё не превышает тысячи двухсот руб<лей> ассигнациями с человека в год. Так велики благоденствия ассоциации!»...

В кружке Бекетовых, где преобладали молодые учёные и где Достоевский редко встречал опостылевших ему молодых беллетристов, осмеянному писателю жилось не так трудно и мучительно. Ведь в это время <нрзб.>¹²² он уже искал общества не соперников, а читателей. Однако и здесь Достоевский недолго прожил. Весною 1847 года он переехал к Исаакиевскому собору, на угол М<алой> Морской (ул. Голя) и Вознесенского проспекта, в дом Шиля, в квартиру Бреммера.

XV.

Когда все эти молодые избалованные баричи, Тургенев, Панаев, Григорович и почитатели их, которых Достоевский называл доверчиво «наши», оказались в его глазах предателями, он всё ещё продолжал ходить к Белинскому, несмотря на существенное с ним разногласие. Белинский, по крайней мере, если не играл в преферанс, был ещё спо-

¹²¹ Кружок существовал в Петербурге в 1846–1847 гг. Братья Бекетовы: Бекетов Алексей Н. (1823–?) — старший из братьев, товарищ Ф.М. Достоевского по Главному инженерному училищу, организатор литературно-социалистического кружка; Бекетов Андрей Н. (1825–1902) — видный учёный-ботаник, публицист, участник литературно-социалистического кружка, дед А.А. Блока; Бекетов Н.Н. (1827–1911) — видный учёный-химик, участник литературно-социалистического кружка; Залюбецкий (?–?) — член литературно-социалистического кружка братьев Бекетовых в Петербурге, знакомый Ф.М. Достоевского. В кружок Бекетовых также входили А.Н. и В.Н. Майковы, Д.В. Григорович, С.Д. Яновский, А.В. Ханьков и др.

¹²² В *Мн РГБ*: , по его собственному выражению, самолюбие его «расхлесталось»,

собен говорить о социализме, т.е. о самом важном. Достоевский тогда, в конце сороковых годов, полагал, что вопрос заключался не в том, быть социализму или не быть, а в том, быть ли социализму со Христом или без Христа и, значит, против Христа. В этой теме, как мы видели, Достоевский и Белинский разошлись радикально. Впрочем, и житейские их пути тоже разошлись. Пятого мая 1847 г. больного Белинского отправили за границу, а осенью того же года он вернулся в Россию, но с Достоевским уже не встречался. Достоевский не знал, по-видимому, что страстный проповедник социализма в последние годы своей жизни весьма усомнился в его правде. 28 мая 1848 года Белинский умер.

Весною этого года русские образованные дворяне и отчасти «новые люди», разночинцы, жили ещё под впечатлением разразившейся в Париже февральской революции. «Высочайший манифест», опубликованный в марте, как будто официально подтверждал, что события во Франции должны коснуться так или иначе Российской державы.

В это время в Петербурге на Невском проспекте, в трактирах и в тогдашних многочисленных частных кружках, где за отсутствием публичной общественной жизни собирались молодые люди поучиться кое-чему и обменяться мыслями на темы, запрещённые цензурой, нередко можно было встретить порывистого человека лет двадцати шести, с небольшой бородкой, соединившейся с бакенбардами, с карими блестящими глазами и с длинными пушистыми чёрными волосами, которые непокорно ложились на высокий лоб. На улице в альмавиве¹²³ и шляпе с широкими полями, — в комнатах в каком-то необычном сюртуке, этот небольшого роста подвижной человек невольно обращал на себя внимание всех. Это был Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский¹²⁴.

Фигура этого человека странно маячила на сером фоне казённо-патриархальной России. Ещё будучи в лицее, Петрашевский внушил к себе педагогам не то недоумение, не то страх: он всегда был спорщиком, строптивым шалуном, раздражая учителей и не вызывая сочувствия в товарищах. Шутил он как-то невесело, и в его поведе-

¹²³ Широкий и длинный мужской плащ без рукавов, закрывающий почти всё туловище, популярный в 1830–1840-е гг. Название дано по имени героя комедии П. Бомарше «Севильский цирюльник».

¹²⁴ Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) М.В. (1821–1866) — переводчик в Министерстве иностранных дел; социалист-утопист, революционер; организатор знаменитого социально-утопического кружка в Петербурге 1840-х гг. («пятниц Петрашевского»), который посещал Ф.М. Достоевский.

нии всегда было что-то двусмысленное. Он вошёл в петербургскую жизнь сороковых годов как неожиданный гость, <нрзб.>¹²⁵ «Раздались скорые приближающиеся шаги, маленькие шаги, чрезвычайно частые; кто-то как будто катился и вдруг влетел в гостиную»... «Это был молодой человек лет двадцати семи или около, немного повыше среднего роста»¹²⁶.

Черты, которые впоследствии Достоевский придал Верховенскому, напоминают черты Петрашевского. «Он ходит и движется очень торопливо, но никуда не торопится. Кажется, ничто не может привести его в смущение; при всяких обстоятельствах и в каком угодно обществе он остается тем же. В нём большое самодовольство, но сам он его в себе не примечает нисколько»¹²⁷. Таков был Пётр Степанович Верховенский — один из тех, в кого вселился «бес», как думал впоследствии Достоевский.

Может быть, Петрашевский и сам считал себя в известном смысле <нрзб.>¹²⁸ зачинателем некоего таинственного братства. Известная книга Баррюэля «Mémoires sur le jacobinisme»¹²⁹ занимала его воображение, <нрзб.>¹³⁰. Едва ли, впрочем, эта книга ему была нужна в качестве практического руководства для организации конспиративного сообщества, как думал Герцен. Несмотря на свою любовь к мистификациям, — он в конце концов всё делал «явочным порядком». Он щеголял своими чудачествами, намеренно обращая на себя внимание в надежде таким способом расширить свою аудиторию для пропаганды излюбленных им идей.

Достоевский слышал немало анекдотов о Петрашевском. Его длинная шевелюра и запрещённая начальством борода вызывали толки как опасная манифестация, угрожающая государственному порядку. Директор департамента велел ему остричься. Но Петрашевский на другой день явился опять с длинными волосами. В ответ на упрёк за непо-

¹²⁵ В Мп РГБ: как Пётр Верховенский в салон Варвары Петровны...

¹²⁶ ПСХП. Т. 7. С. 149.

¹²⁷ Там же. С. 149.

¹²⁸ В Мп РГБ: «очарователем»,

¹²⁹ Дословно: «Воспоминания о якобинстве» (фр.). По-видимому, речь идет о книге «Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme» [«Воспоминания, полезные для истории якобинства» (фр.)], изданной в Англии в 1797–1798 гг. В России сочинение вышло в переводе П. Дамогацкого под названием «Волтерианцы, или История о якобинцах, открывающая все противухристианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы» (М., 1805–1809).

¹³⁰ В Мп РГБ: несмотря на контрреволюционную тенденцию автора

слушание он будто бы снял парик и сказал, что, повинувшись начальству, не только остриг, но и сбрил все свои волосы. Голова его в самом деле была гола как яйцо. Подобные рассказы развлекали скучающих обывателей. Одевался он небрежно. Галстук его всегда был повязан криво. Дома он ходил в халате, у которого один рукав был оторван, и его приходилось надевать отдельно, как особую принадлежность туалета.

Вот с этим чудачком свела судьба Достоевского, тоже чудачка, но совсем на иной лад. Общее у них было то, что сам Достоевский называл «мечтательством». Социальная утопия, соблазнившая сердце Достоевского, привела его в дом Петрашевского. Этот маленький деревянный дом на Покровской площади был типичен для тогдашней «Коломны». Наверху крыши — был резной конёк; резьба была и под окнами; на улицу выходило крылечко с покосившимися ступеньками; ветхая лестница вела во второй этаж; по вечерам она освещалась вонючим ночником, в котором коптило и чадило конопляное масло.

Петрашевский принимал своих гостей в комнате, где стоял жалкий, по-видимому набитый мочалою диван, несколько грошовых рыночных стульев, старый стол, на котором по вечерам тускло горели сальные свечи¹³¹. На стенах висели один против другого два портрета — римского папы и обер-прокурора Синода ген<ерал->ад<ъютанта> гр<афа> Протасова «в ознакомление борьбы церкви Западной и Восточной»¹³², как иронически объяснял хозяин квартиры.

Знаменитые «пятницы» Петрашевского продолжались около четырёх лет с 1845 по 1848 год. У Петрашевского сходились вольнодумцы потолковать об истории, политике, экономике, естествознании, философии и религии. Многообразие мнений не смущало посетителей. Всех тянуло на эти «пятницы», потому что здесь можно было говорить как угодно и о чём угодно, не считаясь с чопорными условиями светской жизни и казённой цензуры. В центре беседы был Петрашевский. Он умел и любил полемизировать, но, когда ему приходилось делать какой-нибудь доклад, он тянул и мял слова, и его трудно было слушать. Иногда, впрочем, он оживлялся, как будто его осеняло вдохновенье, и тогда его опять жадно слушали, не замечая нескладности фраз и сомнительной логики. Он был очень начитан, но всегда оставался дилетантом, хотя сам любил обличать скудость нашего образования и неосновательность наших мнений. Петрашевский считал себя фурьеристом.

¹³¹ Было: на котором стояли тускло горевшие сальные свечи.

¹³² Семевский В.И. М.В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. Часть I / Под ред. В. Водовозова. М.: Задруга, 1922. С. 87.

В записке, представленной им в Следственную комиссию, он, между прочим, говорит об учении Фурье¹³³: «Когда я в первый раз прочитал его сочинения, я как бы заново родился, благоговел пред величием его гения»¹³⁴... Рационализм, унаследованный от XVIII в<эка>, всегда присутствовал во всех рассуждениях этих ревнителей социальной утопии. У Петрашевского вера в доктрину осложнялась его своеобразной психологией. Он несколько не сомневался, что всё несчастье в том, что люди худо осведомлены об истине, которая уже открыта, и стоит уразуметь её формулу, как всё превосходно устроится: уравнение со многими неизвестными будет благополучно разрешено.

Петрашевский не однажды высказывал мысль, что правительство должно уступить, покорствуя неотразимой логике. Система Фурье казалась ему чрезвычайно убедительной. Он рекомендовал своим следователям и судьям прочесть внимательно сочинение Фурье «*Traité de l'unité universelle*»¹³⁵. В устройстве фаланстории всё предусмотрено с гениальной прозорливостью. Ученики Фурье разработали в совершенстве его план.

Если верить В.Р. Зотову, товарищу Петрашевского по лицу, он делал попытку устроить быт своих крепостных по замыслу великого утописта. Попытка не увенчалась успехом: крестьяне сожгли жилище, устроенное по плану фаланстории <нрзб.>.

Весною 1846 года Достоевский вместе с поэтом Плещеевым¹³⁶ сидел в кондитерской у Полицейского моста и читал газету. Пришёл Петрашевский и поздоровался с Плещеевым, которого знал раньше, а когда через пять минут Достоевский вышел из кондитерской и направился в сторону Малой Морской, он догнал его и, не представляясь, прямо спросил: «Какая идея вашей будущей повести?»...

«Так как я не разглядел Петрашевского в кондитерской, и он там не сказал со мной ни слова, — рассказывал сам Достоевский, — то мне показалось, что Петрашевский совсем посторонний человек, попавшийся мне на улице, а не знакомый Плещеева. Подоспевший Плещеев

¹³³ Фурье, Шарль (1772–1837) — французский философ и социолог, один из главных представителей утопического социализма, основатель системы фурьеризма (учения о гармонизации человеческих страстей, о фалангах, фаланстерах и пр.).

¹³⁴ Петрашевцы. Т. 2. С. 90.

¹³⁵ «Трактат о всемирном единстве» (*фр.*). По-видимому, имеется в виду работа Ш. Фурье «*Théorie de l'unité universelle*» («Теория всемирного единства» (*фр.*)).

¹³⁶ Плещеев А.Н. (1825–1893) — поэт, драматург, прозаик, в 1840-е гг. близкий друг Ф.М. Достоевского, участник социально-утопических кружков М.В. Петрашевского, братьев Бекетовых, С.Ф. Дурова.

ев разъяснил моё недоумение: мы сказали два слова и, дошедши до Малой Морской расстались. Таким образом Петрашевский с первого раза завлѣк мое любопытство. Эта первая встреча с Петрашевским была накануне моего отъезда в Ревель, и видал я его потом уже зимою. Мне показался он очень оригинальным человеком, но не пустым; я заметил его начитанность, знания. Пошѣл я к нему в первый раз уже около поста, сорок седьмого года»¹³⁷.

В это время Достоевский, отвергнутый «нашими» баричами и уже обстрелянный <ирзб.>¹³⁸ критикой, чувствовал, что он «сам по себе», что у него нет союзников, но он сознавал свою силу и любил, чтобы его слушали. Молчаливый, застенчивый и неловкий, он совершенно преображался, когда подымали его тему, когда речь шла о самом главном. Уже в эти годы он чувствовал себя апологетом той «огромной идеи», которая впоследствии сделалась «альфой и омегой» его как художника и мыслителя. Эта идея — в том, что вся сложность мира и вся глубина противоречий, заключѣнных в нём, оправданы единым высшим началом. И залог этого высшего бытия дан людям в образе совершенного человека. Он чувствовал себя на этой почве неуязвимым. Ему не дорога была теоретическая истина. Ему дорога была живая реальность. И, не раскрывая этой тайны, он мог в своей проповеди руководствоваться ею — о чём бы ни шла речь — о литературе, политике или социальной системе — хотя бы того же Фурье. О литературе чаще всего приходилось говорить Достоевскому в кружке Майковых¹³⁹. Он нередко хаживал тогда на угол Большой Морской и Вознесенского проспекта, где радушная Евгения Петровна и её супруг охотно его принимали как товарища своих сыновей, Валериана, молодого критика, и поэта Аполлона, с которым у Достоевского была прочная дружеская связь. Но и тут его проповедь не всегда оканчивалась благополучно. Надо сказать, что к Майковым иногда заглядывали Тургенев и Некрасов. И очень может быть, что в их присутствии

¹³⁷ См.: Бельчиков Н.Ф. С. 110.

¹³⁸ В *Мп РГБ*: развязной

¹³⁹ Кружок Майковых — в 1840-е гг. литературно-художественные собрания в петербургском доме художника, академика живописи Н.А. Майкова (1794–1873), его жены поэтессы Е.П. Майковой (1803–1880), их сыновей А.Н. Майкова (1821–1897) — поэта-романтика, близкого друга Ф.М. Достоевского, Вал.Н. Майкова (1823–1847) — одного из ведущих литературных критиков «натуральной школы», Вл.Н. Майкова (1826–1885) — переводчика и издателя, Л.Н. Майкова (1839–1900) — будущего известного историка литературы и библиографа. Кружок посещали Ф.М. Достоевский, И.А. Гончаров, В.Г. Бенедиктов, С.С. Дудышкин, И.И. Панаев, И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов, Я.П. Полонский и др.

и не без их участия разыгрался скандал, когда Достоевский в гневе выбежал из гостиной не прощаясь, и потом должен был в письме извиниться перед милейшей Евгенией Петровной: «Вы поймёте меня: Мне уже по слабонервной натуре моей трудно выдерживать и отвечать на двусмысленные вопросы мне задаваемые, не беситься именно за то, что эти вопросы двусмысленные»... «Трудно мне (сознаюсь в этом) сохранить хладнокровие, видя перед собою большинство»... «Само собой разумеется вышла суматоха, с обеих сторон полетели гиперболы»¹⁴⁰... Это из письма от 14 мая 1848 года. Разговор тогда шёл, как всегда у Майковых, на литературные темы. На эти же темы говорил несколько раз Достоевский и у Петрашевского. На одном вечере он выступил на защиту Крылова, которого Петрашевский хулил запальчиво; в другой раз — на защиту Державина. «Однажды, я помню, — рассказывает в своих воспоминаниях А.П. Милоков¹⁴¹, — речь зашла о Державине, и кто-то заявил, что видит в нём скорее напыщенного риторика и низкопоклонного панегириста, чем великого поэта, каким величали его современники и школьные педанты. При этом Фёдор Михайлович Достоевский вскочил, как ужаленный, и закричал:

— Как?! Да разве у Державина не было поэтических вдохновенных порывов? Вот это разве не высокая поэзия?

И он прочёл на память стихотворение «Властителям и судиям» с такою силою, с таким восторженным чувством, что всех увлёк своей декламацией и <нрзб.>¹⁴² поднял в общем мнении певца Фелицы. В другой раз читал он несколько стихотворений Пушкина и Виктора Гюго, сходных по основной мысли или картинам, и при этом мастерски доказывал, насколько наш поэт выше, как художник». На одном из вечеров Достоевский прочёл «с обычной своей энергией» стихотворение Пушкина «Деревня», и, кажется, в связи с этим чтением начался очередной спор об освобождении крестьян, в коем он принял горячее участие.

В годы 1848 и 1849-й Достоевский был уже «известным писателем». За эти годы в печати появилось немало его рассказов — «Чужая жена», «Слабое сердце», «Рассказы бывалого человека («Отставной» и «Честный вор»», «Ёлка и свадьба», «Белые ночи» и, наконец, «Непочка Незванова»...

¹⁴⁰ Письма I. С. 113.

¹⁴¹ Милоков А.П. (1816–1897) — писатель, историк литературы, педагог, участник социально-утопических и литературно-социалистических кружков в Петербурге 1840-х гг., товарищ Ф.М. Достоевского, принимавший участие в его судьбе.

¹⁴² В Мп РГБ: без всяких комментариев

XVI.

Итак, Достоевский стал посетителем «пятниц» Петрашевского. Кого он там видел? С кем встречался? Перед ним возникла целая галерея тогдашних вольнодумцев — Тимковский, Дебу, Головинский, Баласогло, Момбелли, Филиппов, Милюков, Данилевский, Дуров, Плещеев, Пальм, Черносвитов, Спешнев и др.¹⁴³

Это были всё молодые дворяне, не очень зажиточные, разных типов, непохожие друг на друга, каждый на свой лад, но их всех объединяла страстная «жажда перемен» во что бы то ни стало. Они все были недовольны порядками крепостной России и все тянулись к Западу. <Нрзб.>. Они всё искали именно там, — преимущественно у французов, панацеи от всех социальных бедствий. Самые разнообразные люди, иногда радикально отличавшиеся друг от друга по своему миросозерцанию, пользовались чрезвычайным вниманием и сочувствием тогдашней образованной молодежи только потому, что они критиковали и отрицали старый буржуазный порядок, хотя бы эта

¹⁴³ Тимковский К.И. (1814–1881) — один из петрашевцев, чиновник Министерства иностранных дел, постоянно живший в Ревеле и лишь наезжавший в Петербург; Дебу И.М. (1824–1890) — чиновник Министерства иностранных дел, посетитель собраний у М.В. Петрашевского; Дебу К.М. (1810–1869) — переводчик Министерства иностранных дел, посетитель собраний у М.В. Петрашевского; Головинский В.А. (1829–1875) — правовед, чиновник Сената, на собраниях у М.В. Петрашевского выступал с резким протестом против крепостного права, входил в тайную «семёрку» во главе с Н.А. Спешневым для организации политического переворота в России; Баласогло А.П. (1813–1893) — поэт, публицист, активный участник кружка М.В. Петрашевского; Момбелли Н.А. (1823–1902) — офицер, активный участник кружков М.В. Петрашевского и С.Ф. Дурова, высказывавший радикальные взгляды; Филиппов П.Н. (1825–1855) — участник кружков М.В. Петрашевского и С.Ф. Дурова, входивший в тайную «семёрку» во главе с Н.А. Спешневым для организации политического переворота в России; Данилевский Н.Я. (1822–1885) — естествоиспытатель, философ, публицист, участник собраний у М.В. Петрашевского, автор известного философско-исторического труда «Россия и Европа» (1869); Дуров С.Ф. (1815–1869) — поэт, прозаик, переводчик Морского министерства, деятельный участник собраний у М.В. Петрашевского, с 1849 г. организатор собственного, более радикального, кружка; Пальм А.И. [П. Альминский] (1823–1885) — писатель, активный участник кружков М.В. Петрашевского и С.Ф. Дурова, автор автобиографического романа «Алексей Слободин» (1873), в героях которого отразил черты ряда петрашевцев, в том числе Ф.М. Достоевского; Черносвитов Р.А. (1810–1868) — офицер, исправник, сибирский золотопромышленник, посетитель собраний у М.В. Петрашевского, мечтавший о подготовке антиправительственного восстания в Сибири; Спешнев Н.А. (1821–1882) — человек необычной судьбы и загадочного характера, один из наиболее радикальных участников кружков М.В. Петрашевского и С.Ф. Дурова, по убеждениям атеист и коммунист, организатор тайной «семёрки» с целью подготовки политического переворота в России, главный прототип Ставрогина в «Бесах».

критика и отрицание диктовались мотивами вовсе не одинаковыми. Вышедшая в 1834 году книга аббата Ламенне «Paroles d'un croyant»¹⁴⁴ читалась всеми не менее жадно, чем книги Фурье, Консидерана¹⁴⁵, Кабе и других утопистов, хотя Ламенне, когда писал свою книгу, был ещё католиком. Ему прощали его католицизм, потому что он говорил горячо и убедительно о правах трудящихся и о мрачной несправедливости существующего социального строя.

В библиотеке Петрашевского, которою пользовались юные устроители человечества «по новому штату», были, конечно, все французские утописты, была и газета Консидерана «La Phalange»¹⁴⁶, были книги Прудона «Что такое собственность?» и «Философия нищеты». Была и книга Маркса «Нищета философии», вышедшая в 1847 году. В этом году Маркс и Энгельс сочинили свой «Манифест Коммунистической партии», но вольнодумцы сороковых годов не предвидели, какое значение будет иметь этот манифест впоследствии. В библиотеке Петрашевского жандармы нашли также книгу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Из книг, которые брал Достоевский у Петрашевского, были, между прочим, «Histoire de dix ans» Луи Блана¹⁴⁷, и «Le vrai christianisme»¹⁴⁸ Кабе, а также роман Евгения Сю «Le Berger de Kravan»¹⁴⁹.

«Все эти тогдашние новые идеи, — писал Достоевский в 1873 году, — нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества. Мы ещё задолго до Парижской революции 1848 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей. Я уже в 46-м году был посвящён во всю правду этого грядущего обновления мира и во всю святость будущего коммунистического общества ещё Белинским».¹⁵⁰

¹⁴⁴ Ламенне, Фелисите Робер де, аббат (1782–1854) — французский публицист и философ, один из основоположников христианского социализма, автор книги «Слова верующего» (фр.).

¹⁴⁵ Консидеран, Виктор (1808–1893) — французский философ и экономист социально-утопической направленности, ученик Ш. Фурье, глава школы фурьеристов.

¹⁴⁶ «Фаланга» (фр.).

¹⁴⁷ Блан, Луи (1811–1882) — французский социалист с элементами утопизма, деятель революции 1848 г., автор книги «История десяти лет» (фр.), резко критической по отношению к правительству Франции 1830-х гг.

¹⁴⁸ «Истинное христианство» (фр.).

¹⁴⁹ «Пастух из Кравана» (фр.).

¹⁵⁰ Далее было: «Все эти убеждения о безнравственности самых оснований

Но Достоевский недоверчиво улыбался¹⁵¹, когда Тимковский, например, в декабре 1848 года произносил с азартом свою речь о фурьеризме и предлагал немедленно приступить к действию, что вызвало смущение всех гостей, видевших в первый раз в жизни этого титулярного советника, приехавшего в отпуск из Ревеля и усвоившего внезапно всю правду социализма и безбожия. Этот Тимковский с трогательной откровенностью вскоре после произнесённой им злополучной речи писал Спешневу, как расстроилось его семейное счастье, когда, приехав из Петербурга в Ревель, он вдруг сообщил своей жене, что, по самым достоверным сведениям, полученным от компетентных петербуржцев, вера в Бога одно только невежество и предрассудок. По показанию одного из свидетелей, этот самый Тимковский смешивал, однако, «социализм, религию, магнетизм и кабалистику». О магнетизме Тимковского упоминал и Спешнев. По-видимому, у этого фурьериста была каша в голове. Едва ли подобный чудака мог внушить Достоевскому какое-либо доверие и уважение. О самом Петрашевском Достоевский отзывался тоже не без иронии. «...Каким образом мог бы быть вреден Петрашевский, как пропагатор фурьеризма? Свыше моих понятий. Смешон, а не вреден!...»¹⁵² С наименьшей иронией отзывался Достоевский и об отставном исправнике Черносвитове, который привёз с Урала грандиозный проект крестьянского движения, хотя тут же признавался Петрашевскому и Спешневу, что почерпнул свой проект из собственного опыта: ему в качестве исправника приходилось усмирять мужиков на том же самом Урале. Достоевский, впрочем, заинтересовался Черносвитовым, но совсем с иной стороны. «Этот Черносвитов, — заметил он, — гово-

(христианских) современного общества, о безнравственности религии, семейства, о безнравственности права собственности, все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству, как тормозу во всеобщем развитии и проч., и проч. — всё это были такие влияния, которых мы преодолеть не могли, и которые захватывали, напротив, наши сердца и умы во имя какого-то великодушия. Во всяком случае, тема казалась величавою и стоящею далеко выше уровня тогдашних господствовавших понятий — а это-то и соблазняло» <ПСХП. Т. 11. С. 135 («Дневник писателя. 1873. XVI. Одна из современных фальшей»>.

Однако у двадцатисемилетнего Достоевского был зоркий глаз, острый и точный ум и немалые знания. Наивный и беспомощный в житейских делах, он был вовсе не наивен, когда речь шла о главном, о важном или, как он иногда выражался, о «капитальном». Он не мог не видеть обратной стороны всего этого идейного движения, смешных маленьких слабостей этих новых благодетелей человечества.

¹⁵¹ Было: не мог не улыбаться

¹⁵² См.: Бельчиков Н.Ф. С. 93.

рит совсем так, как Гоголь пишет»... Едва ли могли внушить Достоевскому особое к себе уважение и такие люди, как сантиментальный поэт Плещеев или «до смешного религиозный», но совсем бесталаный стихотворец Дуров, или весьма поверхностный Пальм. Но был один человек, который по-настоящему заинтересовал Достоевского. Это был Николай Александрович Спешнев. «Он был высокого роста, имел правильные черты лица, тёмно-русые кудри падали волнами на его плечи, глаза его, большие, серые, были подёрнуты какою-то тихой грустью»¹⁵³, — описывает его наружность Н.А. Огарёва-Тучкова¹⁵⁴. Вот с этим человеком судьба соединила Достоевского более тесно, чем с Петрашевским. Спешнев был человек необыкновенный. Этот обольститель умов и сердец появился в кружке Петрашевского в 1848 году.

Он был ровесник Достоевскому: оба они родились в 1821 году. Богатый и независимый, он не кончил лицеза, вышел из него в 1839 году. Его жизнь сложилась своеобразно и могла занять воображение романтика. Спешнев влюбился в жену своего приятеля и увёз ее сначала в Гельсингфорс¹⁵⁵, а потом, в 1842 году, в Швейцарию и Австрию. Кажется, он принял участие в борьбе либеральных кантонов против ультрамонтанских¹⁵⁶. Он успел побывать и в Париже. Его возлюбленная, урождённая Цехановецкая, умерла в Вене в 1844 году, оставив ему двух детей, которых он поместил у её родственников в России. Рассказывали, что Цехановецкая отравилась, ревнуя его к какой-то другой даме, едва ли не баронессе Кобылинской, с которой у Спешнева был роман уже после смерти первой его возлюбленной. Вообще женщины влюблялись в Спешнева, и его личная жизнь не была такой бедной, как у Петрашевского. Напротив, Спешнев, по-видимому, и революцией занимался, как занимался и всем прочим — из любопытства и самолюбия. «Он не имел глубокого политического убеждения, не был исключительно пристрастен ни к одной из систем социалистских, не стремился, как Петрашевский, постоянно и настойчиво к

¹⁵³ Петрашевцы. Т. 1. С. 75.

¹⁵⁴ Огарёва-Тучкова Н.А. (1829–1913) — дочь декабриста А.А. Тучкова, жена Н.П. Огарёва, выехавшая вместе с мужем за границу, с 1857 г. гражданская жена А.И. Герцена, взявшая на себя воспитание его осиротевших детей, автор интересных воспоминаний, имеющих историко-литературную ценность.

¹⁵⁵ В настоящее время Хельсинки (Финляндия).

¹⁵⁶ Ультрамонтанство (от *лат.* *ultra montes* — за горами, то есть за Альпами, в Риме) — религиозно-политическое направление в католицизме, сторонники которого отстаивают идею неограниченной верховной власти римского папы и его право вмешиваться в светские дела любого государства; известно с XV в.

достижению либеральных своих целей; замыслами и заговорами он занимался как бы от нечего делать, оставлял их по прихоти, по лени, по какому-то презрению к своим товарищам, слишком, по мнению его, молодым и малообразованным, — и вслед затем готов был опять приняться за прежнее; приняться, чтобы опять оставить»¹⁵⁷.

Не раз уже отмечалось сходство Ставрогина с этим искателем сильных ощущений, революционером и аристократом, атеистом и романтиком, с этим загадочным и противоречивым человеком. В самом деле, сходство это разительно. И дело не в отдельных эпизодах их биографий (жизнь в Швейцарии, странные романы, исключительное положение среди заговорщиков и проч^{<ее>}), а в основном и существенном, в самой природе их волеустремлений и характеров. Достоевский, несомненно, имел в виду его, когда писал портрет своего героя: «Это был очень красивый молодой человек, лет двадцати пяти... Это был самый изящный джентльмен из всех, которых мне когда-либо приходилось видеть, чрезвычайно хорошо одетый, держащий себя так, как мог держать себя только господин, привыкший к самому утончённому благообразию»... «Все наши дамы были без ума от нового гостя. Они резко разделились на две стороны, — в одной обожали его, а в другой ненавидели до кровомщения; но без ума были и те и другие. Одних особенно прельщало, что на душе его есть, может быть, какая-нибудь роковая тайна»... «Оказалось тоже, что он был весьма порядочно образован, даже с некоторыми познаниями. Познаний, конечно, не много требовалось, чтобы нас удивить; но он мог судить и о насущных, весьма интересных темах и, что всего драгоценнее, с замечательно рассудительностью... Он был не очень разговорчив, изящен без изысканности, удивительно скромн и в то же время смел и самоуверен...»¹⁵⁸

И вот вокруг этого двойника Ставрогина, которого, как будто сговорившись, все называют «джентльменом», возникает заговорщицкое движение. Как магнит притягивает опилки, так Ставрогин-Спешнев влечёт к себе неудержимо все эти загоревшиеся сердца и хмельные головы. Торопливый и взволнованный К.И. Тимковский; самолюбивый и мнительный Н.А. Момбелли, задумавший «братство взаимной помощи»; многоопытный, даровитый, самонадеянный и легкомы-

¹⁵⁷ Отзыв Следственной комиссии. См.: Лейкина В. Петрашевцы / Под ред. П.Е. Щёголева. М.: Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1924. С. 41; Чулков Г.И. Достоевский и утопический социализм // Каторга и ссылка. 1929. № 3 (52). С. 137; **Петрашевцы**. Т. 3. С. 50–72.

¹⁵⁸ ПСХП. Т. 7. С. 36–37.

сленный Р.А. Черносвитов, и даже, как это ни странно — С.Ф. Дуров, отличавшийся какими-то крайностями религиозного фанатизма: все они тянулись к Спешневу, ища в нем авторитета и возлагая на него все надежды.

И загадочный Спешнев, никого не отталкивая, с любопытством, впрочем, не очень страстным, занимается всеми революционными проектами и бросает их потом без особого сожаления. Однако этого было достаточно, чтобы Следственная комиссия могла составить длинный список его преступлений. Его обвинили в том, что он, будучи за границей (с 1842 по 1846 год), «возымел, по собственному сознанию, замысел составить тайное общество в России, с целью произвести реформою уравниение всех сословий. По возвращении в 1846 году в Петербург он, начав посещать собрания Петрашевского, принимал участие в преступных разговорах, а на одном собрании читал речь о религии, в которой, отвергая бытие Бога, изъявлял желание распространить социализм, атеизм, терроризм. В конце 1848 и в начале 1849 годов Спешнев, бывая на собраниях у Дурова, Кашкина и Плещеева, также обнаруживал преступные предположения: именно у Плещеева... вызывался печатать за границей запрещённые книги, что, однако ж, не было принято; а у Дурова участвовал в совещаниях завести тайную литографию для распространения сочинений против правительства; когда же предположение это не состоялось, то Спешнев вознамерился устроить у себя типографию, с тем, чтобы, действуя независимо и втайне от других, производить печатание по своему произволу; до этого за день до арестования его, приобрёл уже некоторые типографские принадлежности»¹⁵⁹...

XVII.

Весною 1849 года Достоевский получил от Плещеева текст письма Белинского к Гоголю, которое критик послал автору «Переписки с друзьями» из Зальцбрунна почти за два года до того. Как Достоевский должен был отнестись к этому страстному и азартному памфлету? И гоголевская «Переписка», и этот вопль задыхающегося в чахотке Белинского ещё раз убедили Достоевского в том, что истину надо искать где-то в третьем плане, что «великий меланхолик», как его называл Пушкин, тщетно ищет утешения в надуманном и фальшивом смирении, а «неистовый Виссарион» напрасно воображает, что он

¹⁵⁹ См.: Петрашевцы. Т. 3. С. 300–301.

обрёл «ключ» к <нрзб.>¹⁶⁰ пониманию судьбы тогдашней России. Но в этом письме был яростный крик о позоре крепостного права, о продажности коронного суда, о подлой и грязной цензуре — этот крик об униженной и оскорблённой России был Достоевскому по душе. Немудрено, что Достоевский не расставался с письмом Белинского и читал его и у Дурова, и у Петрашевского. И читал мастерски. Письмо написано как пламенный монолог, и Достоевский своим чтением отнюдь не умалял его горячности. Слушатели были в восторге. Но вот что любопытно: сам Достоевский о письме Белинского не говорил ничего — прочтёт и молчит! Почему он молчал, пожалуй, не так уж трудно догадаться, если припомнить последние споры Достоевского с покойным критиком, который хулил то, что ему, Достоевскому, казалось истиной. В письме было сказано, между прочим: «...Какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки погасивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, более сын Христа, плоть от плоти его и кость от костей его, нежели все ваши попы, архиереи, митрополиты, патриархи! Неужели вы этого не знали! Ведь это теперь не новость для всякого гимназиста»...

Спустя тридцать лет, создавая свой последний роман, Достоевский вложил в уста гимназиста Коли Красоткина эти самые мысли Белинского: «Можно ведь и не веруя в Бога, любить человечество, как вы думаете? Вольтер же не веровал в Бога, а любил человечество»¹⁶¹...

А тогда, 15 апреля 1849 года, прочитав письмо Белинского, Достоевский никак его не комментировал. У него ведь слагался в душе свой ответ, если не самому Гоголю, то его двойнику. Тому доказательство — повесть «Село Степанчиково и его обитатели», написанная им спустя десять лет после чтения знаменитого письма. И едва ли негодование Белинского было более острою стрелой, направленною против ханжества, чем беспощадный сарказм Достоевского, когда он писал портрет Фомы Фомича¹⁶².

Итак, весной 1849 года Достоевский был всё ещё под впечатлением иеремиад¹⁶³ Белинского. Но тот, прокричав свой очередной мо-

¹⁶⁰ В *Мп РГБ*: «ключ ко всему», в своём поверхностном понимании судьбы тогдашней России

¹⁶¹ ПСХП. Т. 10. С. 221.

¹⁶² Ср.: Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (К теории пародии), Пг.: Опояз, 1921.

¹⁶³ Иеремиада — обычно прозаическое произведение, в котором оплакивается состояние общества, обличаются его пороки, лживая мораль, предсказывается его скорый упадок.

нолог, садился играть в преферанс с Некрасовым или Панаевым, и его бунт находил себе мирное разрешение, а потом Белинский умер, не успев от слова перейти к делу и не успев даже пострадать, хотя царские жандармы уже готовили ему, несмотря на его невинность, какой-то сюрприз. Не то — Достоевский. Ему стали противны бесконечные сумбурные разговоры разнообразных посетителей «пятниц» Петрашевского. Он ведь и тогда уже любил во всём доходить до последней черты. Жить в петербургском тумане этих бесконечных романтических скитаний стало невыносимо. «Мечтательство» завело его в какую-то фантазмагорию. Нужен был реализм во что бы то ни стало. Надо было что-то делать. Некоторые из посетителей «пятниц» так же, как Достоевский, тяготились болтовнёю о фурьеризме и совершенным бездельем.

И как это ни странно, Достоевский, который как раз в это время говел в приходе Вознесения, удивляя своей религиозностью доктора Яновского¹⁶⁴, этот самый Достоевский ведёт переговоры с Дуровым, тоже «верующим», относительно того, что пора перейти от слова к делу, т.е., иными словами, принять революцию. Это была отнюдь не шутка. И недаром впоследствии Достоевский с такою горячностью защищал серьёзность и внутреннюю значительность заговорщиков 1848–1849 годов. Отрицая тогда, в 1873 году, за личность право на революционные действия, Достоевский, однако, подчёркивал «величавость» этой темы, нравственную высоту революционеров и горячую их убеждённость. Он даже имел мужество признаться, что в эпоху своего фурьеризма он мог действовать, как действовали впоследствии «нечаевцы». «Итак, почему же вы думаете, — писал Достоевский, — что даже убийство à la¹⁶⁵ Нечаев остановило бы если не всех, конечно, то, по крайней мере, некоторых из нас в то горячее время, среди захватывающих душу учений и потрясающих тогдашних европейских событий, за которыми мы, совершенно забыв отечество, следили с лихорадочным напряжением?»...

Это «горячее время» так повлияло на Достоевского, что он, прежде всего, бросился к Спешневу, своему идейному антиподу. Спешнев не только не говел у Вознесения, но заявил однажды публично, что намерен воспользоваться всеми доступными ему средствами «без всякого стыда и совести, без всякого зазора для распространения

¹⁶⁴ Яновский С.Д. (1815–1897) — врач, друг Ф.М. Достоевского с 1846 г., муж актрисы А.И. Шуберт, которой в начале 1860-х гг. был увлечён писатель; автор ценных воспоминаний о Ф.М. Достоевском; прототип Трусоцкого в «Вечном муже».

¹⁶⁵ в стиле, на манер (*фр.*).

социализма, атеизма, терроризма, всего, всего доброго на свете»¹⁶⁶... И вот к этому-то «безбожнику» бросился «верующий» Достоевский, чтобы вместе с ним от надоевших им словопрений перейти к какому-то действию. К какому действию? А вот к какому...

Однажды поздно вечером Достоевский пришёл к своему приятелю поэту Аполлону Майкову и остался у него ночевать. В это время (167 в январе 1849 года) Майков жил уже самостоятельно, отдельно от родителей. Гостю постлали постель на диване, а сам Майков расположился на кровати, но в эту ночь не сразу ему удалось заснуть. «Достоевский, сидя, как умирающий Сократ перед друзьями, в ночной рубашке, с незастёгнутым воротом»¹⁶⁸, повёл с своим другом беседу весьма ответственную. Ему, оказывается, поручили сделать Майкову предложение вступить в «семёрку». В какую «семёрку»? Неужто вместе с Петрашевским? О, нет! Петрашевский — «дурак, актёр и болтун, у него не выйдет ничего путного»... «Люди подельнее из его посетителей задумали дело, которое Петрашевскому неизвестно, и его туда не примут»¹⁶⁹... Кто же стоит во главе семёрки? Конечно, Спешнев. А то, что он атеист, то ведь был же у Фауста Мефистофель... Ну, и тут идёт дело о насущном. Нужен вольный типографский станок. Свобода печати всем нужна — и безбожникам, и верующим. Надо печатать книги без этой глупой и трусливой цензуры. Он, Достоевский, вместе со Спешневым готов взять на себя всю ответственность. Будет помогать Филиппов. Правда, он ещё очень молод, горяч и неопытен, даже готов на всякое сумасбродство, но зато храбрый и способен всем рисковать. Его даже нельзя не любить. Он честнейший человек. Он изящно вежлив, правдив и прямодушен. Есть и другие согласившиеся — шесть человек. Нужен седьмой. Они рассчитывают на Майкова...

Но Майков струсил ужасно. Вольный типографский станок! Легко сказать! Да ведь это явная гибель! ...

— Да притом мы с вами, Фёдор Михайлович, поэты, следовательно, люди непрактические, и своих дел не справили, тогда как поли-

¹⁶⁶ **Петрашевцы.** Т. 3. С. 53; Семевский В.И. М.В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы / Под ред. В. Водовозова. В 2 ч. М.: Задруга, 1922. Часть 1. С. 194; Лейкина В. Петрашевцы / Под ред. П.Е. Щёголева. М.: Общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1924. С. 45; также о Н.А. Спешневе см.: Семёнов-Тян-Шанский П.П. Детство и юность: В 2 т. Пг.: Изд. семьи, 1917. Т. 1. С. 198–199; Чулков Г.И. Достоевский и утопический социализм // Каторга и ссылка. 1929. № 52 (3). С. 136–139.

¹⁶⁷ *Было:* вероятно,

¹⁶⁸ См.: Покровская Е. Достоевский и петрашевцы // **Долинин** **И.** С. 268 (Письмо А.Н. Майкова П.А. Висковатову, предположительно от 1885 г.).

¹⁶⁹ Там же.

тическая деятельность есть в высшей степени практическая способность...

Достоевский, однако, стоял на своём и всё продолжал твердить, что «наш долг спасти отечество», что затеянное дело воистину «святое».

Под утро заснули.

На другой день разговор был краткий:

— Итак, нет?

— Нет, нет и нет!

— Не нужно говорить об этом — ни слова!

— Само собою!

Впоследствии Майков узнал, что типографский станок был заказан по рисунку студента Филиппова в разных частях города и за день — за два до ареста был снесён и собран в квартире одного из участников...

Подумать только! Это при николаевском-то режиме вдруг заговорить полным голосом, назвать вещи своими именами! <Ирзб.>¹⁷⁰ Для этого можно пожертвовать многим. Но всё же Достоевский ходил мрачным.

Доктор Яновский приставал с расспросами к своему пациенту, и в конце концов Достоевский пробормотал ему признание:

— Теперь я с ним и его.

С кем это «с ним»? Разумеется, со Спешневым. А между тем ещё недавно он говорил тому же Яновскому об этом самом Спешневе:

— Я его мало знаю, да, по правде, и не желаю с ним ближе сходить-ся, так как этот барин чересчур силён и не чета Петрашевскому...

Как известно, от великого до смешного один шаг, и самая пошлейшая проза врывается насмешливо в самые, казалось бы, высокие и даже поэтические темы. Так и в романтизм тогдашнего Достоевского клином вошёл некий прозаический эпизод. В один несчастный день запутавшийся в денежных делах Достоевский занял у Спешнева что-то около пятисот рублей. Самое неприятное и оскорбительное было то, что Спешнев, вручая эти деньги, взял с Достоевского «честное слово никогда о них не заговаривать»

— Я взял у Спешнева деньги, и теперь я с ним и его. Отдать же этой суммы я никогда не буду в состоянии... Понимаете ли вы, что у меня с этого времени есть свой Мефистофель?¹⁷¹...

¹⁷⁰ В *Мп РГБ*: О, если Достоевский заговорит, его голос будет погромче голоса Белинского...

¹⁷¹ См.: *Петрашевцы*. Т. 1. С. 79–80; Яновский С.Д. Воспоминания о Достоевском // *Русский вестник*. 1885. № 4. С. 815–817.

Вот с каким спутником начал свою подпольную деятельность Достоевский.

XVIII.

22 апреля 1849 года было душно, но с самого утра на небе курчавились облака, то и дело заслоняя солнце и предвещая дождь. В такую погоду надо бы сидеть дома, но Достоевский в странном томлении и рассеянности бродил по городу. В шесть часов, когда ещё было жарко, Достоевский в Семёновском полку близ церкви Вознесения столкнулся с младшим братом Андреем. Они остановились и смотрели друг на друга.

— Скверно, брат, — сказал Достоевский, — чувствую, что болезнь подтачивает меня, нужно бы отдохнуть, полечиться, куда-нибудь поехать на лето... а средств нет... Что ты не заходишь? Заходи когда-нибудь...

— Непременно.

— Ну, так до свидания.

Но в воскресенье свидания братьев не состоялось. Расставшись с братом Андреем, Достоевский направился¹⁷² в Коломну к Петрашевскому на очередную пятницу <нрзб.>. А между тем часам к семи надвинулись тучи и хлынул дождь. Достоевский промок до костей. Проходя мимо квартиры доктора Яновского, он решил зайти к нему пообсушиться. Яновский встретил гостя в передней. Вода текла с него ручьями. Доктор заставил его раздеться, дал ему своё бельё, а сапоги и сюртук повесил в кухне у плиты. Достоевский покорно и рассеянно принимал заботы о себе, стал пить чай, но к девяти часам забеспокоился, настаивая на том, что надо всё-таки идти к Петрашевскому.

Дождь лил как из ведра. От Торгового моста, где жил тогда Яновский, было недалеко до Покрова, но идти пешком под проливным дождём было жутко. Достоевский попросил у Яновского денег на извозчика, и тот вытряхнул ему из копилки шесть медных пятак.

У Петрашевского в этот вечер было гостей немного, всего лишь человек двенадцать; <нрзб.> Петрашевский говорил речь об обязанностях литераторов служить обществу. Русские писатели должны брать пример с Евгения Сю и с Жорж Санд. А у нас литераторы равнодушны к науке.

¹⁷² Было: к доктору Яновскому. По дороге он попал под дождь и промок до костей. Когда Яновский, услышав его шаги, вышел в переднюю

Достоевскому эти разговоры не понравились¹⁷³, и он скоро ушёл вместе с Григорьевым¹⁷⁴, который заинтересовал его <пропуск>¹⁷⁵, но в его авторе, офицере лейб-гвардии конногвардейского полка, было что-то загадочное и, может быть, болезненное. Он позвал Достоевского к себе, и тот просидел у него почти всю ночь, как будто загипнотизированный его меланхолическими глазами.

Достоевский вернулся домой в четвёртом часу, лег спать и тотчас же заснул. Не более как через час, сквозь сон, он почувствовал, что в комнату вошли какие-то подозрительные и необыкновенные люди. Брякнула сабля.

Достоевский с усилием открыл глаза и услышал мягкий симпатичный голос:

— Вставайте!

Перед ним стоял какой-то полицейский чин с красивыми бакенбардами. Но говорил не он: говорил господин, одетый в голубое, с подполковничьими эполетами.

Достоевский привстал с кровати:

— Что случилось?

— По повелению...

Достоевский тотчас же убедился, что посетители действительно явились «по повелению»: в дверях стоял солдат, тоже голубой. У него-то и звякнула сабля...

— Позвольте же мне, — начал, было, Достоевский, но его тотчас же перебили.

— Ничего, ничего! Одевайтесь. Мы подождём-с, — поспешил отозваться подполковник с симпатичным голосом.

Пока Достоевский одевался, уже начали рыться в книгах. Бумаги и письма аккуратно связали верёвочкой. Пристав полез в печку и пошарил чубуком в старой золе. Жандармский унтер-офицер, по его приглашению, стал на стул, чтобы достать отдушник, но оборвался с карниза и с громом упал на стул, а потом со стулом на пол. На столе лежал старый согнутый пятиалтынный. Пристав внимательно разглядывал его и, наконец, кивнул подполковнику.

¹⁷³ *Было*: показались скучными

¹⁷⁴ Григорьев Н.П. (1822–1886) — активный участник собраний у М.В. Петрашевского, автор резко критической по отношению к российской власти поэмы «Солдатская беседа», которую прочёл в 1849 г. на обеде у Н.А. Спешнева; член тайной «семёрки», объединённой идеей революционного переворота в стране.

¹⁷⁵ *В Мн РГБ*: однажды, когда ему довелось у Спешнева слушать его «Солдатскую беседу». Самый рассказ этот показался Достоевскому слабым

— Уж не фальшивый ли? — спросил Достоевский.

— Гм... Это, однако же, надо исследовать, — пробормотал пристав и кончил тем, что присоединил пятиалтынный к делу.

Чины пригласили Достоевского следовать за ними. Его провожали испуганная хозяйка и её слуга, Иван, хотя тоже очень испуганный, но глядевший с какою-то тупою торжественностью, приличною событию, впрочем отнюдь не праздничною. У подъезда стояла карета. В неё посадили Достоевского. Туда же сел подполковник, пристав и солдат. Карета, конечно, поехала на Фонтанку, по Цепному мосту, у Летнего сада.

Там, в приёмной Третьего отделения¹⁷⁶, было уже много знакомых. Все были заспанные и молчаливые. Какой-то господин, штатский, но в большом чине, принимал... Бесперывно входили жандармы с разными жертвами.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — сказал кто-то на ухо Достоевскому.

Как известно, 23 апреля был действительно Юрьев день. Мало-помалу арестованные окружили штатского господина со списком в руке. В списке перед именем Антонелли¹⁷⁷ написано было карандашом: «Агент по найденному делу».

Достоевский вспомнил блондинчика среднего роста с длинным носом. На нём всегда был красный жилет.

— То-то он был как-то чересчур любезен и как-то слишком интересовался не имевшими к нему отношения делами.

XIX.

Арестованным подали завтрак, кофе и сигары. Около полудня в залу, где сидел Достоевский, вошёл князь Орлов¹⁷⁸, любимец императора Николая. У этого бравого генерала, затянутого в белые лосиные панталоны и в мундир, короткий спереди и с фалдами позади, была до странности маленькая голова, как будто оторван-

¹⁷⁶ Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии — орган политического сыска и следствия в России; создано Николаем I в 1826 г.

¹⁷⁷ Антонелли П.Д. (1825–?) — студент Петербургского университета, сын академика живописи, агент Министерства внутренних дел, с декабря 1848 г. следивший за петрашевцами и доносивший на них в Третье отделение; некоторые черты провокатора и шпиона Антонелли вошли в образ Петра Верховенского в «Бесах».

¹⁷⁸ Орлов А.Ф., кн., гр. (1786–1861) — шеф жандармов в 1844–1856 гг.; под его руководством готовились и производились аресты по делу петрашевцев.

ная от другого туловища и посаженная, по какой-то случайной ошибке, на широкие плечи, украшенные жирными эполетами. Орлов приветливо улыбался, и можно было подумать, что это не шеф жандармов, по приказу коего повезут сейчас молодых людей в казематы, а светский человек, встретивший в салоне своих добрых знакомых. Он что-то сказал официальное и отечески назидательное всё с тою же светскою улыбкою и удалился. Потом вошёл Дубельт¹⁷⁹.

Из мундира глянула на арестованного не то лисья, не то волчья морда. Но и этот ревнитель Третьего отделения был так же вежлив, как Орлов. Достоевского провели на подъезд, мимо статуи Венеры, украшавшей вестибюль. В карете Достоевский сообразил, что его везут в Петропавловскую крепость. В каземате было мрачно. Это был седьмой номер Алексеевского рavelина. На высоком выступе оконной амбразуры тускло горела плашка. Достоевский лёг на нару и тотчас же заснул. В семь часов солдат разбудил его. Принесли воду для умывания. Потом дали чаю и хлеба. В десять часов вошел комендант и, как будто он видит эту камеру впервые, сказал, сморщив лоб: «Да, здесь нехорошо, очень нехорошо»... Достоевского потом перевели из седьмого номера в девятый.

В двенадцать часов принесли обед — щи с нарезанной говядиной и кашу. Вечером — ужин.

И так восемь месяцев — с 23 апреля по 24 декабря 1849 года.

До нас дошло четыре письма Достоевского из крепости к брату Михаилу, который тоже был арестован, но выпущен на свободу после первого допроса. «Наконец-то ты на свободе, — писал Достоевский 18 июля, — и воображаю, какое счастье было для тебя увидеться с семьёй»... «Ты мне пишешь, любезный друг, чтобы я не унывал. Я и не унываю; конечно, скучно и тошно, да что же делать? Впрочем, не всегда и скучно. Вообще моё время идет чрезвычайно не ровно, — то слишком скоро, то тянется. Другой раз даже чувствуешь, как будто уже привык к такой жизни и что всё равно. Я конечно гоню все соблазны от воображения, но другой раз с ним не справишься, и прежняя жизнь так и ломится в душу с прежними впечатлениями, и прошлое переживается снова. Да впрочем, это в порядке вещей. Теперь ясные дни, большею частию по крайней мере, и немножко веселее стало. Но ненастные дни невыносимы, каземат смотрит суровее. У меня есть и

¹⁷⁹ Дубельт Л.В. (1792–1862) — генерал-лейтенант, в 1839–1856 гг. управляющий Третьим отделением и начальник штаба корпуса жандармов; 26 апреля 1849 г. вошёл в Секретную следственную комиссию по делу петрашевцев.

занятия. Я времени даром не потерял: выдумал три повести и два романа; один из них пишу теперь, но боюсь работать много»¹⁸⁰...

Достоевский подробно рассказывает о своём состоянии. Он работает, но ему страшно. И раньше всегда работа изнуряла его, но там, на свободе, он искал развлечений, и это помогало, а здесь «волнение после письма должно проходить само собою»¹⁸¹. Спит он мало. Сновидения болезненны. Всего тяжелее, когда смеркается, а в девять часов в каземате уже темно. Что он читает? Сочинения св. Димитрия Ростовского. Они его очень заняли. Но это мало. Он жаждет книг. Чтение будет даже целительно, затем, что перебеёшь чужими мыслями свои или перестроишь свои по новому складу. Вот уже три месяца заключения. Увидит ли он зелёные листья? Ему всё мерещится сад в Инженерном замке.

В следующем письме от 27 августа он сообщал брату, что ему «опять позволили гулять в саду, в котором почти семнадцать деревьев». И это для него «целое счастье». Кроме того, он может теперь иметь свечу по вечерам. И вот для него «другое счастье». Нужны книги. Он благодарил за «Отечественные записки». Нехудо бы получить исторических сочинений. Но всего лучше, если бы брат прислал Библию. Ему это крайне нужно. О здоровье своём он не может сказать ничего хорошего. Болит грудь. По ночам длинные безобразные сны, и сверх того, с недавнего времени, ему всё кажется, что под ним колышется пол и будто бы он в паровой каюте. «Из всего этого, — пишет Достоевский, — я заключаю, что нервы мои расстраиваются. Когда такое нервное время находило на меня прежде, то я пользовался им, чтобы писать, — всегда в таком состоянии напишешь лучше и больше, но теперь воздерживаюсь, чтобы не доконать себя окончательно»¹⁸².

В письме от 14 сентября Достоевский уверяет брата, что здоровье его не так уж плохо. «Я ожидал, — пишет он, — гораздо худшего и теперь вижу, что жизненности во мне столько запасено, что и не вычерпаешь»¹⁸³. Он получил Библию и Шекспира. Это его утешает. Вот уже пять месяцев без малого, как он живет одной своей головой и больше ничем. Вечное думанье и одно только думанье, без всяких внешних впечатлений — тяжело! Он весь как будто под воздушным насосом, из-под которого вытягивают воздух...

¹⁸⁰ Письма I. С. 123–124.

¹⁸¹ Там же. С. 124.

¹⁸² См.: Там же. С. 125–126.

¹⁸³ Там же. С. 127.

Несколько раз Достоевского водили в Следственную комиссию на допрос. Заседания происходили в двухэтажном флигеле, против Никольской куртины. На председательском месте сидел командир крепости, генерал-адъютант Набоков. Из штатских генералов был только один, князь Гагарин, нетерпеливый, капризный и брюзгливый; бравый князь Василий Андреевич Долгоруков, исполнявший тогда обязанности товарища военного министра, сидел тут же, выпятив грудь с генерал-адъютантскими аксельбантами; скучал и дремал, облокотясь на стол, Яков Иванович Ростовцев, заплывший жирком, с короткой шеей, с мешками под глазами (он, как начальник военно-учебных заведений, помнил Достоевского по Инженерному училищу)¹⁸⁴; наконец, тут присутствовал и сам Леонтий Васильевич Дубельт, «Général double»¹⁸⁵, как его прозвали петербуржцы — не то волк, не то лиса...

Эта компания называлась «Секретной следственной комиссией, высочайше утвержденной в С.-Петербургской крепости над злоумышленниками». Её первое заседание состоялось 26 апреля.

Когда в первый раз Достоевский предстал перед Следственной комиссией, Ростовцев как будто проснулся и оживился. Он считал, что Достоевский, как воспитанник Инженерного училища, компрометирует его самого, генерала Ростовцева. Достоевский должен откровенно рассказать всё как было. Достоевский должен принести покаяние, и тогда он, Ростовцев, поможет ему выпутаться из этой ужасной западни, куда он попал случайно, по своей неопытности. Но Достоевский держал себя <нрзб.>¹⁸⁶ совсем не так, как хотелось генералу. Он давал показания с достоинством, и казалось, что это говорит не подследственный злоумышленник и даже не свидетель, а какой-то беспристрастный эксперт, приглашённый следователями для выяснения дела. О себе он говорил мало. На вопрос о Петрашевском он ответил¹⁸⁷ судьям, что этот неглупый, начитанный и безупречно

¹⁸⁴ Набоков И.А. (1787–1852) — генерал-адъютант, комендант Петропавловской крепости, председатель Секретной следственной комиссии по делу петрашевцев; Гагарин П.П., кн. (1789–1872) — действительный тайный советник, член Государственного совета, в Секретной следственной комиссии по делу петрашевцев руководил допросами; Долгоруков В.А., кн. (1804–1868) — член Секретной следственной комиссии по делу петрашевцев, допрашивавший Ф.М. Достоевского; Ростовцев Я.И., гр. (1803–1860) — генерал от инфантерии, один из руководителей подготовки крестьянской реформы 1861 г.; в 1849 г. член Секретной следственной комиссии по делу петрашевцев, допрашивавший Ф.М. Достоевского.

¹⁸⁵ «Двойной генерал» (фр.).

¹⁸⁶ В *Мп РГБ*: как-то странно

¹⁸⁷ *Было*: Зато он не скупился на характеристику Петрашевского, доказывал

честный человек, хотя, быть может, и несколько эксцентричный и легкомысленный <нрзб.>¹⁸⁸, отнюдь не мог быть заговорщиком; его знаменитые «пятницы» собирали таких разнообразных людей, что странно было бы видеть в этих молодых спорщиках каких-то карбонариев; не было никакого единомыслия, а разве может быть заговор, когда один в лес, другой по дрова, когда никто ни в чём не соглашался со своим соседом...

Но, однако, Петрашевский фурьерист, — и Достоевский не может это отрицать, ибо вот его собственная рукопись... И его друзья, конечно, были тоже фурьеристы...

Достоевскому показали рукопись и в ней фразу о скорейшем торжестве системы Фурье.

— Если вся рукопись в этом роде, — сказал Достоевский, — если Петрашевский признал её, то, конечно, он желал распространения системы... Я не знаю, однако, никаких его планов, и я в первый раз видел эту рукопись, содержание которой, кроме одной фразы, я также совершенно не знаю. Допустим, что Петрашевский верит Фурье. Но что такое фурьеризм? Эта система совершенно мирная. Она очаровывает душу своей изящностью, обольщает сердце любовью к человеку, удивляет ум своею стройностью... В системе этой нет ненависти. Реформы политической фурьеризм не полагает. Его реформа экономическая. Он не посягает ни на правительство, ни на собственность, а в одном из последних заседаний палаты Виктор Консидеран, представитель фурьеристов, торжественно отказался от всякого посягновения на фамилию.

Но какое дело следователям до всей этой философии? Важно то, что в Коломне¹⁸⁹ вот уже четыре года устраиваются сходки, где вольнодумцы рассуждают о чём им угодно, нисколько не считаясь с тем, что начальство давно уж обдумало всё и обо всём позаботилось. «Система Фурье удивляет ум своею стройностью!» — какой вздор, а вот совсем не вздор, что молодой человек старается оправдать Петрашевского, этого безумца и заговорщика.

— Я не могу поверить, чтобы человек, написавший «Бедных людей», был заодно с этими порочными людьми! — воскликнул патетически Ростовцев, — и короткая шея стала у него багровой. — Это невозможно! Вы мало замешаны, и я уполномочен от имени государя объявить вам прощение, если вы захотите рассказать всё дело.

Достоевский молчал.

¹⁸⁸ В *Мн РГБ*: человек

¹⁸⁹ Коломна — район Петербурга.

Тогда Дубельт с улыбкою заметил:

— Я ведь вам говорил!

Это было масло в огонь. Ростовцев вскочил как ужаленный и закричал фальшивым голосом:

— Я не могу больше видеть Достоевского!

Генерал выбежал в соседнюю комнату и захлопнул дверь.

После первого допроса Достоевский представил Следственной комиссии свои объяснения в письменной форме.

— «...В чем обвиняют меня? — писал он, между прочим, — в том, что я говорил о политике, о Западе, о цензуре и пр<очем>. Но кто же не говорил и не думал в наше время об этих вопросах?...» «На Западе происходит зрелище страшное, разыгрывается драма беспрецедентная. Трещит и разрушается вековой порядок вещей. Самые основные начала общества грозят каждую минуту рухнуть и увлечь в своем падении всю нацию. Тридцать шесть миллионов людей каждый день ставят, словно на карту, всю свою будущность, имение, существование своё и детей своих! И эта картина не такова, чтобы возбудить внимание, любопытство, любознательность, потрясти душу? Это тот самый край, который дал нам науку, образование, цивилизацию европейскую. Такое зрелище — урок. Это, наконец, история — наука будущего...» «Неужели обвинят меня в том, что я смотрю несколько серьезно на кризис, от которого ноет и ломится надвое несчастная Франция, что я считаю, может быть, этот кризис исторически необходимым в жизни этого народа, как состояние переходное (кто разрешит это теперь?) и которое приведет, наконец, лучшее время?»¹⁹⁰ ...

Но этот сочувственный интерес к революции на Западе вовсе не доказывает, что он, Достоевский, готов применить республиканские идеи к русской действительности. «Для меня никогда ничего не было нелепее идеи республиканского правления в России. Всем, кто знает меня, известны на этот счёт мои идеи. Да, наконец, такое обвинение будет противно всем моим убеждениям, моему образованию. Я, может быть, объясню ещё себе революцию западную и историческую необходимость тамошнего современного кризиса. Там несколько столетий, более тысячелетия, длилась упорнейшая борьба общества с авторитетом, основавшимся на чуждой цивилизации завоеванием, насилием, притеснением. А у нас? И земля-то наша сложилась не по-западному»¹⁹¹ ...

¹⁹⁰ Показание Ф.М. Достоевского в деле Петрашевского // Ч. Ветринский. С. 311–312.

¹⁹¹ Там же. С. 312.

Но если он, Достоевский, монархист, это ещё не значит, что он сторонник крепостного режима и цензурных гонений, в коих задыхается русский народ. «Я говорил о цензуре, — пишет он, — об её непомерной строгости в наше время и сетовал об этом, ибо чувствовал, что произошло какое-то недоразумение, из которого вытекает натянутый, тяжёлый для литературы порядок вещей. Мне грустно было, что звание писателя унижено в наше время каким-то тёмным подозрением и что на писателя уже заранее, прежде чем он написал что-нибудь, цензура смотрит как будто на какого-то естественного врага правительству и принимается разбирать рукопись уже с очевидным предубеждением. Мне грустно слышать, что запрещается иное произведение не потому, чтобы в нём нашли что-нибудь либерального, вольнодумного, противного нравственности, а, например, потому, что повесть или роман слишком печально кончается, что выставлена слишком мрачная картина»... «Целые роды искусства должны исчезнуть: сатира, трагедия уже не могут существовать. Уже не могут существовать при строгости нынешней цензуры такие писатели, как Грибоедов, Фонвизин и даже Пушкин»... «Точно как будто скрывая порок и мрачную сторону жизни, скроем от читателя, что есть на свете порок и мрачная сторона жизни»... «Говорят: описывай одни доблести, добродетели. Но добродетели мы не узнаем без порока»¹⁹²...

«Меня обвиняют в том, что я прочёл статью “Переписка Белинского с Гоголем” на одном из вечеров у Петрашевского. Да, я прочёл эту статью, но тот, кто донёс на меня, может ли сказать, к которому из переписывающихся лиц я был пристрастнее?»... «В литературном мире небезызвестно весьма многим о моей ссоре и окончательном разрыве с Белинским в последний год его жизни. Известна тоже и причина нашей размолвки: она произошла из-за идей о литературе и о направлении литературы. Взгляд мой был радикально противоположный взгляду Белинского»¹⁹³...

XX.

22-го декабря 1849 года, ровно в шесть часов утра, заключённые Алексеевского рavelина услышали необычный шум и ходьбу по коридору. В каземат Достоевского солдат принёс его платье, в котором он был арестован и вошёл в крепость восемь месяцев назад.

¹⁹² Там же. С. 312–314.

¹⁹³ Там же. С. 315–316.

В семь часов приговорённых вывели на двор и рассадили по каретам. Впереди, по бокам и позади ехали конные жандармы — два дивизиона с плац-адъютантом во главе. Весь этот торжественный поезд направился через Неву к Гагаринской пристани, потом по набережной до Арсенала и далее по Литейному и Владимирской, на Семёновский плац.

Был сильный мороз. Окна кареты обледенели. И Достоевский с трудом угадывал дорогу. Ему не приходило в голову, что везут его на казнь.

Когда карета остановилась и Достоевский с подножки попал ногою прямо в сугроб снега, он с изумлением увидел, что привезли его к Семёновскому плац-парадному месту и что здесь стоит эшафот, обтянутый чёрным. Мысль о смертной казни на мгновение обожгла сердце, но голова никак не мирилась с тем, что вот его, Достоевского, сейчас убьют безнаказанно на глазах огромной толпы. Народу вокруг было много — несколько тысяч. Зрители глухо шумели за линией солдат, расставленных четырёхугольником вокруг эшафота. Казалось странным и невозможным, что не найдётся ни одного человека, способного крикнуть о безумии казни и что никто не бросится к эшафоту, чтобы помешать убийству.

Перед Достоевским мелькнули знакомые лица. По снегу шагал, дрожа от холода, Петрашевский в огромной шляпе и в лёгкой альмавиве. Все были одеты по-весеннему — как тогда, в апреле, когда их взяли. Сталкиваясь, торопливо жали друг другу руки.

Приговорённых повели к эшафоту не прямо, а по фронту солдат. Наконец, расставили всех на чёрных подмостках двумя рядами лицом к городскому залу. Скомандовали войскам: «на караул». Брякнули ружья. Затем скомандовали: «Шапки долой!» — Чиновник в мундире, становясь перед каждым, читал приговор торопливо и неясно. Только последние слова звучали внятно: «К смертной казни расстрелянием... Государь собственноручно подписать изволил — быть по сему»...

Достоевский стоял около Дурова и сказал ему тихо:

— Не может быть, чтобы нас казнили!

Но Дуров в ответ указал на телегу, где, он думал, — приготовлены были гроба, прикрытые рогожей (на самом деле, как потом выяснилось, там лежало приготовленное арестантское платье).

На эшафот взошёл священник с крестом и что-то стал говорить увещательное, но слова на морозном воздухе трудно было слышать. Кто-то подошёл исповедываться. Прочие стояли молча. Тогда батюшка пошёл по рядам, предлагая крест.

Ещё не все успели приложиться к кресту, а троих в белых балахонах повели уже к столбам, привязали и надвинули им на глаза белые колпаки, чтобы не видно было ружей.

Оставалось жить минут пять, не больше. Достоевскому эти минуты казались бесконечным сроком, огромным богатством; ему казалось, что в эти пять минут он проживёт столько жизней, что ещё сейчас нечего и думать о последнем мгновении; ему казалось, что он ещё успеет проститься с товарищами, подумать о самом себе, посмотреть в последний раз вокруг... Ему всё хотелось представить себе, как можно скорее и ярче, что вот как же это так: он теперь есть и живёт, а через три минуты будет уже нечто, кто-то или что-то, — так кто же? Где же? ... С эшафота видна была церковь Семёновского полка. Золотой купол сверкал на ярком солнце. Достоевский упорно смотрел на этот сверкающий купол и крест на нём и не мог оторваться от этих лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа и что он через три минуты сольётся с ними... Неизвестность была ужасна. В голове стучала мысль: «Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, — какая бесконечность! И всё это было бы моё! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы минуту счётом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил!..»

Вечером в тот же день Достоевский писал брату: «Брат, любезный друг мой! всё решено! Я приговорён к четырёхлетним работам в крепости»... «Сегодня 22 декабря нас отвезли на Семёновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к Кресту, переломили над головами шпаги и устроили наш предсмертный туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни»... «Наконец, ударили отбой, привязанных к столбу привели назад, и нам прочли, что Его Императорское Величество дарует нам жизнь»¹⁹⁴. Спустя восемнадцать лет Достоевский вложил в уста князя Мышкина следующие¹⁹⁵ слова о смертной казни: «Убийство по приговору несоразмерно ужаснее, чем убийство разбойничье. Тот, кого убивают разбойники, режут ночью, в лесу или как-нибудь, непременно ещё надеется, что спасётся, до самого последнего мгновения. Примеры бывали, что уж горло перерезано, а ещё надеется, или бежит, или просит. А тут всю эту последнюю надежду, с которою умирать в десять раз легче, отнимают н а в е р н о; тут приговор, и в том, что наверно не избежнешь, вся ужасная-то мука и сидит, и сильнее этой муки нет на свете»... «Кто сказал, что человеческая природа в

¹⁹⁴ Письма I. С. 128.

¹⁹⁵ *Было*: безразличные

состоянии вынести это без сумасшествия? Зачем такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Может быть, и есть такой человек, которому прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: “Ступай, тебя прощают!”... «Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил. Нет, с человеком так нельзя поступать!»...

В том же письме брату в день примерной казни Достоевский писал: «Брат! Я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди и быть ч е л о в е к о м между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях не уныть и не пасть — вот в чём жизнь, в чём задача её. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою»...

«Неужели никогда я не возьму пера в руки? Я думаю через четыре года будет возможность. Я перешлю тебе всё, что напишу, если что-нибудь напишу. Боже мой! Сколько образов, выжитых, созданных мною вновь, погибнет, угаснет в моей голове или отравой в крови разольётся! Да, если нельзя будет писать, я погибну. Лучше пятнадцать лет заключения и перо в руках!»...

«Как оглянусь на прошлое, да подумаю, сколько даром потрачено времени, сколько его пропало в заблуждениях, в ошибках, в праздности, в неуменье жить; как не дорожил я им, сколько раз я грешил против сердца моего и духа, — так кровью обливается сердце. Жизнь — дар, жизнь — счастье, каждая минута могла быть веком счастья».

«Казематная жизнь уже достаточно убила во мне плотских потребностей, не совсем чистых; я мало берёт себя прежде. Теперь уже лишения мне нипочём, и потому не пугайся, что меня убьёт какая-нибудь материальная тягость. Этого быть не может! Ах! кабы здоровье!»¹⁹⁶...

XXI.

Достоевского отправили в Сибирь как раз накануне Рождества. «Благочестивейший» государь, входивший во все мелочи эшафотного ритуала, предусмотрел, вероятно, и эту подробность: очевидно, «священнейшие права религии», попранные будто бы Достоевским, нужны были для правительственного сообщения в «Русском инвалиде», а самому царю или его жандармам решительно было наплевать на православный культ, в силу коего, как известно, полагается верующим в сочельник быть в храме, а не скакать по почтовому тракту.

¹⁹⁶ Письма I. С. 129–131.

24 декабря состоялось в крепости свидание Достоевского с братом Михаилом, которого сопровождал А.П. Милоков. Свидание произошло в нижнем этаже комендантского дома. Был вечер. В комнате горела лампа. Провожающие ждали довольно долго, так что крепостные куранты раза два успели проиграть четверти на своих разнотонных колокольчиках. Наконец, двери отворились, брякнули ружейные приклады и в сопровождении офицера вошли Достоевский и Дуров. Братья пожали друг другу руки. Приговорённые были уже одеты в арестантское платье, в полушубках и валенках. Достоевский был спокоен, приветлив и внимателен к брату; радовался, что брат на свободе, расспрашивал подробно о семье, утешал его, заметив на его глазах слёзы:

— И в каторге не звери, а люди, может, ещё и лучше меня, может достойнее меня...

Через полчаса провожающим предложили удалиться. Они вышли из крепости и стали у ворот, поджидая арестованных. Достоевского повели заковывать в кандалы. Тут же заковали Дурова и Ястржембского¹⁹⁷. Ночь была светлая. Опять заиграли куранты. Из ворот крепости выехало четверо саней — с фельдъегерем впереди.

Заметив брата, Достоевский крикнул:

— До свидания!

«У меня было тяжело на сердце, — писал впоследствии Достоевский, — и как-то смутно, неопределённо от многих разнообразных ощущений. Сердце жило какой-то суетой, и потому ныло и тосковало глухо. Но свежий воздух оживлял меня, и так как обыкновенно перед каждым новым шагом в жизни чувствуешь какую-то живость и бодрость, то я, в сущности, был очень спокоен и пристально глядел на Петербург»...

Достоевского провезли мимо квартиры брата (он жил на Невском, в доме Неслинда, против Грязной). А когда проезжали мимо квартиры Краевского, Достоевский увидел, что окна там ярко освещены. У Краевского была ёлка, и на ней должна была быть жена Михайла Михайловича с детьми.

Достоевского, Дурова и Ястржембского везли на Ярославль. К утру, после трёх или четырёх станций, сани остановились в Шлис-

¹⁹⁷ Ястржембский И.Л. (1814–1886) — по национальности поляк, преподаватель политической экономии и статистики в Институте инженеров путей сообщения в Петербурге; на собраниях у М.В. Петрашевского выступал по экономическим вопросам; был осуждён по делу петрашевцев в 1849 г., на этапе к месту каторги, в тобольском остроге, был спасён от попытки самоубийства участливой беседой Ф.М. Достоевского; автор воспоминаний о писателе.

сельбурге около трактира. Свежий зимний воздух, быстрая езда в санях и эта перемена обстановки, волнующая кровь после восьми месяцев казематной жизни, — всё это возбуждало какую-то странную весёлость. Арестанты проголодались и в шлиссельбургском трактире жадно набросились на чай и закуску. Фельдъегерь оказался стариком бывалым и разговорчивым (он ездил с депешами по всей Европе). На другой день везде на станках чувствовался праздник. Ямщики садились на облучки в новых армяках немецкого сукна с алыми кушаками. Но ехали, останавливаясь на самое малое время, только чтобы перепрячь лошадей и поесть. Морозы были лютые.

«Мы мёрзли ужасно, — вспоминал Достоевский. — Одеты мы были тепло, но просидеть наприм<ер> часов десять, не выходя из кибитки, и сделать пять, шесть станков было почти невыносимо. Я промерзал до сердца, и едва мог отогреться потом в тёплых комнатах. Но, чудно — дорога поправила меня совершенно. В Пермской губернии мы выдержали одну ночь в сорок градусов»¹⁹⁸...

Когда проезжали через Урал, — началась метель. Холодный лихой ветер свистел и выл, подымая целые горы снега. Ни зги не было видно. Кибитка то проваливалась в ухабы, то увязала в сугробах. Наконец, лошади стали. Арестантам пришлось выйти из повозки. Пока ямщики совещались о дороге и возились с измученными лошадьми, Достоевский бродил по колено в снегу, с трудом передвигая закованные ноги. Он чувствовал себя на рубеже Азии. Позади осталось всё прошедшее, как сон, коего не воскресить никогда. Оно ушло в бесконечность. Ушла молодость. Впереди была каторга. Ночь дико выла теперь о какой-то своей тёмной тайне.

Одиннадцатого января Достоевского привезли в Тобольск. Прямо из кибитки арестантов провели в канцелярию острога. Там было грязно и мрачно. За столами в качестве писарей сидели люди в арестантских армяках. У одного были рваные ноздри. У всех были клейма на лбу и на щеках. Достоевского и его товарищей обыскали ещё раз и повели в камеру. Она была узкая, тёмная и холодная. На нарах лежали мешки, набитые сеном. За дверь, в сених, слышались тяжёлые шаги часового.

С Достоевским было два товарища — Дуров и Ястржембский. Дрожа от холода, скорчившись, уселись — Дуров на нарах, а Ястржембский с Достоевским на полу. За стеною, по-видимому, были уголовные: там кричали и спорили играющие в карты и в юлу, звякали шкалики, и мрачная похабная брань висела в воздухе.

¹⁹⁸ Письма I. С. 134 (Письмо М.М. Достоевскому от 30 янв. — 22 февр. 1854 г.).

У Дурова были отмороженные пальцы на ногах и руках, у Ястржембского нос... Достоевский жаловался на золотушные язвы во рту. Темнота была ужасная. Наконец, открылась дверь, и чья-то рука протянула арестантам сальную свечу и чай. У Достоевского нашлись сигары...

«Хотелось бы мне очень подробнее поговорить о нашем шестидневном пребывании в Тобольске»... «Скажу только, что участие, живейшая симпатия, почти целым счастьем наградили нас, — писал Достоевский брату. — Ссылные старого времени (т.е. не они а жёны их) заботились об нас как о родне. Что за чудные души, испытанные двадцатипятилетним горем и самоотвержением. Мы видели их мельком, ибо нас держали строго. Но они присылали нам пищу, одежду, утешали и ободряли нас»¹⁹⁹... Наконец, они умолили смотрителя острога и устроили свидание с арестованными в его квартире. Оно продолжалось час. «Они благословили нас в новый путь, — рассказывал Достоевский впоследствии в «Дневнике писателя», — перекрестили и каждого оделили Евангелием — единственная книга, позволенная в остроге. Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге. Я читал её иногда и читал другим. По ней выучил читать одного каторжного»...

Жёны декабристов, посетившие петрашевцев, были — Муравьёва, Анненкова и Фон-Визина²⁰⁰.

Приятельница Н.Д. Фон-Визиной, М.Д. Францева²⁰¹, рассказывает в своих воспоминаниях об их последнем свидании с Достоевским и Дуровым: «Узнав о дне их отправления, мы с Натальей Дмитриевной выехали проводить их по дороге, ведущей в Омск, за Иртыш, вёрст за семь от Тобольска. Мороз стоял страшный. Отправившись в своих санях пораньше, чтобы не пропустить проезжающих узников, мы заранее вышли из экипажа и нарочно с версту ушли по дороге, чтобы не сделать кучера свидетелем нашего с ними прощания; тем более что

¹⁹⁹ Письма I. С. 135 (Письмо М.М. Достоевскому от 30 янв. — 22 февр. 1854 г.).

²⁰⁰ Муравьёва Ж.А. (1814–?) — жена декабриста А.М. Муравьёва, участница тайного свидания с осуждёнными петрашевцами Ф.М. Достоевским и С.Ф. Дуровым в Тобольске, по дороге в омскую каторгу; Анненкова П.Е. (1800–1876) — жена декабриста И.А. Анненкова, участница тайного свидания с петрашевцами в Тобольске; Фонвизина Н.Д. (во втором браке Пуцина) (1805–1869) — жена декабриста М.А. Фонвизина, организатор тайного свидания с осуждёнными петрашевцами в Тобольске, адресат знаменитого письма Ф.М. Достоевского о Христе и истине (1854).

²⁰¹ Францева М.Д. (1827–1917?) — дочь тобольского прокурора Д.И. Францева, вместе с Н.Д. Фонвизиной встречавшаяся с Ф.М. Достоевским и С.Ф. Дуровым 20 января 1850 г. на дороге из Тобольска в Омск.

я должна была ещё тайно дать каждому письмо для передачи в Омске хорошему своему знакомому, подполковнику Ждан-Пушкину²⁰², в котором просила его принять участие в Достоевском и Дурове. Долго после пришлось прождать запоздалых путников; не помню, что задержало их отправку, и тридцатиградусный мороз порядочно начал нас пробирать в открытом поле. Прислушиваясь к малейшему шороху и звуку, мы ходили взад и вперёд, согревая ноги и мучаясь неизвестностью, чему приписать их замедление. Наконец, мы услышали отдалённые звуки колокольчиков. Вскоре из-за опушки леса показалась тройка с жандармами и седоком, за ней другая; мы вышли на дорогу и, когда они поровнялись с нами, махнули жандармам остановиться, о чём уговорились с ними заранее. Из кошевых (сибирский зимний экипаж) выскочили Достоевский и Дуров. Первый был худенький, небольшого роста, не очень красивый собою молодой человек, а второй лет на десять старше товарища, с правильными чертами лица, с большими чёрными задумчивыми глазами, чёрными волосами и бородой, покрытой от мороза снегом. Одеты они были в арестантские полушубки и меховые малахаи, вроде шапок с наушниками; тяжёлые кандалы гремели на ногах»...

XXII.

В конце января 1850 года Достоевского привезли в Омский острог. Плац-майор встретил его и Дурова угрозами и бранью. Попасть на каторгу по политическому делу могли только «дураки» и пусть они помнят, что в его, плац-майора, власти подвергнуть их телесному наказанию, ежели они будут нарушать правила острожного заведения.

Тюремный двор был скучен и мрачен. Обнесённый кругом по шестиугольнику высоким тыном, так называемыми «палями», т.е. брёвнами с заострёнными наверху концами, он наводил на сердце тоску своим угрюмым однообразием. Глазу не на чем было отдохнуть, а если заглянуть в щель палей, то и там ничего не было видно, кроме земляного вала, поросшего бурьяном. По этому валу день и ночь взад и вперёд расхаживали часовые.

Достоевского ввели в казармы, когда уже смеркалось. Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освещённая сальными свеча-

²⁰² Ждан-Пушкин И.В. (1813–1872) — генерал-майор, инспектор классов в Сибирском кадетском корпусе в Омске, помогавший Ф.М. Достоевскому в годы его пребывания в Сибири.

ми, с тяжёлым удушающим запахом. В казарме был шум, гам, хохот, ругательства, звук цепей, чад и копоть, бритые головы, клеймёные лица... «Усатый унтер-офицер, — рассказывает Достоевский, — отворил мне, наконец, двери в этот странный дом, в котором я должен был пробыть столько лет, вынести столько опасных ощущений, о которых, не испытывая их на самом деле, я бы не мог иметь даже приблизительного понятия». Достоевский тогда ещё не мог представить себе никак, что за всё время каторги он ни разу, ни одной минуты не будет один. На работе всегда под конвоем, дома с двумястами товарищей и ни разу, ни разу — один!

Достоевскому отвели на наре три доски. Он лёг, не раздеваясь, положив под голову узел с бельём. Утром, когда он очнулся от болезненного и тяжёлого сна, в кордегардии у острожных ворот барабан бил зорю. Минут через десять караульный унтер-офицер начал отпирать казармы.

«Стали просыпаться. При тусклом свете от шестериковой сальной свечи подымались арестанты, дрожа от холода, с своих нар. Большая часть была молчалива и угрюма со сна. Они зевали, потягивались и морщили свои клеймёные лбы. Иные крестились, другие уже начинали вздорить. Духота была страшная. Свежий зимний воздух ворвался в дверь, как только её отворили, и клубами пар понёсся по казарме. У вёдер с водою столпились арестанты; они по очереди брали ковш, набирали в рот воды и умывали себе руки и лицо изо рта. Вода заготавливалась с вечера парашником»...

Ещё с вечера Достоевский заметил, что на него смотрят косо. Он уже поймал несколько мрачных взглядов. Но нашлись и такие, которые ходили около него, подозревая, что он принёс с собою деньги. Они предлагали свои услуги, ухаживали за ним, учили, как надо носить кандалы, достали ему, конечно за деньги, сундучок с замком, чтобы спрятать в нём выданные казённые вещи и бельё, которое он принёс в острог. На другой же день они украли это бельё и пропили его. Однако один из них сделался впоследствии преданнейшим ему человеком, хотя и продолжал время от времени обкрадывать его без малейшего смущения.

У большинства каторжан была явная вражда к дворянам.

— Вы, дворяне, железные носы, нас заклевали. Прежде господином был, народ мучил, а теперь хуже последнего, наш брат стал, — вот тема, которая разыгрывалась четыре года.

— Нет, теперь полно! Постой! Бывало, Пётр через Москву прёт, а нынче Пётр верёвки вьёт...

В первый же вечер Достоевский убедился в глухой ненависти своих товарищей по каторге. Ему только что рассказали про одного из каторжан, силача и зверя, который в тот вечер закутил.

Он вошёл в казарму, когда Достоевский с товарищами пил чай.

Он вошёл молча и оглядел присутствующих. Увидев Достоевского, он злобно и насмешливо посмотрел на него, самодовольно улыбнулся, что-то как будто сообразил про себя и, сильно покачиваясь, подошёл к столу.

— А позвольте спросить, — начал он, — вы из каких доходов изволите здесь чай распивать?

Достоевский молчал, понимая, что всякий ответ ещё более раздражит его.

— Стало быть, у вас деньги есть? — продолжал он. — Стало быть, у вас денег куча, а? А разве вы затем в каторгу пришли, чтобы чаи распивать? Вы чаи распивать пришли? Да говорите же, чтоб вас! ...

Но видя, что Достоевский решил молчать и не замечает его, он побагровел и задрожал от бешенства. Подле него, в углу, стоял пустой лоток, огромный и тяжёлый. Силач схватил его обеими руками и поднял. Ещё немного, и он раздробил бы Достоевскому голову.

Все притихли и ожидали. Ни одного слова в защиту! Ни одного крика! — до такой степени была сильна у каторжан ненависть к дворянам.

Однако кто-то крикнул из сеней:

— Эй! Ты! Вино украли!

Он грохнул лоток на пол и как сумасшедший бросился из казарм.

— Ну, Бог спас! — говорили меж собою арестанты. — И долго потом опять повторяли то же — Бог спас...

Три дня Достоевского не водили на работу. На четвёртый день он вместе со всеми арестантами рано поутру стал на площадке перед кордегардией, у острожных ворот. Впереди, лицом к арестантам, и сзади вытянулись солдаты с заряженными ружьями и примкнутыми штыками. Явился инженерный офицер-кондуктор, а также инженерные унтер-офицеры и солдаты... Сделали переключку. Иные направились в швальни, иные в другие мастерские, а человек двадцать, и в том числе Достоевский, на чёрные работы.

За крепостью, на замёрзшей реке, были две казённые барки, которые за негодностью нужно было разобрать. Пришли на берег. На той стороне реки синела степь. Вид был угрюмый и пустынный.

Когда кондуктор дал урок, все принялись за работу. Но кому бы Достоевский ни старался помочь, везде он был неуместен, везде мешал, везде его чуть не с бранью отгоняли прочь.

Один арестант сказал прямо и грубо:

— Куда лезете? Ступайте прочь! Что соваться, куда не спрашивают...

— Попался в мешок! -- тотчас же подхватил другой.

— А ты лучше кружку возьми, — сказал третий, — да и ступай собирать на каменное построение, да на табашное разорение, а здесь тебе нечего делать.

Но когда Достоевский отошёл и стал на конце барки, тотчас же закричали:

— Вон каких надавали работников! Чего с ними сделаешь! Ничего не сделаешь!

Это было явное издевательство.

«Я предчувствовал, что часто будут у меня такие же столкновения с ними, как теперь на работе, — рассказывал Достоевский впоследствии в своих «Записках из Мёртвого дома». — Но несмотря ни на какие столкновения, я решил не изменять плана моих действий, уже отчасти обдуманного мною в это время; я знал, что он справедлив. Именно — я решил, что надо держать себя как можно проще и независимее, отнюдь не выказывать особенного старания сблизиться с ними; но и не отвергать их, если они сами пожелают сближения. Отнюдь не бояться их угроз и ненависти и, по возможности, делать вид, что не замечаю того. Отнюдь не сближаться с ними на некоторых известных пунктах и не давать потачки некоторым их привычкам и обычаям, одним словом — не напрашиваться самому на полное их товарищество. Я догадался с первого раза, что они первые презирали бы меня за это»... «Я никогда не был дворянином, по их понятиям; но зато я дал себе слово никакой уступкой не унижать перед ними ни образования моего, ни образа мыслей моих».

Когда вечером, по окончании послеобеденной работы, Достоевский воротился в острог, усталый и измученный, его одолела страшная тоска. В сумерках он скитался молча один, за казармами, вдоль забора, и вдруг увидел острожную собаку, Шарика. Это была довольно большая дворняжка с умными кроткими глазами. В первый же день своей острожной жизни Достоевский приласкал её. Она стояла тогда перед ним, махая хвостом, изумлённая, потому что никто и никогда её не ласкал. Теперь, увидев Достоевского, она с радостным видом бросилась к нему навстречу, вскочила передними лапами на грудь и старалась лизнуть ему лицо. Достоевский обхватил её лохматую голову и стал целовать.

XXIII.

Шли недели, месяцы — Достоевский уже не слонялся по острогу как потерянный и не выдавал своей тоски. Дико-любопытные взгляды каторжан уже не так часто останавливались на нём. По острогу он уже расхаживал как у себя дома, знал своё место на нарах и даже ко многому привык. По субботам его вызывали, как и всех, в кордегардию, и там цирюльники из батальонов мылили ему голову холодным мылом и безжалостно скребли половину головы тупейшей бритвой, пока один из каторжных не указал ему на арестанта, который за копейку брил желающих собственной бритвою, избавляя от пытки в кордегардии.

С первого дня своей жизни в остроге Достоевский уже начал мечтать о свободе. Расчёт, когда кончатся его острожные годы, мечты о том, как он воспользуется счастьем вольной жизни, занимали его всегда. Достоевский страстно хотел жить и готовился к свободе. Он чувствовал, что работа может спасти его, укрепить его тело и нервы. Он понимал, что зловонный спёртый воздух казармы губит его, и старался чаще быть на воздухе, каждый день уставать, приучаться носить тяжести, закалять всячески своё здоровье и не поддаваться душевному беспокойству и слабости. Он с ужасом смотрел на Дурова, своего товарища по делу, который гас в остроге как свечка. Но Достоевский хотел жить во что бы то ни стало и с страстной настойчивостью боролся за жизнь, никогда не уклоняясь от работы. Ему доставалось за это от каторжан, и они долго язвили его презрением и насмешками.

Прежде всего, он научился обжигать и толочь алебастр. Это была работа лёгкая. Сарай, в котором обжигали и толкли алебастр, стоял на пустынном и крутом берегу реки. Зимой, особенно в сумрачный день, смотреть на реку и на противоположный далёкий берег было скучно. Что-то тоскливое, надрывающее сердце, было в этом диком и пустынном пейзаже. Но чуть ли ещё не тяжелее было, когда на бесконечной белой пелене снега ярко сияло солнце. Достоевскому страстно хотелось уйти в эту степь, которая начиналась на том берегу и растянулась к югу тысячи на полторы вёрст.

Принимались за работу — и тоска проходила. Затапливали печь, чтобы обжечь наложенный в неё алебастр; на другой день обожжённый алебастр выгружали из печи; потом в особых ящиках дробили его тяжёлой колотушкой. Достоевскому нравилась эта работа; ему нравилось ритмически поднимать тяжёлый молот и превращать плотные куски алебаstra в белый песок. Была и другая работа ему по душе — вертеть большое точильное колесо, когда токарь точил ка-

кую-нибудь балясину или ещё что-нибудь. Но больше всего его занимало разгребать снег, когда после буранов гнали арестантов в город освобождать от сугробов казённые здания.

«Каждому давалась лопата, всем вместе урок, иногда такой, что надо было удивляться, как можно с ним справиться, и все дружно принимались за дело. Рыхлый, только что слёгшийся и слегка примороженный сверху снег легко брался лопатой огромными комками и разбрасывался кругом, ещё на воздухе обращаясь в блестящую пыль. Лопата так и врзалась в белую, сверкающую на солнце массу. Арестанты почти всегда работали эту работу весело»...

Летние работы были труднее и разнообразнее зимних. Арестантов гнали на постройки, копать землю, делать кирпичи на заводе, верстах трёх от острога, работать по ремонту казённых домов и, кого можно, занимали слесарною работою.

Однажды приказано было перетаскивать кирпичи с берега Иртыша к строившейся казарме сажён на семьдесят расстояния, через крепостной вал, и работа эта продолжалась месяца два сряду. Достоевскому она понравилась, хотя верёвка, на которой приходилось носить кирпичи, постоянно натирала ему плечи. Ему нравилось, что от работы в нём заметно развивалась сила. Сначала он мог таскать только по восьми кирпичей, и в каждом кирпиче было по двенадцати фунтов. Но потом он дошёл до пятнадцати кирпичей, и это его очень радовало. Ему нравилось также и то, что работа производилась на берегу Иртыша. Можно было стать спиной к ненавистному острогу и не видеть его вовсе. На берегу можно было забыть о нём. Достоевский смотрел жадно на необъятный пустынный простор. Ему было дорого яркое горячее солнце на бездонном синем небе и далёкая песня киргиза, доносившаяся с того берега, и бедная окуренная юрта какою-нибудь байгуша²⁰³, которую вдали и разглядеть было трудно, а разве что угадать по дымку и представить себе около неё какую-нибудь киргизку, которая хлопочет там со своими баранами. Всё это было бедно и дико, но свободно и потому несказанно мило.

Достоевский заглядывался иногда на какую-нибудь птицу в синем прозрачном воздухе и долго, упорно следил за её полётом: вот она всполснулась над водой, вот исчезла в синеве, вот опять показалась чуть мелькающей точкой... Ранней весной Достоевский нашёл однажды в расселине каменистого берега какой-то бедный чахлый цветок, и тот как-то болезненно остановил его внимание: даже выходя из острога, спустя четыре года, он опять вспомнил о нём.

²⁰³ Ниций из кочевых инородцев, обнищавший киргиз.

На каторге всё было по-иному, не так, как на воле. Всё было преувеличено, возведено в какую-то энную степень. Ничтожное считалось важным; копейка, например, приобретала иногда значение червонца; какой-нибудь нож в жалкой оправе стоил здесь столько, сколько драгоценная дамасская сабля там, по ту сторону острожных палей. И каждая мелочь быта, на которую человек свободный не обратил бы вовсе внимания, тут, напротив, казалось чем-то важным и ценным. Баня, самая обыкновенная баня, была событием для всех арестантов. Она стала событием и для Достоевского, поражённого ещё, к тому же, её каторжным стилем.

«На всём полу, — рассказывал он, — не было местечка в ладонь, где бы не сидели, скрючившись, арестанты, плескаясь из своих шаек. Другие стояли между них торчком и, держа в руках свои шайки, мылись стоя; грязная вода стекала с них прямо на бритые головы сидевших внизу»... На полке, на всех уступах, ведущих к нему, сидели, съёжившись, мывшиеся... «Веников пятьдесят на полке подымалось и опускалось разом; все хлестались до опьянения. Пару подавали поминутно. Это был уже не жар; это было пекло. Всё это орало и гоготало, при звуке ста цепей, волочившихся по полу... Иные, желая пройти, запутывались в чужих цепях и сами задевали по головам сидевших ниже, падали, ругались и увлекали за собой задетых. Грязь лилась со всех сторон. Все были в каком-то опьянённом, в каком-то возбуждённом состоянии духа; раздавались визги и крики. У окошка в предбаннике, откуда подавали воду, шла ругань, теснота, целая свалка. Полученная горячая вода расплёскивалась на головы сидевших на полу, прежде чем её доносили до места. Нет-нет, а в окно или в приотворённую дверь выглянет усатое лицо солдата с ружьём в руке, высматривающего, нет ли беспорядков. Обритые головы и распаренные докрасна тела арестантов казались ещё уродливее. На распаренной спине обыкновенно ярко выступают рубцы от полученных когда-то ударов плетей и палок, так что теперь все эти спины казались вновь израненными. Страшные рубцы!»...

У Достоевского сердце упало, когда он увидел эту баню. Поддали — и пар всё застлал густым горячим облаком. Всё опять загоготало, закричало. Из банного тумана замелькали избитые спины, бритые головы, скрюченные руки и ноги...

Пришлось Достоевскому побывать и в госпитале. Там было не так тесно, как в остроге, не так холодно, и пища была лучше, но каторга была и здесь каторгою... У больного отбирали его бельё и давали больничное. Достоевский никогда не мог вспомнить без содрогания бурого с холщовой подкладкой халата, который он должен был на-

деть. Подкладка халата была вся пропитана потом, кровью, гноем, зловонными мазями и <нрзб.>²⁰⁴ выделениями больных...

Тут, в госпитале, он насмотрелся довольно на арестантские спины, истерзанные розгами, палками и плетью. Приводили наказанного. Арестанты молча помогали избитому, ухаживали за ним, меняли мокрую холодную простыню, которую накидывали на истерзанную спину, выдёргивали искусно занозы из болячек, оставшиеся от сломанных палок... Лицо избитого обычно было бледно, глаза горели, губы тряслись...

Достоевскому довелось видеть и смерть на каторге. Это был ещё очень молодой человек, лет двадцати пяти, высокий, тонкий, с прекрасными грустными глазами. Его задушила чахотка. Он умер часа в три пополудни, в морозный и ясный день. Солнце зелёными косыми лучами пронизывало слегка подмёрзшие стёкла в окнах палаты. Больной долго отходил, несколько часов сряду. Глаза его перестали узнавать товарищей. Дышал он трудно, глубоко, с хрипами. Он сбил с себя одеяло и начал срывать рубашку — даже и та казалась ему тяжёлой. Ему помогли, и было страшно смотреть на это длинное тело, с высохшими до кости ногами и руками, с опавшим животом, с поднятой грудью, с рёбрами точно у скелета. На всём теле его остались деревянный крест с ладанкою и кандалы, в которые, казалось, он теперь мог бы продеть иссохшую ногу.

Когда он умер, стукнули в дверь к караульному. Вошёл унтер-офицер, старик, при тесаке и каске. «Он подходил, всё более и более замедляя шаги, с недоумением посматривая на затихших и со всех сторон сурово глядевших на него арестантов. Подойдя на шаг к мертвецу, он остановился как вкопанный, точно оробел. Совершенно обнажённый, иссохший труп, в одних кандалах, поразил его, и он вдруг отстегнул чешую, снял каску, чего вовсе не требовалось, и широко перекрестился»... Один из арестантов, тоже старик, всё время молча и пристально смотрел в лицо унтер-офицера, прямо в упор, и с каким-то странным вниманием. Глаза их встретились, и у старика-арестанта вдруг отчего-то дрогнула нижняя губа. «Он как-то странно скривил её, оскалил зубы и быстро, точно нечаянно, кивнув унтер-офицеру на мертвеца, проговорил: — Тоже ведь мать была! — и отошёл прочь»...

²⁰⁴ В *Мп РГБ*: мерзостными

XXIV.

По выходе из каторги, обречённый на солдатчину в Семипалатинске, Достоевский писал брату ещё из Омска: «Что сделалось с моей душой, с моими верованиями, с моим умом и сердцем в эти четыре года — не скажу тебе. Долго рассказывать. Но вечное сосредоточение в самом себе, куда я убежал от горькой действительности, принесло свои плоды. У меня теперь мало потребностей и надежд таких, об которых я и не думал. Но это всё загадки, и потому мимо»...

«Мы увидимся, брат, очень скоро. Я верю в это как в дважды два. На душе моей ясно. Вся будущность моя, и всё что я сделаю, у меня как перед глазами. Я доволен своею жизнью. Одного только можно опасаться: людей и произвола»...

«Впрочем люди везде люди. И в каторге между разбойниками, я, в четыре года, отличил наконец людей. Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото. И не один, не два, а несколько. Иных нельзя не уважать, другие решительно прекрасны»...

«Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров! Я сжил-ся с ними, и потому, кажется, знаю их порядочно. Сколько историй бродяг и разбойников и вообще всего чёрного, горемычного быта. На целые томы достанет. Что за чудный народ. Вообще время для меня не потеряно. Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как может быть не многие знают его. Ну это моё маленькое самолюбие! Надеюсь простительно»²⁰⁵...

Но Достоевский узнал по-новому не только русский народ и русского человека, но и человеческую душу вообще. Одно из его самых значительных каторжных впечатлений связано было с молодым татаринном (или черкесом), которого Достоевский называет в «Записках из Мёртвого дома» Алеем. Он попал на каторгу из-за старших братьев, которые велели ему однажды взять шашку, сесть на коня и ехать с ними. Мальчик не только не посмел, но даже и не подумал спросить, куда они отправляются; выяснилось потом, что они ехали на разбой. Алей был соседом Достоевского по наре. «Трудно представить себе, — рассказывает Достоевский, — как этот мальчик во всё время своей каторги мог сохранить в себе такую мягкость сердца, образовать в себе такую строгую честность, такую задушевность, симпатичность, не загубить, не развратиться. Это, впрочем, была сильная и стройная натура, несмотря на всю видимую свою мягкость. Я хорошо узнал его

²⁰⁵ Письма I. С. 137–139 (Письмо М.М. Достоевскому от 30 янв. — 22 февр. 1854 г.).

впоследствии. Он был целомудрен, как чистая девочка, и чей-нибудь скверный, цинический, грязный или несправедливый, насильный поступок в остроге зажигал огонь негодования в его прекрасных глазах, которые делались оттого ещё прекраснее. Но он избегал ссор и брани, хотя был вообще не из таких, которые бы дали себя обидеть безнаказанно и умел за себя постоять» ...

Достоевский предложил ему учиться грамоте. Тот с жаром согласился. Он учился по единственной книге, бывшей тогда у Достоевского, — по Новому Завету.

«Однажды, — рассказывает Достоевский, — мы прочли с ним всю Нагорную проповедь. Я заметил, что некоторые места в ней он проговаривал как будто с особенным чувством.

Я спросил его, нравится ли ему то, что он прочёл.

Он быстро взглянул, и краска выступила на его лице.

— Ах, да! — отвечал он. — Да, Иса святой пророк, Иса Божии слова говорил. Как хорошо!

— Что же тебе больше всего нравится?

— А где он говорит: прощай, люби, не обижай, а врагов люби. Ах, как хорошо он говорит!»...

«Никогда не забуду, как он выходил из острога. Он отвёл меня за казарму и там бросился мне на шею и заплакал. Никогда прежде он не целовал меня и не плакал. “Ты для меня столько сделал, столько сделал, — говорил он, — что отец мой, мать мне бы столько не сделали: ты меня человеком сделал, Бог заплатит тебе, а я тебя никогда не забуду”».

Достоевский восхищался кротким Алеем, но он сумел оценить и совсем иных товарищей своих по каторге. Так, изумлял его своим характером один жестокий разбойник, которого он называет в «Записках из Мёртвого дома» Орловым.

«Это был злодей, каких мало, резавший хладнокровно стариков и детей, — человек с страшной силой воли и с гордым осознанием своей силы»... «Это была наяву полная победа над плотью. Видно было, что этот человек мог повелевать собою безгранично, презирая всякие муки и наказания, и не боялся ничего на свете. В нём вы видели одну бесконечную энергию, жажду деятельности, жажду мщения, жажду достичь предположенной цели. Между прочим, я поражён был его странным высокомерием. Он на всё смотрел как-то до невероятности свысока, но вовсе не усиливаясь подняться на ходули, а так, как-то натурально»...

«Я пробовал с ним заговорить об его похождениях. Он немного хмурился при этих расспросах, но отвечал всегда откровенно. Когда же понял, что я добиваюсь до его совести и добиваюсь в нём хоть ка-

кого-нибудь раскаяния, то взглянул на меня до того презрительно и высокомерно, как будто я вдруг стал в его глазах каким-то маленьким, глупеньким мальчиком, с которым нельзя и рассуждать как с большим. Даже что-то вроде жалости ко мне изобразилось в лице его. Через минуту он расхохотался надо мною самым простодушным смехом, без всякой иронии и, я уверен, оставшись один и вспоминая мои слова, может быть, ещё несколько раз он принимался про себя смеяться»...

У Достоевского были друзья среди каторжан. Иные любили его верно. Но вся каторга в целом, вся эта грозная толпа чуждых ему людей ещё долго не могла признать его товарищем, как он ни старался зачеркнуть своё былое привилегированное положение, своё дворянство и преимущество своей образованности.

Эта враждебность к нему, как чужому человеку, сказала, когда каторга взбунтовалась и предъявила «претензию».

Достоевский, ещё не зная точно, в чём дело, вышел из острога и присоединился к бунтующим арестантам, выстроившимся на дворе тюрьмы в ожидании плац-майора. Его стали гнать прочь. Никто не допускал мысли, что можно присоединиться к бунту из чувства товарищества. Его старались оскорбить и оттолкнуть с неожиданной для него запальчивостью и злобой.

— Ты здесь зачем?

— Железный нос!

— Муходавы!

— Им везде рай. Тут каторга, а они калачи едят, да поросят покупают. Ты ведь собственное ешь — чего ж сюда лезешь?

— Мы здесь про своё... А вам здесь нечего делать. Ступайте куда-нибудь, переждите... Вот ваши все на кухне, идите туда...

Достоевский вынужден был выйти из строя. На кухне, в самом деле, была толпа арестантов, отказавшихся присоединиться к «претензии», и в том числе все политические (их было человек семь, — за исключением Дурова, все поляки).

— Je hais ces brigands²⁰⁶, — пробормотал один из них, очевидно вовсе не разделяя настроения Достоевского...

XXV.

Наконец, как тяжкий сон, прошли четыре года. Свирепого плац-майора уже давно не было в остроге. Не два и не три человека, а мно-

²⁰⁶ Я ненавижу этих разбойников (фр.).

гие из арестантов смотрели теперь на Достоевского как на своего. Он уже завоевал души, но не все: были и такие, которые смотрели на Достоевского с ненавистью до самого последнего дня.

15 февраля 1854 года Достоевскому предстояло выйти из каторги. Уже весной предчувствия свободной жизни волновали его. Он с нетерпением ждал лета; летом ждал осени, он с радостью прислушивался к вою холодного ветра; осенью мечтал о зиме и с восхищением смотрел на первый падающий снег... Здесь, в остроге, сама свобода представлялась как-то свободнее настоящей свободы. Арестанты преувеличивали понятие о действительной свободе. Человек без кандалов и без конвоя казался счастливейшим существом, чья воля будто бы ничем не ограничена.

Накануне последнего острожного дня, в сумерки, Достоевский в последний раз обошёл почерневшие пали... Он вспомнил почему-то, как около этих самых палей, в углу, жил месяца три орёл-карагуш. Кто-то принёс его в острог измученного и раненого. Он не мог летать. Крыло было сломано и вывихнута нога, но он яростно и гордо смотрел на обступившую его толпу арестантов. Он никогда ничего не ел при людях. И если кто-нибудь подходил к нему, он, откинув назад голову и ощетинившись, приготовлялся к бою, никому не доверяя. Однажды глубокою осенью, в холодный сумрачный день, когда в голой степи ветер свистал и шумел пожелтелой, иссохшей, клочковатой травой, арестанты вынесли орла на вал и пустили на волю.

Достоевский не спускал глаз с удалявшегося в степь орла. Хромая и махая больным крылом, уходил он на волю, и даже ни разу не оглянулся на острог.

— Волю почувял... Свобода, значит! — говорили арестанты.

Достоевский, покидая каторгу, ещё раз на неё оглянулся, — и в этом отношении не был похож на гордого карагуша.

«И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! — писал Достоевский. — Ведь надо уж всё сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват?... То-то, кто виноват?»²⁰⁷...

В последний день, когда арестантов повели на работу, Достоевский и Дуров пошли в кузницу, чтобы расковать кандалы. Конвойный с ружьём уже не сопровождал их. С ними шёл унтер-офицер. Расковывали их свои же арестанты, товарищи по острогу. Они суетились, хотели сделать ловчее, лучше.

²⁰⁷ ПСХП. Т. 3. С. 559.

— Заклёпку-то, заклёпку-то повороти перво-наперво!... — командовал старший, — установь её вот так, ладно... Бей теперь молотом...

Кандалы упали. Достоевский поднял их... Ему хотелось подержать их в руках, взглянуть на них в последний раз. Ему казалось странным, что вот они сейчас были на его ногах.

— Ну, с Богом! С Богом! — говорили арестанты отрывистыми, грубыми, но как будто чем-то довольными голосами.

Достоевский был назначен рядовым в Семипалатинск в Сибирский линейный батальон — номер семь. Из Омска в Семипалатинск дорога шла вдоль Иртыша, на юг, киргизскую степью. Кругом было пустынно. Кое-где чернели юрты. Редко можно было встретить всадника или вереницу верблюдов. На почтовых станциях, в казацких станицах, кроме чая и хлеба, ничего нельзя было достать. Достоевского отправили этапным порядком. Степь сменилась сосновым бором лишь под самым Семипалатинском. Самый город похож был на село. Деревянные низенькие домишки, бесконечные заборы, а по вечерам полный мрак и глушь — ни фонарей, ни сторожей, ни прохожих, и только вой и лай собак...

Уезжая из Омска, на пороге новой жизни, Достоевский с волнением, в какой-то душевной лихорадке писал брату о том, как он жадно вдыхает вольный воздух и как страстно хочет жить и, главное, писать. Ему нужны деньги, и он без ложного стыда настойчиво просит их у брата: «Мне нужно денег. Мне надо жить, брат. Не бесплодно пройдут эти годы. Мне нужно денег и книг. Что истратишь на меня — не пропадёт. Ты не ограбишь своих детей, если дашь мне. Если только буду жив, то им с лихвой возвращу. Ведь позволят же мне печатать лет через шесть, а может и раньше. Ведь много может перемениться, а я теперь вздору не напишу. Услышишь обо мне»²⁰⁸...

Достоевский не устал, не пал духом; четырёхлетняя каторга не сломила его; он как будто вновь изумлён представшим миром; ему всё интересно... Толь кончил каторгу; Ястржембский кончает; Спешнев в Иркутской губернии, приобрёл всеобщую любовь и уважение... Чудная судьба этого человека! ... Петрашевский по-прежнему без здравого смысла. Момбелли и Львов²⁰⁹ здоровы, а Григорьев, бедный, совсем помешался в больнице... Достоевский успел прочесть несколько книг и несколько номеров «Отечественных записок»... «Как

²⁰⁸ Письма I. С. 138 (Письмо М.М. Достоевскому от 30 янв. — 22 февр. 1854 г.).

²⁰⁹ Львов Ф.Н. (1823–1885) — мемуарист, публицист, популяризатор науки, в 1840-е гг. активный участник социально-утопических кружков М.В. Петрашевского и С.Ф. Дурова, входил в тайную «семёрку» во главе с Н.А. Спешневым с целью подготовки политического переворота в России.

ты с литературой и в литературе? — спрашивает он брата. — Пишешь ли что-нибудь? Что Краевский и в каких вы отношениях? Островский мне не нравится, Писемского я совсем не читал, от Дружинина тошнит»²¹⁰... Достоевскому нужно совсем иное: он требует у брата книг, как можно больше серьёзных книг — историков, экономистов... «Отцов церкви и историю церкви»²¹¹...

О своей внутренней жизни он брату ничего не пишет, зато в эти же дни он написал²¹² Наталье Дмитриевне Фон-Визиной, жене декабриста, той самой, которая четыре года назад в Тобольске вручила Достоевскому Евангелие, когда он шёл в кандалах на каторгу.

«Я слышал от многих, что вы очень религиозны, Н<аталья> Д<митриевна>, — писал он Фон-Визиной в феврале 1854 года. — Не потому что вы религиозны, но потому что сам пережил и прочувствовал это, скажу вам, что в такие минуты жаждешь как “трава иссохшая” веры, и находишь её, собственно потому, что в несчастье яснеет истина. Я скажу вам про себя, что я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоило и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И однако же Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю, и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, и д е й с т в и т е л ь н о было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной»²¹³...

²¹⁰ **Письма I. С. 140** (Письмо М.М. Достоевскому от 30 янв. — 22 февр. 1854 г.). Островский А.Н. (1823–1886) — выдающийся драматург-реалист, создатель русского национального театра, в своём творчестве преимущественно освещал жизнь купечества; Писемский А.Ф. (1821–1881) — известный писатель и драматург, летописец дворянско-чиновничьей русской провинции, в конце 1850-х — начале 1860-х гг. редактор ж. «Библиотека для чтения», автор антинигилистического романа «Взбаламученное море» (1863); Дружинин А.В. (1824–1864) — писатель, критик, в конце 1840-х — 1850-е гг. один из редакторов ж. «Современник», вместе с П.В. Анненковым и В.П. Боткиным был сторонником теории «чистого искусства».

²¹¹ Там же. С. 139 (Письмо М.М. Достоевскому от 30 янв. — 22 февр. 1854 г.).

²¹² *Было*: далеко безразличные признания

²¹³ **Письма I. С. 142** (Письмо Н.Д. Фонвизиной от конца янв. — 20-х чисел февр. 1854 г.).

О своей судьбе Достоевский пишет той же Наталье Дмитриевне Фон-Визиной: «Я в каком-то ожидании чего-то; я, как будто, всё ещё болен теперь, и кажется мне, что со мной в скором, очень скором времени, должно случиться что-нибудь очень решительное, что я приближаюсь к кризису всей моей жизни, что я как будто созрел для чего-то, и что будет что-нибудь, может быть тихое и ясное, может быть грозное, но во всяком случае неизбежное»²¹⁴...

20 ноября 1854 года в Семипалатинск приехал некий юный барон Александр Егорович Врангель²¹⁵. Он год назад кончил лицей, поступил на службу в министерство юстиции, а теперь в наивной надежде «принести пользу отечеству» выпросил своё назначение в Сибирь, чтобы примером своим доказать, как можно защищать российских граждан от произвола и вымогательств. Проезжая через Омск, где он представился знаменитому полоумному губернатору Гасфорту²¹⁶, Врангель познакомился с дочерью декабриста Анненкова, которая покровительствовала Достоевскому. Ещё будучи в Петербурге, он познакомился с Мих<аилом> Мих<айловичем> Достоевским и согласился отвезти его брату деньги, письма и посылку. Пять лет назад, будучи шестнадцатилетним подростком, он стоял на Семёновском плацу в толпе зрителей и смотрел с ужасом на эшафот, где ждал своей казни Достоевский. Теперь судьба свела их.

На другой же день по приезде Врангель послал Достоевскому приглашение прийти к нему. Врангель занимал должность областного прокурора («стряпчего казённых и уголовных дел»), и Достоевский не знал, зачем его зовёт к себе приехавший чиновник. «Достоевский был в солдатской серой шинели, с красным стоячим воротником и красными же погонами, угрюм, с болезненно-бледным лицом, покрытым веснушками²¹⁷... Светло-русые волосы были коротко острижены,

²¹⁴ Там же. С. 143 (Письмо Н.Д. Фонвизиной от конца янв. — 20-х чисел февр. 1854 г.).

²¹⁵ Врангель А.Е., барон (1833–1915) — юрист, дипломат, археолог, мемуарист; в 1854–1857 гг., заняв должность областного прокурора в Семипалатинске, где отбывал ссылку Ф.М. Достоевский, стал близким другом писателя и оказывал ему всестороннюю помощь и поддержку; возвратившись в 1857 г. в Петербург, много сделал для амнистии писателя; автор воспоминаний о Ф.М. Достоевском, имеющих историко-литературную ценность; один из прототипов Порфирия Петровича в «Преступлении и наказании».

²¹⁶ Гасфорт(д) Г.Х. (1794–1874) — в 1851–1860 гг. генерал-губернатор Западной Сибири и командующий отдельным Сибирским корпусом, отличавшийся причудливым характером.

²¹⁷ *Было*: рассказывает Врангель в своих «Воспоминаниях»

ростом он был выше среднего. Пристально оглядывая меня своими умными серо-синими глазами, казалось, он старался заглянуть мне в душу»²¹⁸... — рассказывал о нём Врангель.

Когда Достоевский сидел у этого своего нового знакомого, Врангелю подали пачку писем. Сентиментальный и экспансивный молодой человек, читая письма близких людей, неожиданно разрыдался. В конце концов, юный «стряпчий казённых и уголовных дел» бросился на шею политическому ссыльному, и тот покровительственно его утешал. С тех пор завязались у них дружеские отношения. В это время Достоевскому позволили жить на частной квартире. Его хата стояла в той слободе, где когда-то была крепость, давно утратившая своё значение, — валы уже были снесены, рвы засыпаны песком... Кругом ни деревца, ни кустика — везде песок, поросший колючками.

Изда, где жил Достоевский, была ветхая, скривившаяся на один бок, без фундамента, с окнами во двор, где был небольшой огород, обнесённый высоким забором. Калитка была до странности низенькая — исторический пережиток: когда-то делали нарочно такие низкие калитки, «чтобы легче рубить наклонённую голову случайно ворвавшегося врага». На дворе ворчала, разумеется, цепная собака.

У Достоевского была одна комната, просторная, но низкая. В маленькие окна едва пробивался свет. Бревенчатые стены были смазаны глиною и когда-то выбелены. За большой русской печью стояла кровать. На окнах герань. По стенам лубочные картинки. Достоевский просиживал за столом целые ночи напролёт с пером в руке при свете сальной свечки.

Жизнь в Семипалатинске была глухая. Когда-то значительный монгольский город, о чём свидетельствовали при раскопках изображения Будды, бараньи лопатки с письменами и прочие предметы древнего культа, в начале XIX-го века Семипалатинск стал городом скучным, бедным и сонным. Все томились «в однообразье нестерпимом»²¹⁹. Если бы не кокандские, бухарские, ташкентские и казанские купцы, да ещё киргизы, жившие на левом берегу Иртыша, в Семипалатинске не было бы и трёх тысяч жителей. В городе была одна православная церковь, зато мечетей было семь. Была одна уездная школа, казённые присутственные места, меновой двор, куда сходились караваны верблюдов. Ни библиотеки, ни театра. Газет поч-

²¹⁸ Врангель А.Е. С. 17.

²¹⁹ Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. I–II / Ред. и коммент. Г. Чулков. Вступит. статья Д.Д. Благого. М.; Л.: Academia, 1933–1934. I. С. 202 (Из стихотворения «Как над горячею золой...», начало 1830-х гг.)

ти никто не читал. И немудрено, что Достоевский жадно набросился на газеты, выписанные Врангелем, — особенно на «Indépendance Belge»²²⁰. В Семипалатинске не было ни одной мощёной улицы. Правда, грязь скоро просыхала под палящими лучами солнца, и ноги обывателей по щиколку увязали в сыпучих раскалённых песках.

Врангель постарался устроиться в городе с комфортом: Достоевский платил за свою комнату, еду и стирку пять рублей в месяц, а он, как человек избалованный и обеспеченный, тридцать рублей. Жизнь была дешева — пуд гречневой крупы стоил тридцать копеек, фунт мяса — грош.

²²¹ По вечерам Достоевский приходил к юному прокурору пить крепкий чай и курить из длинного чубука его «Костанжогло» (сам он покупал более дешёвого «Жукова» и иногда и простую махорку).

Реже Врангель приходил к Достоевскому. У Достоевского хозяйничала дочь хозяйки, двадцатилетняя красивая девушка... «И, кажется, с любовью, шила ему и мыла бельё, готовила пищу и была неотлучно при нём, — рассказывает Врангель. — Я так привык к ней, что ничуть не удивлялся, когда она с сестрой садилась тут же с нами летом пить чай en grand négligé²²², т.е. в одной рубашке, подпоясанная только красным кушаком, на голую ногу и с платочком на шее»²²³...

XXVI.

В середине марта до Семипалатинска дошла весть о смерти Николая I-го. Смерть царя и восшествие на престол наследника для Достоевского были связаны с надеждою на амнистию, но ещё долго не было о ней вести — война продолжалась, и в азиатских владениях было неспокойно. Начались усиленные занятия с солдатами линейных полков. Достоевский²²⁴ маршировал, вытягивая носок, учась «парадному тихому шагу», по прусскому образцу.

²²⁰ «Бельгийская независимость» (*фр.*) — большая и влиятельная бельгийская газета, выходившая с 1829 г. в Брюсселе; орган леволиберальных групп, отражавший в то же время интересы крупных промышленников.

²²¹ *Было*: Достоевский рад был этому своему своему наивному восторженному поклоннику, которому так лестна была дружба писателя. Они сходились чуть не ежедневно.

²²² в неглиже, одетая совсем по-домашнему (*фр.*)

²²³ Врангель А.Е. С. 36–37.

²²⁴ *Было*: ходил на учение, изнемогая от нелепых приёмов службы, уцелевших ещё от времён Павла — особенно изводил его «парадный тихий шаг»

В начале апреля Врангель устроился на даче в «Казаковом саду» и предложил Достоевскому поселиться у него. Дача была рядом с лагерем.²²⁵

У Врангеля были лошади. И Достоевский, наездник неловкий и неопытный, вошёл, однако, во вкус верховых прогулок по окрестностям. Они ездили иногда к знакомым киргизам, и те угощали их свежим кумысом, пловом с бараниной и твёрдым, как камень, сыром.

По вечерам, если не было гостей, Достоевский валялся на траве и часами смотрел на мириады звёзд, мерцавших в глубине синего азиатского неба²²⁶. «О религии с Достоевским мы мало беседовали, — рассказывает в своих «Воспоминаниях» Врангель. — Он был скорее набожен, но в церковь ходил редко и попов, особенно сибирских, не любил. Говорил о Христе с восторгом. Манера его речи была очень своеобразная. Вообще он говорил негромко, зачастую начинал чуть не шёпотом, но чем больше он одушевлялся, тем голос его подымался звучнее и звучнее, а в минуты особого волнения он, говоря, как-то захлёбывался и приковывал внимание своего слушателя страстностью речи»²²⁷...

²²⁸

Теперь Достоевским завладела властно одна идея, и он готов был многим для неё пожертвовать. Надо во что бы то ни стало как можно скорее покончить с этою азиатскою ссылкой и скучным беспорядком — жить, жить! А жить это значит делиться с миром всеми этими пламенными мыслями и необычайными образами, которые он выносил в сердце в эти страшные дни своего Мёртвого дома... Чтобы добиться желанной свободы и прав на жизнь и творчество, нужны люди. И Врангель был одним из этих необходимейших посредников между ним, Достоевским, и верховною петербургскою властью.

2-го апреля 1855 года А.Е. Врангель писал своему отцу: «Судьба сблизила меня с редким человеком, как по сердечным, так и умст-

²²⁵ *Далее было:* Врангель завёл на даче целое хозяйство — цветник, огород, парники — и даже садки со стерлядьёю. Усадьба была расположена на берегу Иртыша. Здесь можно было купаться и удить рыбу. Дочери хозяйки Достоевского приходили на дачу поливать цветы и ухаживать за огородом.

²²⁶ *Далее было:* делясь своими мыслями с обожавшим его приятелем.

²²⁷ Врангель А.Е. С. 52.

²²⁸ *Далее было:* Благодаря Врангелю Достоевский познакомился с местным начальством — прежде всего с военным губернатором. Это знакомство повлекло за собою и все прочие, например, с батальонным командиром, от которого Достоевский был в прямой зависимости по службе. В городе проживало несколько ссыльных поляков и бывших венгерских офицеров. Но эти люди жили замкнуто, особняком, и Достоевский встречался с ними редко и неохотно.

венным качествам; это наш несчастный писатель Достоевский. Ему я многим обязан и его слова, советы и идеи на всю жизнь укрепят меня. С ним я занимаюсь ежедневно, и теперь будем переводить “Философию” Гегеля и “Психию” Каруса²²⁹. Он человек весьма набожный, болезненный, но воли железной. Узнайте, добрый папенька, Бога ради, не будет ли амнистии»²³⁰... А 15 мая Врангель писал сестре: «Попроси отца, умоляю, узнать через Александра Фёдоровича Вейман, будет ли при коронации амнистия политическим некоторым преступникам и не можно ли шепнуть слово Дубельту или князю Орлову о Достоевском; неужели же этот замечательный человек погибнет здесь в солдатах. Это было бы ужасно. Горько и больно за него — я полюбил его, как брата, и уважаю, как отца»²³¹...

И вот как раз в это время, когда все помыслы Достоевского, казалось, были устремлены на Запад, в Россию, где он мечтал вернуться к литературе, от которой он был оторван рукой николаевских жандармов, — как раз в это время в его душе загорелась первая большая любовь.

В эти дни проживал в Семипалатинске некий интеллигент, Александр Иванович Исаев. Это был тихий и смиренный человек, замученный житейскими неудачами, потерявший из-за провинциальных интриг место чиновника особых поручений при таможене и весьма удручённый безденежьем и чахоткой. Он жил в Семипалатинске с женою, Марией Дмитриевной²³², и сыном, Пашею²³³, тщетно стараясь найти какое-нибудь место и пока что проживал последние гроши. Среди семипалатинских неучей Исаевы казались людьми культурными, и Достоевский был принят в их дом радушно. Правда, сам Исаев водил знакомство и с другими людьми, совсем иного типа и склада,

²²⁹ Карус, Карл Густав (1789–1869) — немецкий врач и естествоиспытатель, натурфилософ и психолог-романтик, друг и единомышленник И.В. Гёте; по его мысли, тело является выражением души; автор книги «Психика. Для развития души» (1846).

²³⁰ См.: Врангель А.Е. С. 34.

²³¹ Там же. С. 34–35.

²³² Исаева М.Д. (во втором браке Достоевская) (1824–1864) — первая жена Ф.М. Достоевского, свадьба с которой состоялась 6 февр. 1857 г. в Кузнецке; возвратившись с мужем в европейскую Россию в 1859 г., жила с ним в Твери, но из-за развивавшейся болезни не смогла остаться с ним в Петербурге; умерла от туберкулёза в Москве.

²³³ Паша, Исаев П.А. (1847–1900) — будущий пасынок Ф.М. Достоевского, сын М.Д. Достоевской от первого брака с А.И. Исаевым; из-за стойкого нежелания учиться не получил систематического образования, был банковским служащим; предмет многолетних забот Ф.М. Достоевского.

всегда готовый по своей слабости принять за друга каждого собутельника. Этот чахоточный человек пил горькую, падая всё ниже и ниже и всё более унывая, несмотря на то что у него была прекрасная жена, кажется, женщина незаурядная, из ряда вон, с пленительными глазами — «довольно красивая блондинка среднего роста, очень худощавая, натура страстная и экзальтированная, — как характеризует её Врангель. — Уже тогда зловещий румянец играл на её бледном лице»... «Она была начитана, довольно образована, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлительна. В Фёдоре Михайловиче она приняла горячее участие»... Врангелю казалось почему-то, что она «скорее пожалела несчастного», чем полюбила его. «Она знала, что у него нужда в средствах крайняя, да и человек он “б е з б у д у щ н о с т и ”»²³⁴... Но Достоевский иначе смотрел на отношение к нему Марьи Дмитриевны.

В мае месяце того же 1855 года Исаев получил, наконец, место заседателя в Кузнецке Томской губернии. Как! Эта очаровательная женщина, которая смотрела на него, Достоевского, такими нежными глазами, уезжает куда-то далеко — за пятьсот вёрст от Семипалатинска, а он остаётся здесь, прикованный солдатчиной к лагерю и казармам! «Отчаяние Достоевского было беспредельно. Он ходил как помешанный при мысли о разлуке»... «Достоевский рыдал навзрыд, как ребёнок»²³⁵...

Проводы Исаевых устроил у себя тот же Врангель, и будущий заседатель сел с женою в перекладную телегу не совсем трезвый. Была чудесная майская ночь. Достоевский и его приятель поехали провожать Исаевых. Дорогою Врангель ещё раз угощал всех шампанским, и бедный Исаев охмелел до бесчувствия. Его перетасили в экипаж барона, а Достоевский сел к Марье Дмитриевне. Светила луна. Густой сосновый бор казался таинственным...

«Проводив вас до леса, — писал 4 июня 1855 г. Достоевский Марье Дмитриевне, — и расставшись с вами у той сосны (которую я заметил), мы возвратились с Врангелем»... «Тут-то я почувствовал, что осиротел совершенно»... «Дома я ещё долго не спал, ходил по комнате, смотрел на занимающуюся зарю и припоминал весь этот год, прошедший для меня так незаметно, припомнил всё, всё, и грустно мне стало, когда раздумался о судьбе своей. — С тех пор я скитаюсь без цели, настоящий Вечный жид. Почти нигде не бываю. Надоело»... «Заходил на вашу квартиру, взял плющ (он теперь со мною), видел

²³⁴ Врангель А.Е. С. 38–39.

²³⁵ Там же. С. 50.

осиротевшую Сурьку, бросившуюся ко мне со всех ног, но не отходящую от дому. Наконец извоцки воротились. Ваше письмо, за которое благодарю вас несчётно, было для меня радостью»...

«Как мне было жаль, что вы хворали дорогой. Когда-то дождусь вашего письма! Я так беспокоюсь! Как-то вы доехали. Жму крепко руку Александру Ивановичу и целую его. Надеюсь, что он напишет мне вскорости. Обнимаю его от всего сердца и как друг, как брат, желаю ему лучшей компании. Неужели и в Кузнецке он будет так же неразборчив в людях, как в Семипалатинске?»²³⁶...

Достоевский с нетерпением ждал ответа и, получив его, немедленно написал письмо. Из Кузнецка приходили вести невесёлые. Марья Дмитриевна больна; болен муж и пьёт по-прежнему; денег мало, очень мало, а надо воспитывать Пашу... Достоевский чуял что-то недоброе. «Он ещё более похудел, стал мрачен, раздражителен, бродил, как тень»²³⁷... Он даже бросил писать свои записки о каторге, над которыми всё время работал.

Врангель не покидал, однако, своего мрачного друга. Это был верный человек. «Это человек очень молодой, очень кроткий, хотя с сильно развитым *point d'honneur*²³⁸, — сообщал Достоевский его характеристику брату Михаилу. — До невероятности добрый, немножко гордый (но это снаружи, я это люблю), немножко с юношескими недостатками, образован, но не блистательно и не глубоко, любит учиться, характер очень слабый, женски впечатлительный, немножко ипохондрический и довольно мнительный; что другого злит и бесит, то его огорчает — признак превосходного сердца. *Tres comme il faut*²³⁹. Он самым бескорыстнейшим образом взялся хлопотать обо мне и помогать мне, всеми силами. Впрочем мы с ним сошлись и он меня любит»²⁴⁰.

Врангель старался развлечь Достоевского. Он возил его по знакомым, и тот покорно ездил повсюду со своим юным приятелем. Но, кажется, эти новые знакомства его не утешали.

Однажды приятели посетили какого-то богатого кокандца Букаша, сухощавого семидесятилетнего старика с лисьей физиономией, который только что приобрёл себе пятую жену. Он пожелал похва-

²³⁶ Письма I. С. 154–155.

²³⁷ Врангель А.Е. С. 52.

²³⁸ чувством чести (*фр.*).

²³⁹ Очень воспитанный (*фр.*).

²⁴⁰ Письма II. С. 558 (Письмо М.М. Достоевскому от 13–18 янв. 1856 г.).

литься ею и показать её гостям без чадры — честь и доверие редкое со стороны фанатиков. Она долго не выходила. Тогда сам хозяин пошёл за нею и вывел её, испуганную и смущённую. Эта жена оказалась девочкою лет четырнадцати. Она дрожала, как пойманный зверёк, и глядела боязливо своими огромными прекрасными глазами. Когда старик приказал ей поднести гостям бокалы с вином, она расплакалась, однако же исполнила приказанье, после чего стремглав бросилась вон из комнаты.

Врангель познакомил Достоевского с горными инженерами, которые работали на Локтевском заводе²⁴¹ в ста верстах от Семипалатинска. Тут была и охота, и прогулки, и шампанское... Однако все эти развлечения не могли погасить любовной тоски, которая овладела Достоевским.

Уезжая в Кузнецк, М.Д. Исаева познакомила Достоевского с какою-то Мариною О.²⁴², дочерью ссыльного поляка, очень хорошенькой шестнадцатилетней девочкой, которая теперь ежедневно приходила в Казаков сад, где Достоевский давал ей уроки. Эта Марина была так мила и так наивно старалась понравиться Достоевскому, что барон Врангель видел в ней возможную соперницу уехавшей Исаевой и надеялся, что эта девочка залечит сердечную рану Достоевского. Но случилось иное. Какой-то негодяй, сын городского головы, по прозвищу Васька Саврасый, соблазнил девушку и бросил её бесстыдно, а потом другой негодяй, его слуга, безобразный киргиз, докончил дело своего барина, шантажируя потерявшую голову девочку. Врангель выслал своею прокурорской властью этого киргиза из Семипалатинска, но Марина уже сбилась с пути. Правда, она потом вышла замуж, но ревнивый муж ничего не мог поделать со страстными увлечениями своей супруги...

Однажды, когда Достоевский и Врангель сидели у себя на даче, к ним шумно и радостно вбежала неожиданная гостья. Это была смуглянка лет двадцати. Если верить Врангелю, её чёрные глаза горели

²⁴¹ Локтевский сереброплавильный завод (1781–1891) был построен под руководством горного инженера В.С. Чулкова с учётом последних достижений техники того времени, нашедших воплощение в гидротехнических сооружениях и заводском оборудовании, на месте, где река Алей образует крутой поворот, или локоть, от которого и сам завод получил название; помимо мастеровых, на заводе работали грамотные и высококультурные специалисты, приезжавшие из европейской части России.

²⁴² Имеется в виду М.К. Ордынская (1839–?) — дочь казначея 7-го Сибирского линейного батальона в Семипалатинске К.И. Ордынского, страдавшая от бессердечия мачехи; пожевавшая девушку М.Д. Исаева впоследствии ревновала к ней своего второго мужа.

и обжигали, как уголь. «Она всё время улыбалась, сверкая своими, как отборный жемчуг, зубами. Среднего роста, сухощавая, гибкая и в высшей степени подвижная»²⁴³...

Достоевский тотчас же узнал гостью. Это была одна из «калачиц», одна из любовниц каторги, — только более высокого полёта, дочь цыганки, высланной в Сибирь за убийство мужа. А сама красавица была как-то замешана в побеге ссыльных поляков и выслана из Омска, где у неё было прозвище Ваньки-Таньки. Здесь, в Семипалатинске, она попала в наложницы к городскому голове, богатому старику, не чаявшему в ней души. Семипалатинская *jeunesse dorée*²⁴⁴ дала ей кличку — «Огонь-Вода». Она играла на гитаре, пела и сводила с ума не только стариков. Неожиданная гостья, по острожной привычке, говорила Достоевскому «ты». Не смущаясь присутствием Врангеля, она откровенничала, уверенная, что, несмотря на постыдную жизнь, она очаровательна и все должны ею восхищаться.

— Давно собиралась в гости к Фёдору Михайловичу, да мой старый козёл отговаривал, — не ходи, да не ходи! — говорит, гордый барин, выгонит...

Почему она живёт с этим стариком? Да, она живёт из-за денег... Что поделаешь! И ей, и матери нужно есть... Правда, не мил ей старый хрыч, но как быть?..

Она была в шёлковом сарафане. Увидев девушек, поливавших в саду цветы, она лукаво подмигнула и побежала им помочь, не боясь испачкать свой дорогой наряд.

Но Достоевский был равнодушен к прелестьям дикой цыганки. Он жил только воспоминанием об Исаевой и её письмами, которые волновали его ужасно. Она жаловалась на грубость людей и нищету. Она одинока. Иногда она писала о каком-то знакомом её мужа — «симпатичном молодом учителе». Упоминание о нём попадалось в письмах всё чаще и чаще. Она хвалила его доброту, его привязанность и его высокую душу. Наконец, она уже не скрывала своего восхищения этим «симпатичным учителем».

Врангель свидетельствует, что Достоевский терзался ревностью. «Жутко было смотреть на его мрачное настроение, отражавшееся на его здоровье»²⁴⁵. Надо было разрубить гордиев узел.

Надо было во что бы то ни стало устроить Достоевскому свиданье с Марьей Дмитриевной Исаевой и всё выяснить. Между Кузнецком и

²⁴³ Врангель А.Е. С. 68.

²⁴⁴ золотая молодежь (*фр.*).

²⁴⁵ Врангель А.Е. С. 64.

Семипалатинском, в Змиеве²⁴⁶, были заводы, где работали знакомые Врангеля, горные инженеры. Начальство не отпускало Достоевского в Змиев никак. Врангель распустил слухи, что Достоевский заболел и лежит пластом. Доктор Ламот²⁴⁷ был посвящён в затею и поддерживал версию о болезни писателя. Ставни в доме были наглухо закрыты. Вечером, в темноте, Достоевский с Врангелем выехали из Семипалатинска. Исаева заранее была предупреждена и должна была ожидать беглеца в Змиеве. Сибирские кони мчались вихрем <нрзб.>²⁴⁸.

А Достоевскому казалось, что лошади плохие и бегут худо. Он то и дело понукал ямщиков. Каково же было его отчаяние, когда в Змиеве ему передали письмо Марьи Дмитриевны, в котором она извещала своего страстного поклонника, что она не могла выехать к нему на свидание: «муж болен, да и денег нет»...

Они вернулись в тот же день домой, «отмахав по-сибирски триста вёрст в двадцать восемь часов»²⁴⁹. Однако Врангель так был озабочен душевным состоянием Достоевского, что решил вторично устроить ему поездку, чтобы он мог увидеть Исаеву. На этот раз Врангель получил, при посредстве военного губернатора, официальное разрешение батальонного командира выехать Достоевскому в Змеиногорск на неделю. Это было совсем близко от Кузнецка.

По дороге в Змеиногорск они увидели огромное зарево, а потом «напольный» пожар. Огненное море бушевало и катило свои волны, казалось, прямо на путников, но лихая тройка вынесла их из огня, и они очутились благополучно в цепи холмов, по-сибирски — «сопок». Горы дикого Алтая синели вдали. Наконец, они приехали к управляющему казёнными заводами, полковнику Полетике²⁵⁰. Здесь было многолюдное общество инженеров. Сюда съезжалась на дачи вся окружная интеллигенция. Достоевского знали. Достоевского ценили.

²⁴⁶ Имеется в виду уездный город Змеиногорск (теперь относящийся к Алтайскому краю) на дороге из Семипалатинска в Кузнецк, центр серебро-свинцовых рудников с большим горным заводом; летом 1855 г. Ф.М. Достоевский дважды приезжал в Змеиногорск для встреч с М. Д. Исаевой.

²⁴⁷ Ламот (Ламотт) С.А. (?-?) — ссыльный поляк, в 1850-е гг. военный врач в Семипалатинске, попавший туда за принадлежность к тайной политической организации.

²⁴⁸ В *Мн РГБ*: , и путешественники сделали сто шестьдесят вёрст в четырнадцать часов

²⁴⁹ Врангель А.Е. С. 66.

²⁵⁰ Полетика В.А. (1820–1888) — подполковник, в 1850-е гг. управляющий рудниками и заводом Змеиногорского края; друг Ф.М. Достоевского в годы пребывания в Семипалатинске.

Прекрасные дамы, «умница» Гернгросс и «красавица» Ольга Абаза²⁵¹, ухаживали за ним. Он в это время снял свою солдатскую шинель. На нём был штатский сюртук, сшитый по моде, высокий воротничок, доходивший до ушей, накрахмаленная манишка и чёрный атласный галстук. Но светское общество лишь на одно мгновение отвлекло Достоевского от его печали. Он всё ждал Исаеву. Но и на этот раз она не приехала и даже не прислала письма.

И вдруг в середине августа Достоевский получил из Кузнецка письмо с извещением о смерти Александра Ивановича Исаева. В это время Врангель уехал по делам службы в Бийск. Достоевский, не откладывая, послал ему письмо: «Вы не поверите, как мне жаль её, как я весь расстроен»... «Боюсь, не виноват ли я перед ним, что подчас, в желчную минуту, передавал вам, и, может быть с излишним увлечением, одни только дурные его стороны. Он умер в нестерпимых страданиях, но прекрасно, как дай Бог умереть и нам с вами»... «Несчастливая Марья Дмитриевна сообщает мне о его смерти в малейших подробностях»... «В самых сильных мучениях (он мучился два дня) он призывал её, обнимал, и непрерывно повторял: “Что будет с тобою, что будет с тобою!”... Бедный! Она в отчаянии»... «У неё ничего нет, кроме долгов в лавке»... Далее Достоевский умоляет Врангеля выслать Исаевой денег. Он, конечно, берёт на себя этот долг. «Я вам отдам непременно, но нескоро»²⁵²... Достоевский очень озабочен тем, чтобы Врангель послал письмо Марье Дмитриевне, и он даёт ему совет, как и что надо написать, чтобы не обидеть вдову оказанной ей помощью.

В письме от 23 марта 1856 года Достоевский писал Врангелю: «Письма её последние ко мне во всё последнее время становились всё грустнее и тоскливее. Она писала под болезненным впечатлением: я знал, что она была больна. Я предугадывал, что она что-то скрывает от меня. (Увы! Я этого вам никогда не говорил: но ещё в бытность вашу здесь, *par ma jalousie incomparable*²⁵³ я доводил её до отчаяния, и вот не потому ли она теперь скрывает от меня. И что ж? Вдруг слышу здесь, что она дала слово другому, в Кузнецке, выйти замуж. Я был поражён как громом. В отчаянии я не знал что делать, начал писать к

²⁵¹ Гернгросс Е.И. (1818–?) — жена полковника А.Р. Гернгросса, горного начальника Алтайских заводов в Барнауле, возлюбленная А.Е. Врангеля, один из прототипов Н.В. Трусцкой в «Вечном муже»; Абаза, Ольга — жительница Змеиногорска, знакомая Ф.М. Достоевского и его семипалатинского друга А.Е. Врангеля.

²⁵² Письма I. С. 156–157 (Письмо А.Е. Врангелю от 14 авг. 1855 г.).

²⁵³ своей несравнимой ревностью (*фр.*).

ней, но в воскресенье получил и от неё письмо, письмо приветливое, милое как всегда, но скрытное ещё более чем всегда... «Нет и помину о будущих надеждах наших. Как будто мысль об этом уж совершенно отлагается в сторону. Какое-то полное неверие в возможность перемены в судьбе моей в скором времени и наконец громовое известие: она решилась прервать скрытность и робко спрашивает меня: “что если б нашёлся человек пожилой с добрыми качествами служащий и обеспеченный, и если б этот человек сделал ей предложение — что ей ответить?”»... «Я был поражён как громом, я зашатался, упал в обморок и проплакал всю ночь»... «Неподвижная идея в моей голове! Едва понимаю как живу и что мне говорят. О не дай господи никому этого страшного, грозного чувства. Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить»... «Я написал ей письмо в тот же вечер, ужасное, отчаянное. Беденькая! ангел мой! Она и так больна, а я растерзал её! Я может быть убил её моим письмом. Я сказал, что я умру если лишусь её»... «*Mais elle m'aime, elle m'aime*²⁵⁴, это я знаю, я вижу — по её грусти, тоске, по её неоднократным порывам в письмам и ещё по многому чего не напишу вам. Друг мой! я никогда не был с вами вполне откровенен на этот счёт»²⁵⁵...

256

²⁵⁴ «Но она меня любит, она меня любит» (фр.).

²⁵⁵ Письма I. С. 168-170.

²⁵⁶ *Далее было:* Это было написано в конце марта, а в середине апреля «дело разъяснилось во многом», как тогда писал Достоевский Врангелю. На масленице Достоевский был кое-где на блинах и даже танцевал на вечерах. Обо всём этом, т.е. о блинах, и о том, что он даже пускался танцевать, и о некоторых здешних дамах Достоевский неосторожно написал Марье Дмитриевне. Она заподозрила, что он охладел к ней. «Она была замучена мыслью, что я, последний и верный друг её, уже её забываю»... «В муках ревности и грусти о потерянном для неё друге, одна, окружённая гадами и дрянью, больная и мнительная, далёкая от своих и от всякой помощи, она решилась в ы в е д а т ь н а в е р н о: в каких я к ней отношениях, забыл ли её, тот ли я, что прежде, или нет? Для этого она, основываясь кое на чём случившемся в действительности, и написала мне: “что ей отвечать, если кто-нибудь ей сделает предложение?” Если б я отвечал равнодушно, то это бы доказало ей, что я действительно забыл её. Получив это письмо, я написал письмо отчаянное, ужасное, которым растерзал её»... «Но, кажется ей отраднa была тоска моя, хоть она и мучилась за меня. Главное, она уверилась по письму моему, что я её по-прежнему, беспредельно люблю. После этого она уже решилась мне всё объяснить: и сомнения свои и ревность и мнительность, и наконец объяснила что мысль о замужестве выдуманa ею в намерении узнать и испытать моё сердце» <Письма I. С. 184–185 (Письмо А.Е. Врангелю от 13 апр. 1856 г.)>... Тем не менее эта выдумка имела кое-какое основание. Кто-то в самом деле, при посредстве кумушек, к ней сватался. Но она отвергла претендента со смехом. Но почему отвергла? Достоевский думал, что она верна ему, Достоевскому, да и может ли быть у него соперник в этом Кузнецке? Он как будто забыл на этот раз о «симпатичном учителе».

Итак, все эти разговоры Марьи Дмитриевны о каком-то солидном и почтенном женихе сущий вздор, и всё это написано для отвода глаз. Там, в Кузнецке, что-то совсем иное. Достоевскому надо, однако, во что бы то ни стало самому всё увидеть, самому убедиться. Он должен поехать в Кузнецк, рискуя всем.

В письме от 14 июля <1856 г.> он пишет своему confidentу: «Я был там, добрый друг мой, я видел её! Как это случилось, до сих пор понять не могу! У меня был вид до Барнаула, а в Кузнецк я рискнул, но был! Но что я вам напишу? Опять повторяю, можно ли что-нибудь уписать на клочке бумаги! Я увидел её! Что за благородная, что за ангельская душа! Она плакала, целовала мои руки, но она любит другого. Я там провёл два дня. В эти два дня она вспомнила прошлое, и её сердце опять обратилось ко мне. Прав я или нет, не знаю, говоря так! Но она мне сказала: “Не плачь, не грусти, не всё ещё решено; ты и я и более никто!” Это слово её положительно. Я провёл не знаю какие два дня, это было блаженство и мученье нестерпимые»... «Но вполне вероятная вещь, что отсутствующие всё же виноваты. Так и случилось! Письмо за письмом и опять я вижу, что она тоскует, плачет и опять любит его более меня! — Я не скажу, Бог с ней! Я не знаю ещё, что будет со мной без неё. Я пропал, но и она тоже»²⁵⁷...

Теперь Достоевский знает, что не какой-то почтенный и добродетельный покровитель ищет руки Марьи Дмитриевны, а двадцатичетырёхлетний юноша, ничего не видавший, «чуть-чуть образованный, начинающий первую мысль своей жизни, тогда как она доживает, может быть, свою последнюю мысль»²⁵⁸...

Этого молодого человека зовут Николай Борисович Вергунов²⁵⁹. Вот кто счастливый соперник Достоевского! Кто помнил бы это имя? Но мы теперь его помним... «С ним я сошёлся, — рассказывает Достоевский, — он плакал у меня, но он только и умеет плакать!»²⁶⁰... Вернувшись в Семипалатинск, Достоевский написал влюблённым горячее письмо, умоляя их не делать шага, который может их погубить, её погубить прежде всего... Она отвечала, его защищая. А он написал Достоевскому «ругательный» ответ. Оказалось, что он умеет не толь-

²⁵⁷ Письма I. С. 189–190.

²⁵⁸ Письма I. С. 190 (Письмо А.Е. Врангелю от 14 июля 1856 г.).

²⁵⁹ Вергунов Н.Б. (1832–1870) — учитель в Кузнецке, дававший уроки рисования сыну А.И. и М.Д. Исаевых Паше; предмет серьёзного увлечения овдовевшей в 1855 г. М.Д. Исаевой, соперник Ф.М. Достоевского.

²⁶⁰ Письма I. С. 191 (Письмо А.Е. Врангелю от 14 июля 1856 г.).

ко плакать, но и браниться. Но у Достоевского ещё забота. Этот ругающий его молодой человек получает жалования не то триста, не то четыреста рублей в год. Как же он будет жить на эти деньги с Марьей Дмитриевной и с Пашей? Предел его мечтаний получать девятьсот рублей в год. И вот Достоевский умоляет Врангеля оказать протекцию этому счастливцу, в которого влюбилась г<оспо>жа Исаева. Достоевский просит Врангеля ходатайствовать за него у губернатора: «Я ещё не знаю, что можно для него сделать, я напишу об этом. Но теперь поговорите о нём Гасфорту, как о молодом человеке достойном, прекрасном, со способностями; хвалите его на чём свет стоит»²⁶¹...

А сам Достоевский? Как его дела? Ведь он прекрасно понимал, что его собственное положение солдата и ссыльного не внушало никакого доверия Марии Дмитриевне Исаевой. Надо ведь как-то жить, кормить жену и пасынка, а между тем случайная и ничтожная помощь, которую он оказывал ей, всецело зависела от великодушия барона Врангеля или родственников. Выход из этого положения был один — амнистия, возвращение в Россию, литературный заработок... А пока ещё нет амнистии — производство в офицеры. Это почти спасение, некоторая независимость и жалованье, хоть и малое, но всё-таки жалованье. Обстоятельства на сей раз были для Достоевского благоприятны. Врангель — в Петербурге, а там у Достоевского старый знакомый, известный генерал-инженер Тотлебен²⁶². Местное начальство тоже благосклонно к Достоевскому. Можно хлопотать, ходатайствовать, без особых укоров совести, ибо ведь он, Достоевский, никогда в сущности не был «врагом монархии». Ему не нравился до омерзения и тоски ужасный порядок бесправия, кнута и цензуры, но этот новый царь, говорят, освободит крестьян, и тогда восторжествует, наконец, национальная идея: царь и народ уразумеют смысл истории и свою судьбу... Достоевский искренно <нрзб.>²⁶³ Ведь не задыхаться же ему, в самом деле, в этом <нрзб.>²⁶⁴ Семипалатинске, когда у него огромные замыслы, острые и горячие мысли и сотни образов,

²⁶¹ Там же. С. 192 (Письмо А.Е. Врангелю от 14 июля 1856 г.).

²⁶² Тотлебен Э.И., гр. (1818–1884) — генерал-адъютант, старший брат товарища Ф.М. Достоевского по Главному инженерному училищу А.-Г.И. Тотлебена, участник обороны Севастополя в годы Крымской войны (1854–1856 гг.), будущий герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; пользуясь своим авторитетом в правительственных кругах, активно способствовал облегчению участи писателя, его возвращению в Петербург и восстановлению в правах.

²⁶³ В *Мн РГБ*: верит в этот свой романтический бред... И так, что же тут постыдного для него, Достоевского, искать покровительства у власти?

²⁶⁴ В *Мн РГБ*: треклятом

которые толпятся в его лихорадочном воображении! Но в эту минуту даже его талант, его призвание художника не так важно, как возможное и ускользящее счастье обладать чудесной, необыкновенной женщиной, единственной в мире...

Врангель не покинул своего друга. Достоевский первого октября 1856 года за отличие по службе был произведён в прапорщики. Это огромное событие. Теперь он офицер. Значит, он уже почти свободный человек.

Девятого ноября Достоевский писал Врангелю: «Вы спрашиваете о моих отношениях к М<арии> Д<митриевне>. Если б вы хотели узнать что-нибудь обо мне, то именно задав этот вопрос, потому что она по-прежнему в с ё в моей жизни. Я бросил всё, я не об чём не думаю, кроме как об ней. Производство в офицеры если обрадовало меня, так именно потому, что, может быть, удастся поскорее увидеть её»... «Люблю её до безумия»... «Не качайте головой, не осуждайте меня; я знаю, что я действую не благоразумно во многом в моих отношениях к ней, почти не имея надежды, — но есть ли надежда, нет ли, мне всё равно. Я ни об чём более не думаю. Только бы видеть её, только бы слышать! Я несчастный сумасшедший! Любовь в таком виде есть болезнь. Я это чувствую»²⁶⁵...

В тот же день Достоевский писал брату Михаилу: «Ту, которую я любил, я обожаю до сих пор. Чем это кончится, не знаю. Я сошёл бы с ума, или хуже, если б не видал её»... «Это ангел Божий, который встретился мне на пути и связало нас страдание. Без неё я бы давно упал духом. Что будет, то будет! Ты очень беспокоился о возможности моего брака с нею. Друг милый, кажется, этого никогда не случится, хотя она и любит меня»²⁶⁶...

Но вот, однако, проходит недель пять — и Достоевский почти уверен, что Мария Дмитриевна Исаева окажет ему величайшую честь и, отвергнув уездного учителя, предпочтёт его, хотя человека и «без будущности», но всё же офицера линейного батальона, которому оказывает покровительство начальство.

«Теперь, друг мой, — пишет он Врангелю, — хочу объявить вам об одном важном для меня деле. Вам, как другу моему, это должно быть открыто. Коротко и ясно: Если не помешает одно обстоятельство, то я, до масленицы, женюсь — вы знаете на ком. Никто кроме этой женщины не составит моего счастья. Она же любит меня до сих пор, и я выполнял её желания. Она сама сказала мне: да .

²⁶⁵ Письма I. С. 197.

²⁶⁶ Письма II. С. 569–570.

То, что я писал вам об ней летом, слишком мало имело влияния на её привязанность ко мне. Она меня любит. — Это я знаю наверно. Я знал это и тогда, когда писал вам летом письмо моё. Она скоро разуверилась в своей новой привязанности»²⁶⁷...

Какая удивительная настойчивость в уверениях, что эта женщина в самом деле его любит! Можно подумать, что Достоевский не барона Врангеля, а самого себя убеждает в несомненности этой любви. Но ещё удивительнее заключительная просьба в этом письме... «Ещё просьба — об ней прошу вас на коленях. — Помните, я вам писал летом про Вергунова. Я просил вас ходатайствовать за него у <нрзб.> Гасфорда. — Теперь он мне дороже брата родного. Слишком долго рассказывать мои отношения к нему. Но вот в чём дело. Ему последняя надежда устроить судьбу свою — это держать экзамен в Томске»... «Но без протекции ничего не будет»²⁶⁸...

Итак, Достоевский женится. Ему нужны деньги. Он пишет убедительные письма родственникам с просьбами помочь ему. В Семипалатинске находятся люди, готовые одолжить ему несколько сот рублей. Нужная сумма кое-как сколочена. Заблаговременно, ещё в конце декабря 1856 года, он поручает брату Михаилу купить в Петербурге весеннюю дамскую шляпу, шёлковой материи на платье модного цвета (только не *glacé*²⁶⁹), бархатную мантилью, два чепчика с голубыми лентами и ещё какую-то косыночку шерстяного кружева...

Там, в Кузнецке, невеста знакомит его с уездными обывателями, и шестого февраля 1857 года Достоевский венчается с нею. Всё это занимает у него две недели. Наконец, новобрачные возвращаются в Семипалатинск. И вдруг в Барнауле, не доезжая полтора ста вёрст до Семипалатинска, с Достоевским случился припадок. Новобрачная с ужасом смотрела на мужа, который с дикими воплями упал в судорогах с пеною у рта. В Барнауле нашёлся знакомый. Он приютил жену и мужа, а местный доктор, по требованию Достоевского, сказал ему откровенно, что у него эпилепсия и что он даже в один из припадков задохнётся будто бы от «горловой спазмы». Это было неожиданностью для него и для его жены. Марья Дмитриевна Исаева слышала, что у её будущего мужа бывают какие-то нервные обмороки, но она не подозревала, что это падучая со всеми её ужасами.

Девятого марта 1857 года Достоевский писал брату: «Женясь, я совершенно верил докторам, которые уверяли, что это просто нервные

²⁶⁷ Письма I. С. 204–205 (Письмо А.Е. Врангелю от 21 дек. 1956 г.).

²⁶⁸ Там же. С. 206 (Письмо А.Е. Врангелю от 21 дек. 1856 г.).

²⁶⁹ глянцевого (*фр.*).

припадки, которые могут пройти с переменою образа жизни. Если б я наверно знал, что у меня настоящая падучая, я бы не женился»²⁷⁰.

XXVII.

...«Я скоро должен умереть... — писал Достоевский В.Д. Констант²⁷¹, сестре своей жены, 30 ноября 1857 года. — Уверенность моя в близкой смерти совершенно хладнокровная. Мне кажется, что я уже всё прожил на свете, и что более ничего и не будет, к чему можно стремиться»²⁷²... Но душа Достоевского была противоречива. И как раз в это время, когда он делает такие мрачные признания В.Д. Констант, у него роятся в голове десятки художественных замыслов, и он весь поглощён заботами о своей литературной деятельности. Письма к Е.И. Якушкину²⁷³ и М.М. Достоевскому все наполнены сообщениями о литературных планах и делах. В 1857 году появился впервые после каторги в «Отечественных записках» рассказ Достоевского «Маленький герой», или «Детская сказка», как он сам называл этот рассказ, написанный им ещё восемь лет назад в Петропавловской крепости. Появление этого рассказа не очень радует Достоевского. Он теперь ревниво относится к своему творчеству. Правда, рассказ напечатан за подписью М-ий, но кое-кто мог догадаться о настоящем имени автора. Нет, теперь Достоевский будет более взыскателен к себе, чем тогда, в юности. Главное, не надо торопиться и не писать к сроку по обязательствам. Достоевский решительно не согласен с братом, что будто бы удачные вещи создаются «сразу». «Поверь, что везде нужен труд, и огромный, — пишет Достоевский, — поверь, что лёгкое, изящное стихотворение Пушкина, в несколько строчек, потому и кажется написанным сразу, что оно слишком долго клеилось и перемарывалось у Пушкина. Это факты. Гоголь восемь лет писал “Мёртвые души”. Всё, что написано сразу — всё было незрелое. У Шекспира, говорят, не было помарок в рукописях. Оттого-то у него так много

²⁷⁰ Письма II. С. 579.

²⁷¹ Констант В.Д. (1826–1866?) — младшая сестра первой жены писателя М.Д. Достоевской, помогавшая Ф.М. Достоевскому в заботах о больной жене и пасынке П.А. Исаеве.

²⁷² Письма I. С. 228.

²⁷³ Якушкин Е.И. (1826–1905) — юрист, этнограф, библиограф, сын декабриста И.Д. Якушкина; встречался с Ф.М. Достоевским в Омске в 1853 г., помогал опальному писателю материально, содействовал его возвращению в мир литературы.

чудовищностей и безвкусыя, а работал бы — так было бы лучше. Ты явно смешиваешь вдохновение, т.е. первое, мгновенное создание картины или движения в душе, (что всегда так и делается) с работой. Я, наприм<ер>, сцену тотчас же и записываю, так как она мне явилась впервые, и рад ей; но потом целые месяцы, годы обрабатываю её, вдохновляюсь ею по не сколько раз, а не один (потому что люблю эту сцену) и несколько раз прибавлю к ней или убавлю что-нибудь, как уже и было у меня, и поверь, что выходило гораздо лучше. Было бы вдохновение. Без вдохновения, конечно, ничего не будет»²⁷⁴.

Краевский намерен заплатить Достоевскому по пятидесяти рублей с листа. Достоевский решительно негодует на такой гонорар. Он хочет получить сто. Он слышал, что теперь писатели получают больше. «Правда, у вас теперь дают большую плату. Значит, Писемский получил за “Тысячу душ” 200 или 250 руб<лей> с листа. Этак можно жить и работать не торопясь. Но неужели ты считаешь роман Писемского прекрасным? Это только посредственность и хотя з о л о т а я, но только посредственность»²⁷⁵. Сознание, что он, Достоевский, обладающий безмерными творческими силами, оценивается дешёво, тогда как модные писатели, угадавшие вкус публики, пользуются всеми благами на правах знаменитости, возмущало его и позднее, напр<имер> в 1859 году: «Ты пишешь мне непрерывно такие известия, что Гончаров, например, взял 7000 за свой роман, по-моему отвратительный, и Тургеневу за его “ Д в о р я н с к о е г н е з д о ” (я, наконец, прочёл. Чрезвычайно хорошо) сам Катков (у которого я прошу сто рублей с листа) давал 4000 рублей, т.е. по 400 рублей с листа. Друг мой! Я очень хорошо знаю, что я пишу хуже Тургенева, но ведь не слишком же хуже, и, наконец, я надеюсь написать совсем не хуже. За что же я-то, с моими нуждами, беру только <нрзб.> 100 рублей, а Тургенев, у которого 2000 душ по 400? От бедности я принуждён торопиться и писать для денег, следовательно не п р е м е н н о п о р т и т ь »²⁷⁶.

С простодушием гения Достоевский готов согласиться²⁷⁷, что он «пишет хуже Тургенева». Огромные замыслы, которые толпятся в его душе, занимают его всецело. Всё, что написано им до сих пор, кажется ему неудачным. Он пишет теперь большие романы, которые можно будет разбить на несколько самостоятельных частей. Но у него

²⁷⁴ Письма I. С. 236–237 (Письмо М.М. Достоевскому от 31 мая 1858 г.).

²⁷⁵ Там же. С. 237 (Письмо М.М. Достоевскому от 31 мая 1858 г.).

²⁷⁶ Там же. С. 245–246 (Письмо М.М. Достоевскому от 9 мая 1859 г.).

²⁷⁷ Было: уверяет

не одна, а несколько повествовательных тем. Каткову для «Русского вестника» он обещал повесть и взял у него аванс — пятьсот рублей. Но, с другой стороны, у него также есть обязательство по отношению к «Русскому слову», куда он также обещал повесть. Вопреки своему решению не торопиться, он опять в плену авансов и срочной работы. Одиннадцатого апреля 1859 года он послал Каткову три четверти своей повести «Село Степанчиково». В «Русском слове» должен появиться рассказ «Дядюшкин сон».

Как сложились у него эти сюжеты, эти характеры, эти образы? Обе повести как будто какой-то перевал к новой творческой эпохе. В распоряжении Достоевского были десятки тем, и он выбрал, конечно, неслучайно эти рассказы из быта захолустья. Впечатления провинциальной жизни — в Семипалатинске, Барнауле, Кузнецке — сочетались с воспоминаниями отроческих и юношеских лет и той литературной борьбы, которые были прерваны арестом и каторгой.

В рассказе «Дядюшкин сон» явно чувствуется уездная среда, в которую попал ссыльный Достоевский, а его героиня, Зина, и её отношение к довольно ничтожному учителю напоминают отчасти судьбу Марии Дмитриевны, которая тоже, как и Зина Москалёва, казалась Достоевскому красавицей и так же, ²⁷⁸какого-то заурядного молодого человека сделала героем своего романа <нрзб.>. «Композиция» князя сделана под влиянием тех литературных пристрастий, которые были у Достоевского в первый петербургский период его биографии, когда он увлекался Гофманом и Гоголем. «Село Степанчиково» непосредственно примыкает к этой эпохе, но уже включает в себе то внутреннее отталкивание от Гоголя, которое позволило Достоевскому пойти по новому пути, простясь с чародеем. Но это был не только литературный бунт против учителя: это была страстная потребность разоблачить автора «Переписки с друзьями» <нрзб.>²⁷⁹. Одним словом, это было продолжением того самого дела, за которое Достоевский пошёл на каторгу. Он закончил свою петербургскую деятельность чтением письма Белинского к Гоголю и теперь начинал её новым, уже его собственным и более глубоким, памфлетом против той же фальшивой проповеди, которую вёл замученный внутренними противоречиями и духовно ослепший Гоголь.

Рукопись «Села Степанчикова» была отправлена в Петербург, но её судьба всё ещё была неизвестна. Катков медлил с ответом. Дос-

²⁷⁸ В Мп РГБ: как она,

²⁷⁹ В Мп РГБ: , преодолеть его во что бы то ни стало, отомстить ему за все соблазны злой пародией

тоевский нетерпеливо хлопотал о праве покинуть опостылевший Семипалатинск. Наконец, тридцатого июня 1859 года он получил за № 2030 временный билет на проезд в город Тверь. «Ныне прапорщик Достоевский по высочайшему приказу, состоявшемуся в 18 день марта сего 1859, уволен за болезнью от службы подпоручиком, который по отставке изъявил место жительства в Тверь».

Второго июля Достоевский с женою выехал из Семипалатинска. В день отъезда он «порядочно почокался со всеми»²⁸⁰ у своего ближайшего начальства, ротного командира, Артемия Ивановича Гейбовича²⁸¹. Достоевским предстояло заехать в Омск за Пашей, который там в кадетском корпусе «очень шалил и худо учился»²⁸². Погода была прекрасная. В Омске Достоевские пробыли четверо суток. Этот город, хотя местные люди встретили Достоевского любезно и гостеприимно, не понравился ему ужасно: он навёл на него грустные мысли и воспоминания. Только покинув его, Достоевский почувствовал, что прощается, наконец, с Сибирью. В Тюмени была ещё остановка на два дня. В дороге всё было благополучно — тарантас ни разу не ломался, почтальон оказался превосходнейшим человеком, в лошадях задержки не было. Худо было только то, что в первой половине путешествия с Достоевским было два припадка.

В один прекрасный вечер, часов в пять пополудни, когда Достоевские проезжали по лесу в отрогах Урала, они увидели большой столб с надписями и будку инвалида. Это была граница Европы и Азии. Путешественники вышли из тарантаса. Достоевский перекрестился. Он увидел, наконец, «обетованную землю». Пришлось вынуть плетёную фляжку с горькой померанцевой (завода Штритера) и угостить почтальона, ямщика, инвалида и самому выпить на прощанье с Азией. Марья Дмитриевна пошла в лес собирать землянику.

В Казани пришлось взять в гостинице номер и ждать денег от брата. Ждали целых десять дней и прожили за эти дни рублей пятьдесят. Достоевский даже абонировался в казанской библиотеке на книги. Из Казани они поехали в Нижний и попали прямо в разгар ярмарки. Приехали ночью и часа два скитались по городу: все гостиницы были переполнены. На другое утро Достоевский отправился на ярмарку и уверился воочию, что она стоит своей славой. Потом — во Владимир.

²⁸⁰ Письма I. С. 269 (Письмо А.И. Гейбовичу от 23 окт. 1859 г.).

²⁸¹ Гейбович А.И. (?–1865) — ротный командир 7-го Сибирского линейного батальона в Семипалатинске, непосредственный начальник Ф.М. Достоевского в годы военной службы в Сибири, дружески относившийся к своему подчинённому.

²⁸² Письма I. С. 228 (Письмо В.Д. Констант от 30 нояб. 1857 г.).

Оттуда в Сергиево под Москву. Двадцать три года Достоевский не был в этом монастыре²⁸³. «Что за архитектура, какие памятники, византийские залы, церкви! Ризница привела нас в изумление. В ризнице жемчуг (великолепнейший) меряют четвериками, изумруды в треть вершка, алмазы по полумиллиону штука. Одежды нескольких веков, работы собственноручные русских цариц и царевен, домашние одежды Ивана Грозного, монеты, старые книги, всевозможные редкости, — не вышел бы оттуда»²⁸⁴... Из Сергиева — в Тверь. Там всё было «дорого» — особенно квартиры. Достоевские нашли «три комнатки с мебелью за одиннадцать рублей серебром в месяц»²⁸⁵...

В это время в Твери оказался Василий Андреевич Головинский. Это был тот самый юный посетитель «пятниц» Петрашевского, который так пламенно ратовал за освобождение крестьян. Тогда же Достоевский оценил его страстную убеждённость. Теперь ему было тридцать лет. Он был восстановлен в своих правах, проживал в Симбирске, служил и случайно, проезжая через Тверь, встретил Достоевского. Вот этот самый Головинский, у которого оказались связи, познакомил Достоевского с губернатором, графом Барановым²⁸⁶. Жена губернатора, урождённая Васильчикова, знала Достоевского ещё до ссылки. Она познакомилась с Достоевским в салоне графа Соллогуба. Таким образом, в Твери он вошёл в дом самого ему тогда нужного человека, ибо без этого губернатора ему трудно было бы получить право на въезд в столицу, а все его надежды были связаны с Петербургом.

Достоевского после его знакомства с губернатором все тверские обыватели старались звать к себе в гости. Он не уклонялся от иных знакомств, но бывал один, без Марьи Дмитриевны, у которой не было туалетов. В эти дни Достоевский вёл оживлённую переписку с братом о своих литературных делах. Катков, хотя и брал повесть, но, по видимому, неохотно и давал слишком ничтожный гонорар. Достоевский попробовал обратиться к Некрасову в «Современник», но и тут дело как-то не ладилось, хотя повесть не была отвергнута. Наконец её пришлось отдать Краевскому в «Отечественные записки».

²⁸³ Имеется в виду Троице-Сергиева лавра, куда в детстве Ф.М. Достоевского ежегодно возили на богомолье.

²⁸⁴ Письма I. С. 271 (Письмо А.И. Гейбовичу от 23 окт. 1859 г.).

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Баранов П.Т., гр. (1814–1864) — тверской генерал-губернатор, дружески относившийся к Ф.М. Достоевскому во время пребывания последнего в Твери и способствовавший его переезду в Петербург; возможно, один из прототипов фон Лембеке в «Бесах».

Нет, Достоевскому необходимо поселиться в Петербурге, чтобы самому лично встречаться с редакторами и издателями. У него немалые планы. Он хочет издать свои сочинения в двух или трёх томах. Кроме того, он готовит к печати «Записки из Мёртвого дома», над которыми он работал с увлечением уже несколько лет. «Что же касается до “Мёртвого дома”, — пишет Достоевский брату об издателях и редакторах, — то ведь у них не бараньи головы. Ведь они понимают, какое любопытство может возбудить такая статья»²⁸⁷...

Надо во что бы то ни стало получить разрешение на жительство в Петербурге. И вот Достоевский пишет письма к Э.И. Тотлебену, А.Е. Врангелю, В.А. Долгорукову, А.Е. Тимашёву²⁸⁸ и к самому царю. В конце ноября 1859 года Достоевский получил разрешение проживать в столицах и вскоре им воспользовался.

XXVIII.

Когда Достоевский вышел из вагона, его встретили на перроне петербургского вокзала брат Михаил и А.П. Милюков, товарищ его по кружкам 1848–1849 годов.

Достоевского теперь трудно было узнать. Он не носил бороды. У него были только усы, и вид у него был по-солдатски суровый. Обращали на себя внимание огромный лоб и зоркие умные глаза. В первый же вечер он был окружён литераторами и почитателями. Это был кружок А.П. Милюкова, где Достоевский встретил и своего старого приятеля А.Н. Майкова, но он тогда же почувствовал, что этот кружок и затеянный А.П. Милюковым журнал «Светоч» не внушают особых надежд. Эти люди стояли в стороне от тогдашней большой журналистики, завладевшей умами и сердцами молодёжи.

Сотрудники «Современника» точно знали, чего они хотят и куда ведут своих читателей, а тут на «вторниках» Милюкова, на Офицерской улице, в доме Якобса, собирались умные и образованные люди, но никакой программы у них не было. Один из посетителей этого кружка, Н.Н. Страхов²⁸⁹, определяет свой идеал, например, весьма

²⁸⁷ Письма I. С. 263 (Письмо М.М. Достоевскому от 11 окт. 1859 г.).

²⁸⁸ Тимашёв А.Е. (1818–1893) — генерал-адъютант и генерал от кавалерии, министр внутренних дел при Александре II; активный организатор антиреволюционной и антитеррористической борьбы.

²⁸⁹ Страхов Н.Н. (1828–1896) — литературный критик, публицист, философ; один из идеологов «почвенничества», борец с нигилизмом, ближайший сотрудник

выразительно: человек должен «понимать Гегеля и знать Гёте наизусть» — это и есть «направление», это и есть предел образованности. Несмотря на молодость, большинство ревнителей кружка примыкало к идеалистам сороковых годов. У Достоевского были иные цели и совсем иное настроение. Он уже тогда мечтал о собственном журнале, и они с братом вскоре стали обдумывать его программу.

Это были первые годы нового царствования — канун 19 февраля, поднимающаяся волна новых общественных сил, брожение умов и ребяческая радость освобождения от казарменных николаевских порядков. Достоевский явился в Петербург как возвращённый из ссылки социалист. Петербуржцы помнили, что десять лет назад он стоял на эшафоте, что он четыре года жил в остроге, закованный в кандалы, что он автор «первого социального романа». Но уже ходили слухи, что этот чудак не жалуется на свою каторжную судьбу, как тогда полагалось, а даже усматривает в ней какой-то смысл. Впрочем, слухи пока были глухие. Когда молодёжь узнала о возвращении из ссылки Достоевского, его стали приглашать на модные тогда литературные вечера. В первый раз он выступил в зале Руадзе, у Полицейского моста, с чтением отрывков из «Ревизора». Зал был переполнен. Достоевского встретили громом аплодисментов. Но на этот раз читал он неважно и в антракте, увидев своего семипалатинского приятеля Врангеля, признался, что чувствует себя худо, что выступать ему не хотелось. Однако эти выступления повторялись неоднократно и позднее; ему приходилось читать теперь «Записки из Мёртвого дома», принимать покорно овации, едва ли не сознавая, что в этих успехах таится какое-то недоразумение, о котором ещё не догадывается молодёжь. Правда, О.Ф. Миллер, лично знавший Достоевского, заканчивая свой рассказ о его возвращении в Петербург, отмечает, что «социалистом в широком человеческом смысле этого слова он никогда не переставал быть»²⁹⁰, но <и рзб.>²⁹¹ этот его «социализм» не был похож на тот социализм, который занимал тогда умы передовой молодёжи.

Возвращённый к жизни Достоевский жадно «припал к её хмельной чаше», как будто страхась, что вот-вот опять отнимут у него эту чудесную влагу. Но к сладостному хмелю примешивалась немалая

Ф.М. Достоевского по журналам «Время» и «Эпоха»; несмотря на многолетнюю дружбу и личную близость к Достоевскому и его семье, в письме Л.Н. Толстому от 28 нояб. 1883 г. высказал крайне негативное мнение о Достоевском и дал ему резко отрицательную характеристику; автор ценных воспоминаний о писателе.

²⁹⁰ **Материалы 1883.** С. 175.

²⁹¹ *В Мп РГБ*; , разумеется,

горечь. Достоевскому хотелось как можно скорее и убедительнее рассказать о том открытии, которое он сделал там, на каторге, окружённый разбойниками и сам закованный в кандалы. Какая же это была загадка, разгаданная Достоевским? Загадка заключалась в том, что жизнь наша исполнена таких ужасных противоречий, так мучительно и так страшна в своей обречённости, что, казалось бы, нет ей никакого оправдания, и однако мы как-то живём и, значит, оправдываем наше бытие. В чём же разгадка? Разгадка в том, — думал Достоевский, — что, несмотря на весь ужас этой кровавой и бесстыдной жизни, нам дан образ совершенного человека. Этот образ так прекрасен, что, памятуя о нём, мы сумеем, в конце концов, построить нашу жизнь на иных основаниях, социально гармоничных и морально прекрасных. И вот этот совершенный человеческий образ — по вере Достоевского — отнюдь не идеалистический фантом, а живая реальность, исполненная не только душевных и духовных сил, но и настоящей земной плоти. Поверив в это, Достоевский тотчас же стал искать повсюду лучей этой солнечной красоты. Прежде всего, он заглянул поневоле в души пленников Мёртвого дома и с изумлением увидел и там, на дне этого ужасного колодца, тот же чудесный свет. Он вдруг понял, что эти его товарищи по каторге по природе своей такие же мужики Марей, как и тот Марей, который когда-то в детстве «спасал его от волка». Теперь ему хотелось всем рассказать об этом как можно яснее и толковее. Он тогда и начал с «Записок из Мёртвого дома». Это был его «ад», но ему предстояло ещё так же, как и его флорентийскому предтече, рассказать нечто важное о «чистилище» и, наконец, показать миру его лучезарный «рай», его «тысячелетнее царство»²⁹², соперничая с утопией Фурье и социалистическим обществом Чернышевского. Вот каким странным «социализмом» был тогда увлечён Достоевский. А в это время беспощадная и пошлая действительность толкала его в ту среду, которая вовсе не соответствовала его мировой утопии. Дабы не оказаться одному, как в пустыне, ему приходилось дружить с Аполлоном Майковым, со Страховым и, с другой стороны, не пугать до времени своей безумной утопией старых товарищей по кружку Белинского или по «пятницам» Петрашевского. В эти первые годы своего возвращения в «отчий дом» Достоевский извещал <нрзб.>²⁹³ душевные муки <нрзб.>²⁹⁴.

²⁹² Имеется в виду апокалипсическое обетование о 1000-летнем царстве христианских праведников на земле в конце земной истории (Откр. 20: 1–10).

²⁹³ В Мн РГБ: немалые

²⁹⁴ В Мн РГБ: так называемой «общественности»

Но, кроме этих <нрзб.>²⁹⁵ идейных и моральных мук, Достоевского посетили тогда и другие скорби. Этот «подвижник» каторги и её невольный аскет, испытавший после осторожных лет пламенную любовь к женщине, которая казалась ему «ангелом», теперь вдруг увидел себя опять одиноким. Страстная любовь оказалась миражем. Но если эта любовь угасала постепенно, зато не угасали самые страсти. Они кипели в душе Достоевского, и он, сознавая себя «смердным грешником», не мог, однако, освободиться от них никак. На этих путях ему предстояло ещё немало испытаний и увлечений.

Первым, но едва ли не самым поверхностным увлечением Достоевского в те годы была его симпатия к Александре Ивановне Шуберт²⁹⁶. В это время актриса Сашенька Куликова, носившая по сцене фамилию первого мужа Шуберт, была вторично замужем за старым приятелем Достоевского, Степаном Дмитриевичем Яновским. Это был тот самый доктор Яновский, который помнил ещё юного Достоевского в превосходном сюртуке, казимировом жилете и циммермановском цилиндре. Это был тот Яновский, который лечил Достоевского и ухаживал за ним, когда он, под впечатлением литературной травли, заболел нервно и едва не утратил окончательно душевного равновесия.

Александра Ивановна Шуберт была моложе Достоевского на шесть лет. Значит, когда они встретились в Петербурге, ей было тридцать три года. Она овдовела в 1854 году. Вскоре она познакомилась с Яновским и вышла за него замуж. Яновский в это время преуспевал по службе, получил генеральский чин и очень тяготился тем, что его жена не покидает сцены и поддерживает знакомство с артистами и литераторами. Среди её приятелей были Писемский, Дружинин, Майков, Гончаров, Плещеев и другие. Она была даровитая актриса, весёлая и добродушная женщина, быть может несколько легкомысленная, но всегда приятная собеседница. «Ф.М. Достоевский очень ко мне привязался, — пишет она в своих воспоминаниях. — Он всё жалел, что я играю только вздор, уговаривал взяться за серьёзные роли»²⁹⁷... У этой милой женщины не было, правда, никаких высоких идей, и она не смущала ни себя, ни своих близких ревнивыми и болезненными мечтами, как «фантастическая» Марья Дмитриевна, но,

²⁹⁵ В Мп РГБ: социальных.

²⁹⁶ Шуберт А.И. (1827-1909) — комедийная и водеvilная актриса, мемуаристка, жена друга Ф.М. Достоевского врача С.Д. Яновского.

²⁹⁷ Шуберт А.И. Моя жизнь / Предисл., ред. и примеч. А. Дермана. Л.: Academia, 1929. С. 201.

может быть, именно поэтому измученный своей семейной драмой Достоевский так охотно искал её общества. А в это время у неё были нелады с мужем, и Достоевский явно стал на её сторону. Когда она, вопреки желанию мужа, переехала в Москву и стала служить на московской казённой сцене, Достоевский поддерживал с нею переписку и даже был посредником между ею и Яновским.

Четырнадцатого марта 1860 года Достоевский писал Шуберт: «Помните ли, Александра Ивановна... как вы вечером, у брата, за ужином сказали, что у меня такое скучное и постное лицо? И как вы усмехались на моё лицо тогда. Вспоминаю это и так бы хотелось видеть вас, поговорить с вами, поцеловать у вас ручку»... «Если б у меня был хоть малейший талантишка написать комедию, хоть одноактную, я бы написал для вас. Хочу попробовать. Если удастся (решат другие), то поднесу её вам в знак моего глубочайшего уважения»²⁹⁸...

Вскоре после того как Александра Ивановна переехала в Москву, Достоевский выехал туда, а третьего мая, вернувшись в Петербург, писал ей: «Вот уже три дня как я в Петербурге и воротился к своим занятиям. Вся поездка в Москву представляется мне как сквозь сон»... «Воротился я сюда и нахожусь вполне в лихорадочном положении. Всему причиною мой роман. Хочу написать хорошо, чувствую, что в нём поэзия... Месяца три придётся теперь сидеть дни и ночи. Зато какая награда, когда кончу!»... «Может быть, в награду себе поеду за границу месяца на два, но перед этим непременно заеду в Москву. Как-то вас встречу тогда! Тогда уже вы обживётесь с Москвой, вполне установите ваше положение. Дай вам Бог всего лучшего. Мои желания самые искренние. Очень бы желал тоже заслужить вашу дружбу. Вы очень добры, вы умны, душа у вас симпатичная; дружба с вами хорошее дело. Да и характер ваш обаятелен: вы артистка; вы так мило иногда смеётесь над всем прозаическим, смешным, заносчивым, глупым, что мило становится вас слушать»²⁹⁹...³⁰⁰ Александра Ивановна доверила Достоевскому свои самые интимные тайны. Она не любит своего мужа. Она боится, что Степан Дмитриевич выйдет в отставку и переедет в Москву. Достоевский сообщает ей всё, что знает об её супруге, по-видимому, ей

²⁹⁸ Письма I. С. 292.

²⁹⁹ Письма I. С. 292–293.

³⁰⁰ *Далее было*: Спустя месяц Достоевский опять пишет Шуберт: «Милый и добрейший друг мой Александра Ивановна, с наслаждением прочёл я ваше письмо, тем более, что уже не думал более получать от вас писем. Но вы добры, как всегда, вспомнили обо мне. Так как, может быть, я буду в Москве в половине июля, то и думал, только что увижусь с вами лично и тогда наговорюсь лучше всяких писем» <Письма I. С. 294–295>...

сочувствуя. Яновский собирается переехать в Москву или потребовать от жены, чтобы она бросила сцену и вернулась в Петербург.

«Я спросил его с удивлением, — пишет Достоевский, — неужели же вы захотите взять из театра Александру Ивановну? — А что же, если надо будет, отвечал он. — Да ведь это значит, говорил я, отнять у человека свет, воздух, солнце, неужели вы на это решитесь? — Да что ж если надо будет, ведь живёт же Мичурина без театра: играть она может на домашних театрах, как и Мичурина. Тут я сказал, что это тиранство, и на месте вашем я бы мог его не послушаться. — А законы-то, отвечал он, закон ясен; она не может меня не послушаться. Я сказал ему тогда, что я не ожидал, что он, в таком деле, способен прибегнуть к законам»...³⁰¹ «Мне кажется, он тоже и ревнует немного, он может быть, думает, что я в вас влюблён. Увидя ваш портрет у него на столе, я посмотрел на него. Потом, когда я другой раз подошёл к столу, и искал спичку, он, говоря со мной, вдруг перевернул ваш портрет, так чтоб я его не видал. Мне показалось это ужасно смешно, жест был сделан с досадой. Я уверен, что мне это не показалось только, а действительно так было»³⁰²...

Шуберт просит Достоевского посоветовать ей, как быть, потому что он «сердцевед». — «Увижу ли я вас, моя дорогая? — пишет Достоевский. — В июле я буду наверно в Москве. Не удастся ли нам с вами поговорить по сердцу. Как я счастлив, что вы так благородно и нежно ко мне доверчивы; вот так друг! Я откровенно вам говорю: я вас люблю очень и горячо, до того, что сам вам сказал, что не влюблён в вас, потому что дорожил вашим правильным мнением и, боже мой, как горевал, когда мне показалось, что вы лишили меня вашей доверенности; винил себя. Вот мука-то была! Но вашим письмом вы всё рассеяли, добрая моя бесконечно. Дай вам Бог всякого счастья! Я так рад, что уверен в себе, что не влюблён в вас! Это мне даёт возможность быть ещё преданнее вам, не опасаясь за своё сердце. Я буду знать, что я предан бескорыстно. Прощайте, голубчик мой, с благоговением и верою целую вашу миленькую, шаловливую ручку и жму её от всего сердца»³⁰³...

³⁰¹ *Далее было:* «Одним словом он имеет на вас какие-то виды. Может быть, и ревнует, а может быть, и самолюбие играло большую роль в нашем разговоре. Он, кажется, совершенно уверен, что мы беспрерывно переписываемся, что вы живёте моими советами. Не знаю, что он говорил вам про меня во время вашего последнего с ним свидания, но вижу, что его самолюбие страдает. Ему досадно, что я верю больше вам, чем ему, и скорее слушаю вас, чем его»...

³⁰² Письма I. С. 296–297.

³⁰³ Там же. С. 298–299.

XXIX.

«Миленькая шаловливая ручка» актрисы Шуберт не отвлекла Достоевского от главного дела, которому он тогда посвятил себя безраздельно. Ему нужна была трибуна прежде всего. Ему нужно было во что бы то ни стало рассказать миру о тех идеях, которые он лелеял в уме и сердце почти десять лет на каторге и в ссылке. Это не были отвлечённые мысли кабинетного человека. Это были идеи-образы, которые жили своею таинственной жизнью.

Но Достоевский не принадлежал к числу тех осторожных и скупых художников, которые, оградив ум и совесть от всяких социальных требований, пишут полотна, наслаждаясь мастерством, тайно уверенные, что они «жрецы» и что потому будто бы они имеют право не слушать и не слышать, как свистит буря или гремит гроза. Всякие бури Достоевскому не были чужды. Он <нрзб.>³⁰⁴ готов был спорить с <нрзб.>³⁰⁵ людьми, которых он считал наивными, если только верил, что эти люди характерны для грозной эпохи и как-то выражают её страстные стремления. Гении простодушны. И в этом смысле был простодушен Достоевский, несмотря на всю тончайшую и беспощадную остроту своего огромного ума.

Достоевский не был высокомерен. Он даже худо сознавал, что ему предстоит занять в мировой культуре одно из первых мест. Если бы он это понимал, он бы отвернулся <нрзб.>³⁰⁶ от тогдашней журнальной суеты. Но он был расточителем и бросился в журнальное дело со страстью настоящего «пропагатора», как называли себя «петрашевцы». Только теперь у Достоевского была не та программа, какую сочинял когда-то его мефистофель Спешнев. Достоевскому казалась эта его новая программа убедительной и реальной. Он несколько не сомневался в том, что проповедует истину и что эта истина приложима к повседневности, но у него не было настоящих единомышленников, и чем дальше он уходил в развитии своих идей, тем пустынное становилось вокруг него. И вот при этих-то трудных условиях он решился основать с братом Михаилом свой журнал.

Итак, с января 1861 года стал выходить ежемесячно большой литературный и политический журнал братьев Достоевских «Время». Уже осенью 1860 года при главных газетах было разослано особое «объявление», написанное самим Достоевским. В этом «объявлении»

³⁰⁴ В *Мн РГБ*: не презирал даже умственной черни и

³⁰⁵ В *Мн РГБ*: наивнейшими

³⁰⁶ В *Мн РГБ*: брезгливо

была целая философия истории. «Мы живём в эпоху в высшей степени замечательную и критическую», — писал Достоевский. — Разрешение «великого крестьянского вопроса» это лишь часть «того огромного переворота, которому надлежит совершиться»... «Этот переворот есть слитие образованности и её представителей с началом народным»³⁰⁷...

В это время споры славянофилов и западников стали угасать, и Достоевский понимал, что дальнейшее развитие этого спора было бы бесплодно. «Мы говорим здесь, — писал он, — не о славянофилах и не о западниках. К их домашним раздорам наше время совершенно равнодушно. Мы говорим о примирении цивилизации с народным началом»... «Мы знаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, и предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа, в отдельных своих национальностях; что может быть всё враждебное в этих идеях найдёт своё примирение и дальнейшее развитие в русской народности. Недаром же мы говорили на всех языках, понимали все цивилизации, сочувствовали интересам каждого европейского народа, понимали смысл и разумность явлений, совершенно нам чуждых. Недаром заявили мы такую силу в самоосуждении, удивлявшем всех иностранцев»³⁰⁸...

Ревнителю нового направления, провозглашённого Достоевским, стали называть «почвенниками», потому что сотрудники «Времени» твердили о том, что интеллигенты оторвались от народной почвы и что надо вновь её обрести. Ближайшие участники журнала, Аполлон Григорьев³⁰⁹ и Н.Н. Страхов, не всегда и не во всём были согласны с братьями Достоевскими. Достоевскому приходилось править статьи даже самого Страхова. Этот писатель, скрывшись за псевдонимом К о с и ц ы, вёл полемику с «западниками» весьма запальчиво и не всегда тактично. Однако Достоевский крепко держал в руках редакторское кормило. И первые номера журнала были встречены сочувственно. «Современник» Некрасова, где теперь заседал литературный «Комитет общественного спасения», казнивший беспощадно

³⁰⁷ ПСХП. Т. 13. С. 497.

³⁰⁸ Там же. С. 499, 498

³⁰⁹ Григорьев А.А. (1822–1864) — литературный критик, поэт, переводчик; один из главных идеологов «почвенничества», ближайший сотрудник Ф.М. Достоевского по журналам «Время» и «Эпоха»; возможно, один из прототипов Дмитрия Карамазова.

всех писателей, уклонявшихся от «прогрессивного направления», приветствовал «Время» как своего союзника. Это приветствие привлекло к новому журналу внимание широких читательских кругов. Репутация Достоевского как «политического преступника» создавала ему популярность. Его «Записки из Мёртвого дома», печатавшиеся сначала в газете «Русский мир», а потом, с апреля 1861 года, во «Времени», поддерживали её. Его роман «Униженные и оскорблённые», который печатался также во «Времени» с первой же январской книжки, был весьма благосклонно принят читателями и критиками, и сам Добролюбов признал его, несмотря на ряд оговорок, лучшим произведением современности. Подписка шла превосходно. Казалось бы, журналу ничто не угрожает. Но за видимым благополучием таилась катастрофа.

Кажется, сам Достоевский её не ожидал. Он страстно отдался работе, нисколько не щадя своих сил. Обычно работал он по ночам, когда весь дом укладывался спать. Ему ставили самовар, и он писал, попивая³¹⁰ чай. Он работал до пяти-шести часов утра. Вставал, конечно, поздно — в два, в три часа; весь день уходил на приём посетителей, на прогулки по городу и, главное, на работу в редакции, которая помещалась в квартире Михаила Михайловича на Малой Мещанской, в угольном доме, выходившем на Екатерининский канал. Сам Достоевский поселился на Средней Мещанской. Летом 1861 года ближайший сотрудник «Времени» Страхов переехал в этот же квартал, на Большую Мещанскую, в дом против Столярного переулка. Другой близкий сотрудник журнала, Аполлон Григорьев, жил также недалеко от редакции на Вознесенском проспекте, в меблированных комнатах, где уютилась молодая компания его почитателей и собутыльников. Достоевский хорошо изучил этот лабиринт густонаселённых, грязноватых и мрачных улиц. На Вознесенском проспекте приснились ему будущие герои его романов. Тут недалеко, на Вознесенском мосту, Иван Петрович встретил Нелли...

Нередко перед самыми сумерками, проходя по Вознесенскому проспекту, Достоевский смотрел на последние лучи петербургского солнца. Он любил закат, когда вся улица вдруг блеснёт, облитая ярким светом. «Все дома как будто вдруг засверкают. Серые, жёлтые и грязно-зелёные цвета их потеряют на миг всю свою угрюмость; как будто на душе прояснеет, как будто вздрогнешь или кто-то подтолкнёт тебя локтем. Новый взгляд, новые мысли... Удивительно, что

³¹⁰ *Далее было:* не очень крепкий и почти холодный

может сделать один луч солнца с душой человека!»³¹¹

Но последние солнечные лучи гасли. В магазинах и ресторанах зажигали газ. Достоевский заходил в кафе, просматривал «Indépendance Belge»³¹² или прислушивался к разговорам посетителей. Тут ему мерещились таинственные старики, у коих он читал в сердцах удивительные воспоминания о странном прошлом; мерещились униженные и оскорблённые; мерещился, наконец, какой-то Иван Петрович, почти двойник писателя, влюблённый в изменившую ему и замученную иною любовью девушку...

Он выходил из кафе в волшебном тумане образов и видений. Перед ним открывалась перспектива улицы, освещённой слабо мерцающими в серой мгле фонарями; он смотрел, как на что-то неожиданное и фантастичное, на эти громады грязных петербургских домов, на сверкающие <нрзб.> от сырости плиты тротуаров, на угрюмых, сердитых и промокших прохожих, на всю эту картину, которую обхватывал чёрный, как будто залитый тушью, купол петербургского неба. Он выходил на площадь. Перед ним во мраке вставал Медный всадник, освещённый снизу газовыми рожками, и ещё далее подымалась тёмная огромная масса Исакия³¹³, неясно отделявшаяся от мрачного колорита неба.

Достоевский обдумывал свою повесть. «Мрачная это была история, одна из этих мрачных и мучительных историй, которые так часто и неприметно, почти таинственно, сбываются под тяжёлым петербургским небом, в тёмных, потаённых закоулках огромного города, среди взбалмошного кипения жизни, тупого эгоизма, сталкивающихся интересов, угрюмого разврата, сокровенных преступлений, среди всего этого кромешного ада бессмысленной и ненормальной жизни»³¹⁴...

Впервые в этой повести появился у Достоевского образ демонического человека — образ Петра Александровича Валковского; впервые среди мечтателей и простецов появился этот недобрый человек, который заявил цинично, что «нравственность в сущности тот же комфорт, то есть изобретена единственно для комфорта»; он объяснил мечтателю, что если б «каждый из нас описал всю свою подноготную,

³¹¹ ПСХП. Т. 3. С. 5 («Униженные и оскорблённые»).

³¹² «Бельгийская независимость» (фр.).

³¹³ Имеется в виду Исаакиевский собор (собор преп. Исаакия Далматского) — крупнейший православный храм Петербурга, построенный в 1818–1858 гг., расположенный в самом центре города, недалеко от Сенатской площади.

³¹⁴ ПСХП. Т. 3. С. 145 («Униженные и оскорблённые»).

но так, чтобы не побоялся изменить не только то, что он боится сказать и ни за что не скажет людям, не только то, что он боится сказать своим лучшим друзьям, но даже и то, в чём он боится подчас признаться самому себе, — то ведь на свете поднялся <нрзб.> бы тогда такой смрад, что нам бы всем надо было задохнуться»... Этот лукавый человек заявил мечтателю: «Я наверно знаю, что в основании всех человеческих добродетелей лежит глубочайший эгоизм. И чем добродетельней дело, — тем более тут эгоизма. Люби самого себя, — вот одно правило, которое я признаю»³¹⁵...

XXX.

На смену мечтательного социализма сороковых годов, на смену гениального сумасброда Фурье и сентиментальной коммунистке Жорж Санд появились новые идеи и новые люди. Десять лет Достоевский был в разлуке с умственным центром эпохи. Он вернулся в столицу, воодушевлённый новыми убеждениями, сложившимися у него на каторге самостоятельно, независимо от веяний тогдашней литературы. Однако выступая с проповедью на страницах собственного журнала, Достоевский не хотел дразнить и пугать своих товарищей и читателей решительным отречением от той утопии, за которую он пошёл на каторгу и которую теперь современники объявили чем-то весьма близким и несомненным. Петрашевцы были фурьеристами. Чернышевский был тоже фурьерист. Но те были мечтателями, а современный «пропагатор» считал себя реалистом, а разрушение старого порядка полагал обязательным «общим делом». Добролюбов так же, как и Чернышевский, относился иронически к мечтательству сороковых годов. Но реальная жизнь была всё ещё в русле прежних политических условий, хотя наступила эпоха гласности и обличительства, и настоящего простора для борьбы всё ещё не было. Поэтому иные типичные публицисты и политики,³¹⁶ за неимением настоящей трибуны, выступали как критики³¹⁷. Путаница в умах была немалая. Молодые литераторы³¹⁸ ниспровергали «авторитеты» и разрушали «эстетику» с торопливой запальчивостью журналистов.

³¹⁵ Там же. С. 212, 216.

³¹⁶ *Было*: поневоле занялись не своим делом и

³¹⁷ *Было*: , а иногда рисковали даже печатать свои беллетристические произведения

³¹⁸ *Было*: то открывали «америки», то

Достоевский за десять лет своего невольного подвижничества и молчаливой аскезы успел скопить достаточно внутренних сил, чтобы противопоставить их соблазну тогдашних идей. И он не хотел прятаться в башню мага и мудреца и бежать прочь от мятущейся, расстрепанной и духовно голодной молодёжи. С изумительной щедростью он отдал литературе все свои способности. Подумать только, что за один 1861 год он успел напечатать в своём журнале роман «Униженные и оскорблённые», «Записки из Мёртвого дома» и целый ряд критических и философско-публицистических статей!

Какие же это были статьи? Что тогда проповедывал Достоевский? С кем полемизировал? За что боролся? Это были статьи о русской литературе, фельетон «Петербургские сновидения» и несколько полемических статей, направленных против «Русского вестника» и аксаковского «Дня».

Свою первую статью о литературе Достоевский назвал «Введением». Это действительно было в в е д е н и е не только к ряду литературных очерков, но и к тому мироотношению, которое он намеревался отстаивать и проповедывать. Все те идеи, какие впоследствии развивал Достоевский, были уже намечены здесь довольно явственно: что такое Россия? Что такое русская культура? В чём её своеобразии? Оказывается, «русская нация — необыкновенное явление в истории всего человечества»³¹⁹. Европейские народы озабочены каждый своей особой национальной идеей. Отсюда обособленность западных народов, их жестокое соперничество и грубое непонимание всемирных целей и задач. Особенность русского народа в том, что по самой природе своего характера он отзывчив и чуток к многообразию национальных культур. Русский человек всё понимает, всё ценит, всё любит. Его национальный гений преодолевает свою национальную исключительность. Но его трагедия в том, что полтора столетия назад произошёл разрыв между образованными классами и многомиллионной массой крестьянства. Культурное единство должно быть восстановлено. Славянофилы думали, что надо начинать историю сызнова, с допетровских времён, а он, Достоевский, думает, что возврат к старому вовсе не нужен. Надо только нашим образованным верхам признать свою односторонность, отречься от высокомерного отношения к народному духу, к народным исканиям общечеловеческой правды. Тот образ совершенного человека, в который уверовал Достоевский на каторге, искони был народным достоянием.

³¹⁹ ПСХП. Т. 13. С. 45.

Лермонтов сравнивал Россию с Ильёй Муромцем, который тридцать лет сидел сиднем и вдруг пошёл, только лишь сознал в себе богатырскую силу. Наша сила в признании всемирного всечеловеческого идеала. Этот идеал не отвлечённое начало, а сама живая реальная истина. В поэзии Пушкина Достоевский видит подтверждение своей мысли. «Мы поняли в нём, что русский идеал — всецелость, всепримиримость, всечеловечность. В явлении Пушкина уясняется нам даже будущая наша деятельность. Дух русский, мысль русская выражались и не в одном Пушкине, но только в нём они явились нам во всей полноте, явились как факт, законченный и целый»³²⁰.

В это время «властителем дум» нашей молодёжи был Добролюбов. И Достоевский посвятил ему знаменательную статью «Г.–бов и вопрос об искусстве». Это эстетическое credo Достоевского. В журналах шёл спор о том, как надо понимать искусство. Сторонники «искусства для искусства» спорили с Добролюбовым и прочими «теоретиками» полезного искусства, нужного для «общего дела». Достоевский заявляет, что он остаётся при особом мнении. Ни одного из существующих направлений он не разделяет. «Вопрос в настоящую минуту ложно поставлен». В самом деле, сторонники «искусства для искусства», хотя и справедливо защищают ту идею, что «искусство служит само себе целью и в самой сущности своей должно находить себе оправдание»³²¹, однако они забывают, что не человек для искусства, а искусство для человека, а потому едва ли художник имеет право замыкаться в своей эгоистической исключительности. «Положим, что мы переносимся в восемнадцатое столетие, именно в день лиссабонского землетрясения. Половина жителей в Лиссабоне погибает; дома разваливаются и проваливаются... «Жители толкаются по улицам в отчаянии, поражённые, обезумевшие от ужаса»... «На другой день утром выходит номер лиссабонского “Меркурия”»... «И вдруг — на самом видном месте листа бросается всем в глаза что-нибудь вроде следующего»:

Шёпот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья...

«Не знаю наверно, — пишет Достоевский, — как приняли бы свой “Меркурий” лиссабонцы, но мне кажется, они тут же казнили

³²⁰ Там же. С. 61.

³²¹ Там же. С. 65.

бы всенародно, на площади, своего знаменитого поэта, и вовсе не за то, что он написал стихотворение без глагола, а потому что вместо трелей соловья накануне слышались под землёй такие трели, а колыханье ручья появилось в минуту такого колыханья целого города, что у бедных лиссабонцев не осталось охоты наблюдать “в дымных тучках пурпур розы” и т.п. Но что ж из этого следует? Стихотворение всё-таки превосходно. И лиссабонцы, казнившие поэта, когда минует катастрофа, оценят прекрасное и поставят своему поэту памятник. Поэт потерпел за глупую несвоевременность своего выступления, но сама поэзия — осталась поэзией, и чудесное стихотворение принесло пользу, возбуждая в лиссабонцах эстетический восторг и возвышая их души. Утилитаристы требуют от искусства прямой, немедленной, непосредственной пользы. Это ошибка. Такая торопливость не свойственна ни поэзии, ни поэтам. Да и как и чем измерить пользу поэзии? Как, например, измерить пользу, принесённую людям созданием “Илиады” или Аполлона Бельведерского? Какую пользу принёс Аполлон? Но мрамор сей ведь бог, и вы, сколько не плюйте на него, никогда не отнимете у него его божественности. Пробовали отнять, да ничего не вышло»³²².

«Нам скажут, что мы это всё выдумали, что утилитаристы никогда не шли против художественности». Нет, именно так. Их больше всего беспокоит эта свобода поэзии, это несогласие поэта подчинить себя ближайшим утилитарным целям. «Они, например, ненавидят Пушкина»... «Даже самое появление Пушкина в нашей литературе они считают как будто чем-то незаконным. Мы вовсе не преувеличиваем. Всё это почти ясно выражено г. —бовым в некоторых критических статьях его прошлого года»³²³... Несмотря на это <нрзб.>³²⁴ непонимание великого поэта, в деятельности г. —бова есть нечто хорошее. «В его таланте есть сила, происходящая от убеждения. Г. —бов не столько критик, сколько публицист. Основное начало убеждений его справедливо»³²⁵... Это хорошо. «Но писать в “С о в р е м е н н и к е” указы, но требовать, но предписывать — пиши, дескать, вот непременно об этом, а не об этом — и ошибочно и бесполезно»³²⁶...

³²² Там же. С. 67–70.

³²³ ПСХП. Т. 13. С. 71–72.

³²⁴ В Мп РГБ: грубое

³²⁵ ПСХП. Т. 13. С. 73.

³²⁶ Там же. С. 92.

А вот настоящая красота всегда полезна, потому что она красота, потому что в человечестве никогда не угасает потребность её. Никто не может навязывать поэту то или другое понимание полезного... «Быть деспотом непозволительно»³²⁷ ...

Итак, в теорию «искусства для искусства» Достоевский внёс существенные поправки, и «лиссабонцы», обидевшиеся на влюблённого поэта, могли бы, кажется, примириться с эстетикой Достоевского. Но этого не случилось, как мы увидим из дальнейшего изложения событий. А между тем весь 1861-й год Достоевский старался как можно осторожнее, миролюбивее и спокойнее отстаивать свою идейную позицию. С «Русским вестником» и аксаковским «Днём» он вёл полемику более решительную, чем с «Современником». Ему не хотелось связывать свою судьбу ни с консервативным западничеством Каткова, ни с умеренным либеральным славянофильством Аксакова³²⁸. В статье «Книжность и грамотность» он выясняет, между прочим, своё отношение к реформе Петра. «Велик был тот момент русской жизни, когда великая, вполне русская воля Петра решилась разорвать оковы, слишком туго сдавившие наше развитие. В деле Петра (мы уж об этом теперь не спорим) было много истины. Сознательно ли он угадывал общечеловеческое назначение русского племени, или бессознательно шёл вперёд, по одному чувству, стремившему его, но дело в том, что шёл он верно. А между тем форма его деятельности, по чрезвычайной резкости своей, может быть, была ошибочна» ...

Достоевскому не хотелось повторять славянофильские мысли о Западе и о положительных началах допетровской Руси. В 1863 году он писал в статье «Два лагеря теоретиков»: «Допетровская Русь и московский период только видимостью своею могут привлекать наше к себе внимание и сочувствие. А если повнимательнее взглядеться в эту, по-видимому, чудную картину, в отдалении рисующуюся нашему воображению, мы найдём, что не всё то золото в ней, что блестит»³²⁹ ... В допетровской Руси было немало фальши и лжи... Ложь в общественных отношениях, основанная на рабстве; ложь в религиозности, под которой таилась апатия и ханжество; ложь в семейных отношениях, унижавших женщину... И ранее Достоевский, отдавая должное честности и правдивости Аксакова, осуждал его, однако, сурово за вы-

³²⁷ Там же. С. 95.

³²⁸ Аксаков И.С. (1823–1886) — публицист, поэт, журналист, издатель, сын писателя С.Т. Аксакова, один из главных идеологов славянофильства; в 1860-е гг. редактор г. «День», с которой Ф.М. Достоевский полемизировал на страницах «Времени».

³²⁹ Там же. С. 242.

сокомерное отношение к современности и к увлечениям молодёжи западными идеями.

Достоевскому казалось, что «нигилизм» «Современника» нечто преходящее, а суть дела в неутолённой жажде социальной справедливости. Достоевский в 1861 году всё ещё чувствовал себя социалистом. Ему казалось, что можно как-то переубедить товарищей, доказать им, что борьба за социальную гармонию вовсе не нуждается в философии «нигилизма». Ему казалось, что нельзя построить общество на справедливых основаниях, забыв о том образе <нрзб.>³³⁰ совершенного человека, в который он поверил пламенно там, на карте.

Но не все сотрудники «Времени» сочувствовали Достоевскому. Н.Н. Страхов с высокомерием эрудита негодовал на философскую малограмотность «нигилистов». Его приват-доцентский ум был слишком ограничен, чтобы увидеть кое-что иное, более значительное,³³¹ в проповеди тогдашних радикалов. Другой помехой на путях сближения с западниками был Аполлон Григорьев. Этот страстный поэт и ревнитель национального романтизма был слишком прямолинеен, чтобы терпеть надругательство над своими кумирами. Он даже, выступив в нескольких книжках «Времени» с критическими статьями, уехал внезапно в Оренбург, в негодовании на «компромиссы» братьев Достоевских. Они, по его мнению, были слишком терпимы и снисходительны к бесстыдникам-нигилистам.

Достоевскому поневоле приходилось самому писать и критические статьи, и публицистические очерки, и полемические фельетоны. И в то время, когда у него в душе слагались огромные повествовательные планы, когда у него созрела его основная идея о п р а в д а н и я ч е л о в е к а, он расточал свои силы на журнальную борьбу <нрзб.>³³², на поверхностную злобу дня и литературные мелочи.

Хотя в 1861 и 1863 годах сам Достоевский воздерживался вести, по существу, открытую борьбу с «нигилизмом», однако уже и в эти годы у него время от времени звучит ирония по адресу сотрудников «Современника» и, главным образом, «Искры». Иронизирует он, прежде всего, над манией «обличительства».³³³ Одним из таких выступлений Достоевского против увлечения «обличителей» была

³³⁰ В Мп РГБ: современного

³³¹ Было: чем идейная неряшливость, в проповеди Добролюбова и Чернышевского.

³³² В Мп РГБ: с ничтожными противниками

³³³ Далее было: Тогдашняя «обличительная» литература в самом деле давала иногда благодарный материал для сарказма. Самым характерным

<нрзб.>³³⁴ карикатура на сотрудника «Головешки», то есть «Искры», в рассказе «Скверный анекдот», напечатанном в ноябрьской книжке «Времени» за 1862 год. «Обличитель» Пселдонимов, развязный молодой человек, весьма гордый своей привилегией сотрудника сатирического журнала, начинает собою целый ряд злых литературных карикатур, созданных Достоевским впоследствии и нашедших себе место в его больших романах.

XXXI.

В 1861 году случилась студенческая история. Молодёжь была недовольна попыткою начальства ограничить их права. После большой общей сходки студентов арестовали и посадили до разбора дела в Петропавловскую крепость. Редакция «Времени», по примеру прочих либеральных изданий, поспешила поддержать дух арестованных передачей в крепость яств и напитков. Братья Достоевские послали молодым людям вина и огромный ростбиф. После закрытия университета устроены были публичные лекции в Городской думе. Но и этот вольный университет недолго просуществовал. Поводом для закрытия нового университета послужил литературный вечер, устроенный студентами 2 марта 1862 года в зале Руадзе. На этот вечер в качестве исполнителей были приглашены профессора и писатели, которые почитались молодёжью «передовыми». В числе оных был и Достоевский. Его чествовали как автора «Записок из Мёртвого дома». Выступления иных участников вечера показались опасными. И правительство признало всю затею прямой манифестацией.

Время действительно было тревожное. Разбрасывались повсюду прокламации с призывом «залить улицы кровью и не оставить камня на камне». Однажды утром Достоевский нашёл у дверей своей квартиры, на ручке замка, одну из таких прокламаций. Она показалась ему зловещей. Она ошеломила его своею откровенностью. Этот каторжанин, этот «политический преступник», был в ужасе от кровавого призрака, витавшего над Петербургом. Перед вечером, часов в пять пополудни, он решил пойти к Чернышевскому, тогдашнему авторитету в глазах радикальной молодёжи.

«Я застал Николая Гавриловича совсем одного, даже из прислуги никого дома не было, и он отворил мне сам, — рассказывал впоследст-

³³⁴ В Мп РГБ: злая

вии Достоевский об этом своём свидании: — Он встретил меня чрезвычайно радушно и привёл к себе в кабинет»³³⁵...

Н.Г. Чернышевскому легко было убедить Достоевского, что кровавые прокламации, призывающие к поджогам и убийствам, разбрасывались без его ведома. Однако жандармы были другого мнения. Седьмого июля 1862 года Чернышевский был арестован. Журнал «Современник» был приостановлен на восемь месяцев. Это со стороны правительства была медвежья услуга «Времени», в котором Косица (Н.Н. Страхов) вёл настойчивую борьбу с нигилизмом. Полемику пришлось прекратить, и вмешательство правительства в идейную борьбу весьма способствовало распространению как раз той самой нигилистической пропаганды, которая вызывала панику. Арест Чернышевского возбудил толки и сплетни. Подозревали предательство. Некрасов дал свои стихи в журнал «Время», но после распространившихся слухов просил Достоевского отложить их печатание. «Теперь мне неудобно появиться с моим именем в чужом журнале, — писал он ему. — Про меня здесь распустили слухи, что я отступился от прежних сотрудников, набираю новых, изменяю направление журнала, всё это завершается прибавлением, что я п р е д а л Чернышевского»³³⁶... Отвечая ему, Достоевский писал с некоторым раздражением: «Почему участие в нашем журнале могло бы вас компрометировать и утвердить такие, например, слухи, что вы предали Чернышевского? Разве наш журнал ретроградный? Уж кажется нет даже и для врагов наших»³³⁷... Правительство и это недоразумение разрешило очень просто: весной следующего года «Время» было закрыто — и даже не на восемь месяцев, как «Современник», — а навсегда, окончательно. Но Достоевский не предчувствовал тогда опасности, грозившей журналу.

Однажды Достоевский вместе со Страховым отправился на загородное гулянье — в надежде отдохнуть и развлечься. Но прогулка не удалась. Издали, с парохода, видны были клубы дыма, в трёх или четырёх местах подымавшиеся над Петербургом. <Нрзб.>³³⁸. Достоевский и Страхов приехали в какой-то сад, где играла музыка и пели цыгане. Но из развлечения ничего не вышло. Над городом стояло зарево, напоминая о событиях. В поджогах никто не сомневался, но кто были эти поджигатели — так и осталось неизвестным до сего дня.

³³⁵ ПСХП. Т. 11. С. 24 («Дневник писателя. 1873. Нечто личное»).

³³⁶ Некрасов Н.А. Т. 14. Кн. 2. С. 178 (Письмо Ф.М. Достоевскому от 3 нояб. 1862 г.).

³³⁷ Письма I. С. 312–313 (Письмо Н.А. Некрасову от 3 нояб. 1862 г.).

³³⁸ В Мп РГБ: Это был дым тогдашнего террора

XXXII.

«Сколько раз мечтал я, с самого детства, побывать в Италии, — писал Достоевский поэту Я.П. Полонскому³³⁹ в 1861 году. — В Италию, в Италию! а вместо Италии попал в Семипалатинск, а прежде того в Мёртвый дом. Неужели ж теперь не удастся поездить по Европе, когда ещё осталось и сил, и жару, и поэзии. Неужели придётся ехать лет через десять согреть старые кости от ревматизма и жарить свою лысую и плешивую голову на полуденном солнце. Неужели так и умереть, не выдав ничего!»³⁴⁰ ... Эта его страстная «тоска по чужбине» была удовлетворена в первых числах июня 1862 года: Достоевский уехал за границу. Он покидал Петербург до осени не без тревоги. Кровавые прокламации, зловещие пожары, закрытие «Современника», арест Чернышевского — всё свидетельствовало о неблагополучии и ущербе. Образованные русские люди чувствовали себя между молотом и наковальней. Но что делалось там, на Западе? Как там разрешились социальные противоречия? Да и было ли это разрешение, или западные люди очутились в тупике, как и мы?

Накануне отъезда Достоевский написал младшему брату Андрею: «...Здоровье моё до того расстроилось, что теперь (именно завтра) уезжаю за границу до сентября лечиться. У меня падучая»... «Еду я один. Жена моя остаётся в Петербурге» ... Уезжая, Достоевский намеревался посетить Берлин, Дрезден, Кёльн, Париж, Лондон, Женеву, Геную, Флоренцию, Милан, Венецию, Вену... И всё в два с половиною месяца! Какое уж тут лечение! Нет, не о здоровье своём думал в это время Достоевский. Он вырвался за границу сорока лет от роду. Ему надо было во что бы то ни стало «всё осмотреть, непременно всё, несмотря на срок». Хладнокровно выбирать маршрут он был не в состоянии. Ему хотелось в эту первую поездку посмотреть хотя бы на «общую панораму» Европы. Он мечтал о том, как он увидит «страну святых чудес», эту обетованную землю, «с птичьего полёта», в перспективе... Но как раз никакой «панорамы» Достоевский не увидел. Зато он заглянул в самое сердце тогдашней Европы, несколько не считаясь ни с исторической, ни с эстетической «перспективой». Он был пристрастен и даже капризен в своих оценках европейского общества, но зато он не ошибался в главном. Его неприязнь к западной

³³⁹ Полонский Я.П. (1819–1898) — поэт, прозаик, активный участник журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха»; с Ф.М. Достоевским его связывали дружеские отношения.

³⁴⁰ Письма I. С. 302 (Письмо Я.П. Полонскому от 31 июля 1861 г.).

буржуазии выросла теперь в пламенный³⁴¹ гнев.

Берлин, Дрезден и Кёльн произвели на Достоевского «кислое» впечатление. Он³⁴² торопливо их осматривал, стремясь нетерпеливо в центр западной цивилизации, Париж. В Эркелине, где была пограничная таможня, в вагон вошли четверо молодцов без багажа, в лёгоньких сюртуках, ярких галстуках и грязном белье. У всех были казённые французские бородки. Держали они себя молодцевато, с каким-то шиком. Достоевский удивился, что его спутник-швейцарец, который был словоохотлив и любезен, вдруг прекратил беседу и погрузился в пристальное изучение гида. На ближайшей станции молодцы с яркими галстуками покинули вагон. Швейцарец мигом захлопнул гид, отложил его в сторону и с довольным видом посмотрел на Достоевского, желая, по всем признакам, продолжать разговор.

— Эти господа недолго посидели, — заметил Достоевский, чтобы возобновить как-нибудь беседу.

— Да ведь они только на одну станцию и сажались... Ведь это полицейские...

— Как полицейские? Неужели шпионы?

— Ну да. Для нас и сажались... Теперь они нас изучили в подробностях: лицо, костюмы, саквояжи... Вы в Париже могли бы потеряться, имя переменить (т.е. если вы подозрительный). Ну, так эти мелочи могут способствовать розыску. Всё это телеграфируется в Париж.

Достоевский убедился впоследствии, что швейцарец был прав. Полиция и шпионаж Наполеона III-го были хоть куда. В парижских отелях Достоевского изучали столь подробно, что он чувствовал себя под сугубым присмотром. Во всём строжайшая регламентация — не внешняя, а внутренняя. Это уже не правительство, а сама буржуазия взяла на себя добровольно обязанность по части сыска и надзора. Все друг за другом наблюдают. Но кто он такой, этот тогдашний буржуа? Отчего он куда-то прибрал всех бедных и уверяет, что их совсем нет? Отчего он довольствуется казённой литературой? Отчего ему ужасно хочется уверить себя, что его журналы неподкупны? Отчего он соглашается давать столько денег на шпионов? Отчего ему мерещится, что «эпузы»³⁴³ все до единой верны до последней крайности? Почему он так уверен, что *pot-au-feu*³⁴⁴ варится на добродетельнейшем огне? А между тем для кого-то существует множество домов свиданий и

³⁴¹ *Далее было:* и праведный

³⁴² *Далее было:* слишком

³⁴³ от фр. «*épouse*» — супруга

³⁴⁴ *потофё, горшочек с мясом (фр.).*

по улицам то и дело проезжают фиакры с опущенными шторами. Но потребность добродетели в Париже неугасима. Теперь француз серьёзен, солиден и даже часто умиляется сердцем, так это даже непонятно, почему до сих пор он чего-то трусит, трусит, несмотря даже на всю *gloire militaire*³⁴⁵, за которую Jacques Bonhomme³⁴⁶ так дорого платит. «Парижанин ужасно любит торговать, но, кажется, и торгуя и облупливая вас, как липку, в своём магазине, он облупливает не просто для барышей, как бывало прежде, а из добродетели, из какой-то священной необходимости. Накопить фортуны и иметь как можно больше вещей, это обратилось в самый главный кодекс нравственности, в катехизм парижанина»... «Прежде хоть что-нибудь признавалось кроме денег, так что человек и без денег, но с другими качествами, мог рассчитывать хоть на какое-нибудь уважение; ну, а теперь ни-ни»... «Станный человек этот буржуа: провозглашает прямо, что деньги есть высочайшая добродетель и обязанность человеческая, а между тем ужасно любит поиграть и в высшее благородство»^{347, 348}

«Воровать гадко, подло, — за это на галеры; буржуа многое готов простить, но не простит воровство, хотя бы вы или дети ваши умирали с голоду. Но если вы украдёте из добродетели, о, вам тогда совершенно всё прощается. Вы, стало быть, хотите *faire fortune*³⁴⁹ и накопить много вещей, т.е. исполнить долг природы и человечества. Вот почему в кодексе совершенно ясно обозначены пункты воровства из низкой цели, т.е. из-за какого-нибудь куска хлеба, и воровство из высокой добродетели. Последнее в высшей степени обеспечено, поощряется и необыкновенно прочно организовано»³⁵⁰...

Но почему же буржуа до сих пор как будто чего-то трусит, как будто не в своей тарелке? Кого же бояться? Крестьян? Но ведь французские крестьяне архисобственники, самые тупые собственники, т.е. самый лучший и самый полный идеал собственника, какой только можно себе представить. Работников? Но ведь не все работники

³⁴⁵ воинскую славу (*фр.*).

³⁴⁶ Жак-простак (*фр.*). Собрательный образ французского крестьянина.

³⁴⁷ ПСХП. Т. 4. С. 82–83 («Зимние заметки о летних впечатлениях»).

³⁴⁸ *Далее было:* «Все французы имеют удивительно благородный вид. У самого подлого французика, который за четвертак продаёт вам родного отца, да ещё сам, без спросу, прибавит вам чего-нибудь впридачу, в то же время, даже в ту самую минуту, как он вам продаёт своего отца, такая внушительная осанка, что на вас даже нападает недоумение»...

³⁴⁹ разбогатеть, составить себе состояние (*фр.*).

³⁵⁰ ПСХП. Т. 4. С. 84 («Зимние заметки о летних впечатлениях»).

опасны: иные в душе точно такие же буржуа, как и рантье... Тогда кого же? Коммунистов? Социалистов? Вот их-то, пожалуй, буржуа и боится до сих пор, хотя и чванится недавно над ними победою... А между тем предсказание Сийеса³⁵¹ сбылось: буржуазия — это все. Только это предсказание и сбылось. Всё прочее лопнуло, как мыльный пузырь. «В самом деле: провозгласили вскоре после него: *liberté, égalité, fraternité*»³⁵². Очень хорошо-с. Что такое *liberté*? Свобода. Какая свобода? — Одинаковая свобода всем делать всё, что угодно, в пределах закона. Когда можно делать всё, что угодно? Когда имеешь миллион. Даёт ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает всё, что угодно, а тот, с которым делают всё, что угодно. Что ж из этого следует? А следует то, что кроме свободы есть ещё равенство, и именно равенство перед законом. Про это равенство перед законом можно только одно сказать, что в том виде, в каком оно теперь прилагается, каждый француз может и должен принять его за личную для себя обиду. Что ж остаётся из формулы? братство. Ну, эта статья самая курьёзная и, надо признаться, до сих пор составляет главный камень преткновения на Западе»³⁵³... Откуда взять братство, если его нет? Откуда его ждать, когда западный человек живёт сам по себе, особняком, и воображает, что тем самым утверждает свою личность? А что если по-настоящему личность утверждает себя только тогда, когда она жертвует собою? Ну, это уж, разумеется, отнюдь не западное решение вопроса. <Нрзб.>³⁵⁴ устроят социалисты. Можно ведь устроить братство и без любви, а просто на разумных основаниях. «Но тут опять выходит загадка: кажется, уж совершенно гарантируют человека, обещаются кормить, поить его, работу ему доставить, и за это требуют с него только самую капельку его личной свободы для общего блага, самую, самую капельку. Нет, не хочет жить человек и на этих расчётах, ему и капелька тяжела. Ему всё кажется сдуру, что это острог и самому по себе лучше, потому — полная воля. И ведь на воле бьют его, работы ему не дают, умирает он с голоду и воли у него нет никакой, так нет же, всё-таки кажется чудачку, что своя воля лучше. Разумеется, социалисту приходится плюнуть и сказать ему,

³⁵¹ Сийес, Эммануэль-Жозеф, аббат (1748–1836) — французский политический деятель, отстаивавший интересы третьего сословия, конституцию, демократические свободы и права человека.

³⁵² свобода, равенство, братство (*фр.*).

³⁵³ ПСХП. Т. 4. С. 85 («Зимние заметки о летних впечатлениях»).

³⁵⁴ В *Мп РГБ*: Но зачем жертва? Если буржуазия не сумела устроить братство, его

что он дурак, не дорос, не созрел и не понимает своей собственной выгоды»³⁵⁵...

С кем же сам Достоевский? Буржуа ему не нравятся; социалисты — по его мнению — тоже не наладят братства... А между тем он требует социальной справедливости и не мирится ни с какими компромиссами. Тут уж, конечно, начинается «для иудеев соблазн, а для эллинов безумие»: Достоевский говорит какими-то загадками... «Любите друг друга, и всё сие вам приложится... Эка ведь в самом деле утопия, господа! Всё основано на чувстве, на натуре, а не на разуме. Ведь это даже как будто унижение для разума. Как вы думаете? Утопия это или нет?»³⁵⁶

Из Парижа Достоевский поехал в Лондон и пробыл там неделю, а потом опять вернулся в Париж. Там, в Лондоне, у него было свидание с Герценом. Это свидание с эмигрантом было небезопасно для Достоевского, бывшего «политического преступника», каторжанина, амнистированного правительством в виду его «монархизма», о коем он сам заявлял в своих ходатайствах. Правда, этот «монархист», едва только получил доступ в столицу, немедленно стал печатать свою страшную повесть о царской каторге, социальный роман об униженных и оскорблённых, полемические статьи против консерваторов и даже против либеральных славянофилов, а теперь вдруг ищет свидания с вдохновителем надвигающейся революции. У «монархиста» Достоевского и у республиканца Герцена нашёлся, по-видимому, общий язык: они встретились и расстались без вражды. В это время Достоевский был под впечатлением ненавистной ему торжествующей буржуазии, и Герцену были по душе иеремиады его неожиданного гостя. Им не пришлось, очевидно, быть откровенными до конца, и будущие их разногласия остались пока в тайниках их сердец.

Лондон поразил воображение Достоевского. Его изумил и устранил этот день и ночь суетящийся и необъятный, как море, город; визг и вой машин; эти чугузки, проложенные поверх домов; эта смелость предприимчивости; этот кажущийся беспорядок, который, в сущности, есть буржуазный порядок в высочайшей степени; эта отравленная Темза; этот воздух, пропитанный каменным углём; эти великолепные скверы и парки; эти страшные углы города, как Вайтchapель, с его полуголым, диким и голодным населением; Сити со своими миллионами и всемирной торговлей и, наконец, этот кристальный дворец, всемирная выставка... Достоевский почувствовал страшную

³⁵⁵ ПСХП. Т. 4. С. 88 («Зимние заметки о летних впечатлениях»).

³⁵⁶ Там же. С. 87 («Зимние заметки о летних впечатлениях»).

силу, соединившую стадо людей, исполинскую и торжествующую мысль, которая подчинила себе человека и как будто окончательно раздавила его... Достоевский смотрел на людей, текущих сюда со всего земного шара, покорно толпящихся в этом колоссальном дворце, и чувствовал страх перед огромностью толпы, покорной какой-то тёмной сверхчеловеческой силе. «Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса, в очию совершающееся»³⁵⁷... Однажды ночью, возвращаясь домой, Достоевский заблудился в лабиринте улиц и долго бродил³⁵⁸ среди неисчислимой толпы этого мрачного народа, расспрашивал почти знаками дорогу, потому что не говорил по-английски. Он добился дороги, но впечатление того, что он видел, мучило его несколько дней. Это была суббота. Рабочие всю ночь до пяти часов праздновали свой шабаш. В мясных и съестных лавках толстейшими пучками горел газ, ярко освещая улицы. Народ толпился в тавернах и на улицах. Пивные были разубраны как дворцы. Всё было пьяно, но без веселья, а мрачно, тяжело и всё как-то странно молчаливо. Только иногда ругательства и кровавые драки нарушали эту подозрительную молчаливость. Все как будто торопились напиться до потери сознания — мужья, жёны и даже дети... Последние деньги, добытые проклятым трудом, спускались здесь в одну ночь.

В другой раз Достоевский попал в Гай-Маркет, где каждую ночь толпятся тысячи публичных женщин. Ему было страшно войти в эту толпу. Тут были и безобразные старухи, и красавицы. Толпа не умещалась на тротуарах и заливала всю улицу. Всё это жаждало добычи и бесстыдно бросалось на первого встречного. Здесь можно было встретить и пьяного бродягу, и титулованного богача. Достоевский зашёл в какое-то казино. Гремела музыка, и толпа плясала. Но и танцевали здесь как-то мрачно, угрюмо, как будто по обязанности. Здесь за одним из столиков он увидел девушку необычайной красоты. Она сидела с каким-то джентльменом, по-видимому непривычным посетителем казино. Она была очень грустна. В её глазах Достоевский прочёл что-то печальное и страшное. Черты лица её были нежны. Кажется, у неё была чахотка. Она была чем-то выше толпы, не могла не быть выше: «Иначе что же значит лицо человеческое? А между тем она тут же пила джин, за который заплатил молодой человек. Наконец, он встал, пожал ей руку, и они расстались. Он ушёл из казино, а она, с румянцем, разгоревшимся от водки густыми пятнами на её бледных

³⁵⁷ Там же. С. 76 («Зимние заметки о летних впечатлениях»).

³⁵⁸ Было: таскался

щеках, пошла и затерялась в толпе промышленяющих женщин»³⁵⁹. Достоевский заметил здесь матерей, которые приводили на промысел своих маленьких дочерей. Девочки лет по двенадцати хватали за руку посетителей, прося, чтобы шли с ними. На улице, в пьяной толпе, Достоевский увидел шестилетнюю крошку, в лохмотьях, грязную, босую, в синяках. Она шла как бы не помня себя, должно быть голодная. На неё никто не обращал внимания. Она шла с видом безвыходного отчаяния на лице. Она всё качала своей всклокоченной головкой из стороны в сторону, точно рассуждая о чём-то, и то сплёскивала, то прижимала к голенькой груди свои маленькие руки... На другой улице какая-то дама в чёрном с почти закрытым лицом сунула в руку Достоевскому бумажку. У освещённого окна кофейни он рассмотрел маленький квадратный лоскуток. На нём было напечатано: «Аз есмь воскресение и жизнь»... Это была католическая пропаганда. Достоевскому объяснили потом, что англиканские священники редко ходят к бедным. И церковь посещают только богатые, потому что надо платить за место на скамье. А католики идут в рабочие кварталы, не щадя средств, сил и времени, — только бы завербовать склонных к вере. Таких миссионеров иногда прогоняют с ругательствами и побоями, но они, не смущаясь, стучат в соседние двери³⁶⁰.

Когда проходит ночь и начинается день, «гордый и мрачный дух снова царственно проносится над исполинским городом. Он не тревожится тем, что было ночью, не тревожится и тем, что видит кругом себя днём. Ваал царит и даже не требует покорности, потому что в ней убеждён. Вера его в себя безгранична; он презрительно и спокойно, чтобы только отвязаться, подаёт организованную милостыню, и затем поколебать его самоуверенность невозможно. Ваал не прячет от себя, как делают, например, в Париже, иных диких, подозрительных и тревожных явлений жизни. Бедность, страдание, ропот и отупение массы его не тревожит нисколько»... «Он не старается трусливо, как парижанин, усиленно разуверять себя, ободрять и доносить самому себе, что всё спокойно и благополучно»³⁶¹...

26 июня (8 июля) 1862 года (значит, ещё до поездки в Лондон) Достоевский писал Страхову из Парижа, приглашая его встретиться за границей: «15-го июля (нашего стиля), но не раньше, я выезжаю из Парижа в Кёльн»... В двадцатых числах он рассчитывал быть в Женеве. «Ах, Николай Николаевич, — писал он, — Париж прескучнейший

³⁵⁹ ПСХП. Т. 4. С. 78 («Зимние заметки о летних впечатлениях»).

³⁶⁰ *Сбоку абзаца в Мп ИМЛИ написано от руки: что-нибудь от себя*

³⁶¹ ПСХП. Т. 4. С. 80 («Зимние заметки о летних впечатлениях»).

город, и если бы не было в нём очень много действительно слишком замечательных вещей, то, право, можно бы умереть со скуки»³⁶²... <Ирзб.>³⁶³

Страхов нашёл Достоевского в Женеве. Достоевский немедленно горячо стал объяснять ему, что презирает обыкновенную казённую манеру осматривать по путеводителю разные знаменитые места. И они действительно ничего не осматривали, а только гуляли, где полуднее, и разговаривали о судьбах России и Европы. Женеву Достоевский находил скучной, и они отправились через Турин в Геную. Там сели на пароход, на котором приехали в Ливорно, а оттуда по железной дороге во Флоренцию. Турин своими плоскими и прямыми улицами напомнил Достоевскому Петербург. Во Флоренции Арно показалась ему похожей на Фонтанку. И здесь они не делали ничего, что полагается туристам. В это время вышел роман Гюго «Les Misérables»³⁶⁴, и Достоевский жадно его читал. В Уффицих³⁶⁵ он был только один раз и бродил по залам рассеянно, занятый своими мыслями. По вечерам они сидели в ресторанчиках за стаканами кианти, но Достоевский пил мало, как всегда. «Я не помню во все двадцать лет случая, когда бы в нём замечен был малейший след действия выпитого вина»³⁶⁶, — писал о Достоевском в своих воспоминаниях Страхов.

XXXIII.

В сентябре Достоевский вернулся в Петербург. Поездка за границу окрылила его. С новым рвением он принялся за журнальную работу <ирзб.>³⁶⁷. Но в серьёзность политической программы «Времени» мало кто верил. Славянофилы считали «почвенников» отступниками

³⁶² Письма I. С. 310.

³⁶³ В Мп РГБ: «Вы говорили о самодовольно наглых и говённых лицах, свирепствующих на наших минералах. Но клянусь вам, что тут стоит нашего. Наши просто плотоядные подлецы и большею частью сознательные, а здесь он вполне уверен, что так и надо»...

³⁶⁴ «Отверженные» (фр.).

³⁶⁵ Имеется в виду галерея Уффици — дворец во Флоренции, построенный семьёй Медичи в 1560–1581 гг. для размещения административных служб города и ставший затем крупнейшим музеем европейского изобразительного искусства.

³⁶⁶ Материалы 1883. С. 244.

³⁶⁷ В Мп РГБ: , воображая, что эта его журнальная деятельность в самом деле что-то важное и реальное

и еретиками. Аксаков, например, писал в частном письме о журнале «Время»: «Оно имело бесстыдство напечатать в программе, что первое в русской литературе провозгласило и открыло существование русской народности!»... «Потом это наивное объявление, что славянофильство момент отживший»... Англоманствующие либералы, каковым был тогда, между прочим, Катков, негодовали на «Время» за его приверженность к национальной самобытности. <Нрзб.>³⁶⁸ Нигилисты, не сразу распознавшие в братьях Достоевских своих врагов, теперь пылали к ним прямой ненавистью. Читающая публика тщетно искала в журнале «направления». Правительство, напротив, видело в нём определённого врага, который под маскою патриотизма и борьбы с «нигилизмом» на деле проповедует то же самое, что и «Современник», то есть революцию и социализм. Достоевский молчал о своём странном «монархизме», который совсем не вязался с «мировой гармонией», весьма похожей — на взгляд профанов — на тот самый коммунизм, о котором мечтал Чернышевский.

Но почтенный Н.Н. Страхов чувствовал себя патриотом и несколько не увлекался «тысячелетним царством», которым бредил Достоевский. По злой иронии судьбы, как раз именно Страхов, патриот, враг нигилизма и верноподданный гражданин Российского государства, был причиной правительственных репрессий, погубивших журнал Достоевского. Случилось это вот как. Из Оренбурга приехал Аполлон Григорьев и вернулся к работе в журнале. Он выдумал для врагов «Времени» два прозвища: нигилистов он назвал т е о р е т и к а м и, а либералов — д о к т р и н ё р а м и. Эти прозвища были приняты Достоевским как удачные и немедленно пущены в оборот в журнальном «Объявлении» на 1863 год. Всё сулило оживлённую полемику и новый прилив читателей. Но в январе вспыхнуло польское восстание. Все карты были смешаны. Герцен, выступивший за границу как сторонник Польши, не встретил поддержки в русской либеральной прессе. На него негодовали и его высмеивали не только славянофилы, но и Катков, у которого всё ещё была репутация западника-либерала. Нигилисты молчали весьма красноречиво. Отмалчивалось сначала и «Время», пока, изнемогая от избытка патриотизма, не выступил со своей статьею Н.Н. Страхов. Статья называлась «Роковой вопрос». Автор доказывал, что недостаточно внешней победы над восставшими поляками: надо победить врагов нравственно; надо противопоставить польской культуре иные духовные ценности — и только тогда русские будут иметь право и основание говорить о своём торжестве.

³⁶⁸ В Мн РГБ: Нигилизму их

Появись эта статья в органе заведомо ретроградном, её бы приняли как патриотическую, но у «Времени» была иная репутация, и читатели усмотрели в этой невиннейшей статье намеренный пиетет перед польской культурой и, стало быть, поддержку польским притязаниям. В «Московских ведомостях» либерала Каткова появился прямой донос на журнал Достоевского. Нашлись в сферах ненавистники «Времени», которые донесли и самому царю на журнал «почвенников». Слухи о готовящихся репрессиях дошли до редакции «Времени», когда ещё не было опубликовано постановление Цензурного комитета. Тщетно Достоевский пытался объяснить с правительством. Его «монархизму» никто не верил. Немая и глухая стена была неодолима. Разъяснение неверно понятой статьи, написанное Достоевским, было также запрещено цензурой при попытке напечатать его в «Петербургских ведомостях» как ответ на донос катковской газеты. Распространились слухи об аресте самого Достоевского. «Время» было закрыто навсегда — без всяких условий. Невиннейший Н.Н. Страхов попал под надзор полиции, которая этим делом занималась пятнадцать лет. Это было не только цензурной репрессией, но и *memento mori*³⁶⁹ для всей философско-исторической концепции таких романтиков, как Аполлон Григорьев и как сам Достоевский. Замороженный прусско-российский абсолютизм был презрительно равнодушен ко всякой общественности, как бы она не взывала к «доверию». Очевидно, что идеи были бессильны в борьбе с петербургской реакцией. Победить её могла только революция. По крайней мере, язык её был понятен правительству. А Достоевский по-прежнему в глазах царя был бывший «политический преступник», опасный чужак и непонятный сумасброд. В сферах также обратили внимание на то, что статья «Роковой вопрос» появилась на французском языке в «Revue des Deux Mondes»³⁷⁰ с комментариями Мазада³⁷¹, который приписал её Достоевскому. В статье было сказано, между прочим, что «Dostojevski à écrit des livres navrants sur sa patria»³⁷². Достоевский, смеясь, заметил, что слово *navrants* напоминает ему русское слово «наврал».

³⁶⁹ Помни о смерти (*лат.*).

³⁷⁰ «Обозрение двух миров», или «Обозрение Старого и Нового света» (*фр.*). Двухнедельный французский журнал либерального направления.

³⁷¹ Мазад, Шарль де (1820–1893) — французский писатель, член Французской академии, вёл политическую хронику в «Revue des Deux Mondes».

³⁷² «Достоевский написал несколько горестных <душераздирающих, удручающих> книг о своем отечестве» (*фр.*).

XXXIV.

Запрещение «Времени», погибшие надежды на материальную независимость, даже участвовавшие в Петербурге припадки падучей (за границей их почти не было) — всё это было не самым страшным и мучительным в тогдашней судьбе Достоевского. Самым страшным и мучительным было то, что любовь его к Марии Дмитриевне, жене его, исполнена была таких противоречий, какие трудно вынести человеческому сердцу. Достоевский женился уже многоопытным человеком, в молодости растратив немало сил на недостойные увлечения разными, как он сам когда-то писал, «Минушками, Кларушками, Марианнами»... Это было худо. Но ещё хуже было то, что Марья Дмитриевна не была девушкой, и Достоевский знал, что не один её покойный муж был тем счастливецом, которого она любила. Учитель Вергунов, молодой человек, «симпатичный», но ничем себя не заявивший, так и остался каким-то символом провинциальной любви Марии Дмитриевны, и его имя постоянно звучало в ушах Достоевского, напоминая о том, что у него есть соперник. «О, друг мой, — писал он Врангелю после её кончины, — она любила меня беспредельно, я любил её тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо. Всё расскажу вам при свидании, — теперь же скажу только то, что, несмотря на то, что мы были с нею положительно несчастны вместе, (по её странному, мнительному и болезненно-фантастическому характеру) — мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу. Как ни странно это, а это было так. Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь»³⁷³... Достоевский называет характер Марьи Дмитриевны «фантастическим», но и сам он жил, как известно, не совсем обыкновенною и трезвою жизнью и, хотя почти не пил вина, нередко производил впечатление человека чуть ли не хмельного, пугавшего иногда средних людей странностями своего характера. Немудрено, что от его <нрзб.> союза с Марьей Дмитриевной ничего доброго не вышло.

В 1863 году, то есть на седьмом году их семейной жизни, у них не было уже брачных отношений, да и не могло быть: Марья Дмитриевна задыхалась в злой чахотке. Её терзала лихорадка, и в бреду она смущала Достоевского то безумною ревностью, то дикими признаниями, быть может плодом её расстроенного воображения. Её пришлось перевезти из Петербурга — сначала во Владимир, а потом в Москву.

³⁷³ Письма I. С. 398 (Письмо А.Е. Врангелю от 31 марта-14 апр. 1865 г.).

Достоевскому в это время было сорок два года. Он стал жить в Петербурге один, холостой жизнью. В это время он познакомился с двадцатитрёхлетней девушкой, Аполлиной Прокофьевной Сусловой³⁷⁴. Она вручила ему свой рассказ «Покуда». Она сама была интереснее её рассказа. Её литературный опыт едва ли мог понравиться Достоевскому. Однако рассказ был напечатан. Полина Суслова была одною из тех девушек шестидесятых годов, которые спешили что-то сделать для «общего дела», весьма смутно представляя себе будущую «социальную гармонию». Но, несмотря на строгий стиль «шестидесятницы», в Полине Сусловой было женское очарование, и Достоевский не остался к нему равнодушным. Измученный своею семейною драмою, он так и не утолил любовного голода в «роковом поединке» с фантастической Марьей Дмитриевной. Теперь перед ним было совсем иное существо. Достоевский убедился, что у неё не было возлюбленных, что он первый, которому она отдала сердце, и это льстило его самолюбию. Но мирного и благополучного счастья не было и в этой любви. Полина Суслова была требовательна и властна. Она хотела, чтобы Достоевский принадлежал ей всецело. Ей было мало, что её возлюбленный покинул больную, умирающую в чахотке жену и медлит у ног её, Полины. Она чувствовала, что эта умирающая «болезненно-фантастическая» женщина настоящая соперница. И чем ближе Марья Дмитриевна к смерти, тем она опаснее для неё. Она требовала, чтобы Достоевский развёлся с женою. Тщетно он умолял её не настаивать на этой последней жестокости. Суслова не верила в его любовь. Если она, Полина, отдалась ему, не размышляя, как же он смеет оглядываться на прошлое! В любви не может быть рефлексии. Нет, этот человек — пусть у него огромный ум и большой талант — не стоит её, Полины. В своих страстях он кажется безумным, но, однако, он работает педантично как писатель, как журналист, как редактор. И эта размеренность его трудовых дней кажется ей подозрительной. Он уделяет своей любовнице столько сил и времени, сколько это возможно без ущерба для его писательской работы. Они собирались вместе ехать за границу. Но 24 мая последовало «высочайшее» повеление о закрытии «Времени», и Достоевский с жаром отдался хлопотам о спасении журнала. Суслова уехала в Париж одна. Достоевский обещал приехать туда же, как только распутает журнальные

³⁷⁴ Суслова А.П. (1839–1918) — писательница, мемуаристка, возлюбленная Ф.М. Достоевского в 1862–1863 гг., оставившая глубокий след в душе писателя; с 1880 г. жена В.В. Розанова; один из прототипов «инфернальниц» в произведениях Достоевского.

дела. Но пришлось задержаться. Просить денег у брата после запрещения «Времени» было невозможно. Достоевский взял в Литературном фонде тысячу рублей заимообразно, под гарантию всех своих книг — на случай смерти. И он выехал за границу в конце августа. Достоевский оставлял здесь, в России, умирающую жену, разорившего брата, неустроенного пасынка — и спешил в Париж на свидание с Полиной Суловой <прзб.>³⁷⁵.

И вот Достоевский едет в Париж, который он так осмел в «Зимних заметках о летних впечатлениях». Девятнадцатого августа Сулова получила от него письмо. Через несколько дней они должны встретиться. Двадцать седьмого он получил второе письмо по городской почте, как было условлено. Она спешно села ему писать, страшась, что он придёт к ней, не дождавшись её ответа. Так и случилось. Достоевский в лихорадке нетерпения явился к ней. Она увидела его в окно отеля.

Когда он вошёл, Сулова сказала ему «здравствуй» дрожащим голосом, не умея скрыть своего волнения. Достоевский догадался, что случилось недоброе.

— Я думала, что ты не приедешь, — пробормотала Сулова. — Я написала тебе письмо.

— Какое письмо?

— Чтобы ты не приезжал.

— Отчего?

— Оттого, что поздно.

Он опустил голову.

— Я должен всё знать, пойдём куда-нибудь и скажи мне — или я умру.

Сулова предложила ехать к нему, Достоевскому. Всю дорогу они молчали. Сулова не смотрела на него. Он по временам кричал кучеру отчаянным и нетерпеливым голосом:

— Vite! Vite!³⁷⁶

Достоевский не смотрел на свою спутницу и только держал её руку, крепко и судорожно сжимая.

Сулова сказала почему-то:

— Успокойся. Ведь я с тобою.

Когда они вошли в его комнату, он опустился на колени, плача, и обнял её ноги.

³⁷⁵ В *Мп РГБ*: , которая на расстоянии казалась ещё очаровательнее и соблазнительнее

³⁷⁶ Скорее! Скорее! (*фр.*).

— Я потерял тебя! Я это знал!

Сулова молчала.

— Кто этот человек? Красавец? Молод? Говорун? Но никогда ты не найдёшь другого сердца, как моё...

Сулова не отвечала.

— Ты отдалась ему?

Она прошептала «не спрашивай», и для Достоевского всё стало ясно.

— Я очень люблю этого человека.

— Ты счастлива?

— Нет.

— Как же это? Любишь и несчастлива?

— Он меня не любит.

Сулова рассказала Достоевскому, что её любовник — испанец, что он молод, что его зовут Сальвадор, и всё, что знала о нём.

Достоевский признался, что у него шевельнулось дурное чувство: ему легче почему-то, что этот человек незначительный, что это не Лермонтов. И всё-таки Достоевский счастлив, что он узнал такое существо, как Сулова. Если погибла их любовь, пусть останется дружба. Он предлагает ей как друг ехать вместе в Италию.

Сулова медлила дать согласие.

На другой день в письме к брату Николаю Достоевский писал, между прочим: «Милый Коля, я уже два дня в Париже, куда приехал усталый и измученный. Немного нездоров. Дорогой был со мной лёгкий припадок»... «Как-то мне грустно теперь и тоска. Голова болит притом. Думаю о всех вас; думаю часто о Марье Дмитриевне. Как бы хотелось получить об ней добрые известия?»³⁷⁷...

Достоевский бродил по Парижу. На этот раз он разглядел его. «Лувр вещь важная и вся эта набережная вплоть до Нотр-Дам вещь удивительная»³⁷⁸... В тот же день он пишет пасынку, Паше, назидательное письмо, уговаривая его не лениться, «избегать глупых знакомств и Юсуповых садов»... «Что услышишь о мамаше, тотчас же мне сообщи»³⁷⁹... А через три дня сестре жены, Варваре Дмитриевне Констант: «Не нравится мне Париж, хоть и великолепен ужасно»... «О своих интимных делах я вам ничего не пишу: “п и с ь м о в з д о р , п и с ь м а п и ш у т а п т е к а р и”»³⁸⁰... Оказывается, по дороге в

³⁷⁷ Письма I. С. 321 (Письмо Н.М. Достоевскому от 16 (28) авг. 1863 г.).

³⁷⁸ Там же. С. 321 (Письмо Н.М. Достоевскому от 16 (28) авг. 1863 г.).

³⁷⁹ Там же. С. 323 (Письмо П.А. Исаеву от 16 (28) авг. 1863 г.).

³⁸⁰ Там же. С. 323 (Письмо В.Д. Констант от 20 авг. (1 сент.) 1863 г.).

Париж Достоевский заехал в Висбаден, играл там на рулетке и выиграл пять тысяч франков. Часть денег он посылает Марье Дмитриевне. Об этом должна позаботиться сестра, и Достоевский подробно и педантично сообщает, как лучше менять дублионы и каким способом перевести их жене. Он беспокоится об её здоровье «ужасно и сердечно». В этом же письме он пишет: «Блаженны те, которые не играют и на рулетку смотрят с омерзением и как на величайшую глупость»³⁸¹...

Третьего сентября 1863 года Достоевский вместе с Сусловой выехал из Парижа в Италию. Перед отъездом, так как он рассчитывал посетить Рим, ему пришлось получить в Париже папскую визу. В канцелярии Святейшего отца его встретил аббатик, лет пятидесяти, сухой и с морозом в физиономии, и, выслушав его, вежливо, но сухо, просил подождать. Достоевский сел, вынул «Opinion National»³⁸² и стал читать страшнейшие ругательства против России. Посетители приходили и уходили, но Достоевского никто не приглашал к монсиньору. Он напомнил о себе. Аббатик нахальным голосом сказал:

— Так неужели ж вы думаете, что монсиньор бросит для вас свой кофе!

— А мне наплевать на кофе вашего монсиньора! — закричал Достоевский.

Аббатик был в ужасе от дерзости этого варвара и схизматика. Однако паспорт был визирован.

Достоевский и Сулова заехали в Баден-Баден. Там он проиграл около трёх тысяч франков. Пришлось послать письмо к брату с просьбой о деньгах и даже, что совсем было скверно, письмо жене с такою же просьбой — прислать сто рублей из тех, которые он послал ей в дублионах. <Нрзб.>³⁸³.

В Баден-Бадене Достоевский и Сулова остановились в двух комнатах. Вечером пятого сентября после вечернего чая Сулова легла в постель и попросила Достоевского сесть к ней поближе. Она взяла его руку и долго держала в своей. Она созналась, что была к нему несправедлива и груба в Париже. Теперь ей хорошо с ним. И он сказал, что ему хорошо.

³⁸¹ Там же. С. 326, 324 (Письмо В.Д. Констант от 20 авг. (1 сент.) 1863 г.).

³⁸² «Народное мнение» (*фр.*). Ежедневная политическая газета умеренно-либерального направления, с перерывами выходившая в Париже в 1859–1914 гг.; стремилась к объективному освещению событий, взаимодействию с правительством и отказу от оппозиционности.

³⁸³ В *Мн РГБ*: О том же он писал и В.Д. Констант

В Баден-Бадене Достоевский встретился с Тургеневым. Он был у Тургенева два раза, и он у него, но Сусловой Тургенев не видал. Достоевский не познакомил их. Они разговаривали на философические темы. Тургенев откровенничал. В письме к брату Достоевский пишет о Тургеневе: «Рассказывал мне все свои нравственные муки и сомнения. Сомнения философские, перешедшие в живое. Отчасти фат. Я не скрыл от него, что играю. Давал мне читать “Призраки”, а я за игрой не прочёл, так и возвратил не прочтя. Говорит, что написал для нашего журнала и что если я напишу ему из Рима, то он вышлет мне “Призраки” в Рим»³⁸⁵...

В сентябре Достоевский и его спутница в Турине. Сулова нежна с ним. Однажды он заметил её нежный взгляд и сказал:

³⁸⁴ *Далее было:*

Вдруг он встал, хотел идти, но спотыкнулся на башмаки, лежавшие подле кровати, и также поспешно воротился и сел.

— Ты куда ж хотел идти? — спросила она.

— Я хотел закрыть окно.

— Так закрой, если хочешь.

— Нет, не нужно. Ты не знаешь, что сейчас со мною было! — сказал он со странным выражением.

— Что такое?

— Мне захотелось целовать твои ноги...

— Ах, зачем это! — сказала она и подобрала ноги почти в страхе...

Достоевский спросил, хочет ли она спать. Она сказала, что нет. Пусть он сидит с нею. Она хотела раздеться и не решалась, не зная, придёт горничная убирать чай или нет. Её показалось, что Достоевский смотрит на неё странными глазами. И она сказала ему, что это её смущает.

Она спрятала лицо в подушку. Потом она опять спросила, придёт ли горничная. Он сказал, что едва ли придёт.

— Ну, так поди к себе. Я хочу спать, — сказала она.

— Сейчас, — ответил он, но медлил уйти.

Он стал целовать её. Свечка догорала.

— У тебя не будет огня, — сказал он.

— Нет, будет, есть целая свечка...

Улыбаясь, он вышел. Двери своей он не затворил и вскоре опять вошёл в комнату под предлогом затворить окно. Он подошёл к ней и посоветовал раздеваться.

— Я разденусь, — сказала она, делая вид, что только дождалась его ухода.

Он ещё раз вышел и ещё раз пришёл под каким-то предлогом, после чего уже ушёл и затворил свою дверь.

На другой день он напомнил о вчерашнем и сказал, что был как будто пьян.

— Тебе, верно, было неприятно. Я измучил тебя...

Но она сказала, что ей не было неприятно, и заговорила о чём-то другом. Он сказал, что у неё была очень коварная улыбка, что он, верно, казался ей глупым, и что он сам сознаёт свою глупость...

³⁸⁵ Письма I. С. 331 (Письмо М.М. Достоевскому от 8 (20) сент.1863 г.).

— Вот это знакомый взгляд. Давно его не видал.

Она прижалась к нему и заплакала. У них как будто дружеская влюблённость. Она запоминает его слова и выражения. Он сказал как-то за обедом, смотря на девочку, которая брала уроки:

— Ну вот, представь себе, такая девочка со стариком, и вдруг какой-нибудь Наполеон говорит: “Истребить весь город”. Всегда так было на свете.

Из Турина Достоевский писал брату Михаилу: «О подробностях моего путешествия вообще расскажу на словах. Разных приключений много, но скучно ужасно, несмотря на Аполлинарию Прокофьевну. Тут и счастье принимаешь тяжело, потому что отделился от всех, кого до сих пор любил и по ком много раз страдал. Искать счастье, бросив всё, даже то, чему мог быть полезным, — эгоизм, и эта мысль отравляет теперь моё счастье (если только есть оно в самом деле)»³⁸⁶...

Вот в этих словах, небрежно заключённых в скобки, и была суть дела:

— Если только есть счастье в самом деле!

Далее в письмах к брату следующие признания: «Ты пишешь: как можно играть дотла, путешествуя с тем, кого любишь. Друг Миша: я в Висбадене создал систему игры, употребив её в дело и выиграл тотчас же 10.000 франков. Наутро изменил этой системе, разгорячившись, и тотчас же проиграл. Вечером возвратился к этой системе опять, со всюю строгостью, и без труда и скоро выиграл опять 3.000 франков. Скажи: после этого как было не увлечься»³⁸⁷...

Достоевский подробно рассказывает о выигрышах и проигрышах. Зачем ему деньги? Деньги нужны для него, Достоевского, для брата, для жены, для написания романа... Его система игры превосходна, но он сам уклонился от неё... Вот почему он проигрался в Бадене. «За уплатой хозяйке, — пишет он, — у нас осталось шесть наполеондоров на дороге. В Женеве часы заложил»³⁸⁸...

Но вот беда. Не поставил ли он, Достоевский, свою жену, Марию Дмитриевну, в фальшивое положение, попросив у неё сто рублей из денег, ей высланных? «У ней была трата в 100 рублей, которую она не решалась сделать, а после моего письма о том, что ей посылаю деньги — сделала эту трату. И вот теперь может без денег. Трепещу от этого. Хоть бы кто-нибудь меня о её здоровье уведомил»³⁸⁹...

³⁸⁶ Там же. С. 330 (Письмо М.М. Достоевскому от 8 (20) сент. 1863 г.).

³⁸⁷ Там же. С. 330 (Письмо М.М. Достоевскому от 8 (20) сент. 1863 г.).

³⁸⁸ Там же. С. 331 (Письмо М.М. Достоевскому от 8 (20) сент. 1863 г.).

³⁸⁹ Там же. С. 331-332 (Письмо М.М. Достоевскому от 8 (20) сент. 1863 г.).

В конце сентября Достоевский и Сулова поехали через Геную на пароходе. Теперь цель их путешествия — Рим. В Генуе они бродили по узеньким улицам, с перекинутыми от дома к дому верёвками и висящим на них бельём; генуэзцы с открытою грудью и женщины с белыми покрывалами на голове толпились на перекрёстках в ленивой беспечности... 23 сентября на море была сильная качка. Суловой казалось, что они погибнут. В Ливорно корабль стоял сутки. За Суловой ухаживали какие-то итальянцы.

390

Наконец, они в Риме. В письме к Страхову Достоевский пишет: «Вчера утром осматривал св. Петра. Впечатление сильное, Николай Николаевич, с холодом по спине. Сегодня осматривал Forum³⁹¹ и все его развалины. Затем Колизей! Ну, что ж я вам скажу...»³⁹²...

Впечатления от Рима, любовные муки и постыдная игра в рулетку не умертвили, однако, в душе Достоевского его «страстных идей» о смысле истории и о судьбе России. Вопрос о западной цивилизации и русской национальной культуре предмет его размышлений и здесь, среди античных развалин. «Славянофилы, разумеется, сказали н о в о е с л о в о, даже такое, которое, может быть, и избранными-то не

³⁹⁰ *Далее было:*

Наконец, путешественники в Риме. Здесь у Достоевского произошло с Аполлинарией Прокофьевной странное объяснение. Достоевский сказал ей, что она «слишком серьёзно и строго смотрит на вещи, которые того не стоят»...

— Ты знаешь, — говорил он, — что мужчине нельзя так долго мучить: он, наконец, бросит добиваться...

Сулова улыбнулась и спросила, для чего он так говорит.

— Всему этому есть причина, — сказал он. — Она внушает мне омерзение. Это — полустров...

Намёк на Сальвадора взволновал Сулову. Она всё ещё влюблена в испанца. Странная шутка и какая-то недобрая весёлость Достоевского её смущают.

— В Париже и в Турине ты был лучше, — сказала Сулова. — Отчего ты такой весёлый?

— Нехорошо мне, — прошептал он очень серьёзно. Она с жаром обняла его и сказала, что он для неё много сделал, что ей хорошо с ним.

— Нет, — сказал он печально: — Ты едешь в Испанию...

В час ночи, когда Сулова, раздетая, лежала в постели, Достоевский, прощаясь, признался с горькой улыбкою, что ему «унизительно так её оставлять, ибо россияне никогда не отступали»...

³⁹¹ форум (*лат.*). Римский Форум — площадь в центре Древнего Рима вместе с прилегающими зданиями; первоначально на нём размещался рынок, позже он включил в себя комиций (место народных собраний), курию (место заседаний Сената) и приобрёл также политические функции; служил центром общественной жизни города.

³⁹² Письма I. С. 335 (Письмо Н.Н. Страхову от 18 (30) сент. 1863 г.).

совсем ещё разжёвано. Но какая-то удивительная аристократическая с ы т о с т ь при решении общественных вопросов!...»³⁹³

Это уж голос автора нашего «первого социального романа»: кажется, никто более метко одним словом не ранил славянофильства в его «ожиревшее сердце».

В этом же письме Достоевский умоляет Страхова помочь ему в его затруднительном положении, благодаря проигрышу на рулетке. Надо пойти к П.Д. Боборыкину³⁹⁴, который взялся тогда редактировать «Библиотеку для чтения», и попросить у него аванс под небольшую повесть — рублей триста. «Я литератор-пролетарий, — пишет Достоевский, — и если кто захочет моей работы, то должен меня вперёд обеспечить. Порядок этот я сам проклинаю. Но так завелось и кажется никогда не выведется»³⁹⁵...

Какой же это рассказ? Это рассказ ещё об одном русском скитальце. «Он — игрок, и не простой игрок, так же как скупой рыцарь Пушкина не простой скупец»... «Он поэт в своём роде, но дело в том, что он сам стыдится этой поэзии, ибо глубоко чувствует её низость, хотя потребность р и с к а и облагораживает его в глазах самого себя»³⁹⁶... И, разумеется, обычный рефрен: если он, Достоевский, приехав дней через пятнадцать в Турин, не найдёт там денег, то он «буквально пропал». Тогда же в письме к пасынку Паше он упоминает о дошедшем до него известии о смерти дедушки, т.е. отца Марьи Дмитриевны. Он недоумевает, надо ли извещать об этом больную Марью Дмитриевну. Она, между прочим, писала сестре, что не получила от Достоевского ни одного письма. Ему странно это слышать. Он больше всего писал именно ей. «Поминутно писал»... Как же она ничего не получила, тогда как к другим все его письма дошли?

Из Рима Достоевский и Сусллова поехали в Неаполь. <Нрзб.>³⁹⁷. Они встретили в Неаполе Герцена и его семью. Достоевский представил свою спутницу как родственницу и держал себя с нею так, что, кажется, озадачил Герцена. «Фёдор Михайлович много говорил ему обо мне, — записывает у себя в дневнике Сусллова, — и Герцен был внимате-

³⁹³ Там же. С. 335 (Письмо Н.Н. Страхову от 18 (30) сент. 1863 г.).

³⁹⁴ Боборыкин П.Д. (1836–1921) — известный беллетрист, драматург, журналист, один из главных представителей русского натурализма; в 1860-е гг. редактор-издатель ж. «Библиотека для чтения», ввёл в оборот термин «интеллигенция» как обозначение особой межсословной группы людей высокой умственной и этической культуры.

³⁹⁵ **Письма I.** С. 333 (Письмо Н.Н. Страхову от 18 (30) сент. 1863 г.).

³⁹⁶ Там же. С. 333 (Письмо Н.Н. Страхову от 18 (30) сент. 1863 г.).

³⁹⁷ *В Мп РГБ:* В отношениях его к Сусловой не было ничего нового

лен. С молодым Герценом³⁹⁸ я тоже говорила. Это какой-то отчаявшийся юноша. Я, говоря о моих заграничных впечатлениях, сказала, что везде нахожу более или менее гадость, а он доказывал, что не более или менее, а везде одинаково гадко. Во время моего разговора с ним, Фёдор Михайлович, когда я была одушевлена, прошёл мимо и не остановился, я подозвала его, он обрадовался»³⁹⁹... Они ехали вместе до Ливорно. Там они расстались с семьёй Герцена. Сулова дала молодому Герцену свой парижский адрес. Достоевский провожал Герцена-отца и зашёл к нему в гостиницу. Возвратясь, он беспокойно сказал Суловой, что видел её карточку с адресом у молодого Герцена. На ней была записана фраза его отца: «С одним рассудком люди недалеко бы ушли»...

В Неаполе у Достоевского и Суловой опять было ревнивое объяснение. Потом они поспорили об «эмансипации женщины» и жестоко поссорились, но, в конце концов, всё-таки помирились. Вскоре им предстояло расстаться.

Никто никогда не узнает, что за человек была Сулова. Её плохие рассказы, её любопытный дневник, её письма — всё двусмысленно и во всём есть что-то недосказанное. Одно только несомненно: она чем-то околдовала Достоевского, и он устами «игрока» рассказал нам об этой своей мучительной любви, и рассказал откровенно: «И ещё раз теперь я задал себе вопрос: люблю ли я её? И ещё раз не сумел на него ответить, т.е., лучше сказать, я опять, в сотый раз, ответил себе, что я её ненавижу. Да, она была мне ненавистна»⁴⁰⁰...

XXXV.

Достоевский расстался с Суловой в Берлине. Никакого счастья от этой итальянской поездки с очаровательной Полиной Достоевский не обрёл. Оскорблённый её изменой в Париже и ещё раз оскорблённый её двусмысленным отношением к нему во время их ночных свиданий и объяснений, когда они жили бок о бок в отелях Турина, Неаполя и Рима, истерзанный мучительными воспоминаниями о «чистой и благороднейшей» Марье Дмитриевне, которую он оставил умирающей в чахотке, Достоевский возвратился в Россию к «разбитому корыту» своей журнальной работы, думая, что в ней он

³⁹⁸ По-видимому, речь идёт о сыне А.И. Герцена — Александре (1839-1906), ставшем известным европейским учёным-физиологом.

³⁹⁹ Сулова А.П. С. 65.

⁴⁰⁰ ПСХП. Т. 4. С. 237 («Игрок»).

найдёт утешение, в смутной надежде, что правительство разрешит брату Михаилу издавать новый журнал вместо закрытого «Времени». Впрочем, на возвратном пути Достоевский не утерпел и заехал в Гомбург ещё раз попытать счастья на рулетке. Там он проиграл всё до последней копейки и попал в такое безвыходное и унижительное положение, что вынужден был послать Сусловой письмо с просьбой выручить его и прислать ему денег на дорогу, что Аполлинария Прокофьевна и не замедлила сделать, заложив часы и цепочку.

Наконец, он в России. Марии Дмитриевне так худо, что Достоевскому нельзя оставаться в Петербурге. Она жила в это время во Владимире. В начале ноября того же, т.е. 1863 года, Достоевский поехал за женою и перевёз её оттуда в Москву. «Здоровье Марии Дмитриевны о ч е н ь нехорошо. Вот уже два месяца она ужасно больна»⁴⁰¹, — писал он В.Д. Констант. Из Москвы Достоевский пишет деловые письма то брату Михаилу, то сотрудникам «Времени» — в надежде, что разрешат журнал. У И.С. Тургенева он просит для возрождающегося журнала <нрзб.> повесть «Призраки», ту самую повесть, которую он впоследствии зло пародировал. <Нрзб.>⁴⁰² В письме от 23 декабря 1863 года он, однако, отмечает <нрзб.>⁴⁰³ всё, что можно⁴⁰⁴ похвалить в повести. Тургенев смушался, что в «Призраках» мало реального. Под реальным он разумел внешний реализм. Достоевский реальным называл совсем иное, начало онтологическое, но в данном случае он, пользуясь тургеневским языком, утешает своего корреспондента: «По-моему, — пишет он, — в “П р и з р а к а х” слишком много реального. Это реальное — есть т о с к а р а з в и т о г о и с о з н а ю щ е г о с у щ е с т в а, живущего в наше время, уловленная тоска. Этой тоской наполнены все “П р и з р а к и”. Это “струна звенит в тумане”, и хорошо делает, что звенит. “П р и з р а к и” похожи на музыку»... «Форма ваших “П р и з р а к о в” — превосходна. Ведь если в чём-нибудь тут сомневаться, так это, конечно, в форме. Итак, всё дело будет состоять в вопросе: имеет ли право фантастическое существовать в искусстве? Если что в “П р и з р а к а х” и можно бы покритиковать, так это то, что они не совсем вполне фантастичны. Ещё бы больше надо. Тогда бы с м е л о с т и больше было»⁴⁰⁵... В этом пос-

⁴⁰¹ Письма I. С. 339 (Письмо В.Д. Констант от 10 нояб. 1863 г.).

⁴⁰² В Мп РГБ: Но его душа «диалектична», и поэтому он в

⁴⁰³ В Мп РГБ: в повести

⁴⁰⁴ Далее было: в ней

⁴⁰⁵ Письма I. С. 343–344.

леднем осторожном замечании уже можно расслышать иронию. Достоевский уже и тогда видел ясно, что Тургенев в своей компромиссной повести весьма труслив — и как художник, и как мыслитель: он делает свои лирические признания, как будто оглядываясь на кого-то и перед кем-то извиняясь... Но «П р и з р а к и» были нужны Достоевскому как редактору, ради имени Тургенева, и он настойчиво их добывается для своего будущего журнала. Мудрено было вести журнальные дела, проживая в другом городе, а покинуть Марию Дмитриевну он не решался никак. «У Марьи Дмитриевны поминутно смерть на уме, — пишет Достоевский её сестре, — грустит и приходит в отчаянье. Такие минуты очень тяжелы для неё. Нервы у ней раздражены в высшей степени. Грудь плоха и иссохла она как спичка. Ужас! Больно и тяжело смотреть»⁴⁰⁶.

В такой обстановке писал Достоевский свою новую повесть «Записки из подполья», Если на это хватило сил, то уж на ведение журнала их не хватало никак. 27 января 1864 г. Михаил Михайлович Достоевский получил разрешение на издание журнала «Эпоха». Первая двойная книжка вышла 24-го марта. Из письма Достоевского к брату видно, что книжка «Эпохи» составлена без непосредственного участия Фёдора Михайловича. Он подробно её критикует. Ему кажется журнал вялым. «Знаю, что всё это от запрещения ряда статей, — пишет он. — Но мне-то тем нестерпимее, потому что эти два номера решительно имеют теперь вид сборника»... Отдельные вещи хороши — статьи Страхова, Ап. Григорьева, Аверкиева⁴⁰⁷... Хороши и «Призраки» Тургенева, но тут же Достоевский высказывается о них и по существу с достаточной откровенностью: «по-моему, в них много дряни: что-то гаденькое, больное, старческое, н е в е р у ю щ е е от бессилия, одним словом весь Тургенев с его убеждениями, но поэзия много выкупит»... И дальше замечательнейшее указание на литературную судьбу «Записок из подполья»: «Свиньи цензора, там, где я глумился над всем и иногда богохульствовал д л я в и д у — то пропущено, а где из всего этого я вывел потребность веры и Христа — то запрещено»⁴⁰⁸...

⁴⁰⁹

⁴⁰⁶ Там же. С. 345 (Письмо В.Д. Констант от 10 янв. 1864 г.).

⁴⁰⁷ Аверкиев Д.В. (1836–1905) — драматург, прозаик, театральный критик, публицист; деятельный сотрудник и автор журнала Ф.М. Достоевского «Эпоха»; на протяжении всей жизни его связывали с писателем дружеские отношения.

⁴⁰⁸ Письма I. С. 352–353 (Письмо М.М. Достоевскому от 26 марта 1864 г.).

⁴⁰⁹ Далее было:

В эти дни Достоевскому было нелегко. Мучила совесть за беспорядочную жизнь, за эту болезненную страсть к недостойной Сусловой, за <нрзб.> сумасшедшую рулетку, за страдания Марии Дмитриевны... А тут ещё мало денег, заботы о лентяе Паше, журнальная суета... В этом аду он и писал о своём страшном подполье, мечтая вывести из него «потребность веры и Христа».

О Христе, собственно, нет ничего в «Записках из подполья», но автор как будто хорошо знаком с христианской апофатикой⁴¹⁰. Ничего положительного не утверждая, он доводит своё отрицание до такого предела, когда естественно возникает проблема иного бытия, не столь позорного, ущербного и пустого. Это скептицизм, который сам себя уничтожает, не останавливаясь на половине пути. Это метод Паскаля.⁴¹¹

В эти дни, когда он писал свою подпольную повесть, странную повесть, где зло осмеивал не только «муравейник» и «хрустальный дворец», т.е. идеал тогдашних «современников», но и самого себя не щадил, обнажая душу, осквернённую самыми постыдными соблазнами: как раз в эти дни у него слагалось то положительное мирозерцание, коего он стал апологетом в своих больших романах-трагедиях.

В эти дни он часто писал брату Михаилу о своих литературных делах, но в каждом письме был рефрен — «Марья Дмитриевна умирает»... «Марья Дмитриевна почти при последнем дыхании, — пишет он 9 апреля. — Предупеждаю: ты, может быть приедешь ко мне на похороны»⁴¹². — Но дебёлая жизнь назойливо напоминает о себе, — и в том же письме он сообщает: «На днях вышлю повесть Аполлина-

Итак, по признанию самого Достоевского, несколько не вынужденному, сообщённому в откровенном письме к брату, смысл его «Записок из подполья» не в «богохульном» отрицании всех моральных начал, а во внутренней необходимости победить во что бы то ни стало всё это «глумление над всем» положительною верою во Христа.

⁴¹⁰ Апофатика, или Апофатическое богословие (греч. *αποφατικός* — отрицающий) — негативная теология; богословский метод, заключающийся в выражении сущности Божественного путём последовательного отрицания всех возможных его определений как несоизмеримых ему, в познании Бога через понимание того, чем Он не является. В противоположность положительным определениям утверждаются отрицательные: безгрешный, бесконечный, бессмертный и т.п.

⁴¹¹ *Далее было:* Это логика, которую уничтожает «диалектика». «Одним словом, — как говорит подпольный человек, — человек устроен комически; во всём этом, очевидно, заключается каламбур. Но дважды два четыре — всё-таки вещь пренесносная. Дважды два четыре ведь это, по моему мнению, только нахальство-с. Дважды два четыре смотрит фертом, стоит поперёк вашей дороги руки в боки и плюётся. Я согласен, что дважды два четыре превосходная вещь; но если уж всё хвалить, то и дважды два пять премилая иногда вещича» <ПСХП. Т. 4. С. 130 («Записки из подполья»)»...

⁴¹² Письма I. С. 363.

рии»... «Повесть не хуже её прежних и может идти»⁴¹³... На другой день он писал пасынку Паше: «О здоровье мамы скажу тебе, что оно слишком, слишком плохо»... «Я бы желал, Паша, чтоб ты думал о ней почаще. Это навело бы тебя на другие мысли, более великодушные и благородные»... А в конце письма приписка: «Мамаше сегодня вечером слишком, слишком худо. Доктор ни за что не отвечает. Молись, Паша»⁴¹⁴...

В ночь с 14 на 15 апреля Марье Дмитриевне стало так худо, что она сама потребовала священника. <Нрзб.>⁴¹⁵. Днём хлынула горлом кровь и начала заливать грудь и душить. Потом наступила тишина. «Она со всеми простилась, со всеми примирилась, всем распорядилась, — писал Достоевский брату. — Передаёт всему твоему семейству поклон с желанием долго жить»... «С тобой изъявила желание примириться. (Ты знаешь, друг мой, она всю жизнь была убеждена, что ты её тайный враг.)»⁴¹⁶... В тот же день, в семь часов вечера, Марья Дмитриевна скончалась. «Она столько выстрадала теперь, что я не знаю, кто бы мог не примириться с ней»⁴¹⁷, — писал Достоевский в тот же вечер брату.

Тело Марии Дмитриевны положили на стол. Толпился народ. Приходил священник. Молились о «упокоении души усопшей рабы Божией Марии и о ещё проститися её всякому прегрешенью, вольному и невольному». Дом наполнился запахом ладана.

Ночью, когда все разошлись и только монашенка читала тихо над усопшей псалмы, Достоевский сел за стол в соседней комнате и стал записывать мысли, которые вынашивал где-то в глубине души в эти последние годы, исполненные таких страстей и суесть.

16 апреля... Маша лежит в гробу... Увижу ли я снова Машу? Любите человека, как самого себя? Но по одной христианской заповеди это невозможно... Мы связаны законом индивидуальности, законом отъединения и обособления. Один Христос это мог. Это уже не заповедь. Это Он Сам, идеал человека во плоти. Это истинное бытие. Принять эту тайну, это значит отказаться от обособления, отказаться от своего Я и тем самым обрести свою настоящую личность. Именно это и есть рай Христа. История человечества есть не что иное, как раз-

⁴¹³ Там же. С. 363.

⁴¹⁴ Там же. С. 364 (Письмо П.А. Исаеву от 10 апр. 1864 г.).

⁴¹⁵ В *Мп РГБ*: В четыре часа утра её причащали

⁴¹⁶ Письма I. С. 371–372 (Письмо М.М. Достоевскому от 15 апр. 1864 г.).

⁴¹⁷ Там же. С. 373 (Письмо М.М. Достоевскому от 15 апр. 1864 г.).

витие, борьба и стремление к этой единой цели — к воссоединению всех во всём и, стало быть, в истинном бытии, без утраты личности. Но личность будет без ущерба, значит та же самая, но в то же время иная. Человек на земле есть лишь развивающееся, следовательно незаконченное, находящееся в переходном состоянии существо.

Но желать достигнуть совершенства здесь, на земле, было бы бессмысленно, если бы после его достижения всё бы исчезло и погасло, если бы за достигнутой целью не было бы больше жизни для человека. Следовательно, должна существовать будущая жизнь. Какова она по своей природе — мы не знаем. Мы знаем только одну черту её, пред-указанную Христом: «Там не будут ни жениться, ни посягать...» Это понятно, ибо не будет надобности в смене поколений... Почему христианство не торжествует на земле, если оно истина? Почему человек страдает и не становится братом другого? Да потому, конечно, что человек на земле находится в переходном состоянии и только в победе над смертью обретёт истинную свою природу и тогда перестанет посягать и жениться. Христос открыл нам, что до конца мира будет борьба, так как это закон природы, тогда как в победе над смертью мы находим уже иное бытие, где уже нет борьбы, ибо нет и времени... Христос вошёл в человечество, и человек всем своим существом стремится соединиться со Христом, то есть победить смерть и время. Путь к этому — любовь.

Если человек не приносит в жертву своё обособленное Я в любви, то он чувствует скорбь, и это состояние есть грех...

Здесь Достоевский в скобках пометил: я и Маша...

XXXVI.

Похоронив жену, Достоевский вернулся в Петербург. Житейские дела его были очень запутаны. Журнал «Эпоха» выходил из-за цензурной волокиты с большим опозданием. Подписка шла неблестяще. А главное, и у самого Достоевского, и у брата его, Михаила Михайловича, не было теперь той энергии, какая воодушевляла их, когда они начинали журнал «Время». И содержание журнальных книжек было беднее. А сам Достоевский, имевший такой успех своими «Записками из Мёртвого дома» и «Униженными и оскорблёнными», выступил теперь с «Записками из подполья», которые озадачили тогдашнего читателя и для огромного большинства казались совершенно непонятными. Но было ещё одно обстоятельство, которое предредило падение «Эпохи». Это решительная полемика с «нигилизмом». Там, во «Времени», она велась осторожно и уравновешивалась полемикой с

«Русским вестником» и аксаковским «Днём». Теперь редакторы махнули рукой на вкусы и настроения тогдашней радикальной молодёжи. Читатели стали отождествлять «Эпоху» со славянофилами, и надо сказать, что Н.Н. Страхов, Аполлон Григорьев и другие сотрудники давали к тому повод.

10 июля 1864 года новый удар постиг Достоевского: умер его брат и друг, Михаил Михайлович. На журнале оказался долг пятнадцать тысяч по векселям и десять тысяч на честное слово. В кассе — ничего. Надо было решить вопрос — бросить журнал и отказаться принять на себя обязательства брата или продолжать «Эпоху», взвалив на себя всю тяжесть долгов. Достоевский выбрал последнее. Он поехал в Москву, выпросил у тётки Куманиной десять тысяч, которые она назначила на его долю в своём завещании, и стал готовить книжки журнала, стараясь его поднять. Но цензура медлила с утверждением ответственного редактора, а самому Достоевскому имени его, как редактора, выставить на журнале не позволили. Это пагубно отразилось на судьбе «Эпохи». К тому же у Достоевского не было времени писать большую вещь, и он разменивался на журнальные мелочи, тратя последние силы на работу, которую мог бы вести любой опытный журналист. Издателем журнала считалась «семья М.М. Достоевского», и Фёдор Михайлович изнемогал от обязательств, которые он взял на себя перед кредиторами, подписчиками и семьёй брата.

«О, друг мой, — писал Достоевский барону Врангелю, — я охотно бы пошёл опять на каторгу на столько же лет, чтоб только уплатить долги и почувствовать себя опять свободным»... «Работа из нужды, из-за денег задавила и съела меня»⁴¹⁸.

В сентябре 1864 года умер Аполлон Григорьев, ближайший сотрудник журнала. Это было предвестием последней разлухи. В 1865 г. подписка на все журналы чрезвычайно пала. Этой участи не избегла и «Эпоха». После февральской книжки в редакции не оказалось ни копейки денег. Журнал был закрыт.

«Из всего запаса моих сил и энергии осталось у меня в душе что-то тревожное и смутное, что-то близкое к отчаянью, — писал Достоевский в том же письме к Врангелю. — Тревога, горечь, самая холодная суетня, самое ненормальное для меня состояние и вдобавок один, — прежних и прежнего, сорокалетнего, нет уже при мне. А между тем всё мне кажется, что я только что собираюсь жить. Смешно, не правда ли? Кошачья живучесть»⁴¹⁹...

⁴¹⁸ Письма I. С. 401 (Письмо А.Е. Врангелю от 31 марта — 14 апр. 1865 г.).

⁴¹⁹ Там же. С. 402 (Письмо А.Е. Врангелю от 31 марта-14 апр. 1865 г.).

Да, у этого человека измученного каторгой, эпилепсией <нрзб.>⁴²⁰, всё сжигающими страстями, была удивительная живучесть. Он чувствовал в душе какие-то необъятные силы. Всё, что он делал, ему казалось неудачным. Он с совершенным простодушием считался с критикой его произведений и всегда готов был признать, что он пишет «хуже Тургенева», и только старался убедить себя самого и близких, что «не настолько же хуже», чтобы его, Достоевского, можно было третиловать как ничтожество.

Теперь, когда закрылась «Эпоха», где он полемизировал со всеми тогдашними журналами, он очутился как в пустыне. А между тем у него был задуман большой роман. Он хотел его назвать «Пьяненькие». Ему нужно получить под этот роман три тысячи рублей, и он вынужден обратиться с этим предложением к Андрею Александровичу Краевскому <нрзб.>⁴²¹. Достоевский предлагает скромнейшие условия, предоставляя «на случай смерти или недоставления в срок рукописи» всегдашнее право на издание всех его сочинений — «равномерно право их продать, заложить, одним словом, поступить с ними как с полной собственностью»⁴²²...

Несмотря на эти скромнейшие и даже унижительные условия, господин Краевский отклонил предложение, и Достоевский опять был вынужден обратиться в Литературный фонд с просьбой о займе, а потом заключить чрезвычайно невыгодный и кабальный договор с <нрзб.> издателем Стелловским⁴²³.

В конце июля 1865 года Достоевский выехал за границу. Отъезду за границу предшествовали некоторые новые и неожиданные обстоятельства. Примерно за год до того в редакцию «Эпохи» был прислан рассказ, подписанный Ю. О-в, что означало, как выяснилось, «Юрий Орбелов», и за этим псевдонимом скрывалась двадцатидвух-

⁴²⁰ В Мп РГБ: и, главное

⁴²¹ В Мп РГБ: , к тому самому Краевскому, которого он высмеивал на страницах «Эпохи»

⁴²² Письма I. С. 408 (Письмо А.А. Краевскому от 8 июня 1865 г.).

⁴²³ Стелловский Ф.Т. (1826–1875) — крупный петербургский издатель и книгопродавец, выпустивший четырёхтомное собрание сочинений Ф.М. Достоевского (1865–1870); отличался мошенническими методами ведения дел, что проявилось в заключении «кабального» контракта с автором «Преступления и наказания» написание нового романа объёмом не менее 12-ти печатных листов до 1 ноября 1866 г.; с помощью стенографистки А.Г. Сниткиной, вскоре ставшей его женой, Достоевскому удалось в течение 26 дней написать роман «Игрок», тем самым выполнив контракт и избегнув грозивших ему долговой тюрьмы и нищеты.

летняя девица, Анна Васильевна Корвин-Круковская⁴²⁴. Эта девица была дочка генерал-лейтенанта и помещика Витебской губернии, В.В. Корвин-Круковского, весьма тяготившаяся условиями своей семейной жизни и успевшая во время пребывания в витебской усадьбе Палибино войти в дружеские отношения с сыном местного багюшки, молодым нигилистом, который по секрету сообщил ей все самые последние новости западной цивилизации. Генеральской дочке нечего было противопоставить тем идеям, которые сообщил ей студент, и она решила заняться «эмансипацией женщины», и прежде всего своей собственной эмансипацией. На эту тему и был написан её первый рассказ. Через три-четыре недели она прислала в «Эпоху» второй рассказ. В её рассказах была искренность и свежесть, и Достоевский их напечатал, хотя и видел прекрасно малоопытность автора и даже его малограмотность. Его, по-видимому, заинтересовало также наивное письмо автора, который предупреждал редактора, что непосредственно к ней писем писать нельзя, а надо писать на имя экономки, потому что папаша считает предосудительным для девицы заниматься литературою как профессией. Достоевский так и сделал — написал на имя экономки, но по рассеянности вложил письмо в конверт со штемпелем «Эпохи». На это обратил внимание генерал. Письмо было вскрыто, и секрет генеральской дочки обнаружился. Особенно возмутило отца то, что в конверте оказался гонорар. Какой стыд! Получать деньги от незнакомого мужчины... Теперь ты продаёшь свои повести, а придёт, пожалуй, время, и себя будешь продавать... Но, кажется, В.В. Корвин-Круковский не так уж был грозен на деле, как на словах. Письмо от Достоевского в Палибине было получено в первой половине сентября 1864 года, а в январе 1865 года, отправляя жену с дочерьми в Петербург, <нрзб.>⁴²⁵ генерал уже разрешил Анне Васильевне познакомиться с Достоевским, хотя и предупредил её о грозящей опасности: Достоевский — человек не нашего общества. Что мы о нём знаем? Только — что он журналист и бывший каторжник... Хороша рекомендация! Нечего сказать! Надо быть с ним очень и очень осторожным...

Г-жа Корвин-Круковская и две дочери, Анна Васильевна и пятнадцатилетняя Соня, будущая знаменитая Софья Ковалевская⁴²⁶,

⁴²⁴ Корвин-Круковская А.В. (в замужестве Жаклар) (1843–1887) — писательница, общественный деятель, автор журнала Ф.М. Достоевского «Эпоха»; предмет любовных чувств Достоевского в 1865 г.; один их прототипов Аглаи в «Идиоте», Ахмаковой в «Подростке», Катерины Ивановны в «Братьях Карамазовых».

⁴²⁵ В Мн РГБ: он

⁴²⁶ Корвин-Круковская С.В. (в замужестве Ковалевская) (1850–1891) — учёный-

прожили в Петербурге, в гостях у тётки Шуберт, три месяца — с января по апрель. Анна Васильевна не сразу решилась пригласить Достоевского. Только двадцать восьмого февраля она послала ему письмо.

Анна Васильевна была стройная красивая блондинка с тяжёлой золотистой косой. Глаза у неё были синие с зеленоватым оттенком. Губы — упрямые и капризные. В ранней юности она увлекалась то романами Вальтера Скотта, то мечтательной религиозностью Фомы Кемпийского⁴²⁷. О подлинном историческом христианстве она не имела никакого представления, и вся была во власти романтических настроений, пока не появился революционер-попович и не объяснил ей, что наука осуждает всякий романтизм, что знание физиологии важнее романов и что семья есть ужасный предрассудок, который мешает прогрессу. Ей понравилось, что в этих сообщениях всё ясно и просто. У неё была натура деятельная и трезвая. Романы Вальтера Скотта были брошены, равно как и сладостные стенания Фомы Кемпийского, из них — по её мнению — нельзя было сделать никаких практических выводов. Изучая анатомию лягушек, напротив, она была убеждена, что занимается чем-то весьма важным и полезным для «общего дела». В шестидесятых годах выражение «общее дело» звучало как догмат о «царствии Божьем» в сознании людей первых веков. В физиологических очерках профессора Сеченова⁴²⁸ видели целое откровение, и простой натурализм почитался залогом общественного прогресса. Это был романтизм навыворот. Это был энтузиазм наизнанку.

Посылая рассказы в «Эпоху», эта ревнительница «общего дела» находилась под обаянием автора «Записок из Мёртвого дома» и «Униженных и оскорблённых». Она плохо разбиралась в тогдашней его философии и не понимала, что Достоевский очень далёк от её представлений об обязанностях человека и от её понятий о целях и смысле истории.

Достоевский не замедлил явиться на зов Анны Васильевны. Первое свидание, однако, было неудачным. В салоне тётушек Шуберт всё было

математик, писательница, драматург; младшая сестра А.В. Корвин-Круковской, свидетельница её взаимоотношений с Ф.М. Достоевским в 1865 г.; автор ценных воспоминаний о писателе.

⁴²⁷ Фома Кемпийский (ок. 1379–1471) — немецкий католический монах, религиозный писатель и мистик, предполагаемый автор известного трактата «О подражании Христу» (не позже 1427 г.).

⁴²⁸ Имеется в виду И.М. Сеченов (1829–1905) — выдающийся физиолог и медик, учёный-энциклопедист; активный деятель общественного движения 1860-х гг., близкий Н.Г. Чернышевскому, поборник женского образования; его работы «Рефлексы головного мозга» (1866), «Физиология нервной системы» (1866) и публичные лекции были созвучны идеям философского материализма; переводчик на русский язык сочинений Ч. Дарвина, популяризатор эволюционного учения в России.

очень чопорно. Во время визита Достоевского в гостиной неотступно сидели эти самые тётушки, мамаша, младшая сестра Соня, и сама Анна Васильевна, связанная присутствием строгих старушек, сидела молча с надутыми губками. Тщетно мамаша занимала Достоевского светскими разговорами. Он вовсе не был расположен их поддерживать, сидел мрачный, нервно пощипывая жиденькую бородку и кусая усы. «Посидев с полчаса, Фёдор Михайлович взял шляпу и, раскланявшись неловко и торопливо, но никому не подав руки, вышел»⁴²⁹...

Разумеется, после его ухода «Анюта убежала к себе и, бросившись на кровать, разразилась слезами»⁴³⁰.

— Всегда-то, всегда-то всё испортят! — повторяла она, судорожно рыдая.

Однако молчание Анны Васильевны, её капризная улыбка и зелёные глаза, по-видимому, понравились Достоевскому. Дней пять спустя он опять (на этот раз без приглашения) явился на Первую линию Васильевского острова, в дом Шуберт. Ни мамаша, ни тётушек не было дома. Его встретили сёстры — Анюта и Соня... «Лёд как-то сразу растаял. Фёдор Михайлович взял Анюту за руку, они сели рядом на диван и тотчас заговорили как два старые, давнишние приятеля. Разговор уже не тянулся, как в прошлый раз, с усилием переползая с одной никому не интересной темы на другую. Теперь и Анюта, и Достоевский как бы торопились высказаться, перебивали друг друга, шутили и смеялись»⁴³¹...

Эта девушка с весёлыми глазами так была не похожа на измученную лихорадкой и страстями Марью Дмитриевну! Не была она похожа и на Суслову, самовлюблённую и холодную причудницу. Достоевскому нравилось, что у этой «нигилистки» не угас ещё сердечный жар, что она живёт с верою, надеждою и любовью. (Жаль, конечно, что в её юной головке толпятся без толку противоречивые мысли, но он, Достоевский, тогда ещё надеялся, что сумеет убедительно рассказать ей об истине, которая единожды нашла своё совершенное воплощение на земле.) Он не смущался тем, что встретил в этой девушке какую-то наивную самоуверенность. Она, с своей стороны, не теряла надежды, что этот чудак Достоевский признает, в конце концов, правду, которую ей сообщил сынок палибинского попа. Главное, надо спешить! Кругом такой ужас нищеты, бесправия и суеверий! Надо спешить поработать для «общего дела», а этот Достоевский твердит

⁴²⁹ Ковалевская С.В. С. 621.

⁴³⁰ Там же.

⁴³¹ Там же. С. 622.

какие-то странные слова о Христе, как будто он сам видел Его и слышал Его голос... Впрочем, Достоевский — большой поэт, и ему можно простить его христианский бред.

Ни Достоевский, ни увлечённая с ним беседою Анюта не обращали внимания на сидевшую тут же пятнадцатилетнюю Соню, а между тем она не спускала глаз с Фёдора Михайловича, жадно прислушивалась к тому, что он говорил. Он теперь казался ей совсем другим человеком. Тогда, в первый свой визит, он был такой мрачный и старый. А теперь он молодой, весёлый и милый. Какой он умный! Какой он простой! Неужели ему уже сорок три года! И с ним можно говорить, как с товарищем и другом, а ведь он знаменитый писатель.

Часа три прошло незаметно. Вдруг в передней раздался звонок: это вернулась мамаша из Гостиного двора. Она вошла в комнату ещё в шляпе, вся нагружённая покупками, извиняясь, что опоздала немного к обеду. И вдруг она видит Достоевского, который сидит запросто с Анютой. По-видимому, они говорили очень оживлённо, и Анюта, очевидно, забыла предупреждения папаши. Мамаша со страхом смотрела на дочерей. Но они бросились к ней на шею смеясь. Волей-неволей ей пришлось пригласить Достоевского отобедать вместе с ними.

С этого дня Достоевский стал совершенно своим человеком в семье Корвин-Круковских. Он приходил к ним раза три-четыре в неделю. По вечерам, когда не было чужих, он оживлялся и все с увлечением его слушали. Общих разговоров он *<нрзб.>*⁴³² не любил. «Он говорил только монологами и то лишь под условием, чтобы все присутствующие были ему симпатичны и слушали его с напряжённым вниманием»⁴³³...

Иногда он рассказывал содержание его будущих романов, иногда сцены и случаи из собственной жизни. Он рассказывал о том, как он стоял на эшафоте, ожидая смерти...

Однажды Достоевский рассказал содержание задуманной им повести и чрезвычайно испугал этим рассказом бедную мамашу.

«Герой — помещик, средних лет, очень хорошо и тонко образованный, бывал за границей, читает умные книжки, покупает картины и гравюры. В молодости он кутил, но потом остепенился, обзавёлся женой и детьми и пользуется общим уважением. Однажды просыпается он поутру, солнышко заглядывает в окна его спальни; всё вокруг него так опрятно, хорошо и уютно. И он сам чувствует себя таким опрятным и почтенным. Во всём теле разлито ощущение довольства и по-

⁴³² В *Мн РГБ*: терпеть не мог

⁴³³ Ковалевская С.В. С. 623.

коя. Как истый сибарит, он не торопится проснуться, чтобы подольше продлить это приятное состояние общего растительного благополучия. Остановившись на какой-то средней точке между сном и бдением, он переживает мысленно разные хорошие минуты своего последнего путешествия за границу. Видит он опять удивительную полосу света, падающую на голые плечи св<ятой> Цецилии, в мюнхенской галерее⁴³⁴. Приходят ему тоже в голову очень умные места из недавно прочитанной книжки “О мировой красоте и гармонии”. Вдруг, в самом разгаре этих приятных грёз и переживаний, начинает он ощущать неловкость — не то боль внутреннюю, не то беспокойство. Вот так бывает с людьми, у которых есть застарелые огнестрельные раны, из которых пуля не вынута: за минуту перед тем ничего не болело и вдруг занает старая рана и ноет, ноет. Начинает наш помещик думать и соображать: что бы это значило? Болеть у него ничего не болит, горя нет никакого. А на сердце точно кошки скребут, да всё хуже и хуже. Начинает ему казаться, что должен он что-то припомнить и вот он силится, напрягает память... И вдруг действительно вспомнил, да так жизненно, реально, и брезгливость при этом такую всем своим существом ощутил, как будто вчера это случилось, а не двадцать лет тому назад. А между тем за все эти двадцать лет и не беспокоило это его вовсе. Вспомнил он, как однажды, после разгульной ночи и подзадоренный пьяными товарищами, он изнасиловал десятилетнюю девочку»⁴³⁵...

Матушка только руками сплеснула, когда Достоевский это проговорил.

— Фёдор Михайлович! Помилосердствуйте! Ведь дети тут!

Несмотря на все странности и чудачества Достоевского, г<ос>жа Корвин-Круковская не только мирилась с ним, но и полюбила его с совершенной искренностью.

На беду её, вздумалось ей устроить в Петербурге большой вечер и пригласить на него Достоевского. Он долго отказывался, но, в конце концов, согласился с явным неудовольствием.

Вечер был банальнейший и скучнейший. Светские знакомые, глубоко равнодушные друг к другу, терпеливо и безропотно несли обя-

⁴³⁴ Цецилия, св. — знатная римлянка III в., принявшая мученическую смерть за христианскую веру; в католической церкви — покровительница музыки, в первую очередь церковной; изображена на картинах Рафаэля, Гвидо Рени, Б. Строцци, Н. Пуссена, П.П. Рубенса и мн. др. художников. Известно, что Ф.М. Достоевский видел «дивную» картину Рафаэля «Святая Цецилия» (1514–1516) в Болонье в 1869 г.: «Фёдор Михайлович очень ценил это художественное произведение, но до сих пор видел лишь копии, и теперь был счастлив, что видел оригинал» (Достоевская А.Г. С. 127).

⁴³⁵ Ковалевская С.В. С. 625-626.

занности гостей, поддерживая кое-как салонную болтовню. На это Достоевский не был способен.

«В припадке самопожертвования он счёл нужным облачиться в фрак»... Фрак этот сидел на нём дурно, и вся его неловкая фигура выделялась своей странностью среди светских людей, ревниво хранивших пристойную форму чиновного петербургского круга. А Достоевскому все эти светские приличия были противны. «Он начал злиться уже с самой той минуты, как переступил порог гостиной»...

Г-жа Корвин-Круковская торопилась представить его гостям, но он, вместо приветов, бормотал что-то невнятное, похожее на воркотню, и поворачивался к ним спиной. «Что всего хуже — он тотчас изъявил притязание завладеть всецело Анютой. Он увёл её в угол гостиной, обнаруживая решительное намерение не выпускать её оттуда. Это, разумеется, шло вразрез со всеми приличиями света; к тому и обращение его с ней было далеко не светское: он брал её за руку; говоря с ней, наклонялся к самому её уху. Анюте самой становилось неловко, а мать из себя выходила. Сначала она попробовала “деликатно” дать понять Достоевскому, что его поведение не хорошо». Проходя мимо, она окликнула дочь, стараясь отвлечь её от слишком внимательного к ней гостя. «Анюта уже было поднялась, но Фёдор Михайлович прехладнокровно удержал её:

— Нет, постойте, Анна Васильевна, я ещё не досказал вам...

Тут уж мать окончательно потеряла терпение:

— Извините, Фёдор Михайлович, но ей, как хозяйке дома, надо занимать и других гостей»⁴³⁶...

Достоевский был в гневе. Забившись в угол, он молчал упорно, озираясь на всех, как на врагов.

«В числе гостей был один, который с первой же минуты сделался ему особенно ненавистен». Это был дальний родственник Шуберт, молодой немец, офицер одного из гвардейских полков. Живописно расположившись в кресле, молодой кирасир выказывал свои модно сшитые панталоны, плотно обтягивающие длинные, стройные ноги. Потряхивая эполетами и слегка наклоняясь над Анной Васильевной, он рассказывал ей что-то забавное. Его собеседница, ещё «skonфуженная недавним эпизодом с Достоевским, слушала его со своею несколько стереотипною, салонною улыбкой, “улыбкой кроткого ангела”, как язвительно называла её англичанка-гувернантка»...

Достоевский, разумеется, не мог смотреть без негодования на эту сцену. У него тотчас же сложился в голове роман, в который он пове-

⁴³⁶ См.: Там же. С. 627–628.

рил как в реальность. «Анюта ненавидит и презирает этого “н е м ч и - к а”, этого “ с а м о д о в о л ь н о г о н а х а л а”, а родители хотят выдать её замуж за него и всячески сводят их. Весь вечер, разумеется, только <нрзб.>⁴³⁷ за этим и устроен!»⁴³⁸...

Однако всё могло бы кончиться благополучно, если бы не заговорил один из гостей о новой английской книжке, где автор сравнивал православие с протестантизмом. В этом русско-немецком обществе тема была для всех интересной, и разговор несколько оживился в пределах благоприличия. Тут было о чём поговорить и Достоевскому! Ещё бы! Западу угрожает окончательное обмирщение... Начиная с XVI века Германия в своей религиозной жизни занимается только тем, что протестует против католицизма. У неё были для того основания. Но разве можно жить только критикою и протестом? А где же положительная духовная жизнь? Её вовсе нет или, если хотите, она быстро идёт на ущерб, и, в конце концов, протестантизм склоняется к чистейшему атеизму...

«Достоевский проговорил это с пафосом необычайным. По своему обыкновению, когда волновался, он весь съёживался и словно стрелял словами. Эффект вышел удивительный. Все благовоспитанные немцы примолкли и таращили на него глаза»⁴³⁹...

К довершению неловкости заговорила сама хозяйка дома, стараясь робко защитить протестантизм тем, что его ревнители читают Библию более прилежно, чем православные.

Тут уж Достоевский вышел из себя. Читают Библию! Но разве можно читать Библию со смыслом, если не признаёшь христианского предания! ... Нет-с, извините, Библия написана не для светских дам! Что эти дамы понимают в мудрости и святости её изречений! В Библии сказано, например, «оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть»... А что поймут в этой величайшей тайне все эти светские дамы, только и думающие о том, как бы выгоднее пристроить дочек! ...

«Лишь по прошествии нескольких секунд все вдруг сообразили всю неловкость сказанного, и все заговорили разом, желая заглушить её»...

«Достоевский ещё раз оглядел всех злобным, вызывающим взглядом. Потом опять забился в свой угол и до конца вечера не проронил больше ни слова»⁴⁴⁰...

⁴³⁷ В Мп РГБ: за этим

⁴³⁸ См.: Ковалевская С.В. С. 628–629.

⁴³⁹ Там же. С. 629.

⁴⁴⁰ Там же. С. 629.

Странная выходка Достоевского не помешала ему через несколько дней снова явиться к Корвин-Круковским. Мамаша встретила его холодно и старалась показать, что обижена его поведением, но из этого ничего не вышло: Достоевский в рассеянности не замечал холодности и держал себя так, как будто ничего не случилось; обиженная мамаша, по свойственной ей доброте, вернула своё расположение чудаку.

Зато отношение Анюты к Достоевскому совсем изменилось с этого вечера. Она поняла, что этот человек слишком требователен и сосредоточен на своих идеях и на самом себе, что ему надо посвятить всю свою жизнь. На такую жертву барышня-нигилистка не была способна. «Достоевский совершенно перестал импонировать Анюте, — рассказывает в своих воспоминаниях С.В. Ковалевская, — напротив, у неё явилось даже желание противоречить ему, дразнить его. Он же, с своей стороны, стал обнаруживать небывалую нервность и придирчивость по отношению к ней, стал требовать отчёта, как она проводила дни, когда он у неё не был, и относиться враждебно ко всем тем людям, к которым она обнаруживала некоторое восхищение. Приходил он к нам не реже, а, пожалуй, чаще и засиживался дольше прежнего, хотя всё почти время проходило у него в ссорах с моей сестрой»...

«В начале их знакомства сестра моя готова была отказаться от всякого удовольствия, от всякого приглашения в те дни, когда ждала к нам Достоевского, и, если он был в комнате, ни на кого другого не обращала внимания. Теперь же всё это изменилось. Если он приходил в такое время, когда у нас сидели гости, она преспокойно продолжала занимать гостей. Случалось, её куда-нибудь приглашали в такой вечер, когда было условлено, что он придёт к ней, тогда она писала ему и извинялась»...

«На следующий день Фёдор Михайлович приходил уже сердитый. Анюта делала вид, что не замечает его дурного расположения духа, брала работу и начинала шить.

Достоевского это ещё хуже сердило; он садился в угол и угрюмо молчал. Сестра моя тоже молчала.

— Да бросьте же шить! — скажет, наконец, не выдержав характера, Фёдор Михайлович и возьмёт у неё из рук шитьё.

Сестра моя покорно скрестит руки на груди, но продолжает молчать.

— Где вы вчера были? — спрашивает Фёдор Михайлович сердито.

— На балу, — равнодушно ответит моя сестра.

— И танцевали?

— Разумеется.

— С троюродным братцем?

— И с ним, и с другими.

— И вас это забавляет? — продолжает свой допрос Достоевский.

Анюта пожимает плечами.

— За неимением лучшего и это забавляет, — отвечает она и снова берётся за своё шитьё...

Достоевский смотрит на неё несколько минут молча.

— Пустая вы, вздорная девчонка, вот что! — решает он, наконец»⁴⁴¹.

Но у этой светской барышни были свои убеждения. Она была исполнена горячей веры в возможность переустроить весь мир на новых началах «ассоциации»... Эта горячая вера, по иронии исторических обстоятельств, называлась тогда «нигилизмом». Анна Васильевна Корвин-Круковская, несмотря на свои выезды на балы и вообще светский образ жизни, считала себя «нигилисткой». Она была разочарована в Достоевском. Как! Он стоял на эшафоте за свои политические убеждения! Он готовил типографский станок, чтобы печатать без цензуры то, что было запрещено в николаевской России... И вдруг этот самый человек, автор «Униженных и оскорблённых», негодует на «Современник» за его проповедь безбожия... Но разве христианство изменило что-нибудь в этом рабском и нищем мире? Разве не бесплодны были усилия всех этих мечтателей? И, в конце концов, торжествует инквизиция, застенки, преследования иноверцев... О каком же христианстве он говорит?

Тщетно Достоевский рассказывал ей о Христе, образ Которого он запечатлел у себя в сердце там, на каторге; тщетно напоминал он ей о том, что христианство созидалось на костях мучеников: её нелегко было убедить, и она видела только неприглядную прозу официальной церкви, охладевшей и одеревеневшей в условиях петербургской государственности.

Они спорили до изнеможения. Достоевский засиживался далеко полночь.

— Без религии не может быть культуры, — кричал Достоевский в крайнем негодовании. — Без веры всё станет плоским и пошлым... И это опошление уже началось... Вся теперешняя молодёжь глупа и неразвита! Для них всех смазные сапоги дороже Пушкина...

— Пушкин действительно устарел для нашего времени, — спокойно замечала «нигилистка», зная, что ничем так нельзя раздражить Достоевского, как неуважительным отношением к Пушкину.

Достоевский, вне себя от гнева, брал иногда шляпу и уходил, торжественно объявляя, что с нигилисткой спорить бесполезно и что

⁴⁴¹ Там же. С. 630.

ноги его больше не будет в этом доме. Но на другой день он приходил опять как ни в чём не бывало.

Чем нетерпеливее и требовательнее становился Достоевский, тем холоднее и упрямее была Анна Васильевна. А в это время пятнадцатилетняя Соня с восторгом и нежностью смотрела на отвергнутого «нигилисткою» писателя. Достоевский, наконец, заметил это поклонение подростка. Он говорил Анюте с досадою:

— У вас дрянная, ничтожная душонка! То ли дело ваша сестра! Она ещё ребёнок, а как понимает меня! Потому у неё душа чуткая!

Наконец, Достоевский понял, что ему не завоевать сердца этой девушки... «Фёдор Михайлович, — рассказывает С.В. Ковалевская, — пришёл к нам ещё раз, проститься. Он просидел недолго, но с Анютой держал себя дружественно и просто, и они обещали друг другу переписываться. Со мной его прощанье было очень нежное. Он даже поцеловал меня при расставанье, но, верно, был очень далёк от мысли, какого рода были мои чувства к нему и сколько страданий он мне причинил»⁴⁴²...

XXXVII.

В апреле 1865 года семья Корвин-Круковских уехала в Палибино, а через три месяца, в конце июля, и сам Достоевский уехал за границу. Он ехал туда с разбитым сердцем. Всё вокруг него рушилось и погибало. Смерть жены, смерть брата, смерть Аполлона Григорьева, измена Суловой, холодная недоступность Корвин-Круковской, банкротство «Эпохи», беспомощность семьи покойного брата, лентяй Паша: всё леденило душу. А тут ещё какая-то странная клевета, возникшая по доброму почину «Голоса», то есть того же Краевского. В февральской книжке «Эпохи» был напечатан Достоевским рассказ «Крокодил» с шутовым подзаголовком «Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже». Справедливая повесть о том, как один господин, известных лет и известной наружности, пассажным крокодилом был проглочен живьём, весь без остатка, и что из этого вышло... В этом литературном арабеске было немало карикатурных и пародийных шуток, иногда очень острых и ядовитых, в коих Достоевский высмеивал идеи и умонастроения «нигилистов». Пародийность чувствовалась как в отдельных излюбленных тогда словечках, казавшихся смешными в контексте рассказа, так и в насмешливом изложении сообщений о пропавшем в недрах крокодила чиновнике. Все эти

⁴⁴² Там же. С. 639.

словечки, как «рай для всего человечества», «новый экономический принцип», «процесс» — всё это, с постоянными ссылками на естественные науки, напоминало ходячую журнальную и газетную фразеологию того времени. Естественно, что иные литераторы усмотрели в «Крокодиле» не только пародию на тогдашние идеи, но и на отца «нигилизма», т.е. на Чернышевского. Однако пародии на личность самого писателя в «Крокодиле» не было, но идейные противники Достоевского старались изобразить дело так, как будто Ф.М. Достоевский не побрезговал осмеять преследуемого правительством писателя и даже не постыдился глумиться над его неудачною семейною жизнью.

Опровергать эту клевету в печати было мудрено по цензурным условиям, да и сердечная боль Достоевского была слишком велика в те дни. Он махнул рукою на сплетню, не подозревая, что она разрастётся впоследствии как снежный ком и докатится до его могилы.

Достоевский уезжал за границу, чувствуя у себя за спиною негодующий вой кредиторов, глумления журналистов, жалобный плач вдовы покойного брата Эмилии Фёдоровны⁴⁴³... В голове у него были планы большого романа, и ему казалось, что именно теперь, наконец, он угадывает какую-то новую форму для воплощения огромной идеи, которая должна победить мир. А между тем жизнь складывалась так неудачно!

Нужно было сосредоточиться с пером в руке, забыв о житейской суете, но она стучала назойливо в дверь, напоминая о себе постоянно. Надо быть свободным! Но без денег Достоевский чувствовал себя рабом и даже узником, потому что кредиторы грозили ему тюрьмою. А там за границей его ждал соблазн, преодолеть который он был не в силах. Он уже вкусил тёмную сладость азарта. Ведь выигрывают же люди! Вертящееся колесо рулетки, вся эта низкая и нечистая тайна мелькающих чисел, зéго, красное и чёрное, *passé et manqué*⁴⁴⁴ — весь этот бред сумасшедшей игры владел грешною душою Достоевского...

Разумеется, дьявольская игра должна была кончиться бедою. На этот раз рулетка обманула его в Висбадене. В один час он выиграл здесь двенадцать тысяч франков, но кончил тем, что проиграл всё, заложил часы и застрял в отеле без копейки денег. Надо было заниматься. Достоевский послал письмо в Баден-Баден Тургеневу, прося сто талеров. Тот прислал пятьдесят. Эта сумма была недостаточна.

⁴⁴³ Достоевская Э.Ф. (1822–1879) — жена, затем вдова старшего брата писателя М.М. Достоевского; так как после смерти мужа в 1864 г. и падения ж. «Эпоха» в 1865 г. её семья оказалась полностью разорённой, Ф.М. Достоевский, взявший на себя все денежные обязательства брата, был вынужден содержать Э.Ф. Достоевскую и её детей.

⁴⁴⁴ Термины игры в рулетку: ноль (нуль), манк (низ, номера 1–18), пас (верх, номера 19–36) (*фр.*).

И Достоевский послал письмо в Женеву Герцену, умоляя его выслать 400 флоринов. Герцен не спешил ответить. 400 флоринов у него будто бы нет, а вот 150 гульденов он мог бы дать, однако и этой суммы он не выслал. В Висбадене проездом из Швейцарии в Париж прожила несколько дней Сулова. Достоевский писал ей письмо после её отъезда: «Только что ты уехала, на другой же день, рано утром, мне объявили в отеле, что мне не приказано давать ни обеда, ни чаю, ни кофею. Я пошёл объясняться и толстый немец-хозяин объявил мне, что я не “заслужил” обеда и что он будет присылать мне только чай. И так со вчерашнего дня я не обедаю и питаюсь только чаем. Да и чай подают прескверный, без машины, платье и сапоги не чистят, на мой зов нейдут и все слуги обходятся со мною с невыразимым, самым немецким презрением. Нет выше преступления у немца как быть без денег и в срок не заплатить. Всё это было бы смешно, но тем не менее и очень неудобно. И потому, если Герцен не пришлёт, то я жду себе больших неприятностей, а именно: могут захватить мои вещи и меня выгнать или ещё хуже того. Гадость. Если ты в Париж доехала и каким-нибудь образом можешь добыть что-нибудь от своих друзей и знакомых, то пришли мне — maximum 150 гульденов, а minimum сколько хочешь»⁴⁴⁵...

В начале сентября Достоевский всё ещё в Висбадене и всё ещё без денег. Он пишет в отчаянии письмо Врангелю в Копенгаген. Пусть Врангель пришлёт ему денег. Если Достоевский не получит денег, не состоится его поездка в Париж, а между тем эта поездка для него почему-то «слишком важна». На этот раз «бесценный друг» Врангель выручил Достоевского. Но ещё ранее Достоевский послал очень важное письмо М.Н. Каткову. Он предложил ему задуманный им роман. Это уже не «Пьяненькие». Фабула изложена совершенно точно. Это — «Преступление и наказание». Надо удивляться, как в хаосе событий, в тревоге, не имея денег на обед, Достоевский мог обдумывать свою гениальную тему. Он почтительно просит у издателя «Русского вестника» скромнейший гонорар и ничтожный аванс — триста рублей. Но эта последняя просьба весьма срочная. Для него в его «стеснённом положении всякая минута дорога»⁴⁴⁶. Катков деньги выслал, но с промедлением, и Достоевский выехал из Висбадена, заняв деньги у И.Л. Янышева⁴⁴⁷, священника тамошней православной церкви.

⁴⁴⁵ Письма I. С. 411–412 (Письмо А.П. Суловой от 10 (22) авг. 1865 г.).

⁴⁴⁶ Там же. С. 421 (Письмо М.Н. Каткову от 10 (22) — 15 (27) сент. 1865 г.).

⁴⁴⁷ Янышев И.Л. прот. (1826–1910) — священник, религиозный писатель, богослов и церковный деятель, в 1866–1883 гг. ректор Петербургской духовной академии;

Возвращаясь в Россию, Достоевский заехал в Копенгаген к Врангелю и опять занял у него денег.

В ноябре измученный долгами и безденежьем Достоевский вернулся в Петербург. Несмотря на эту ужасную беспорядочную жизнь, Достоевский продолжал работать над своим романом. Он начал его писать ещё до отъезда за границу, но образы таились в его душе и так неотступно требовали себе места в задуманном повествовании, что Достоевский изнемогал в борьбе с ними. Он уничтожал написанное и вновь принимался писать, старался угадать самое важное и отбросить второстепенное. В Висбадене Достоевский заносил в свои записные тетради заметки и планы романа. У него были сомнения относительно самой формы рассказа. От имени кого вести этот ответственный рассказ? От имени автора, как бы невидимого, но всеведущего существа? Или от имени самого героя? А если от имени героя, то как? В форме исповеди? Или дневника? Или воспоминаний? Или, наконец, не лучше ли избрать смешанную форму, где после рассказа от автора начинаются признания от лица героя? Достоевский часами сидел за своими записными тетрадями, то вычерчивая рассеянно готические окна, то каллиграфически выписывая латинским шрифтом слова — *Napoléon*⁴⁴⁸ или *Julius Caesar*⁴⁴⁹, то зарисовывая лица фантастических персонажей. Он обдумывал в это время сцены своего романа... Он принимался писать от имени героя и не решался продолжать в этой форме: ... «уж слишком до последней крайности, надо всё уяснить. Чтобы каждое мгновение рассказа всё было ясно. Исповедь в некоторых пунктах будет нецеломудренна, и трудно представить, для чего написано»... И Достоевский опять возвращался к форме «от автора»... «Предположить автора существом всеведущим и непогрешающим, выставляющим на вид одного из членов нового поколения»...

Какой же будет сюжет этого романа? В Висбадене в начале сентября 1865 г. этот сюжет представлялся Достоевскому так: «Действие современное, в нынешнем году. Молодой человек, исключённый из студентов университета, мещанин по происхождению и живущий в крайней бедности, по легкомыслию, по шаткости в понятиях, поддавшись некоторым странным “недоконченным” идеям, которые носятся в воздухе, решил разом выйти из скверного своего положения. Он решил убить одну старуху, титулярную советницу, да-

с момента знакомства с Ф.М. Достоевским в 1865 г. состоял с ним в неизменно дружеских отношениях.

⁴⁴⁸ Наполеон (*фр.*).

⁴⁴⁹ Юлий Цезарь (*лат.*).

ющую деньги на проценты»... «“Она никуда не годна”, “Для чего она живёт?”, “Полезна ли она хоть кому-нибудь?” и т.д. — Эти вопросы сбивают с толку молодого человека. Он решает убить её, обобрать, с тем чтоб сделать счастливою свою мать, живущую в уезде, избавить сестру, живущую в компаньонках у одних помещиков, от сластолюбивых притязаний главы этого помещичьего семейства — притязаний, грозящих её гибелью, докончить курс, ехать за границу и потом всю жизнь быть честным, твёрдым, неуклонным в исполнении “гуманного долга к человечеству”, чем уже, конечно, “загладится преступление”, если только можно назвать преступлением этот поступок над старухой глухой, глупой, злой и больной, которая сама не знает для чего живёт на свете и которая через месяц может быть сама собой померла бы»... «Ему совершенно случайным образом удаётся совершить своё предприятие и скоро, и удачно. Почти месяц он проводит после того до окончательной катастрофы»... «Тут-то и развёртывается весь психологический процесс преступления. Неразрешимые вопросы встают перед убийцею, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце. Божия правда, земной закон берёт своё, и он кончает тем, что п р и н у ж д ё н сам на себя донести. Принуждён, чтоб хотя погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям»⁴⁵⁰...

Таков был сюжет романа. А какова была его идея? О, эта идея была не из тех идей, которые можно высказать с лёгким сердцем и которые удобно включить в прописи с назидательными целями. Это была «идея», которая вся жила и трепетала, как само бытие, исполненное противоречий. В романе Достоевского развёртывалась сама жизнь. Автор вёл своего героя по нравственному лабиринту, не щадя его сердца. Правда о жизни добывалась кровью. В своей записной книжке под заголовком «Идея романа» Достоевский записал, между прочим, «нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием». Но любопытно то, что этот⁴⁵¹ путь «оправдания человека» у Достоевского вовсе не торный путь морали, готовый и удобный для домашнего обихода. Нет, у него имеются все яды и все отравленные кинжалы, приготовленные скептицизмом и критикою, и он не скупится на пытки. Его «жестокый талант»⁴⁵² беспощаден. И его посягнувший на «закон» студент проходит по таким мукам сомнений, что у недальновидных читателей слагалось убеждение, что сам Достоевский «ни во что не верит». Даже

⁴⁵⁰ Письма I. С. 418–419 (Письмо М.Н. Каткову от 10 (22) — 15 (27) сент. 1865 г.).

⁴⁵¹ Далее было: христианский

⁴⁵² Название известной статьи Н.К. Михайловского (1882), посвящённой творчеству Достоевского.

редакция «Русского вестника» усмотрела в некоторых сценах романа апологию нигилизма, а не борьбу с ним, и Достоевскому пришлось делать уступки и что-то вычёркивать, дабы «не соблазнять малых сих».

Но Достоевский был прежде всего художник, и развитие его идей находилось в прямой зависимости от тех образов, которые рождались в его галлюцинирующей душе. На него влияли и сухие летние, извёсткой и пылью пропитанные улицы Петербурга, и липкий пивной кошмар грязных притонов, и фантастическая скука мещанских кварталов, и хриплые голоса проституток, и мучительные звуки трактирного органа... Сами серые будни превращались им чудотворно в волшебный бред дантовского ада⁴⁵³. <Нрзб.>

Несмотря на проигрыши в рулетку и долги, старые и новые, несмотря на житейскую неустроенность, Достоевский чувствовал подъём творческих сил и ту «кошачью живучесть», которую он сам отмечал в себе. Вернувшись в Петербург, он с жаром продолжал работать над романом. И если все его умственные силы направлялись с величайшей энергией в этой борьбе за его излюбленную «огромную идею» об оправдании человека, то, с другой стороны, его сердце мастера ликовало и радовалось от художественной удачи. Он чувствовал, что роман развёртывается с необычайной занимательностью, что каждая страница дышит живою правдою подлинного искусства.

Роман стал печататься с первого январского номера «Русского вестника» и сразу привлёк к себе внимание читателей. Голоса хулителей заглушались восторженными отзывами взволнованных читателей. Это было хорошо. Но худо было то, что Достоевский закабалил себя некоему издателю Стелловскому. По контракту с ним Достоевский обязался не только предоставить ему для издания ранее напечатанные вещи, но и вручить ему не позднее 1-го ноября 1866 года новый роман в 12 печатных листов. Ему грозила, по условию, полная кабала, если он не исполнит обязательства, а между тем надо было кончать «Преступление и наказание».

«Я хочу сделать небывалую и эксцентрическую вещь, — писал Достоевский 17 июня 1866 года Анне Васильевне Корвин-Круковской, — написать в четыре месяца 30 печатных листов, в двух разных романах, из которых один буду писать утром, а другой вечером и кончить к сроку. Знаете ли, добрая моя Анна Васильевна, что до сих пор мне вот этикие эксцентрические и чрезвычайные вещи даже нравятся. Не гожусь я в разряд солидно живущих людей. Прости-

⁴⁵³ Имеется в виду первая часть «Божественной комедии» (1307–1321) Данте Алигьери под названием «Ад».

те: похвастался! Но что ж мне и осталось более как не похвастаться; остальное-то ведь уж очень незавлекательно. Но какова же литература-то? Я убеждён, что ни единый из литераторов наших, бывших и живущих, не писал под такими условиями, под которыми я пишу. Тургенев умер бы от одной мысли»⁴⁵⁴...

Это письмо Достоевский послал из Москвы. В письме он сообщает адрес: Старая Басманная у Никиты Мученика, Константиновский межевой институт, Александру Павловичу Иванову для передачи Достоевскому.

Александр Павлович Иванов, по профессии врач, был женат на сестре Достоевского, Вере Михайловне. Однако в Москве Достоевский жил не у него, а в гостинице, недалеко от Малого театра, пока сестра не уговорила его переехать в Люблино, где семья Ивановых жила летом. Достоевский так и сделал, нанял дачу, взял напрокат мебель, обзавёлся кое-каким хозяйством и переехал в Люблино, где продолжал работать над романом. Работа шла успешно. Достоевский как будто помолодел. Ивановы его любили. Здесь было много молодёжи, племянницы Достоевского: умненькая Соня, музыкантша Масенька, — племянник Саша... Приходили студенты Межевого института, приходили подруги барышень Ивановых... Устраивались прогулки, пикники, шарады. Молодые люди ухаживали за барышнями. Было шумно, забавно и легко. Достоевскому было тогда сорок пять лет, но, когда он после работы приходил на дачу к сестре, молодёжь окружала его таким весёлым хороводом, что ему тоже хотелось забыть свою каторжную жизнь и быть, как все эти студенты, беспечным и весёлым. Достоевский заставлял Масеньку играть на рояле и наслаждался музыкой. Он любил Моцарта, Бетховена, ценил Глинку и Серова. Масенька увлекалась Шопеном. <Нрзб.>⁴⁵⁵. Сам он любил напевать, когда был в духе. Однажды один из студентов спел ему, под аккомпанемент рояля, романс на слова Гейне: "Du hast Diamanten und Perlen"⁴⁵⁶... И Достоевский нередко стал его повторять. Он вложил его потом в уста умирающей Катерины Ивановны Мармеладовой.

От кошмаров Раскольников и привидений Свидригайлова Достоевский отрывался, чтобы шутить и смеяться среди молодёжи. Он сумел завоевать их сердца.

⁴⁵⁴ Письма I. С. 438.

⁴⁵⁵ В Мп РГБ: А он дразнил её, называя её музыку «чахоточной»

⁴⁵⁶ «Ты вся в жемчугах и алмазах» (нем.). Перевод А.Н. Майкова. См.: Майков А.Н. Сочинения в двух томах / Под общей редакцией Ф.Я. Приймы. М.: Правда, 1984. Т. 1. С. 234.

Он играл в фанты, участвовал в прогулках и однажды в парке устроил театральную пародию на Гамлета, и сам, закутанный в простыню, изображал тень отца датского принца.

Здесь, на даче, как будто все были влюблены друг в друга. Достоевский, кажется, не избежал этой любовной заразы, и даже им были сделаны какие-то не совсем осторожные признания некоей Елене Павловне Ивановой, *belle sœur*⁴⁵⁷ Веры Михайловны... Впрочем, это его дачное увлечение не имело никаких последствий.

XXXVIII.

«Впечатление, произведённое романом “Преступление и наказание”, было необычайное, — писал в своих воспоминаниях Н.Н. Страхов. — Только его и читали в этом 1866 году... «Но всего положительнее было случившееся при этом совпадение романа с действительностью. В то самое время, когда вышла книжка “Русского вестника” с описанием преступления Раскольникова, в газетах появилось известие о совершенно подобном преступлении, происшедшем в Москве. Какой-то студент убил и ограбил ростовщика и, по всем признакам, сделал это из нигилистического убеждения, что дозволены все средства, чтобы исправить неразумное положение дел. Убийство было совершено, если не ошибаюсь, дня за два или за три до появления “Преступления и наказания”».

Достоевский чрезвычайно гордился этим своим предчувствием действительных событий. Спустя два года в письме к А.Н. Майкову он писал, между прочим: «Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики. Мой идеализм — реальнее ихнего»... «Ихним реализмом — сотой доли реальных, действительно случившихся фактов не объяснишь. А мы нашим идеализмом пророчили даже факты. Случалось»... От «идеализма» Достоевский отрещивался и любил себя называть «реалистом в высшем смысле».

Но этот «реализм» Достоевского, хотя и позволял ему видеть «все глубины души человеческой», нисколько не помогал ему в его житейских делах. Он прекрасно понимал намерения⁴⁵⁸ издателя Стелловского, но это не помешало ему закабалить себя этому плуту. И вот теперь, осенью, в Петербурге, когда ещё надо было дописывать последние гла-

⁴⁵⁷ свояченица (фр.).

⁴⁵⁸ Было: видел тёмную душонку

вы «Преступления и наказания», ему предстояло во что бы то ни стало приготовить и сдать к 1 ноября 1866 года новую повесть под страхом окончательной кабалы. Времени оставалось мало, около месяца. И в этот срок надо было написать около десяти печатных листов — дело почти невозможное. Приятели Достоевского посоветовали ему обратиться к стенографии, только что входившей тогда в моду. Достоевский так и сделал. Ему прислали молоденькую «стенографку» Сниткину.

Жил тогда Достоевский в квартире № 13 во втором этаже дома Алонкина, на углу Мещанской и Столярного переулков. С ним жил лентяй Паша и старая служанка, которая готовила обед и убирала квартиру. В квартире было три комнаты, обставленных бедно и скучно. В столовой, кроме стола и стульев, по стенам стояли большие сундуки, прикрытые коврами. Тут же был комод с белой вязаной на нём скатертью. Над жиденьким диваном тикали часы. В кабинете Достоевского было почти всегда сумрачно. Солнце в окна заглядывало только по утрам. Поперёк комнаты стоял скромный письменный стол. Вдоль стены большой диван, обитый зелёным сафьяном. Над ним висел в ореховой раме портрет чрезвычайно худой дамы с болезненным лицом и страдальческими глазами. Обстановка вся была скудная. Только на окнах стояли две большие драгоценные китайские вазы.

Здесь работал этот сорокапятилетний человек, в третий раз завоёвывавший себе славу — «Бедными людьми», потом «Записками из Мёртвого дома» и теперь, наконец, «Преступлением и наказанием» — и всё ещё замученный безденежьем и житейской неустроенностью. Наружность его несколько изменилась: выражение лица стало иным — потому, быть может, что теперь зрачок правого глаза у него был сильно расширен: этот правый глаз он себе повредил, упав однажды в припадке эпилепсии, и доктор велел ему впускать в больной глаз атропин. От этой асимметрии взгляд его казался загадочным.

Вот в эту квартиру и пришла к Достоевскому молоденькая «стенографка» Сниткина⁴⁵⁹. Это было 4 октября 1866 года. У Достоевского недавно был припадок. Он чувствовал себя плохо. Был рассеян. Всё спрашивал девушку, как её зовут, и опять забывал, что её зовут Анной Григорьевной. Старуха принесла два стакана очень крепкого чая, почти чёрного. Достоевский закурил и предложил папиросу «стенографке». Та отказалась.

⁴⁵⁹ Сниткина А.Г. (в замужестве Достоевская) (1846–1918) — вторая жена писателя; мемуаристка, издательница, библиограф; при жизни Ф.М. Достоевского деятельно помогала ему в творческом труде, стенографируя под диктовку его произведения, а затем расшифровывая записи для дальнейшей работы над ними; после смерти писателя посвятила свою жизнь распространению и изучению его творчества.

Он взял валявшийся на столе номер «Русского вестника» и стал диктовать «для пробы» — очень быстро, без всяких пауз. Девушка сказала, что так нельзя, что диктовать надо «не скорее обыкновенной разговорной речи».

Достоевский омрачился. Тогда ничего не выйдет. Надо ведь продиктовать десять печатных листов, а эта «стенографка» так медленно расшифровывает свою запись.

— Да ведь переписывать продиктованное я буду дома, а не здесь, — утешала его Сниткина.

Но он хмурился — и, в конце концов, попросил прийти к восьми часам вечера. У него сейчас такое настроение, что он сам никуда не годится и не может диктовать. К вечеру ему будет лучше.

Прощаясь, Достоевский сказал рассеянно:

— Я очень рад, что мне прислали девицу-стенографа, а не мужчину...

— Почему же?

— Да потому, что мужчина уж наверно бы запил, а вы, я надеюсь, не запьёте.

— Ах, в этом вы можете быть уверены, — сказала девица очень серьёзно.

Вечером Сниткина явилась, и Достоевский стал диктовать ей «Игрока». Фабула давно уж сложилась у него в голове, но теперь надо было оживить те воспоминания, те чувства и те настроения, которые волновали его, Достоевского, летом 1863 года, когда он вместе с Сусловой был в Италии. После этого много было иных событий — смерть жены, брата, влюблённость в другую «нигилистку», Анюту Корвин-Круковскую, была странная тоска вообще по какой-то «невесте»... Эта неутомимая жажда любви толкнула его на какие-то полупризнания красивой и доброй Елене Павловне Ивановой, там, в Люблине, — и даже сейчас он ловит себя на мысли, что его юная «стенографка», в сущности, тоже очень мила и, должно быть, у неё простое бесхитрое сердце, способное любить верно и свято, как любила пушкинская Татьяна. Но думать о простом сердце «стенографки» никак нельзя, потому что сейчас у него в душе совсем иной и вовсе непростой женский образ, образ причудницы, в которую был влюблён его двойник, игрок.

Да, он был страстно влюблён в эту причудницу. Правда, бывали минуты, когда он отдал бы полжизни, чтобы задушить её! А между тем, если бы на Шлангенберге, на модном пуанте⁴⁶⁰, она действительно ска-

⁴⁶⁰ Топографические реалии из романа Ф.М. Достоевского «Игрок».

зала ему: «бросьтесь вниз», то он бы тотчас же бросился, и даже с наслаждением. Всё это она удивительно понимала, и мысль о том, что он вполне верно и отчётливо сознавал всю её недоступность для него, эта мысль доставляла ей чрезвычайное наслаждение; иначе могла ли бы она быть с ним в таких короткостях и откровенностях? Ему казалось, что она смотрела на него как древняя императрица, которая раздевалась при своих невольниках, не считая их за людей. Да, она много раз считала его не за человека... Следок ноги у неё был узенький и длинный — мучительный. Именно мучительный. Глаза — настоящие кошачьи, но как она гордо и высокомерно умела ими смотреть!

И, однако, всё это пролетело как сон — даже страсть его, а ведь она была сильна и истинна, но... Куда же она делась? Уж не сошёл ли он тогда с ума и не сидел ли всё это время где-нибудь в сумасшедшем доме, а может быть, и теперь сидит, так что всё это ему показаться и до сих пор только кажется...

Все эти страстные признания сочетались как-то с лихорадочным трепетом рулетки. Милая, неискушённая и такая чистенькая «стенографка» с совершенной невинностью записывала все эти страстные вопли Достоевского, не подозревая, что он своею повестью о жестокой причуднице прощается со своею трудной молодостью.

Работа шла успешно. Достоевский приготавливал к сеансу заметки и диктовал белой текст. На другой день Сниткина приносила переписанные чётко листы. Вскоре выяснилось, что повесть будет готова к сроку.

После сеансов, когда Достоевский уставал, он удерживал свою сотрудницу и говорил с ней о её молодости, об её житейских планах, а ещё чаще о самом себе, о своей неудачной жизни.

Она была изумлена его горькой судьбою, его одиночеством, несправедливостью окружающих, которые так мало ценили этого большого писателя. Однажды, шутя, он сказал ей, что ему предстоит выбрать одно из трёх решений: или уехать куда-нибудь на Восток, в Иерусалим, и там остаться навсегда; или предаться соблазнительной азартной игре, махнув на всё рукою; или, наконец, опять жениться, попытав счастья в семейной жизни. Она приняла эту шутку всерьёз, вообразив, что Достоевский в самом деле может колебаться между такими решениями жизненной задачи. Она посоветовала ему жениться.

— Так вы думаете, — спросил Достоевский, — что я могу ещё жениться? Какую же мне выбрать себе жену — умную или добрую.

Девушка и на этот раз не заметила иронии.

— Конечно, умную, — сказала она.

— Ну, нет, если уж выбирать, то возьму добрую, чтоб меня жалела и любила, — засмеялся Достоевский.

Двадцать девятого октября была последняя диктовка. Повесть «Игрок» была окончена. На другой день надо было доставить рукопись издателю Стелловскому. Достоевский сам повёз её в контору, но Стелловского не было будто бы в Петербурге. Конторщик наотрез отказался принять рукопись. Достоевский, боясь ловушки, по совету друзей, повёз роман в полицейский участок и вручил рукопись чиновнику под расписку.

XXXIX.

Прощаясь со своей «стенографкой» и вручая ей пятьдесят рублей гонорара, Достоевский выразил желание продолжать их совместную работу: ему предстоит ещё писать последние главы «Преступление и наказания»... Да и вообще ему было бы грустно не встречаться больше с Анной Григорьевной. Но почему бы им не встречаться? Достоевский приедет 3 ноября на Пески⁴⁶¹ знакомиться с мамашей Анны Григорьевны. Он явился в назначенный день, очаровал мамашу, ел с аппетитом груши и сладости, которые приготовила для него Анна Григорьевна, и условился через неделю снова заняться диктовкою романа. Достоевский был у Сниткиных в четверг, а в воскресенье Анна Григорьевна собралась ехать в гости к своей крёстной матери. Уже одетая в вечернее платье, она послала служанку за извозчиком, а сама села за фортепяно. И неожиданно в комнату вошёл Достоевский. Он вошёл как будто несколько смущённый. Извинился, что не прошло ещё недели, а он опять явился незванный и вот, кажется, помешал. Она уверяла, что очень рада его видеть. Достоевский заметил, что на ней светло-серое шёлковое платье. Очевидно, она собирается ехать на какой-нибудь вечер. Она призналась, что обещала быть сегодня у крёстной матери. Тогда Достоевский предложил подвезти её на извозчике, который его дождался. Она согласилась. Извозчик оказался лихачом. На каком-то крутом повороте Достоевский хотел придержать за талию свою спутницу, но она сказала строго:

— Пожалуйста, не беспокойтесь — я не упаду.

Достоевский сделал вид, что обиделся:

— Как бы я желал, чтобы вы вывалились сейчас из саней!

⁴⁶¹ Исторический район Петербурга, располагавшийся на месте Советских (Рождественских) улиц современного города.

Она засмеялась. Когда они прощались, Достоевский крепко жал её ручку и просил её прийти к нему через день, чтобы начать работу.

Восьмого ноября 1866 года в Петербурге был мороз, но было светло и сухо.

Когда Анна Григорьевна явилась в назначенный час, Достоевский, заслышав её голос, вышел в переднюю.

— Наконец-то вы пришли!

Он помог ей развязать башлык и снять шубку.

— Как я рад, что вы пришли. Я так боялся, что вы забудете своё обещание...

У него было радостное и восторженное лицо. Он как будто помолодел.

— Какой вы сегодня весёлый! — сказала Анна Григорьевна. — Вы узнали что-нибудь хорошее?

— Сегодня ночью я видел чудесный сон.

Анна Григорьевна засмеялась.

— Не смейтесь. Я придаю снам значение. Мои сны бывают вещими. Когда я во сне вижу моего покойного брата Мишу, а особенно, когда мне снится отец, я знаю, что мне грозит беда.

— Что же вам сегодня приснилось?

— Видите этот палисандровый ящик? Это подарок одного моего сибирского приятеля. Я видел во сне, будто я сижу перед этим ящиком и разбираю бумаги и письма. Вдруг между ними что-то блеснуло, какая-то светлая звёздочка. Она то появлялась, то исчезала. В конце концов, я убедился, что это крошечный, но очень яркий и сверкающий брильянтик.

— Что же вы с ним сделали?

— В том-то и горе, что не помню! Тут пошли другие сны, и я не знаю, что с ним случилось. Но то был хороший сон!

— Чем вы были заняты эти дни? — спросила Анна Григорьевна Достоевского.

— Новый роман придумал.

— Кто же герой вашего романа?

— Художник, человек уже немолодой, ну, одним словом, моих лет...

Достоевский стал рассказывать фабулу романа. И даже Анна Григорьевна, не очень догадливая, догадалась всё-таки, что Достоевский рассказывает о самом себе, о своей судьбе. Его герой был неизлечимо больной человек, мрачный и мнительный; правда, у него нежное сердце, но он не умеет высказывать свои чувства; он талантливый художник, но неудачник; он не успел воплотить свои идеи в такие формы, о которых мечтал; он этим мучается всегда.

— И вот он встречает девушку ваших лет. Назовём её Аней... Представьте, что этот художник я, а вы эта девушка. Представьте, что он говорит вам о своей любви и просит вас быть его женой. Что бы вы ему ответили?

— Я бы вам ответила, что я люблю вас и буду любить всю жизнь, — сказала она.

На другой день, 9 ноября, Достоевский должен был приехать к Сниткиным в семь часов. Он приехал раньше и очень извинялся: не мог вытерпеть, так ему хотелось увидеть свою невесту.

— *Nous sommes logées à la même enseigné*⁴⁶², — смеялась счастливая Анна Григорьевна.

Почти каждый день Достоевский приезжал к своей невесте и привозил ей конфеты от Балле. Она, в свою очередь, добывала для него, зная его пристрастие к лакомству, изюм, финики, шепталу⁴⁶³ и пастилу.

Анна Григорьевна рассказывала Достоевскому, как давно уж она любила его как романиста, как она с увлечением читала его «Униженных и оскорблённых», сочувствуя Ивану Петровичу, негодуя на ничтожного Алёшу. Ах, это такой прекрасный роман! Как было интересно его читать!

— В самом деле? Я с трудом припоминаю содержание романа, — сказал Достоевский. — Имён я совсем не помню...

— Ах, ты непременно должен перечитать этот роман.

Достоевский обещал, когда у него будет досуг.

Но как странно, что он худо помнил своих героев. И лица человеческие, которым он придаёт немалое значение, иногда исчезают из его памяти.

Помнит ли он, по крайней мере, как он влюбился в неё, в Анну Григорьевну?

Достоевский, к огорчению своей невесты, признался, что в первую неделю их знакомства он совершенно не заметил её лица.

— Как не заметил? Что это значит?

Да, это с ним бывает. Он заметил её добрую ясную улыбку и милые серые глаза только потом, позднее. Теперь он убеждён, что она красавица...

В конце ноября редакция «Русского вестника» напомнила Достоевскому о продолжении романа. Надо было приниматься за диктовку. Последняя часть «Преступления и наказания» — около семи печатных листов — была написана в четыре недели.

⁴⁶² Мы в одинаково затруднительном положении (*фр.*).

⁴⁶³ Сушёные абрикосы или персики с косточками.

Встречи и беседы с Анной Григорьевной омрачались иногда житейскими неприятностями. Так, однажды Достоевский приехал на Пески озябший и простуженный. Анна Григорьевна очень удивилась, что он явился в холодном пальто. Оказалось, что Эмилия Фёдоровна, вдова брата, пожаловалась на какой-то долг, который надо было отдать поскорее, и Достоевский заложил свою шубу, потому что у него не было денег.

На Рождество Достоевский решил ехать в Москву к сестре, В.М. Ивановой, которую любил. К тому же у него в Москве было дело к М.Н. Каткову. Надо было просить у него денег. Как же без денег жениться и устраивать новую жизнь?

На вокзал, кроме Анны Григорьевны, приехали провожать отъезжающего родственники.

Развязный Паша сказал:

— Папаша! Не вздумайте лечь на верхнюю лавку... Как раз хватит падучая, свалитесь на пол, тогда и костей ваших не соберёшь!

В Москве всё уладилось. Катков обещал дать две тысячи. Через двенадцать дней Достоевский вернулся в Петербург. Квартиру свою он уступил вдове брата, а для себя нанял другую в доме Тон, на Вознесенском проспекте. Квартира состояла из пяти больших комнат. Одна из них предназначалась для пасынка Паши.

Свадьба была назначена 15 февраля. Это была среда перед масляной. Достоевский был очень озабочен, чтобы всё было «благообразно». Венчанье должно было состояться в семь часов вечера в Измайловском соборе. На Анне Григорьевне было платье из белого муара с длинным шлейфом.

Фёдор Михайлович, очень бледный, бросился навстречу невесте и, крепко схватив её за руку, сказал:

— Наконец-то я тебя дождался. Теперь уж ты от меня не уйдёшь!

Анна Григорьевна удивилась, почему он так сказал, ибо не предполагала от него уходить никак. После венчания поехали домой, где были гости. Заготовлено было много фруктов, конфет и вино. Достоевский любил угощать на славу.

После свадьбы почти каждый день приходилось делать визиты родственникам и знакомым. Молодых везде встречали шампанским, и Достоевский, забыв о своей болезни, в рассеянности осушал бокалы.

В последний день масленицы чета Достоевских вечер проводила у сестры Анны Григорьевны. Когда гости разъехались и оставшиеся допивали последнее вино, Достоевский что-то рассказывал с большим воодушевлением, и все его слушали как очарованные. Вдруг он прервал на полуслове свой рассказ, побледнел, привстал с дивана и начал наклоняться в сторону, где сидела Анна Григорьевна. Вдруг раздался

ужасный нечеловеческий вопль. Хозяйка дома тоже закричала в испуге и выбежала из комнаты, истерически рыдая. Анна Григорьевна не растерялась, обхватила мужа за плечи и посадила на диван, но тело его в судорогах стало сползать на пол. Отодвинули стол с горячей лампой. Анна Григорьевна опустилась на ковёр и положила к себе на колени голову больного. Мало-помалу конвульсии прекратились. Он как будто очнулся, но говорил что-то невнятное. Его положили на диван. Он успокоился. Но вдруг припадок повторился снова. Анна Григорьевна в ужасе смотрела на искажённое лицо Достоевского, на его остановившиеся безумные глаза...

XL.

Анна Григорьевна не разлюбила Достоевского, увидев его искажённое лицо, губы в кровавой пене, чужие сумасшедшие глаза. Напротив, она решила, что у неё теперь должна быть в жизни одна только цель — беречь этого несчастного человека, такого умного, такого одарённого, с таким пламенным сердцем... Она не понимала его странных идей и какой-то безумной его мечты о мировой гармонии, об оправдании человека, о «тысячелетнем царстве», но она в сердечной простоте не сомневалась в том, что её муж предназначен судьбою для какого-то высокого подвига. И она безмерно уважала этого человека. Всё сулило ей трудовую жизнь, но зато исполненную любви и нежности. Однако медовый месяц был не очень сладок. Молоденькая жена Достоевского оказалась нежеланной и неприятной гостьей в кругу его родственников. Эмилия Фёдоровна, племянники и, прежде всего, пасынок Паша — все были настроены враждебно к Анне Григорьевне, потому что вся эта родня смотрела на Достоевского как на источник своего житейского благополучия и новая родственница отнимала у них добрую половину того, что мог бы уделить им щедрый Фёдор Михайлович.

Достоевский, занятый в это время работою над последними главами «Преступления и наказания», не замечал маленькой драмы, которая разыгрывалась по соседству с его кабинетом. Но Анна Григорьевна была особа решительная. Она недолго мирилась с грубостями Паши, с колкостями Эмилии Фёдоровны, с суетою прочих родственников, которые непрестанно приходили «в гости», мешая работать и ей, и Фёдору Михайловичу. Однажды Достоевский застал свою молоденькую жену в слезах. Рыдая, она призналась, что за его спиною её оскорбляет Паша, над нею смеётся Эмилия Фёдоровна и что она чувствует себя несчастной. Достоевский не выносил женских слёз.

Он предложил ей уехать на три месяца за границу. Надо съездить в Москву, попросить у Каткова аванс и освободиться на какой-то срок от родственных объятий. Она была в восторге.

В четверг, на пятой неделе поста, молодые приехали в Москву и остановились в гостинице Дюссо. Достоевский повёз Анну Григорьевну знакомить с своею сестрою, Верою Михайловною. Ивановы <нрзб.> жили в Межевом институте, и надо было ехать по Покровке. Достоевский восхищался архитектурою церкви Успения. Он вообще любил Москву и хорошо знал её памятники. В семье Ивановых, очень многолюдной, не сразу примирились с женитьбою Достоевского. Все рассчитывали почему-то, что он женится на Елене Павловне Ивановой. Но он обманул их надежды. Над молоденькой Анной Григорьевной слегка подтрунивали. Ей пришлось и здесь, в Москве, поплакать немного. Впрочем, дело уладилось, и весёлая семья Ивановых, в конце концов, обласкала неопытную Анну Григорьевну. В один из вечеров у этих Ивановых какой-то молодой человек за ужином проявил к ней особое внимание. Это вызвало со стороны Достоевского настоящую ревность.

«Фёдор Михайлович, — рассказывает сама Анна Григорьевна в своих «Воспоминаниях», — разразился ужасным гневом и наговорил мне много обидных вещей. По его словам, я была бездушная кокетка и весь вечер кокетничала с моим соседом, чтобы только мучить мужа. Я стала оправдываться, но этим только подлила масла в огонь. Фёдор Михайлович вышел из себя и, забыв, что мы в гостинице, кричал во весь голос. Зная всю неосновательность его обвинений, я была обижена до глубины души его несправедливостью. Его крик и страшное выражение лица испугали меня. Мне стало казаться, что с Фёдором Михайловичем сейчас будет припадок эпилепсии или же он убьёт меня. Я не выдержала и залилась слезами. Муж мигом опомнился, стал меня успокаивать, утешать, просить прощения. Целовал мне руку, плакал и проклинал себя за происшедшую сцену»⁴⁶⁴...

Мир был заключён... Счастливые, они бродили по Москве, осматривая её достопримечательности — кремлёвские соборы, Оружейную палату, дворцы... Потом, устав, они ехали в ресторан Тестова, и Достоевский угощал свою жену селянкой⁴⁶⁵, расстегаями и прочими московскими яствами.

Катков согласился выдать аванс — тысячу рублей. В Петербурге оказались новые обстоятельства, мешавшие Достоевскому выехать за

⁴⁶⁴ Достоевская А.Г. С. 87–88.

⁴⁶⁵ Солянка (изначально: селянка) — блюдо русской кухни; суп на крутом мясном, рыбном или грибном бульоне с острыми приправами.

границу. Родственники набросились на него с требованием обеспечить их на все три месяца их поездки. От катковского аванса почти ничего не осталось. Тогда решительная Анна Григорьевна заложила всё своё приданое — мебель, серебро, драгоценности... На эти деньги они уехали за границу.

Из Дрездена 23 апреля (5 мая) 1867 года Достоевский послал письмо А.П. Сусловой: «Письмо твоё, милый друг мой, — писал он, — передали мне у Базунова⁴⁶⁶ очень поздно перед самым отъездом моим за границу, а так как я спешил ужасно, то и не успел ответить тебе. Выехал из Петербурга в страстную пятницу (кажется, 14 апреля), ехал до Дрездена довольно долго, с остановками, и потому только теперь улучил время поговорить с тобою. Стало быть, милая, ты ничего не знаешь обо мне, по крайней мере, ничего не знала, отправляя письмо своё. Я женился в феврале нынешнего года»...

Далее Достоевский весьма обстоятельно и деловито рассказывает о своём контракте с издателем и о том, как он пригласил для работы «стенографку» Сниткину, чтобы диктовать ей новый роман.

«При конце романа, — продолжает рассказывать Достоевский, — я заметил, что стенографка моя меня искренне любит, хотя никогда не говорила мне об этом ни слова, а мне она всё больше и больше нравилась. Так как со смерти брата мне ужасно скучно и тяжело жить, то я предложил ей за меня выйти. Она согласилась, и вот мы обвенчаны. Разница в годах ужасная (20 и 44), но я всё более и более убеждаюсь, что она будет счастлива. Сердце у неё есть, и любить она умеет»... Далее — опять о делах, и в заключение следующее: «Твоё письмо оставило во мне грустное впечатление. Ты пишешь, что тебе очень грустно. Я не знаю твоей жизни за последний год и что было в твоём сердце, но судя по всему, что об тебе знаю, тебе трудно быть счастливой. О, милая, я не к дешёвому н е о б х о д и м о м у счастью приглашаю тебя. Я уважаю тебя (и всегда уважал) за твою требовательность, но ведь я знаю, что сердце твоё н е м о ж е т не требовать жизни, а сама ты людей считаешь или бесконечно сияющими или тотчас же подлецами и пошляками. Я сужу по фактам. Вывод составь сама. До свиданья, друг вечный!»...

⁴⁶⁶ Базунов А.Ф. (1825–1899) — издатель и книгопродавец, в 1862–1876 гг. выпускавший произведения Ф.М. Достоевского; известна его серия «Библиотека современных писателей» (произведения Н.С. Лескова, Г.И. Успенского, Ф.М. Достоевского, Вс. Крестовского, П.В. Засодимского и др.); Достоевский открыл в книжном магазине Базунова контору своего ж. «Время».

XLI.

Достоевский с женою выехал из Петербурга 14 апреля 1867 года. Они останавливались в Вильне. Оттуда они отправились в Берлин, где пробыли два дня. Здесь, в Берлине, накрапывал дождь, но они вышли из гостиницы, чтобы посмотреть город. Они смешались с толпою на Unter den Linden⁴⁶⁷, бродили по мокрым тротуарам куда глаза глядят. Достоевский сказал, что ему не нравится белая пуховая шляпа, которая была на Анне Григорьевне. Она была обижена этим замечанием и сказала, что если она дурно одета, им лучше вместе не показываться на улице. Сказав это, она быстро пошла в противоположную сторону. Они потеряли друг друга в толпе. Потом она вернулась в гостиницу и, не найдя там мужа, решила, что он, разочаровавшись в ней, бросился в Шпрее. Она была в отчаянии. Но он вернулся невредим. Впрочем, эта ссора окончилась миром и поцелуями.

Из Берлина они поехали в Дрезден. Они остановились в лучшей гостинице «Stadt Berlin»⁴⁶⁸ и в тот же день отправились в картинную галерею. Достоевский спешил показать жене Сикстинскую мадонну, которая казалась ему необычайной.

Из гостиницы Достоевские переехали в частную квартиру, в коей было три комнаты. Фёдор Михайлович ходил с женою по магазинам и выбирал для неё наряды. Купили шляпу «из белой итальянской соломы, с розами и длинными чёрными бархатными лентами, спускающимися по плечам и называвшимися, согласно моде, *suivez-moi*»⁴⁶⁹.

Достоевский работал по ночам, вставал поздно, а его молодая супруга удовлетворяла свою любознательность, посещая ежедневно какую-нибудь Sammlung — Mineralogische, Geologische, Botanische⁴⁷⁰ и пр. Потом она шла в картинную галерею, куда к двум часам приходил также Достоевский. У него были свои любимые картины, и, по-видимому, он вкладывал в них свои идеи и как-то связывал их со своим восприятием мира, не очень разбираясь в самой живописи. У него были пристрастия к художникам совершенно различным и по своему духу, и по качеству их мастерства. Он любил гений Рембрандта, но

⁴⁶⁷ Унтер-ден-Линден — под липами (нем.). Один из главных и наиболее известный из бульваров Берлина, получивший своё название благодаря украшающим его липам.

⁴⁶⁸ «Город Берлин» (нем.).

⁴⁶⁹ следуйте за мной (фр.).

⁴⁷⁰ коллекцию (выставку, музейное собрание) — минералогическую, геологическую, ботаническую (нем.).

это не мешало ему восхищаться приторным Мурильо; он умилялся перед Рафаэлем, и ему нравился совсем неглубокий Лиотар; зато он умел иные картины превратить в целые философские и мистические поэмы, что, например, выпало на долю ландшафтов Клода Лоррена.

Из галереи они шли в ресторан обедать, и хозяйственная Анна Григорьевна записывала в своём дневнике с удивительной обстоятельностью цены обедов, ужинов, кофе и даже Silbergrosch'и⁴⁷¹, которые они давали на чай кельнерам. Она отмечала также в своём дневнике, в какой кондитерской продают вкусные пирожки и где можно купить папиросы и сколько они стоят.

По вечерам они гуляли в парке, где играли оркестры — то полковые с медными инструментами, то струнные. Фёдор Михайлович восхищался Моцартом и Бетховеном и корил музыку Вагнера.

В библиотеке и книжных магазинах Достоевский искал русских эмигрантских изданий. Купил все сочинения Герцена, какие тогда можно было достать в Дрездене.

В дневнике на страницах, помеченных 27 апреля (9 мая), Анна Григорьевна записала следующее: «Федя пошёл в “Café Francais”⁴⁷² читать газеты, а я отправилась доставать адрес той библиотеки, в которой можно доставать русские книги. Я скоро узнала, что мне было нужно, и вернулась домой, чтобы прочитать письмо, которое я нашла в письменном столе Феде. (Конечно, дело дурное читать мужнины письма, но что же делать, я не могла поступить иначе!). Это было письмо от С.⁴⁷³ Прочитав письмо, я была так взволнована, что просто не знала, что делать. Мне было холодно, я дрожала и даже плакала. Я боялась, что старая привязанность возобновится, и что любовь его ко мне исчезнет. Господи, не посылай мне такого несчастья! Я была ужасно печальна. Как подумаю об этом, у меня сердце кровью обольётся! Господи, только не это, мне слишком тяжело будет потерять его любовь! Я едва успела утереть слёзы, как Федя пришёл домой»⁴⁷⁴...

Заметив взволнованное и смущённое лицо жены, он стал её расспрашивать, не больна ли она. Он посоветовал ей лечь в постель и с такою нежностью за нею ухаживал, что она убедилась в его любви и верности. Однако они ссорятся довольно часто и всё из-за пустяков, но эти ссоры недолго длятся и оканчиваются поцелуями.

⁴⁷¹ серебряные гроши, мелочь, чаевые (*нем.*).

⁴⁷² «Французское кафе» (*фр.*).

⁴⁷³ Имеется в виду А.П. Сулова.

⁴⁷⁴ Дневник 1867. С. 28.

Однажды Анна Григорьевна была приглашена в немецкий стенографический кружок, и, хотя её участие в заседании выразилось в нескольких кратких репликах, в ближайшие дни в одной из газет было отмечено её выступление. Это знакомство Анны Григорьевны с немецкими стенографами послужило поводом для ревнивых подозрений Достоевского.

Прошло недели три со дня приезда Достоевских в Дрезден. Время от времени Фёдор Михайлович заговаривал о рулетке. Коли бы он был один, непременно поехал бы в Гомбург и попытал счастья. Подумать только, что можно легко выиграть десять-пятнадцать тысяч франков и это обеспечило бы их на несколько месяцев. Можно было бы продолжать работу, не связывая себя авансами.

Но почему же он не едет в Гомбург?

Ах, вдвоём ехать слишком дорого, а оставить здесь Анну Григорьевну одну не совсем удобно. Да и ей, пожалуй, будет скучно.

Но она, боясь быть помехой, сама стала уговаривать мужа ехать в Гомбург дня на три. Он согласился.

«Когда поезд тронулся, — записывает Анна Григорьевна в своём дневнике, — мне сделалось так грустно, я отошла в сторону и горько заплакала. Видя, что на меня смотрят, я пошла из вокзала, закрывшись вуалью»⁴⁷⁵...

Потом она, пройдя Ostra-Allee⁴⁷⁶, очутилась у почтамта. «Я, не зная почему, предчувствовала, — продолжает она свою запись, — что будет письмо от неё, и очень рада, что это случилось без Феде, и что я могу его прочесть. Я заплатила за письмо 6 silb. Pf.⁴⁷⁷ (письмо было без марки), тотчас же узнала почерк и пошла домой, не обнаруживая особенного волнения. Но затем мне стало нехорошо. Я торопливо пришла домой, страшно в душе волнуясь, достала ножик и осторожно распечатала письмо. Это было очень глупое и грубое письмо, не выказывающее особенного ума в этой особе. Я уверена, что она была сильно раздосадована женитьбою Феде, и что тоном её письма выразилась её обида»... «Я подошла к зеркалу и увидела, что у меня всё лицо в пятнах от волнения. Потом я вынула чемодан и рассмотрела его письма, многие из них я уже читала прежде»⁴⁷⁸...

Приехав в Гомбург, Достоевский написал письмо Анне Григорьевне. Оказывается, в Лейпциге была пересадка и пришлось просидеть

⁴⁷⁵ Дневник 1867. С. 48.

⁴⁷⁶ аллея, бульвар Остра (нем.). Одна из центральных улиц Дрездена.

⁴⁷⁷ серебряных монет (нем.).

⁴⁷⁸ Дневник 1867. С. 48.

в вокзале шесть с половиною часов. В зале пахло пивом и табаком. У Достоевского разболелась голова и расстроились нервы.

«Всё думал о тебе, — пишет он жене, — и воображал: зачем я мою Аню покинул? Всю тебя вспоминал, до последней складочки твоей души и твоего сердца, за всё это время, с октября месяца начиная и понял, что такого цельного, ясного, тихого, кроткого, прекрасного, невинного и в меня верующего ангела, как ты, — я и не стою. Как мог я бросить тебя? Зачем я еду? Куда я еду? Мне Бог тебя вручил, чтоб ничего из зачатков и богатств твоей души и твоего сердца не пропало, а напротив, чтоб богато и роскошно взросло и расцвело; дал мне тебя, чтоб я свои грехи огромные тобою искупил, представив тебя Богу, развитой, направленной, сохранённой, спасённой от всего что низко и дух мертвит; а я (хоть эта мысль непрерывно и прежде мне втихомолку про себя приходила, особенно, когда я молился) — а я такими бесхарактерными, сбитыми с толку вещами, как эта глупая теперешняя поездка моя сюда, — самоё тебя могу сбить с толку. Ужас, как грустно мне стало вчера. Так бы, кажется, и обнял тебя, кабы ты со мной была, а назад не воротился, хоть и мелькала мысль»⁴⁷⁹...

С 17 по 28 мая Достоевский ежедневно писал жене из Гомбурга. В первый же день он стал играть и выиграл сто гульденов. Он сообщает об этом в письме, но тут же признаётся, что чувствует себя худо: ему «до того всё это противно», что он готов убежать. Однако он не бежит. «А между тем это наживание денег даром, как здесь, (не совсем даром, платишь мукой) имеет что-то раздражительное и одуряющее, а как подумаешь, для чего нужны деньги, как подумаешь о долгах и о тех, которым кроме меня надо, то и чувствуешь, что отойти нельзя»⁴⁸⁰...

На третий день своего пребывания в Гомбурге он проиграл почти всё, что имел. Его состояние возбуждённое, тревожное, но его «натура иногда этого просит». Он гулял в парке. «Местоположение здесь обворожительное»... «Вот бы пожить-то здесь, если б не проклятая рулетка»⁴⁸¹... На следующий день он пишет: «А вчера был день решительно пакостный и скверный. Главное всё это бестолково, глупо и низко. А всё-таки оторваться от моей идеи не могу, т.е. бросить всё, как есть, и приехать к тебе. Да теперь это почти что, покамест, и невозможно, т.е. сейчас-то. Что завтра скажет. Верить ли: я проиграл вчера всё, всё до последней копейки, до последнего гульдена, и так и решил написать тебе поскорей, чтобы ты прислала мне денег на выезд. Но

⁴⁷⁹ Письма II. С. 5–6 (Письмо А.Г. Достоевской от 5 (17) мая 1867 г.).

⁴⁸⁰ Там же. С. 7–8 (Письмо А.Г. Достоевской от 6 (18) мая 1867 г.).

⁴⁸¹ Там же. С. 9 (Письмо А.Г. Достоевской от 7 (19) мая 1867 г.).

вспомнил о часах и пошёл к часовщику их продать или заложить»⁴⁸²... Все эти судороги азарта перемежаются с горячими любовными признаниями. Утром во вторник 21 мая, придя на почту, Достоевский убедился, что для него нет письма. У него «ноги подкосились»... Более мучений и страху он никогда не испытывал. Ему всё приходило в голову, что его жена больна или умерла. Он ходил по саду, «весь дрожа»... «Наконец пошёл на рулетку и всё проиграл»⁴⁸³... Он в отчаянии. Он умоляет немедленно прислать ему денег, чтобы вернуться в Дрезден. Анна Григорьевна тотчас же выслала, сколько он требовал. 24-го мая Достоевский писал ей: «Аня, милый друг мой, жена моя, прости меня, не называй меня подлецом! Я сделал преступление, я всё проиграл, что ты мне прислала, всё, всё до последнего крейцера, вчера же получил и вчера проиграл»⁴⁸⁴... Анна Григорьевна выслала вторично деньги, и Достоевский выехал, наконец, из Гомбурга, разбитый и разочарованный.

В дневнике от 15 (27) мая Анна Григорьевна записала: «Я уже потеряла всякую надежду увидеть сегодня Федю, как вдруг вдали показался он. Я с минуту всматривалась, как бы не веря глазам, потом бросилась к нему и была так рада, так рада, так счастлива! Он немного изменился, вероятно, с дороги. Был запыхлён, но всё-таки мы очень радостно встретились»... «Я всё время любовалась моим Федей и была бесконечно счастлива. За чаем он спросил, не было ли ему письма, и я ему подала письмо от н е ё. Он или действительно не знал, от кого письмо, или притворился незнающим, но только едва распечатал письмо, потом посмотрел на подпись и начал читать. Я всё время следила за выражением его лица, когда он читал это знаменитое письмо. Он долго, долго перечитывал первую страницу, как бы не будучи в состоянии понять, что там было написано; потом, наконец, прочёл и весь покраснел. Мне показалось, что у него дрожали руки. Я сделала вид, что не знаю, и спросила его, что пишет Сонечка. Он ответил, что письмо не от Сонечки, и как бы горько улыбаясь. Такой улыбки я ещё никогда у него не видала. Это была или улыбка презрения, или жалости, право, не знаю, но какая-то жалкая, потерянная улыбка. Потом он сделался ужасно как рассеян, едва понимал, о чём я говорю»⁴⁸⁵... На другой день Анна Григорьевна записала: «Сегодня мы проснулись довольно поздно. У нас теперь часов нет (остались в Гомбурге), и потому мы времени совершенно не знаем. Я сначала опраивляла моё чёрное платье, а Федя всё время, как потерянный, ходил по комнате,

⁴⁸² Там же. С. 10 (Письмо А.Г. Достоевской от 8 (20) мая 1867 г.).

⁴⁸³ Там же. С. 11 (Письмо А.Г. Достоевской от 9 (21) мая 1867 г.).

⁴⁸⁴ Там же. С. 17 (Письмо А.Г. Достоевской от 12 (24) мая 1867 г.).

⁴⁸⁵ Дневник 1867. С. 85–86.

всё чего-то искал, точно он что потерял, рассматривал письмо. Вообще видно было, что письмо С. его очень затронуло и оскорбило»⁴⁸⁶...

Вернувшись в Дрезден, Достоевский принялся писать статью «Знакомство с Белинским». Он писал её всё лето <нрзб.>⁴⁸⁷. Писать эту статью было труднее, чем роман. «Только что притронулся писать, и сейчас увидел, что возможности нет написать *ц е н з у р н о*»⁴⁸⁸... С Белинским у Достоевского были особые счёты. Надо было подвести итоги доброму и дурному. Белинский когда-то оскорбил самые заветные верования Достоевского. Забыть этого нельзя. И Белинский, кроме того, знамя. Его именем пользуются современники в яростной борьбе против христианства. Так всё это представлялось тогда Достоевскому. Говорить о Белинском это значит — говорить о социализме. Но разве можно говорить о социализме цензурно? В борьбе с атеистическим социализмом возможно ли умолчать о *п р а в д е* социализма? Ему, Достоевскому, надо выяснить, что не против социализма он борется, а против *б е з б о ж н о г о* социализма. Но казённая цензура так груба и дика, что она не разрешит Достоевскому защищать его заветную идею «социализма со Христом»... Вот почему он писал эту статью «со скрежетом зубным»⁴⁸⁹.

XIII.

В дневнике от 1 июня (20 мая) 1867 г. А.Г. Достоевская записала: «Сегодня я всё утро читала и писала, а Федя ходил по комнате и обдумывал свое сочинение “о Белинском”. Потом мы пошли сначала за сигарами, а потом к Helbig⁴⁹⁰ — обедать. Я взяла с собою книги, и мы зашли переменить в нашу библиотеку»... «Федя решился перечитать все запрещённые издания, чтобы знать, что пишут за границей о России. Это необходимо для его будущих произведений»⁴⁹¹...

Анне Григорьевне он рекомендовал прочесть «Les Misérables»⁴⁹² Виктора Гюго. Он взял также в библиотеке «Николай Никльби» Диккенса.

⁴⁸⁶ Там же. С. 86.

⁴⁸⁷ В *Мп РГБ*: «со скрежетом зубным»

⁴⁸⁸ *Письма II*. С. 36 (Письмо А.Н. Майкову от 15 (27) сент. 1867 г.).

⁴⁸⁹ Там же. С. 36 (Письмо А.Н. Майкову от 15 (27) сент. 1867 г.).

⁴⁹⁰ Хельбиг (*нем.*). Имя собственное.

⁴⁹¹ *Дневник 1867*. С. 91.

⁴⁹² «Отверженные» (*фр.*).

26 мая (7 июня) в Дрездене было получено известие о покушении в Париже на русского царя. Достоевский был чрезвычайно взволнован. Он поспешил в русское консульство, чтобы узнать подробности. Дня через три Достоевский опять получил письмо от Сусловой, и это, конечно, не ускользнуло от ревнивого внимания Анны Григорьевны. На другой день у Достоевского был припадок, и в течение двух-трёх дней после припадка у него, как всегда в таких случаях, было очень мрачное настроение.

И вообще не проходило дня, чтобы у «молодых» не было какой-нибудь преходящей ссоры из-за пустяков. Анна Григорьевна плакала, и Достоевский, увидев её слёзы, тотчас же раскаивался в своём гневе и просил простить его. Иногда он, шутя, говорил, что Анна Григорьевна совершенно не знает жизни, а если бы она знала жизнь, то ни за что бы не вышла замуж за «старого, беззубого, беспутного человека, старого грешника»... Она отвечала, что всё это неправда и что она его «страшно любит и страшно счастлива»⁴⁹³.

18 июня (6 июня) Анна Григорьевна призналась мужу, что у неё есть подозрение, не беременна ли она. Дня через два у них возобновился разговор на эту тему. Анна Григорьевна спросила Достоевского, будет ли он рад рождению ребёнка. Она боялась, что он будет этим недоволен. Но он с очень весёлым лицом отвечал, что совершенно напротив — он будет счастлив, если у них родится ребёнок. Конечно, «тяжело оставлять детей без денег и без всякого воспитания», но один или даже двое ребят не обременят семьи. Достоевский нежно поцеловал жену.

Ложась в постель, он опять сказал:

— Это будет очень хорошо.

Анна Григорьевна заговорила на другую тему, но он рассеянно её слушал и вдруг сказал:

— Значит, это будет в феврале?

И потом прибавил:

— Может быть, будет мальчишка...

На воскресной прогулке Достоевский опять заговорил о возможной беременности жены.

— Коли будет девочка, — сказала она, — не надо её называть Анной...

— Так назовём её Соней, — сказал Достоевский, — в честь моей Сони в романе и в честь московской Сони, племянницы...

26 июня омрачились отношения между мужем и женою, правда ненадолго. Анна Григорьевна собралась на почту. Достоевский спросил, на какую почту она идёт. Она ответила, что не идёт на главный почтамт, что он может не беспокоиться — она не возьмёт его писем. Он не ответил, но

⁴⁹³ Дневник 1867. С. 122.

когда она отошла, он догнал её. Подбородок у него дрожал. В большом волнении он сказал, что понял её намёк. Он, однако, сохраняет за собою право переписываться, с кем ему угодно. Да, у него есть отношения с некоторыми лицами, и Анна Григорьевна не смеет ему мешать...

Это взволнованное объяснение не имело как будто серьёзных последствий. Весь день они говорили дружелюбно. Вечером Достоевский был нежен и внимателен. Потом она легла спать, а он сел работать. На рассвете её разбудил ужасный крик. Анна Григорьевна вскочила с постели и бросилась к мужу. «Судороги были страшные, руку всю скрючило ужасно и ноги тоже. Потом он начал хрипеть, как никогда не случалось»⁴⁹⁴...

На другой день Достоевскому понадобилось засвидетельствовать в посольстве какую-то бумагу. Когда он и Анна Григорьевна сидели в канцелярии и ждали чиновника, Достоевский увидел, что в полуоткрытую дверь просунулась голова и были видны плечи какого-то человека, который смотрел на него. Это был покойный брат, Михаил Михайлович. Анна Григорьевна не видела его. Эпилепсия может свести с ума человека. Но как бороться с подобными галлюцинациями? Нервы у Достоевского совсем расшатаны. А тут ещё напомаженный посольский чиновник, совсем юный, как-то не очень почтительно спросил у Достоевского, есть ли у него паспорт, на что Фёдор Михайлович ответил гневно. И когда чиновник что-то ему вежливо возразил, Достоевский крикнул:

— Нравы русской канцелярии не следовало бы переносить за границу!

3 июля (21 июня ст<арого> ст<илия>) Достоевские выехали из Дрездена в Баден-Баден.

На другой же день Достоевский, взяв пятнадцать золотых, пошёл в вокзал, где шла игра. Он проиграл всё. Часа через три он вернулся домой и предложил Анне Григорьевне посмотреть рулетку. Она согласилась. Они пошли вместе. Достоевский стал ставить и выиграл после долгой игры тысячу франков. После обеда они опять пошли вместе, и Достоевский выиграл ещё немного. Потом он проводил жену домой, а сам пошёл снова в игорный зал, проиграл всё, что взял с собою; вернулся домой за деньгами и опять проиграл.

Началась ужасная азартная жизнь в Баден-Бадене, где они оставались почти два месяца. Каждый день Достоевский посещал рулетку, каждый день давал себе клятву играть осторожно и расчётливо, но стоило ему выиграть несколько фридрихсдоров⁴⁹⁵, как он рисковал всем

⁴⁹⁴ Дневник 1867. С. 154.

⁴⁹⁵ Золотые монеты, чеканившиеся в Пруссии в 1750–1855 гг., равные 5 серебряным талерам.

и всё проигрывал. Изредка, правда, он приносил домой кошелёк, туго набитый золотом, но оно не держалось в доме более двух-трёх дней. Он проигрывал всё, закладывая обручальные кольца, часы, пальто, мантилью жены... Несколько раз ему присылали деньги из Москвы — от тёщи, и он опять всё проигрывал. Деньги хранились у Анны Григорьевны. Она редко настаивала на том, чтобы он прекратил игру. Чаще она безропотно выдавала ему последние гульдены. Достоевский был невменяем. Он на коленях выпрашивал у жены прощение и клялся, что прекратит игру, — и на другой же день опять ставил дрожащими руками последние монеты то на красное, то на <пропуск>⁴⁹⁶...

В тесноте и суете толпы, когда из-за спины играющего протягиваются нетерпеливые руки, чтобы поставить поскорее серебряную или золотую монету, легко перепутать ставки. Однажды, когда Достоевскому везло и он был в выигрыше, случайно какая-то чужая монета попала ему под руки, и он взял её вместе со своими. Игрок запротестовал, и Достоевский поспешил извиниться и вернуть монету. Но тот сказал нахально, что монета не случайно попала под руки Достоевскому. Тогда Достоевский крикнул ему в лицо, что он подлец. Этим дело и кончилось.

Однако на другой день у Достоевского опять было столкновение за столом рулетки. Какой-то очень высокий и толстый господин бесцеремонно его толкал, а когда Достоевский заметил ему это, толстяк сказал вызывающе, что «рулетка для всех» и что «это не кончится для него так, как в прошлый раз», т.е. Достоевскому придётся, мол, иметь дело с более храбрым противником.

Эта грязь притона была отвратительна Достоевскому, но он продолжал каждый день стоять в толпе маньяков, мошенников, светских бездельников, продажных женщин и несчастных простецов, мечтающих спасти себя сумасшедшей игрою...

Потом он возвращался домой, измученный и разбитый, валялся в ногах у своей молоденькой жены и старался убедить её и себя, что его малодушию конец, что завтра же ноги его не будет больше в этом проклятом курзале.

Анна Григорьевна засыпала, а он садился за стол, чтобы писать статью о Белинском. Она худо подвигалась вперёд, зато в эти ночные часы Достоевский забывал о своём позорном азарте и возвращался к излюбленным идеям и образам. У него не было собеседника. В курзале он встретил как-то Гончарова, но этот умный осторожный человек с физиономией петербургского чиновника, одарённый большим талантом и холодным сердцем, почёл бы даже неприличным решать мировые воп-

⁴⁹⁶ В Мн. РГБ вписано: zero

росы, которые увлекали Достоевского. А он, Достоевский, если не влачился по самым тёмным низинам грешных страстей, только этими мировыми вопросами и жил. Мог ли он серьёзно говорить с Гончаровым?

В Баден-Бадене жил в это время Тургенев. С этим человеком у Достоевского были давнишние счёты. Когда-то в молодости, в эпоху «Бедных людей», он был влюблён в этого барина, который казался ему идеалом денди и поэта. Эти иллюзии продолжались недолго. Началась травля, и денди сплетничал, <нрзб.>⁴⁹⁷ злился на непонятого безумца Достоевского, который воображал себя гением... После Сибири они опять встречались дружелюбно. В 1865 году Достоевский, будучи в Висбадене, занял у Тургенева пятьдесят талеров и всё никак не мог их вернуть... Но все эти обстоятельства не так были важны, как противоречия их заветнейших убеждений. Тургенев был гуманист. Он любил философский комфорт. Даже пессимизм свой он старался облечь в пристойные формы; грустные раздумья о судьбе человека отнюдь не должны переходить известных границ; надо искать утешения в прелестях поэзии, искусства и немецкого идеализма... Надобно любить родину, но разумно, нисколько не обольщая себя иллюзией, что в ней заключена какая-то тайна, что русский народ хранит будто бы в сердце образ Христа, как думает этот полоумный Фёдор Михайлович.

Да и сама легенда об Иисусе изложена в четырёх Евангелиях на дурном греческом языке. Правда, Евангелия от Луки и Матфея довольно любопытны, а вот Евангелие Иоанна решительно не стоит читать...

Достоевский думает и верит совсем по-иному. Ему казалось, что этот барский гуманизм, эти тёпленькие пристрастия к немецкой «культуре без культа», к поэзии без ответственности за духовный мир поэта, к скептицизму без последнего дерзания, — что всё это ничтожно перед огромностью поразившей его идеи о человеке как о каком-то переходном существе, чья природа должна измениться и обрести, наконец, утраченную гармонию — в каком-то ином бытии. Но Достоевский был реалист. Ему нужно было найти немедленно где-то на земле такие души и сердца, которые разделяли бы его верования. Где же искать эти души? Неужели в Западной Европе, где торжествует папизм и, с другой стороны, бесплодный протестантизм, клонящийся к атеизму? И вот, оказывается, только в этой нашей России, обездоленной, но духовно могучей, в этом единственном народе, который готов будто бы жертвовать своими национальными интересами для целей всемирных, Достоевский увидел живое воплощение своих чаяний. То, что единство народа весьма сомнительно, что

⁴⁹⁷ В Мн РГБ: как мешанка, и

Россия раздираема <нрзб.>⁴⁹⁸ противоречиями, — этого Достоевский не мог не видеть, но образ свирепого фельдъегеря, поразивший его нравственное сознание в юности, кнут и палки на каторге, кровавое возмездие, постигшее его отца, — всё это тускнело и умаялось в его воображении, когда он припоминал образы и характеры таких людей, как Сергей Радонежский или Тихон Задонский⁴⁹⁹, или митрополит Филипп, замученный благочестивейшим царём⁵⁰⁰...

Все эти святители и преподобные — по вере Достоевского — были истинными выразителями мужицкой России.

Тургеневу эти пристрастия Достоевского казались грубейшим суеверием. Христианские подвижники ему не нравились. Тургеневу казалось, что Россия начала жить лишь с Петра Великого. Его уму и сердцу ничто не говорил киевский храм святой Софии или Успенский собор в Москве, или древние иконы северной Руси; «Слово о полку Игореве» было ему совершенно чуждо, как были совершенно чужды песни и былины, которые звучали из глубин русской истории. Всё это было чем-то бесформенным и варварским, в представлении Тургенева. То ли дело Гёте, у которого даже его беспокойный Фауст успокоился и со всем примирился, как только узрел возможное благоустройство и возможный порядок. Вот это и есть цивилизация, торжество формы, а в России всё грязно и грубо, и никакого благоустройства нет.

При встрече Гончаров сказал Достоевскому, что Тургенев видел его в курзале, но не подошёл к нему, потому что игроки не любят, когда им мешают. Надо было сделать визит Тургеневу, чтобы извиниться за неуплату долга, этих несчастных пятидесяти талеров, которые тот выслал Достоевскому в Висбаден два года назад.

Достоевский застал Тургенева за завтраком. Иван Сергеевич сделал вид, что рад посетителю и «полез целоваться, подставляя щёку». Это «аристократически-фарсёрское⁵⁰¹ объятие» сразу раздражило Дос-

⁴⁹⁸ В Мп РГБ: минутными

⁴⁹⁹ Тихон Задонский, еп. (1724–1783) — богослов, церковный деятель, крупнейший православный просветитель, авторитетный духовный писатель; канонизирован РПЦ в 1861 г. как святитель, почитается как чудотворец; был близок к институту старчества, возрождавшегося в России с конца XVIII в. под влиянием св. Паисия Величковского; прототип отца Тихона в «Бесах», один из главных прототипов старца Зосимы в «Братьях Карамазовых».

⁵⁰⁰ Имеется в виду Филипп II (в миру Фёдор Колычев) — митрополит Московский и всея Руси с 1566 по 1568 гг., известный обличением злодейств опричников и самого Ивана Грозного, убитый М. Скуратовым по приказу царя.

⁵⁰¹ В Мп РГБ аналогично; по-видимому, имеется в виду слово «farceur» — смешливый, фарсовый (фр.).

тоевского, а он и без того настроен был недоброжелательно к Тургеневу — особенно за последний роман «Дым», который казался ему вялой и претенциозной попыткой посмотреть на Россию «свысока». Всё это было противно Достоевскому, а тут ещё это «генеральство ужасное». Тургенев, однако, доверчиво стал жаловаться на то, что «Дым» не имел успеха.

«Признаюсь вам, — писал Достоевский Майкову, — что я никак не мог представить себе, что можно так наивно и неловко высказывать все раны своего самолюбия, как Тургенев. И эти люди тщеславятся между прочим тем, что они а т е и с т ы! Он объявил мне, что он окончательно атеист»⁵⁰²...

Что мог сказать Достоевский на это признание? Как? Религия дала нам Христа, т.е. такой высокий образ человека, что его «понять нельзя без благоговения и нельзя не верить, что это идеал человечества вековечный! А что же они-то Тургеневы, Герцены, Утины⁵⁰³, Чернышевские нам представили? Вместо высочайшей красоты Божией, на которую они плюют, все они до того пакостно самолюбивы, до того бесстыдно раздражительны, легкомысленно горды, что просто непонятно: на что они надеются и кто за ними пойдёт? Ругал он Россию и русских безобразно, ужасно»... «Есть одна общая всем дорога и неминуемая — это цивилизация»⁵⁰⁴...

Тургенев сказал, что он собирается писать статью против «русифилов и славянофилов», что дало повод Достоевскому посоветовать ему «для удобства выписать из Парижа телескоп»...

— Для чего телескоп? — спросил Тургенев.

— Отсюда далеко... А вы наведите телескоп на Россию и рассматривайте нас, а то, право, разглядеть трудно...

Он ужасно рассердился.

Достоевский «взял шапку и как-то совсем без намерения, к слову, высказал, что накопилось в три месяца в душе от немцев»... По-видимому, он не поскупился на чёрные краски.

Тургенев побледнел.

— Говорят так, вы меня лично обижаете, — сказал он, — знайте, что я здесь поселился окончательно...

⁵⁰² Письма II. С. 31 (Письмо А.Н. Майкову от 16 (28) авг. 1867 г.).

⁵⁰³ Утин Б.И. (1841–1883) — участник революционного движения 1860–1870-х гг., тесно связанный с Н.Г. Чернышевским; в эмиграции — глава Русской секции Международного товарищества трудящихся, в конце 1860-х гг. жил в Женеве, где вместе с М.А. Бакуниным издавал ж. «Народное дело»; Утин Е.И. (1843–1894) — юрист, младший брат революционного деятеля Б.И. Утина, участник студенческих волнений 1861 г. в Петербургском университете, в 1860-е гг. заканчивал своё образование в Западной Европе, по возвращении на родину стал деятельным сотрудником ж. «Вестник Европы».

⁵⁰⁴ Письма II. С. 31 (Письмо А.Н. Майкову от 16 (28) авг. 1867 г.).

Однако они распрощались вежливо, и на другой день Тургенев рано утром завёз свою карточку Достоевскому.

Впрочем, когда они через несколько дней встретились в курзале, оба «не захотели друг другу поклониться»...

«Может быть вам покажется неприятным, голубчик Аполлон Николаевич, — писал Достоевский, — эта злорадность, с которой я вам описываю Тургенева и то, как мы друг друга оскорбляли. Но ей-богу, я не в силах; он слишком оскорбил меня своими убеждениями. Лично мне всё равно, хотя с своим генеральством он и не очень привлекателен; но нельзя же слушать такие ругательства на Россию, от русского изменника, который бы мог быть полезен. Его ползание перед немцами и ненависть к русским я заметил давно, ещё четыре года назад. Но теперешнее раздражение и остервенение до пены у рта на Россию происходит единственно от неуспеха “Д у м а” и что Россия осмелилась не признать его гением. Тут одно самолюбие и это тем пакостнее»⁵⁰⁵...

XLIII.

Наконец, Достоевский получил деньги из «Русского вестника» и, расплатившись с долгами, покинул Баден-Баден. Решено было ехать в Женеву — через Базель. Здесь, в Базеле, он с женой бродил по городу, смотрел собор, потом музей и тут, в картинной галерее, увидел «Снятие с креста» Ганса Гольбейна⁵⁰⁶ — картину, которая произвела на него потрясающее впечатление. Забыв всё окружающее, Достоевский как загипнотизированный не мог оторвать глаз от мёртвого измученного лица с полуоткрытыми глазами, уже ничего не видящими и ничего не выражающими, от похудевшего тела, израненного, местами распухшего и сильно посиневшего. Смерть со всем ужасом неизбежного гниения глядела на него с полотна, грозно напоминая о том, на что обречён человек.

Бедная Анна Григорьевна, удручённая мрачной картиной, тщетно тянула за рукав Достоевского, который, рискуя штрафом, стал на стул, чтобы рассмотреть получше поразившую его картину.

⁵⁰⁵ Там же. С. 32 (Письмо А.Н. Майкову от 16 (28) авг. 1867 г.).

⁵⁰⁶ Гольбейн, Ганс (Младший) (1497–1543) — один из величайших немецких художников эпохи Возрождения, автор поразившей Ф.М. Достоевского в Базеле (Германия) картины «Мёртвый Христос в гробу» (1521–1522), которую писатель изобразил в романе «Идиот».

Наконец, Анна Григорьевна ушла в другую залу, а когда вернулась, Достоевский всё ещё стоял перед мёртвым Христом, и у него было такое страдальческое и странное выражение лица, какое видела она у него только перед припадками эпилепсии.

Приехав в Женеву, Достоевские поселились на углу улицы Вильгельма Телля и улицы Бертелье, в довольно просторной комнате, во втором этаже. Из окна был виден мост через Рону и островок Жан-Жака Руссо. Хозяйками квартиры оказались две старые девицы, весьма приветливые и ласковые.

И здесь, как в Дрездене, Достоевский работал по ночам, вставал поздно и опять работал. В три часа вместе с Анной Григорьевной он шёл в ресторан обедать, потом, проводив её домой, заходил в кафе, где читал иностранные и русские газеты. Вечерами Достоевский диктовал Анне Григорьевне по запискам, которые он подготовил ночью.

Знакомых у них почти не было. Заходил только Огарёв⁵⁰⁷, который производил тогда впечатление глубокого старика, но и его друзья увезли лечиться в Италию после того, как однажды, возвращаясь домой, он упал в припадке падучей в канаву, сломал себе ногу и жестоко простудился, пролежав в сырой канаве до утра.

В течение четырёх дней (с 9 по 12 сентября) в Женеве заседал конгресс «Лиги мира и свободы». Здесь была удивительная смесь национальностей, партий, мировоззрений; здесь были либеральные буржуа, пролетарии-коммунисты, верующие патриоты и убеждённые атеисты... Последние, впрочем, преобладали...

На открытие конгресса должен был приехать Джузеппе Гарибальди⁵⁰⁸. Женевский муниципалитет встречал его торжественно. Дома были украшены флагами и гирляндами. Достоевский вместе с Анной Григорьевной пошёл на улицу Монблан, по коей должен был проехать с вокзала знаменитый вождь. Гарибальди ехал в коляске стоя, в своём национальном костюме, размахивая шапочкой в ответ на восторженные приветствия толпы.

Достоевский нашёл, что у итальянского героя «чрезвычайно симпатичное лицо и добрая улыбка».

Достоевский пошёл с Анной Григорьевной на второе заседание конгресса. Тут он услышал, между прочим, речь Бакунина,

⁵⁰⁷ Огарёв Н.П. (1813–1877) — поэт, публицист, революционер, друг и соратник А.И. Герцена; познакомился с Ф.М. Достоевским в Женеве в 1867 г.

⁵⁰⁸ Гарибальди, Джузеппе (1807–1882) — народный герой Италии, революционер, выдающийся деятель национально-освободительного движения против австрийского владычества, борец за объединение Италии, автор антиклерикальных исторических романов.

который развернул свою программу с достаточной откровенностью.

«Я, русский, открыто и решительно протестовал и протестую против самого существования русской империи, — говорил Бакунин. — Этой империи я желаю всех унижений, всех поражений, в убеждении, что её успехи, её слава были и всегда будут прямо противоположны счастью и свободе народов русских и нерусских, её нынешних жертв и рабов»⁵⁰⁹...

Известна неудача этого конгресса. Бакунисты предлагали одно, сторонники Маркса другое, буржуазные вольнодумцы третье... Гарибальди, выступив в первый день конгресса, рекомендовал всем бороться с папством как с человеческим учреждением, но, однако, помнить, что «бытие Бога могут отрицать только безумцы»⁵¹⁰. Атеисты обиделись, а сам Джузеппе Гарибальди внезапно уехал из Женевы на другой день утром, смущённый, по-видимому, дикой разногласицей конгресса.

Дня через два, под впечатлением этого события, Достоевский со злобою и отвращением писал любимой своей племяннице Соне Ивановой: «Я сюда попал прямо на Конгресс мира, на который приезжал и Гарибальди. Гарибальди скоро уехал, но что эти господа, — которых я первый раз видел не в книгах, а наяву, — социалисты и революционеры, ввали с трибуны перед 5000 слушателей, то невыразимо! Никакое описание не передаст этого. Комичность, слабость, бестолковщина, несогласие, противуречие себе — это вообразить нельзя! И эта-то дрянь волнует несчастный люд работников! Это грустно. Начали с того, что для достижения мира на земле, нужно истребить христианскую веру. Большие государства уничтожить и поделатъ маленькие; все капиталы прочь, чтоб всё было общее по приказу и проч<ее>. Всё это без малейшего доказательства, всё это заучено ещё двадцать лет назад наизусть, да так и осталось. И главное огонь и меч — и после того как всё истребится, то тогда, по их мнению, и будет мир»⁵¹¹...

Жизнь в Женеве тяготила Достоевского. С русскими эмигрантами он не сходилса, жил одиноко, всецело занятый своими художественными замыслами и семейными заботами. Впрочем, иногда им овладевал вновь и вновь демон азарта. Анна Григорьевна, заметив

⁵⁰⁹ Бакунин, Михаил. Избранные сочинения: В 5 т. Пг.; М.: Голос труда, 1919–1921. Т. 3. С. 100 («Речь на конгрессе Лиги мира и свободы в 1867 г.»).

⁵¹⁰ О речи Дж. Гарибальди на конгрессе Лиги мира и свободы 9 сент. 1867 г. см.: ПСС 30. Т. 28 (2). С. 453.

⁵¹¹ Письма II. С. 44–45 (Письмо С.А. Ивановой от 29 сент. (11 окт.) 1867 г.).

его мрачное беспокойство, сама советовала ему съездить в Saxon les Bains⁵¹², где была рулетка. Повторялась та же история, что в Гомбурге и Баден-Бадене: те же выигрыши, проигрыши и вопли покаяния... Достоевский, разочарованный, возвратился в Женеву, которая казалась ему несносной. «И как здесь грустно, как здесь мрачно. И какие здесь самодовольные хвастунишки! Ведь это черта особенной глупости быть так всем довольным. Всё здесь гадко, гнило, всё здесь дорого. Всё здесь пьяно! Стольких буянов и крикливых пьяниц даже в Лондоне нет. И всё у них, каждая тумба своя, — изящна и величественна. — Где rue⁵¹³ такая-то? — Voyez, monsieur, vous irez tout droit et quand vous passerez près de cette majestueuse et elegante fontaine en bronze, vous prendrez etc.⁵¹⁴... Этот majestueuse et élégante fontaine⁵¹⁵ — самая чухлая, дурного вкуса, дрянь гососо⁵¹⁶, но он уже не может не похвалиться, если вы даже только дорогу спрашиваете»⁵¹⁷...

... «Буржуазная жизнь в этой подлой республике, — пишет Достоевский Майкову 12 января 1868 г. н<ового> ст<илия>, — развита до нес plus ultra⁵¹⁸. В управлении и во всей Швейцарии — партии и грызня непрерывная, пауперизм, страшная посредственность во всём; работник здешний не стоит мизинца нашего: смешно смотреть и слушать. Нравы дикие; о, если б вы знали, что они считают хорошим и что дурным»⁵¹⁹...

Но как ни плохи швейцарцы, немцы — оказывается — ещё хуже. Вот жаль, что умный Н.Н. Страхов полагает, что это не так и что будто бы немцы «порох выдумали»... «Да их жизнь так устроилась! А мы в это время великую нацию составляли, Азию навеки остановили, перенесли бесконечность страданий, с у м е л и перенести, не потеряли русской мысли, которая мир обновит, а укрепили её, наконец, немцев перенесли, и всё-таки наш народ безмерно выше, благороднее, честнее, наивнее, способнее и полон другой, высочайшей христианской мысли, которую и не понимает Европа с её дохлым католицизмом

⁵¹² Саксонские источники (*фр.*). Швейцарский курорт.

⁵¹³ улица (*фр.*).

⁵¹⁴ Смотрите, месье, вы пойдёте прямо и, как только минуете этот величественный и изящный бронзовый фонтан, ... (*фр.*).

⁵¹⁵ величественный и изящный фонтан (*фр.*).

⁵¹⁶ в стиле рококо (*фр.*).

⁵¹⁷ Письма II. С. 46 (Письмо А.Н. Майкову от 9 (21) окт. 1867 г.).

⁵¹⁸ До крайности, до последней степени, до предела, предельно (*лат.*).

⁵¹⁹ Письма II. С. 64 (Письмо А.Н. Майкову от 31 дек. 1867 г. (12 янв. 1868 г.)).

и глупо противуречащим себе самому лютеранством. Но ничего об этом! А то, что так тяжело по России, такая тоска по родине, что решительно чувствую себя несчастным!»⁵²⁰...

Уже в половине декабря 1867 года, в ожидании родов Анны Григорьевны, Достоевские переселились на улицу Монблан. Они взяли две комнаты, одну из них большую, в четыре окна, с видом на английскую церковь. Фёдор Михайлович, приняв во внимание положение Анны Григорьевны, пригласил *garde-malade*⁵²¹. В феврале ожидалось рождение младенца, и как раз в эти дни наступила внезапная перемена погоды. Подул холодный раздражающий ветер. Нервы у Достоевского расстроились, и у него случился припадок, а через несколько дней, 20-го февраля 1868 г., припадок повторился с новой силой. Встав утром, он едва держался на ногах. Анна Григорьевна рано уложила его спать. И вдруг у неё начались боли, и ей показалось, что сейчас начнутся роды. Она долго терпела, но, наконец, решила просить Фёдора Михайловича сходить за акушеркой мадам Барро.

Она тихонько дотронулась до его плеча. Достоевский поднял голову с подушки и спросил:

- Что с тобою, Анечка?
- Кажется, началось. Я очень страдаю.
- Дорогая! Как мне тебя жаль!

Однако голова его тотчас же упала на подушку, и он мгновенно уснул. Она промучилась до утра. Проснувшись, Достоевский был в ужасе от своей болезненной сонливости. Он побежал за акушеркою. Она играла в лото с своими друзьями. Он почти насильно привёз её к себе на улицу Монблан. Потом он побежал в гастрономический магазин и принёс закусок, сластей и вино, чтобы умиловить саж-фам⁵²². Он так волновался и заражал своим волнением Анну Григорьевну, что акушерка удалила его. Время от времени роженица посылала узнать, что делает её муж в соседней комнате. Он или сидел в глубокой задумчивости, закрыв лицо руками, или *<нрзб.>*⁵²³ молился.

22 февраля 1868 г. ст<арого> ст<иля> родилась у Достоевского дочь Соня⁵²⁴.

⁵²⁰ Там же. С. 64 (Письмо А.Н. Майкову от 31 дек. 1867 г. (12 янв. 1868 г.)).

⁵²¹ сиделку (*фр.*).

⁵²² от *фр.* «*sage-femme*» — акушерка.

⁵²³ В *Мн РГБ*: стоял на коленях перед иконой и

⁵²⁴ Достоевская С.Ф. (21 февр./5 марта 1868 — 12/24 мая 1868) — старшая дочь писателя, родившаяся в Женеве и умершая в младенчестве; похоронена на женевском кладбище.

Достоевский нежно поцеловал сморщенное личико дочери и сказал:

— Аня! Погляди, какая она у нас хорошенькая!

В порыве радости он облобызал удивлённую мадам Барро. Та качала головой:

— Ах, уж эти русские!

По швейцарским законам, в течение первых двух дней отец должен объявить в мэрии о рождении ребёнка. Достоевский направился по указанному ему адресу. Но там явилось формальное препятствие для регистрации младенца: оказывается, нужно было представить двух свидетелей.

Достоевский вышел из мэрии недоумевая. По счастью, какой-то сержант посочувствовал ему, привёл своего приятеля, и они явились в качестве свидетелей.

Покончив дело, Достоевский спросил своих благодетелей, сколько они хотят получить за потерянное время, но те гордо отказались.

Тогда он пригласил их в кабачок, где они распили с счастливым отцом три бутылки вина.

В письме к Майкову от 2 апреля (20 марта) 1868 г. Достоевский просил его быть «крёстным отцом» дочери. «А ваша крестница (я уверен в том, что она ваша крестница), — писал он, — сообщаю вам — прехорошенькая, — несмотря на то, что до невозможного, до смешного даже похожа на меня. Даже до <нрзб.> странности. Я бы этому не поверил, если б не видел. Ребёнку только что месяц, а совершенно даже моё выражение лица, полная моя физиономия, до морщин на лбу, — лежит — точно роман сочиняет! Я уж не говорю об чертах. Лоб до странности даже похож на мой. Из этого, конечно, следовало бы, что она собой не так-то хороша (потому что я к р а с а в е ц только в глазах Анны Григорьевны — и серьёзно я вам скажу!). — Но вы, сами художник, отлично хорошо знаете, что можно совершенно походить и не на красивое лицо, а между тем быть самой очень милой»⁵²⁵...

В этом крошечном существе он уже видел лицо и характер. Она начинала его знать, любить и улыбалась, когда он подходил к ней. Она любила слушать, когда он напевал ей разные песенки. Она не плакала и не морщилась, когда он её целовал...

Через три месяца у неё поднялась температура, начался кашель, и вся она изменилась. Позвали врача. Тот старался ободрить растревоженных родителей, но у них были мрачные предчувствия, и эти предчувствия их не обманули.

⁵²⁵ Письма II. С. 97.

12 мая ст<арого> ст<иля> ребёнок умер.

Достоевский рыдал как женщина. Он целовал восковое личико и крошечные ручки маленькой покойницы. Он сам вместе с женою надел на неё белое атласное платьице, уложил её в белый гробик, и они повезли свою Соню в русскую церковь, а потом на кладбище. На её могилку поставили белый мраморный крест. Кругом росли кипарисы.

XLIV.

С осени 1867 года по январь 1869 года Достоевский писал свой роман «Идиот». Мы знаем, что «Преступление и наказание» рождалось в душе художника из целого ряда тем, которые, соперничая и друг друга проникая, в конце концов определили идейное и поэтическое единство повествования: новый роман претерпел чуть ли не в десять раз больше всяких метаморфоз, многократно испытал на себе суровый суд взыскательного художника и возник в известной нам окончательной редакции, после того как были отвергнуты десятки художественных замыслов. Однако фабульное разнообразие вовсе не было случайным. Все эти проекты и планы, несмотря на кажущуюся противоречивость, вели к одной поэтической идее, которая давно завладела воображением и сознанием Достоевского.

«Идея романа, — писал он Соне Ивановой, — моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смел браться за неё, а если взялся теперь, то решительно потому, что был в положении чуть не отчаянном. Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение положительно прекрасного — всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы ещё далеко не выработался. На свете есть одно только положительно прекрасное лицо — Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж, конечно, есть бесконечное чудо. (Всё Евангелие Иоанна в этом смысле; он всё чудо находит в одном воплощении, в одном появлении прекрасного). Но я слишком далеко зашёл. Упомяну только, что из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее Дон-Кихот. Но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон. Пиквик Диккенса (бесконечно слабейшая мысль, чем Дон-Кихот; но всё-таки огромная) тоже смешон и тем только и берёт. Является сострадание

к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному — а стало быть является симпатия и в читателе»⁵²⁶...

Но роман — не философский трактат. Художнику нужна не отвлечённая мысль, а живая плоть. Ему нужно выбрать из множества образов, которые жаждут воплощения, самые нужные, самые выразительные. И мало этого — надо поставить эти образы в цепь событий, которые должны заинтересовать и увлечь читателя. Достоевский особенно дорожил занимательностью повествования. «Самая лучшая книга, какая бы она ни была и о чём бы ни трактовала, — это занимательная»⁵²⁷... Достоевский превосходно знал все приёмы и секреты такого занимательного повествования. Но что может быть интереснее, неожиданнее, острее и увлекательнее самой жизни? Правда, поток событий уносит с собою безвозвратно всё значительное, смешивая со странным равнодушием доброе и злое, красивое и безобразное, умное и глупое... Но в том-то и задача художника, чтобы спасти от забвения существенное и о ц е н и т ь явление. Художник не смеет быть брезгливым. Он должен коснуться бесстрашно любой язвы человеческой. Но чего бояться Достоевскому? У него была хорошая школа — каторга.

Достоевский жадно следил за всеми явлениями жизни. В переходящем и мгновенном видел он отражения чего-то более реального. Газетный лист для него, Достоевского, был иногда красноречивее многотомных сочинений. Так, в конце сентября 1867 года прочёл он в «Голосе» отчёт об уголовном деле некоего Умецкого, помещика Каширского уезда Тульской губернии. Дело заключалось в том, что помещик Умецкий и его жена с какой-то циничной и холодной жестокостью обращались с собственными детьми, и особенно с дочерью Ольгой Умецкой. Эта четырнадцатилетняя девочка четыре раза пыталась поджечь усадьбу своих родителей, мечтая преступлением как-нибудь переменить свою судьбу. Лет с пяти она подвергалась истязаниям, её кормили впроголодь затхлым хлебом, заставляли спать в хлеву на голом земляном полу, отец бил её безменом, мать вывихнула ей палец на руке. В конце концов, у этой Ольги Умецкой выработался характер, который поразил Достоевского. Маленькая бунтовщица, измученная и оскорблённая, стояла на суде как живой укор всему социальному и моральному строю тогдашней жизни. Образ Ольги Умецкой изменился, конечно, в сознании Достоевского, но её имя

⁵²⁶ Письма II. С. 71 (Письмо С.А. Ивановой от 1 (13) янв. 1868 г.).

⁵²⁷ ПСХП. Т. 13. С. 140 (Ряд статей о русской литературе. IV. Книжность и грамотность. Статья вторая).

мелькает всё время в его записных книжках. Она должна была быть одной из героинь его романа. Однако этому типу не суждено было, по крайней мере в его первоначальном замысле, занять какое-то место в последней редакции романа. А между тем две первые тетради были заполнены прилежными записями Достоевского — и всё вокруг семьи Умецких. Тут же появляется некий герой, именуемый И д и о т о м . Но характер этого ранее задуманного героя совсем не похож на характер того положительно прекрасного человека, который представлен был Достоевским позднее в лице Мышкина. Этот первоначально выдуманный характер — характер демонический. Художественного воплощения своего он так и не нашёл, по крайней мере в 1868–1869 годах.

Достоевский сам подробно изложил, как он писал роман «Идиот», в письме к А.Н. Майкову от 12 января 1868 г. н<ового> ст<иля>: «Всё лето и всю осень я компоновал разные мысли (бывали иные презатейливые), но некоторая опытность давала мне всегда предчувствовать или фальшь или трудность или маловыжитость иной идеи. Наконец я остановился на одной и начал работать, написал много, но 4-го декабря иностранного стиля бросил всё к чорту»⁵²⁸...

А между тем был забран аванс у Каткова, и к январскому номеру «Русского вестника» надо было выслать хотя бы первую часть романа.

«Затем, — продолжает свой рассказ Достоевский, — (так как вся моя будущность тут сидела) я стал мучиться выдумыванием н о в о г о р о м а н а . Старый не хотел продолжать ни за что. Не мог. Я думал от 4-го до 18-го декабря нового стиля включительно. Средним числом, я думаю выходило планов по шести (не менее) ежедневно. Голова моя обратилась в мельницу. Как я не помешался — не понимаю. Наконец, 18-го декабря я сел писать новый роман, 5-го января (нового стиля) я отослал в редакцию 5 глав первой части (листов около 5) с удостоверением, что 10 янв<аря> (нового стиля) вышлю остальные д в е г л а в ы первой части. Вчера, 11-го числа я выслал эти две главы и таким образом отослал в с ю п е р в у ю ч а с т ь , — листов 6 и 6 ½ печатных»⁵²⁹...

Значит, 6 или 6 ½ листов Достоевский написал в 23 дня — срок неслыханный, по крайней мере в опыте русских писателей.

⁵²⁸ Письма II. С. 59–60.

⁵²⁹ Там же. С. 60–61.

XLV.

Жить в Женеве после смерти Сони стало невыносимо. Достоевские решили уехать в Веве.

Они сели на грузовой пароход. Пассажиров было мало. День был тёплый, но пасмурный. Достоевский был мрачен. На судьбу он никогда не роптал, но на этот раз он вдруг стал жаловаться на свою жизнь. Зачем провидение так странно и жестоко разлучает его с тем, что ему дорого? Зачем? Вся его жизнь — мука. В детстве было хорошо, но со смертью матери наступил мрак и ужас. <Ирзб.>⁵³⁰ Страшная смерть отца; слава и признание на одно мгновение, чтобы ещё больше почувствовать унижения и оскорбления со всех сторон и, прежде всего, со стороны «друзей»; тоска тюрьмы и каторги; сумасшедшая и несчастная любовь к Исаевой; смерть брата и гибель «Эпохи»; горькие разочарования в тех, кого он любил; кошмар его зловещей болезни; тупое и недоверчивое отношение критиков; скупость издателей, которые пользуются тем, что он не умеет обойтись без авансов; беспощадные кредиторы; отношения к вдове брата и к пасынку Паше — как тяжкий камень на шее: всё сложилось так, как будто он, Достоевский, не простой человек, а какое-то существо, одарённое сверхъестественными силами... Можно ли подобные муки вынести человеческому сердцу? А ведь ему нужно писать свои романы! Ему нужно создать образ по-ложительно прекрасного человека...

Достоевские поселились на берегу озера. Горы, менявшие свои очертания на утренних зорях, в полдень и при закате солнца; озеро, такое же изменчивое и волшебное <ирзб.>⁵³¹. Но на сердце был камень. Достоевский, работая ночью над романом, слышал, как в соседней комнате, зарывшись головой в подушку, глухо рыдает Анна Григорьевна.

Достоевский работал теперь над третьей частью «Идиота». Он сам недоволен романом. Ему всё кажется, что огромная идея не находит достойного воплощения. Душа его больна. Но он делает последние судорожные усилия, чтобы во что бы то ни стало — продолжать роман.

Всё так грустно. Откуда ждать утешения и поддержки? А жизнь так нелепа. Здесь, в Веве, Достоевский получил письмо без подписи. Анонимный доброжелатель предупреждал его, что петербургская полиция вскрывает и читает в с е его письма. Женевский священник, как это Достоевский узнал из достоверного источника, оказывается,

⁵³⁰ В Мп РГБ: Пьяный отец и его

⁵³¹ В Мп РГБ: : все эти очарования оставляли их равнодушными

служит в тайной полиции. С здешним почтальоном у него соглашение. Теперь понятно, что многие письма, адресованные Достоевскому, пропадают. Аноним предупреждал также, что из Петербурга предписано подвергнуть Достоевского обыску на границе, ежели он решит вернуться на родину.

<Нрзб.>⁵³²...

А тут ещё другая неприятность — в ином роде, но не менее гадкая. Только что появилась книжка «Les mystères du Palais des Tsars»⁵³³. Её сочинил некий Paul Grimm⁵³⁴. В этом бульварном романе главным действующим лицом является Достоевский. События развёртываются в 1855 году, в год смерти Николая I-го. Однако вздорный роман написан так, что простодушный читатель может принять этот вымысел за действительность. Ему, Достоевскому, приписывают мысли, слова и поступки, которые ему вовсе несвойственны. «Выставляются лица, существующие действительно, упоминается о происшествиях нефантастических, но всё до такой степени искажено и исковеркано, что читаешь и не веришь такому бесстыдству»⁵³⁵... Достоевский назван полным именем. Каким надо быть наглецом, чтобы приписывать Достоевскому собственные тупейшие идеи, не говоря уж о политической инсинуации, которая может отразиться на его житейской судьбе.

На берегу Женевского озера худо жить людям с большими нервами. У Достоевского — припадки, и всё чаще и чаще. Надо бежать из Веве. Было решено переехать в Италию. Достоевские решили поселиться в Милане. Им предстояло переправиться через Симплон⁵³⁶. Громоздкий дилижанс медленно полз по горным дорогам. Достоевский шёл пешком, опережая его, поднимаясь по тропинкам и собирая альпийские цветы.

В Милане Достоевский несколько оживился. Он поселился с женою близ Корсо, в узенькой улочке, где соседи переговаривались из окна в окно. Достоевский любовался грандиозным собором и даже

⁵³² В *Мп РГБ*: Каково это вынести такому «патриоту», как он! «Руки отваливаются невольно служить им» <Письма II. С. 130 (Письмо А.Н. Майкову от 19 июля (2 авг.) 1868 г.)>...

⁵³³ «Тайны царского двора» (фр.).

⁵³⁴ Пауль Гримм (фр.).

⁵³⁵ Письма II. С. 136 (Письмо редактору одного из иностранных журналов от конца авг. — начала сент. 1868 г., черновое).

⁵³⁶ Высокогорный перевал в Альпах, между Пеннинскими и Лепонтийскими Альпами, на территории Швейцарии. Его высота — 2005 метров над уровнем моря.

взбирался на его кровлю⁵³⁷. Но вскоре Достоевский опять затосковал. К тому же в Милане не было русских книг и газет. В конце ноября 1868 года он с Анной Григорьевной переехал во Флоренцию.

К этому времени для него стало ясно, что он в этом году не успеет напечатать роман. «Теперь, когда я всё вижу как в стекло, — писал он Майкову, — я убедился горько, что никогда ещё в моей литературной жизни не было у меня ни одной поэтической мысли лучше и богаче, чем та, которая выяснилась теперь у меня для 4-й части, в подробнейшем плане. И что же? Надо спешить изо всех сил, работать не перечитывая, гнать на почтовых и, в конце концов, всё-таки не поспею! В какое же положение, не говоря уже о себе, ставлю я “Русский вестник” и как оказываюсь перед Катковым? Катков же так благородно поступил со мной. Им надо будет додавать окончание романа в будущем году в приложении, а это уже убыток журналу!»⁵³⁸...

Но вот Достоевский во Флоренции. Он поселился с женою недалеко от палатцо Питти. Они бродят по городу, восхищаясь стариною. Достоевскому нравится церковь Santa Maria del Fiore⁵³⁹. Бронзовые двери Баттистерии работы Джигерти⁵⁴⁰ вызывают его восторг. Анна Григорьевна всё ещё верна своей привычке — педантично осматривать все музеи. В флорентийской галерее у Достоевского есть свои пристрастия. Он подолгу стоит перед Рафаэлем. Венера Медицинская кажется ему совершенством.

Роман «Идиот» ещё не кончен, а у Достоевского уже новые замыслы, которые волнуют его и мучают.

Он задумал огромный роман «Атеизм». Главное лицо — русский человек, в летах, порядочно образованный. Всю жизнь он не выходил из колеи, служил и до сорока пяти лет ничем не отличился — и вдруг этот солидный человек теряет веру в Бога. Эта утрата веры поражает <нрзб.> его как молния. Тогда в поисках истины он появляется всюду — среди атеистов, западников, славянофилов, пустынножителей, хлыстов, иезуитов... «Под конец обретает и Христа и русскую землю»...

⁵³⁷ *Далее было:* чтобы бросить взгляд на окрестности

⁵³⁸ **Письма П.** С. 141 (Письмо А.Н. Майкову от 26 окт. (7 нояб.) 1868 г.).

⁵³⁹ Санта-Мария-дель-Фьоре — кафедральный собор во Флоренции, самое знаменитое из архитектурных сооружений флорентийского кватроченто (искусства XV в.). Находится в центре города.

⁵⁴⁰ Джигерти (Гиберти), Лоренцо (1378–1455) — итальянский скульптор, ювелир, историк искусства эпохи раннего Возрождения; автор рельефа на бронзовых дверях баптистерия во Флоренции (1403–1452), которые Микельанджело сравнивал с дверями рая.

«Порассказать толково то, что мы все, русские, пережили в последние десять лет в нашем духовном развитии — да разве не закричат реалисты, что это фантазия! между тем это исконный, настоящий реализм! Это-то и есть реализм, только глубже, а у них мелко плавают»⁵⁴¹...

Но за этот «огромный» роман нельзя приниматься. Надо кончить «Идиота». Но у него есть ещё один план — это повесть листов в двенадцать...

В ноябре месяце 1868 года Достоевский делал последние усилия <нрзб.> закончить своего фантастического «Идиота», чтобы конец романа появился в декабрьской книжке «Русского вестника». Но это ещё не удалось. Он опоздал на десять дней. На обложке декабрьского номера журнала было напечатано: «Последние листы этой книжки, которая будет заключать в себе окончание романа “Идиот”, будут в непродолжительном времени особо разосланы подписчикам “Русского вестника” 1868 года, так как автор, находясь за границей, замедлил доставкой рукописи».

Это была неудача. Роман и без того печатался с перерывом в марте месяце — и вот теперь конец разослан несвоевременно. Всё это расхолаживало читателей. А главное, роман казался непонятным и загадочным. В «Преступлении и наказании» был тезис. Средний читатель не очень разбирался в тонкостях диалектики Раскольников-Свидригайлова, зато его утешала занимательность уголовного романа и «вопрос» о праве пожертвовать личностью для «общего блага». В фантастическом «Идиоте» не было «тезиса», доступного этому среднему читателю, от которого зависит успех книги. Недоумевала и критика — прямое отражение вкусов этого самого читателя. Роман провалился. Его замолчали.

В это время и Майков, и Страхов пишут ему, что некий Кашпирев⁵⁴² будет издавать с 1869 года новый журнал «Заря». Достоевского приглашают сотрудничать. Страхов будет редактировать. Это журнал почти славянофильский. Он будет продолжать то дело, которое защищала «Эпоха». Достоевский приветствует журнал. Он интересуется весьма одним из сотрудников «Зари», Данилевским. Кто этот Данилевский? Неужели старый товарищ по делу Петрашевского? Он был когда-то фурьеристом⁵⁴³ и считался первым знатоком доктри-

⁵⁴¹ Письма II. С. 150 (Письмо А.Н. Майкову от 11 (23) дек. 1868 г.).

⁵⁴² Кашпирев В.В. (1835–1875) — издатель, переводчик; в 1869 г. основал выходивший под его редакцией ж. «Заря», где в 1870 г. была напечатана повесть Ф.М. Достоевского «Вечный муж».

⁵⁴³ Было: журналистом

ны. А теперь, оказывается, он зарекомендовал себя как учёный и вот будет печатать философский трактат «Россия и Европа» в журнале «Заря»... Достоевский ждёт его статьи, «как голодный хлеба».

Достоевскому надо, наконец, найти собеседников. Он устал от этого постоянного одиночества. Общество Анны Григорьевны и её матушки, которая, приехав в Женеву, почти всё время путешествует вместе с ними, нисколько не заменяет ему тех людей, которые могли бы отозваться сочувствием или, по крайней мере, пониманием его.

Не поехать ли им в Прагу и там прожить зиму? В Праге можно найти не только собеседников, но и прямых единомышленников. По дороге в Прагу Достоевский решил захватить в Венецию. Эта волшебница очаровала его и на этот раз. Мозаики, Palazzo Ducale⁵⁴⁴, Веронезе и Тинторетто, а главное, эта удивительная площадь св<ятого> Марка, где всегда кажется, что ты уже видел когда-то этот пленительный сон наяву, что весь этот счастливый бред тебе вовсе не чужой, а что ты сам, быть может, закутанный в плащ, бродил здесь, ну, скажем, два-три столетия назад...

XLVI.

Из Венеции Достоевские поехали на пароходе в Триест. Была буря, и Фёдор Михайлович очень тревожился — боялся за жену, которая опять ждала младенца. Из Триеста поехали в Вену, а потом в Прагу, где думали поселиться, но из этого ничего не вышло. Они три дня тщетно искали меблированную квартиру. Пришлось уехать в Дрезден, хотя Прага понравилась Достоевскому.

Итак, они опять в столице Саксонии, как в 1867 году, когда они бежали от петербургских родственников и кредиторов. Здесь, в Дрездене, Достоевскому суждено было прожить ещё два года.

14 сентября 1869 года у него родилась дочь Любовь⁵⁴⁵. Само собой разумеется, она — «красавица» и, хотя Достоевский никогда не забудет своей Сони, которая так удивительно была на него похожа, оча-

⁵⁴⁴ Дворец дождей (*ital.*). Памятник итальянской готической архитектуры в Венеции, одна из главных достопримечательностей города; находится на площади Святого Марка; первое сооружение на этом месте стояло ещё в IX в., существующее здание было построено в 1309–1424 гг.

⁵⁴⁵ Достоевская Л.Ф. (1869–1926) — вторая дочь Ф.М. Достоевского, писательница, мемуаристка; с 1913 г. безвыездно жила за границей, где написала и издала на немецком языке книгу «Достоевский в изображении его дочери» (Мюнхен, 1920), сокращённый перевод которой на русский язык вышел в 1922 г.

ровательная Любочка восхищает его, и он сам с наслаждением моет её в корыте. Эти семейные радости его утешают, но он всё же тяготеет положением изгнанника, на которое он сам себя обрёл. Он по-прежнему одинок. У него по-прежнему нет собеседника! Правда, он довольно прилежно переписывается в течение двух лет дрезденской жизни со Страховым, Майковым и Соней Ивановой, но эти люди едва ли понимают его до конца и, кажется, только смутно угадывают смысл его лихорадочной работы над повестью о «положительно прекрасном человеке»... Соня Иванова, конечно, очень мила, но для неё Достоевский всё же дядя Фёдор Михайлович, который, хотя и очень умный и очень даровитый писатель, но никак уж не прозорливый и вещей истолкователь исторических судеб и смысла бытия. Она помнит, как он добродушно и весело участвовал в их молодых забавах там, в Люблине, и ей трудно понять, что этот шутник — человек необычайный, из ряда вон, предназначенный для какого-то огромного подвига. Страхов очень почтителен в своих письмах и как будто видит в Достоевском большого художника, да и взгляды у них как будто близкие, но какая-то самолюбивая и недобрая мысль мешает ему понастоящему признать Достоевского. Эта его «задняя мысль» — как «нож за пазухой», и он в некий позорный для него час вытащит этот нож... У него теперь есть идол — Лев Толстой. <Ирзб.>⁵⁴⁶... В своих статьях противопоставляя Толстого всем современникам, Страхов усматривает везде одно только грустное ничтожество: Достоевского как будто нет вовсе — или он тоже ничтожество? ... Но Фёдор Михайлович старается не замечать предательства; похваливает критика; ему только «две строчки» не понравились. Страхов забеспокоился: какие две строчки? — А те, где он Толстого ставит наряду с Пушкиным.

А вот поэт Майков воистину любит Достоевского. Этот ему верит и не изменяет ему. Но он едва ли понимает сокровенное Достоевского. И тайны мастерства Достоевского ему чужды. Майков восхищается «Идиотом», но ему страшны и непонятны все эти волшебные декорации романа. Все персонажи «как бы живут в фантастическом мире, на всех хотя и сильный, но фантастический, какой-то исключительный блеск. Читается запоем, и в то же время не верится»... «Но сколько силы! Сколько мест чудесных! Как хорош Идиот! Да и все лица очень яркие, пестры — только освещены-то электрическим огнём, при котором самое обыкновенное знакомое лицо, обыкновенные цвета получают сверхъестественный блеск, и их хочется как бы заново рассмот-

⁵⁴⁶ В *Мн РГБ*: Он его жрец. Он его канонизировал, как покойника; кадит ему, чтобы «живых задеть кадиллом»

реть»... Эти свои суждения высказал Майков ещё в марте 1868 года. <Нрзб.>⁵⁴⁷... Но Достоевский иначе об этом думает. Из Флоренции он писал Страхову: «У меня свой особенный взгляд на действительность (в искусстве), и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казённый взгляд на них, по-моему, не есть ещё реализм, а даже напротив»...

В письмах Достоевского из Дрездена 1869–1871 годов чередуются афоризмы и парадоксы о смысле истории, о судьбе России, <нрзб.>⁵⁴⁸ с настойчивыми просьбами об авансах... Целые страницы посвящали <сь> самым обстоятельным и настойчивым доказательствам, что тот или другой издатель должен для его спасения выслать ему к такому-то сроку деньги или он, Достоевский, погиб. Несмотря на видимую деловитость, он не может свести концы с концами, а издатели неточны и небрежны, как Кашпирев, редактор «Зари», — или прямые мошенники, как Стелловский, — или предупредительны и любезны, но — увы! — платят ему полистный гонорар втрое меньше, чем, например, Тургеневу, как это делал расчётливый Катков, коего Достоевский, однако, не устаёт именовать «благороднейшим».

Правда, работая лихорадочно, Достоевский получает денег не так уж мало, но распоряжаться ими решительно не умеет. В течение двухлетнего пребывания в Дрездене он дважды уезжал на короткие сроки играть на рулетке в Гомбург (в апреле 1870 г.) и в Висбаден (в апреле 1871 г.). Оба раза он проигрывал всё, что имел, и Анна Григорьевна высылала ему денег на обратный путь, как всегда. Весенняя поездка в Висбаден была его последним азартным увлечением. «Не думай, что я сумасшедший, Аня ангел-хранитель мой! — писал он. — Надо мной великое дело совершилось, исчезла гнусная фантазия, мучившая меня почти десять лет. Десять лет (или лучше с смерти брата, когда я был вдруг подавлен долгами) я всё мечтал выиграть. Мечтал серьёзно, страстно. Теперь же всё кончено! Это было в п о л н е в последний раз! Веришь ли ты тому, Аня, что у меня теперь руки развязаны; я был связан игрой, я теперь буду о деле думать и не мечтать по целым ночам об игре, как бывало это»⁵⁴⁹...

На этот раз Достоевский сдержал своё слово. Ему теперь не до игры. После «Преступления и наказания» и после «Идиота» его ху-

⁵⁴⁷ В Мп РГБ: Они напомнили Достоевскому упреки Белинского за фантастичность его «Двойника» и «Хозяйки»

⁵⁴⁸ В Мп РГБ: о христианстве — с воплями о материальной нужде,

⁵⁴⁹ Письма II. С. 348 (Письмо А.Г. Достоевской от 28 апр. 1871 г.).

дожественные замыслы развёртываются шире и глубже. План романа «Атеизм» преобразуется в цикл романов. Их будет пять. Листов по пятнадцати в каждом. Всего, значит, этот повествовательный цикл должен был занять семьдесят пять листов. В письме к А.Н. Майкову Достоевский рассказывает содержание задуманного романа: «Общее название романа есть: “Ж и т и е в е л и к о г о г р е ш н и к а”, но каждая повесть будет носить название отдельно. Главный вопрос, который проведётся во всех частях, — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — это существование Божие. Герой в продолжение жизни — то атеист, то верующий, то фанатик и сектатор, то опять атеист. Вторая повесть будет происходить вся в монастыре. На эту вторую повесть я возложил все мои надежды. Может быть, скажут, наконец, что не всё писал пустяки. Вам одному исповедуюсь, Аполлон Николаевич: хочу поставить во второй части повести главной фигурой Тихона Задонского, конечно, под другим именем, но тоже архиерей будет проживать в монастыре на спокойе. Тринадцатилетний мальчик, участвовавший в совершении уголовного преступления, развитой и развращённый (я этот тип знаю) (круг наш образованный), будущий герой моего романа, посажен в монастырь родителями и для обучения. Волчонок и нигилист-ребёнок сходится с Тихоном. (Вы ведь знаете характер и всё лицо Тихона). Тут же в монастыре посажу Чаадаева⁵⁵⁰ (конечно, под другим тоже именем). Почему Чаадаеву не просидеть год в монастыре? Предположите, что Чаадаев, после первой статьи, за которую его свидетельствовали доктора каждую неделю, не утерпел и напечатал, например, за границей, на французском языке, брошюру — очень и могло бы быть, что за это его на год отправили бы посидеть в монастырь. К Чаадаеву могут приехать в гости и другие, Белинский например, Грановский⁵⁵¹, Пушкин даже. (Ведь у меня же не Чаадаев, я только в романе беру этот тип). В монастыре есть и Павел Прусский, есть и Голубев, и инок Парфений. (В этом мире я знаток и монастырь русский знаю с дет-

⁵⁵⁰ Чаадаев П.Я. (1794–1856) — философ и публицист, автор знаменитых «Философических писем» (1829–1831), за первое из которых (опуб. в ж. «Телескоп» в 1836 г.) был объявлен сумасшедшим; в письме выражалось горькое негодование по поводу отлучённости России от «всемирного воспитания человеческого рода»; развернувшаяся вокруг этого письма полемика дала импульс возникновению западничества и славянофильства в русской мысли.

⁵⁵¹ Грановский Т.Н. (1813–1855) — историк-медиевист, с 1839 г. профессор всеобщей истории Московского университета, один из видных идеологов западничества, близкий друг А.И. Герцена и Н.П. Огарёва; один из главных прототипов Степана Трофимовича Верховенского в «Бесах».

ства). Но главное — Тихон и мальчик»... «Авось выведу величавую, положительную, святую фигуру. Это уж не Костанжогло-с и не немец (забыл фамилию) в “Обломове”...»⁵⁵²... «Но для второго романа, для монастыря, я должен быть в России. Ах, кабы удалось!»...

Обдумывая «Житие великого грешника», Достоевский делал в тетрадях заметки. Эти заметки заняли несколько страниц. Последняя запись помечена 3/10 мая. Вот что он записал: «Главная мысль: После монастыря и Тихона великий грешник с тем выходит вновь в свет, чтобы быть величайшим из людей. Он уверен, что он будет величайшим из людей. Он так и ведёт себя: он гордейший из всех гордецов и с величайшей надменностью относится к людям. При этом неопределённость формы будущего величия, что совершенно совпадает с молодостью. Но он (и это главное) через Тихона овладел мыслью (убеждением), что — чтобы победить весь мир, надо победить только себя. Победи себя и победишь мир»...

XLVII.

«Житие великого грешника» написать было трудно. Идеи, образы и затейливые узоры фабулы были так сложны, что весь этот бурный творческий поток не вмещался никак в русло романа, хотя бы и в пяти самостоятельных частях. Да и времени не было. С «Русским вестником» расстаться нельзя. Там всё ещё не отработанный аванс — три тысячи. Надо Каткову дать роман. И у Достоевского есть уже особый план, особая соблазнительная мечта — создать роман-памфлет и свободно высказать всё, что накопилось за эти годы <нрзб.>⁵⁵³.

Но как быть с «Зарёю»? По своему направлению журнал близок «Эпохе». Достоевский повёл, было, с ним переговоры относительно своих больших замыслов, но издатель Кашпирев что-то не очень щедр, и Достоевский, взяв небольшой аванс, решил написать для «Зари» рассказ листа в два-три, но, как всегда, не угадал его размеров. Рассказ вышел значительно больше. Редакции он понравился и был напечатан в первых двух номерах «Зари» за 1870 г. Рассказ — «Вечный муж» — был написан мастерски. Занимательность его была бесспорна; характеры героев были своеобразны и заразительны; диалог драматичен... И кажется странным, как это Достоевский, обурева-

⁵⁵² Костанжогло — герой второго тома поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души»; «немец» — герой романа И.А. Гончарова «Обломов» Андрей Штолыг.

⁵⁵³ В *Мн РГБ*: торжествующего нигилизма

емый целым вихрем идей и замыслов, рассчитанных на монументальные творения, удосужился с таким увлечением создать попутно эту превосходящую и острую новеллу.

Если в этом рассказе не было прямых портретов, то, во всяком случае, нетрудно угадать в его персонажах какие-то маски живых лиц, известных Достоевскому. Сам он отрицал, правда (по причинам понятным), что его «Вечный муж» напоминает чем-то доктора Яновского, но Майков недаром отметил это сходство. <Ирзб.>⁵⁵⁴. Что до семейства Захлебининых, то Достоевский ничуть и не скрывал его условной портретности. Это было, разумеется, семейство Ивановых, воспоминания о лете 1866 года, которое Достоевский проводил под Москвою в Люблине. «Подружка» Марья Никитишна — М.С. Иванчина-Писарева⁵⁵⁵, а добродушно-развязный и забавно-самонадеянный молодой человек Александр Лобов — пасынок Достоевского, Паша. Анна Григорьевна Достоевская усмотрела даже в Вельчанинове «некоторые чёрточки самого Фёдора Михайловича».

Итак, рассказ «Вечный муж» напечатан, и Достоевский весь поглощён новым романом. В Дрезден приезжал брат Анны Григорьевны, студент Петровской земледельческой академии⁵⁵⁶. Достоевский жадно его расспрашивал о молодёжи. Он пишет роман отчасти о ней, об этом новом поколении. Но ему приходится угадывать действительность по её отражениям в газетах, в журналах, в судебных отчётах... Правда, три года не такой уж большой срок. За это время едва ли что-нибудь изменилось коренным образом, но всё же он рад этому неглупому студенту, который вращался к тому же в радикальных кружках. Он рассказал, между прочим, Достоевскому о своём товарище Иванове⁵⁵⁷, студенте той же Петровской академии. Этот Иванов способный человек и горячий сторонник самых решительных социальных преобразований и вот сейчас, оказывается, стал сомневаться

⁵⁵⁴ В *Мн РГБ*: И если припомнить ревность доктора и легкомыслие его очаровательной Сашеньки, к которой Достоевский был не совсем равнодушен, то указание Майкова вовсе не покажется странным

⁵⁵⁵ Иванчина-Писарева М.С. (в замужестве Бердникова) (1846 — после 1881) — приятельница дочерей А.П. и В.М. Ивановых.

⁵⁵⁶ Имеется в виду И.Г. Сниткин (1849–1887) — родной брат А.Г. Достоевской, навестивший Достоевских в Дрездене в середине октября 1869 г.; с писателем до конца его жизни был в тёплых родственных отношениях; возможно, один из прототипов Алёши Карамазова.

⁵⁵⁷ Иванов И.И. (?–1869) — слушатель Петровской земледельческой академии в Москве, убитый 21 нояб. 1869 г. пятью членами тайного общества «Народная расправа» во главе с С.Г. Нечаевым; один из прототипов Шатова в «Бесах».

в революции, т.е. не в её целях, а в самых приёмах борьбы и, главное, в сопутствующих ей идеях... Все эти юношеские рассказы живейшим образом интересовали Достоевского. А этого Иванова он очень запомнил.

И вдруг Достоевский читает в газетах сообщение о том, что некий революционер Нечаев⁵⁵⁸ со своими сообщниками убил в гроте парка Петровской академии того самого Иванова, о котором с таким увлечением ему рассказывал студент Сниткин. Убийство Иванова имело место 31 ноября 1869 года. Достоевский узнал об этом убийстве в декабре.

Замысел романа-памфлета приобрёл теперь в глазах Достоевского новое значение. Злоба дня всегда волновала его, и он всегда умел перекидывать мост от нашей мгновенной и преходящей жизни к тому, что он считал вечным и безусловным. Весь этот огромный круг идей и образов, представший ему как богатый материал для сатиры, теперь приобрёл особый трагический смысл.

Достоевский увлечён работою чрезвычайно. В феврале 1870 г. он уже совершенно поглощён своим романом. «Только уж слишком горячая тема. Никогда я не работал с таким наслаждением и с такою лёгкостью», — писал он Майкову. 24 марта он пишет другому своему корреспонденту Страхову: «Хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность. Но меня увлекает накопившееся в уме и в сердце; пусть выйдет хоть памфлет, но я выскажусь»... Речь идёт о «Бесах», а между тем в том же письме Достоевский рассказывает о плане «Жития великого грешника». По-видимому, в его душе звучит не одна тема, а две или более. Его композиции подчинены какому-то сложному контрапункту. Однако в этой музыкальной сложности всё явственнее звучит тема иронии и сарказма. Борьба с «нигилизмом» всё более и более занимает Достоевского. Ему не надо справедливости. Он не хочет объективной правды. «То, что пишу, — признаётся он, — вещь тенденциозная, хочется высказаться погорячее. (Вот завопят-то про меня нигилисты и западники, что р е т р о г р а д!). Да чорт с ними, а я до последнего слова выскажусь». И в этом самом письме излагается тема «Жития великого грешника», хотя он ещё сам не знает, что герои «жития» и «величая» фигура Тихона Задонского войдут в тот роман, который он сам называет «памфлетом»...

⁵⁵⁸ Нечаев С.Г. (1847–1882) — революционер-уголовник, организатор тайного общества «Народная расправа», один из авторов «Катехизиса революционера»; организовал в Москве несколько конспиративных «пятёрок», одной из которых, во избежание возможного предательства, был убит слушатель Петровской земледельческой академии И.И. Иванов; прототип Петра Верховенского в «Бесах».

Ему хочется осмеять беспощадно и зло всех своих врагов. Их так много. Вот, например, Тургенев. Достоевский презирает этого «жеманного барича». Он только что прочёл в «Вестнике Европы» его очерк «Казнь Тропмана». Эта напыщенная и щепетильная статья его возмутила. Возможно ли писать о смертной казни с этими гримасами жантилома⁵⁵⁹? Он, Достоевский, стоял на эшафоте и знает по опыту, что значит ждать смерти от руки палача. Психологизм и чувствительность тут неуместны. Тут открывается человеку нечто столь важное, что всякие сентиментальные вздохи тут просто гадки. Всего комичнее, что Тургенев в конце концов отвёртывается и не видит, как казнят в последнюю минуту: «Смотрите, господа, как я деликатно воспитан! Не мог выдержать!». Впрочем, он себя выдаёт: главное впечатление статьи, в результате, — ужасная забота о себе, о своём спокойствии, и это в виду отрубленной головы! Нет, этот жеманный господин — самый исписавшийся из всех исписавшихся русских писателей... Он кокетничает с читателями, как потрёпанная барыня в салоне. Хорошо бы изобразить всю эту болтовню в злой пародии. Да и все прочие либералы сороковых годов не лучше Тургенева. Бесконечная декламация о «высоком и прекрасном». И почему все эти милые вольнодумцы, негодующие на рабство, так легко и беззаботно живут на счёт тех самых рабов и даже при случае проигрывают их в карты? Разве не следует написать на них ядовитую карикатуру? Ведь это их легкомыслие⁵⁶⁰ в конце концов привело Россию к *<нрзб.>*⁵⁶¹ нигилизму. Вот послушайте, что проповедают эти сынки почтеннейших идеалистов. Это уже не вымысел, а документ. У революционера, оказывается, нет и не должно быть никаких нравственных обязательств.⁵⁶² «С целью беспощадного разрушения революционер может, и часто должен, жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть. Он должен проникнуть всюду: во все низшие сословия, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в Т р е т ь е о т д е л е н и е и даже в Зимний дворец»⁵⁶³...

⁵⁵⁹ от фр. «gentilhomme» — дворянин, благородный человек.

⁵⁶⁰ Было: невинное бесстыдство

⁵⁶¹ В Мп РГБ: беспардонному

⁵⁶² Далее было: «Нравственно для него всё, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно всё, что мешает ему»...<Шилов А. Катехизис революционера (к истории нечаевского дела) // Борьба классов. 1924. № 1–2. С. 268–272 (Отношение революционера к самому себе. Параграф 4)>.

⁵⁶³ См.: Шилов А. Катехизис революционера (к истории нечаевского дела) // Борьба классов. 1924. № 1–2. С. 268–272 (Отношение революционера к обществу. Параграф 14).

Что же делать революционному сообществу? ... «Всеми силами и средствами оно будет способствовать развитию тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию»... «Мы соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всеокрушающую силу — вот вся наша организация, конспирация, задача»⁵⁶⁴...

Писать пародию на этот документ очень трудно, ибо он сам смахивает на пародию, но по этой канве так соблазнительно вышить соответствующие узоры. Кто был автором этого «катехизиса»? Двусмысленный Бакунин? Или этот Нечаев, убийца Иванова? Не всё ли равно? Важно то, что и Бакунин, и Нечаев не так уж одиноки. Их много. Их легион. Если бы Достоевский никогда не читал Фурье; никогда не беседовал дружески с красавцем Спешневым, безбожником и коммунистом; никогда не участвовал в организации тайной типографии; если бы он — что самое главное — не верил когда-то в возможную на земле гармонию; у него не накопилось бы в душе столько жёлчи и ненависти к этому легиону «бесов»... Но он сам был «одержимым». Был? А может быть, он и теперь одержим? Его мстительное отравленное перо похоже на стрелу, которую он направляет в своё собственное сердце. Какая уж тут справедливость! Какая уж тут правда! Впрочем, у Достоевского нет иллюзий и относительно тех «охранителей», которые воображают себя серьёзными противниками «нигилистов». Достоевский нарисует такого балаганного губернатора, такого полицеймейстера, такую генеральшу, таких чиновников, что эти смешные маски будут пострашнее всех «нечаяемых». Как-никак он себя «генералом» никогда не мыслил, а «нечаяемым» не только в иные часы осознавал, но даже готов был печатно об этом заявить.

В первых числах августа случилась катастрофа. Было уже написано около пятнадцати листов, когда Достоевский, перечитав роман, решил уничтожить всю работу и приняться писать заново, с первого листа. «О, Сонечка! — признаётся он своей племяннице. — Если бы вы знали, как тяжело быть писателем, то есть выносить эту долю! Верите ли, я знаю наверно, что будь у меня обеспечено два-три года для этого романа, как у Тургенева, Гончарова или Толстого и я написал бы такую вещь, о которой сто лет спустя говорили бы!»...

Из этих признаний можно заключить, что теперь у Достоевского изменился первоначальный замысел. Злободневный памфлет не мо-

⁵⁶⁴ Там же. (Отношение товарищества к народу. Параграфы 22, 25, 26).

жет рассчитывать на долготетное значение, а тут уж автор мечтает о том, что и через сто лет будут обсуждать его «идею»!

8/20 октября 1870 года Достоевский, успевший послать в редакцию «Русского вестника» только первую половину первой части романа, счёл своим долгом написать Каткову некое объяснение к своему повествовательному плану.

«Одним из числа крупнейших происшествий моего рассказа будет известное в Москве убийство Нечаевым Иванова. Спешу оговориться: ни Нечаева, ни Иванова, ни обстоятельств того убийства я не знал и совсем не знаю, кроме как из газет. Да если б и знал, то не стал бы копировать. Я только беру совершившийся факт. Моя фантазия может в высшей степени разниться с бывшей действительностью и мой Пётр Верховенский может нисколько не походить на Нечаева; но мне кажется, что в поражённом уме моём создано изображение то лицо, тот тип, который соответствует этому злодейству. Без сомнения бесполезно выставить такого человека; но он один не соблазнил бы меня. По-моему эти жалкие уродства не стоят литературы. К собственному моему удивлению это лицо наполовину выходит у меня лицом комическим. И потому, несмотря на то, что всё это происшествие занимает один из первых планов романа, оно, тем не менее, — только аксессуар и обстановка действий другого лица, которое действительно могло бы назваться главным лицом романа. Это другое лицо (Николай Ставрогин) — тоже мрачное лицо, тоже злодей. Но мне кажется, что это лицо — трагическое, хотя многие наверно скажут по прочтении: “Что это такое?” Я сел за поэму об этом лице потому, что слишком давно уже хочу изобразить его»⁵⁶⁵...

А как давно? Да уж, наверное, не менее двадцати лет этот образ таится в «поражённом уме» Достоевского. Это всё тот же загадочный красавец Спешнев, давний «мефистофель» Достоевского. Не раз в странных видениях снился он ему. Это один из героев «Атеизма» и «Жития великого грешника», и вот теперь, наконец, он снова — на подмостках страшного балагана, среди «бесов».

XLVIII.

В апреле 1871 года исполнилось четыре года с тех пор, как Достоевский бежал из Петербурга. Остаться долее за рубежом было невозможно. Он чувствовал, что утрачивает связь с «плотью жизни»,

⁵⁶⁵ Письма II. С. 288–289.

отрывается от земли, от «почвы». Газеты и книги никогда не могут заменить живого общения с людьми. Достоевский чувствовал, что ему, как художнику, нужны новые впечатления, новые встречи. Ему надо посмотреть русских «нигилистов» там, в глубине России или, по крайней мере, в Петербурге, а не здесь, в чужой обстановке. За последнее время его стали посещать русские, поселившиеся в Дрездене. Но от этих встреч радости было мало. Это всё были помещики-дворяне, недовольные отменой крепостного права. Иные откровенно, а иные, прикрываясь лицемерно либеральными фразами, брюзжали и бездельничали, проживая за границей «выкупные платежи».

Нет, надо возвращаться в Россию, рискуя даже сесть в тюрьму за долги покойного брата. Впрочем, в 1870 году вышло четвёртое издание «Преступления и наказания», и это дало некоторую надежду на то, что можно уплатить часть долгов и наладить жизнь. В последних числах июня 1871 года были получены из редакции «Русского вестника» деньги за печатавшийся роман, и Анна Григорьевна стала готовиться к отъезду. Надо было спешить, потому что в конце лета она опять ждала прибавления семейства.

Укладывая вещи, Достоевские недоумевали, что делать с рукописями. Их было так много! А между тем все предсказывали, что русские жандармы всё равно отберут их на границе.

«Как ни жалко было мне расстаться с рукописями, — рассказывает Анна Григорьевна, — но пришлось покориться настойчивым доводам Фёдора Михайловича. Мы растопили камин и сожгли бумаги. Таким образом погибли рукописи романов “Идиот” и “Вечный муж”. Особенно жаль мне было лишиться той части романа “Бесы”, которая представляла собою оригинальный вариант этого тенденциозного произведения. Мне удалось отстоять только записные книжки к названным этим романам и передать моей матери, которая предполагала вернуться в Россию несколько месяцев спустя, поздней осенью»⁵⁶⁶.

Пятого июня 1871 г. Достоевский с беременною женою и дочкою Любочкой выехал в Россию через Берлин.

На третий день они были в Петербурге. Было очень жарко. Солнце весело сияло на безоблачном небе. Проезжая с Варшавского вокзала Измайловским проспектом, Фёдор Михайлович обратил внимание на Троицкий собор, где он венчался с Анной Григорьевной.

— Как-то они теперь будут жить в этом Петербурге? В сущности там, за границей, несмотря на материальные затруднения, они прожили счастливые годы... Ах, если бы не было долгов...

⁵⁶⁶ Достоевская А.Г. С. 136.

Достоевские временно поселились в двух меблированных комнатах в третьем этаже дома номер три по Екатерингофскому проспекту. Недалеко был Юсупов сад, куда можно было водить на прогулки маленькую Любочку.

К Достоевскому немедленно явились родственники — пасынок Паша, который успел жениться, и Эмилия Фёдоровна, вдова брата, со всем семейством. Явились также литераторы — сотрудники «Времени» и «Эпохи». Началась петербургская жизнь.

Через восемь дней по приезде в Россию у Анны Григорьевны родился сын. Его назвали Фёдором⁵⁶⁷. В конце августа Достоевский съездил в Москву и получил ещё денег из «Русского вестника». Теперь всеми делами заведывала Анна Григорьевна. Она наняла квартиру на своё имя на Серпуховской улице, в доме Архангельской, близ Технологического института. Она чувствовала себя матерью, супругою, хозяйкою. Достоевский не без удовольствия смотрел на свою благоразумную и деятельную подругу. Откуда у неё такая житейская сообразительность? Она, как опытный бухгалтер, подсчитала долги, возможные доходы и составила смету на жизнь, на уплату по обязательствам, на скромную помощь родственникам. Она властно отклонила попытку Паши Исаева поселиться с женою в одной квартире с «отцом».

Достоевский на всё был согласен. Это было ещё неиспытанное счастье — работать, обдумывать роман и забыть всю эту житейскую суету, в которой он задыхался всю жизнь.

Явилась, правда, целая стая кредиторов, иногда неожиданных. Среди них было много профессиональных перекупщиков векселей. Все были настойчивы в своих требованиях. Все угрожали посадить Достоевского в тюрьму, в знаменитый «дом Тарасова»⁵⁶⁸. Анна Григорьевна не допускала этих людей вести переговоры с Фёдором Михайловичем. Она сама предлагала им сделки, умеряя их претензии. Она вела эту борьбу в течение десяти лет.

В то время как Анна Григорьевна устраивала своё гнездо с настойчивостью воистину удивительной, Достоевский весь был в грозе и

⁵⁶⁷ Достоевский Ф.Ф. (1871–1922) — старший сын Ф.М. Достоевского; получил хорошее образование, был крупным специалистом по коневодству, состоятельным человеком.

⁵⁶⁸ В 1870-е гг. долговая тюрьма в Петербурге помещалась в одном из домов, принадлежащих купцам Тарасовым, который находился в начале 1-й роты Измайловского полка, сразу же после Павловского кадетского корпуса, расположенного на углу Царскосельского проспекта (ныне Московского) и 1-й роты (ныне 1-й Красноармейской ул.). Дом не сохранился.

буре. Чем скромнее, благообразнее и уютнее становилась его бытовая семейная жизнь, тем страшнее, дерзновеннее и опаснее жила его душа. В это своё «чистилище» он Анну Григорьевну не допускал. Подобно Данту, Достоевский не побоялся спуститься в преисподнюю, но он во что бы то ни стало хотел этот свой «ад» со всеми его бесами преодолеть и найти дорогу в «рай».

В этом теперь заключается весь смысл его деятельности. Найти дорогу в «рай»! Это значит создать несокрушимую «антроподицею», о п р а в д а т ь ч е л о в е к а. Отвлечённостями тут не поможешь. <Нрзб.>. Бытие важнее сознания. Надобно показать живого положительно прекрасного человека. На этих путях у Достоевского была уже одна гениальная неудача — лицо «Идиота»... Но этот «прекрасный человек» всё-таки не выдержал последнего испытания. Он явился в этот страстный и трагический мир из какой-то полудремотной отроческой неразумной жизни и, поражённый смертью своей «невесты», вернулся в тот же первоначальный мрак. Опять стал идиотом. Какая же это победа!

Теперь у Достоевского явилась новая идея. Провести своего героя через все испытания разума и показать воочию, что «великий грешник» в конце концов будет призван к «великому покаянию». Эта идея стала преследовать Достоевского с особою настойчивостью во время создания «Бесов».

Роман-памфлет, да ещё злободневный, постепенно менял свой план. Уже в письме к Каткову Достоевский указывает на трагический характер своего героя Ставрогина⁵⁶⁹. И вот, наконец, он посылает в «Русский вестник» очередную главу романа — исповедь Ставрогина, его встречу с <нрзб.>⁵⁷⁰ епископом Тихоном.

Тут произошла вторая катастрофа с романом. Катков отказался печатать эту главу. Что было делать Достоевскому? Трагический герой был на пороге «рая», по мысли Достоевского, в конце концов должен был очиститься, должен был «спастись». И вдруг тупая <нрзб.>⁵⁷¹ цензура Каткова запретила «исповедь». Тщетно Достоевский защищал свою «идею». Роман должен был в третий раз изменить своё русло. Не имея возможности опубликовать «исповедь», Достоевский не мог в дальнейшем повествовании «спасти» своего героя. Ему пришлось писать портрет уже в иных тонах, имея в виду верёвку, гвоздь и мыло, предназначенные для «гражданина кантона Ури»...

⁵⁶⁹ См.: Письма II. С. 289 (Письмо М.Н. Каткову от 8 (20) окт. 1870 г.).

⁵⁷⁰ В Мп РГБ: юродивым

⁵⁷¹ В Мп РГБ: и ханжеская

Печатание романа пришлось прервать. Десять месяцев он не являлся на страницах «Русского вестника», по соглашению с Достоевским, который писал теперь роман по третьей программе, опять отменив свой замысел «положительно прекрасного человека» на неопределённое время. Конец «Бесов» появился в ноябрьской и декабрьской книжках «Русского вестника» за 1872 год.

XLIX.

Весною 1872 года Достоевский, по совету врачей, повёз семью в Старую Руссу. <Ирзб.>⁵⁷². Всё путешествие от Петербурга до Старой Руссы занимало больше суток. Надо было ехать по Волхову на пароходе до Новгорода; потом на другом пароходе по озеру Ильмень и реке Полисти. Но летом река мелела. Пароход останавливался в виду рыбацкой деревни Устрики. К пароходу подъезжали на лодках.

Достоевский с семьёй выехал из Петербурга 15 мая. Приехав на станцию Соснинку, он узнал, что пароход уходит ночью. Пришлось остановиться на постоялом дворе. Было жарко и душно. На детей набросились комары. Наконец, сели на пароход, уложили детей спать. Достоевский остался на палубе, наслаждаясь тишиною. «Он так любил белые ночи!» Рано утром он разбудил Анну Григорьевну. Пароход подъезжал к Новгороду. На солнце ярко горели золотые главы Софийского собора. Звонили к заутрене. Потом, пересев на другой пароход, ехали по нежно-голубому Ильменю; озеро напоминало Достоевскому Швейцарию. Дача была уже готова. Но Достоевскому не пришлось насладиться отдыхом. У Любочки была вывихнута ручка, и её везли из Петербурга с повязкою, которую наложил врач. Сняли повязку, и оказалось, что с ручкой что-то неблагополучно. Позвали местного врача. Он пришёл нетрезвый, но всё-таки разобрал, что ручка не вывихнута, а сломана и неправильно срослась. Анна Григорьевна отправилась назад в Петербург, а Достоевский с Федей остался в Старой Руссе, изнемогая от страха за жену и дочь. Он нежнейший отец и супруг. Его письма к жене все наполнены сообщениями о житейских мелочах, о которых он пишет с неизменною серьёзностью. Но главное — дети. Федю всё ещё кусают комары. «Животик у него совершенно хорош и марается очень хорошо и аккуратно». На другой день Достоевский пишет о сыне: «Подозреваю, что хотят вырезаться

⁵⁷² В *Мн РГБ*: Теперь попасть на этот курорт очень просто, а в те годы это было дело сложное

зубы, потому что он очень уж кусается, но жару нет. Мне кажется, няня слишком уж любит его закачивать спать, по-моему, от этого только кровь густеет, а ему надо бы побольше гулять»...

О Старой Руссе пишет очень кратко: «Публика здесь очевидно ужасно церемонная, тонная, всё старающаяся смахивать на гранд-монд, с сквернейшим французским языком. Дамы все стараются блистать костюмами, хотя все должно быть дрянь страшная»... «Ужасный мизер эти воды, и парк мне решительно не нравится. Да и вся эта Старая Русса ужасная дрянь»... Впрочем, это первое впечатление, от которого он потом отказался.

Достоевский пишет жене чуть не ежедневно. Он очень волнуется за судьбу Любочки. Наконец, после удачной операции Анна Григорьевна вернулась в Старую Руссу.

Вскоре новое несчастье постигло Достоевского. Опасно заболела Анна Григорьевна. У неё был нарыв в горле. Достоевский был в отчаянии. Он плакал и молился. Однако всё кончилось благополучно.

К осени семья Достоевских вернулась в Петербург. Семейные радости и печали занимали Достоевского; он «хотел быть, как все», хотя, может быть, и здесь он как-то «переходил черту». Его пристрастия к детям или его ревнивое отношение к жене были, пожалуй, столь исключительны, что едва ли и в семейной жизни он походил на прочих счастливых отцов. Он жадно всматривается в каждый жест ребёнка; трепещет, если у ребёнка заболел животик; готов без шапки выбежать на улицу и уйти, куда глаза глядят, если какой-нибудь молодой человек поцелует в гостиную руку Анны Григорьевны, не подозревая вовсе, что светский обычай может вызвать бешеную ревность мужа...

Но семья всё-таки нисколько не умаляла в нём неутолимой жажды во что бы то ни стало раскрыть в этом противоречивом мире последнюю тайну о человеке. У него по-прежнему нет собеседников, равных ему или хотя бы его понимающих.

В своей страстной борьбе с «нигилизмом» со времени «Эпохи» он всё более и более удалялся от того широкого общественного русла, которое вмещало в себя все тогдашние влиятельные течения русской литературы. Созвучных голосов голосу Достоевского вовсе не было. Но он был литератор и даже публицист по своим вкусам и темпераменту. Он, кроме того, не был брезглив. Ему и здесь хотелось «быть как все». Прозорливый и вещей, он как будто стыдился своих дарований и отнюдь не хотел надевать на себя мантию жреца или хламиду пророка. Он всегда был не прочь вмешаться в литературную «драку», как будто его задача была в том, чтобы извлекать из самой грязной прозы перлы чистейшего вдохновения.

Но Достоевский по-прежнему был одинок. Правда, вокруг него было теперь немало «друзей», но эти мнимые друзья были, пожалуй, ещё менее ему близки, чем его «враги». Слеплённый ненавистью к безбожному «нигилизму», Достоевский готов был признать своими союзниками таких деятелей тогдашней культуры, которые были в тысячу раз опаснее для цельного и положительного мирозерцания, чем самые решительные бунтари. Достоевский старался не замечать, что все его прозрения, гениальные в масштабе тысячелетий, кажутся неуместными и ложными в пределах «злобы дня»; он старался не замечать, что его романтическими идеями пользуются ничтожные современники, чтобы «свести небо на землю»... Кто окружал Достоевского? Кто были эти люди, с которыми будто бы его связывало одно и то же «направление»? Аполлон Майков, эпигон пушкинской школы, как поэт и эпигон славянофильства по своим философским и политическим вкусам даже приблизительно не угадывал эсхатологических символов Достоевского; Н.Н. Страхов, этот скучнейший «идеалист», ни рыба ни мясо, злился всю жизнь на «нигилистов», но, однако, так и не сумел сказать ни одного положительного слова против этого самого нигилизма; Н.Я. Данилевский, бывший «фурьерист», а теперь автор книги «Россия и Европа», поразил сначала Достоевского постановкою темы, а потом его разочаровал своею формальной сухостью; князь Мещерский, салонный беллетрист и неряшливый публицист, скоро сделавшийся откровенным реакционером и журнальным бесстыдником, раздражал Достоевского чрезвычайно; К.П. Победоносцев⁵⁷³, этот неглупый, холодный и ядовитый человек, двусмысленно «полюбивший» Достоевского, старался цинично извлечь из него то, что ему было нужно для его политической стряпни, обманывая Достоевского своим мнимым «православием». М.Н. Катков — тоже «союзник» — давно уж променял последние остатки либерального патриотизма на чечевичную похлёбку консервативного национализма... Все эти люди были заинтересованы в том, чтобы ставить палки в колёса свободному развитию страны по тем или другим мотивам. И Достоевский был с ними! Сознательно или бессознательно эти люди волочили по улице идеи гениального художника. А он старался уверить себя, что это искренние ревнители тех самых идеалов, которые были ему дороги.

⁵⁷³ Победоносцев К.П. (1827–1907) — государственный деятель и публицист, юрист, с 1872 г. член Государственного совета, в 1880–1905 гг. обер-прокурор Св. Синода, был близок к царской семье; находился в дружеских отношениях с Ф.М. Достоевским с 1872 г. до смерти писателя; по мнению ряда исследователей, один из прототипов Великого инквизитора в «Братьях Карамазовых».

1873 год был годом решительного разрыва Достоевского с свободомыслящими и радикальными кругами русской интеллигенции. Это был год, в который вышли «Бесы» в отдельном авторском издании. Роман был встречен глумлением и бранью критики. Никто не разгадал, да и не разгадывал его символов; никому не приходило в голову, что некоторые образы «Бесов», например образ Кириллова, займут в мировой литературе исключительное место; зато все увидели в романе злобный памфлет на революционеров — и только; все негодовали на автора, нарисовавшего такую ядовитую карикатуру на Тургенева; современники узнавали в пародийном тексте свои собственные мысли, слова и выражения... То, что в этом же романе с неменьшим сарказмом изображены губернатор и дворянские салоны, нисколько не примиряло радикальную интеллигенцию с этим сумасшедшим изувером Достоевским... В эти дни Достоевский «сжёг свои корабли». Князь В.П. Мещерский⁵⁷⁴, издатель «Гражданина», как раз в это время искал для своего издания редактора. До 1873 года издание редактировал Г.К. Градовский⁵⁷⁵, с которым у Мещерского начались недоразумения, и Достоевский согласился редактировать издание, тогда ещё не столь скомпрометированное, как позднее, при Александре III. Однако и в 1873 году «Гражданин» пользовался репутацией консервативного органа. В нём участвовали К.П. Победоносцев, А.Н. Майков, Т.И. Филиппов⁵⁷⁶, Н.Н. Страхов и проч<ие> ревнители национальной исключительности. Впрочем, это не спасло журнал от правительственных репрессий. Главное управление по делам печати 18 октября 1873 года запретило розничную продажу «Гражданина» за напечатанную Достоевским статью Св. Сол-ского⁵⁷⁷ о самарском голоде, в коей автор упрекал правительство за небрежное отношение

⁵⁷⁴ Мещерский В.П., кн. (1839–1914) — внук М.Н. Карамзина; писатель, публицист, издатель консервативно-монархической газеты-журнала «Гражданин», который в 1873–1874 гг. редактировал Ф.М. Достоевский и где напечатал свой «Дневник писателя» за 1873 г.

⁵⁷⁵ Градовский Г.К. (1842–1915) — известный публицист, которого на посту редактора «Гражданина» в 1873 г сменил Ф.М. Достоевский; полемизировал с «Дневником писателя» за 1876 г. по вопросу о нравственном состоянии народа.

⁵⁷⁶ Филиппов Т.И. (1825–1899) — государственный деятель, сенатор, товарищ государственного контролёра (с 1878 г.), а затем и сам государственный контролёр; знаток истории Церкви, один из видных идеологов славянофильства, член редакции г. «Гражданин»; находился в дружеских отношениях с Ф.М. Достоевским с 1871 г. до смерти писателя.

⁵⁷⁷ Имеется в виду Святослав-Солынский (См.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей: В 4 т. М.: Изд-во Всесозн. книжн. палаты, 1956–1960. Т. 3. С. 72).

к событию и указывал на необходимость создания центрального земства для приведения в порядок государственного хозяйства. Цензурное ведомство, по-видимому, не без основания усмотрело в этом требовании посягательство на тогдашний авторитарный порядок.

L.

В 1873 году, с первого номера «Гражданина», стал печататься «Дневник писателя». Эти признания Достоевского, иногда очень значительные и глубокие, легко можно было истолковать как прямую поддержку реакции. И надо сказать, что Достоевский иногда сам давал повод для обличений, хотя в иных случаях он был решительно «без вины виноват».

«Я сильно подозреваю, — писал он, — что “Гражданину” ещё долго придётся говорить самому с собой для собственного удовольствия»... «“Гражданин” должен непременно говорить с гражданами и вот в том вся беда его!»⁵⁷⁸... Гражданин в государстве Российском, в самом деле, как будто не было...

В том же первом номере он писал: «Прежде, например, слова: “я ничего не понимаю”, означали только глупость произносившего их; теперь же приносят великую честь. Стоит лишь произнести с открытым видом и с гордостью: “Я не понимаю религии, я ничего не понимаю в России, я ровно ничего не понимаю в искусстве” — и вы тотчас же ставите себя на отменную высоту. И это особенно выгодно, если вы в самом деле ничего не понимаете»⁵⁷⁹...

В «Дневнике» 1873 года появились воспоминания Достоевского о Белинском («Старые люди»), о Чернышевском («Нечто личное»), о петрашевцах («Одна из современных фальшей»), его полемический фельетон «Ряженный» (против Лескова⁵⁸⁰), рассказ «Бобок», гениально задуманный, где сарказм писателя направлен на разлагающиеся души мёртвых пошляков...

Работа в «Гражданине» поглощала всё время. Кроме «Дневника писателя», Достоевский напечатал в этом же году ряд политических

⁵⁷⁸ ПСХП. Т. 11. С. 5 («Дневник писателя за 1873 г. I. Вступление»).

⁵⁷⁹ Там же. С. 4.

⁵⁸⁰ Лесков Н.С. (1831–1895) — выдающийся писатель, сотрудничавший в журнале братьев Достоевских «Время», один из авторов ж. «Эпоха»; с Ф.М. Достоевским, который неоднозначно отзывался о творчестве Лескова, его связывали сложные отношения.

статей в отделе «Иностранные события». Его занимает вопрос о притязаниях папы на светскую власть, политическое положение Франции, судьба Бисмарка... Ему приходится прочитывать немало газет, иностранных и русских; он читает прилежно поступающие в редакцию рукописи; правит корректуру... Он несёт этот каторжный труд, хотя ему уже пятьдесят два года и у него, кроме эпилепсии, эмфизема лёгких, — он кашляет и задыхается.

«Это был очень бледный — землистой, болезненной бледностью — немолодой, очень усталый или больной человек, с мрачным изнурённым лицом, покрытым, как сеткой, какими-то необыкновенно выразительными тенями от напряжённо-сдержанного движения мускулов, — рассказывает о нём Починковская⁵⁸¹, работавшая в «Гражданине» в качестве корректорши. — Как будто каждый мускул на этом лице с впалыми щеками и широким и возвышенным лбом одухотворён был чувством и мыслью. И эти чувства и мысли неудержимо просились наружу, но их не пускала железная воля этого щедедушного и плотного в то же время, с широкими плечами, тихого и угрюмого человека. Он был весь точно замкнут на ключ — никаких движений, ни одного жеста, — только тонкие, бескровные губы нервно подёргивались, когда он говорил. А общее впечатление с первого взгляда почему-то напомнило мне солдат — из “разжалованных”, — каких мне не раз случалось видеть в моём детстве, — вообще, напомнило мне тюрьму и больницу, и разные “ужасы” из времён “крепостного права”»⁵⁸²...

В другой раз та же Починковская увидела его иным. Это был тот вечер, когда они в типографии корректировали статью «По поводу выставки», где Достоевский, между прочим, говорит с негодованием о картине Ге «Тайная вечеря»: «Вот сидит Христос — но разве это Христос?»... «Где же и причём тут последовавшие восемнадцать веков христианства?»⁵⁸³...

Починковская, правя гранки, подняла голову и взглянула на Достоевского. «Фёдор Михайлович, — рассказывает она, — пристально, в упор, смотрел на меня с таким выражением, как будто давно наблю-

⁵⁸¹ Тимофеева В.В. [Починковская О.] (1850–1931) — писательница, мемуаристка, переводчица, в 1872–1875 гг. работавшая корректором в типографии А.И. Граншеля в Петербурге, где печатался еженедельник «Гражданин», в 1873–1874 гг. выходивший под редакцией Ф.М. Достоевского; автор ценных воспоминаний о писателе.

⁵⁸² Тимофеева В.В. <О. Починковская>. Год работы с знаменитым писателем // Исторический вестник. 1904. Февраль. С. 490.

⁵⁸³ ПСХП. Т. 11. С. 79 (Дневник писателя за 1873 г. IX. По поводу выставки).

дал за мною и ждал, чтобы я оглянулась». На этот раз лицо Достоевского поразило её по-новому. Оно было совсем молодое. Глубокие потемневшие глаза смотрели как-то странно... «Оно дышало торжеством своей умственной силы, горделивым сознанием своей власти... Это было не доброе и не злое лицо. Оно как-то в одно время и привлекало к себе и отталкивало, запугивало и пленяло»... «Я ощутила тогда всем моим существом, что это был человек необычайной духовной силы, неизмеримой глубины и величия, действительно гений, которому не надо слов, чтобы видеть и знать»⁵⁸⁴...

Однажды, когда Страхов зашёл в типографию, Достоевский сказал ему, указав на Починковскую:

— Не правда ли, она ужасно похожа на Марию Дмитриевну?

И потом, когда они остались вдвоём с Починковской, он ей пояснил:

— Вы мне чрезвычайно напоминаете мою первую жену... Была эта женщина души самой возвышенной и восторженной. Сгорала, можно сказать, в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу. Идеалка была в полном смысле слова, — да! — и чиста, и наивна притом была совсем как ребёнок...

Должно быть, это сходство с Марией Дмитриевной расположило Достоевского к Починковской. А между тем она была заурядная либеральная барышня. К Достоевскому у неё было двойственное отношение — то восторженное, то боязливо-недоверчивое.

Им иногда приходилось просиживать в типографии вдвоём целые ночи напролёт.

В одну из таких ночей, читая корректуру своей статьи о Бисмарке и папе, Достоевский вдруг заговорил таким пророческим тоном, что его собеседница совсем смутилась и не знала, что и думать.

— Они и не подозревают, что скоро конец всему... Всем ихним «прогрессам» и болтовне! Им и не чудится, что ведь Антихрист-то уж родился... и идёт!

Он как будто сообщал своей собеседнице ему одну известную страшную и великую тайну. Потом он строго спросил её:

— Вы мне верите или нет? Я вас спрашиваю, — отвечайте! Верите или нет?

Он стукнул кулаком по столу и закричал:

— Идёт к нам Антихрист! Идёт! И конец миру близко, — ближе, чем думают!

⁵⁸⁴ Т<имифее>ва В.В. <О. Починковская>. Год работы с знаменитым писателем // Исторический вестник. 1904. Февраль. С. 495–496.

На другой день, придя на работу, Достоевский не обращал внимания на Починковскую и никогда уже не говорил с ней об Антихристе.

Редакторская работа в «Гражданине» чрезвычайно его утомляла и раздражала. Летом семья жила в Старой Руссе, и Достоевский писал из Петербурга Анне Григорьевне: «Приехав, всё по обыкновению застал в беспорядке. Сегодня же утром разом получил от князя т е л е г р а м м у и два письма насчёт помещения его статьи. Письмо его мне показалось крайне грубым»... «Сегодня же ответу ему так резко, что оставит вперёд охоту читать наставления (хотя, впрочем, в его письме есть и самые дружеские фразы и выходки). Вчера всю ночь, не спавши, сидел за корректурой (стоящей сочинения) и сегодня и завтра буду»... В другом письме Достоевский сообщает Анне Григорьевне: «Прошлую неделю начал писать статью и должен был бросить из уважения к Мещерскому, чтобы поместить внезапно присланную им статью о смерти Тютчева, — безграмотную до того, что понять нельзя, и с такими промахами, что его на десять лет осмеяли бы в фельетонах. Сутки, не разгибая шеи, сидел и переправлял, живого места не оставил. Напишу ему прямо, что он ставит меня в невозможное положение!»

Здоровье Достоевского заметно ухудшается. «Сел за работу и, когда кончил, в три часа ночи, то, вставая с кресел, зашатался и повалился в кресло обратно»... Тринадцатого августа Достоевский писал: «Нервы очень раздражены, а в голове как туман, всё точно кружится. Никогда ещё, даже после самых сильных припадков, не бывало со мной такого состояния. Очень тяжело. Боюсь очень за голову. Сам не понимаю, что со мною делается. Точно сон и дремота и меня всё разбудить не могут»... Достоевский боится, что с ним будет удар. «А между тем работы бездна, а забочусь я всё один, всё один. Особенно эта неделя чрезвычайно тяжела для меня. Всё-то сотрудники манкировали, и я один вертись за всех»... Но и, помимо работы, жизнь складывается не так, как надо. Достоевский отмечает, что «в Старой Руссе предавался и з л и ш е с т в а м», а это опасно после припадка... Однако он всегда страдает от разлуки с женою. «Кстати, милка ты моя, ты мне очень бы нужна была в эту минуту. Понимаешь? Да правда ли, что видишь меня во сне? Может, не меня. Целую твои ножки и... в с ё. Очень целую»...

Страх за детей не оставляет его никогда, даже во сне: «С субботы на воскресенье, между кошмарами, видел сон, что Федя взобрался на подоконник и упал из четвёртого этажа. Как только он полетел, перевёртываясь вниз, я закрыл руками глаза и закричал в отчаянии: прощай, Федя! — и тут проснулся»... «Сегодня, с воскресенья на по-

недельник, видел во сне, что Лиля сиротка и попала к какой-то мучительнице, и та её засекла розгами, большими, солдатскими, так что я застал её на последнем издыхании, и она всё говорила: Мамочка! Мамочка! — От этого сна я сегодня чуть с ума не сойду»...

Тяжёлый 1873-й год и неприятное соредакторство с кн<язем> В.П. Мещерским закончились для Достоевского привлечением его к суду за статью Мещерского «Киргизские депутаты в Петербурге», в коей были процитированы без разрешения министра двора царские слова, обращённые к депутатам. За это Достоевскому пришлось отсидеть двое суток под арестом. Это уже было в начале 1874 года. Всеволод Соловьёв⁵⁸⁵ (романист, брат философа) в своих воспоминаниях рассказал, между прочим, о том, как он навещал арестованного Достоевского.

Фёдор Михайлович сидел за маленьким столом, пил чай, курил свои толстые папиросы и перечитывал «Les Misérables»⁵⁸⁶ Гюго. К своему аресту он относился добродушно.

Вс.С. Соловьёву он сказал, что и каторгу свою он вспоминает теперь без всякой злобы и негодования. «Все мои самые лучшие мысли приходили тогда в голову, теперь они только возвращаются, да и то не так ясно»... Ему, Всеволоду Сергеевичу, тоже не мешало бы изведать в жизни что-нибудь серьёзное.

— Ах, если бы вас на каторгу! — заключил он с совершенной искренностью, не замечая комизма своего восклицания.

Когда надо было расставаться, Достоевский просил Соловьёва съездить к Анне Григорьевне, сказать ей, что он чувствует себя прекрасно.

— Только вы, голубчик, — сказал он, — пожалуйста, тихонько, чтобы как-нибудь прислуга не услышала; а то ведь как узнают, что я сижу, так сейчас же подумают, что я украл что-нибудь...

II.

В начале 1874 года Достоевский отказался исполнять обязанности ответственного редактора «Гражданина». В душе у него слагался в

⁵⁸⁵ Соловьёв Вс. С. (1849–1903) — плодovitый исторический романист, поэт, литературный критик, сын историка С.М. Соловьёва, старший брат философа Вл.С. Соловьёва; восторженный поклонник и друг Ф.М. Достоевского в 1870-е гг.; автор интересных воспоминаний о писателе.

⁵⁸⁶ «Отверженные» (фр.).

это время новый большой роман. По обыкновению, приниматься за работу без значительного аванса он не мог, а между тем до него дошли слухи, что Катков заплатил большую сумму графу Толстому за «Анну Каренину», и теперь трудно было рассчитывать, что «Русский вестник» даст вперёд сразу две тысячи.

Ещё работая в «Гражданине», Достоевский сказал однажды Починковской, что он не прочь дать свой новый роман в «Отечественные записки». Пусть она, Починковская, узнает стороною, найдётся ли для него место в журнале. После издания «Бесов» и редакторства «Гражданина» радикальный журнал мог отказаться от печатания его на своих страницах <нрзб.>⁵⁸⁷. Но Починковской сказали, что для Достоевского в «Отечественных записках» место всегда найдётся.

В одно апрельское утро, часов в двенадцать, Анне Григорьевне подали визитную карточку Николая Алексеевича Некрасова. Она велела просить неожиданного гостя в залу, а карточку передала мужу. Минут через пять вышел Достоевский и пригласил Некрасова в кабинет.

Анна Григорьевна немедленно стала за дверь, стораая от любопытства. Подслушивать разговор своего мужа или потихоньку вскрывать его письма она не считала делом предосудительным. А тут случай был интересный. Некрасов, когда-то <нрзб.>⁵⁸⁸ редактор «Современника», а теперь редактор «Отечественных записок», является в скромнейшую квартирку автора «Бесов», осмеянного и освищенного <нрзб.>⁵⁸⁹. Ещё недавно критики рекомендовали публике посмотреть на выставленный тогда портрет Достоевского, написанный Перовым⁵⁹⁰, дабы все убедились, что этот писатель в самом деле сумасшедший изувер.

Некрасов, оказывается, как это ни странно, приехал просить у Достоевского роман в «Отечественные записки». Журнал предлагает ему теперь уже не полтораста, а двести пятьдесят рублей за лист и аванс две-три тысячи.

Достоевский сказал, что очень был бы рад напечатать роман в «Отечественных записках», но он связан обязательствами с «Рус-

⁵⁸⁷ В Мп РГБ: этого «изувера»

⁵⁸⁸ В Мп РГБ: друг юности, потом злейший враг,

⁵⁸⁹ В Мп РГБ: всеми газетами и газетками

⁵⁹⁰ Перов В.Г. (1833/1834–1882) — известный художник-передвижник; в 1872 г. по заказу П.М. Третьякова написал портрет Ф.М. Достоевского, который, несмотря на некоторое однообразие цветовой гаммы, считается лучшим живописным изображением писателя, во многом благодаря созданию одухотворённо-психологического образа автора «Бесов».

ским вестником», и если ему удастся уладить это дело с Катковым, роман будет предоставлен Некрасову. Впрочем, он сейчас посоветуется с женою.

Некрасов удивился:

— Вот уж никак не мог я предположить, что вы находитесь под башмачком вашей супруги...

— О, я верю её деловитости! — сказал Достоевский и пошёл к жене.

Увидев мужа, она торопливо сказала:

— Ну, зачем спрашивать? Соглашайся, Федя, соглашайся немедленно.

— На что соглашаться?

— Ах, боже мой! Да на предложение Некрасова.

— А ты как знаешь о его предложении?

— Да я слышала весь разговор, я стояла за дверью.

— Так ты подслушивала? Ну, как тебе, Анечка, не стыдно! — горестно воскликнул Фёдор Михайлович.

В конце апреля Достоевский поехал в Москву к Каткову, выяснить вопрос о будущем романе. Катков согласился на гонорар в двести пятьдесят рублей, но двух тысяч аванса дать не мог. Деньги ушли на аванс графу Толстому.

⁵⁹¹ «Отечественные записки» дали аванс, и Достоевский, оставив семью в Старой Руссе, поехал в Эмс лечиться от эмфиземы лёгких. Он задыхался и кашлял. Дорога из Берлина в Эмс ему понравилась. «Холмы, горы, замки, города как Марбург, Лимбург с прелестнейшими башнями»... Солнце жарко сияло. «Эмс совершенно в этом роде»... «Эмс это городок в глубоком ущелье высоких холмов — этак сажень по двести и более высоты, поросших лесом. К скалам (самым живописным в мире) прислонён городок, состоящий по-настоящему из двух только набережных реки (не широкой), а шире негде и строиться, ибо давят горы. Есть променады и сады — и всё прелестно»⁵⁹²...

Однако это впечатление в ближайшие дни сменилось совсем другим. Погода удручает Достоевского. Здесь ужасный климат — то жарко, то сыро, то из ущелья дует ветер. Достоевский в каждом письме к жене проклинает Эмс, немцев, погоду, русских и вообще всем недоволен. Лечение идёт туго. В маленьком отеле жить неудобно: «Кругом всё набито квартирантами, кто поёт, кто хлопает дверями»⁵⁹³...

⁵⁹¹ *Было:* Пришлось вернуться в Петербург с пустыми руками и связать свою судьбу с Некрасовым.

⁵⁹² *Письма к жене.* С. 106 (Письмо от 13 (25) июня 1874 г.).

⁵⁹³ Там же. С. 107 (Письмо от 13 (25) июня 1874 г.).

А Достоевский должен работать. Здесь, в Эмсе, он будет писать план романа.

На прогулке к нему подошёл К.К. Случевский⁵⁹⁴ (литератор и цензор). Достоевский не знал, что он поэт, достойный внимания... Потом Случевский познакомил его с какой-то дамой и её дочкой лет пятнадцати. Они сделали прогулку, по сырой дороге, недалеко в горы, до первого ресторана. Эта барыня навела тоску на Достоевского, и он решил бегать от всех русских: «Дура, каких свет не производил. Космополитка и атеистка, обожает царя, но презирает отечество»... «Я сказал ей прямо, — пишет Достоевский, — что она несносна и ничего не понимает, разумеется смеясь и светским образом, но очень серьёзно. Расстались мы вежливо, но уже никогда не встречусь с ними. А ночью у меня был даже кошмар»⁵⁹⁵.

Вообще все женщины неинтересны, и существует одна только несравненная Анна Григорьевна. В чём же её прелесть? Она не так уж умна, весьма прозаична, её никак нельзя назвать красавицей... Но она любит Достоевского! Да, она его любит: не беда, что она не понимает его идей и с нею нельзя говорить «об оправдании человека», зато она слепо верит в его гений; она любит его как мужа, не смущаясь тем, что ему уже пятьдесят три года, что он задыхается и кашляет; она не боится его эпилептических судорог и терпеливо переносит его мрачное настроение, какое посещает его каждый раз после припадка...

А в нём проснулась с новою силою страстная чувственность. Какой вздор все эти дон-жуанские поиски всё новых и новых женщин! Найди единую возлюбленную, и она будет неисчерпаемый источник наслаждений.

«Голубчик, — пишет Достоевский Анне Григорьевне, — я ни одной женщины не знаю равной тебе»⁵⁹⁶...⁵⁹⁷. «Да, Аня, к тоске моего уединения недоставало только этого мученья; должен жить без тебя и мучиться. Ты мне снишься обольстительно; видишь ли меня-то

⁵⁹⁴ Случевский К.К. (1837–1904) — поэт, прозаик, литературный критик, предтеча русского символизма; служил в Главном управлении по делам печати и в Министерстве государственных имуществ; с Ф.М. Достоевским познакомился, вероятно, в 1873 г. и был почитателем его таланта; они встречались в петербургском салоне Е.А. Штакеншнейдер, на отдыхе в Эмсе (Германия), на различных литературных мероприятиях.

⁵⁹⁵ **Письма к жене.** С. 111 (Письмо от 16 (28) июня 1874 г.).

⁵⁹⁶ Там же. С. 112 (Письмо от 16 (28) июня 1874 г.).

⁵⁹⁷ *Далее было:* «Ложась спать (это между нами) думаю о тебе уже с мученьем, обнимаю тебя мысленно и целую в воображеньи в с ю (понимаешь?)» <**Письма к жене.** С. 112 (Письмо от 16 (28) июня 1874 г.)>.

во сне? Аня, это очень серьёзно в моём положении, если б это была шутка, я б тебе не писал. Ты говорила, что я пожалуй пушусь за другими женщинами, здесь за границей. Друг мой, я на опыте теперь изведаль, что и вообразить не могу другой кроме тебя. Не надо мне совсем других, мне тебя надо, вот что я говорю себе ежедневно. Слишком привык к тебе и слишком стал семьянином. Старое всё прошло»⁵⁹⁸...

599

Настроение, однако, у Достоевского жёлчное и капризное. Лечение его раздражает. Немцы ужасно грубы и, когда протягивают свой стакан у источника, кладут руку на плечо соседа. Достоевский тщетно учит их благовоспитанности. Вообще Эмс «свинское, подлое место, подлее которого нет на свете!»⁶⁰⁰

«Сюда приезжает по понедельникам, — сообщает Достоевский Анне Григорьевне, — висбаденский поп Тачалов⁶⁰¹, заносчивая скотина, но я его осадил и он тотчас пропал. Интриган и мерзавец. Сейчас и Христа и всё продаст. Ёрник дрезденский поп кричит всем, что он пражскую церковь построил, а Тачалов хочет выказаться, что это он обращает старокатоликов. И ведь удастся каналье уверить, тогда как глуп, как бревно, и срамит нашу церковь своим невежеством перед иностранцами. Но в невежестве все они один другому не уступят»⁶⁰².

⁵⁹⁸ Письма к жене. С. 112 (Письмо от 16 (28) июня 1874 г.).

⁵⁹⁹ *Далее было:*

В следующем письме опять признания: «Крепко целую тебя, а насчёт непристойных снов, то голубчик мой, если б ты только знала, какие я вижу! Даме, впрочем, это не так прилично. Ничего, ничего — молчанье! Напротив я очень рад, и целую тебя страстно в с ю »... <Письма к жене. С. 117 (Письмо от 23 июня (5 июля) — 24 июня (6 июля) 1874 г.)>.

Признания Достоевского иногда странны в своей грубоватой откровенности. «Сначала были ужасные желания, — пишет он, — потом вдруг всё прошло и я обратился в мумию; потом опять началось, хотя едва, но однако же с ночными последствиями, что очень дурно, ибо всё-таки действует на грудь» <Там же. С. 127 (Письмо от 8 (20) — 9 (21) июля 1874 г.)>... И опять в следующем письме: «Ещё раз обнимаю тебя и целую в с ю, как ты и вообразить себе не можешь» <Там же. С. 130 (Письмо от 8 (20) — 9 (21) июля 1874 г.)>... Эту последнюю фразу Достоевский многозначительно подчеркнул.

⁶⁰⁰ Письма к жене. С. 119 (Письмо от 28 июня (10 июля) 1874 г.),

⁶⁰¹ Тачалов А.В., прот. (1838–1890) — священник, протоиерей православной церкви в Висбадене и Париже, духовный писатель; встречался с Ф.М. Достоевским в Эмсе (Германия) в 1874, 1875 и 1876 гг.

⁶⁰² Письма к жене. С. 119 (Письмо от 28 июня (10 июля) 1874 г.).

Закончив курс лечения, Достоевский в Париж не поехал, как предполагал: не хватило денег. Зато он поехал в Женеву, чтобы увидеть ещё раз могилку своего первого ребёнка, Сони. Оттуда он привёз жене ветку кипариса.

ЛП.

Итак, надо было писать роман, обещанный в «Отечественные записки». Анна Григорьевна решила для экономии и порядка переселиться на год в Старую Руссу. Здесь была тишина. Здесь никто не мешал работать Фёдору Михайловичу. Анна Григорьевна нашла просторную и удобную квартиру у некоего Леонтьева на Ильинской улице.

Это была счастливая зима. Здоровье Достоевского как будто улучшилось после лечения в Эмсе. Он меньше кашлял, не так задыхался, припадки были реже. Он повеселел. Играл с детьми и даже, заведя игрушечный органчик, танцевал с Любочкой мазурку, причём Анна Григорьевна уверяла мужа, к его удовольствию, что он танцует, как настоящий польский пан.

Дети наслаждались его обществом. Никто не умел их заинтересовать так, как он. Иногда он заходил в лавку купцов Плотниковых и приносил детям лакомств⁶⁰³.

В семь часов он гулял. Вечером читал полученную корреспонденцию. Работал, как всегда, по ночам, а днём диктовал Анне Григорьевне.

С долгами постепенно расплачивалась Анна Григорьевна, которая с успехом издала «Бесов» и «Идиота» и теперь печатала новое издание «Записок из Мёртвого дома».

Роман, над которым работал Достоевский, был «Подросток». Прочитав в газетах, что граф Толстой продал свой роман в «Русский вестник» по пятьсот рублей за лист, т.е. за двадцать тысяч рублей, Достоевский возмущался. Нет, уж слишком низко его ценят, оттого что он живёт исключительно литературным трудом. Катков не нашёл для него, Достоевского, двух тысяч авансу! Ну, вот теперь Некрасов вполне может его <нрзб.> стеснить, если захочет. Но хоть бы этот год пришлось милостыню просить, он не уступит в направлении ни строчки. Впрочем, «направление» Достоевский понимал не совсем так, как это слово понимали современники. К тому же роман был задуман с особенными целями, и Достоевский опасался редакционного давления совершенно напрасно, от излишней мнительности.

⁶⁰³ *Далее было:* , некоторые и сам любил

Роман «Подросток», как всегда у Достоевского, был многопланен. В романе перекрещивались разные темы, спаянные внутренним символическим единством и занимательною фабулой. Одна из этих тем — тема социальная. Ещё осенью 1871 года Достоевский писал Страхову по поводу его статьи о Тургеневе: «А знаете — ведь это всё помещичья литература. Она сказала всё, что имела сказать, (великолепно у Льва Толстого). — Но это в высшей степени помещичье слово было последним»... Очевидно, что Достоевский противопоставил себя всем этим, как он выразился в другом письме, «исписавшимся помещикам»... В «Подростке» ведь тоже тема отчасти «Отцов и детей», отчасти того «дворянского семейства», которое изображал Толстой в лице своих⁶⁰⁴ любимцев, Ростовых и Левиных... Но Достоевский не верит в это дворянское благообразие. Его Версилов рассуждает о дворянстве весьма фантастично, а фактом своей биографии доказывает, что сословие пало безнадежно.⁶⁰⁵ Но Достоевский не был бы Достоевским, если бы ограничился этой задачей.

В набросках к «Житию великого грешника» уже имеются мотивы «Подростка». Безмерные творческие замыслы «Жития» вошли частично и в этот новый роман 1875 года. Одним из главных символов «Подростка» является его излюбленный (ещё со времени «Записок из подполья») символ «живой жизни». Эту «живую жизнь», эту полноту бытия, это в е с ё л о е единство художник желает противопоставить уединённому и мрачному «мечтательству». Это едва ли не центральной темой повествования, кстати сказать, совершенно свободного от всякого бытового правдоподобия. «Реалист в высшем смысле» Достоевский решительно этим правдоподобием не дорожил. Он всегда был, по его собственному признанию, «больше поэтом, чем художником». Ему важно одно — увлечь читателя занимательностью повествования, очаровать его, ввести в свой волшебный мир вымысла и в конце концов внушить ему ту идею, которую он защищает как неутомимый апологет. Тема «живой жизни» и в этом новом романе переплетается с темой «прекрасного человека». На сей раз этот п р е к р а с н ы й ч е л о в е к мужик-странник, Макар Иванович, который своею мудростью посрамляет дворянина-мечтателя, Версилова.

Роман стал появляться в «Отечественных записках» с январской книжки 1875 года.

⁶⁰⁴ Вместо: своих — в *Мп РГБ*: всех

⁶⁰⁵ Далее было: Социальный смысл романа именно в этом беспощадном суде над «падшим дворянством»

В феврале Достоевский был в Петербурге, лечился там «сжатым воздухом» от своего кашля и одышки. Его сажали под колокол на час или два. Он там читал книжку «Русского вестника», где в это время печатался роман Толстого⁶⁰⁶...

С Некрасовым возобновились дружеские отношения. <Нрзб.>⁶⁰⁷. «Романом он ужасно доволен»⁶⁰⁸. И старый⁶⁰⁹ враг, Салтыков, теперь больной, — по словам Некрасова, очень восхищается — «Подростком». Зато «друзья» что-то косятся на него⁶¹⁰. Он поехал к Майкову. «Анна Ивановна⁶¹¹ уехала в театр, — пишет жене Достоевский. — Он же встретил меня по-видимому радушно, но сейчас же увидел я, что сильно со складкой. Вышел и Страхов. Об романе моём ни слова и, видимо, не желая меня огорчать. Об романе Толстого тоже говорили немного, но то, что сказали, выговорили до смешного восторженно»... Достоевский подозревает, что «друзья» недовольны его участием в радикальном некрасовском журнале. <Нрзб.>⁶¹² «Когда я уходил, — пишет Достоевский, — то Страхов стал говорить, что, вероятно, я ещё зайду к Майкову и мы увидимся, но Майков, бывший тут, ни словом не выразил, что ему бы приятно видеть меня»⁶¹³... Упомянули между прочим, об Авсеенко⁶¹⁴, который в «Русском мире» напечатал статью о Достоевском по поводу «Подростка». Критик обвинял Достоевского, что он вводит читателя «в смрадную атмосферу подполья»⁶¹⁵...

На другой день в письме к Анне Григорьевне Достоевский сообщает: «Роман Толстого читаю только под колоколом, ибо иначе нет

⁶⁰⁶ «Анна Каренина»

⁶⁰⁷ В Мп РГБ: Вражда бывшая как будто забыта

⁶⁰⁸ Письма к жене. С. 145 (Письмо от 6 февр. 1875 г.).

⁶⁰⁹ Вместо: старый — в Мп РГБ: другой

⁶¹⁰ Было: Достоевского

⁶¹¹ Майкова А.И. (1830–1911) — с 1852 г. жена А.Н. Майкова, близкого друга Ф.М. Достоевского с 1840-х по 1880-е гг.; писатель испытывал к ней дружеские чувства.

⁶¹² В Мп РГБ: Но почему же никто из них не осуждает Толстого, хотя и он печатался в «Отечественных записках»?

⁶¹³ Письма к жене. С. 146 (Письмо от 6 февр. 1875 г.).

⁶¹⁴ Авсеенко В.Г. (1842–1913) — прозаик, литературный критик, журналист, недоброжелательно отзывавшийся в печати о произведениях Ф.М. Достоевского 1870-х гг.; сам Достоевский критиковал как прозу, так и литературную критику Авсеенко в «Дневнике писателя» за 1876 г.

⁶¹⁵ А.О. <В.Г. Авсеенко>. Очерки текущей литературы. Ещё о «Подростке» г. Достоевского // Русский мир. 1875. 27 февр. № 55.

времени. Роман довольно скучный и уж слишком не Бог знает что. Чем они восхищаются — понять не могу»⁶¹⁶.

Вечером седьмого февраля к Достоевскому зашёл Страхов. «Подросток» ему «не совсем нравится»⁶¹⁷... На другой день пришёл Некрасов, «чтоб выразить с в о й в о с т о р г по прочтению конца первой части»... Это напомнило Достоевскому, как весной 1845 года тот же Некрасов приходил к нему ночью «выразить свой восторг» по поводу «Бедных людей»... И теперь, оказывается, Некрасов «всю ночь сидел, читал, до того завлѣкся», а в его лета и с его здоровьем он не всегда может позволить себе подобное увлечение... Достоевский не избалован признанием. Он жадно слушает Некрасова, а тот говорит: «И какая, батюшка, у вас свежесть»... «Такой свежести в наши лета, уже не бывает и нет ни у одного писателя. У Льва Толстого в последнем романе лишь повторение того, что я и прежде у него же читал, только в прежнем лучше»... Некоторые сцены <нрзб.>⁶¹⁸ он находит «верхом совершенства»⁶¹⁹.

Майков прислал приглашение на обед, а вчера вечером Достоевский видел его у Страхова. «Было очень дружелюбно, — рассказывал Достоевский, — но не нравятся они мне оба, а пуше не нравится мне и сам Страхов; они оба со складкой. Так и быть обедать у него сегодня буду, но и только»⁶²⁰...

На обеде всё было как будто хорошо, хотя Достоевский чувствовал в Страхове тайное недоброжелательство. «Да и Майков, — пишет Достоевский, — когда стал расспрашивать о Некрасове... сделал грустный вид, а Страхов так совсем холодный. Нет, Аня, это скверный семинарист и больше ничего; он уже раз оставлял меня в жизни, именно с падением “Э п о х и”, и прибежал только после успеха “П р е с т у п л е н и я и н а к а з а н и я”. Майков несравненно лучше, он подосадует, да и опять сблизится, и всё же хороший человек, а не семинарист»⁶²¹...

В конце мая Достоевский выехал за границу. И на этот раз, как в прошлом 1874 году, Достоевский скучал в Эмсе и дня через три-четыре писал жене и требовал от неё писем. Он избегает встреч с рус-

⁶¹⁶ Письма к жене. С. 147 (Письмо от 7 февр. 1875 г.).

⁶¹⁷ Там же. С. 148 (Письмо от 8 февр. 1875 г.).

⁶¹⁸ В Мп РГБ: Сцену самоубийства и рассказ

⁶¹⁹ Письма к жене. С. 149 (Письмо от 9 февр. 1875 г.).

⁶²⁰ Там же. С. 151–152 (Письмо от 11 февр. 1875 г.).

⁶²¹ Там же. С. 152 (Письмо от 12 февр. 1875 г.).

скими. Да и с кем встречаться? Он прочёл в курортном листке, что приехал Иловайский⁶²², московский профессор, тот самый, который публично заявил в Обществе любителей российской словесности, что «нам не надо мрачных романов, хотя бы и с талантом», намекая на Достоевского: то ли дело всегда приятные романы графа Толстого.

Все эти русские за границей — вроде профессора Иловайского.

Одно занимает Достоевского — Библия — «читаю книгу Иова, — пишет он жене, — и она приводит меня в болезненный восторг: бросаю читать и хожу по часу по комнате, чуть не плача»⁶²³...

У Достоевского странная рассеянность. Возвращаясь домой, он попал в соседний отель, взял ключ под номером десятым, поднялся по лестнице и пытался войти в чужую комнату. Его поймали в коридоре, когда он вкладывал ключ в замочную скважину. Хорошо, что слуга узнал его как соседа и ему не пришлось идти в полицейский участок.

Из России вести неприятные. «От меня, однако, решительно все отвернулись в литературе, — пишет Достоевский, — я за ними не пойду. Даже “Journal de St.-Pétersbourg”⁶²⁴ похвалил было “Подростка”, но, вероятно, кто-нибудь дал приказ ругать, и вот в последнем номере прочёл, что в окончании второй части всё было вяло et il n'y a rien de saillant⁶²⁵. Т.е. всё, что угодно, можно сказать, упрекнуть даже за излишние эффекты, но нельзя сказать что нет сальютного. Впрочем вижу, что роман пропал: его погребут со всеми почестями под всеобщим презрением»⁶²⁶...

Достоевский в крайнем негодовании на запаздывание писем. Дело в том, что он всё ещё под надзором полиции. Его письма перлюстрируют.

Возвращаясь в первых числах июля в Россию, Достоевский встретил в дороге П.В. Анненкова и вручил ему пятьдесят талеров, которые двенадцать лет назад занял у Тургенева, проигравшись на рулетке в Висбадене.

П.В. Анненков, как поверенный в делах Тургенева, охотно эти деньги взял.

⁶²² Иловайский Д.И. (1832–1920) — историк и публицист, противник норманской теории происхождения Руси; выступал на страницах «Русского вестника», «Русского обозрения», «Московских ведомостей»; деятельный участник Общества любителей российской словесности.

⁶²³ Письма к жене. С. 171 (Письмо от 10 (22) июня 1875 г.).

⁶²⁴ «Петербургская газета» (фр.).

⁶²⁵ и ничего выдающегося (фр.).

⁶²⁶ Письма к жене. С. 174 (Письмо от 13 (25) июня 1875 г.).

LIII.

Достоевский из Эмса вернулся 6-го июля, а 10 августа того же 1875 года Анна Григорьевна родила ему сына, Алёшу⁶²⁷. В середине сентября он перевёз семью из Старой Руссы в Петербург.

Здесь, в Петербурге, Достоевский решил возобновить свой «Дневник писателя», но уже на иных основаниях, самостоятельно, на свой риск и страх, без того лишнего груза, который он тащил на своих плечах, редактируя в 1873 г. «Гражданин» князя Мещерского.

Радикальные журналы встретили новое издание Достоевского недоверчиво и враждебно; однако эти его своеобразные письма к читателю возбудили немалый интерес у современников. Об этом свидетельствует статистика подписчиков и многочисленные письма, которые получал Достоевский как автор «Дневника». Враждебное отношение к этому изданию русской радикальной журналистики было понятно. «Дневник» шёл вразрез с настроением известных общественных групп, которые стремились связать судьбу России с западноевропейской цивилизацией. В «Дневнике» видели <нрзб.>⁶²⁸ славянофильские тенденции, достаточно скомпрометированные в плане реальной политики.

Проповедь Достоевского прозвучала в конце семидесятых годов почти так же, как проповедь Гоголя в конце сороковых годов. Правда, в «Дневнике писателя» не было того елейного и ханжеского тона, который поразил читателей гоголевской «Переписки с друзьями», но «семидесятники» были более требовательны и более непримиримы, чем наши петербургские «фурьеристы»...

Впрочем, «Дневник» вовсе не исчерпывался славянофильской тенденцией, — кстати сказать, — далеко не правоверной: в нём было немало горячих откликов на самые разнообразные культурные и психологические темы.

Достоевский был настолько «из ряда вон», что его трудно было отождествить с ревнителями какой-нибудь определённой доктрины. Он был сам по себе.

На первых страницах январского «Дневника» 1876 года Достоевский счёл нужным в полусхематичной форме объяснить своё отношение к либерализму.

⁶²⁷ Достоевский А. Ф. (1875–1878) — младший сын Ф. М. Достоевского, умерший от приступа унаследованной от отца эпилепсии; был любимцем в семье; горе родителей от потери сына отразилось в главе «Верующие бабы» и в трагической истории Илюши Снегирёва в «Братьях Карамазовых».

⁶²⁸ В *Мп РГБ*: угадывали

«Либерализм наш, — писал он, — казалось бы, принадлежит к разряду успокоенных либерализмов — успокоенных и успокоившихся, что, по-моему, очень уж скверно, ибо квиетизм всего бы меньше, кажется, мог ладить с либерализмом»... «Короче, либералы наши, вместо того, чтоб стать свободнее, связали себя либерализмом как верёвками, а потому и я, пользуясь сим любопытным⁶²⁹ случаем, о подробностях либерализма моего умолчу. Но вообще скажу, что считаю себя всех либеральнее, хотя бы по тому одному, что совсем не желаю успокаиваться. Ну, вот и довольно об этом. Что же касается до того, какой я человек, то я бы так о себе выразился: “Je suis un homme heureux qui n'a pas l'air content”, то есть, по-русски: “Я человек счастливый, но — кое-чем недовольный”»⁶³⁰ ...

Иные поклонники Достоевского как художника смущались тем, что он тратит свои силы на публицистику. Зачем нужна ему эта злободневность? Одна из его просвещённых читательниц высказала ему это своё недоумение.

«Вы сообщаете мне мысль о том, что я в Дневнике разменяюсь на мелочи, — писал ей в ответ Достоевский. — Я это уже слышал и здесь. Но вот что я, между прочим, вам скажу: я вывел неотразимое заключение, что писатель художественный, кроме поэмы, должен знать до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую⁶³¹ действительность. У нас, по-моему, один только блистает этим — граф Лев Толстой: Victor Hugo⁶³², которого я высоко ценю как романиста (за что, представьте себе, покойник Ф. Тютчев на меня даже раз рассердился, сказавши, что «Преступление и наказание» (мой роман) выше «Misérables»⁶³³), хотя очень иногда растянут в изучении подробностей, но однако дал такие удивительные этюды, которые, не было бы его, так бы и остались совсем неизвестными миру. Вот почему, готовясь написать один очень большой роман, я и задумал погрузиться специально в изучение — не действительности собственно, я с нею и без того знаком, а подробностей текущего. Одна из самых важных задач в этом текущем для меня, например, молодое поколение, а вместе с тем — современная русская семья, которая, я

⁶²⁹ *Вместо:* любопытным — в *Мн РГБ:* любезным

⁶³⁰ ПСХП. Т. 11. С. 147 («Дневник писателя. 1876. Январь. Глава первая. I. Вместо предисловия о Большой и Малой Медведицах, о молитве великого Гёте и вообще о дурных привычках»).

⁶³¹ *Вместо:* изображаемую — в *Мн РГБ:* изобретаемую

⁶³² Виктор Гюго (*фр.*).

⁶³³ «Отверженные» (*фр.*).

предчувствую это, далеко не такова, как всего ещё двадцать лет назад. Но есть и ещё многое кроме того»...

В сущности, никакой определённой политической программы в «Дневнике» не было. Это действительно был живой реальный комментарий к художественным замыслам Достоевского — по крайней мере, так было до сентябрьской книжки 1876 года. Достоевского интересует душа современного человека. «Дневник» открывался «молитвою великого Гёте», которую никогда Гёте не произносил, но которую, — по мнению Достоевского, — он должен был бы произносить в согласии со своими творениями: «Великий Дух, благодарю тебя за лик человеческий, тобою данный мне»⁶³⁴... Угадал или не угадал Достоевский «молитву Гёте» — это вопрос весьма спорный. Немецкий поэт мог, пожалуй, обойтись и без этой молитвы, но зато как она характерна для самого Достоевского! Это всё то же оправдание человека, — «лик человеческий» — вот что Достоевскому дороже всего. Его возмущает эпидемия самоубийств. «Лик человеческий» искажается от духовной слепоты и неразумия.

«И при этом ни одного Гамлетовского вопроса: “Но страх, что будет там”... И в этом ужасно много странного. Неужели это безмыслие в русской природе? Я говорю — безмыслие, а не бессмыслие. Ну, не верь, но хоть помысли. В нашем самоубийце даже и тени подозрения не бывает о том, что он называется Я и есть существо бессмертное»⁶³⁵... <Нрзб.>⁶³⁶. Кого-то эти иеремиады волновали. С разных концов России Достоевский получал отклики на свою «проповедь» об оправдании человека...

В «Дневнике» 1876 года Достоевский не столько политический писатель, сколько психолог и художник. Не говоря уже о том, что здесь имеются три вещи повествовательные по своему жанру («Мальчик у Христа на ёлке», «Столетняя», «Кроткая»), в «Дневнике» можно найти прямые предвестия того, что потом будет сказано с поэтической выразительностью в «Братьях Карамазовых». Так, в романе читатель нашёл впоследствии художественную транскрипцию третьей главы январского «Дневника», где Достоевский сообщает «нечто о

⁶³⁴ ПСХП. Т. 11. С. 146 («Дневник писателя. 1876. Январь. Глава первая. I. Вместо предисловия о Большой и Малой Медведицах, о молитве великого Гёте и вообще о дурных привычках»).

⁶³⁵ Там же. С. 146.

⁶³⁶ В Мп РГБ: Эти стенания и вопли Достоевского были, конечно, «не ко двору» журналистике семидесятых годов и были воистину для публицистов наших «гласом вопиющего в пустыне». Но

чертах», предугадывая диалектику Ивана Карамазова и «Легенду о Великом инквизиторе».

Достоевский сам называл себя «поэтом» и действительно был поэтом, но истина для него была всё-таки дороже вымысла, и если он ошибался в своих высказываниях, то не по лирической безответственности, а как человек, связанный своей социальной судьбой. Достоевскому обычно приписывали идеи его героя Шатова о «народе-богоносце», толкуя эту идею как националистическую гиперболу — следствие его пристрастного отношения к России. Однако в «Дневнике» 1876 года Достоевский делает существенные оговорки по этому поводу: художник-психолог и здесь спасает его от дурной идеологической тенденции. «Обстоятельствами всей почти русской истории, — пишет Достоевский, — народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что ещё удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то, что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа. Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймёт и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружён⁶³⁷ народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи бриллианты»⁶³⁸... И тут же детские воспоминания о мужике Марее — более убедительные и знаменательные, чем все эти его рассуждения.

Это «народничество» Достоевского, столь существенное для его художественно-психологической концепции, было совершенно «пустым местом» как политический тезис. Для реальной политики из этих мечтаний ничего положительного нельзя было извлечь. Зато под покровом этого психологического марева люди иного типа, отнюдь не романтики, могли проводить какую им угодно политику. И Достоевский, сам того не сознавая, служил нередко делу реакции, на что с достаточным основанием указывали обычно наши радикальные публицисты.

До отъезда в Эмс для лечения Достоевский успел выпустить шесть номеров «Дневника». Он пишет горячо и страстно о деле Кронеберга, истязавшего семилетнюю дочь, о лорде Редстоке, занимавшемся в Петербурге сектантскую проповедью, — о голодном Авсеенко, который с дворянско-славянофильской сытостью рассуждал о народе; под маской «парадоксалиста» он объясняет необходимость, при известных

⁶³⁷ Было: погрузился

⁶³⁸ ПСХП. Т. 11. С. 184 («Дневник писателя. 1876. Февраль. Глава первая. II. О любви к народу. Необходимый контракт с народом).

обстоятельствах, войны; разбирает дело Каировой, покушавшейся на убийство соперницы; посвящает несколько страниц Жорж Санд, преувеличивая её значение, по воспоминаниям молодости; вспоминает и Белинского в статье «Мой парадокс»; потом — «Восточный вопрос», потом — «Опять о женщинах»...

Двойной номер «Дневника» за июль и август Достоевский посвятил заграничным впечатлениям: «Два месяца уже не беседовал с читателем, — писал он. — Выдав июньский номер (которым заключилось полгода моего издания), я тотчас же сел в вагон и отправился в Эмс — о, не отдыхать, а затем, зачем в Эмс ездят. И уж, конечно, всё это слишком личное и частное, но дело в том, что я пишу иногда мой “Дневник” не только для публики, но и для себя самого»⁶³⁹... Это была правда, и, может быть, в ней-то и был секрет того интереса, который возбуждали эти записки-признания. В вагоне Достоевский заметил с любопытством необыкновенную величественность немцев, и это дало ему повод для размышлений о возможном будущем Европы... В главе «Идеалисты-циники» он напоминает о брошюре по восточному вопросу Тимофея Николаевича Грановского. «Грановский был самый чистейший из тогдашних людей, — пишет Достоевский, — это было нечто безупречное и прекрасное. Идеалист сороковых годов в высшем смысле и, бесспорно, он имел свой собственный, особенный и чрезвычайно оригинальный оттенок в ряду тогдашних передовых людей наших, известного закала. Это был один из самых честнейших наших Степанов Трофимовичей (тип идеалиста сороковых годов, выведенный мною в романе “Бесы” и который наши критики находили правильным. Ведь я люблю Степана Трофимовича и глубоко уважаю его) — и, может быть, без малейшей комической черты, довольно свойственной этому типу»⁶⁴⁰...

Почему же статья Грановского так заинтересовала Достоевского? А вот почему. Не удивительно ли, в самом деле, что, будучи идеалистом, Грановский тотчас же перестал им быть, когда речь идёт об «интересах» одного из европейских государств? Политика Австрии, оказывается, продиктована её государственными интересами, а потому она «в порядке вещей». Нет надобности судить эту политику с нравственной точки зрения. Достоевский с этим не согласен. Он по-

⁶³⁹ Там же. С. 333 («Дневник писателя. 1876. Июль и август. Глава первая. I. Выезд за границу. Нечто о русских в вагонах»).

⁶⁴⁰ Там же. С. 342 («Дневник писателя. 1876. Июль-август. Глава вторая. I. Идеалисты-циники»).

лагает, что моральная оценка применима не только к личности, но и к народу в целом. Всё это вытекает из его философии истории. Нравственный идеал, — по мысли Достоевского, — обязателен для всякой нации. «Утопическая политика», может быть, и есть самая реальная. Трезвые политики часто не видят дальше своего носа. Итак, не будем стыдиться нашего национального великодушия... Достоевский неоднократно возвращается к этой теме.

В тех же главах «Дневника» Достоевский рассказывает с юмором анекдоты о немцах, которые почему-то кажутся ему бестолковыми. Он капризничает и брюзжит. Не менее раздражают его и русские — то своим плохим французским языком, то своим неумением держать себя независимо в Европе. Снова надев маску «парадоксалиста», Достоевский смеется над фешенебельным обществом, собравшимся на курорт... В заключение очень серьёзные страницы, посвящённые судьбе сербов и вообще Восточному вопросу.

Достоевский лечит в Эмсе свою эмфизему, — пьёт покорно воду Кренхен, подготавливает очередной номер «Дневника писателя», но в то же время значительное место в его сердечной жизни занимает в эти дни его любовь к жене. Как это ни странно, но вот именно теперь, на десятом году супружеской жизни, у Достоевского с новой силой разгорелась страсть к Анне Григорьевне. У них трое ребят, и этот опыт очага, детской и спальни пленяет Достоевского по-новому. И в самой чувственной привязанности к жене он как будто открыл какую-то новую тайну, о которой он не догадывался в первые годы их связи.

⁶⁴¹. В его письмах — любовные признания столь откровенные, что даже Анна Григорьевна тщательно повывёркивала в них рискованные выражения.

Анна Григорьевна в своём очередном письме рассказывает мужу, что встретила человека, который был к ней равнодушен. Это вызывает в Достоевском болезненную ревность. По этому поводу он в двух письмах подробно анализирует возможные чувства Анна Григорьев-

⁶⁴¹ Далее было: «Во время нашего девятилетнего супружества я был влюблён в тебя раза четыре или пять., — признаётся Достоевский в письме к жене. — Представь себе, мне здесь пришло в голову, что я влюбился в тебя в Петербурге в последние дни отчасти и потому, что мы вместе спали. Мы давно уже с тобою не спим вместе, много лет (начиная с детей) и это вдруг на меня могло подействовать. Не говори, Аня, что эта мысль слишком материальна; тут не одна материальность. Мысль что это существо м о ё, всецело, не хочет от меня обособляться и даже спит со мной в одной постели, — эта мысль ужасно действует»... «Суди же теперь, когда мы в разлуке, с какою сладостью я об тебе вспоминаю» <Письма к жене. С. 198–199 (Письмо от 13 (25) июля 1876 г.)>... Далее идут

ны к какому-то господину В. и к какому-то ещё другому воображаемому сопернику.⁶⁴²

Достоевский спешит уехать. Ему хочется домой, к жене. В Эмсе — смертельная скука. А тут ещё неприятная встреча с Елисеевым⁶⁴³ из «Отечественных записок». «Дряннейшие казённые либералишки и расстроили даже мне нервы, — пишет он в негодовании о нём и об его жене. — Сами лезут и встречаются поминутно, а третируют меня вроде как бы наблюдая осторожность: “не замараться бы об его ретроградство”. Самолюбивейшие твари, особенно она, казённая книжка с либеральными правилами: “ах, что он говорит, ах, что он защищает”. Эти два думают учить такого, как я»⁶⁴⁴...

В первой половине августа Достоевский вернулся в Петербург.

В сентябрьском номере «Дневника» Достоевский запальчиво полемизирует с политическим обозревателем «Вестника Европы». На Балканском полуострове сербы отчаянно борются с турками. Там русские добровольцы. Там генерал Черняев⁶⁴⁵. Обозреватель «Вестника Европы» не советует подчёркивать, что русские сочувствуют «единоверцам». Достоевский негодует. Как! Нельзя говорить о том, что русские и сербы чувствуют братскую связь как христиане: какая отвлечённая мысль у этих западников! Он не скупится на сарказм. И эта сентябрьская книжка выясняет с очевидностью, что Достоевский махнул рукой на свою репутацию журналиста: в глазах либералов он суеверный и опасный чудака. Его погубил «восточный вопрос». Достоевский обнаружил в этом вопросе такое пристрастие к России, что с космополитической точки зрения он, конечно, был настоящим ретроградом. К тому же известная поговорка: «Скажи мне, с кем ты водишься, а я скажу, кто ты» — в применении к Достоевскому оказа-

⁶⁴² *Далее было:* «Для меня ты прелесть, — пишет он в следующем письме, — и подобной тебе нет. Да и всякий человек с сердцем и вкусом должен сказать это, если приглядится к тебе, — вот почему я иногда ревную тебя. Ты сама не знаешь, какая прелесть твои глаза, твоя улыбка и твоё иногда одушевление в разговоре»... «Пусть я страстный человек, но неужели ты думаешь, что можно любить до такой ненасытности женщину, как я тысячу раз уже тебе доказывал. Правда, все те бывшие доказательства — ничто; а теперь, возвратясь, я тебя, кажется, съем» <Письма к жене. С. 208–209 (Письмо от 24 июля (5 авг.) 1876 г.)>...

⁶⁴³ Елисеев Г.З. (1821–1891) — публицист, журналист, активный сотрудник журналов «Современник», «Искра», «Отечественные записки»; друг и единомышленник Н.Г. Чернышевского, критически относившийся к творчеству Ф.М. Достоевского; один из прототипов Шигалёва в «Бесах» и Ракитина в «Братьях Карамазовых».

⁶⁴⁴ *Письма к жене.* С. 213 (Письмо от 30 июля (11 авг.) 1876 г.).

⁶⁴⁵ Черняев М.Г. (1828–1898) — генерал-лейтенант, в 1876 г. командующий сербской армией в войне с Турцией; в 1873–1878 гг. издатель г. «Русский мир»; единомышленник и друг Ф.М. Достоевского в 1879–1881 гг.

лась для него чрезвычайно невыгодной. В эти последние годы к нему тянулись и за него цеплялись несомненные реакционеры. И прежде всего Победоносцев.

Впрочем, в последней книжке «Дневника» Достоевский возвращается к той теме, какой он свой дневник начал. Это уж не «восточный вопрос», а вопрос жизни и смерти, равно важный и для реакционеров, и для верующих в прогресс. Достоевский возвращается к размышлениям о том, почему у нас так много самоубийств. У него на этот счёт есть своё «особое мнение».

В этом 1876 году случилось с Достоевским ещё одно очередное недоразумение с Тургеневым. Он прислал к Фёдору Михайловичу своего молодого приятеля Александра Фёдоровича Отто⁶⁴⁶ (впоследствии принявшего фамилию Онегина и собравшего в Париже ценный Пушкинский музей) с просьбою заплатить ему пятьдесят талеров. Тургенев почему-то решил, что послал из Баден-Бадена в своё время Достоевскому сто талеров и, получив через П.В. Анненкова пятьдесят, требовал теперь ещё такую же сумму. По счастью, у Достоевского сохранилось собственноручное письмо Тургенева по этому поводу и выяснилось, что притязания его на пятьдесят талеров совершенно несправедливы.

LIV.

Дача, на которой жил Достоевский в Старой Руссе, стояла на окраине города близ Коломца, на берегу Перерытыцы. Вдоль реки росли громадные вязы, посаженные ещё во времена Аракчеева⁶⁴⁷. Дача стояла уединённо. Сад был большой, тенистый. Внутри дачи было уютно. В ней можно было жить зимою. Были печи. В комнатах стояла старинная, тяжёлая красного дерева мебель. В 1877 году, когда умер владелец дачи, Анна Григорьевна купила её у наследника за тысячу рублей на имя брата. Однако в это лето Достоевский в Старой Руссе не жил, а поехал с Анной Григорьевной и детьми в курскую

⁶⁴⁶ Отто А.Ф. [Онегин] (1844/1845–1925) — известный собиратель рукописей А.С. Пушкина и связанных с ним материалов, создатель пушкинского музея в Париже; был другом И.С. Тургенева, по просьбе которого в 1876 г. исполнил денежное поручение к Ф.М. Достоевскому.

⁶⁴⁷ Аракчеев А.А., гр. (1769–1834) — государственный и военный деятель, пользовавшийся неограниченным доверием Павла I и Александра I; генерал от артиллерии, главный начальник военных поселений; владелец дворцово-паркового ансамбля в с. Грузине В. Новгородской губ., в которую входила и Старая Русса.

деревню, где было имение Сниткина, близ города Мирополье. В июле Достоевский вернулся в Петербург, чтобы печатать очередной номер «Дневника писателя». Анна Григорьевна направилась в Киев с двумя старшими детьми на богомолье.

В Петербурге Достоевский чувствовал себя худо. Был тяжёлый припадок. Хлопоты с типографией его утомляли. Раздражали и посетители. Был князь Мещерский. Даже с Победоносцевым не хотелось встречаться, да и не было времени: «Вчера вечером получил письмо от Победоносцева, — сообщает Достоевский жене. — Пишет наугад, беспокоясь за меня и не зная где я, на прежний адрес; не выходит дескать Дневник, не сделалось ли чего с вами? Сам он в Ораниенбауме, живёт во дворце. Напишу ему, но вряд ли сам поеду — некогда. — На тараканов уже высыпал две склянки купленного порошка — много вывели мёртвых, но остальные ещё кишат, особенно в кухне, в дровах»⁶⁴⁸...

На обратном пути из Петербурга в Мирополье к семье, Достоевский решил остановиться в Москве и проехать оттуда в деревню, где провёл детство. 17 июля Достоевский писал жене: «Сегодня выезжаю. Ответной телеграммы от тебя, может быть, и не дождусь в Москве. Проеду сейчас же почти в Даровое и поскорей к вам, ибо смертельно хочется обнять детей»... <Нрзб.>⁶⁴⁹ И дальше: «Проклятая поездка в Даровую! Как бы я желал не ехать! Но невозможно: если отказывать себе в этих впечатлениях, то как же после того и об чём писать писателю!»⁶⁵⁰...

Даровое принадлежало в это время сестре Достоевского, В.М. Ивановой. Здесь пробыл Достоевский два дня. Он ходил пешком в Чермашню. Он видел те места, где бегал в детстве с братом Михаилом, где Марей «спасал» его от волка, где мужики убили его отца...

Осенью Достоевский вернулся в Петербург. Началась обычная суетная петербургская жизнь. Многие искали теперь знакомства с Достоевским, а он не всегда умел оградить себя от любопытствующих. Здоровье его давно уж пошатнулось. А он не берёт себя и по-прежнему работал ночью, курил толстые папиросы и пил крепкий чай. После припадков он делался мрачным. В эти несчастные дни он почти всегда приходил в гости к Всеволоду Соловьёву, сознавая, должно быть, что здесь будут с ним терпеливы, простят ему его болезненные странности.

⁶⁴⁸ Письма к жене. С. 220 (Письмо от 7 июля 1877 г.).

⁶⁴⁹ В Мп РГБ: Далее следуют обычные объяснения в любви и супружеские признания — и потом

⁶⁵⁰ Письма к жене. С. 227 (Письмо от 17 июля 1877 г.).

«Придёт он, бывало, ко мне, — рассказывает в своих воспоминаниях Вс.С. Соловьёв, — войдёт, как чёрная туча, и иногда даже забудет поздороваться и изыскивает всякие предлоги, чтобы побраниться, чтобы обидеть; и во всём видит и себе обиду, желание дразнить и раздражать его... Всё-то у меня ему кажется не на месте и совсем не так, как нужно, то слишком светло в комнате, то так темно, что никого разглядеть невозможно... Подадут ему крепкий чай, какой он всегда любил — ему подадут пиво вместо чая! Налют слабый — это горячая вода!... Пробуем мы шутить, рассмешить его — ещё того хуже: ему кажется, что над ним смеются... Впрочем, мне почти всегда скоро удавалось его успокоить. Нужно было исподволь навести его на какую-нибудь из любимых его тем. Он мало-помалу начинал говорить, оживлялся и оставалось только ему не противоречить. Только страшно бледное лицо, сверкающие глаза и тяжёлое дыхание указывали на болезненное его состояние. Но если случайно в подобный день он встречался с посторонними незнакомыми людьми, то дело усложнялось»... Приехали однажды какие-то дамы.

«Он сидел, смотрел, молчал, и только в каждом его жесте, в каждом новом позвякивании его ложкой об стакан я видел несомненные признаки грозы, которая вот-вот сейчас разразится. Не помню, по поводу чего одна из приехавших дам спросила, где Гутуевский остров...

— А вы давно живёте в Петербурге? — вдруг мрачно выговорил Достоевский, обращаясь к ней.

— Я постоянно здесь живу, я здешняя уроженка.

— И не знаете, где Гутуевский остров! ... Прекрасно! ... Это только у нас и возможно подобное отношение к окружающему... как это человек всю жизнь живёт и не знает того места, где живёт!»...

Достоевский негодовал. Его с трудом удалось успокоить.

А другая современница⁶⁵¹ рассказывает про него так: «Удивительный то был человек. Утешающий одних и раздражающий других. Все алчущие и жаждущие правды стремились за этой правдой к нему, за малыми исключениями, почти все собратия его по литературе его не любили. Говорили и продолжают говорить, что он слишком много о себе думал. А я имела смелость утверждать, что он думал о себе слишком мало, что он не вполне знал себе цену, ценил себя не довольно

⁶⁵¹ Имеется в виду Е.А. Штакеншнейдер (1836–1897) — друг и почитательница таланта Ф.М. Достоевского, хозяйка известного литературного салона в Петербурге начала 1860-х и 1870-х гг., который часто посещал писатель; автор интересного дневника, в котором есть ценные воспоминания о Достоевском и его характеристики.

высоко. Иначе он был бы высокомернее и спокойнее, менее бы раздражался и капризничал и более бы нравился»⁶⁵²...

Эта же мемуаристка рассказывает, как Достоевский очаровал всех при первом посещении их дома. «Слово “очарование” даже не вполне выражает впечатление, которое он произвёл. Он как-то скорее околдовал, лишил покоя. Говорили, вероятно, о какой-нибудь злобе дня, но он в предмет углубился, обобщил его и нарисовал такую поразительную и так мастерски картину настоящего и истекающего из него будущего, дело было в начале семидесятых годов, и так зловеще осветил её, что все были потрясены»⁶⁵³...

В ноябре 1877 года Достоевский узнал, что тяжело болен Некрасов, что он умирает. Это известие взволновало его. Давняя вражда казалась напрасной, а дни взаимного влечения казались такими прекрасными и незабвенными. Да и разница в их «направлении» была теперь как будто бы чем-то неважным, несущественным. А вот то, что они оба чувствовали глубоко человеческую душу в её муках, в её падении, в её грехе, — это пробудило в Достоевском странную любовь к ненавистному когда-то «врагу».

Некрасов медленно угасал в нестерпимых страданиях. Достоевский неоднократно навещал его. Он помнил, как при встрече с Некрасовым после Сибири поэт подарил ему книжку своих стихов и, указывая на поэму «Несчастные», внушительно сказал:

— Я тут об вас думал, когда писал это... Это об вас написано.

Да, это было написано о нём. Достоевский узнавал себя в этом «Кроте»... Там, на каторге...

... В толпе строптивой
Между нами был один: его
Не полюбили мы сначала —
Не говорил он ничего...

Да, это был он. Это — он, застенчивый, робкий, неловкий, — и вдруг способный преобразиться...

Вдруг кто-то крикнул: «Нет в вас Бога!» —
И песни не допели мы,
Глядим: добро б вошёл начальник, —
Нет, просто выступил вперёд

⁶⁵² Из записок Е.А. Штакеншнейдер // Русский вестник. 1901. № 10. С. 449.

⁶⁵³ Чешихин I. С. 155.

Наш белоручка, наш молчаливник,
Смиранный, копотливый Крот.
Корит, грозит! Дыханье трудно,
Лицо сурово, как гроза,
И как-то бешено и чудно
Блещат глубокие глаза.

Как странно звучат эти некрасовские строки... Да полно! Каторга ли это? Не современники ли, не петербуржцы ли окружали этого дикого мечтателя враждебной толпой? И не они ли, только что распевавшие кощунственные песни, вдруг смутились.

Смутились мы. Какая сила
Ему строптивость покорила —
Бог весть! Но грубые умы
Он умилил, обезоружил,
Он нам ту бездну обнаружил,
Куда стремглав летели мы!

Поэт, несмотря на все преграды «направлений», почувствовал поэта. Некрасов угадал что-то важное в Достоевском. Они оба — и Некрасов, и Достоевский, — в конце концов, скорбят об этом и одни несут крест. Они могут побрататься, потому что они не «сердцем хладные скопцы», как все эти прозаические «умники», у коих «сердце превратилось в камень»...

В них сердце превратилось в камень,
Навек оледенела кровь...
Но в ком, как под золою пламень,
Таились совесть и любовь,
Тот жадно ждал беседы новой,
С душой, уверовать готовой...
Не вдруг мы поняли его,
Но он учить не тяготился —
Он с нами братски поделился
Богатством сердца своего!⁶⁵⁴

Таких признаний забыть нельзя. И Достоевский не был равнодушным к предсмертным мукам поэта.

⁶⁵⁴ См.: Некрасов Н.А. Т. 4. С. 39–41 (Из поэмы «Несчастные», 1856).

LV.

Дважды в жизни Достоевского являлся ему в образе «друга» некий лукавый демон. В первый раз это было в конце сороковых годов. Его «Мефистофелем» был тогда «атеист и коммунист» Спешнев. Теперь, под конец жизни, явился совсем иной искуситель, ревнитель самодержавной монархии, обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев.

У этих людей, столь враждебных и чуждых друг другу, была, однако, некая общая черта. У этих людей, в их душевной природе, был какой-то страшный холод, обжигающий как лёд. Обольстительный Спешнев, едва ли не самый значительный «заговорщик» из всех, привлечённых по делу Петрашевского, был, однако, по свидетельству современников, большой гордец и скептик и на самую революцию и даже на «коммунизм» свой смотрел как-то со стороны, с холодным «ставрогинским» любопытством. В Победоносцеве тоже было что-то холодное и циничное. И на «самодержца» он смотрел как на фантом, нужный ему для его выдуманной монархии, но ему, Победоносцеву, вовсе не внушавший никаких благоговейных чувств. Что касается его синодского «православия», то оно более походило на римский «культ кесаря», чем на христианство мучеников, апологетов и подвижников Фиваиды⁶⁵⁵.

Но Спешнев был безупречный рыцарь и джентльмен, а Победоносцев был бесстыдный и лживый чиновник.

Чем эти люди могли пленить Достоевского?

По-видимому, они пленяли его, прежде всего, стройностью своего душевного склада. Каждый исходил из некоторого положения, которое принимал за аксиому и, уже заручившись известной идеей, будто бы несомненной, развивал блистательно свою систему, весьма стройную. Спешнев исходил из атеизма и, в конце концов, последовательно утверждал свой безбожный «коммунизм». Победоносцев исходил из идеи религиозного авторитета и не менее логично выводил из этой идеи необходимость самодержавной монархии.

Не таков был Достоевский. В его мироотношении преобладала не логика, а диалектика. Ни в какие аксиомы он не верил. Он мыслил «вещами». И вот именно поэтому он пленялся своими идейными ан-

⁶⁵⁵ Апологеты (от *греч.* *apologeomai* защищаю) — раннехристианские писатели-философы, защищавшие в своих трудах принципы христианства от критики языческих правителей и ученых; Фиваида — колыбель христианского монашества, на заре христианской эры местность в Египте (близ г. Фивы), заселенная иноками, жившими в отдельных хижинах, поодиночке или небольшими братствами, близ источников, в пещерах, у заброшенных могил.

типодами. Он был полярен этим умникам. У этих людей был избыток того, чего совсем не было в Достоевском. «Безбожие» Спешнева и «религиозность» Победоносцева были безнадежно рассудочны. И тот и другой не сознавали, что истина антиномична. Но диалектическое мышление утомляло сердце поэта. Хотелось порядка без противоречий; хотелось стройной ясности без ущерба. Но вот что любопытно. В конце сороковых годов, участвуя в конспиративном кружке Спешнева, Достоевский, однако, никогда не разделял его воззрений до конца; а теперь, в семидесятые годы, поддерживая дружеские отношения с Победоносцевым, он так же отнюдь не принимал целиком его системы. Достоевскому нравились в рассуждениях этих людей не их положительные идеи, а их отрицательная критическая сила. Спешнев превосходно критиковал старый безобразный буржуазный порядок. Достоевский принимал эту критику и соглашался с нею не только в 1849 году, но и до конца своих дней. Победоносцев жестоко высмеивал «нигилизм». И Достоевский восхищался этой его критикой атеистической доктрины, ибо не был безбожником никогда. Ни Спешнев⁶⁵⁶, ни Победоносцев⁶⁵⁷ не были и не могли быть настоящими союзниками Достоевского. И тот и другой для него, «реалиста в высшем смысле», были люди иной породы. Для него они «мелко плавали», что ему не мешало, конечно, интересоваться ими как художнику.

Впрочем, сам Достоевский едва ли давал себе ясный отчет в своих отношениях к этим людям. Очень может быть, что он почти верил в свою идейную близость с Победоносцевым; этот «Тартюф»⁶⁵⁸ русской государственности был хитрый человек. Он сразу понял, что Достоевский огромная сила. С ним надо было обращаться осторожно. Надо было беречь этого поэта. Достоевскому не надо открывать всех карт. У этого чудака до сих пор ещё остались какие-то иллюзии относительно «социализма» на христианских основаниях. С ним не надо спорить в этом пункте. Его «социализм» со Христом только безумная фантазия, и, в конце концов, можно махнуть на неё рукою. Важно то, что Достоевский признаёт российское великодержавие, что он не верит в «парламентаризм» по западному образцу, что он презирает «нигилистов». Этого достаточно, чтобы связать его судьбу с судьбою монархии, как её понимал Победоносцев.

⁶⁵⁶ *Далее было:* в молодости

⁶⁵⁷ *Далее было:* в старости

⁶⁵⁸ Тартюф — центральный герой комедии Ж.-Б. Мольера «Тартюф, или Обманщик» (1664), чьё имя стало нарицательным для обозначения лицемерия, ханжества и «святошества», в том числе политического.

Достоевский познакомился с этим сановником в доме князя Мещерского в 1873 году. Среди ничтожных завсегдатаев этого княжеского салона Победоносцев был, конечно, звездой. И Достоевскому льстило, что эта умница ухаживает за ним. Победоносцев назначил Достоевскому вечерние свидания у себя на дому по субботам «после всенощной»⁶⁵⁹.

Достоевский, усердно выстаивавший долгие службы, спрятавшись где-нибудь в тёмном⁶⁶⁰ углу храма, после горячих молитв, когда у него ещё звучали в ушах ирмосы и тропари канона⁶⁶¹, отправлялся к Константину Петровичу для интимных бесед. Они рассуждали о судьбах церкви.

Когда Победоносцев говорил «церковь», он имел в виду могучий институт, созданный совместными усилиями византийских базилиевсов⁶⁶² и восточных иерархов; страшная самодержавная власть воплощена в лице царя; она неколебима, ибо вооружена не только железными легионами и великолепным бюрократическим аппаратом, но и духовным авторитетом высшей церковной власти... Православные никогда не утверждали идеи царя как главы церкви; такого догмата нет; однако на практике «благочестивейший» монарх, миропомазанник, почитался едва ли не выше патриарха... Победоносцеву была нужна эта идея, ибо в ней он видел глубочайший теократический смысл; конечно, могут существовать какие-то чахоточные православные общины в разных «конституционных» малых государствах, но единая великая церковь не может существовать без этой идеи абсолютного царя... Либеральная демократия — пошлость; социализм — фантазия невежд: одна только самодержавная монархия спасает государственность от ущерба и падения... Со всей откровенностью об этом понимании церкви Достоевскому говорить нельзя. Достоевский понимает церковь совсем не так. Поэту снится римский Колизей и на арене мученики, исповедующие Христа; таинст-

⁶⁵⁹ Всенощная (всенощное бдение) — богослужение православной церкви, совершаемое вечером накануне воскресенья и праздников; объединяет службы вечерню и утреню.

⁶⁶⁰ *Вместо: тёмном — в Мп РГБ: тесном*

⁶⁶¹ Канон — жанр богослужебных текстов, широко распространенный в литургической практике православной церкви: при подготовке к причастию, на отпевании, на храмовых вечерних богослужениях; ирмосы — первые строфы в песнях канона; тропари — строфы канона, следующие за ирмосами как их музыкально-поэтический комментарий.

⁶⁶² Базилиевс (*др.-греч.* βασιλεύς) — в Древней Греции монарх с наследственной властью; также титул византийских императоров.

венные агапы⁶⁶³; евхаристия⁶⁶⁴ в катакомбах на костях единоверцев, погибших по приказу кесаря; подвижники африканской пустыни; гениальные песнотворцы; преподобные в лесных дебрях России или юривдые, обличающие царей, на стогнах древней Москвы... Но, однако, оба они — и Победоносцев и Достоевский — произносят одно и то же слово — *ц е р к о в ь* и даже как будто они понимают друг друга. Правда, есть и другие слова, которые тоже были важны в их глазах и которые они произносили с разными интонациями. Вот, например, слово «царь». Сказочный мужицкий «царь» Достоевского не очень похож на прозаического царя, который правит безответственно страну, опираясь на бюрократию и привилегированные классы, но в слепом гневе на безбожных «либералов» и «нигилистов» Достоевский готов и прозаичного царя принять за своего сказочного. А Победоносцев не дремлет. Как ему, трезвому ревнителю престола, не ухаживать за этим гениальным безумцем Достоевским?

После затянувшейся ночной беседы Победоносцев сам спускается по лестнице до нижней площадки и закутывает собственными руками дорогого Фёдора Михайловича. Достоевский кашляет и худо дышит. А он так нужен великой России!

В эти годы близости с Победоносцевым Достоевский писал и печатал свой «Дневник писателя». Второй год издания, тысяча восемьсот семьдесят седьмой, был посвящён почти весь самым острым злободневным политическим темам. На Балканах шла война с Турцией. В каждом номере «Дневника» Достоевский откликается на события. Он весь исполнен патриотической горячки. Он твердит с удивительным упрямством — «Константинополь должен быть наш!»... Он слепо верит, что турки злодеи, что «зверства» совершают только они, а что их противники, славяне и русские, невинны и чисты как агнцы. Некоторые страницы «Дневника» 1877 года напоминают даже банальные «передовицы» националистических газет. По счастью, таких страниц мало. Почти всегда Достоевский от злобы дня перекидывает мост к своим философско-историческим обобщениям. Пусть это его «химеры», как он сам выражается, однако они увлекают тех, кто ищет в истории больших планов, далёких перспектив и глубокого смысла.

⁶⁶³ Агапы — в I–V вв. н. э. вечерние собрания христиан для молитвы и вкушения пищи, соединённые с воспоминаниями об Иисусе Христе.

⁶⁶⁴ Евхаристия (*греч.* εὐ-χαρίστια) — благодарение, благодарность; главное таинство в христианской церкви, состоящее в освящении хлеба и вина и последующем их вкушении. Согласно учению церкви, христиане при этом приобщаются Телу и Крови Иисуса Христа.

В мире, оказывается, господствуют три великие идеи. Первая идея — это римская идея насильственного единения человечества. Она родилась в недрах древней языческой империи. Эту кесареву идею целиком принял католицизм. Теперь носителем этой идеи является Франция. Эта страна преимущественно католическая. Как! Франция, которая закрывала не раз свои церкви и даже подвергла однажды баллотировке самого Бога и, конечно, Его провалила — эта Франция всё ещё страна католическая? Да, это так! Она создала свой «социализм, т.е. успокоение и устройство человеческого общества уже без Христа и вне Христа, как хотело да не сумело устроить его во Христе католичество, — эта самая Франция и в революционерах Конвента, и в атеистах своих... — всё ещё в высшей степени есть и продолжает быть нацией католической вполне и всецело, вся заражённая католическим духом и буквой его»⁶⁶⁵... Иезуиты и социалисты сошлись будто бы на одной и той же идее насильственного единения и устройства человечества. Это первая «химерическая» мысль Достоевского.

Вторая идея, господствующая в мире, по мнению Достоевского, есть идея германская: это старый протестантизм. Германский гордый и своевольный дух протестует вот уже четыре века против католической идеи. Это чисто отрицательная вера... «И чуть исчезнет с земли католичество, исчезнет за ним вслед и протестанство наверно, потому что не против чего будет протестовать, обратится в прямой атеизм и тем кончится»⁶⁶⁶.

Наконец, третья идея — это идея христианства без папы, без клерикалов, без иезуитов. Эта мировая и всё решающая идея горит и сияет на востоке. Это славянская идея.

«Химерические» идеи Достоевского и его патриотический бред, казалось бы, очень легко сочетались с реальной политикой Победоносцева. Но тут дело было сложнее. По-видимому, Достоевский не так уж был покорен и не так уж точно исполнял предубаждения своего сановного друга. По крайней мере, в первом же номере «Дневника писателя» цензура вырезала целую главу — «Старина о петрашевцах». — И странно было бы, если бы царская цензура примирилась с опубликованием этой статьи. Эта глава написана по поводу известной казанской демонстрации, имевшей место шестого декабря 1876 года. Достоевский протестовал против вульгарной оценки нашего революционного движения. Деятели революции вовсе не грубые невежды и

⁶⁶⁵ ПСХП. Т. 12. С. 7 («Дневник писателя. 1877. Январь. Глава первая. I. Три идеи»).

⁶⁶⁶ Там же. С. 8 («Дневник писателя. 1877. Январь. Глава первая. I. Три идеи»).

не безнравственные искатели приключений. Напротив, они нередко представители самой серьёзной образованности и ревнители высоко-го социального идеала. Беда в том, что этот идеал ложно понят, что интеллигенция наша оторвалась от народа и не хочет учиться у него настоящей мудрости. Достоевский не без ревнивой симпатии защищает петрашевцев. Напрасно предполагать в них какое-то снижение культурного типа по сравнению с декабристами. Многие из них доказали впоследствии своими учёными трудами, своей литературной и общественной деятельностью, что они имеют право занять в русской культуре не последнее место.

Все эти доброжелательные слова по адресу революционеров цензор, конечно, вычеркнул. По-видимому, рукою цензора судьба старалась сохранить в чертах ночного собеседника Победоносцева единый стиль. Но «единого стиля» всё-таки не получалось никак. «Петроградные» размышления Достоевского всё время сбивались на какие-то бестактные высказывания, которые едва ли могли нравиться Победоносцеву. По странной случайности, в первой январской книжке «Дневника» за 1877 год и в последней декабрьской говорится с большою любовью о человеке, который был тогда знаменем вольнолюбивой общественности. Начинается «Дневник» с воспоминаний о первых встречах с Некрасовым и кончается размышлениями об его судьбе.

Достоевский в последний раз видел Некрасова за месяц до его смерти. «Он казался тогда почти уже трупом, так что странно было даже видеть, что такой труп говорит, шевелит губами. Но он не только говорил, но и сохранял всю ясность ума. Кажется, он всё ещё не верил в возможность близкой смерти. За неделю до смерти с ним был паралич правой стороны тела»⁶⁶⁷... И вот 28 утром Достоевский узнал, что Некрасов умер накануне 27-го, в восемь часов вечера. В тот же день Достоевский пошёл поклониться покойнику. «Страшно измождённое страданием и искажённое лицо его как-то особенно поражало»⁶⁶⁸. Уходя, Достоевский слышал, как чтец внятно и протяжно прочёл над покойником: «Несть человек, иже не согрешит». Воротясь домой, он не мог уже сесть за работу. Он взял три тома Некрасова и стал читать с первой страницы. Он просидел всю ночь до шести часов утра. Он как будто снова прожил эти тридцать лет. Первое стихотворение книги — «В дороге» — было помещено в «Петербургском сборни-

⁶⁶⁷ ПСХП. Т. 12. С. 346 («Дневник писателя. 1877. Декабрь. Глава вторая. I. Смерть Некрасова. О том, что сказано было на его могиле»).

⁶⁶⁸ Там же. С. 347 («Дневник писателя. 1877. Декабрь. Глава вторая. I. Смерть Некрасова. О том, что сказано было на его могиле»).

ке», где были напечатаны «Бедные люди». Вся жизнь прошла перед ним. Достоевский узнавал те стихи, которые прочёл впервые, выйдя из каторги. Припомнил тогдашнее впечатление. Он понял, как много Некрасов как поэт занимал места в его жизни. Как поэт, конечно. <Нрзб.>. Они встречались редко — и в каком иногда гневе! Но было между ними несколько и таких мгновений, в которые раз навсегда обрисовался этот загадочный человек «самой существенной и самой затайной стороной своего духа». Достоевский почувствовал тогда это «раненое в самом начале жизни сердце»⁶⁶⁹.

Рано утром 30 декабря Достоевский был уже на Литейной у дома Краевского, где жил Некрасов. Здесь стояла толпа молодёжи с лавровыми венками в руках. Был сильный мороз. Отпевали Некрасова в Новодевичьем монастыре. В церкви было очень душно. Трудно было дышать. Достоевский с женою и О.Ф. Миллером⁶⁷⁰ вышли из церкви и пошли по снежной дорожке к приготовленной могиле.

— Похорони меня, Аня, здесь, или где хочешь, только не на Волковом кладбище, только не на «литературных мостках»⁶⁷¹...

Анна Григорьевна была смущена, но сказала, стараясь скрыть своё волнение:

— Ах, только не спеши умирать! <Нрзб.> А я уж похороню тебя, пожалуй, в Александро-Невской лавре, рядом с Жуковским... Тебя придёт провожать, наверное, весь Петербург... Только помедли здесь, с нами...

— Хорошо, хорошо, постараюсь пожить дольше! — сказал Достоевский, грустно улыбаясь.

Когда гроб вынесли из церкви, у могилы собралась большая толпа. Много было студентов. Были речи. Из литераторов говорили немногие. Достоевский, когда назвали его имя, протеснился к раскрытой ещё могиле и слабым голосом, но внятно и внушительно, сказал то, что думал о покойном поэте. Достоевский говорил об его «раненом сердце», о том, что «незакрывающаяся рана эта и была источником

⁶⁶⁹ Там же. С. 347 («Дневник писателя. 1877. Декабрь. Глава вторая. I. Смерть Некрасова. О том, что сказано было на его могиле»).

⁶⁷⁰ Миллер О.Ф. (1833–1889) — историк литературы, фольклорист, публицист, профессор истории русской литературы Петербургского университета; друг, единомышленник и почитатель таланта Ф.М. Достоевского во второй половине 1870-х гг.; совместно с Н.Н. Страховым, автор первой биографии Достоевского (с рождения до 1860 г.), имеющей большую историко-литературную ценность.

⁶⁷¹ «Литераторские (литературные) мостки» — участок на Волковом кладбище в Петербурге, где начиная с 1802 г. были захоронены многие русские писатели и литературные критики: А.Н. Радищев, В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, А.А. Григорьев, Д.И. Писарев и др.

всей его поэзии, всей страстной до мучения любви этого человека ко всему, что страдает от насилия, от жестокости необузданной воли»...

— Некрасов заключил собою ряд тех поэтов, которые приходили со своим «новым словом»... В этом смысле он в ряду поэтов должен прямо стоять вслед за Пушкиным и Лермонтовым...

Тогда из толпы раздался чей-то юный наивный голос:

— Нет, выше Пушкина! Пушкин был только «байронист»...

Смелчака поддержали и ещё некоторые:

— Некрасов выше!

А вокруг могилы Некрасова уже клубились самые тёмные слухи. И в то время как молодёжь оказывала его памяти «медвежью услугу», сравнивая его с недосягаемым гением, «друзья» поэта поддерживали самые низкие сплетни. Грешная жизнь Некрасова, конечно, давала к тому повод. Но и хвалы, и порицания поэта шли как-то мимо его настоящей трагической судьбы.

В двенадцатом номере «Дневника писателя» за 1877 год Достоевский посвятил⁶⁷² «голосу из толпы» целую главу «Пушкин, Лермонтов и Некрасов», а в последней главе, касаясь самой больной темы о преступном и «тёмном» в биографии Некрасова, заключил её такими словами: «Сами-то мы каковы, каждый-то из нас? Мы только не говорим лишь о себе вслух и прячем нашу мерзость, с которою вполне миримся, внутри себя. Поэт плакал, может быть, о таких делах своих, от которых мы бы и не поморщились, если б совершили их. Ведь мы знаем о падениях его, о демоне его из его же стихов»⁶⁷³...

LVI.

Достоевский немолод. Скоро закат. Скоро, быть может, и смерть. А замыслов так много! И какие огромные замыслы! 24 декабря 1877 года в своей памятной книжке Достоевский записал:

«Memento⁶⁷⁴. На всю жизнь.

1. Написать русского «Кандида»⁶⁷⁵.

⁶⁷² Далее было: ребяческому

⁶⁷³ ПСХП. Т. 12. С. 361 («Дневник писателя. 1877. Декабрь. Глава вторая. IV. Свидетель в пользу Некрасова»).

⁶⁷⁴ Помни (лат.).

⁶⁷⁵ «Кандид, или Оптимизм» (1759) — одна из «философских повестей» Вольтера, в конечном итоге призывающая к созидательной деятельности на благо близких людей при трезвой оценке существующего порядка вещей в окружающем внешнем мире.

2. Написать книгу об Иисусе Христе.
3. Написать свои воспоминания.
4. Написать поэму “Сороковины”.

(Всё это, кроме последнего романа и предполагаемого издания “Дневника”, т.е. minimum на 10 лет деятельности, а мне теперь 56 лет)».

Жизнь почти прошла — и странно, что Достоевский не встретил на своём пути настоящих друзей. В молодости он так доверчиво кинулся на шею мнимым доброжелателям и так жестоко был наказан за эту свою наивность... С тех пор он стал мнителен и осторожен. У него даже не было ни одного приятеля, с кем бы он был на «ты». Простодушный Аполлон Николаевич Майков, самый близкий житейски человек, никогда, однако, не мог понять, что «дважды два — пять премилая иногда вещьца». А Достоевский так дорожил этой своей «подпольной» идеей! Ещё менее мог разгадать «подполье» Достоевского «идеалист» Страхов... Но у Достоевского было не только «подполье»: он ведь любил, плача, «целовать землю»... Вот этой живой земли и таинственного звёздного неба над нею вовсе не знали добрые знакомые и мнимые «единомышленники» Достоевского. А Победоносцев? Ну, этот «умница» никогда не отличался бескорыстием, и у него были свои особые цели... А главное, Достоевский не мог не видеть, что лицо этого «обер-прокурора Святейшего Синода» обращено в сумрак истории, назад, а не вперёд... Какой же он друг, когда он вовсе не слышит «трубного гласа»... И вообще он не понимает, что «времени больше не будет». Этот тщедушный чиновник ненавидит будущее, каким бы оно ни было. Он с наслаждением остановил бы историю, как Навин⁶⁷⁶ солнце. Он, пожалуй, существо доисторическое. Этот среднего роста сановник иногда вырастает в огромного ихтиозавра.

Да, у Достоевского не было друзей никогда. Правда, он называл когда-то «вечным другом» г<оспо>жу Суслову. Но встреча с нею была как сон. Однажды пришла дама под вуалью, села против него в кресле и ждала каких-то слов. Достоевский молчал, недоумевая. Она сняла вуаль. Он всё-таки не узнал её. А это была она, «вечный друг», г<оспо>жа Суслова. И она бросилась из его кабинета оскорблённая, с истерическим воплем.

⁶⁷⁶ Навин, Иисус Навин — персонаж Ветхого Завета («Книга Иисуса Навина»); предводитель еврейского народа в период завоевания Ханаана после выхода из египетского рабства, преемник Моисея; по его молитве было остановлено солнце над Гаваоном для того, чтобы израильтяне успели закрепить свою победу над врагами (Нав. 10: 6–19), по его повелению израильтяне играли на трубах, от звука которых рухнули стены неприступного Иерихона (Нав. 6: 1–19).

И вот как-то раз Достоевский встретил у Всеволода Сергеевича Соловьёва его младшего брата Владимира⁶⁷⁷. Он познакомился с ним ещё в 1873 году, когда он только что кончил университет. У этого юноши было необыкновенное лицо. Сине-серые глаза его смотрели как-то странно, как будто он видел что-то, чего другие не видели. Волнистые густые волосы падали на плечи, как у Спешнева, каким его помнил Достоевский в молодости. Лоб у Соловьёва был красивый и умный. И вообще на этом худом бледно-матовом лице была печать какой-то духовной силы. Только рот, слишком красный, и нижняя часть лица казались неожиданно страстными и несколько тяжёлыми.

Его магистерская диссертация «Кризис западной философии» вызвала такие шумные толки... Теперь он вернулся из заграничной командировки. Его научные занятия в Лондоне, потом его странная поездка в Египетскую пустыню — всё это возбуждало любопытство. Ему всего лишь двадцать четыре года, но вокруг его имени уже слагаются легенды.

Этот юноша давно уже читает жадно книги Достоевского. В письме к одной девушке он рекомендовал ей романы Достоевского, ибо он один из немногих писателей, «сохранивших ещё в наше время образ и подобие Божье»⁶⁷⁸... Ведь он и сам поэт. А главное, им так же, как и Достоевским, владеет идея об оправдании человека. Автор «Преступления и наказания» и «Идиота», и «Бесов», исполненный пророческого жара и бреда, покори́л Соловьёва. Русские романисты, например Лев Толстой, изображают жизнь, как она есть, в её бытовых, давно существующих, а частью отживших или отживающих, формах. «Совершенно противоположный характер представляет художественный мир Достоевского. Здесь всё в брожении, ничего не установилось, всё ещё только становится. Предмет романа здесь не быт общества, а общественное движение»... «В силу своей веры Достоевский верно предугадывал высшую, далёкую цель всего движения, ясно видел его

⁶⁷⁷ Соловьёв Вл. С. (1853–1900) — выдающийся русский религиозный философ, разработавший учение о Софии; поэт, литературный критик, публицист; сын историка С. М. Соловьёва, младший брат писателя Вс. С. Соловьёва; познакомившись с Ф. М. Достоевским в 1873 г., стал его другом и единомышленником, в 1878 г. совершил вместе с ним поездку в Оптину пустынь; автор «Трёх речей в память Достоевского» (1881–1883), где впервые было разъяснено великое религиозно-философское значение творчества писателя; один из прототипов Алёши Карамазова и, возможно, в некоторых чертах — Ивана Карамазова.

⁶⁷⁸ Долинин И. С. 159 (Из письма Е. В. Романовой, в замужестве Селевиной, 1873 г.).

уклонения от этой цели, по праву судил и справедливо осуждал их. Это справедливое осуждение относилось только к неверным путям и дурным приёмам общественного движения, а не к самому движению, необходимому и желанному»⁶⁷⁹...

Всё это Соловьёв высказал Достоевскому, который с изумлением, только теперь, под конец жизни, нашёл своего «идеального читателя»... Какое счастье! Этот юноша конгениален ему, Достоевскому. Этот двадцатичетырёхлетний философ и поэт понимает всё сокровенное в его творчестве. Глупцы отождествляли Достоевского с Шатовым и приписывали ему глупенькую мысль о национальном боге. Но Соловьёв правильно понял его идею: «Уже в “Бесах” есть резкая насмешка над теми людьми, которые поклоняются народу только за то, что он народ, и ценят православие лишь как атрибут русской народности»⁶⁸⁰... Нет, у Достоевского божественный идеал не национальный, а всемирный, и если он ценит русский народ, то потому лишь, что видит в нём это исконное великодушное стремление отказаться от своей национальной исключительности.

Да, они понимали друг друга. Весною 1878 года Владимир Соловьёв прочёл ряд публичных лекций в большом зале Соляного городка. Это были столь известные впоследствии «Чтения о Богочеловечестве». На них постоянно бывал Достоевский. Его собственные надежды и чаяния были высказаны теперь не в художественных символах, а в строгой и точной системе.

В первой же лекции Соловьёв заговорил о самом главном. Он апологет положительной религии, однако он не намерен опровергать социализм. «Обыкновенно он опровергается теми, которые боятся его правды. Но мы держимся таких начал, для которых социализм не страшен. Итак мы можем свободно говорить о правде социализма. И прежде всего он оправдывается исторически, как необходимое следствие, как последнее слово предшествующего ему западного исторического развития»⁶⁸¹... Однако западноевропейское социалистическое движение при конечной своей победе поставит перед человечеством вопрос о содержании жизни. И вот здесь ему грозит опасность, ибо нельзя построить никакого общества вне связи его с началом безусловным, ибо жизнь человека не ограничивается

⁶⁷⁹ Соловьёв Вл.С. Собр. соч.: В 9 т. / [Сост. М.С. Соловьёв]. СПб.: Общественная польза, [1901–1903, 1907]. Т. 3. С. 175–176 («Три речи в память Достоевского. 1881–1883. Первая речь»).

⁶⁸⁰ Там же. С. 180 («Три речи в память Достоевского. 1881–1883. Первая речь»).

⁶⁸¹ Там же. С. 3 («Чтения о Богочеловечестве. Чтение первое»).

нашим земным существованием... Все эти мысли Соловьёва были прямым откликом на мысли Достоевского.

На одной из лекций Достоевский встретил Н.Н. Страхова, который держал себя как-то странно, как будто желал уклониться от разговора. Смотрел куда-то в сторону.

В ближайшее воскресенье, однако, Страхов, как всегда, пришёл к обеду.

— Нам с Фёдором Михайловичем показалось, что вы на лекции Соловьёва нас избегали... Вы на нас не сердитесь? — спросила его Анна Григорьевна.

— Ах, это был особенный случай, — засмеялся Страхов. — Я не только вас, но и всех знакомых избегал. Со мной на лекцию приехал гр<аф> Л.Н. Толстой. Он просил его ни с кем не знакомить. Вот почему я ото всех и сторонился.

Достоевский выразил сожаление, что ему не пришлось познакомиться с Толстым. Граф Толстой тоже высказывал сожаление об этом... после смерти Достоевского...

Владимир Сергеевич Соловьёв стал своим человеком в доме Достоевского. Пять лет тому назад, ночью, в типографии, где печатался «Гражданин», Достоевский напугал юную корректоршу, стуча рукою по столу и выкрикивая:

— Грядёт Антихрист! Грядёт! Он совсем близко... Скоро всему конец!

Скромная и застенчивая свидетельница этих вещаний записала в своём дневнике слова безумного мечтателя — и только.

Теперь у Достоевского иной собеседник. Соловьёв так же, как и Достоевский, убеждён в том, что конец близок. Они оба думают, что осмыслить исторический процесс возможно, лишь памятуя о конце. История не эпос, который неизвестно когда начался и неизвестно когда кончится. История — трагедия. В ней есть единственный центр. И есть катарсис. События, совершающиеся на наших глазах, имеют глубокий смысл. Ветхий Адам, изгнанный из рая, низринут был в «дурную бесконечность». Он стал пленником времени. Новый Адам м о р а л ь н о время преодолел. Трагедия превратилась для нас в мистерию. В этом и есть «оправдание человека». В этом они были оба уверены — Достоевский и Владимир Соловьёв. Однако в нашей жизни мы не должны сидеть сложа руки. Мы должны трудиться в поте лица. «Трудна работа Господня»⁶⁸².

⁶⁸² По свидетельству очевидцев, последние слова Вл.С. Соловьёва на смертном одре 31 июля 1900 г. в имении П.Н. Трубецкого «Узкое» (Московской губ.).

Ещё в декабре 1877 года Достоевский получил от некоего Н.П. Петерсона⁶⁸³, издателя и ученика небезызвестного Н.Ф. Фёдорова⁶⁸⁴, изложение его учения — «Философия общего дела». Мысли Фёдорова поразили Достоевского. В самом деле, приняв христианство, не принимаем ли мы на себя ответственность за всё совершающееся? Тут некая «круговая порука». Мы отвечаем не только за настоящее, но и за прошлое. Мы не можем предать наших отцов. Мы обязаны вернуть их к жизни. Как вернуть к жизни? Воскресить? Да! К этому должны быть направлены все силы человечества. Мораль, наука, искусство и религиозный опыт⁶⁸⁵ — всё должно сосредоточиться на борьбе со смертью. Не смущаясь тем, что странная идея Фёдорова — прямое «безумие для эллинов», Достоевский в письме от 24 марта 1878 г. сообщает Петерсону, что он прочёл Соловьёву изложение мыслей Фёдорова и что Соловьёв «глубоко сочувствует мыслителю»... «Мы здесь, т.е. я и Соловьёв по крайней мере, верим в воскресение реальное»...

Но пока люди всё ещё страдают и умирают. И Достоевскому скоро пришлось ещё раз быть свидетелем ужасной смерти. Умер трёхлетний Алёша. С ним начались судороги. Он потерял сознание. Достоевский в отчаянии и в страхе смотрел на искажённое личико ребёнка. Эпилепсия! Эта страшная и загадочная гостья, навещавшая неуклонно отца, задушила теперь сына...

Достоевский по-новому переживал свою скорбь. Не так, как в Швейцарии, когда умерла его Соня, первый ребёнок. Глядя на судороги, искажавшие слабенькое тельце ребёнка, Достоевский сознавал себя виновником этих мук. Наследственность. Непонятная и жесто-

⁶⁸³ Петерсон Н.П. (1844–1919) — публицист, педагог, школьный учитель в Ясной Поляне, лично знавший Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского; поклонник и ученик Н.Ф. Фёдорова, издатель и пропагандист его наследия; Достоевский познакомился с идеями Фёдорова по излагавшей их статье Петерсона, присланной ему автором в декабре 1877 г.

⁶⁸⁴ Фёдоров Н.Ф. (1828/1829–1903) — религиозный мыслитель и философ-футуролог, один из родоначальников русского космизма; с 1874 г. библиотекарь Румянцевского музея в Москве (ныне РГБ); автор книги «Философия общего дела», изданной после его смерти (в 1906–1913 гг.) учениками Н.П. Петерсоном и В.А. Кожевниковым; идеи Фёдорова о всеобщем «воскрешении отцов» и «регуляции природы» были положительно оценены современниками (Л.Н. Толстым, Вл.С. Соловьёвым, Ф.М. Достоевским и др.) и легли в основу активно-творческого христианства, развивавшегося в начале XX в.; учение Фёдорова о всечеловеческом единстве в деле преодоления смерти и долге живущих сыновей перед «отцами» повлияло на проблематику «Братьев Карамазовых».

⁶⁸⁵ *Вместо: опыт — в Мп РГБ: мир*

кая правда о том, что каждый из нас несёт в себе все пороки и язвы предков...

Хотелось бежать от самого себя. Но куда бежать? Хотелось какой-то духовной помощи. Но где её найти? Не в этих же «попах», с какими довелось встретиться Достоевскому за границей и здесь, в казённой обстановке официального благочестия. Хороши ирмосы и тропари, хороша древняя литургика⁶⁸⁶, но исполнители! ... Лучше бы вовсе не видеть этих ожиревших распутных архиереев и столичных «красноречивых» батюшек. Но где-то есть, должно быть, смиренные подвижники... Какие-то настоящие праведники должны утешить истерзанное сердце Достоевского. Он давно уже слышал, что в Калужской губернии есть обитель, где хранятся таинственные заветы «молдавского старца Паисия Величковского»⁶⁸⁷... Там живут мудрецы, которые умеют будто бы умиротворять и утешать самые мрачные и тёмные души. Там, говорят, живёт какой-то старец Амвросий, получивший благословление на подвиг от знаменитого прозорливца Макария⁶⁸⁸, с которым были в общении Гоголь, Киреевский⁶⁸⁹ и др.<угие> писатели сороковых годов. В Оптину пустынь едет Владимир Соловьёв. Анна Григорьевна уговаривает Достоевского не откладывать этого паломничества. Она боится, что смерть Алёши худо отразится на душевном состоянии мужа. Ему надо искать какого-то облегчения от безмерной сердечной муки. Достоевский согласен. К тому же ему надо посмотреть ещё раз русский монастырь. В новом задуманном романе он будет писать о русском иноке. Он мечтал об этом ещё тогда, когда сочи-

⁶⁸⁶ Литургика — богословская дисциплина, изучающая христианское церковное богослужение, где главное место занимает Божественная литургия; литургия (*греч.* λειτούργια — служение, общее дело) — главнейшее христианское богослужение в исторических церквах, во время которого совершается таинство Евхаристии (причастия).

⁶⁸⁷ Паисий Величковский, преп. (1722–1794) — архимандрит Нямецкого монастыря в Молдавии, где возрождал древнюю православную традицию исихазма, одним из проявлений которой является институт старчества; важной его заслугой является перевод с греческого языка на церковнославянский «Добротолюбия» — свода сочинений Отцов церкви IV–XV вв.; в XIX в. ученики св. Паисия распространяли старчество по русским монастырям (Глинская, Белобережская, Оптина пустыни и др.).

⁶⁸⁸ Макарий, преп. (1788–1860) — иеросхимонах, старец Оптиной пустыни; организатор и вдохновитель перевода с церковнославянского языка на русский и издания «Добротолюбия», для чего привлёк к сотрудничеству представителей светской образованности, в первую очередь И.В. и П.В. Киреевских; духовно окормлял таких выдающихся деятелей русской культуры, как Н.В. Гоголь, А.К. Толстой, А.С. Хомяков и др.

⁶⁸⁹ Киреевский И.В. (1806–1856) — религиозный философ, литературный критик и публицист, один из главных идеологов славянофильства; вместе со старцами Оптиной пустыни работал над изданием сочинений Отцов церкви («Добротолюбия»).

нял план «Жития великого грешника»... Нужно ещё раз посмотреть на самый быт монастырский. <Нрзб.>⁶⁹⁰. Позднее он писал об этом Победоносцеву: «А тут вдобавок ещё обязанности художественности: потребовалось представить фигуру скромную и величественную, между тем жизнь полна комизма и только величественна во внутреннем смысле её, так что поневоле из-за художественных требований принуждён был в биографии моего инока коснуться и самых пошловатых сторон, чтоб не повредить художественному реализму»...

Двадцатого июня Достоевский был в Москве. Ему надо было переговорить с Катковым относительно нового романа. Это был его последний роман — «Братья Карамазовы». Катков рад был предложению и аванс дал охотно. Соловьёв жил уже в Москве в Нескучном саду. Достоевский нашёл его «странным, угрюмым и поношенным»⁶⁹¹. Они решили ехать в Оптину пустынь в ближайшие дни. Достоевский навестил Аксакова и писал жене, что в Москве «очень всё интересно»⁶⁹². 23 июня они с Соловьёвым выехали в Оптину по Московско-Курской железной дороге до станции Сергиево (вёрст триста от Москвы — станций пять за Тулой). От Сергиева до Козельска они ехали «на долгих» целых два дня.

Когда они подъехали к реке Жиздре, они увидели на правом берегу обитель. Небо, вода и даже монастырские стены — всё было как-то призрачно и ясно. Казалось, будто Оптина пустынь и всё вокруг — сон <нрзб.>⁶⁹³. На левом берегу Жиздры стоял⁶⁹⁴ вековой сосновый бор. Потянул ветерок. И смольные благоухания наполнили горячий воздух.⁶⁹⁵

Достоевский и Соловьёв остановились в монастырской гостинице. Здесь была тишина. Всё чисто. Ни пылинки. Молчаливый послушник в подряснике подал самовар, который бурно кипел. На столике, покрытом вязаной скатертью, лежали книжки с описанием Оптиной пустыни. Год её основания неизвестен. Сведения о ней появляются только в XVI веке. Два столетия она влачила своё существование в крайней бедности. При Петре Великом обитель была упразднена простым приказом. В 1726 году, однако, нашлись ревнители, кото-

⁶⁹⁰ В Мп РГБ: В нём, конечно, сочетается прекрасное с пошлым

⁶⁹¹ ПСС 30. Т. 30/1. С. 33 (Письмо А.Г. Достоевской от 20–21 июня 1878 г.).

⁶⁹² Там же. С. 34 (Письмо А.Г. Достоевской от 22 июня 1878 г.).

⁶⁹³ В Мп РГБ: тонкий и дивный

⁶⁹⁴ Далее было: однако

⁶⁹⁵ Далее было: Это был не сон, а земная чудесная явь

рые выхлопотали разрешение вновь открыть обитель. Прославили её иноки и старцы уже в XIX веке — Моисей, Леонид⁶⁹⁶, Макарий и Амвросий... Теперь стекаются в эту пустынь тысячи паломников со всех концов России.

Достоевский с Соловьёвым прошли через лес по тропинке к скиту. Внизу у деревянной галерейки, приделанной к наружной стене ограды, толпился народ, дожидаясь старца. Вышел о. Амвросий. Он надел епитрахиль⁶⁹⁷ и стал благословлять подходивших к нему. Завопила и завизжала какая-то кликуша. Её притащили к старцу. Он покрыл её епитрахилью, и она замолчала и успокоилась. Увидев плачущую в толпе бабу, Амвросий сам подошёл к ней.

— О чём плачешь-то?

— Сыночка жаль, батюшка, трёхлеточка был, без трёх только месяцев... По сыночку мучусь, отец, по сыночку... душу мне иссушил. Посмотрю на рубашончку его аль на сапожки и завою... Только б услыхать-то мне, как он по комнате своими ножками пройдёт разик, всего бы только разик, ножками своими — тук-тук...

— Жив твой младенчик, жив... Он радуется и веселится, и о тебе Бога молит...

Баба глубоко вздохнула.

— А как младенчика звали?

— Алексеем, батюшка...

— Алексей, человек Божий! Святой-то какой! Помяну, мать, помяну и печаль твою...

Вслед за бабами и мужиками подошли к Амвросию и Достоевский с Владимиром Соловьёвым.

Потом старец назначил им свидания в келье — особо, наедине.

Какое это было странное и многозначительное свидание. В эту скитскую хибарку приходили многие верующие, сомневающиеся и даже, под влиянием порыва, самые страстные безбожники, но такого чудака, как Достоевский или его юный спутник, здесь не бывало никогда.

⁶⁹⁶ Моисей, преп. (1782–1862) — схииархимандрит, настоятель (с 1826 г.) и затем старец Оптиной пустыни, прославился попечением о бедных и странниках; Леонид (Лев), преп. (1768–1841) — получил духовное воспитание непосредственно от учеников св. Паисия Величковского, основатель старчества в Оптиной пустыни (с 1829 г.), воспитатель будущих старцев Макария и Амвросия, прославился подвигами смирения и милосердия.

⁶⁹⁷ Епитрахиль (греч. *επιτραχιλιον* — то, что вокруг шеи) — принадлежность богослужебного облачения православного священника и епископа: длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь.

Амвросий был совершенный и законченный тип старца. Человек большого ума и строгого подвига, он принял в свою душу столько «откровений, сокрушений, сознаний, что под конец приобрёл прозорливость уже столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомого, приходившего к нему, мог угадывать: с чем тот пришёл, чего тому нужно, и даже какого рода мучение терзает его совесть, и удивлял, смущал и почти пугал иногда пришедшего таким знанием тайны его, прежде чем тот молвил слово»⁶⁹⁸.

Но что было делать этому многоопытному Амвросию с таким человеком «из ряда вон», каков был Достоевский? Лицо Амвросия было обращено к скорби и боли отдельного человека. Деревенская баба, потерявшая своего Алёшу, была понятна Амвросию. У Достоевского тоже умер Алёша. И это было понятно. И Амвросий умел разговаривать с этими несчастными, утратившими своих близких. Но, кроме скорби о ребёнке, у Достоевского были иные бури в душе. Вот эти бури были непонятны и чужды Амвросию.

Монах был связан полуторатысячетлетним существованием так называемой «христианской» государственности. Он думал, что он живёт, как «у Христа за пазухой». Он вместе со всею историческою церковью отказался от вмешательства в «общее дело». Он говорил только от сердца к сердцу. А Достоевский прежде всего думал об общем деле. Достоевский знал, что все связи, государственные и социальные, уже дрогнули, что нельзя рассчитывать на какое-то «высокое покровительство». Он знал, что есть «круговая порука», что нужен не только личный, но и «социальный подвиг».

Старец Амвросий не понимал этого. Достоевский внёс в смиренную хибарку Амвросия темы Апокалипсиса. Амвросий не знал, что надо делать с этой канонической, но — увы! — слишком страшной книгой, для которой не нашлось даже места в православной литургии. «Пророческий бред» Достоевского, этого грешного и страстного человека, был, конечно, дерзостью в глазах монаха. Пока Достоевский говорил о своём личном горе, о своих смрадных грехах, всё было «в порядке вещей», но когда этот пришелец заговорил о судьбах мира, о грядущем «красном бунте», о том, что б е з б о ж н о м у социализму надо противопоставить «социализм» со Христом, в хибарке Амвросия стало тесно. Достоевский, почтительно стоявший перед старцем, вдруг забыл весь монастырский этикет. Он стал быстро ходить по келье, размахивая рукой. Так же, как ночью, в типографии, пять лет назад, он кричал теперь:

⁶⁹⁸ ПСХП. Т. 9. С. 31 («Братья Карамазовы»).

— Грядёт Антихрист! Грядёт! Скоро всему конец!

Казалось, что в келью ворвалась буря, что свистит грозно ветер, предвещаая Страшный суд...

Однако Достоевский смирился. Он знал ещё до свидания с Амвросием, что его тема разрешается за пределами монастыря⁶⁹⁹.

LVII.

Вернувшись осенью 1878 года в Петербург, Достоевский сел за разработку плана «Братьев Карамазовых». К концу года он уже начал писать первую часть. В декабре было готово около десяти печатных листов. Большая программа цикла романов, ранее задуманных, опять была отложена, а может быть, и вовсе оставлена. Темы «Атеизма», «Истории великого грешника»⁷⁰⁰ и других замыслов вошли частично в романы «Бесы», «Подросток» и теперь в последний роман «Братья Карамазовы». Одна из главных идей романа — идея «Великого инквизитора», антиномия «сытости и свободы» — давно уж занимала Достоевского. В романе «Подросток» Версиков говорит сыну, который спрашивает, «в чём же великая мысль»: **о б р а т и т ь к а м н и в х л е б ы — в о т в е л и к а я м ы с л ь...** Впрочем он тут же добавляет, что эта мысль, хотя и великая, но не самая великая, ибо «наестся человек и не вспомнит; напротив, тотчас же скажет: “Ну, вот я и наелся, а теперь что делать?” Вопрос остаётся вековечно открытым»...

В майской книжке «Дневника писателя» за 1876 год по поводу самоубийства акушерки Писаревой, которая в предсмертной записке заботливо распределила маленькую денежную сумму, оставшуюся у неё, Достоевский писал: «Эта важность, приданная деньгам, есть, может быть, последний отзыв главного предрассудка всей жизни “о камнях обращённых в хлебы”. Одним словом, проглядывает руководящее убеждение всей жизни, т.е. “были бы все обеспечены, были бы все и счастливы, не было бы бедных, не было бы преступлений...”»⁷⁰¹... По поводу этой статьи Достоевский тогда же получил письмо от некоего музы-

⁶⁹⁹ В трактовку беседы Ф.М. Достоевского с оптинским старцем Амвросием, происходившей за закрытыми дверями, Чулков явно внёс идеи Вл.С. Соловьёва («Три речи в память Достоевского», 1881–1883) и апокалипсические предчувствия Серебряного века.

⁷⁰⁰ В Мп РГБ и ЧА РГАЛИ аналогично указано ошибочное название; верно: «Житие великого грешника».

⁷⁰¹ ПСХП. Т. 11. С. 303 («Дневник писателя. 1876. Май. Глава вторая. II. Одна несоответственная идея»).

канта В.А. Алексеева. Достоевский ответил своему корреспонденту: «Вы задаёте вопрос мудрёный — тем собственно, что на него отвечать долго. Дело же само по себе ясное. В искушении диавола явились три колоссальные мировые идеи, и вот прошло восемнадцать веков, а труднее, т.е. мудрёнее этих идей нет и их всё ещё не могут решить. “Камни и хлебы” значит теперешний социальный вопрос, с р е д а. Это не пророчество, это всегда было. “Чем идти то к разорённому нищим, похожим от голодухи и притеснений скорее на зверей, чем на людей — идти и начать проповедывать голодным воздержание от грехов, смирение, целомудрие — не лучше ли н а к о р м и т ь их сначала? Это будет гуманнее. И до тебя приходили проповедывать, но ведь ты Сын Божий, тебя ожидал весь мир с нетерпением; поступи же как высший над всеми умом и справедливостью, дай им всем пищу, о б е с п е ч ь их, дай им такое устройство социальное, чтоб хлеб и порядок у них был всегда — и тогда уже спрашивай с них греха. Тогда если согрешат, то будут неблагодарными, а теперь — с голодухи грешат. Грешно с них и спрашивать. — Ты Сын Божий — стало быть ты всё можешь. Вот камни, видишь, как много. Тебе стоит только повелеть — и камни обратятся в хлебы. Повели же и впредь чтоб земля рождала без труда, научи людей такой науке или научи их такому порядку, чтоб жизнь их была впредь обеспечена. Неужто не веришь, что главнейшие пороки и беды человека произошли от голоду, холоду, нищеты и из всевозможной борьбы за существование. — Вот первая идея, которую задал злой дух Христу. Согласитесь, что с ней трудно справиться. Нынешний с о ц и а л и з м в Европе, да и у нас, везде устраняет Христа и хлопочет прежде всего о хлебе, призывает науку и утверждает, что причина всех бедствий человеческих одно — нищета, борьба за существование, “с р е д а з а е л а”. На это Христос отвечал: “не одним хлебом бывает жив человек” — т.е. сказал аксиому и о духовном происхождении человека»⁷⁰²... Это тема — «Легенды о Великом инквизиторе».

На этом идейном стержне строился весь роман. В первоначально задуманном цикле пяти романов «Братьям Карамазовым» соответствовал бы второй роман. «Для второго романа я уже должен быть в России, — писал Достоевский ещё в 1870 году Страхову. — Действие во втором романе будет происходить в монастыре, и хотя я знаю русский монастырь превосходно, но всё-таки хочу быть в России»... Ему мерещился тип монаха вроде Тихона Задонского. Но теперь, по новому замыслу Достоевского, главным лицом романа должен был явить-

⁷⁰² Письма III. С. 211–212 (Письмо В.А. Алексееву от 7 июня 1876 г.).

ся Алёша Карамазов, ученик «старца». Это новая попытка дать образ «положительно прекрасного человека». В предисловии к роману Достоевский пояснил, что его герой «человек странный, даже чудак»⁷⁰³, но что «чудаки»-то как раз и являются иногда выразителями настоящей «живой жизни», хотя по виду кажутся «частным случаем»... Его Алёша, впрочем, пока ещё не деятель. «Деятелем» он будет впоследствии. Об этом зрелом Алексее Фёдоровиче Карамазове нужно будет писать второй роман...

Не только Алёша Карамазов, но и сам Достоевский был в глазах современников — «человек странный, даже чудак»... Он был чудак, потому что было какое-то удивительное несоответствие его личности и той среды, с которой он был связан в эти последние годы. Правда, и раньше, ещё до ссылки в Сибирь, у Достоевского были конфликты со «средою», но теперь особенность этого конфликта была в том, что чем острее и глубже он становился, тем настойчивее эта самая «среда» старалась его погасить. Этой «среде» невыгодно было ссориться с Достоевским. Впрочем, если не прочны были его связи с «петрашевцами», то ещё менее прочны его связи теперь с «ревнителями старого порядка»...

С января 1879 года «Братья Карамазовы» стали печататься в «Русском вестнике». Роман сразу обратил на себя внимание. Его жадно и ревниво читали все. Художественное мастерство повествования покорило даже самых упрямых недоброжелателей Достоевского. Зато идея романа, по мере того как она выяснялась, всё более и более смущала и тревожила читателей. С кем же Достоевский? Кому он служит? Всем хотелось найти в романе некую тонкую мысль, тезис, заповедь. А в романе не было тезиса, а была безмерная и страшная свобода. Здесь торжествовал не силлогизм и не моральный закон, а диалектика и то «чудо», без коего нет гениального творчества. Достоевский не вполне давал себе отчёт в этой своей антиномичности. Но иногда и сам называл свою душевную природу двойственной. Так, одной своей читательнице он писал: «Что вы пишете о вашей двойственности? — Но это самая обыкновенная черта у людей... не совсем, впрочем, обыкновенных. Черта, свойственная человеческой природе вообще, но далеко-далеко не во всякой природе человеческой встречающаяся в такой силе, как у вас. Вот поэтому вы мне родная, потому что это раздвоение в вас точь-в-точь, как и во мне, и всю жизнь во мне было. Это большая мука, но в то же время и большое наслаждение»... Наслаждение! Ещё бы! Люди, которые не идут даль-

⁷⁰³ ПСХП. Т. 9. С. 7.

ше силлогизма, люди «эвклидовского» ума, живут в трёх измерениях: это скучно и тесно... Но Достоевский, подобно Лобачевскому, Риману, Гауссу⁷⁰⁴, знает иную, неэвклидовскую, геометрию. Он живёт в иных измерениях⁷⁰⁵! Вот почему для каждого тезиса у него находится антитезис. Вот почему своим верованиям он противопоставляет не умственно слабых противников, как это делают обычно художники среднего калибра, а напротив, первоклассных умников. Он борется с «нигилизмом и атеизмом», но ему неинтересно вести полемику с обыкновенными, типичными для эпохи защитниками этих идей. Ему надо такого «нигилиста», который был бы вооружён тончайшим умом и прорывающей силой. Ему нужен противник, с которым можно встретиться как с равным. Достоевский готов даже рискнуть своей собственной головой⁷⁰⁶. И вот он создаёт своего Ивана Карамазова. После Раскольникова, Свидригайлова и Кириллова, казалось бы, трудно найти ещё одного «нигилиста», способного на богоборческий подвиг... Но Достоевский его нашёл. Правда, он ему дал в помощники чёрта, но у какого же Фауста не бывает своего Мефистофеля?

Десятого мая 1879 года Достоевский писал из Старой Руссы в редакцию «Русского вестника» своё очередное письмо по поводу печатания романа. «Весь социализм вышел и начал, — писал он, — с отрицания смысла исторической действительности и дошёл до программы разрушения и анархизма. Основные анархисты были, во многих случаях, люди искренно убеждённые. Мой герой берёт тему, по-моему, неотразимую: бессмыслицу страдания детей и выводит из неё абсурд всей исторической действительности»... Через несколько дней Достоевский пишет о том же Победоносцеву: «Дело в том, что эта книга в романе у меня кульминационная, называется “Pro и contra”⁷⁰⁷, а смысл книги: богохульство и опровержение богохульства»... «Богохульство это взял, как сам чувствовал и понимал сильнее,

⁷⁰⁴ Лобачевский Н.И. (1792–1856) — русский математик, профессор и ректор (1827–1845) Казанского университета, создатель неевклидовой, дифференциальной, геометрии, допускающей пересечение параллельных прямых; Риман, Берхард (1826–1866) — немецкий математик, механик и физик, разработавший учение о многомерности и «кривизне» пространства и в ряде аспектов предвосхитивший общую теорию относительности А. Эйнштейна; Гаусс, Карл Фридрих (1777–1855) — немецкий математик, механик, физик, астроном, доказавший «кривизну» пространства и заложивший предпосылки дифференциальной геометрии, изобретатель электрического телеграфа.

⁷⁰⁵ *Далее было:* — в этом наслаждение

⁷⁰⁶ *Далее было:* , но он жаждет «наслаждения в бою»

⁷⁰⁷ За и против (*лат.*).

т.е. так именно, как происходит оно у нас теперь в нашей России у в с е г о (почти) верхнего слоя, а преимущественно у молодёжи, т.е. научное и философское опровержение бытия Божия уже заброшено, им не занимаются вовсе теперешние деловые социалисты (как занимались во всё прошлое столетие и в первую половину нынешнего), зато о т р и ц а е т с я из всех сил создание Божие, мир Божий и с м ы с л е г о. Вот в этом только современная цивилизация и находит ахинею»...

Осенью в письме из Эмса Достоевский возвращается к той же теме: «Мнение ваше о прочитанном в “Карамазовых” мне очень польстило (на счёт силы и энергии написанного), но вы тут же задаёте н е о б х о д и м е й ш и й вопрос: что ответа на все эти атеистические положения у меня пока не оказалось, а их надо. То-то и есть, и в этом-то теперь моя забота и всё моё беспокойство. Ибо ответом на всю эту о т р и ц а т е л ь н у ю с т о р о н у я и предположил быть вот этой шестой книге «Русский иннок», которая появится 31 августа. А потому и трепещу за неё в этом смысле: будет ли она д о с т а т о ч н ы м ответом. Тем более, что ответ-то ведь не прямой, не на положения, прежде выраженные (в “В<еликом> инквизиторе” и прежде) по пунктам, а лишь косвенный. Тут представляется нечто прямо противоположное выше выраженному мировоззрению, но представляется опять-таки не по пунктам, а, так сказать, в художественной картине. Вот это меня и беспокоит, т.е. буду ли понятен и достигну ли хоть каплю цели»...

Достоевский недаром беспокоился. Не многие современники поняли его диалектику как положительное исповедание христианства. Интеллигенция осталась холодной и равнодушной к его старцу Зосиме. Оптинские монахи тоже были недовольны.

LVIII.

В 1879–1880 годах, когда печатался роман «Братья Карамазовы», русская государственность и общественность были в ущербе, упадке и разложении. Не прошло ещё и двух десятилетий, как были освобождены крестьяне от крепостной зависимости. Запоздавшая и компромиссная реформа не удовлетворила крестьян. Представители городской буржуазии также были недовольны либеральными полумерами и требовали «увенчания здания», т.е. конституции. С другой стороны, помещики с нетерпением ожидали реванша за убытки, которые они понесли от утраты крепостных. Положение правительства

не было устойчивым. Этим воспользовались тогдашние радикалы и социалисты, которые вели пропаганду как в легальной прессе, так и в подпольной. Партия «Народной воли» прибегла к террору. Покушения на жизнь Александра II-го следовали одно за другим.

Положение Достоевского было ужасно. Он не забыл ещё тех идей, которые привели его в молодости на эшафот и каторгу. По свидетельству О.Ф. Миллера, лично знавшего Достоевского, «социалистом, в широком человеческом смысле этого слова, он никогда не переставал быть»⁷⁰⁸. Но Достоевский был в ужасе от «безбожия», под знаком коего развивалось всё общественное движение, направленное против старого государственного и социального порядка. После запрещения «Времени», с основания «Эпохи», его полемика с нигилизмом нашла сочувственный отклик в реакционных кругах, и это сочувствие ревнителей самодержавия компрометировало Достоевского. Мироотношение Достоевского не вмещалось, правда, ни в какую политическую или социальную программу. Однако если идейно он находил для себя независимую позицию, то реально применить её к жизни ему не так-то было легко. К тому же среди ретроградов был такой хитрец, как Победоносцев. Он мечтал быть руководителем Достоевского. Он даже приписывал себе, между прочим, идею создания образа Зосимы, что уже было прямою ложью, ибо тип русского инока был задуман Достоевским до его знакомства с знаменитым «обер-прокурором». Но одно несомненно: Достоевский, несмотря на всю огромность и сложность своего ума и гениальные творческие силы, в пределах текущей и преходящей политической обстановки оказался в лагере консерваторов. Теперь, в наши дни, отпали, как засохшие листья, все эти его связи с «ретроградами», и мы видим подлинного Достоевского, конгениального величайшим эпохам человеческой истории: он⁷⁰⁹, по удачному замечанию его биографа, иногда худо разбирался в том, что было около, совсем близко, рядом, но зато прекрасно видел перспективу тысячелетий. Но лишь немногие современники Достоевского понимали его значение в мировой культуре.

Духовное одиночество Достоевского было воистину изумительное. Если бы не было рядом с ним ещё одного подобного ему чудака, Владимира Соловьёва, он был бы окружён исключительно или славнофилами, «сытость» коих в вопросах социальных он однажды уже отметил с иронией и раздражением, — или даже откровенными реакционерами, из коих первый был Победоносцев.

⁷⁰⁸ *Материалы* 1883. С. 175.

⁷⁰⁹ *Далее было:* , как и Влад<имир> Соловьёв

Внешняя жизнь Достоевского в эти последние годы мало изменилась. Он поселился теперь с семьёю в Кузнечном переулке. По-прежнему Достоевский работал по ночам, весь поглощённый своим романом; по-прежнему Анна Григорьевна стенографировала, когда он диктовал ей днём то, что начерно набросал ночью... Кредиторы были удовлетворены. Вопиющей материальной нужды не было, но жить приходилось очень скромно, так что, когда украли лисий салоп Анны Григорьевны, это было целым событием.

В эти последние годы Достоевский стал ощущать свою известность. Он получал сотни писем от своих читателей, почитателей и врагов. Этот поток писем не иссяк и теперь, после прекращения «Дневника». Ему писали иногда, как пишут к «старшим», к духовным руководителям, исповедовались в своих грехах и помыслах. И он, «смердный грешник», должен был отвечать и учить, сознавая, что сам он изнемогает в мучительных противоречиях, что «живая жизнь», которую он принял как истину, ускользает от него, как тот загадочный садовник, Который сказал простирившей к Нему руки женщине: «Не касайся меня, Мария!»⁷¹⁰...

Его приглашают усердно в салоны — то к графине С.А. Толстой (вдове Алексея Толстого)⁷¹¹, то к Е.А. Штакеншнейдер, то к графине Комаровской⁷¹², то к А.П. Философовой⁷¹³...

В октябре 1880 года Е.А. Штакеншнейдер записала у себя в дневнике: «Днём был Достоевский: они приехали 7-го. Он всё ещё сильно кашляет, но вообще смотрит лучше; был очень мил с мамой и Олей. Говорит, что освободился на неделю от “Карамазовых” и отдохнул бы, да ворох неотвеченных писем не даёт покоя; их штук

⁷¹⁰ Имеется в виду встреча воскресшего Христа с не узнавшей Его и принявшей за садовника Марией Магдалиной (Ин. 20:13–17).

⁷¹¹ Толстая С.А., гр. (1827–1895) — жена, а с 1875 г. вдова гр. А.К. Толстого, известного поэта и драматурга, автора романа «Князь Серебряный» (1863); в конце 1870-х гг. хозяйка литературного салона в Петербурге, который охотно посещал Ф.М. Достоевский.

⁷¹² Комаровская А.Е., гр. (1831–1906) — гофмейстерина при дворе великой княгини Александры Иосифовны, вдовы великого князя Константина Николаевича; почитательница таланта Ф.М. Достоевского, его знакомая с 1880 г.; хозяйка великосветского салона.

⁷¹³ Философова А.П. (1837–1912) — общественная деятельница, одна из учредительниц в 1878 г. Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге, хозяйка известного литературного салона, который в 1870-е гг. посещал Ф.М. Достоевский; сестра выдающегося театрального и художественного деятеля С.П. Дягилева, мать известного литературного критика и религиозно-общественного деятеля круга Мережковских Д.В. Философова; друг и почитательница таланта Достоевского.

тридцать. “Ничего, — утешаю его, — вы только подумайте о радости тех, которые получат от вас письмо; как они будут с ним носиться и хвастать им”. — “Вот вы всегда выдумаете такое что-нибудь неожиданное в утешение, — возразил он мне. — Да разве я буду на них отвечать! Разве есть возможность отвечать на них? Вот, например: “Выясните мне, что со мной? Вы можете и должны это сделать, вы психиатр и вы гуманны”... Как тут отвечать письмом, да ещё незнакомой?”⁷¹⁴... Е.А. Штакеншнейдер припоминает в своём дневнике то время, когда Достоевский вернулся из Сибири. Его тоже, как и теперь, студенты приглашали читать на литературных вечерах.⁷¹⁵ ...«Главное, к нему сами идут, хотят его слушать, ждут его слова, жаждут его, измученные, потерянные. А тогда, хотя он и явился с каторги и читал из “Униженных и оскорблённых”, люди оставались холодны. Теперь к нему льнут. Стоит ему появиться, чтобы его окружили, чтоб все глаза устремились на него и прошёл бы шёпот: Достоевский! Достоевский!»⁷¹⁶...

В том же году весной Достоевский писал Победоносцеву о своём влиянии на молодёжь: «Моё литературное положение (я вам никогда не говорил об этом) считаю я почти феноменальным: как человек пишущий зауряд против европейских начал, компрометировавший себя навеки “Бе с а м и”, т.е. ретроградством и обскурантизмом, — как этот человек, помимо всех европействующих, их журналов, газет, критиков — всё-таки признан молодёжью нашею, вот эту самую расшатанную молодёжь, нигилятиной и проч<ее>? Мне уж это заявлено ими, из многих мест, единичными заявлениями и целыми корпорациями. Они объявили уже, что от меня одного ждут искреннего и симпатичного слова и что меня одного считают своим р у к о - вод я щ и м п и с а т е л е м»...

Если Николай I-й вынужден был считаться с влиянием на общество Пушкина, то как было Александру Второму не заметить всё

⁷¹⁴ Из дневников Е.А. Штакеншнейдер // Голос минувшего. 1919. № 1–4. С. 175.

⁷¹⁵ В *Мп РГБ далее*: И он выступал с успехом, но не таким, однако, как, например, Шевченко. Почему это? А ведь он тогда был в ореоле каторжанина... «Славу же Достоевскому сделала не каторга, но “Записки из Мёртвого дома”, даже не романы его, по крайней мере, не главным образом они, а “Дневник писателя”. “Дневник писателя” сделал его имя известным всей России, сделал его учителем и кумиром молодёжи, да и не одной молодёжи, а всех мучимых вопросами, которые Гейне называл проклятыми»... «Его значение учителя так ещё ново, что он и сам его не вполне сознаёт, да и вообще оно в сознание ещё не вошло, а только входит и, дай Бог ему здоровья и веку» <Из дневников Е.А. Штакеншнейдер // Голос минувшего. 1919, № 1–4. С. 182–183>...

⁷¹⁶ Из дневников Е.А. Штакеншнейдер // Голос минувшего. 1919, № 1–4. С. 183.

возраставшего значения Достоевского! В начале 1878 года в скромную квартиру писателя явился Д.С. Арсеньев⁷¹⁷, воспитатель великих князей, Сергея и Павла Александровичей⁷¹⁸, и от имени царя приглашал его познакомиться со своими воспитанниками. Знакомство состоялось. За ним последовало знакомство с великим князем Константином Константиновичем⁷¹⁹, тогда ещё молодым человеком, увлекавшимся поэзией. У него устраивались чтения и собеседования на литературные темы. Достоевский несколько раз читал здесь. У великого князя он встречался и с другими «особами императорской семьи»⁷²⁰.

Итак, Достоевский порвал как будто все связи с радикалами и социалистами семидесятых годов.⁷²¹

А вот какой любопытный разговор вёл Достоевский 20 февраля 1880 г. В этот день как раз Млодецкий⁷²² неудачно покушался на

⁷¹⁷ Арсеньев Д.С. (1832–1915) — адмирал, с 1864 г. воспитатель великих князей Сергея и Павла Александровичей, с 1882 г. директор Морского училища, начальник Николаевской академии, член Государственного совета; 24 апреля 1878 г. присутствовал вместе с Ф.М. Достоевским на обеде у великих князей, 5 марта 1879 г. — на обеде у великого князя Сергея Александровича.

⁷¹⁸ Романов С.А., вел. кн. (1857–1905) — сын Александра II, один из основателей Православного палестинского общества, с 1891 г. московский генерал-губернатор и командующий войсками Московского военного округа, убит в Кремле эсером И.П. Каляевым, муж великой княгини Елизаветы Фёдоровны, православной подвижницы, казнённой большевиками в 1918 г. и канонизированной РПЦ в 1992 г.; Романов П.А., вел. кн. (1860–1919) — младший сын Александра II, состоял «покровителем всех поощрительных конно-заводских учреждений в России», расстрелян в Петрограде в дни «красного террора». На обеде 24 апреля 1878 г. оба великих князя произвели на Ф.М. Достоевского самое благоприятное впечатление.

⁷¹⁹ Романов К.К., вел. кн. (1858–1915) — сын великого князя Константина Николаевича; поэт, драматург, печатавшийся под инициалами К. Р., автор стихов шести романсов на музыку П.И. Чайковского; с 1889 г. президент Петербургской академии наук; горячий почитатель таланта Ф.М. Достоевского, оставивший интересные дневниковые записи о проведённых с ним вечерах в 1879–1880 гг.

⁷²⁰ *Далее было:* , о чём не без мешанской гордости сообщала Анна Григорьевна в своих воспоминаниях

⁷²¹ *Далее было:* Но вот что странно, в то время как его «ласкает двор», к нему обращается некий народоволец, прося дать ему приют. Пристойно ли ему, монархисту, оказывать услуги нелегальным революционерам? И однако он не решился отказать в крове одному из этих своих идейных врагов.

⁷²² Млодецкий И.О. (1856–1880) — русский революционер, по взглядам близкий к народовольцам; формально не входя в организацию, в январе 1880 г. предложил Исполнительному комитету «Народной воли» убить М.Т. Лорис-Меликова; не дождавшись ответа, самостоятельно совершил на министра неудачное покушение, был схвачен полицией и по приговору военного суда 22 февраля повешен в Петербурге.

«главного начальника Верховной распорядительной комиссии» графа Лорис-Меликова⁷²³. Ни Достоевский, ни его собеседник не знали ещё об этом покушении.

Достоевский сидел за круглым столом в гостиной и набивал папиросы. Лицо у него было красное. Казалось, что он только что парился в бане.

Он встретил гостя словами:

— А у меня только что прошёл припадок. Я рад, очень рад.

И он продолжал набивать папиросы.

Заговорили о политических преступлениях, о народовольческом терроре, о взрыве Зимнего дворца... Достоевский сказал, что отношение общества к террору какое-то странное, двусмысленное...

— Представьте себе, — говорил он, — что мы с вами стоим у окна Дациаро⁷²⁴ и смотрим картины. Около нас стоит человек, который притворяется, что смотрит. Он чего-то ждёт и всё оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: «Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завёл машину». Мы это слышим. Представьте себе, что мы это слышим, что люди эти так возбуждены, что не соразмеряют обстоятельств и своего голоса. Как бы мы с вами поступили? Пошли ли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились ли к полиции, к городовому, чтобы он арестовал этих людей? Вы пошли бы?

— Нет, не пошёл бы...

— И я бы не пошёл. Почему? Ведь это ужас. Это — преступление. Я вот об этом думал до вашего прихода, набивая папиросы. Я перебрал все причины, которые заставили бы меня это сделать. Причины основательные, солидные, и затем обдумал причины, которые мне не позволили бы это сделать. Эти причины прямо ничтожные. Просто боязнь прослыть доносчиком... Напечатают: Достоевский указал на преступников. Разве это моё дело? Это дело полиции... Мне бы ли-

⁷²³ Лорис-Меликов М.Т., гр. (1825–1888) — российский военачальник и государственный деятель, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., член Государственного совета, автор проекта первой российской конституции; в последние месяцы царствования Александра II министр внутренних дел, проводивший либеральную политическую линию и активно боровшийся с революционным терроризмом.

⁷²⁴ Дациаро И.Х. (1806–1865) — итальянский купец, основавший в 1830 г. в Москве и Петербурге издательство художественной графики; владелец элитных художественных салонов; более всего фирма Дациаро прославилась изданиями видовой графики двух русских столиц; петербургский магазин Дациаро находился на углу Невского проспекта и Адмиралтейской площади; наследники И.Х. Дациаро занимались, в основном, торговлей эстампами, их магазины просуществовали до начала XX в.

бералы не простили. Они измучили бы меня, довели бы до отчаяния. Разве это нормально? Я бы написал об этом... Но у нас о самом важном нельзя говорить...

Он долго с одушевлением развивал свою мысль. Тут же он сказал, что напишет ещё один роман, где героем будет опять Алёша Карамазов. Он хотел его провести через монастырь и сделать революционером. Он искал его правду и в этих поисках, естественно, стал бы революционером. Он совершил бы политическое преступление. Его бы казнили. А ведь Алёша Карамазов был «положительно прекрасным человеком» в глазах Достоевского. Какой странный замысел для посетителя великокняжеских салонов!

Смелых замыслов немало в голове Достоевского.

А между тем жестокая болезнь его пожирала. Дышать было всё труднее и труднее. Во второй половине июня 1879 года Достоевский опять поехал в Эмс лечить свою эмфизему. Доктор Орт нашёл, что болезнь усилилась, что будто бы лёгкие и сердце у Достоевского как-то переместились, и велел пить воду Кренхен. Пять недель Достоевский пил эту воду Кренхен. Из Эмса он писал жене по-прежнему любовные письма с такими нежностями, что Анне Григорьевне опять пришлось, по мотивам скромности, тщательно вычёркивать иные выражения. Страстным человеком Достоевский оставался до конца своих дней.

Достоевский вернулся из Эмса, и началась трудная петербургская жизнь. Ночью — напряжённая работа над романом, а днём — посетители, корреспонденция, диктовка сочинённого за ночь. Спать приходилось мало, потому что почти каждый день надо было куда-то ехать, что-то читать... В салонах, куда он зачем-то являлся, чувствовал он себя нехудо только тогда, когда все слушали его, не смея противоречить. Но если разговор шёл помимо него, он считал себя едва ли не оскорблённым. «Сидит он тогда и точно подбирается, обдумывает, как бы напасть, или борется сам с собою. Голова его опускается, глаза ещё больше уходят вглубь»... «Он сам тогда не заговаривает, а отвечает отрывисто. И удастся ему в такое время в свой ответ или замечание впустить хоть каплю ехидства, моментально точно чары снимутся с него, он улыбнётся и заговорит»...

Его то и дело приглашают на публичные чтения. «Литературный фонд давал сегодня литературное утро в такой зале, где трудно читать и где чтецов не во всех концах слышно, — рассказывает современница, — а Достоевский больной, с больным горлом и эмфиземой, опять был слышен лучше всех. Что за чудеса! Еле душа в теле, худенький, со впалой грудью и шёпотным голосом, он едва начнёт читать, точ-

но вырастает и здоровеет. Откуда-то появляется сила, сила какая-то властная. Он кашляет постоянно и не раз говорил мне, что эмфизема его мучает и сведёт когда-нибудь неожиданно и быстро в могилу»...

Кроме студентов, курсисток и вообще «алчущих и жаждущих правды», у Достоевского появляются то и дело просители. То приходит возвращённый ссыльный, которому надо устроиться; то какая-то старуха; то человек без определённой профессии... Достоевский всем раздаёт всё, что у него в кармане. Никому нет отказа. «Плещееву надавали рублей 600; за Пуцыковича⁷²⁵ поручились и даже за мадам Якоби⁷²⁶»... Он даже не выходит гулять без денег, потому что не может видеть равнодушно нищих... Анна Григорьевна в отчаянии от его расточительности.

ЛIX.

6 апреля 1880 года Владимир Соловьёв защищал в Петербургском университете свою докторскую диссертацию «Критика отвлечённых начал». Достоевский поехал в университет, хотя чувствовал себя плохо. Как же не присутствовать на этом диспуте! Ведь это сражался его соратник за «полноту бытия» против мнимых ценностей... Достоевский гордился юным союзником. Все «молодящиеся старички» должны склониться перед той правдой, которую он, Достоевский, называет «живою жизнью»... После диспута, когда расходилась публика, Достоевский подошёл к Соловьёву, чтобы пожать ему руку. Этот его понимает! Этот его не предаст!

Нет, их дело ещё не проиграно. В марте Достоевский читал в большом зале Благородного собрания в пользу Педагогических курсов отрывок из «Преступления и наказания» — сон Раскольникова. Люди сидели, бледные от ужаса. Иные плакали. Какое блаженство чувствовать, что тебе принадлежат все эти души и сердца!

Весною организовался в Москве комитет по открытию памятника Пушкина. Общество любителей российской словесности при

⁷²⁵ Пуцыкович В.Ф. (1843–1909) — писатель и публицист, юрист; в годы редакторства Ф.М. Достоевского (1873–1874) был секретарём редакции еженедельника «Гражданин»; относясь к Пуцыковичу дружелюбно, Достоевский, однако, давал трезвые оценки его деловым и творческим качествам.

⁷²⁶ Якоби А.Н. (в замужествах Пешкова-Толиверова) (1842–1918) — детская писательница, вела художественные отделы в «Живописном обозрении» и «Новом времени», с 1880 г. издавала ж. «Игрушечка»; участница гарибальдийского движения; с 1876 г. знакомая и почитательница таланта Ф.М. Достоевского; автор воспоминаний о писателе.

Московском университете прислало приглашение Достоевскому. Ему предлагали, как и другим писателям, выступить с речью, посвящённой памяти поэта. Кроме того, Славянское благотворительное общество делегировало Достоевского на московские торжества. Надо было ехать в Москву. Доктор Сниткин⁷²⁷, двоюродный брат Анны Григорьевны, осмотрев Фёдора Михайловича, предупредил её, что его здоровье непрочное, что надо избегать волнений и усталости, что может быть кровоизлияние в лёгких, а это опасно для жизни.

Но самому Достоевскому не сказали всей правды. Анна Григорьевна умоляла его быть осторожнее. Ехать в Москву он всё-таки решил. Надо было подготовить речь. В Петербурге трудно было сосредоточиться, и Достоевский уехал в Старую Руссу. Там он прилежно работал, придавая немалое значение этому исповеданию своей веры и своих заветнейших убеждений. И самая обстановка для этого выступления была торжественная. И все ждали чего-то важного и значительного. Шли слухи, что западники намерены дать последний бой славянофилам.

Отношение Достоевского к предстоящему торжеству было очень сложно и как-то совсем не укладывалось в те «направления», которые были представлены тогдашней журналистикой и тогдашними партиями. Он ожидал, что его будут травить «враги», а враги, оказывается, переменили тактику и мечтали, напротив, привлечь его к себе, заключить с ним какой-то условный мир. В самом деле, было бы глупо уступить ретроgrадам такую огромную силу, какую был тогда Достоевский. Нет, он был нужен либералам. И в то время как Катков, печатавший «Братьев Карамазовых», был под либеральным бойкотом, Достоевского не только не травили, но старались сделать его «своим». Правда, тактику эту не все усвоили: иные, слишком уязвлённые «Бесами», смотрели на Достоевского как на изувера. Но эти пока молчали.

А Достоевский привык уже разговаривать через головы «друзей и врагов» с какими-то читателями, не покорными вовсе ни западникам, ни славянофилам. Этих чудачков «без направления» было не так мало. Они-то и были опорой Достоевскому. Но сам он, написав в Старой Руссе статью о Пушкине совершенно независимо от партий, озабочен был одним — во что бы то ни стало высказать свою главнейшую идею о судьбе русского народа и, значит, о судьбе мира...

На московском вокзале Достоевского встретили С.А. Юрьев, председатель Общества любителей российской словесности, он же

⁷²⁷ Сниткин М.Н. (1837–1901) — двоюродный брат А.Г. Достоевской, врач-педиатр; деятельно участвовал в жизни семьи Достоевских, неоднократно оказывал её членам врачебную помощь.

редактор «Русской мысли», знакомый Достоевского ещё в эпоху «Беседы», — В.М. Лавров, Н.П. Аксаков⁷²⁸ и вообще целая депутация левых⁷²⁹ славянофилов. Его тотчас же по-московски хотели везти на ужин к издателю Лаврову, но он уклонился, потому что был измучен дорогой, не мыт и «в грязном белье». Ему наняли экипаж и повезли в Лоскутную гостиницу, где номер и стол, и всё было оплачено Городскою думою, чем Достоевский был смущён и писал об этом Анне Григорьевне недоумевая.

25 мая Лавров и Н. Аксаков приехали к Достоевскому и повезли его в коляске в Эрмитаж, где был устроен обед в его честь. Ночью Достоевский написал жене письмо, где с чувством удовлетворённого самолюбия рассказал, как его чествовали. Был Ив<ан> Серг<еевич> Аксаков и какие-то профессора, черепаший суп, разварная стерлядь в полтора аршина, перепела, спаржа и «шампанское рекой». И все вставали и говорили речи, и подходили чокаться... «Все были в восторженном состоянии»... Но Пушкинские торжества откладываются, по случаю смерти императрицы, а когда Достоевский сказал, что 27-го уезжает, поднялся решительный гам: «Не пустим!»... Неловко было настаивать на отъезде. «Вся Москва будет в огорчении и негодовании»⁷³⁰... Достоевский остался.

Через два дня опять был какой-то ужин. И опять чествовали Достоевского. Он всё ещё не привык к своей известности и к своему признанию. В письмах к жене сообщает он, как что-то важное, что Катков «проводил его до передней»⁷³¹. Здесь, в Москве, его одолевают посетители. Приходили Григорович, Висковатов⁷³², Аверкиев... Но есть

⁷²⁸ Юрьев С.А. (1821–1888) — литературный критик, переводчик, общественный и литературно-театральный деятель, редактор-издатель журналов «Беседа» (1871–1872), «Русская мысль» (1880–1885), с 1878 г. — председатель Общества любителей российской словесности, инициатор приглашения Ф.М. Достоевского на Пушкинский праздник в мае-июне 1880 г., во многом разделявший славянофильско-почвеннические взгляды писателя; Лавров В.М. (1852–1912) — журналист, переводчик, с 1880 г. издатель ж. «Русская мысль», горячий почитатель таланта Ф.М. Достоевского, впоследствии друг А.П. Чехова и автор интересных воспоминаний о нём; Аксаков Н.П. (1848–1909) — публицист, литературный критик, прозаик, поэт, секретарь (1878–1880) Общества любителей российской словесности, увлечённый историей славянских народов, почитатель таланта Ф.М. Достоевского.

⁷²⁹ *Вместо: левых — в Мп РГБ: истых*

⁷³⁰ **Письма к жене.** С. 283 (Письмо от 25–26 мая 1880 г.).

⁷³¹ См.: Там же. С. 288 (Письмо от 27–28 мая 1880 г.).

⁷³² Висковатов (Висковатый) П.А. (1842–1905) — историк литературы; с 1860-х гг. состоял в приятельских отношениях с Ф.М. Достоевским, однако именно он является источником порочащих писателя сведений: на его рассказ о Достоевском ссылает-

и неприятное: у Тургенева было совещание литераторов, кто и что будет читать и в какой день. На это совещание Достоевского не пригласили. Впрочем, третьего июня он встретился с Тургеневым. «Всё устроили к общему согласию, — пишет он Анне Григорьевне. — Тургенев со мною был довольно мил, а Ковалевский⁷³³ (большая толстая туша и враг нашему направлению) всё пристально смотрел на меня»⁷³⁴... А на другой день сообщает: «Подходил ко мне Островский, здешний Юпитер. Любезно подбежал Тургенев»⁷³⁵...⁷³⁶

6-го июня было открытие памятника. Вечером на литературном празднестве Достоевский читал «Пимена». Его приняли превосходно, но Тургенева ещё восторженнее. <Ирзб.>⁷³⁷. Седьмого на утреннем чтении к Достоевскому подходили старики и юноши выразить своё восхищение «Братьями Карамазовыми». То же и на другой день во время литературного обеда. Дамы поднесли Достоевскому цветы. Его провожали до подъезда и усаживали в экипаж. Иные поклонники бросились целовать его руку. На следующий день, 8-го июня, Достоевский должен был выступить со своею речью о Пушкине.

Накануне говорил Тургенев. Он говорил умно и справедливо. Прекрасен Пушкин и заслуги его так велики перед нашей родиной! Но возможно ли осуждать то поколение, которое отвернулось от великого поэта, предпочитая «музу мести и печали»⁷³⁸? Тургенев понимает и оправдывает этот, уже себя изживший, протест против поэта. Тогда было не до высокой поэзии... В конце концов, Тургенев задаёт себе вопрос, был ли Пушкин действительно национальным поэтом в

ся Н.Н. Страхов в своём письме Л.Н. Толстому от 28 ноября 1883 г. с крайне негативными отзывами об авторе «Преступления и наказания»; 15 января 1904 г. Висковатов записал в своём альбоме резко неприязненную характеристику Достоевского.

⁷³³ Ковалевский М.М. (1851–1916) — историк права, социолог, с 1877 г. профессор государственного права и сравнительной истории права Московского университета; член комиссии Общества любителей русской словесности по открытию памятника А.С. Пушкину и по организации Пушкинских торжеств в Москве в мае-июне 1880 г.; «Пушкинскую речь» Ф.М. Достоевского Ковалевский не принял; у Достоевского либеральное западничество Ковалевского вызывало протест.

⁷³⁴ Там же. С. 298 (Письмо от 3–4 июня 1880 г.).

⁷³⁵ Там же. С. 300–301 (Письмо от 5 июня 1880 г.).

⁷³⁶ *Далее было:* «Боюсь, что из-за направлений во все три дня, пожалуй, передерутся. История исключения Каткова из празднеств возмущает ужасно многих»....

⁷³⁷ *В Мп РГБ:* А ведь он плохо читал! Это, наверное, толстый Ковалевский посадил своих клакеров

⁷³⁸ Некрасов Н.А. Т. 1. С. 182 (Из стихотворения «Замолкни, муза мести и печали!», 1855).

такой мере, чтобы стать и всемирным поэтом, как Гёте или Шекспир. Оказывается, для него, Тургенева, этот вопрос остаётся нерешённым. И он очень изящно выразил эти свои недоумения перед публикой, собравшейся на Пушкинский праздник.

На другой день, восьмого июня, в той же зале Благородного собрания на заседании Общества любителей российской словесности выступил Достоевский. Как не похож был этот сутулый, небольшого роста человек, как будто весь высохший, с «измученными и мучительными» глазами, которых так суеверно «боялся» Глеб Успенский⁷³⁹, на огромного, с серебряными локонами, джентльмена, Ивана Сергеевича Тургенева, который с такими барскими интонациями и так мило побеседовал накануне с расположенной к нему публикой!

Каким странным тоном заговорил теперь с кафедры этот истощённый, хрупкий и, однако, мужественный человек. Он как будто вовсе не слышал громовых аплодисментов, которыми его встречали. Толпа шумела и кричала, а он терпеливо ждал тишины. Казалось, что он додумывает свою последнюю мысль о поэте, хотя у него в руках уже были исписанные листки, которые он положил перед собою. И вот он заговорил. В листки он не заглядывал вовсе. Заговорил он внятно, но тихо. Говорил он так, как будто перед ним два-три верных друга, а не многотысячная толпа незнакомцев. Но почему-то наступила тотчас мёртвая тишина. Каждое слово звучало чётко и ясно в самых отдалённых углах зала.

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь. Прибавим от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое»⁷⁴⁰.

Почему пророческое? Да потому, что его гений открыл нам нашу сокровеннейшую мысль о нас самих. Мы сами не понимали себя, но Пушкин рассказал нам о нашей судьбе. Он осветил нам тёмную дорожку истории...

По мере того как Достоевский говорил, его голова, сначала опущенная низко, стала подниматься, голос окреп и звучал властно. Простая разговорная речь вдруг стала вдохновенной... Он говорил о русских мечтателях и скитальцах. Зачем уходят они от той живой жизни, которая была введена Пушкину? Разгадал ли мечтатель Онегин рус-

⁷³⁹ Успенский Г.И. (1843–1902) — известный писатель-народник и публицист; не принял христианских идей «Пушкинской речи» Ф.М. Достоевского в 1880 г.

⁷⁴⁰ ПСХП. Т. 12. С. 377 («Дневник писателя. 1880. Август. Глава вторая. Пушкин (Очерк). Произнесён 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности»).

скую душу? Разгадал ли он Татьяну? В ней «нечто незыблемое»... «Тут соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею. А у него что есть и кто он такой?»⁷⁴¹ Если бы Татьяна пошла за Онегиным, как требовал критик⁷⁴² Белинский <и^{рзб}.>, она изменила бы не мужу своему, не этому генералу, а самой себе, своей цельности, ибо что она могла получить от Онегина, кроме страстного его увлечения? Его сердечную пустоту и безверие?... Нет, Пушкин указал нам в образе Татьяны на верность нашей земле... Но если бы Пушкин ограничил своё дело этою любовью к исконным народным началам, он не был бы для нас учителем жизни и руководящим гением. Он гений и пророк потому, что в народе нашем увидел чудесную готовность жертвовать собою для целей всемирных. Он, Пушкин, сам поэзией своей доказал, что ему, как и нам, понятно всё великое многообразие мировой культуры. Разве в «Пире во время чумы» не слышен голос Англии, тоска британского гения, его плач о своей судьбе? Разве не слышен глухой голос северного протестантизма в грустной музыке стихов «Однажды странствуя среди долины дикой»? И разве нет простодушной величавости ислама в подражаниях Корану? Или в «Египетских ночах» ужели не звучит⁷⁴³ предсмертная песня падшего языческого мира? — «Да, назначение русского человека есть бесспорно всевропейское и всемирное»... «О, всё это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое»⁷⁴⁴. Для настоящего русского Европа так же дорога, как и сама Россия, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретённая, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей... «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унёс с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем»⁷⁴⁵...

Достоевский кончил. И все вдруг сразу поднялись со своих мест, крича и вопя как хмельные. Казалось, что бушует море. По-

⁷⁴¹ Там же. С. 384. («Дневник писателя. 1880. Август. Глава вторая. Пушкин (Очерк). Произнесён 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности»).

⁷⁴² *Вместо*: критик — в *Мп РГБ*: того

⁷⁴³ *Далее было*: сладострастная

⁷⁴⁴ **ПСХП**. Т. 12. С. 389 («Дневник писателя. 1880. Август. Глава вторая. Пушкин (Очерк). Произнесён 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности»).

⁷⁴⁵ Там же. С. 390 («Дневник писателя. 1880. Август. Глава вторая. Пушкин (Очерк). Произнесён 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности»).

чему вся эта многотысячная толпа охвачена была таким странным стихийным восторгом? Ведь эти мысли высказывал Достоевский и ранее. И пусть он прекрасно произнёс эту свою речь: но неужели только это заразило толпу небывалым энтузиазмом? Нет, тут было другое. Не мысли Достоевского, не его мастерство чтеца опьянили толпу, а сама его личность. Все вдруг поняли, что этот невзрачный, слабый, измученный человек давно уж взошёл на костёр, что «тайна» им разгадана. Может быть, сотый в этой толпе догадывался об этой «тайне» Достоевского, но решительно все её почувствовали. Достоевский вдруг опрокинул все условные преграды между людьми. Пусть это было на одно мгновение, но это было. Прошло мгновение, и тотчас же столкнулись враждебные интересы, идеи и направления. Но чудесное мгновение осталось всё-таки за ним, за Достоевским.

В тот же день, в восемь часов пополудни, Фёдор Михайлович Достоевский заперся у себя в номере и, сняв скюртук, стал писать к жене. Это был уже не тот вдохновенный человек, который, как «власть имущий», учил толпу делу любви всемирной. Это был безмерно уставший и самолюбивый человек⁷⁴⁶, только теперь, под старость, изведавший славу и⁷⁴⁷ упоённый ею: «Всё что я написал о Татьяне было принято с энтузиазмом, — писал он. — (Это великая победа н а ш е й идеи над двадцатипятилетием заблуждений!). Когда же я провозгласил в конце о всемирном единении людей, то зала была как в истерике; когда я закончил — я не скажу тебе про рёв, про вопли восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть впредь друг друга, а любить. Порядок заседания нарушился: все ринулись ко мне на эстраду»... «Все члены нашего общества, бывшие на эстраде обнимали меня и целовали, все, буквально все, плакали от восторга»... «“Пророк! Пророк!”», кричали в толпе. Тургенев, про которого я ввернул доброе слово в моей речи, бросился меня обнимать со слезами, Анненков подбежал жать мою руку и целовать меня в плечо. “Вы гений, вы более, чем гений!” — говорили они мне оба. Аксаков (Иван) вбежал на эстраду и объявил публике, что речь моя — есть не просто речь, а историческое событие!»... «Женщины целовали мне руки, мучили меня. Прибежали студенты. Один из

⁷⁴⁶ *Вместо:* безмерно уставший и самолюбивый человек — в *Мп РГБ:* безмерно уставший, самолюбивый и суетный человек

⁷⁴⁷ *Далее было:* малодушно

них, в слезах, упал передо мной в истерике на пол и лишился чувств. Полная, полнейшая победа!»⁷⁴⁸

LX.

В «объяснительном слове» по поводу речи о Пушкине, напечатанном в «Дневнике писателя», Достоевский писал: «Рядом с славянофилами, обнимавшими меня и жавшими мне руку, тут же на эстраде, едва лишь я сошёл с кафедры, подошли ко мне пожать мою руку и западничи, и не какие-нибудь из них, а передовые представители западничества, занимающие в нём первую роль, особенно теперь. Они жали мне руку с таким же горячим и искренним увлечением, как славянофилы, и называли мою речь гениальной»... «Но боюсь, боюсь искренно: не в первых ли “попыхах” увлечения произнесено было это! О, не того боюсь я, что они откажутся от мнения своего, что моя речь гениальна, я ведь и сам знаю, что она не гениальна»... Нет, Достоевский боится иного: он боится, что «западники» истолкуют его речь как признание их правоты со стороны⁷⁴⁹ Достоевского...

Опасения Достоевского отчасти оправдались. Но были выступления против него и совсем в ином духе. Он выбрал одного из своих оппонентов — А. Градовского⁷⁵⁰ — и по поводу его статьи ответил всем своим критикам, не называя их поимённо. А критиков было немало! И от восторгов московских не осталось и следа. «О, предчувствия мои оправдались, гам поднялся страшный, — писал Достоевский. — И гордец-то я, и трус-то я, и Манилов, и поэт, и полицию надо бы привести, чтоб сдерживать порывы публики, — полицию моральную, полицию либеральную, конечно. Но почему бы и не настоящую?»⁷⁵¹...

В ответе Градовскому Достоевский даёт ключ к пониманию своей речи. Почему ему дорога Татьяна? Почему он склоняется перед на-

⁷⁴⁸ Письма к жене. С. 304 (Письмо от 8 июня 1880 г.).

⁷⁴⁹ *Вместо:* стороны — в *Мн РГБ:* смерти

⁷⁵⁰ Градовский А.Д. (1841–1889) — историк государственного права, публицист, профессор Петербургского университета, сотрудник г. «Голос»; критиковал «Пушкинскую речь» Ф.М. Достоевского с либерально-западнических позиций; в ответе Градовскому в единственном августовском выпуске «Дневника писателя» за 1880 г. Достоевский резко отверг его либеральную программу, высмеяв «западнические представления» о русском народе как не соответствующие действительности.

⁷⁵¹ ПСХП. Т. 12. С. 391 («Дневник писателя. 1880. Август. Глава третья. Придирка к случаю. Четыре лекции на разные темы по поводу одной лекции, прочитанной мне г. А. Градовским. С обращением к г. Градовскому. I. Об одном самом основном деле»).

родною правдою? Да потому, что в народе он, Достоевский, находит живое воплощение своей излюбленной идеи об оправдании человека. Надо найти живой образ этой воплощённой правды. У народа он есть. Достоевский не смущается тем, что «народники» иного типа, как Н.К. Михайловский⁷⁵² или Глеб Успенский (сначала увлечённый речью Достоевского, а потом её испугавшийся), выступили против него как враги. Достоевский о них даже не упоминает. Говорить с ними — это значит говорить с их подпольем, с партией «Народной воли». Достоевский понимал, что говорить с ними нельзя «по цензурным условиям». И у него и у них «платок во рту». И он предпочёл ответить им косвенно, сражаясь с либералом Градовским.

Этот либерал-западник усматривает в России один лишь мрак и безобразия. Но так ли это? Возможно ли отождествлять народ с чуждой ему властью? «В детстве моём, — пишет Достоевский, — я видел раз на большой дороге фельдъегеря, в мундире с фалдочками, в трёхуголке с пером, страшно тузившего в загорбок ямщика кулаком на всём лету, а тот иступлённо стегал свою запаренную, скачущую во весь опор тройку. Этот фельдъегерь был, разумеется, по рождению русский, но до того ослепший и оторвавшийся от народа, что не мог иначе и объясняться с русским человеком как своим огромным кулачищем вместо всякого разговора. А, между тем, ведь он всю жизнь свою провёл с ямщиками и с разным русским народом. Но фалдочки его мундира, шляпа с пером, его офицерский чин, его вычищенные петербургские сапоги ему были дороже, душевно и духовно, не только русского мужика, но, может быть, и всей России, которую он искрестил всю взад и вперёд и в которой он, по всей вероятности, ровно ничего не нашёл примечательного и достойного чего-нибудь иного, кроме как его кулака или пинка вычищенным его сапогом. Ему вся Россия представлялась лишь в его начальстве, а всё, что кроме начальства, почти недостойно было существовать. Как такой может понимать суть народа и душу его!»⁷⁵³...

Далеко ли ушли западники от этого фельдъегеря в понимании

⁷⁵² Михайловский Н.К. (1842–1904) — литературный критик, публицист, социолог, один из главных идеологов русского народничества; с 1868 г. автор и затем один из редакторов ж. «Отечественные записки», с 1892 г. совместно с В.Г. Короленко редактор ж. «Русское богатство»; автор известной статьи о творчестве Ф.М. Достоевского «Жестокый талант» (1882).

⁷⁵³ ПСХП. Т. 12. С. 398 («Дневник писателя. 1880. Август. Глава третья. Придирка к случаю. Четыре лекции на разные темы по поводу одной лекции, прочитанной мне г. А. Градовским. С обращением к г. Градовскому. П. Алеко и держиморда. Страдания Алеко по крепостному мужику. Анекдоты»).

России? Он, Достоевский, утверждает, что суть была не в начальстве (оно не вечно!), а в том, что народ верит в Христа. Иные западники скажут: какой толк от этой веры, ежели она мирится с рабством? «Это значит не понимать сути дела. Предположить только, что у Марии Египетской⁷⁵⁴ есть крепостные крестьяне и что она не хочет их отпустить на волю. Что за абсурд!»⁷⁵⁵...

Западники указывают на Европу, что она будто бы справилась с социальными противоречиями и оные разрешила. «Это Европа-то справилась? Да кто только мог вам это сказать? Да она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. Муравейник, давно уже созидавшийся в ней без Церкви и без Христа (ибо Церковь, замутив идеал свой, давно уже и повсеместно перевоплотилась там в государство), с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим всё, всё общее и всё абсолютное, — этот созидавшийся муравейник, говорю я, весь подкопан. Грядёт четвёртое сословие, стучится и ломится в дверь, и, если ему не отворят, сломает дверь. Не хочет оно прежних идеалов, отвергает всяк доселе бывший закон. На компромисс, на уступочки не пойдёт, подпорочками не спасёте здания. Уступочки только разжигают, а оно хочет всего. Наступит нечто такое, чего никто и не мыслит»⁷⁵⁶...

Вот что предсказывал Достоевский. Правда, тут же он уверял себя и своих противников, что этот «красный бунт» остановится у пределов России, что крестьянский христианский «царь» устроит социализм на неслыханных началах отеческой и братской любви, но эта ребяческая сказка никого не убеждала, да и сам он, кажется, уразумел, наконец, что в пределах истории не бывать вовсе этому фантастическому царству справедливости и любви. Зачитываясь Апокалипсисом, поражённый изумительной картиной падения всей безбожной цивилизации, Достоевский, подобно многим хилиастам и до него бывшим, спутал в своём гениальном бреде «тысячелетнее царство», приснившееся величайшему поэту Патмоса⁷⁵⁷, с нашей исторической

⁷⁵⁴ Мария Египетская, преп. (?–522) — христианская святая, покровительница кающихся женщин; её подвиг — в отказе от блудных страстей, отшельничестве, аскетизме, покаянии и постоянной молитве.

⁷⁵⁵ ПСХП. Т. 12. С. 406 («Дневник писателя. 1880. Август. Глава третья. Придирка к случаю. Четыре лекции на разные темы по поводу одной лекции, прочитанной мне г. А. Градовским. С обращением к г. Градовскому. III. Две половинки»).

⁷⁵⁶ Там же. С. 410–411 («Дневник писателя. 1880. Август. Глава третья. Придирка к случаю. Четыре лекции на разные темы по поводу одной лекции, прочитанной мне г. А. Градовским. С обращением к г. Градовскому. III. Две половинки»).

⁷⁵⁷ Имеется в виду автор Апокалипсиса св. Иоанн Богослов, имевший божествен-

действительностью. В своём сумасшествии падшую петербургскую монархию он мечтал преобразить в сказочное крестьянское царство. Он пророчески предвидел крушение всех устоев цивилизации, но он не хотел «верить своим глазам», когда перед ним развёртывалась картина потрясённого мира, не исключая и русской империи. В своей записной книжке он пишет: «Конец мира идёт. Конец столетия обнаружится таким потрясением, какого ещё никогда не бывало. России надо быть готовой, не двигаться, взирать и ждать; только бы Россия не увлеклась в союз. О, ужас! Конец ей тогда, совсем конец»⁷⁵⁸...

«Я, как и Пушкин, слуга царю, потому что дети его, народ его не погнушаются слугою царём, — бредит Достоевский. — Ещё больше буду слуга ему, когда он действительно поверит, что народ ему дети. Что-то очень уж долго не верит»⁷⁵⁹...

Это уж не случайная запись. Это вопль отчаяния:

— Что-то очень уж долго не верит! ...

Нет, надо опять вернуться к прямой проповеди. Он опять будет издавать «Дневник писателя». Царь будет читать то, что напишет Достоевский. И он убедит царя отвернуться от привилегированных и призвать народ. В первой же книжке «Дневника» он напишет об этом: «Да, нашему народу можно оказать доверие, ибо он достоин его. Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду, и мы все, в первый раз, может быть, услышим настоящую правду»⁷⁶⁰...

LXI.

13 июня 1880 года Достоевский вернулся из Москвы к себе в Старую Руссу. Он всё ещё во хмелю своей московской победы. Он рассказывает жене с ребяческим тщеславием, как женщины в восторге целовали ему руки; он рассказывает, как ему поднесли огромный лавровый венок и как он, Достоевский, устал безмерно от всех этих оваций... Он приехал к себе в Лоскутную едва живой (дышать было трудно), но,

ное откровение на о. Патмосе в Эгейском море.

⁷⁵⁸ **Материалы 1883.** С. 357.

⁷⁵⁹ Там же. С. 366. То же см.: **ПСС 30.** Т. 27. С. 86 («Записи литературно-критического и публицистического характера из Записной тетради 1880–1881 гг. КРИТИКАМ»).

⁷⁶⁰ **ПСХП.** Т. 12. С. 438 («Дневник писателя. 1881. Январь. Глава первая. V. Пусть первые скажут, а мы пока постоим в сторонке, единственно чтоб уму-разуму поучиться»).

проспав два часа, поехал с поднесённым ему венком к памятнику Пушкина. Ночь была тёплая. На Страстной площади никого не было. Достоевский с трудом дотащил до памятника свой венок и положил его к ногам поэта. Потом он земно поклонился своему учителю.

Теперь, приехав в Старую Руссу, он намеревался писать последнюю часть «Братьев Карамазовых», но почта приносила чуть не ежедневно разнообразные отклики на Пушкинскую речь. Ему не могли простить его московской победы. Пришлось писать ответ Градовскому. Этот противник был, по крайней мере, грамотный. Отправив рукопись в типографию, Достоевский вернулся к роману. Осенью он писал И.С. Аксакову: «Вы не поверите, до какой степени я занят, день и ночь, как в каторжной работе. Именно — кончаю “Карамазовых”, следственно подвожу итог произведению, которым я, по крайней мере, дорожу, ибо много в нём легло меня и моего. Я же и вообще то работаю нервно, с мукой и заботой. Когда я усиленно работаю, то болен даже физически. Теперь же подводится итог тому, что три года обдумывалось, составлялось, записывалось. Надо сделать хорошо, т.е. по крайней мере сколько я в состоянии»...

Осенью Достоевский переехал на петербургскую квартиру. И опять началась суетная жизнь. То и дело звали <нрзб.>⁷⁶¹ на литературные вечера; то и дело приходилось выезжать из дома <нрзб.>⁷⁶², разговаривать с молодёжью. Свист <нрзб.>⁷⁶³ газетных критиков не прекращался <нрзб.>⁷⁶⁴. И кажется, его неожиданная популярность в самом деле раздражала многих. И слава, и хула утомляли Достоевского.

В ноябре, послав в журнал э п и л о г романа, Достоевский писал Н.А. Любимову⁷⁶⁵: «Ну, вот и кончен роман! Работал его три года, печатал два — знаменательная для меня минута. К Рождеству хочу выпустить отдельное издание. Ужасно спрашивают и здесь, и книгопродавцы по России; присылают уже деньги. Мне же с вами позвольте не прощаться. Ведь я намерен ещё двадцать лет жить и писать. Не поминайте же лихом»...

⁷⁶¹ В Мп РГБ: Достоевского

⁷⁶² В Мп РГБ: , читать пушкинского «Пророка»

⁷⁶³ В Мп РГБ: и визг

⁷⁶⁴ В Мп РГБ: , однако

⁷⁶⁵ Любимов Н.А. (1830–1897) — публицист, учёный-физик, соредактор М.Н. Каткова по ж. «Русский вестник», где Ф.М. Достоевский в 1860–1870-е гг. напечатал романы «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы»; интенсивная переписка с писателем свидетельствует не только о деловых, но и о дружеских отношениях между ними.

В начале декабря роман вышел отдельным изданием.

Однажды на вечеру у гр<афини> Комаровской Достоевский встретил гр<афиню> Александру Андреевну Толстую⁷⁶⁶ и, конечно, прежде всего спросил у неё:

— Что такое это новое учение Льва Николаевича Толстого? Я что-то его не понимаю...

А.А. Толстая сказала, что это «учение» и для неё совершенно непонятно. Она предложила Достоевскому навестить её и обещала показать ему последние письма Толстого.

Свидание состоялось. А.А. Толстая была поражена тем, что говорил Достоевский о судьбах России и мира. ...«Глаза его горели, — рассказывает она, — и я чувствовала в нём пророка... Когда вопрос коснулся Льва Николаевича, он просил меня прочитывать обещанные письма громко. Странно сказать, но мне было почти обидно передавать ему, великому мыслителю, такую путаницу и разбросанность в мыслях. Вижу ещё и теперь перед собою Достоевского, как он хватался за голову и отчаянным голосом повторял: “Не то, не то!”»...

В начале января Достоевский принялся за «Дневник». В России тогда было невыносимо душно. Бюрократы и царедворцы по-прежнему старались во что бы то ни стало сохранить ту всероссийскую канцелярию, которая как паутина обволакивала весь быт. Вольнодумцы хотели «увенчать здание». А крот рыл землю в подполье. Здание шаталось. Лорис-Меликов подsunул царю что-то вроде «конституции», и царь подписал неохотно, только потому, что ему объяснили, что «иначе будет худо».

— Но это — не то, не то! Всё это пародия на Европу. Нам нужно как-то иначе. По-своему. Нужен Земский собор. В парламентской говорильне будут болтать безбожники-интеллигенты. А собор должен быть мужицкий. Исконные бородачи придут и скажут своё решающее слово. Но пропустит ли цензура статью о Земском соборе, о «серых зипунах»? Бюрократам везде мерещится крамола.

⁷⁶⁶ Толстая А.А., гр. (1816–1904) — с 1848 г. фрейлина и камер-фрейлина императорского дома; двоюродная тётка Л.Н. Толстого, с 1857 г. его близкий друг и доверенный корреспондент; в январе 1880 г., в связи с углублением антицерковных взглядов Толстого и развитием его религиозно-философского учения, отрицающего божественность Христа, между тёткой и племянником выявились непримиримые разногласия, отразившиеся в его письмах к ней этого времени; свидание между Толстой и Ф.М. Достоевским, в котором она видела религиозного оппонента своего великого племянника, состоялось в январе 1881 г., за пять дней до смерти автора «Братьев Карамазовых»; по-видимому, Достоевский читал письмо Толстого тётке от 2–3 февраля 1880 г.

Статья, однако, написана и отправлена в типографию. Только что назначенный председателем цензурного комитета Н.С. Абаза⁷⁶⁷ передал Достоевскому через С.А. Толстую, что он сам будет читать «Дневник», — и «пусть Фёдор Михайлович не тревожится — всё будет пропущено»... Но Достоевский всё-таки волновался. Ещё бы! Ведь это требование призвать на совет «серые зипуны», по замыслу Достоевского, должно было красной нитью пройти через все книжки «Дневника» на 1881 год. Если цензор вычеркнет эти пять-семь строк, погибнет вся годовая программа. А главное — о чём же тогда писать?

25 января в воскресенье, по обыкновению, были гости. Пришёл, между прочим, О.Ф. Миллер просить Достоевского читать двадцать девятого на Пушкинском вечере. Но Достоевский был озабочен судьбой «Дневника» — и всё сводил речь на ненавистную цензуру.

Ночью, когда гости разошлись, Достоевский работал, по обыкновению, у себя в кабинете. Ручка с пером упала со стола и закатилась под этажерку. Достоевский нагнулся, чтобы достать, но это не удалось. Надо было отодвинуть этажерку с книгами. Она оказалась тяжёлой. У Достоевского помутилось в глазах, во рту он почувствовал что-то липкое и солёное. Пошла горлом кровь. Он хотел разбудить жену, но кровь перестала идти, и он лёг спать, никого не потревожив.

На другой день 26-го в три часа пришёл какой-то гость, и Достоевский заговорил с ним о новой своей статье в «Дневнике». Гость был спорщик, и Достоевский много и горячо говорил — всё опять о том же, о мужицкой правде.

В пять часов гость ушёл. Собирались обедать. Анна Григорьевна зашла к мужу в кабинет. Вдруг Фёдор Михайлович побледнел и сел на диван с каким-то странным выражением лица. Анна Григорьевна со страхом смотрела на него. Он долго молчал. Потом Анна Григорьевна увидела, что у мужа на нижней губе кровь и по бороде течёт красное.

— Ничего, ничего! — сказал Достоевский, вытер платком кровь и стал показывать детям, прибежавшим в кабинет, какие-то картинки.

Через час приехал доктор. Он раздел Достоевского и стал его осматривать и выслушивать. Вдруг у больного опять изо рта хлынула кровь, и он потерял сознание.

⁷⁶⁷ Абаза Н.С. (1837–1901) — сенатор и член Государственного совета в 1880–1881 гг., начальник Главного управления по делам печати, цензор последнего выпуска «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского.

Когда его привели в себя, он сказал жене, что надо позвать священника — и поскорее. Доктор уверял, что опасности для жизни нет, что всё обойдётся.

Пришёл священник из соседней Владимирской церкви, и Достоевский долго <нрзб.> исповедывался <нрзб.>⁷⁶⁸ и причастился. Больной позвал детей и благословил их. Потом он просил жену простить его за всё дурное и благодарил её за счастье, которое она ему дала.

Потом приехал ещё один доктор. Потом известный профессор. И все говорили, что опасности для жизни нет. Достоевский уснул.

Весь день 27-го января прошёл спокойно. Среди дня пришёл метранпаж из типографии: надо было как-то переверстать номер «Дневника». Тогда же Достоевский узнал, что цензура пропустила его «серые зипуны», за судьбу коих он так тревожился.

Приезжал профессор и опять сказал, что опасности нет. На ночь Анна Григорьевна постлала постель в комнате, где спал на диване Фёдор Михайлович. При свете ночника Анна Григорьевна, просыпаясь, видела лицо спящего мужа. Он ровно дышал.

В семь часов утра Анна Григорьевна убедилась, что муж не спит. Он пристально смотрел на неё.

— Как ты себя чувствуешь, дорогой? — спросила она.

— Я сегодня умру, — сказал Достоевский.

— Зачем ты так говоришь! Профессор Кошлаков⁷⁶⁹ сказал, что всё обойдётся... Ты ещё будешь жить, ты ещё будешь жить...

Достоевский попросил жену, чтобы она дала ему Евангелие. Она подала ему то самое Евангелие, которое ему подарили в Сибири жёны декабристов. Он раскрыл его и прочёл: «Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал Ему в ответ: не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду»⁷⁷⁰...

— Не удерживай! — повторил Достоевский.

Анна Григорьевна заплакала.

— Люби детей, — сказал он, помолчав. — Я тебя всегда любил верно...

В одиннадцать часов опять горлом пошла кровь. Целый день приходили знакомые и незнакомые справляться о здоровье Достоевско-

⁷⁶⁸ В Мп РГБ: Священник причастил его.

⁷⁶⁹ Кошлаков Д.И. (1834–1891) — врач-терапевт, профессор Медико-хирургической академии в Петербурге; с 1874 г. консультировал Ф.М. Достоевского; именно по его совету писатель в 1870-е гг. несколько раз ездил на лечение в Эмс (Германия).

⁷⁷⁰ Евангелие от Матфея 3: 13–15.

го, потому что распространились слухи об его болезни. Около семи часов Достоевский вздрогнул, слегка поднялся на диване, и опять показалась кровь. Врачи теперь не думали уже, что всё обойдётся благополучно. Позвали детей. Анна Григорьевна, стоя на коленях около мужа, не выпускала его руки. Достоевский потерял сознание. В восемь часов 38 минут вечера он перестал дышать.

Это была последняя ночь, когда тело усопшего Достоевского принадлежало семье. На другой день с утра со всех концов Петербурга шли ко гробу Достоевского паломники. Скромная квартира в Кузнечном переулке наполнилась потоком людей, которые всё шли и шли, чтобы увидеть ещё раз немые теперь губы того, кто им читал так часто пушкинского «Пророка». У многих ещё звучало в ушах:

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал...⁷⁷¹

В субботу 31 января 1881 г. состоялся вынос тела Достоевского в Александро-Невскую лавру. Никакого комитета по организации похорон не было, а между тем несметные толпы народа провожали гроб этого необыкновенного и до сих пор, может быть, неразгаданного человека.

1 февраля 1881 г. состоялось отпевание тела покойного в лаврской церкви Св<ятого> Духа.

Среди почитателей Достоевского, которые выносили из церкви гроб, выделялся один нескладный высокий молодой человек, необычайно бледный. Это был Владимир Соловьёв. У него были странные глаза. Казалось, что он видит то, чего другие не видят⁷⁷².

⁷⁷¹ Пушкин А.С. Т. 2. С. 304 (Из стихотворения «Пророк», 1826).

⁷⁷² Последняя фраза приведена по Мп РГБ. По-видимому, в целях «проходимости» текста в советскую печать, в Мп ИМЛИ она была исправлена автором следующим образом: Трезвым людям казалось, что это сумасшедший, который видит то, чего другие не видят.

ПРИМЕЧАНИЯ <Г.И. ЧУЛКОВА>

СОКРАЩЁННОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ ГЛАВНЫХ ИСТОЧНИКОВ¹:

Мат. 1883 г. — Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. <В 14 т.> Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883. (Материалы для жизнеописания Ор<еста> Миллера и <Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском> Н.Н. Стрехова).

Пис. I — Ф.М. Достоевский. Письма. I. 1832–1867. <Под> ред. <и с примеч.> А.С. Долинина. <М.; Л.:> Госизд<ат>, 1928.

Пис. II — Ф.М. Достоевский. Письма. II. 1867–1871. <Под> ред. <и с примеч.> А.С. Долинина. <М.; Л.:> Госизд<ат>, 1930.

Соч. I–XIII — Ф.М. Достоевский. Полное собрание <художественных> произведений<: В 13 т.> Ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. <М.; Л.:> Госизд<ат>, 1926–1930.

Долин. I — Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборн<ик> под редакц<ией> А.С. Долинина. Петерб<ург>: Мысль, 1922.

Долин. II — Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборн<ик> второй под редакцией А.С. Долинина. Ленингр<ад>; М.: Мысль, 1924.

Восп. А.Г. Д-ой — Воспоминания А.Г. Достоевской. <Под> ред. Л.П. Гроссмана. <М.; Л.:> Госизд<ат>, 1925.

Дн. А.Г. Д-ой — Дневник А.Г. Достоевской 1867 <года>. <М.: Новая Москва>, 1923. <Примечания Н.Ф. Бельчикова.>

¹ В списке сокращений Г.И. Чулкова в Мп РГБ отсутствуют две последние библиографические записи.

Пис. к жене — Письма Ф.М. Достоевского к жене. Центрарх<ив>. Ред. В.Ф. Переверзева. Пред<исловие> и прим<ечания> Н.Ф. Бельчикова. <М.; Л.:> Госизд<ат>, 1926.

Восп. Андр. Мих. Д-го — Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. Ред. <и вступит. статья> А.А. Достоевского. Изд<ательство> пис<ателей> в Ленингр<аде> (1930).

Чеших. I и II — В.Е. Чешихин-Ветринский. Ф<ёдор> М<ихайлович> Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах. I и II части. М.<.:> Изд-во т-ва «В.В. Думнов, насл<едник>. бр. Салаевых», 1923. <Второе испр. и доп. изд-е.>

Волоцкой — М.В. Волоцкой. Хроника рода Достоевского (1506–1933 г.). Предисловие В.М. Зиновьева. <Записи прошлого, воспоминания и письма под ред. М. Цявловского> М.<.:> Север>, 1933.

Гроссман — Л.П. Гроссман. Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. Биография в датах и документах. <М.; Л.:> Academia, 1935.

ПРИМЕЧАНИЯ

I.

О Москве в начале 20-х годов XIX в. — см. «Москва и москвичи», *Записки Б.И. Бельского*, изд. М.И. Загоскиным, М., 1851²; кн. П.А. Вяземский, *Соч.*, т. VIII³, стр. 471–473; «Литературные салоны», ред. Н.Л. Бродского, «Academia», М. МСМXXX, стр. 109–172⁴. О М.А. Достоевском, отце писателя, — <см.> «Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского», *Ленинград*, 1930⁵; см. также *Мат. 1883*, стр. 6–30; переписка родителей писателя в приложении к воспоминаниям А.М. Достоевского⁶. Совершенно иное освещение личности Мих<аила> Андр<еевича> мы находим в книге его внучки, дочери писателя, «*Dostojewski geschildert von seiner Tochter Aimee Dostojewski*», *München*, 1923⁷ (русский сокращенный перевод Л.Я. Круковского под

² Москва и москвичи: Записки Богдана Ильича Бельского. Издание М.И. Загоскина. Выход первый, второй. М., 1851. Выход первый. С. 245–248.

³ Вяземский П.А., кн. Старая записная книжка // Вяземский П.А., кн. Полн. собр. соч.: В 12. СПб.: Изд. гр. С.Д. Шереметева, 1883. Т. 8. С. 471–473 (О пирах и спектаклях в барских домах Москвы).

⁴ В Москве с начала XIX в. по 20-е годы (Мерзляков А., Тургенев А. Дружеское литературное общество; Дмитриев М. Литературные вечера Ф.Ф. Иванова; Дмитриев М. Литературное общество И.М. Долгорукого; Аксаков С.Т. Литературные собрания у Ф.Ф. Кожошкина; Пирогов Н.И. Десятый номер; Кошелев А.И. Кружок архивных юношей; Кошелев А.И. Кружок С. Раича; Кошелев А.И. Кружок любомудров; Полевой К.А. Кружок Н.А. Полевого; Погодин М.П. Кружок Д. Веневитинова; Шевырев С. Салон Зинаиды Волконской) // Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века / Ред., вступит. статья и примеч. Н.Л. Бродского. М.; Л.: Academia, МСМXXX <1930>. С. 109–175.

⁵ Достоевский А.М. С. 16–18.

⁶ См.: Указ. соч. С. 355–364.

⁷ «В Мюнхене в издательстве Reinhardt вышла книга дочери писателя, Любови Фёдоровны Достоевской, об её отце: “Dostojewsky, geschildert von seiner Tochter” (308 стр.). Книга оставляет весьма тяжёлое впечатление как доходящей до бесстыдства откровенностью при затрагивании интимнейших сторон жизни великого писателя, так и каким-то вымученным желанием во что бы то ни стало доказать, что Достоевский не является русским писателем, а литовец по происхождению и потому чужд всему русскому” (Русск<ая> книга, Берлин, 1921, № 2; Вестник литературы, 1921, № 3) <...> В одном из последних выпусков “Вестника литературы”, 1921, № 6–7 (30–31) даются дополнительные сведения о книге Л.Ф. Достоевской. Журнал признает, что в воспоминаниях дочери Достоевского “содержится много чрезвычайно интересного материала, освещающего один из наименее исследованных биографами вопросов — о романах автора “Игрока”. Тем не менее приводимые в журнале по отзывам иностранных газет новые сведения о Достоевском изобилуют анекдотическими и легендарными эпизодами, а зачастую и со-

ред. и с предисл<овием> А.Г. Горнфельда — «Достоевский в изображении его дочери», 1922⁸).

Квартира Достоевских, где прошло всё детство и отрочество писателя, подробно описана А.М. Достоевским в его воспомин<аниях> — стр. 22–23. Убедиться в точности этого описания легко, посетив «Музей Достоевского», занимающий ныне квартиру штаб-лекаря Достоевского, сохранившуюся в здании бывш<ей> Мариинской больницы на Новой Божедомке, д<ом> № 2 (ныне Московский областной туберкулезный институт).

Изыскания о роде Достоевских⁹ были сделаны Н.П. Чулковым с тщательностью, ему свойственной. Они не опубликованы. В печати имеются небольшие цитаты из них в *примечаниях А.А. Достоевского к воспоминаниям его отца*¹⁰ (стр. 409–410). Изысканиями Н.П. Чулкова пользовался М.В. Волоцкой для своей работы «Хроника рода Достоевского» (1933)¹¹. См. также: Л.П. Гроссман, «Жизнь и труды Достоевского. Биография в датах и документах», 1935¹². Имеется также статья С. Любимова «К вопросу о генеалогии Достоевского», сборн<ик> «<Ф.М.> Достоевский<. Статьи и материалы>» (ред. А.С. Долинина), т. II, <Л.; М.: Мысль, 1924,> стр. 303–306¹³. По мне-

вершено неверными сообщениями. Простое сличение этих “воспоминаний” с письмами Достоевского и фактическими данными его биографии обнаруживают чрезмерную приверженность дочери писателя сомнительным “семейным преданиям” (Хроника // Творчество Достоевского. С. 123, 128). Немецкое издание воспоминаний Л.Ф. Достоевской вышло в свет в 1920 г.

⁸ Достоевская Л.Ф. С. 10–19.

⁹ Современное состояние изучения этой темы наиболее полно отражено в кн.: Хроника рода Достоевских; Волгин И.Л. Родные и близкие: историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2012.

¹⁰ См.: Достоевский А.М.

¹¹ Главы о Достоевских в XVI и XVII вв. разработаны М.В. Волоцким по материалам Н.П. Чулкова (См.: Гроссман Л.П. Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. Биография в датах и документах. М.; Л.: Academia, 1935. С. 9).

¹² Ссылки на материалы Н.П. Чулкова см. на с. 15, 20 указ. соч.

¹³ Вместо: Изысканиями Н.П. Чулкова пользовался М.В. Волоцкой для своей работы «Хроника рода Достоевского» (1933). См. также: Л.П. Гроссман, «Жизнь и труды Достоевского. Биография в датах и документах», 1935. Имеется также статья С. Любимова «К вопросу о генеалогии Достоевского», сборн<ик> «<Ф.М.> Достоевский<. Статьи и материалы>» (ред. А.С. Долинина), т. II, <Л.; М.: Мысль, 1924,> стр. 303–306 — в Мп РГБ; Изысканиями Н.П. Чулкова пользовался М.В. Волоцкой для своей работы «Род Достоевских». Однако и эта работа до сих пор не опубликована. Зато её данными успел воспользоваться Л.П. Гроссман в «Хронологической канве» жизни Достоевского — см. <Гроссман Л.П. > «Достоевский на жизненном пути». <Вып. 1.> М.<.: Никитинские субботники>, 1928. Стр. 201 и далее.

нию Н.П. Чулкова, существует непосредственная связь родоначальника Достоевских, Данилы Иртища, с родом Ртищевых; напротив, дочь писателя, Л.Ф. Достоевская, настойчиво приписывает своему роду литовское происхождение¹⁴.

Список братьев и сестёр Достоевского таков: 1. Михаил (1820–1864). 2. Андрей (1825–1897); 3. Николай (1831–1883); 4. Варвара, в замужестве Карепина (1822–1893); 5. Вера, в замужестве Иванова (1829–1896); 6. Александра, по первому мужу Голеновская, а по второму Шевякова (1835–1889). — День рождения Ф.М. Достоевского, согласно книгам Московской духовной консистории, считался 30 октября 1821 года. Однако в приходской метрической книге церкви Петра и Павла день рождения Достоевского помечен 3 октября. Последнее сообщение любезно сделано нам Ф.Ф. Бережковым.

II.

В конце семидесятых годов Фёдор Михайлович Достоевский, по сообщению его брата Андрея, будто бы с немалым воодушевлением воскликнул однажды при воспоминании о родителях: «Да, знаешь ли, брат, ведь это были люди передовые... И в настоящую минуту они были бы передовыми!... А уж такими семьянинами, такими отцами... нам с тобой не быть, брат!»¹⁵... — По-видимому, Достоевский действительно говорил брату что-то в этом роде. По крайней мере, весной 1876 года он писал ему нечто подобное: «Заметь себе и проникнись тем, брат Андрей Михайлович, что идея непременного и высшего стремления в лучшие люди (в буквальном, самом высшем смысле слова) была основою идеей и отца и матери наших, несмотря на все уклонения»...¹⁶ Письмо Достоевского с отзывом о родителях от 10 марта 1876 г. из Петербурга опубликовано А.А. Достоевским в приложении к *книге воспоминаний его отца А.М. Достоевского (Ленинград, 1930, стр. 403–404)*. О В.И. Котельницком см. у *Волоцкого, стр. 84–87*. Главным и почти единственным источником для описания детства писателя и окружавших его родственников

¹⁴ См.: *Достоевская Л.Ф.* С. 9–12.

¹⁵ *Достоевский А.М.* С. 94.

¹⁶ *В Мп РГБ далее:* — «Несмотря на все уклонения!» — значит, были они, эти уклонения, и где-то за внешним благообразием семьи таилось какое-то неблагополучие. —

и бытовых условий являются «Воспоминания» Андр. Мих. Д-го, использованные, впрочем, в значительной своей части О.Ф. Миллером в 1883 году (См. «Мат. для биогр.»).

III.

О Даровом в дополнение к воспоминаниям А.М. Достоевского см. <у> В.С. Нечаевой «В семье и усадьбе Достоевских <(Письма М.А. и М.Ф. Достоевских)>» М.: Гос. соц.-экономич. изд-во, 1939 г. Там же переписка родителей Достоевского¹⁷. Неточные сведения о Даровом — в заметке А. Дроздова «Усадьба Достоевского». Изв<естия> ЦИК'а от 4 ноября 1924 г. Об этом — «Красн<ая> нива», 1925, № 9¹⁸. Относительно Дарового у Достоевского в «Дневн<ике> пис<ателя>» за 1877 <год> (июль-август, гл<авы> I—II) есть несколько слов: «Сорок лет я там не был и столько раз хотел туда съездить, но всё никак не мог, несмотря на то, что это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь и где всё полно для меня самыми дорогими воспоминаниями»... Соч. XII, стр. 179. — О встрече Достоевского с мужиком Мареем см. «Дневн<ик> пис<ателя>» за 1876 <год>, февраль, гл<ава> III. Соч. XI, стр. 187–191. Об этом же мужике в воспоминаниях А.М. Достоевского — стр. 58–59. Об отношениях с крестьянами Андр<ей> Мих<айлович> сообщает следующее: «Все крестьяне, в особенности женщины, нас очень любили и, не стесняясь нисколько, вступали с нами в разговоры. Мы с своей стороны старались тоже угодить им всевозможными средствами. Так, однажды брат Федя, увидев, что

¹⁷ Вместо: О Даровом в дополнение к воспоминаниям А.М. Достоевского см. <у> В.С. Нечаевой «В семье и усадьбе Достоевских <(Письма М.А. и М.Ф. Достоевских)>» М.: Гос. соц.-экономич. изд-во, 1939 г. Там же переписка родителей Достоевского. — в Мп РГБ: О Даровом в дополнение к воспоминаниям А.М. Достоевского см. очерк В.С. Нечаевой «Из литературы о Достоевском. Поездка в Даровое». «Новый мир», 1926, № 3, стр. 128–135.

¹⁸ «В «Известиях ЦИК'а» (от 4 ноября 1924 г.) была напечатана интересная заметка А. Дроздова «Усадьба Достоевского». В ней описаны по личным впечатлениям селцо Даровое и деревня Чермашня, принадлежавшие с 1831 г. родителям писателя <...> Нынешние обитатели Дарового, недостаточно осведомлённые в подробностях биографии Достоевского, доверяются всевозможным преданиям и затемняют легендарными слухами и ошибочными догадками точные данные жизненной летописи писателя. Сведения о том, что Фёдор Михайлович здесь посадил тополя и выстроил себе дом, не подтверждаются никакими биографическими документами. Ссылка на воспоминания А.Г. Достоевской подтверждает достоверность высказанного» (Гроссман Л.П. Новое о Достоевском // Красная нива. 1925. № 9. 1 марта. С. 209–210).

одна крестьянка пролила запасную воду, вследствие чего ей нечем было напоить ребенка, немедленно побежал версты за две домой и принес воды, чем заслужил большую благодарность бедной матери». *Восп.*, <стр.> 58.

IV.

Сведения о первых учителях Достоевского, равно как и о дальнейшем его учении, мы заимствуем из «Материалов» Ор<еста> Миллера¹⁹ и «Воспоминаний» А.М. Достоевского. По-видимому, скучный учебник «священной истории», который приходилось заучивать наизусть по требованию дьякона, не был тою книгою, которую впоследствии Ф.М. Достоевский хранил чрезвычайно бережно, как об этом свидетельствует Андр<ей> Мих<айлович> — см. *Восп.*, стр. 63²⁰.

Рассказ о фельдъегере имеется в январском выпуске «Дневн<ика> писат<еля>» за 1876 г<од> <Глава третья. I. Российское общество покровительства животным. Фельдъегерь. Зелено-вино. Зуд разврата и Воробьев. С конца или с начала?>...²¹ «Эта отвратительная картина осталась в воспоминаниях моих на всю жизнь. Я никогда не мог забыть фельдъегера и многое позорное и жестокое в русском народе как-то поневоле и долго потом склонён был объяснять уж, конечно, слишком односторонне. Вы поймёте, что дело идёт лишь о давно минувшем. Картинка эта являлась, так сказать, как эмблема, как нечто чрезвычайно наглядно выставлявшее связь причины с её последствием». *Соч. XI, стр. 169–170.*

¹⁹ *Материалы 1883.* С. 18–20.

²⁰ А.М. Достоевский писал: «Первою книгою для чтения была у всех нас одна... она называлась собственно: “Сто четьре священных истории Ветхого и Нового завета”... Помню, как в недавнее уже время, а именно в 70-х годах, я, разговаривая с братом Фёдором Михайловичем про наше детство, упомянул об этой книге; и с каким он восторгом объявил мне, что ему удалось разыскать этот же самый экземпляр книги (т.е. наш детский) и что он бережёт его как святыню».

²¹ *В Мн РГБ далее:* «Разумеется, — писал Достоевский, — ямщик, едва державшийся от ударов, непрерывно и каждую секунду хлестал лошадей, как бы выбитый из ума, и, наконец, нахлестал их до того, что они неслись как угорелые. Наш извозчик объяснил мне, что и все фельдъегера почти так же ездят, а что этот особенно, и его все уже знают, что он, выпив водки и вскочив в тележку, начинает всегда с битья и бьёт “всё на этот самый манер”, безо всякой вины, бьёт ровно, подымает и опускает и “продержит так ямщика с версту на кулаках...”» <ПСХП. Т. 11. С. 169–170>...

V.

М.А. Достоевский, привезя сыновей в Петербург, поместил их в пансион Коронада Филипповича Костомарова, который обязался их подготовить для поступления в Инженерное училище. *Мат. 1883, стр. 29.* Нам известны письма, подписанные братьями Достоевскими, относящиеся к этому времени, т.е. к июлю-декабрю 1837 года. В письмах сообщения о занятиях математикой, фортификацией и «фронтом», на который обращает особенное внимание «Его Высочество», т.е. брат царя, Михаил, состоявший с 1829 года генерал-инспектором по инженерной части. См. *Пис. I, стр. 41–45; Восп. Андр. Мих. Д-го, стр. 365–372.* В этих письмах неоднократно упоминается И.Н. Шидловский, с которым Достоевские случайно познакомились весной, в гостинице, где они остановились, приехав в Петербург из Москвы. И.Н. Шидловский произвёл на Достоевского сильное впечатление. Впоследствии сам Достоевский отмечал это в беседах с Влад<имиром> Соловьёвым, а также с его братом Всеволодом. Краткие биографические сведения об И.Н. Шидловском собраны *М.П. Алексеевым в брошюре «Ранний друг Ф.М. Достоевского», Одесса, 1921. <26 с.>* — Иван Николаевич Шидловский родился 27 ноября 1816 г., учился в Харькове, где окончил юридический факультет, потом переехал в Петербург, где служил в Министерстве финансов, но вскоре вышел в отставку²². Из писем Ф.М. Достоевского видно, что в январе 1840 года Шидловского «давно» уже нет в столице. Покинув Петербург, Шидловский поселился в деревне с матерью, где писал какую-то работу по истории русской церкви. В 50-х гг. он поселился в Валуевском монастыре, готовясь принять постриг. Оттуда он ездил в Киев к какому-то старцу, который посоветовал ему монашеского обета не давать и вернуться к себе в поместье. Здесь он продолжал свои литературные занятия. Поведение его казалось окружающим весьма странным: он то предавался аскетическим подвигам, то увлекался буйными кутежами. Умер он 14-го июня 1872 г. у себя в имении. Сведения о нём, а также шесть его стихотворений имеются в «*Русск<ом> арх<иве>*», 1886, кн. <3. Вып. 10>, стр. 226–232. (Н.<А.> Решетов, «Люди и дела <давно> минувших дней»); апокрифическое сообщение о Шидловском сделал Всев<олод> Соловьев. См. «*Истор<ический> вестн<ик>*»,

²² См.: Алексеев М.П. Ранний друг Ф.М. Достоевского. Одесса: Всеукраинское государственное издательство, МСМХХI [1921]. С. 5.

1881, кн. III, стр. 608²³. Стих<отворение> Шидловского «Небо» напечатано в «*Сыне Отечества*» за 1838 год, т. VI, <№ 11>, стр. 16.

Из мемуарной литературы, посвященной годам учения Достоевского, можно отметить следующее: Д.В. Григорович, «Литературные воспоминания», *Собр. соч.* 1896 г., <т.> XII²⁴ (Нов<ое> изд.: «Academia», 1928 г.)²⁵; К. Трутовский, «Воспоминания», *Щукинский сборник*, М., 1902, Вып. I²⁶; А.И. Савельев, «Воспоминания», «Нов<ое> время», 1896, № 7150²⁷. — За время пребывания Достоевского в Инженерном училище (1837–1843) до нас дошло всего лишь одиннадцать писем — почти все к брату Михаилу. См. *Пис. I*, стр. 45–65 и *Пис. II*, стр. 549–553.

Военно-инженерное училище помещалось в Михайловском замке. А.Г. Достоевская отметила в своей записной книжке²⁸, что замок нравился Достоевскому. Об этом примечательном здании см. В. Курбатов, «*Петербург*», 1913²⁹, стр. 147–157. — Ср. о петербургском пейзаже: см. Н.П. Анциферов, «*Петербург Достоевского*», *Петербург: Брокгауз-Ефрон*, 1923³⁰. — Ср. П.Н. Столянский, «*Революционный Петербург*», *Санкт-петер-бург*, 1922³¹. — Достоевский, разгадавший тайны пушкинского и гоголевского Петербурга, сам создал³² незабываемые пейзажи петербургских улиц, трущоб, рынков, и удивительные interieur'ы³³ трактиров, подвалов и мансард³⁴.

²³ Соловьев, Всеволод. Воспоминания о Ф.М. Достоевском // Исторический вестник. 1881. Март. С. 603–616.

²⁴ Григорович Д.В. Литературные воспоминания // Григорович Д.В. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1896. Т. 12. С. 209–341.

²⁵ Григорович Д.В.

²⁶ Воспоминания о Ф.М. Достоевском К. Трутовского, 1886 года // Щукинский сборник. Вып 1. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1902. С. 90–93.

²⁷ Савельев Ал. Воспоминание о Ф.М. Достоевском // Новое время. 1896. 24 янв. (5 февр.). С. 2. Статья написана и опубликована в честь 50-летия выхода в свет первого печатного произведения Достоевского — романа «Бедные люди».

²⁸ См.: *Материалы 1883*. С. 44. (Сноска: Занесено в записную книжку А.Г. Достоевской).

²⁹ Курбатов В., сост. Петербург: Художественно-исторический очерк и обзор художественного богатства столицы. СПб.: Изд. общины св. Евгения, 1913.

³⁰ См.: Указ. соч. С. 18.

³¹ Столянский П.Н. Революционный Петербург. У колыбели русской свободы. СПб.: Колос, 1922. С. 49–50, 81 и др.

³² *Вместо*: сам создал — в *Мп РГБ*; и сам создавший.

³³ Интерьеры, внутреннее пространство помещений (*фр.*).

³⁴ В *Мп РГБ* далее: , не любил и не ценил монументального императорского Пе-

О наружности юного Достоевского нам рассказывают мемуаристы Савельев, Трутовский, Григорович. См. *Чеших I, стр. 28–36*. Достоевский, по свидетельству многих современников, прекрасно читал стихи, однако у А.Е. Ризенкампфа есть непонятная фраза: «Природная прекрасная его декламация выходила из границ артистического самообладания». *Мат. 1883, стр. 34–35 (1 часть)*.

Цитаты — из писем Достоевского к брату Михаилу. М.М. Достоевскому не удалось поступить в петербургское Инженерное училище, и он поселился в Ревеле³⁵, где был зачислен «кондуктором» в местную инженерную команду. См. *Мат. 1883, стр. 30 (1 часть)*; см. письмо от 9 августа 1838 года. *Пис. I, стр. 46*. — Характеристика И.Н. Шидловского в письме от 1 января 1840 <года>. См. *Пис. I, стр. 56–57*. В том же письме имеется следующее рассуждение о Гомере: «Ведь в “Илиаде” Гомер дал всему древнему миру организацию и духовной, и земной жизни, совершенно в такой же силе, как Христос новому»^{36...37}

Начитанность Достоевского удивляла товарищей. Уже в письме от 9 августа 1838 года Достоевский сообщает брату о круге своего чтения: «Ну ты хвалишься, что перечитал много... Но прошу не воображать, что я тебе завидую. — Я сам читал в Петергофе по крайней мене не меньше твоего. Весь Гофман русский и немецкий (т.е. непереверждённый “Кот Мурр”), почти весь Бальзак (Бальзак велик!

тербурга. За последнее время была попытка изобразить Достоевского каким-то эстетом, но эта попытка противоречит фактам. Достоевский, путешествуя по Италии, не обратил внимания на художников треченто, а живя в Петербурге, не заметил ни Растрелли, ни Ринальди, ни Гваренги, ни Захарова — это тем более странно, что в Инженерном училище изучали историю зодчества. Впрочем, упрекать Достоевского за его “дурной вкус” было бы так же несправедливо, как упрекать Гёте за его наивный интерес к болонской школе живописи: и Достоевский, и Гёте в своих вкусах были связаны условиями эпохи, но во всяком случае не “эстетизм” определял сущность этих гениальных людей, кстати сказать, столь друг другу противоположных.

³⁵ В настоящее время Таллинн.

³⁶ Письма I. С. 58.

³⁷ В *Мн РГБ далее*: Это рассуждение восемнадцатилетнего юноши, столь ещё незрелое, не заключает в себе, однако, ничего «антихристианского», ибо даже с точки зрения «верующего христианина» изучение «мифологемы» о Христе в плане истории культуры вовсе не исключает и другого внутреннего отношения к той же теме. В том же письме неожиданные упоминания о таких писателях, которые никак и ни в каком смысле не могут быть сопоставлены с Гомером — упоминания о Гюго, Державине и проч<их>. Эти сопоставления, даже весьма отдалённые, кажутся странными, быть может, потому, что мы не знаем письма, которое дало повод для этих реплик Достоевского по адресу брата Михаила. Зато в приписке к письму имеется апология Расина и Корнеля, особенно Корнеля, свидетельствующая о превосходном поэтическом чутье Достоевского даже в эти юношеские годы.

Его характеры — произведения ума вселенной! Не дух времени, но целые тысячелетия приготовили борением своим такую развязку в душе человека), “Фауст” Гёте и его мелкие стихотворения, “История” Полевого, “Уголино”, “Ундина” (об “Уголино” напишу тебе кой-что-нибудь после). Также Виктор Гюго, кроме “Кромвеля” и “Гернани”»... Это были годы, когда Достоевский, увлечённый Гофманом, мечтал перестроить всю жизнь во вкусе героев его романов. У него был «проект: сделаться сумасшедшим. — Пусть люди бесятся, пусть печат, пусть делают умным». *Пис. I, стр. 47.* Примечательно, что Достоевский той поры усвоил не только психологию романтиков, но и сознательно принял их идеологию. Это видно из его рассуждений о философии в письме от 31 октября 1838 года (Достоевскому было тогда семнадцать лет): «Чтоб больше з н а т ь, надо меньше ч у в с т в о в а т ь и обратно правило опрометчивое, бред сердца. — Что ты хочешь сказать словом з н а т ь? Познать природу, душу, Бога, любовь... Это познаётся сердцем, а не умом»... «Философию не надо полагать простой математической задачей, где неизвестное — природа... Заметь, что поэт в порыве вдохновения разгадывает Бога, следовательно исполняет назначение философии. — Следовательно поэтический восторг есть восторг философии... Следовательно философия есть та же поэзия, только высший градус её!» ... *Пис. I, стр. 50*

VI.

Рассказ мужиков сельца Дарового об убийстве М.А. Достоевского записан В.С. Нечаевой. «Наиболее подробно рассказать нам об этом факте смогли, — сообщает В.С. Нечаева, — два крестьянина с Дарового, Данила Макаров и Андрей Саввушкин. Первый, девяностолетний старик, был мальчиком лет семи, когда было совершено убийство, второй рассказывал со слов своего отца. Рассказывали старики вместе, поправляя и дополняя друг друга». См. «Из литературы о Достоевском». Поездка в Даровое, *«Новый мир», 1926, № 3, стр. 128–133*³⁸. — Факт убийства не подлежит сомнению. В воспоминаниях А.М. Достоевского читаем: «После очень трудной двадцатипятилетней деятельности отец увидел себя закупоренным в две-три комнаты деревенского помещения, без всякого общества. Овдовел он в сравнительно нестарых летах, ему было 46–47 лет.

³⁸ Нечаева В. Поездка в Даровое / Из литературы о Достоевском // Новый мир. 1926. № 3. С. 131.

По рассказам няни Алёны Фроловны, он в первое время даже доходил до того, что вслух разговаривал, предполагая, что говорит с покойной женой и отвечая себе её обычными словами... От такового состояния, особенно в уединении, недалеко и до сумасшествия. Независимо всего этого он понемногу начал злоупотреблять спиртными напитками. В это время он приблизил к себе бывшую у него в услужении ещё в Москве девушку Катерину»... «Пристрастие его к спиртным напиткам видимо увеличилось, и он почти постоянно бывал не в нормальном положении. Настала весна, мало обещавшая хорошего»... «Вот в это-то время в деревне Черемошне на полях под опушкой леса работала артель мужиков, в десяток или полтора десятка человек; дело, значит, было вдали от жилья. Выведенный из себя каким-то неуспешным действием крестьян, а может быть, только казавшимся ему таковым, отец вспылил и начал очень кричать на крестьян. Один из них, более дерзкий, ответил на этот крик сильною грубостью, и вслед за тем, убоявшись последствий этой грубости, крикнул: “Ребята, карачун ему!”... И с этим возгласом все крестьяне, в числе до 15 человек, кинулись на отца и в одно мгновение, конечно, покончили с ним»... *Восп. Андр. Мих. Д-го, стр. 109–110.* Эта версия, со слов такого близкого семейству человека, как Алёна Фроловна, заслуживает доверия, тем более что она почти не расходится с показаниями крестьян с. Дарового. О том же факте рассказывает дочь Достоевского, внука убитого Михаила Андреевича, Любовь Фёдоровна: «Мой дед Михаил обращался всегда очень строго со своими крепостными. Чем больше он пил, тем свирепее становился, до тех пор, пока они, в конце концов, не убили его. В один летний день он отправился из своего имения Дарового в свое другое имение под названием Чермашня и больше не вернулся... Его нашли позже на полпути задушенным подушкой из экипажа». *«Достоевский» в изображении его дочери Л. Достоевской», Госиздат, 1922, стр. 16.* Л.Ф. Достоевская делает к этому сообщению примечание: «Семейное предание гласит, что с Достоевским при первом известии о смерти отца сделался первый припадок эпилепсии». *Ibidum*, стр. 17. Ср. Орест Миллер. *Мат. 1883, стр. 140–141.*

О посещении Достоевским Дарового и Чермашни в 1877 году имеется сообщение А.Г. Достоевской. См. *Восп. А.Г. Д-ой, стр. 226.* Мемуаристка вспоминает о том, что Чермашней назвал Достоевский в «Братьях Карамазовых» деревню, куда ездил Иван Карамазов... Относительно пребывания Достоевского в Даровом А.Г. Достоевская сообщает, со слов сестры Достоевского В.М. Ивановой, к которой перешло имение, что Фёдор Михайлович заходил в «избы мужиков, своих свер-

стников, из которых многих он помнил. Старики и старухи и сверстники, помнившие его с детства, радостно его приветствовали, зазывали в избы и угощали чаем. Поездка в Даровое оживила массу впечатлений, о которых муж по приезде передавал нам с большим оживлением»... *Ib<idum>*, стр. 226. — Примечательно, что в 1877 году, вероятно, были живы если не все, то некоторые из убийц, и, быть может, с ними как раз Достоевский и пил чай. — Неудачная попытка разъяснить психологию Достоевского в связи с его отношением к отцу принадлежит³⁹ Нейфельд. Навязывая Достоевскому пресловутый «комплекс Эдипа», психолог старалась свести сложную духовную жизнь Достоевского к грубейшему сексуализму. Имеется русский перевод этой книжки. *Иолан Нейфельд, «Достоевский», Психоаналитический очерк под ред. пр<офессора> З. Фрейда, изд. «Петроград», 1925*⁴⁰.

VII.

Достоевский в Инженерном училище пробыл шесть лет. В сентябре 1837 года он представлялся главному начальнику училища, а само поступление в училище состоялось 16 января 1838 года. — 29 ноября 1840 <года> Достоевский был произведён в унтер-офицеры, а в декабре переименован в портупей-юнкера. Осенью 1841 года Достоевский, продолжая занятия в Инженерном училище, проживает, однако, уже на частной квартире, где вместе с ним поселился младший брат Андрей. Таким образом, в самом здании Инженерного училища жил Достоевский три года. В августе 1842 года он, выдержав экзамен, получил чин подпоручика и был переведён в «верхний офицерский класс». 12 августа 1843 года Достоевский закончил курс наук и был зачислен на действительную службу в Инженерный корпус при С.-Петербургской инженерной команде. См. *Мат. 1883, стр. 30–48*. Ср. *«Истор<ический> очерк развития Главного инженерного училища <1819–1869>», <сост. М. Максимовским,> СПб., <Тип. Имп. Академии наук,> 1869, стр. 50–51 и 99–101*. (Об учебной части и правах училища).

³⁹ В *Mn PГБ*: Иолану

⁴⁰ Нейфельд, Иолан. Достоевский: Психоаналитический очерк под ред. проф. З. Фрейда. Пер. с нем. Я. Друскина. Л.; М.: Петроград, 1925. В «Предисловии к русскому изданию» П. Губер писал: «Нейфельд делает попытку объяснить всю жизнь и конструировать всё творчество Достоевского, исходя из его сексуальности. Все образы его романов она сводит к “комплексу Эдипа”. Нам подобная точка зрения представляется совершенно несостоятельной» (с. 8).

Относительно болезни брата Андрея и неудобств совместной жизни с ним Достоевский писал брату Михаилу 22 декабря 1841 года.⁴¹ *Пис. I, стр. 65.*

Сведения об образе жизни Достоевского в начале сороковых годов имеются в воспоминаниях врача Александра Егоровича Ризенкампа, уроженца Ревеля, где он подружился с Мих<айлом> Мих<айловичем> Достоевским. В Петербурге он явился к Достоевскому уже в 1838 г. с письмом от брата Михаила. Позднее он даже поселился в квартире Достоевского. См. *Мат. 1883, стр. 34–35, 41, 48 и др.* — Драматические опыты Достоевского — «Жид Янкель», «Мария Стюарт» и «Борис Годунов» — до нас не дошли. Судьба рукописей неизвестна. Ср. М.П. Алексеев, «О драматических опытах Достоевского», *сб<орник> «Творчество Достоевского». 1821–1881–1921»*, <под ред. Л.П. Гроссмана,> *Одесса, 1921, стр. 41–62.*

В переписке Достоевского с опекуном Карепиным, опубликованной А.А. Достоевским в книге воспоминаний его отца А.М. Достоевского, имеются указания на Шекспира, который стал в полемике молодого писателя с благоразумным дельцом каким-то символом «неблагонадёжности». Правда, письмо это относится уже к осени 1844 года. Так, между прочим, Достоевский пишет: «Вы говорите, что на многие письма мои вы молчали, относя их к неосновательности и юношеской фантазии. Во-первых, вы этого не могли делать; я полагаю вам известно почему: кодекс учтивости должен быть раскрыт для всякого. Если же вы считаете пошлым и низким трактовать со мною о чём бы то ни было, разумеется, уж в тех мыслях, что он-де мальчишка и недавно надел эполеты, то всё-таки вам не следовало бы так наивно выразить свое превосходство заносчивыми унижениями меня, советами и наставлениями, которые приличны только отцу, и шекспировским мыльным пузырьём. Странно: за что так больно досталось от вас Шекспиру. Бедный Шекспир!»... *Восп. Андр. Мих. Д-го, стр. 391–392*⁴². О Шекспире Достоевский упоминает в своих рассказах, романах и «Дневнике писателя» семьдесят один раз. В повести «Дядюшкин сон» Шекспир то и дело появляется в трагикомических диалогах действующих лиц. Эти упоминания явно навеяны перепискою с Карепиным.

⁴¹ В *Мп РГБ* далее: «Андрюша болен, я расстроен чрезвычайно. — Какие ужасные хлопоты с ним. — Вот ещё беда. Его приготовление и его жизнь у меня вольного, одинокого, независимого, это для меня нестерпимо. — Ничем нельзя ни заниматься, ни развлечься — понимаешь. — Притом у него такой странный и пустой характер, что это отвлечёт от него всякого; я сильно раскаиваюсь в моём глупом плане, приютивши его»

⁴² То же см.: *ПСС 30. Т. 28/1. С. 97-98.*

VIII.

Рассуждения от лица юного Достоевского основаны на его письмах от 31 декабря 1843 <года> и следующих. См. *Пис. I, стр. 66–73*. Ср. роман «Подросток». *Соч. VIII, стр. 40, 66, 69, 72–74*^{43, 44}

⁴³ « — Так вы Ротшильд, что ли? — крикнул он мне с негодованием, как дураку.

Я быстро вышел из дому. Один шаг — и семь рублей девяносто пять копеек нажил! Шаг был бессмысленный, детская игра. Я согласен, но он всё-таки совпал с моею мыслью и не мог не взволновать меня чрезвычайно глубоко... Впрочем, нечего чувства описывать. Десятирублевая была в жилетном кармане, я просунул два пальца пощупать — и так и шёл не вынимая руки. Отойдя шагов сто по улице, я вынул её посмотреть, посмотрел и хотел поцеловать» (с. 40).

«... моя идея, это — стать Ротшильдом, стать так же богатым как Ротшильд; не просто богатым, а именно как Ротшильд <...> докажу, что достижение моей цели обеспечено математически.

Дело очень простое, вся тайна в двух словах: упорство и непрерывность» (с. 66).

«Результат двух этих опытов был для меня громадный: я узнал положительно, что могу на столько хотеть, что достигну моей цели, а в этом... вся “моя идея”; дальнейшее — всё пустяки <...> Кроме ста рублей, у меня... мужество. Упорство, непрерывность, полнейшее уединение и тайна <...> Да и вообще до сих пор, во всю жизнь, во всех мечтах моих о том, как я буду обращаться с людьми — у меня всегда выходило очень умно; чуть же на деле — всегда очень глупо» (с. 69).

«Незадолго до французской революции явился в Париже некто Лоу и затеял один, в принципе, гениальный проект (который потом на деле ужасно лопнул). Весь Париж взволновался; акции Лоу покупались на расхват, до давки. В дом, в котором была открыта подписка, сыпались деньги со всего Парижа как из мешка; но и дома, наконец, не достало: публика толпилась на улице — всех званий, состояний, возрастов, буржуа, дворяне, дети их, графини, маркизы, публичные женщины; всё сбилось в одну яростную, полусумасшедшую массу укушенных бешеной собакой; чины, предрассудки породы и гордости, даже честь и доброе имя — всё стопталось в одной грязи; всем жертвовали (даже женщины), чтобы добыть несколько акций. Подписка перешла, наконец, на улицу, но негде было писать. Тут одному горбуну предложили на время уступить свой горб, в виде стола для подписки на нем акций. Горбун согласился — можно представить за какую цену! Некоторое время спустя (очень малое), все обанкрутились, все лопнуло, вся идея полетела к черту и акции потеряли всякую цену. Кто же выиграл? Один горбун, именно потому, что брал не акции, а наличные луидоры. Ну-с, я вот и есть тот самый горбун!» (с. 72).

«Да, я сумрачен, я беспрерывно закрываюсь. Я часто желаю выйти из общества» (с. 73).

«Да, я жаждал могущества всю мою жизнь, могущества и уединения <...> Вот почему я так полюбил тайну <...> Особенно счастлив я был, когда, ложась спать и закрываясь одеялом, начинал... в самом полном уединении... пересоздавать жизнь на иной лад. Самая яростная мечтательность сопровождала меня вплоть до открытия “идеи”, когда все мечты из глупых разом стали разумными, и из мечтательной формы романа перешли в рассудочную форму действительности» (с. 74).

⁴⁴ *В Мн РГБ далее:* — «Мне не нужно денег, — рассуждает подросток, — или, лучше, мне не деньги нужны; даже и не могущество; мне нужно лишь то, что приобретается могуществом и чего никак нельзя приобрести без могущества: это уединённое и

IX.

О встрече Достоевского с Д.В. Григоровичем в 1844 г. см. «Воспоминания» <Д.В.> Григоровича и вступит<ельную> к ним статью В.Л. Комаровича, изд. «Academia», Ленингр<ад>, 1928, стр. 130–134: «Я с радостным восклицанием бросился обнимать его, — пишет Григорович, — Достоевский также мне обрадовался, но в его приёме заметна была некоторая сдержанность. При всей теплоте, даже горячности сердца он ещё в училище, в нашем тесном, почти детском кружке, отличался несвойственной возрасту сосредоточенностью и скрытностью, не любил особенно громких выразительных изъявлений чувств. Радость моя при неожиданной встрече была слишком велика и искренна, чтобы пришла мне мысль обидеться на его внешнюю холодность»⁴⁵. — О первой встрече с Достоевским в 1837 году в пансионе Костомарова Д.В. Григорович также сохранил воспоминание. В это время Григорович был уже в Инженерном училище и, случайно зайдя к Костомарову в одно из воскресений, встретил там юношу «лет семнадцати, среднего роста, плотного сложения, белокурого, с лицом, отличающимся болезненной бледностью. Юноша этот был Фёдор Михайлович Достоевский»... *Восп<оминания Григоровича>*, стр. 53⁴⁶.⁴⁷

⁴⁸ Григорович сообщает, что «он совершенно подчинился» влиянию Достоевского. «Достоевский во всех отношениях был выше меня по развитости; его начитанность изумляла меня»... *Восп<оминания Григоровича>*, стр. 55⁴⁹. Григорович называет, между прочим, имена

спокойное сознание силы! Вот самое полное определение свободы, над которым так бьётся мир! Свобода! Я начертал, наконец, это великое слово... Да, уединённое сознание силы — обязательно и прекрасно. У меня сила, и я спокоен»... «Я ещё в детстве выучил наизусть монолог Скупого рыцаря у Пушкина; выше этого, по идее, Пушкин ничего не производил!...» Соч. VIII, стр. 75, 77.

Относительно Шекспира, которым опекун укорял Достоевского, см. письмо Достоевского от 30 сентября 1844 <г.> Пис. I, стр. 72–74. <Далее полностью воспроизведён последний абзац из авторских «Примечаний» к главе VII>.

⁴⁵ Григорович Д.В. С. 130.

⁴⁶ Там же. С. 53.

⁴⁷ В Мп РГБ далее: «Сближение моё с Ф.М. Достоевским началось едва ли не с первого дня его поступления в училище»... «Ему радостно было встретить во мне знакомого в кругу чужих лиц, не упускавших случая грубо, дерзко придираться к новичку. Ф<ёдор> М<ихайлович> уже тогда выказывал черты необщительности, сторонился, не принимал участия в играх, сидел, углубившись в книгу, и искал уединённого места»... *Восп<оминания Григоровича>*, стр. 54 и 55.

⁴⁸ В Мп РГБ далее: Даже

⁴⁹ Григорович Д.В. С. 55.

трёх товарищей, которые так же, как и он, признали авторитет Достоевского. Это были А.Н. Бекетов, старший брат Н.Н. и А.Н. Бекетовых (с ним Достоевский в 1846 году, после разрыва с кружком Белинского, жил вместе), Н.И. Витковский и И. Бережецкий (о последнем имеется сообщение А.И. Савельева, «Нов<ое> вр<емя>», 1896, № 7150⁵⁰: ср. прим<ечания> В.Л. Комаровича к восп<оминаниям> Григоровича⁵¹). Точный адрес квартиры, которую занимали Достоевский и Григорович, сообщает Достоевский в письме к брату от 30 сентября 1844 года: у Владимирской церкви, в доме Прянишникова, в Графском пер<еулке>⁵². Упомянутая здесь церковь Владимирской Божьей матери выстроена в шестидесятых годах XVIII в., если не самим Растрелли, то, вероятно, его учениками, хотя достраивалась она, вероятно, Ринальди. См. В. Курбатов, «Петербург», 1913⁵³, стр. 93<–94> и 556.

О Бальзаке уже в 1838 году Достоевский писал брату: «Бальзак велик! Его характеры — произведения ума вселенной! Не дух времени, но целые тысячелетия приготовили бореньем своим такую развязку в душе человека»... Пис. I, стр. 47. ⁵⁴

⁵⁰ А.И. Савельев, бывший дежурным офицером в Главном инженерном училище в годы пребывания там Ф.М. Достоевского, вспоминал: «...мне не раз случилось видеть и в часы занятий, и во время прогулок (рекреаций) кондуктора Ф.М. Достоевского или одного или вдвоём, но ни с кем иным, как с кондуктором старшего класса Ив<аном> Бережецким. Я никогда не видал, чтобы эти молодые люди принимали участие не только в некоторых проделках товарищей, но и в общих любимых играх (напр<имер>, «загонки»); никогда они не ходили в танцкласс, бывший в роте по вторникам и отличавшийся особенным одушевлением, даже не ходили слушать рассказы баллад Жуковского домашнего гудошника, писаря Изумнова, являвшегося по вечерам в рекреационную залу, всегда наполненную кондукторами. Часто, под разными предлогами, Ф<ёдор> М<ихайлович> или гулял со своим товарищем в других камерах, или садился заниматься у своего столика...» <См.: Савельев Ал. Воспоминание о Ф.М. Достоевском // Новое время. 1896. 24 янв. (5 февр.). С. 2>.

⁵¹ «А<лексей> Н. Бекетов, старший брат Н.Н. и А<ндрея> Н. Бекетовых, о которых Григорович рассказывает ниже, окончил Инж<енерное> училище в 1844 году в чине поручика; Н.И. Витковский — в 1842 году, в чине прапорщика; Ив<ан> Бережецкий — в 1841 году, в чине прапорщика. См.: Максимовский <М. Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819-1869. СПб., 1869>. Прил. — О дружбе Достоевского с Бережецким рассказывает А.И. Савельев («Новое время», 1896, № 7150) <Сноска В.Л. Комаровича // Григорович Д.В. С. 57>.

⁵² Письма I. С. 74.

⁵³ Курбатов В., сост. Петербург: Художественно-исторический очерк и обзор художественного богатства столицы. СПб.: Изд. общины св. Евгения, 1913.

⁵⁴ В Мп РГБ далее: Иного мнения о Бальзаке был Белинский. Даже Григорович, человек не очень уверенный в своём вкусе и робевший перед известным критиком,

Рассказ *Григоровича* о том, как писал Достоевский «Бедных людей» — в его «*Воспоминаниях*», стр. 139⁵⁵. — Позднее в письме к брату от 24 (февраля или марта) 1845 г. Достоевский пишет о романе: «Кончил я его совершенно чуть ли ещё не в ноябре месяце, но в декабре задумал его весь переделать: переделал и переписал, но в феврале начал опять снова обчищать, обглаживать, вставлять и выпускать. Около половины марта я был готов и доволен». *Пис. I, стр. 74 и 75*⁵⁶.

Кроме «*Memoires du diable*»⁵⁷ Фредерика Сулье, Достоевский читал в это время из второстепенных писателей Эмиля Сувестра и даже Поль де Кока. *Мат. 1883, стр. 49–50*.

О том, как встречена была Белинским и Некрасовым повесть «Бедные люди», рассказал сам Достоевский в «*Дневнике писателя*» за 1877 год в статье, посвященной памяти Некрасова⁵⁸. Об этом же, с некоторыми иными подробностями, сообщает *Григорович* в своих *воспоминаниях* в VII гл. («Первая литературная работа Достоевского»)⁵⁹. Наконец, о впечатлении, какое произвела повесть Достоевского на Белинского, рассказывает П.В. Анненков. См. «*Литературные*»

ушёл от него подавленный и разочарованный, когда Белинский с развязностью и запальчивостью стал ругать Бальзака. «Увлечение Бальзаком было причиною, что Белинский, к которому в первый раз повёл меня Некрасов, сделал на меня впечатление обратное тому, какое я ожидал, — пишет Григорович. — Настроенный Некрасовым я ждал, как счастья, видеть Белинского; я переступал его порог робко, с волнением, благоверменно обдумывая выражения, с какими я выскажу ему мою любовь к знаменитому французскому писателю. Но едва я успел коснуться, что сожитель мой — имя которого никому не было тогда известно — перевёл “Е в г е н и ю Г р а н д е”, Белинский разразился против общего нашего кумира жесточайшею бранью, назвал его мещанским писателем, сказал, что если бы только попала ему в руки эта “Е в г е н и я Г р а н д е”, он на каждой странице доказал бы всю пошлость этого сочинения. Я был до того озадачен, что забыл всё, что готовился сказать, входя к Белинскому»... *Воспоминания Григоровича*, стр. 136. — Там же в комментарии В.Л. Комарович напоминает об отрывках Белинского о Бальзаке — повесть Соллогуба — «поглубже всех Бальзаков»... *Писатель* к Боткину от 14 марта 1840 г.; «у Эжена Сю больше таланта, чем у... Бальзака»... статья «Русская литература на 1845 г.» и т.д. Впоследствии Достоевский отметил в «*Дневнике писателя*» за 1876 г., что Белинский «совершенно проглядел значение Бальзака во французской литературе». Соч. XI, стр. 311.

⁵⁵ Григорович Д.В. С. 139.

⁵⁶ Письма I. С. 74–75 (Письмо М.М. Достоевскому от 24 февр. 1845 г.).

⁵⁷ «Записки демона» (фр.).

⁵⁸ См.: ПСХП. Т. 12. С. 27–33 («Дневник писателя. 1877. Январь. Глава вторая. IV. Русская сатира. “Новь”. “Последние песни”. Старые воспоминания»).

⁵⁹ См.: Григорович Д.В. С. 141–144.

воспомин<ания>», СПб., 1909, стр. 290 и 291. О начале своей литературной деятельности Достоевский вспоминает и в романе «Униженные и оскорбленные» (1861); в первой части гл. V, VI и XI и в третьей части гл. V.⁶⁰

61

X.

О знакомстве Достоевского с Белинским — «Дневник писателя» <за> 1877 <год>, январь. Соч. XII, стр. 31–33. — О квартире Белинского в 1844–1845 гг. см. П.В. Анненков, «Литературные воспоминания», СПб., 1909, стр. 251. — О наружности Белинского см. И.С. Тургенев, «Воспоминания о Белинском», Собр. соч., СПб., 1898 г. (Изд. <А.Ф.> Маркса), т. XII, стр. 216²; К.Д. Кавелин, «Воспоминания о Белинском», Собр. соч., 1899, т. III; а также в книге «В.Г. Белинский в воспоминаниях современников», ред. Н.К. Пиксанова, изд. «Academia», Ленинград, 1929, стр. 97 и далее⁶³.

Рассказ о свидании Белинского с Достоевским изложен (а не точно процитирован) по «Дневнику писателя» <за> 1877 <год>, <Январь. Глава вторая. IV («Русская сатира. “Новь”. “Последние песни”» Старые воспоминания)»⁶⁴ — по поводу своего наивного вос-

⁶⁰ См.: ПСХП. Т. 3. Речь идет о восторженном отношении к «Бедным людям» в кружке В.Г. Белинского в 1845 г. и о непонимании романа рядовым читателем после его публикации в 1846 г. (ч. I, гл. V, VI); об обстоятельствах работы над новым романом (повестью), возможно «Слабым сердцем» или «Белыми ночами», в начале 1847 г. (ч. I, гл. X); о глубоком впечатлении, которое произвело чтение «Бедных людей» на Нелли (ч. III, гл. V).

⁶¹ В Мп РГБ далее: «Ни денег, ни звания, ни племени»... цитата из стихотворения Некрасова «Секрет» («В счастливой Москве, на Неглинной...»). Стих датируется 1846 годом. — О «демоне» Некрасова («Миллион — вот демон Некрасова...») см. «Дневник писателя» Достоевского за декабрь 1877 года, в главе второй: «Смерть Некрасова. О том, что сказано было на его могиле»; «Поэт и гражданин. Общие толки о Некрасове, как о человеке». Соч. XII, стр. 346–363.

⁶² Тургенев И.С. Литературные и житейские воспоминания. II. Воспоминания о Белинском // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1898. Т. 12. С. 21.

⁶³ Кавелин К.Д. Воспоминания о Белинском // Кавелин К.Д. Собр. соч.: В 4 т. / Вступит. статья А.Ф. Кони, примеч. проф. Д.А. Корсакова. Т. III. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. С. 1095; Кавелин К.Д. Воспоминания о В.Г. Белинском // В.Г. Белинский в воспоминаниях современников / Собрал и коммент. М.К. Клеман; предисл. и ред. Н.К. Пиксанова. Л.: Academia, 1929. С. 124.

⁶⁴ ПСХП. Т. 12. С. 31–33.

торга от похвал Белинского Достоевский писал в 1877 году, значит тридцать два года спустя после первого знакомства с критиком: «о, не смейтесь, никогда потом я не думал, что я велик, но тогда — разве можно было это вынести!»... «Я это всё думал, я припоминаю ту минуту в самой полной ясности. И никогда потом я не мог забыть её. Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я в каторге, вспоминая её, укреплялся духом. Теперь еще вспоминаю её каждый раз с восторгом. И вот, тридцать лет спустя, я припомнил всю эту минуту опять, недавно, и будто вновь её пережил, сидя у постели больного Некрасова». *Соч. XII, стр. 32–33.* — Рассказ о впечатлении, какое произвела первая повесть Достоевского на Белинского, имеется также в *воспоминаниях И.И. Панаева, Собр. соч., СПб., 1888, т. VI, стр. 311 и далее*^{65, 66}.

⁶⁵ Панаев И.И. Воспоминания о Белинском // Панаев И.И. Полн. собр. соч.: В 6 т. СПб.: Изд. книгопродавца Н.Г. Мартынова, 1888. Т. 6. С. 311–312.

⁶⁶ В *Мн РГБ далее*: Сообщение о конфликте между Белинским и Достоевским — в «Дневнике писателя» за 1873 г., ст. «Старые люди». Соч. XI, стр. 8–11. — Сообщение И.С. Тургенева о равнодушии Белинского к истории и его слабым познаниям — в *Воспоминаниях*. Полное собрание сочинений Тургенева. СПб. 1898. Т. XII, стр. 51. — Непонимание Белинским «Фауста» Гёте и «Божественной комедии» Данте откровенно засвидетельствовано им самим в письме к И.И. Панаеву от 19 августа 1839 г. См. Белинский <В.Г.>. Письма. СПб. 1914. Т. I, стр. 331–335. — В связи с вопросом об отношении Достоевского к истории любопытно отметить (иногда неверно толкуемое) место из письма Достоевского к брату от 1 января 1840 года, а именно: «Ведь в “Илиаде” Гомер дал всему древнему миру организацию и духовной и земной жизни, совершенно в такой же силе, как Христос нововому»... Пис. I, стр. 58. Для восемнадцатилетнего Достоевского история представляется как некое диалектическое развёртывание духовных культур, причём центром и мерилом мировой культуры является, по его мнению, Христос. Достоевский отводил ему исключительное место в истории, что соответствовало его тогдашнему религиозному сознанию и опыту, ибо, по свидетельству доктора Яновского, Достоевский был тогда православным, «говел» у Вознесения и «делал это не для формы». Это свидетельство Яновского относится, правда, уже к 1847–1849 гг., когда Достоевский вместе со Спешневым подготовлял конспиративную типографию, посещал вечера Петрашевского и Дурова и был близок к фурьеризму. Мат. 1883, стр. 94–95. Но Христос для Достоевского никогда не был одним из многих или даже из немногих исторических деятелей. Он всегда был для него Единосущным. Поэтому вполне понятен психологический конфликт Белинского с Достоевским. Он изложен самим Достоевским в «Дневнике писателя» за 1873 год в статье «Старые люди» с совершенной точностью. Нет никаких оснований не верить показаниям Достоевского, как это делают некоторые исследователи. По поводу «хулы» Белинского на Христа, о которой рассказывает Достоевский в «Дневнике» 1873 года, ещё ранее, а именно в письме к Н.Н. Страхову из Дрездена от 18 (30) мая 1871 года Достоевский писал: «Этот человек ругал мне... а между тем никогда он не был способен сам себя и всех двигателей мира сопоставить со Христом для сравнения. Он не мог заметить того, сколько в нём и в них мелкого самолюбия, злобы, нетерпения, раздражительности, подлости,

XI.

В «Дневн<ике> пис<ателя>» за 1877 год, в статье «История глагола ст у ш е в а т ь с я»⁶⁷, Достоевский сообщал следующее: «Первая повесть моя “Бедные люди” была начата мною в 1844 году, была окончена, стала известна Белинскому и была принята Некрасовым для его альманаха “Петербургский сборник” в 1845 году. Вышел этот альманах в конце 1845 года. Но в этом же 1845 году я начал летом, уже после знакомства с Белинским, эту вторую мою повесть: “Двойник, приключения господина Голядкина”. Белинский, с самого начала осени 45-го года, очень интересовался этой новой моей работой. Он повестил о ней, ещё не зная её, Андрея Александровича Краевского, у которого работал в журнале, с которым и познакомил меня и с которым я и уговорился, что эту новую повесть “Двойник” я, по окончании, дам ему в “Отечественные записки” для первых месяцев наступающего 46-го года. Повесть эта мне положительно не удалась, но идея её была довольно светлая, и серьёзнее этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил. Но форма этой повести мне не удалась совершенно. Я сильно исправил ее потом, лет пятнадцать спустя, для тогдашнего “Общего собрания” моих сочинений, но и тогда опять убедился, что эта вещь совсем неудавшаяся... Соч. XII, стр. 297 и 298. — О записке Белинского с приглашением Достоевского

а главное, самолюбия. Он не сказал себе никогда: что ж мы поставим вместо Него? Неужели себя, тогда как мы так гадки. Нет, он никогда не задумался над этим, что он сам гадок; он был доволен собой в высшей степени, и это была уже личная, случайная позорная тупость. — Вы говорите, он был талантлив. Совсем нет!... См. Чеших. II, стр. 124 и 125. — Об отношениях Достоевского к Белинскому, кроме мемуарной литературы, указать: С. Ашевский. «Белинский в оценке его современников». СПб. 1911. — Его же статья в «Мире Божьем». 1904. № 1, стр. 197–239; В.Л. Комарович. «Юность Достоевского». «Былое». 1924. № 23, стр. 3–43; Г.И. Чулков. «Достоевский и утопический социализм». «Каторга и ссылка». 1929, февраль–март <№№ 2 (51) и 3 (52)>; Г.И. Чулков. «Последнее слово Достоевского о Белинском». Сборн<ик> «Достоевский». Изд. ГАХН. М., 1928, стр. 61–81. — Любопытно, что С. Ашевский и некоторые другие полагают, что Достоевский оклеветал Белинского, так как Белинский, мол, понимал моральную значительность Христа, но так рассуждающие критики, очевидно, не догадываются, что для верующего христианина, каковым себя считал Достоевский, подобная тёпленькая «благосклонность» к личности Христа оскорбительнее всякой прямой хулы на Него. Декламацию Белинского о добродетельном Иисусе, которого он, играя словами, называет «сыном Бога» явно по цензурным соображениям в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 г.», некоторые приняли за чистую монету, напр<имер> В.И. Семевский. См. его статью «Петрашевы Дуров, Пальм, Достоевский и Плещеев». «Голос минувшего». 1915. № 11, стр. 21.

⁶⁷ Дневник писателя за 1877 год. Ноябрь. Глава первая. II. История глагола «стусеваться».

см. «Голос минувшего», 1915, ноябрь, <№ 11, стр.> 21–22⁶⁸. Дата записки: май-июнь 1845 г. — см. «Летопись жизни Белинского», <сост. Н.Ф. Бельчиков, П.Е. Будков, Ю.Г. Оксман,> ред. Н.К. Пиксанова, <М.: ГИЗ, 1924, стр. 195. — Описание поездки на пароходе из Ревеля в Петербург — в письме к брату, вероятно, в конце августа или в начале сентября 1845 г. См. Пис. I, стр. 79–80. — О «Зубоскале» см. Соч. XIII, стр. 3–8, 593–594. Ср. «Речь», 1914, 16 апреля, № 94 (сообщение К. Чуковского). — Рассказ Достоевского об его успехах в письме к брату⁶⁹ см. Пис. I, стр. 83–85. — Об автобиографическом в первых повестях Достоевского см. К.К. Истомина «Из жизни и творчества Достоевского в молодости <введение в изучение Достоевского>», *сборник статей* «Творческий путь Достоевского», <под> ред. Н.Л. Бродского, Лен<инград: Сеятель>, 1924, стр. 3–48. — Своеобразная психологическая транскрипция «Двойника» предложена И.Ф. Анненским в статье «Виньетка на серой бумаге к “Д в о й н и к у” Достоевского». См. его «Книгу отражений», СПб., 1906, стр. 29–38⁷⁰. — Сообщение И.И. Панаева о литературных успехах Достоевского и об интересе к нему гр<афа> Соллогуба — в его воспоминаниях — см. *Собр. соч. И.И. Панаева*, СПб., 1888, т. VI, стр. 147⁷¹. Рассказ гр<афа> Соллогуба о посещении им Достоевского в 1845 году — см. его «Воспоминания», СПб., 1887, стр. 217 и 218⁷².

ХII.

О чтении «Двойника» у Белинского см. «Дн<евник> пис<ателя>»⁷³ Соч. XII, стр. 298. — Письмо к брату с перечислением литературных успехов — см. Пис. I, стр. 86–87. В примечании к этому письму А.С. Долинин приводит справку относительно отзывов, появившихся тогда в журналах. В «Иллюстрации» Кукольника ре-

⁶⁸ Семевский В.И. Петрашевцы С.Ф. Дуров, А.И. Пальм, Ф.М. Достоевский и А.Н. Плещеев // *Голос минувшего*. 1915. № 11. Ноябрь. С. 21–22.

⁶⁹ Письмо М.М. Достоевскому от 16 нояб. 1845 г.

⁷⁰ Анненский И.Ф. Достоевский до катастрофы. Двойник (виньетка на серой бумаге) // Анненский И.Ф. Книга отражений. СПб.: Изд. бр. Башмаковых, 1906. С. 31–38.

⁷¹ Панаев И.И. Литературные воспоминания // Панаев И.И. Полн. собр. соч.: В 6 т. СПб.: Изд. книгопродавца Н.Г. Мартынова, 1888. Т. 6. С. 141.

⁷² Соллогуб В.А., гр. Воспоминания. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1887. С. 217–218.

⁷³ Дневник писателя за 1877 год. Ноябрь. Глава первая. II. История глагола «стусеваться».

цензия появилась 26 января 1846 г. с резко отрицательной оценкой повести; в «Северной пчеле» (№ 25) рецензент уверял читателей, что повесть Достоевского очень скучная; в мартовской книжке «Библиотеки для чтения» Никитенко упрекал Достоевского в сентиментальности и в пристрастии к уменьшительным словам. Что касается отзыва самого Белинского, то он появился дважды — сначала в № 2 «Отечественных записок» напечатана была заметка, а в следующем номере (45 т.) статья под заглавием «Петербургский сборник». — Ни Соллогуб, ни Одоевский ничего не напечатали о повести Достоевского. — Рассказ о травле Достоевского имеется у Авдотьи Панаевой в её «Воспоминаниях». Изд. Academia. Ленинград, 1928. Второе изд. Стр. 196-199. Панаева сообщает, что у Достоевского глаза были серые, а по другим свидетельствам, они были карие. Изложение истории этой травли — у К.И. Чуковского в объяснительной статье к повести Некрасова о Достоевском («Каменное сердце»). Изд-во «Петербург», 1918. Стр. 5-32, 43-45. — Ср. «Панаева» — очерк К.И. Чуковского в его книге «Некрасов». Ленинград, 1926. Стр. 62-105. — О ней же во вступительном очерке К.И. Чуковского к изданию её романа «Семейство Тальниковых» (Изд-во «Academia») ⁷⁴. — Ср. вышецитированные воспоминания Анненкова, Григоровича, Панаева.

Сообщения Достоевского о тяжкой его болезни в письме от 26 апреля 1846 г. Пис. I, стр. 90. В этом же письме Достоевский просит брата оказать внимание жене Белинского, которая едет с детьми в Гапсаль, через Ревель, тогда как сам Белинский с актёром Щепкиным выехал в Москву с тем, чтобы отправиться потом в Малороссию и Крым. О том же, т.е. о содействии и помощи семье Белинского, письмо от 16 мая. Пис. I, стр. 92.

ХIII.

Рассказ Достоевского «Господин Прохарчин» был напечатан в десятой книжке «Отечественных записок» за 1846 год. О «страхе» Прохарчина — см. И.Ф. Анненский. «Книга отражений». СПб., 1906. Стр. 39-57. — Сообщение о цензурных искажениях рассказа «Господин Прохарчин» — письмо от 17 сентября 1846 г. См. Пис. I, стр. 95. — Жалобы на тогдашнюю петербургскую жизнь в письме от

⁷⁴ Чуковский К. Авдотья Панаева и Некрасов // Панаева, Авдотья. Семейство Тальниковых. Л.: Academia, 1928. С. 5-6, 25-33.

7 октября 1846 г. См. *Пис. I, стр. 96*. Там же — сообщение о «Современнике» Некрасова и Панаева — *стр. 97*. — Рассказ о бурном объяснении Достоевского с Некрасовым — *Авдотья Панаева. Воспоминания. Ленинград* <ад>, 1928. *Стр. 245*. Трудно определить точную дату этого эпизода. Вероятно, он относится к концу 1846 или началу 1847 года. Отзыв Белинского о «Господине Прохарчине» появился в «Современнике», в первой книжке за 1847 г. — «Роман в девяти письмах» Достоевского был напечатан в том же первом номере «Современника». В письме к И.С. Тургеневу от 19 февр<аля> 1847 г. Белинский писал, что ему не понравилась эта повесть. Тут же он рассказывает какой-то странный анекдот о бегстве Достоевского из квартиры Краевского, которому он задолжал и не исполнил своих обязательств. «Не правда ли, что это точь-в-точь сцена из “Д в о й н и к а”?» — замечает Белинский, кажется не сознавая всю значительность этого мрачного соответствия. См. *Белинский <В.Г.> Письма. СПб., 1914. Т. III, стр. 180*.

XIV.

О «страхе жизни» — в письме Достоевского брату в январе-феврале 1847 года. См. *Пис. I, стр. 106*; отзыв Белинского о «Хозяйке» Достоевского в письме к П.В. Анненкову от 15 февраля 1848 г. — см. *Белинский <В.Г.> Письма. СПб., 1914. Т. III, стр. 338*. — Цитаты из повести «Хозяйка» — см. *Соч. I, стр. 298 и 309*. — Цитаты из фельетонов Достоевского «Петербургская летопись»⁷⁵ — см. *Соч. XIII, стр. 30*. Сводка адресов Достоевского имеется у *Н.П. Анциферова. «Петербург Достоевского. 1923. Стр. 19 и 20»*⁷⁶. — Сообщение о совместной жизни с Бекетовыми — см. *Пис. I, стр. 103*. О кружке Бекетовых — см. *Д.В. Григорович. «Литературные воспоминания». Ред. В.Л. Комаровича. 1928. Стр. 147–160*. «Не помню, о чём-то раз зашёл у меня с Достоевским горячий спор. Результат был тот, что решено было жить порознь. Мы

⁷⁵ В публикуемом основном тексте ЖД приведены цитаты из части фельетона «Петербургская летопись» (1847), помеченной 15 июня.

⁷⁶ Более полные сведения см.: Саруханян Е.П. Достоевский в Петербурге. Л.: Лениздат, 1972; Бирон, Вера. Петербург Достоевского: Гравюры на дереве Н. Кофанова. Л.: Свеча, 1990; Белов С.В. Петербург Достоевского. СПб.: Алетейя, 2002; Тихомиров Б.Н., сост., Уржунцев В.В., фотограф. Петербургские адреса Достоевского, или Пешком вокруг Владимирского собора. СПб.: Серебряный век, 2009; Тихомиров Б.Н. С Достоевским по Невскому проспекту, или Литературные прогулки от Дворцовой площади до Николаевского вокзала. СПб., 2012.

разъехались, но, однако ж, мирно, без ссоры. Бывая оба часто у Бекетовых, мы встречались дружелюбно, как старые товарищи. Около Бекетовых мало-помалу образовался целый кружок; мы вступили в него благодаря старшему из братьев, А<лексею> Н<иколаевичу>, бывшему нашему товарищу по училищу. Братья его, Н<иколай> Н<иколаевич>, известный теперь профессор химии, и А<ндрей> Н<иколаевич>, не менее известный профессор ботаники, были тогда ещё студентами. Всякий раз встречалось здесь множество лиц, большею частью таких же молодых, как мы были сами, в числе их особенно часто являлся А.Н. Плещеев, тогда также “студент”... Центром кружка, — по сообщению Григоровича, — был старший брат, Алексей Николаевич. «Собирались большею частью вечером. При множестве посетителей (сходило иногда по пятнадцати человек), беседа редко могла быть общеою; редко останавливались на одном предмете, разве уже выдвигался вопрос, который всех одинаково затрагивал; большею частью разбивались на кучки и в каждой шёл свой отдельный разговор»... «Везде слышался негодующий, благородный порыв против угнетенья и несправедливости. Споры бывали жаркие»... Биографии известного химика, Ник<олая> Ник<олаевича> Бекетова, и его брата, ботаника, Андрея Николаевича, имеются в «Крит<ико>-биографическом> словаре рус<ских> писат<елей> и учён<ых>». С.А. Венгеров. СПб., 1891, т. II, стр. 353–363; 366–374. Отец братьев Бекетовых был в дружеских связях с Е.А. Боратынским, с Д.В. Давыдовым, с кн<язем> П.А. Вяземским и другими поэтами. О кружке братьев Бекетовых упоминание в записках Н. Флеровского (Берви). «Голос минувшего». 1915, № 3. — Об эпохе «мечтательства» ср. статью В.Л. Комаровича «Юность Достоевского». «Былое», 1924, № 23.

XV.

Сводка событий последних двух лет жизни Белинского — см. «Летопись жизни Белинского». Ред. Н.К. Пиксанова. 1924. Стр. 244–266. Сведения о М.В. Буташевиче-Петрашевском в книге В.И. Семецкого «М.В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы». М., 1922; см. три сборника «Петрашевцы» под ред. П.Е. Щёголева. Изд. 1926–1928 гг.; см. В. Лейкина «Петрашевцы» <, под ред. П.Е. Щёголева. М.: Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1924> (см. «Петрашевцы» материалы, изд. Академ<ией> наук. 1940 г. Тт. I и II)⁷⁷; Георгий Чулков

⁷⁷ В Мп РГБ библиографическая ссылка, данная в круглых скобках, отсутствует.

«Достоевский и утопический социализм». *«Каторга и ссылка»*. 1929. № 2 (51) <С. 9–35> и № 3 (52) <С. 134–151>. Кроме того, мы пользовались обширными материалами Третьего отделения собственной Е<го> И<мператорского> В<еличества> канцелярии, хранящимися в Москве в Центр<альном> госуд<арственном> ист<орическом> архиве и материалами Аудиториатского департамента военного министерства по копиям В.И. Семевского, хранящимся в Рукописном отд<еле> библиотеки Академии наук⁷⁸.

Сообщение о том, что книга Баррюэля, несмотря на свою реакционную идеологию, была будто бы рекомендована Петрашевским как «практическое руководство» для устройства заговоров, принадлежит Герцену. — см. *А.И. Герцен. Полн<ое> собр<ание> соч<инений> под ред. Лемке, т. VI, стр. 502–519*. В русском переводе изд<ания> 1805–1809 гг. книга Баррюэля назвалась «Вольтерьянцы, или история о якобинцах, открывающая все противохристианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы» — с французского последнего издания в 12 частях.

О первом знакомстве Достоевского с Петрашевским — см. показание Достоевского — *Н.Ф. Бельчиков «Достоевский в процессе петрашевцев»*. <М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.>⁷⁹ — О любви Достоевского к «проповеди» и об его вдохновенном чтении прозы и стихов см. *воспоминания А.П. Милюкова, П.П. Семёнова-Тян-Шанского, С.Д. Яновского и др.*⁸⁰ Что касается формальной трактовки идеологического центра в творчестве Достоевского 40-х гг., то оно имеется в книге *М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского»* <Л.: Прибой, 1929> (особенно — стр. 38–90). — О выступлениях Достоевского на литературные темы — см. *А.П. Милюков «Литер<атурные> встречи и знакомства»*. СПб., 1890. <С. 177–179>; ср. *«Русск<ая> стар<ина>»*, 1881, кн<ига> 3-я <, с. 693–698>; цит. по *Чеших. I, стр. 52 и 53*. — О кружке Майковых — *«Историч<еский> вестн<ик>»*, 1886, т. XXIII, стр. 374–384 (*Воспом<инания> Старчевского*); ср. *«Литературные салоны»*. Ред. Н.Л. Бродский. Изд. «Academia», 1930.

⁷⁸ *Вместо*: Центрального государственного исторического архива; Рукописного отдела библиотеки Академии наук — в *Мп РГБ соответственно*: архив Революции; Рукописный отдел библиотеки Коммунистической академии.

⁷⁹ *Вместо*: О первом знакомстве Достоевского с Петрашевским — см. показание Достоевского — *Н.Ф. Бельчиков «Достоевский в процессе петрашевцев»*. <М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.> — в *Мп РГБ*: О первом знакомстве Достоевского с Петрашевским — см. показание Достоевского — «Голос минувшего», 1915, № 11, стр. 25.

⁸⁰ В кн.: *Чешихин И. С.* 43–64; Семёнов-Тян-Шанский П.П. *Детство и юность*: В 2 т. Пг.: Изд. семьи, 1917. Т. 1. С. 201–204.

Стр. 496-507. — Письмо Достоевского к Е.П. Майковой — см. *Лис. I, стр. 113 и 114; 498-499.* — Рассказ о чтении Достоевским стихов Державина у А.П. Милюкова «Литер<атурные> встречи и знакомства»<. СПб., 1890. С. 179>; ср. *Чеших. I, стр. 52.* — О чтении Достоевским «Деревни» Пушкина см. также воспоминания А.П. Милюкова⁸¹. — ср. *Чеших. I, стр. 52.* — Любопытны противоречия в воспоминаниях Милюкова и А.И. Пальма. Первый утверждал, что Достоевский не допускал возможности освобождения, помимо и вопреки верховной власти, А.И. Пальм, напротив, свидетельствовал, что, когда однажды спор сошёл на вопрос: «Ну, а если бы освободить крестьян оказалось невозможным иначе, как чрез восстание?» — Достоевский с своей обычной впечатлительностью воскликнул: «Так хотя бы чрез восстание!»⁸² — Последняя версия весьма правдоподобна, если принять во внимание солидарность Достоевского в этом вопросе с Головинским,⁸³ как это видно из дел Следственной комиссии.⁸⁴ — П.П. Семёнов-Тян-Шанский в своих воспоминаниях сообщает: «Революционером Достоевский никогда не был., но, как человек чувства, мог увлекаться чувствами негодования и даже злобою при виде насилия, совершаемого над униженными и оскорблёнными, что и случилось, например, когда он увидел или узнал, как был прогнан сквозь строй фельдфебель Финляндского полка. Только в минуты таких порывов Достоевский был способен выйти на площадь с красным знаменем»... *Мемуары П.П. Семёнова-Тян-Шанского. Пг., 1917. Т. I. <С. 204.>* — ср. <Лейкина В.> «Петрашевы», ред. П.Е. Щёголева, <М.: Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев,> 1924, стр. 52. Петрашевец Ип<полит> Матв<еевич> Дебу сообщал, что страстный темперамент Достоевского, производивший на его слушателей потрясающее действие, представлялся членам кружков наиболее подходящим для пропаганды. «Как теперь, — говорит он, — вижу я перед собой Фёдора Михайловича на одном из вечеров у Петрашевского, вижу и слышу его рассказывающим о том, как был прогнан сквозь строй фельдфебель Финляндского полка, отмстивший ротному командиру за варварское обращение с его товарищами, или же о том, как поступают помещики со своими крепостными. Не менее живо

⁸¹ Милюков А.П. Литературные встречи и знакомства. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1890. С. 177.

⁸² См.: *Материалы 1883.* С. 85.

⁸³ *Было:* который

⁸⁴ *Было:* высказывался в том смысле, что «для этого все меры хороши» — т.е. для освобождения крестьян от крепостной зависимости. — *Мат. 1883.* Стр. 85-87.

помню его, рассказывающего свою “Неточку Незванову” гораздо полнее, чем она была напечатана; помню, с каким живым человеческим чувством относился он и тогда к тому общественному “проценту”, олицетворением которого явилась у него впоследствии Сонечка Мармеладова». *Мат.* 1883, стр. 90–91. — ср. «Голос минувшего». 1915. № 11, стр. 29–30. См. также А. Долинин. «Достоевский среди петрашевцев». «Звенья» № 6, 1936 г., стр. 512<–545>⁸⁵.

XVI.

Каков был круг чтения петрашевцев, можно видеть из перечня книг, захваченных у «титularного советника Буташевича-Петрашевского». См. Опись дела Аудиториатск<ого> департамента военного министерства 1-го стола 4-го отд<еления> № 55 за 1849 г. Ср. «Петрашевицы». 1928. III, стр. 368–371. Сб<орник> «Петрашевицы» — Материалы изд<ания> Академия наук т. 1. Цитата из Достоевского об идеях 1848 года — в «Дн<евнике> пис<ателя> за 1873 г.». *Соч.* XI, стр. 135. — О Тимковском и др<угих> фурьеристах в *сборн<ике> под ред. <П.Е.> Щёголева «Петрашевицы»*. 1928. Стр. 111 и проч. См. также «Петрашевицы» изд<ания> Академии наук т. II. — О Черносвитове см. нашу статью «Рафаил Черносвитов». *Журн<ал> «Каторга и ссылка»*. 1930, № 3, стр. 80–96. — О Спешневеве — «Петрашевицы», т. III, стр. 50–72 и нашу статью «Достоевский и утопический социализм». «Каторга и ссылка». 1929, № 52 (3), стр. 136–139. О Спешневеве как прототипе Ставрогина — В. Лейкина. «Петрашевицы». <Под ред. П.Е. Щёголева.> М.: *Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев*, 1924, стр. 53–54, а также Л.П. Гроссман. «Спешнев и Ставрогин». «Кат<орга> и ссылка». 1924, № 4 <, с. 130–136> (тот же Л.П. Гроссман утверждал, однако, что прототип Ставрогина — Бакунин. Критика этого домысла у Вяч<еслава> Павл<овича> Полонского. См. «Спор о Бакунине и Достоевском». Госизд<ат>. Ленигр<ад>, 1926).

XVII.

Письмо Белинского к Гоголю от 3(15) июля 1847 г. — см. *Белинский <В.Г.> Письма*. СПб. 1914. Т. III, стр. 230–239. Письмо Белин-

⁸⁵ В Мп РГБ последняя библиографическая ссылка отсутствует.

ского было вызвано письмом, которое Гоголь написал критику по поводу его статьи в «Современнике» о «Выбранных местах из переписки с друзьями». Известны ещё два письма Гоголя в ответ Белинскому — одно было послано, другое найдено в черновике. См. *В. Шенрок. «Письма Н.В. Гоголя». СПб. 1901, т. III, стр. 491–493, и т. IV, стр. 32–41 и 44–46.* По-видимому, Достоевский читал не только письмо Белинского, но и письмо Гоголя, но какое из этих трёх гоголевских писем, мы не знаем. Цитата о Нечаеве из «Дневн<ика> писат<еля>» 1873 года. *Соч. XI, стр. 136.* — О ночном посещении Аполлона Майкова Достоевским — см. сообщение Е. Покровской в сборн<ике> *Долин. I, стр. 255–272.*⁸⁶ — Главным преступлением Достоевского было официально признано его чтение письма Белинского к Гоголю, а между тем как раз этот факт едва ли свидетельствует о сочувствии Достоевского основной мысли Белинского. Действительное «преступление» Достоевского было в другом плане.⁸⁷ Это его участие в конспиративном деле, т.е. в организации нелегальной типографии, что как раз просмотрели следователи. Достоевский имел основание говорить, что изданная в Лейпциге книжка о пропаганде верна, но неполна. «Я, — пояснял он, — не вижу в ней моей роли»... «Многие обстоятельства, — прибавляет он, — совершенно ускользнули: цель и разговор пропал»... *Мат. 1883, стр. 90* (ср. «Общество пропаганды в 1849 году». Лейпциг, 1875). Теперь это становится несомненным после опубликования письма А.Н. Майкова к П.А. Висковатову (дата письма — 1885 г.) — см. *Долин. I, стр. 266–271.*

XVIII.

О погоде 22 апреля 1849 года у нас имеются противоречивые сведения. Андр<ей> Мих<айлович> Достоевский в своих воспоминаниях утверждает, что «день был очень жаркий», а д<окто>р Яновский говорит, что день с утра был «пасмурный».

Встреча с братом Андреем — в «*Воспоминаниях*» А.М. Достоевского, стр. 188. Не совсем ясно также, был или не был Достоевский на

⁸⁶ В Мп РГБ далее: — Относительно пятисот рублей, которые занял Достоевский у Спешнева — см. «Петрашевы». Ред. П.Е. Щёголева. 1926. Т. I, стр. 79–80 (ср. воспоминания С. Яновского. «Русск<ий> вестн<ик>» 1885, IV, стр. <815-817>).

⁸⁷ В Мп РГБ далее: Что касается чтения письма Белинского, то в своих показаниях Достоевский дал ему обстоятельное и близкое к истине объяснение.

последней «пятнице» Петрашевского. Семевский отмечает на этой «пятнице» присутствие М.М. Достоевского. Но Яновский сообщает, что Достоевский отправился от него именно к Петрашевскому, а сам Достоевский в альбом Милюкова написал, что он накануне ареста вернулся домой в четвёртом часу от Григорьева. Мы предположили, что Достоевский был у Петрашевского, но скоро от него ушёл, вероятно вместе с Григорьевым, у кого и провёл последнюю половину вечера и даже засиделся до трёх часов ночи — см. С. Яновский. «Воспоминания» (*В сборн<ике> «Петрашевы» <Т. 1.> 1926. Стр. 76–82; перепечат<ано> из «Русск<ого> вестн<ика>» 1886 г., IV, стр. 809–812; 815–819*); рассказ Ф.М. Достоевского об его аресте — в том же сборн<ике> «Петрашевы» <Т. 1.> — стр. 165–167 — перепечатано из воспоминаний А.П. Милюкова (из альбома его дочери О.А. Милюковой) — «Русск<ая> стар<ина>». 1881, т. V, стр. 705–706. — Григорьев, Николай Петрович (род. в 1822 г.), сын генерал-майора, с 1844 г. служил в лейб-гвард<ейском> конно-гренадёрском полку, написал⁸⁸ агитационный рассказ «Солдатская беседа», который читал на обеде у Спешнева в апреле 1849 г. Григорьев был приговорён к расстрелу, и его вывели к столбу на Семёновском плацу 22 декабря 1849 г. По конфирмации ему назначили 15 лет каторжных работ. Будучи ещё в Петропавловской крепости, он обнаружил душевное расстройство. К меланхолии он был склонен ещё до ареста. См. В. Лейкина. «Петрашевы». <Под ред. П.Е. Щёголева.> М.: Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1924. Стр. 115. — О последних «пятницах» Петрашевского и об агенте Антонелли — см. В.И. Семевский. «М.В. Буташевич-Петрашевский и петрашевы». М. 1922. Стр. 132–165. Ср. Георгий Чулков. «Учитель Белецкий и провокатор Антонелли». «Каторга и ссылка». 1932. Август.

XIX.

О появлении шефа жандармов Орлова рассказывает в своих воспоминаниях Андрей Михайлович, младший брат Достоевского, арестованный, по недоразумению, вместо Михаила Михайловича. См. *Восп. Андр. Мих. Д-го. Стр. 194. Ср. Мат. 1883. Стр. 100–103*. Орест Миллер спрашивал об аресте и следствии ряд лиц, причастных делу, — Спешнева, Дебу, Ястржембского и др. — Письмо Ф.М. Достоевского из крепости — см. *Пис. I, стр. 123–131*. — В следствен-

⁸⁸ Было: сочинил

ной комиссии деятельное участие принимал князь Гагарин, который произвёл на некоторых допрашиваемых тяжёлое впечатление, напр<имер> на Ястржембского; И.М. Дебу, напротив, казалось, что Гагарин держал себя на допросе благожелательно по отношению к арестованным. См. *Мат. 1883. Стр. 105.* — Рассказ самого Достоевского о выходе Ростовцева передан с его слов О. Миллером. См. *Мат. 1883. Стр. 106–107.* Письменное показание Достоевского было опубликовано в книге «Петрашевы». Изд. Саблина. М., 1907 (перепечатано в книге Ч. Ветринского (Вас<илий> Евгр<афович> Чешихин) «Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников». М. 1912 (первое издание). Стр. 306–323. — Подлинник всех показаний Достоевского имеется в архиве Аудиториатского департамента военного министерства 1-го стола 4-го отделения № 55 за 1849 г.: в 26-ой части дела сто тридцать листов посвящено отставному инженер-поручику Достоевскому; покойный В.И. Семевский снял копию с этого дела; она хранится в Рукописн<ом> отд<еле> библиотеки Коммунистической академии⁸⁹ — тетрадь А, 96 (дело Достоевского — 208–261 стр.). — Дело I экспедиции III-го отд<еления> собственной Е<го> И<мператорского> В<еличества> канцелярии № 214 за 1849 г. — 13-я часть дела относится к Достоевскому (66 листов) — хранится в Архиве революции (Центрархив). Ср. «Петрашевы» под ред. П.Е. Щёголева (три выпуска); ср. А.П. Милюков. «Литер<атурные> встречи и знакомства». СПб. 1890. <С. 167–249>; см. также — «Русск<ая> стар<ина>», 1881, книга 3-я, <с. 707–708> — перепечатано у Чешихина «Достоевский в воспоминаниях <современников>». М. 1923. Часть I, стр. 49–65. — Центральное место в показаниях Достоевского занимает его рассуждение о цензуре. По-видимому, он не был уверен в том, что его участие в организации нелегальной типографии останется тайной от следователей; по-видимому, он хотел подготовить психологическую и принципиальную мотивировку этого своего участия в конспиративном деле; как известно, однако, следственная комиссия не догадалась о роли Достоевского как участника кружка Спешнева; его настоящая роль выяснилась лишь после публикации письма А.Н. Майкова к П.А. Висковатову. См. статью Е. Покровской «Достоевский и петрашевы». Долин. I, стр. 257–272.⁹⁰

⁸⁹ С 1936 г. библиотека Академии наук СССР.

⁹⁰ В Мп РГБ далее: — Своеобразие идейной позиции Достоевского конца сороковых годов далеко ещё не разгадано современными исследователями его биографии и его мирозерцания. Большинство полагает, что Достоевский этой эпохи был как будто совсем иной человек, чем Достоевский в дни своей духовной зрелости, а между тем, несмотря на естественный внутренний рост его личности, несмотря на опыт

XX.

Из следственной комиссии дело Петрашевского поступило в особую Судную комиссию под председательством генерала Перовского. О.Ф. Миллер, со слов И.Л. Ястржембского, сообщает, что будто бы Судная комиссия не нашла в деле состава преступления. Николай с этим не согласился, и дело было передано в Аудиториатский департамент военного министерства. На докладе генерал-аудиториата имеется такая пометка: «Дело сие начато: следствием 29-го апреля 1849 г., судом 30-го сентября, кончено 16-го ноября, в Аудиториатский департамент поступило 13-го ноября». *Мат. 1883. Стр. 113.* — Приговор по делу Достоевского был сформулирован так: «Военный суд находит подсудимого Достоевского виновным в том, что он, получив в марте месяце сего года из Москвы от дворяни-

эшафота, каторги и его морального «подполья», Достоевский уже при первых встречах с Белинским, а позднее со Спешневым, был человеком «из ряда вон» и держался особой точки зрения, предreshившей, в сущности, всю его дальнейшую эволюцию. Будучи врагом тогдашней реакции, ненавистником крепостного права, сторонником свободы печати и прочих гражданских свобод, Достоевский в то же время не был республиканцем, как он сам показал в своих объяснениях следственной комиссии. По-видимому, уже тогда он был патриотом и даже романтиком монархизма, что, однако, не помешало ему вступить на революционный путь по отношению к тогдашней николаевской монархии. По свидетельству П.П. Семёнова-Тян-Шанского, в те годы «Достоевский был способен выйти на площадь с красным знаменем» (<Семёнов-Тян-Шанский П.П.>. «Детство и юность»<: В 2 т. Пг.: Изд. семьи, 1917. Т. 1.> стр. 204). Но, с другой стороны, А.П. Милюков в своих воспоминаниях подчёркивает, что и в 1849 году Достоевский не верил в западное решение политической и социальной проблемы. В частности, его отношение к фурыеризму было именно такое, каким он его изображает в своих показаниях. А.П. Милюков передаёт, что Достоевский «говорил, что жизнь в икарыйской коммуне и фаланстере представляется ему ужаснее и противнее всякой каторги» <*Чешихин* I. С. 53>. Все эти противоречия можно понять, приняв во внимание, что уже тогда Достоевский был, по своим убеждениям, христианином и даже, по свидетельству д<окто>ра Яновского, «говел у Вознесения». Это же подтверждает и первый биограф Достоевского О.Ф. Миллер. См. *Мат. 1883*, стр. 95. Немудрено, что Шимон Токаржевский, товарищ Достоевского по каторге, в своей книге, изданной в Варшаве в 1907 году, «*Sedem lat Katorgi*» <название книги установлено по черновому автографу авторских «Примечаний» (РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 179, л. 62); в пер. с польск. «*Семь лет каторги*»>, выражает удивление, каким образом Достоевский при его образе мысли мог оказаться политическим преступником. Однако «монархизм» Достоевского был не по вкусу ревнителям тогдашнего казённого порядка, и они почувствовали в писателе врага. Чрезвычайно любопытно в показании Достоевского его характеристика западноевропейского кризиса, его признание исторической необходимости революционного переворота во Франции. Враждебный тон Достоевского по адресу европейской буржуазии, который был так выразителен впоследствии в «Зимних заметках» и на некоторых страницах «Дневника писателя», звучит в его показаниях достаточно убедительно.

на Плещеева (подсудимого) копию преступного письма литератора Белинского, — читал это письмо в собраниях: сначала у подсудимого Дурова, потом у подсудимого Петрашевского и, наконец, передал его для списания копий подсудимому Момбелли. Достоевский был у подсудимого Спешнева во время чтения возмутительного сочинения поручика Григорьева под названием «Солдатская беседа». А потому военный суд приговорил его, отставного инженер-поручика Достоевского, за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письме литератора Белинского и злоумышленного сочинения поручика Григорьева, — лишить на основании Свода военных постановлений ч<ась> V, кн<ига> 1, ст<атьи> 142, 144, 169, 170, 172, 174, 175, 177 и 178, чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием». См. «Петрашевы». *Сборн<ик> матер<иалов>*. Ред. П.Е. Щёголева. 1928. Т. III-й. Стр. 207-208. — Заключение генерал-аудиториата от 19 ноября 1849 года заменяло смертную казнь лишением всех прав состояния и ссылкой в каторжную работу в крепостях на восемь лет. На этом «заключении» Николай пометил: «На 4 года, а потом рядовым». См. «Петрашевы». 1928. Т. III-й. Стр. 335.

Описание экзекуции на Семёновском плацу — в книге П.И. Столянского «Революционный Петербург». 1922. Стр. 199–202. — *Мат. 1883*. Стр. 116–122. — Л.П. Гроссман. «Гражданская смерть Достоевского». «Лит<ературное> наследство» 1925 г. № 22/24. Из подробностей, переданных О.Ф. Миллером, любопытен рассказ Н.А. Момбелли, которому будто бы Достоевский успел на Семёновском плацу рассказать сюжет повести, которую он обдумывал в крепости. Сам Достоевский рассказывал О.Ф. Миллеру, что был вполне убеждён в неизбежности казни, когда увидел священника с крестом: Достоевский не мог допустить мысли, что не постыдятся привлечь священника к исполнению этой гнусной комедии, какая была разыграна на Семёновском плацу.

Цитированное письмо Достоевского от 22 декабря 1849 года имеется в изд<ании> под ред. Долинина — *Пис. I, стр. 128–131*. — Рассказ о смертной казни в романе «Идиот» — *Соч. VI, стр. 21–22 и 55–56*. В «Русском инвалиде» от 22 декабря 1849 года было напечатано правительственное сообщение, в котором, между прочим, было сказано: «Пагубные ученья, породившие смуты и мятежи во всей Западной Европе и угрожающие ниспровержением всякого порядка и благосостояния народов, отозвались, к сожалению, в некоторой степени и в нашем отечестве»... «Горсть людей, совершенно ничтожных, большею частью молодых и безнравственных, мечтала

о возможности поправить священнейшие права религии, закона и собственности»...

XXI.

О том, как Достоевского отправили из крепости в ночь под Рождество, имеются воспоминания А.П. Милюкова. Ср. *Мат. 1883. Стр. 123*. Рассказ самого Достоевского — в письме к брату от 22 февраля 1854 г. из Омска (после отбытия каторги) — см. *Пис. I, стр. 132–136*. — Воспоминание Достоевского о жёнах декабристов, посетивших в Тобольске «петрашевцев» — в «Дневнике писателя» за 1873 год, январь, — «Старые люди» — см. *Соч. XI, стр. 10*: «Мы увидели этих великих страдалец, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. Они бросили всё, знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть. Ни в чём неповинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли всё, что перенесли их осуждённые мужья». — О приезде арестованных в Тобольск имеется рассказ И.Л. Ястржембского — см. *Мат. 1883, стр. 125–127*. — Воспоминания М.Д. Францевой в *«Историческом вестнике» 1888, июнь, стр. 628–632*.

XXII.

Рассказ о первых днях каторги основан на сообщениях О.Ф. Миллера. См. *Мат. 1883. Стр. 128–142*. Здесь выясняются пределы автобиографического элемента в «Записках из Мёртвого дома». — Сам Достоевский о своём пребывании на каторге довольно обстоятельно рассказывает в письме к брату Михаилу от 22 февраля 1854 года из Омска (тотчас же по выходе из острога). См. *Пис. I, стр. 132–140*. Любопытно также в этом отношении письмо Достоевского к Н.Д. Фон-Визинной, написанное приблизительно в то же время. См. *Пис. I, стр. 141–145*. — Вся наша XXII глава основана, главным образом, на текстах «Записок из Мёртвого дома», а именно: описание острога — из гл<ав> «Мёртвый дом» и «Первые впечатления». См. *Соч. III, стр. 308, 322* и след<ующие>. — О Газине — *стр. 332–334 и 342–344*. — О первых работах — из гл<авы> «Первый месяц» — *стр. 375, 379, 382–384*.

XXIII.

Вся двадцать третья глава основана на «Записках из Мёртвого дома», причём текст иногда цитируется буквально, иногда с некоторыми сокращениями. См. *Соч. III* — о казённом цирюльнике см. *стр. 385–386*; о болезни Дурова — *стр. 387*; обжигание алебастра — *стр. 338*; о снеге — *стр. 389*; о бане — *стр. 408–409*; о госпитале — *стр. 445 и след<ующие>*; о смерти арестанта — *стр. 455–456*.

XXIV.

Письмо к брату Михаилу от 22 февраля 1854. См. *Пис. I, стр. 132–141*. — «Записки из Мёртвого дома». *Соч. III*. — Рассказ о татарине Алее — *стр. 355–359*; о разбойнике Орлове — *стр. 350–352*; о бунте в остроге — *стр. 526–531*. — Фраза «Je hais les brigands» («Я ненавижу разбойников») была произнесена, по-видимому, Богуславским и весьма характерна для безразличного отношения поляков-дворян к их товарищам по каторге. В «Записках из Мёртвого дома» Достоевский пишет об этом Иосифе Богуславском: «Б-кий был больной, несколько наклонный к чахотке человек, раздражительный и нервный, но в сущности предобрый и даже великодушный. Раздражительность его доходила иногда до чрезвычайной нетерпимости и капризов. Я не вынес этого характера и впоследствии разошёлся с Б-м, но зато никогда не переставал любить его»... «Разойдясь с Б-м, так случилось, что я тотчас же должен был разойтись и с Т-ским, тем самым молодым человеком, о котором я упоминал в предыдущей главе, рассказывая о нашей претензии. Это было мне очень жаль. Т-ский был хоть и не образованный человек, но добрый, мужественный, славный молодой человек, одним словом»... *Соч. III, стр. 534–535*. — По сообщению С.Н. Браиловского («*Исторический вестник*», 1908, апрель)⁹¹, Токаржевский (у Достоевского — Т-кий) в молодости принадлежал к союзу так называемых «святокрестовиков». Выйдя из каторги в 1857 году, он снова увлёкся политикой и в начале 60-х годов опять попал в Сибирь, откуда вернулся на родину лишь в 1883 году. Свои записки «Семь лет каторги» Токаржевский написал спустя тридцать девять лет после омской своей жизни. В этих записках много неприязненного по отношению Достоевского, хотя сам Достоевский в сво-

⁹¹ См.: Браиловский С.Н. Ф.М. Достоевский в омской каторге и поляки // Исторический вестник. 1908. № 4. С. 189–198.

их записках ничего худого не говорит о Токаржевском. Шимон Токаржевский обвиняет Достоевского в том, что он был связан будто бы предрассудками дворянского сословия; ему также «ещё тяжелее было слышать, что Достоевский признавал Украину, Волынь, Подолию, Литву исконною собственностью России, а не захваченными землями; Достоевский твердил, что Константинополь должен принадлежать России; однажды будто бы Достоевский прочитал Токаржевскому и другим полякам оду на предстоящее русскими завоевание Константинополя; на иронический вопрос Токаржевского: “А нет ли у вас оды на возвратный путь?” — Достоевский будто бы закричал, что они “невежды и варвары”; Достоевский утверждал, что русский народ “предназначен выполнить великую миссию”... Сообщение С. Браиловского сделано в тоне, сочувственном Токаржевскому. Иное освещение записок Токаржевского дано в статье В. Храевича «Достоевский в воспоминаниях ссыльного поляка» (*«Русск<ая> старина»*, 1910, февраль <, с. 367–376> и март <, с. 605–620>). Записки Токаржевского были изданы в Варшаве в 1907 году. См. также Шимон Токаржевский «Ф.М. Достоевский в Омской каторге». Перевод с польского В. Арендт. *«Звенья»* 1936 г. № 6. <С. 495–512>⁹². К числу сомнительных сообщений относится рассказ некоего Рожновского, который называет себя товарищем Достоевского по каторге. Этот рассказ был опубликован в 1882 году в газете «Кавказ», перепечатан в том же году в «Отечественных записках». Ср. *Н.В. Успенский. «Из прошлого»*. М., 1889. Стр. 168–178. Рассказ Рожновского перепечатан *В.Е. Чешихиным-Ветринским* в его книжке *«Достоевский в воспоминаниях современников»*. М., 1923. Часть 1-ая, стр. 71–73. — Рожновский уверяет, что Достоевский был дважды наказан телесно по приказанию плац-майора, характеристика коего имеется в «Записках из Мёртвого дома». В первый раз Достоевский будто бы наказан был за то, что предъявил претензию по поводу найденной в пище одного арестанта какой-то грязной тряпки с завернутой в неё костью. В другой раз, во время работы на барже, Рожновский уронил в воду топор, и Достоевский с другим арестантом держал канат, на котором Рожновский спустился в воду за топором. Неожиданно приехавший на работу плац-майор приказал Достоевскому бросить канат. Достоевский и другой арестант не послушались. «Не знаю, как их наказывали, — говорит Рожновский, — только пронёсся на другой день слух у нас, что Достоевский умер. Я поверил этому, зная, что он не привык к подобным пыткам, да притом и болен был ещё»...

⁹² В Мп РГБ последняя библиографическая ссылка отсутствует.

Эта легенда о наказании Достоевского едва ли соответствует действительности. Из политических ссыльных наказан был розгами один только старик Ж-ий. Об этом случае Достоевский рассказывает в своих «Записках из Мёртвого дома». Самоуправство плац-майора вызвало неудовольствие начальства. К тому же у Достоевского были в Омске покровители из декабристов, у которых были связи с губернской властью, и Достоевский пользовался некоторыми льготами. Достоевский сообщал О.Ф. Миллеру, что дочери генерал-губернатора, приехавшие из России и гостившие у отца, также хлопотали о нём, и генерал-губернатор дал понять плац-майору, чтобы он был осторожнее в своём обращении с политическими.⁹³

А.Е. Врангель, хорошо знавший Достоевского в Семипалатинске, пишет в своих воспоминаниях: «Могу засвидетельствовать со слов самого Ф<ёдора> М<ихайловича>, что ни на каторге, ни в бытность его бессрочным солдатом его никогда никто из начальства или товарищей каторжников, или солдат — пальцем не тронул, и всё появлявшееся об этом в печати — несомненно вымысел». *Бар<он> А.Е. Врангель. «Воспоминания о Достоевском в Сибири». 1854–1856 гг.»*. СПб. 1912. Стр. 14.

⁹³ В Мп РГБ далее: «Из-за начала болезни Ф<ёдора> М<ихайловича>, — пишет О. Миллер, — в нашей печати, после его смерти, завязалась, как известно, полемика. Нет, я полагаю, никакой надобности воспроизводить её здесь. Достаточно сказать, что такой близкий к Ф<ёдору> М<ихайловичу> человек, как доктор Ст<ефан> Дм<итриевич> Яновский, утверждает, что болезнь, от которой он лечил его ещё до ссылки в Сибирь, имела уже несомненные признаки падучей, и по временам в такой сильной степени, что угрожала серьёзной опасностью жизни. В письме своём к А.Н. Майкову из Швейцарии от 12 марта 1881 года д<окто>р Яновский, касаясь упомянутой полемики, указывает на соединённую с нею тенденцию "доказать не падающую, а то страшное и незабываемое"... (т.е. розги). "Никогда и ничего подобного, — пишет г. Яновский, — ни от Ф<ёдора> М<ихайловича>, ни от брата его М<ихаила> М<ихайловича>, с которым я однако же не один раз прямо на эту тему разговаривал, я не слышал"... Дело в том, что и про М<ихаила> М<ихайловича> существовала сходная легенда, будто привычное у него подёргивание головы и плеч происходит от того, что он, при допросах по делу Петрашевского, был подвергнут телесному наказанию. По словам д<окто>ра Яновского, М<ихаил> М<ихайлович> клятвенно его уверял, что это наглая ложь. "Когда же, — продолжает С.Д. Яновский, — М<ихаил> М<ихайлович> окончил свой рассказ, тогда Ф<ёдор> М<ихайлович>, бывший в тот раз в особенно хорошем расположении духа, рассказывал нам много эпизодов из своей каторжной жизни, и при этом не было произнесено ничего подобного"... "Наконец, на днях, — прибавляет д<окто>р Яновский, — остановившись в Женеве, я провёл несколько часов в беседе с нашим протоиереем Аф<анасием> Констан<антиновичем> Петровым... Он лично знал Ф<ёдора> М<ихайловича> и его теперешнюю вдову... Этот господин мне сообщил, что Ф<ёдор> М<ихайлович> вёл с ним частые и откровенные беседы о том, что он был до ссылки, что было с ним в каторге... но никогда Ф<ёдор> М<ихайлович> даже не намекнул ему о "том страшном и незабываемом"» <Материалы 1883. С. 140>. —

Двадцать пятая глава нашей биографии основана на «Записках из Мёртвого дома» («Выход из каторги» — *Соч. III, стр. 557–560*). В этой же заключительной главе «Записок» Достоевский сообщал: «В последнее время я вообще имел больше льгот, чем во всё время каторги. В том городе между служащими военными у меня оказались знакомые»... В письме к брату от 22 февраля того же 1854 года Достоевский рассказывает об одном из этих знакомых — К.И. «Что за семейство у него! Какая жена! Это молодая дама, дочь декабриста И.А. Анненкова. Что за сердце, что за душа, и сколько они вытерпели!» — *Пис. I, стр. 139*. — К.И., о котором пишет брату Достоевский, — Константин Иванович Иванов <1823–1887>, женатый на дочери декабриста И.А. Анненкова (1802–1874), Ольге Ивановне <1830–1891>. К.И. Иванов в 1854 году по службе своей был переведён в Петербург и впоследствии был адъютантом штаба генерал-инспектора по инженерной части. Он пользовался расположением <Э.И.> Тотлебена, который, как известно, оказывал всяческое содействие в деле освобождения Достоевского от всяких ограничительных административных мер после выхода его из каторги. Об О.И. Ивановой см. также «Воспоминания» Врангеля — *стр. 13*.

Рассказывая в «Записках» о своих омских покровителях, Достоевский пишет: «Через них я мог иметь больше денег, мог писать на родину и даже мог иметь книги. Уже несколько лет как я не читал ни одной книги, и трудно отдать отчёт о том странном и вместе волнующем впечатлении, которое произвела во мне первая прочитанная мною в остроге книга. Помню, я начал читать с вечера, когда заперли казарму, и прочитал всю ночь до зари. Это был номер одного журнала. Точно весть с того света прилетела ко мне»... «Прежде же, при прежнем плац-майоре, даже опасно было носить книги в каторгу»... «И потому, живя без книг, я поневоле углублялся в самого себя»⁹⁴...⁹⁵ О жизни Достоевского после каторги в Семипалатинске мы знаем, главным образом, по его письмам к брату Михаилу и по «Воспоминаниям» бар<она> А.Е. Врангеля. —⁹⁶ Сибирская запи-

⁹⁴ См.: ПСХП. Т. 3. С. 557–558 («Записки из Мёртвого дома»).

⁹⁵ В *Мп РГБ далее*: По словам А.П. Милюкова, Ф<ёдор> М<ихайлович>ч и по своём возвращении в Петербург «с горечью вспоминал о своём отчуждении от литературы», хотя и тут прибавлял, что, «читая по необходимости одну Библию, он яснее и глубже мог понять смысл христианства». Мат. 1883, стр. 141. —

⁹⁶ В *Мп РГБ далее*: Цитируемое письмо к Наталье Дмитриевне Фон-Визин напи-

сная тетрадь Ф.М. Достоевского, опубликованная Л.П. Гроссманом. «Звенья» 1936 г. № 6, стр. 413<–438>⁹⁷.

XXVI.

Двадцать шестая глава, посвящённая первой любви Достоевского, основана, главным образом, на трёх источниках: во-первых, на письмах Достоевского к А.Е. Врангелю; во-вторых, на «Воспоминаниях» Врангеля; в-третьих, на письмах Достоевского к брату Михаилу. В письме к Врангелю от 9 марта 1857 года Достоевский сообщает, что он обвенчался с М.Д. Исаевой (шестого февраля в Кузнецке). См. Пис. I, стр. 215.⁹⁸ См. «Обыск брачный» № 17 у Л.П. Гроссмана «Жизнь и труды Достоевского», стр. 84. Письма Валиханова к Ф.М. Достоевскому хранятся в Отделе рукописей Госуд<арственной> публ<ичной> библиотеки им. В.И. Ле-

сано в 20-х числах февраля 1854 года. См. Пис. I, стр. 141–143. В конце цитаты в фразе «верить, что нет ничего прекраснее»... мы пропустили одно слово, которое предположительно читается «симпатичнее». Эпитет этот представляется нам в данном случае неуместным, и чтение слова кажется нам сомнительным. А.С. Долинин, комментируя это письмо, пишет: «Достоевский исповедывается перед ней в своём неверии», т.е. перед Н.Д. Фон-Визиной. Если «веру» понимать как слепое доверие к авторитету, то, разумеется, в этом смысле Достоевский никогда не был «верующим». Однако с христианской точки зрения, «вера» есть особое духовное состояние, исполненное антиполитичности, а психологически оно объяснимо как непрестанная внутренняя борьба уверенности и сомнений. Эта «диалектика» веры весьма типична даже для «подвижников». Таким образом, цитату из письма Достоевского к Н.Д. Фон-Визиной едва ли можно назвать «исповедью неверия», скорее — напротив: самое примечательное в ней — это апология Христа и признание Достоевским Его исключительности и абсолютности. —

⁹⁷ В Мп РГБ последняя библиографическая ссылка отсутствует.

⁹⁸ В Мп РГБ далее: Биограф Достоевского О.Ф. Миллер предположил, что это ошибка, так как «в письме от 27 февраля» Достоевский «только ещё предвещает свою свадьбу». См. Мат. 1883, стр. 153. Однако комментатор писем Достоевского А.С. Долинин склонен думать, <что> эта дата свадьбы, указанная Достоевским, соответствует действительности. Письмо, начинающееся словами — «на письмо ваше, бесценный друг, бесценный брат мой, отвечаю этим коротеньким письмецом»... — датируется (в Мат. 1883, стр. 107–109 и у Врангеля в «Воспоминаниях»), стр. 167–170) — 25 января 1857 г. Долинин напечатал это письмо по подлиннику М<осковского> ист<орического> муз<ея>, причём в комментариях сообщает: «На письме дата 25 февраля; датируем я н в а р ё м, так как письмо писано, как видно из содержания, до женитьбы, которая состоялась 6 февраля 1857 г. в гор<оде> Кузнецке. См. Пис. I, стр. 537. — О каком письме от 27 февраля говорит О.Ф. Миллер — мы не знаем. В письме Достоевского от 23 февраля 1857 года к В.М. Карепиной дата женитьбы также указана точно — 6 февраля.

нина. Письма А.Е. Врангеля к Ф.М. Достоевскому хранятся в Ц<ентральном> госуд<арственном> лит<ературном> архиве⁹⁹. Чрезвычайная скупость биографа Достоевского в изложении фактов, касающихся первого брака писателя, объясняется отчасти тем, что Анна Григорьевна Достоевская (Сниткина), вторая жена писателя, ревниво зачёркивала в письмах, попавших к ней в руки, всё, что касалось М.Д. Исаевой. Возможно предположить, что она целиком уничтожила некоторые письма. Бар<он> А.Е. Врангель в своих воспоминаниях свидетельствует, что Достоевский писал в Кузнецк к своей возлюбленной письма объёмом в целые тетради, что весьма правдоподобно, если принять во внимание эпистолярную манеру Достоевского и ту большую любовную страсть, которая им тогда овладела. Разгадать истинное лицо М.Д. Исаевой очень трудно по скудости материалов.¹⁰⁰ Рассказ Л.Ф. Достоевской основан на

⁹⁹ См. позднейшую публикацию: Письма А.Е. Врангеля к Достоевскому (публ. Т.И. Орнатской) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 3. Л.: Наука, 1978. С. 258–285.

¹⁰⁰ В *Мн РГБ далее*: С большой осторожностью надо отнестись к литературной гипотезе, в силу коей М.Д. Исаева считается прототипом Настасьи Филипповны. Любопытно, что в романе Достоевского с М.Д. Исаевой остаётся невыясненной интимная сторона их взаимных отношений: мы не знаем, например, была ли у Достоевского любовная связь с Марьей Дмитриевной до их свадьбы. Вопрос об этом можно поставить, хотя сам Достоевский в письмах к родным подчёркивает, по понятным причинам, нравственную безупречность Марии Дмитриевны и своё уважение и дружеские чувства, которые он питал к её мужу. (См. письмо к В.М. Карепиной от 22 декабря 1856 г. — Пис. I, стр. 207–208). Вопрос, нами затронутый, можно, однако, поставить, если вспомнить, например, рассказ А.Е. Врангеля о проводах Исаевых в Кузнецк: «Обнялись мои голубки, оба утирали слёзы, а я перетаскивал пьяного, сонного Исаева и усаживал его в повозку»... А.Е. Врангель. «Воспоминания» о Дост<оевском>. СПб. 1912, стр. 51. Мало того, сам Достоевский делает намёк на бывшую близость с М<арией> Д<митриевной> в письме к Врангелю от 14 июля 1856 года: «В эти два дня она вспоминала прошлое и её сердце опять обратилось ко мне». Слова «вспоминала прошлое» подчёркнуты Достоевским. А ещё ранее в письме к тому же Врангелю от 23 марта 1856 года Достоевский выражает уверенность, что, несмотря на увлечение М.Д. Исаевой «симпатичным учителем», она всё-таки любит его, Достоевского: это видно «по её грусти, тоске, по её неоднократным порывам в письмах и ещё по многому, что не напишу вам»... «Друг мой! — признаётся Достоевский, — я никогда не был с вами вполне откровенен на этот счёт»... Но Врангель, судя по его воспоминаниям, всё-таки догадывался об истинных отношениях Достоевского к М.Д. Исаевой. Они, между прочим, говорили друг другу «ты» ещё при жизни мужа, хотя едва ли в его присутствии, принимая во внимание тогдашние провинциальные нравы.

Мы не знаем также, была ли у М.Д. Исаевой связь с учителем Вергуновым. В этом отношении её биография пока ещё столь же загадочна, как биография Настасьи Филипповны, которая, уехав в Москву, кутила с какими-то офицерами и как-то мучила Рогожина, издевалась над его страстью.

пристрастных сообщениях А.Г. Достоевской и на её собственных измышлениях, весьма развязных и циничных.¹⁰¹

XXVII.

История переселения Достоевского из Семипалатинска в Тверь и пребывание его в Твери изложена на основании писем Достоевского 1857–1859 годов. См. *Пис. I, стр. 215–290*. — Там же полный текст билета № 2030 на проезд в город Тверь, *стр. 543*. Об этом времени у О.Ф. Миллера — *Мат. 1883, стр. 153–167*. Любопытно отметить, что в связи с тогдашними планами Достоевского издать сочинения в двух или трёх томах, он намеревался переделать «Двойника». «Они увидят, наконец, что такое “Двойник”! — писал он брату 1 октября 1859 года. — Я надеюсь слишком даже заинтересовать. Одним словом, я вызываю всех на бой (и наконец, если я теперь не поправлю “Двойника”, то когда же я его поправлю? Зачем мне терять превосходную идею, величайший тип, по своей социальной важности, который я первый открыл и которого я был провозвестником)»¹⁰². — «Двойник», однако, был переделан только в 1866 году для издания Стелловского¹⁰³, и неудачно, по мнению самого Достоевского.

¹⁰¹ В *Мн РГБ далее*: В её книжке, вышедшей на немецком языке, мы читаем, между прочим: «Накануне своей свадьбы Мария Дмитриевна провела ночь у своего возлюбленного, ничтожного домашнего учителя, красивого мужчины, которого она отыскала после прибытия в Кузнецк и которого она втайне любила давно»... «Эта бесстыдная женщина была дочерью наполеоновского мамелюка, попавшего в плен во время отступления из Москвы и впоследствии привезённого в Астрахань, где он переменял религию и имя для того, чтобы жениться на девушке из хорошей семьи, без памяти влюбившейся в него. По странной игре природы, Мария Дмитриевна всецело унаследовала русский тип своей матери. Я видела её портрет. Ничто не выдавало её восточного происхождения». «Достоевский в изображении его дочери». Госизд<ат>. 1922, стр. 23–29. На самом деле, вся эта история первой любви Достоевского была гораздо сложнее и значительнее, о чём свидетельствует он сам: «Отношения с М<арией> Д<митриевой> занимали всего меня в последние два года. По крайней мере, ж и л, хотя страдал, да жил!»... *Пис. I, стр. 213*.

¹⁰² *Письма I. С. 257*.

¹⁰³ В *Мн РГБ далее*: В связи с заботами о наилучшем устройстве литературных дел Достоевский пишет брату: «Меня, брат, много всё это волнует. Точно мы какие-то проклятые вышли. Смотришь на других: ни таланту, ни способностей — а выходит человек в люди, составляет капитал. А мы бьёмся, бьёмся... Я уверен, например, что у нас с тобой гораздо больше и ловкости и знания дела, чем у Краевских и Некрасовых. Ведь это мужичё в литературе. А между прочим они богатеют, а мы сидим на мели»... *Пис. I, стр. 286*. —

Некрасов в письме к М.М. Достоевскому предлагал за «Село Степанчиково» тысячу рублей и до 500 оттисков повести, которые Достоевский мог продавать в свою пользу. Краевский предложил 1500 рублей, и повесть осталась за ним. — В Твери навещали Достоевского — брат Михаил, А.Е. Врангель и С.Д. Яновский.¹⁰⁴ Воспоминания Яновского о Достоевском — в «*Русск<ом> вестн<ике>*» 1885 г., кн<ига> IV. <С. 796–819>. — А.П. Милюков в своих воспоминаниях («*Русск<ая> стар<ина>*» 1881, кн<ига> 5 <, с. 35>) сообщает, что во время пребывания Достоевского в Твери, по его требованию, он, Милюков, посылал ему журналы и книги, среди коих были — Псалтирь на славянском языке, Коран во французском переводе и «*Les romans de Voltaire*»¹⁰⁵... Милюков тогда заведывал редакцией журнала «Светоч». Эта редакция также не прочь была приобрести «Село Степанчиково». — Относительно памфлетного и пародийного характера повести «Село Степанчиково» см. работу Юрия Тынянова «*Достоевский и Гоголь*», изд. Опояз. 1921. (перепечатано в книге <Тынянов Ю.Н.> «*Архаисты и новаторы*». <Л.: Прибой, 1929>).

XXVIII.

О встрече Достоевского на петербургском вокзале в 1859 году — см. «Воспоминания А.П. Милюкова». «*Русск<ая> стар<ина>*». 1881, кн<ига> 5 <, с. 35> и в книге А.П. Милюкова «*Литер<атурные> встречи и знакомства*». СПб., 1890. <С. 209–210.> — О первых встречах с Достоевским см. Н.Н. Страхов. *Мат. 1883, стр. 180–183*. Описывая наружность Достоевского в 1859 году, Страхов, между прочим, говорит: «Помню также, как я в первый раз увидел, почти мельком, его первую жену, Марию Дмитриевну; она произвела на меня очень приятное впечатление бледностью и нежными чертами своего лица, хотя эти черты были неправильны и мелки; видно было и расположение к болезни, которая свела её в могилу». *Мат. 1883, стр. 181*. Это одно из немногих упоминаний в мемуарной литературе о М.Д. Достоевской в тогдашнем Петербур-

¹⁰⁴ В Мп РГБ далее: Последний был женат на артистке А.И. Шуберт.

¹⁰⁵ «Романы Вольтера» (фр.).

ге.^{106 107} О чтении Достоевским «Ревизора» в зале Руадзе см. *Врангель «Воспоминания»*. СПб. 1912. Стр. 204. — Там же *Врангель* сообщает о семейной жизни Достоевского: «Мария Дмитриевна вечно хворала, капризничала и ревновала»... *Восп. Стр. 201*. «Наконец, в январе 1860 года, — пишет Врангель, — Достоевский получил разрешение поселиться в Петербурге. Он не замедлил переехать сюда, но один; жену устроил в Москве, так как климат петербургский был вреден для её слабых лёгких. Поселился он, как мне помнится, на Гороховой улице»... *Ibid. Стр. 203*. Разрешение на въезд в Петербург Достоевский получил ещё в ноябре 1859 года, но возможно, что Врангель прав, утверждая, что Достоевский появился в Петербурге в январе 1860 года. О предполагавшемся издании журнала «Время» см. *восп<оминания> Страхова. Мат. 1883. Стр. 187–207*. Ср. А.С. Долинин. «К цензурной истории первых двух журналов Достоевского». *Долин. II, стр. 559–577*. Из сообщений А.С. Долинина видно, что мысль об издании своего журнала возникла у Мих<аила> Мих<айловича> Достоевского уже в 1858 г., когда

¹⁰⁶ *Далее было*: Впоследствии Достоевский перевёз её в Москву и жил в Петербурге без неё. По-видимому, их брачные отношения были на ущербе, а может быть, и вовсе были прерваны. <Нрзб.>

¹⁰⁷ *В Мп РГБ далее*: — Характеризуя ту литературную среду, в которой оказался Достоевский, Н.Н. Страхов пишет: «С удивлением замечал я, что тут не придавалось никакой важности всякого рода ф и з и ч е с к и м излишества и отступлениям от нормального порядка. Люди, чрезвычайно чуткие в нравственном отношении, питавшие самый возвышенный образ мыслей и даже большею частью сами чуждые какой-нибудь физической распушенности, смотрели, однако, совершенно спокойно на все беспорядки этого рода, говорили об них, как о забавных пустяках, которым предаваться вполне позволительно в свободную минуту. Безобразие духовное судилось только и строго; безобразия плотское не ставилось ни во что. Эта странная э м а н с и п а ц и я п л о т и действовала соблазнительно и в некоторых случаях повела к последствиям, о которых больно и страшно вспомнить». <Материалы 1883, > стр. 183–184. Н.Н. Страхов в своих «апологетических» мемуарах, посвящённых Достоевскому, умалчивает о том, как сам Достоевский оценивал разврат, о котором сообщает он, Страхов. Характеристика тогдашней литературной среды, может быть, и справедлива в известной мере, но назидательный и отчасти фарисейский тон Страхова объясняется также и тем, что в начале восьмидесятых годов Страхов был почитателем Льва Толстого и судил обо всём «по-толстовски». Известно, что в письме от 23 ноября 1883 года к Л.Н. Толстому Страхов, не замечая своей низости, «исповедуется» в том, что писал мемуары о Достоевском против совести, и тут же возводит на умершего писателя самые отвратительные обвинения. См. Толстовский музей. СПб. 1914. Т. II, стр. 307–308. Любопытно, что Толстой с удовольствием, без всяких возражений принял грязные сообщения Страхова и, сравнивая Прессанс с Достоевским, уподобляет их «рысакам с заминкою». Вот, мол, Тургенев — тот «без заминки». И тут же наивно пророчесствует, что, по этому самому, «Тургенев и переживёт Достоевского». <Толстовский музей. СПб. 1914. Т. II, > стр. 309.

Фёдор Михайлович Достоевский жил ещё в Семипалатинске. — Сообщение О.Ф. Миллера о «социализме» Достоевского было им сделано по поводу отношения Достоевского к вопросу о польском национализме. См. *Мат. 1883, стр. 175.* — Об отношении Достоевского к А.И. Шуберт (1827–1909) — см. письма Достоевского к ней. *Лис. I, стр. 291–299.* См. также воспоминания А.И. Шуберт. *Ежегодник императорских театров. 1912. <Вып. 2. С. СХХIII–СХХIV.>* — Отдельное издание А.И. Шуберт «Моя жизнь» с предисловием А. Дермана. Издано «Academia». Ленинград. 1929. <С. 201.> Здесь в главе VIII упоминается о Достоевском.

XXIX.

Воспоминания об основании журнала «Время» имеются у Н.Н. Страхова. См. *Мат. 1883. Стр. 177–198.* Первая публикация с программой журнала напечатана Страховым в его воспоминаниях. Эта программа, а также объявления на журнал «Время» 1862 и 1863 гг., имеются в приложении к XIII-му тому сочинений Достоевского изд. 1930 г. под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. <ПСХП. Т. 13.> Стр. 496–506. — Роман «Униженные и оскорблённые. Из записок неудавшегося литератора». (Посвящение М.М. Достоевскому) — печатался в журнале «Время» 1861 г. в течение семи месяцев, с января по июль. Сам Достоевский впоследствии признавался, что писал этот роман торопливо, к срокам, чтобы поддержать журнал, и был недоволен своим произведением.¹⁰⁸ Во время работы над романом «Униженные и оскорблённые» Достоевский жил на Средней Мещанской. Об этом сообщает Н.Н. Страхов — см. *Мат. 1883, стр. 223.*¹⁰⁹ «Пейзаж» Вознесенского проспекта взят нами из романа «Униженные и оскорблённые» — см. *Соч. III, стр. 5 и 51.* Цитата из речей Валковского — <Ibid.>, стр. 212 и 216.

¹⁰⁸ В *Мн РГБ далее*: Однако в этом несовершенном романе, непосредственно прилегающем к повестям Достоевского сороковых годов и даже к «Бедным людям», нашему «первому социальному роману», по заявлению Белинского, имеются уже такие мотивы, которые нашли себе более полное выражение в последующих больших романах Достоевского. Князь Валковский, например, предтеча Свидригайлова и прочих «идейных» циников. —

¹⁰⁹ В *Мн РГБ далее*: Поэтому не совсем понятно замечание Н.П. Анциферова: «К сожалению, за весь длинный период, вплоть до отъезда Достоевского за границу, 11 апреля 1867 г., с молодой женой, мне не удалось установить ни одного петербургского адреса». См. <Анциферов Н.П.> «Петербург Достоевского». 1923, стр. 22. —

XXX.

Относительно верности Достоевского «социальному утопизму» после возвращения его из Сибири в Петербург — см. статью В.Л. Комаровича «“Мировая гармония” Достоевского». *«Атеней»*. *Ист<орико>-лит<ературный> временник*. Изд<-во> «Атеней». 1924. Книга I–II. Стр. 112–142. — Статьи Достоевского во «Времени» и «Эпохе» за 1861–1865 годы наиболее полно представлены в XIII-м томе собр<ания> соч<инений> под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. Госизд<ат>. 1930. — Стихотворение «Шёпот, робкое дыханье»..., цитируемое Достоевским без указания автора в статье «Г.–бов и вопрос об искусстве», принадлежит Фету и долгое время было мишенью для насмешек со стороны «утилитаристов», которые видели в нём яркий пример бесполезного «искусства для искусства». — Цитата о Петре Великом — см. *Соч. XIII, стр. 108*; цитата о реформе Петра из статьи «Два лагеря теоретиков» — см. *Соч. XIII, стр. 242*. Относительно борьбы Достоевского с «Искрою» и вульгарным «обличительством» см. статью В.С. Дороватовской-Любимовой «Достоевский и шестидесятники». *Сборн<ик> «Достоевский»*. *Труды Госуд<арственной> акад<емии> худож<ественных> наук*. *Литер<атурная> секция*. Вып. III. М. 1928. Стр. 5–60.

XXXI.

О студенческой истории 1861 года — см. *Мат. 1883, стр. 229–234*. Рассказ о свиданье Достоевского с Н.Г. Чернышевским имеется в «Дневн<ике> писат<еля>» за 1873 г. см. *Соч. XI, стр. 22–29*. — А.С. Долинин, комментируя одно из писем Достоевского к брату, где упоминается Чернышевский, пишет, между прочим: «В “Дневн<ике> писат<еля>” за 1873 г. в самый разгар борьбы с революционными идеями эпохи, Чернышевскому посвящается целая глава, под названием «Нечто личное», проникнутая глубочайшим к нему уважением (*изд<-во> «Просвещ<ение>», т. XIX, стр. 175–185¹¹⁰*). Здесь с возмущением опровергается клевета, возведённая газетою «Голос» на Достоевского, будто бы «Крокодил» есть пародия на арест Чернышевского, и подчёркивается усиленно та серьёзность, с которой «Эпоха» разбирала произведения Чернышевского, «отдавая всё должное его уму и таланту». См. о взаимоотношениях

¹¹⁰ ПСС Просв. Т. 19. С. 175–185.

Д<остоевского> и Ч<ернышевского> статью *Ветринского* в его сборнике «Чернышевский», стр. 137–148. Петр<оградское> изд<-во> «Колос», 1923, а также статью В. Комаровича ««Мировая гармония» Достоевского» — «Атеней», 1924, кн<ига> I. — См. Достоевский. Письма. Т. I, стр. 545–546. О свидании Достоевского с Чернышевским у нас имеются теперь и другие показания, а именно свидетельство самого Чернышевского. Оно весьма пристрастно и недоброжелательно по отношению к Достоевскому, однако несколько не опровергает сути дела. Впервые эти показания Чернышевского были опубликованы Н.Ф. Бельчиковым в № 29 «Читателя и писателя» за 1928 год.¹¹¹ Заметка Чернышевского «Мои свидания с Ф.М. Достоевским» весьма любопытна во многих отношениях, прежде всего для характеристики той глухой вражды, которая окружала писателя. Чернышевскому явно хочется изобразить Достоевского невменяемым и смешным.¹¹²

¹¹¹ В Мп РГБ далее: Потом они были перепечатаны в изд. Н.Г. Чернышевский. Литературное наследие. Т. III. Ред. Л.Б. Каменева. Госизд<ат> 1930, стр. 532–533.

¹¹² В Мп РГБ далее: Едва ли он не читал воспоминаний Достоевского, напечатанных в 1873 году. Эти воспоминания не могли никак задеть самолюбия Чернышевского. Значит, тенденция Чернышевского объясняется тем, что в его глазах Достоевский был идейный враг и он считал нужным его дискредитировать. Трудно предположить, что Чернышевский поверил клевете «Голоса» и принял на свой счёт повесть «Крокодил». Текст воспоминаний Чернышевского записан К.М. Фёдоровым и проредактирован автором. Цитируем эти «воспоминания»: «Через несколько дней после пожара, истребившего Толкучий рынок, слуга подал мне карточку с именем Ф.М. Достоевского и сказал, что этот посетитель желает видеть меня. Я тотчас вышел в зал; там стоял человек среднего роста или поменьше среднего, лицо которого было несколько знакомо мне по портретам. Подошедши к нему, я попросил его сесть на диван и сел подле со словами, что мне очень приятно видеть автора «Бедных людей». Он, после нескольких минут колебания, отвечал мне на приветствие непосредственным, без всякого приступа, объяснением цели своего визита в словах коротких, простых и прямых, приблизительно следующих: «Я к вам по важному делу с горячей просьбой. Вы близко знаете людей, которые сожгли Толкучий рынок, и имеете влияние на них. Прошу вас, удержите их от повторения того, что сделано ими». Я слышал, что Достоевский имеет нервы расстроенные до беспорядочности, близкой к умственному расстройству, но не полагал, что его болезнь достигла такого развития, при котором могли бы сочетаться понятия обо мне с представлениями о поджоге Толкучего рынка. Увидев, что умственное расстройство бедного больного имеет характер, при котором медики воспрещают всякий спор с несчастным, предписывают говорить всё необходимое для его успокоения, я отвечал: «Хорошо, Фёдор Михайлович, я исполню ваше желание». — Он схватил меня за руку, тискал её, насколько доставало у него силы, произнося задыхающимся от радостного волнения голосом восторженные выражения личной его благодарности мне за то, что я, по уважению к нему избавляю Петербург от судьбы быть сожжённым, на которую был обречён этот город»... Затем Чернышевский с тою же медицинской целью, чтобы успокоить гостя, стал его расспрашивать о делах журнала «Время». Достоевский рассказывал очень долго, «вероятно часа два». Он, Чернышевский, чувствуя, по-видимому, себя человеком неизмеримо более значительным, чем его неинтерес-

В связи с петербургскими пожарами 1862 года и тогдашними прокламациями с призывами к террору возникло сначала в недрах цензуры, а потом в Третьем отделении дело о двух статьях «известного литератора Достоевского». Первая запрещённая статья называлась «Пожары», вторая, без названия, начиналась словами: «Мы прочли передовую статью в № 149 “Се в е р н о й п ч е л ы”»... Первая из них была запрещена цензурой 1 июня, а вторая — 3 июня. Трудно решить, кто из Достоевских был автором этих статей — Фёдор Михайлович или его брат Михаил Михайлович. В противовес не только реакционным органам, но и некоторым умеренно либеральным деятелям того времени, склонным приписывать тогдашние поджоги революционно настроенным студентам, автор статьи доказывает, что общественное движение и учащая молодёжь не причастны к актам этого случайного и беспорядочного террора. Следственная комиссия Третьего отделения вызвала на допрос М.М. Достоевского, требуя, чтобы он указал на авторов прокламаций, призывающих к поджогам и убийствам. М.М. Достоевский объяснил комиссии, что авторы ему неизвестны, и он был отпущен, но статьи в печати так и не появились. Текст одной из статей и любопытные к ней комментарии опубликованы Б.П. Козьминым в статье «Братья Достоевские и прокламация “Мо л о д а я Р о с с и я”». См. *«Печать и революция»*. 1929. Кн<ига> II—III. Стр. 69–76. — О загородной прогулке Достоевского со Страховым — см. *Мат. 1883*, стр. 239–240.

XXXII.

Письмо Полонскому из Петербурга от 31 июля 1861 г. — см. *Пис. I*, стр. 301–304. — О дате отъезда Достоевского за границу в воспоминаниях Страхова — глава «Первая поездка за границу»; «Летом этого года (1862), 7-го или 8-го июня, Фёдор Михайлович пустился в свою первую поездку за границу»... *Мат. 1883*, стр. 240. Сам Досто-

ный собеседник, «мало слушал, но делал вид, что слушает». Затем он проводил его до дверей. Второе свидание с Достоевским произошло по инициативе Чернышевского. Он приехал к писателю по делу о каком-то сборнике, куда редакция намерена была включить отрывки из произведений Достоевского. «Он охотно дал. Просидев у него, сколько требовала учтивость, вероятно больше пяти минут и наверное меньше четверти часа, я простился. Разговор в эти минуты, по получении его согласия, был ничтожный»... — заключает Чернышевский. Эти воспоминания продиктованы были в Астрахани и датируются пометой А.Н. Пыпина 26 мая 1888 года. <См.: *Чернышевский Н.Г. Мои свидания с Ф.М. Достоевским // Чернышевский Н.Г. Литературное наследие: В 3 т. М.; Л.: Госиздат, 1928–1930. Т. 3. С. 532–533.*>

евский в письме к брату Андрею от 6 июля 1862 г. пишет: «...Теперь (именно завтра) уезжаю за границу»... *Пис. I, стр. 207*. Маршрут поездки сообщает Достоевский в первой главе «Зимних заметок о летних впечатлениях». См. *Соч. IV, стр. 51*. — Вся XXXII глава нашей книги представляет собою изложение «Зимних заметок» в меру их автобиографичности. — О свидании Достоевского с Герценом упоминает Страхов. *Мат. 1883, стр. 240*. — А.С. Долинин в статье «Достоевский и Герцен»¹¹³ старается доказать прямую идейную зависимость Достоевского от Герцена. Он усматривает в «Зимних заметках» ряд совпадений, тематических и формальных, с «Письмами из Франции и Италии» Герцена.¹¹⁴

Достоевский¹¹⁵, живописуя кошмар капиталистического Лондона с воистину дантовской выразительностью, даёт прямое указание на тот идейный источник, которым он руководствуется в своей беспощадной оценке торжествующей буржуазии. Этот источник¹¹⁶ — Апокалипсис. В главе, неслучайно названной «Ваал», Достоевский пишет: «Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса, в очию совершающееся»¹¹⁷...¹¹⁸ Вели-

¹¹³ Долинин И. С. 275–324.

¹¹⁴ В *Мн РГБ далее*: Достоевский, — по мнению А.С. Долиннина, — смотрел глазами Герцена на западную буржуазию и так же, как он, возлагал надежду на развитие русской крестьянской общины. С другой стороны, он ценил реформу Петра и в 1861 и 1862 годах вёл полемику со славянофилами, осуждая их за высокомерную оценку нашей культуры и литературы петербургской эпохи. То, что Герцен был пессимист и атеист, а Достоевский — христианин, — А.С. Долинину кажется неважным. «Мы уверены, — пишет А.С. Долинин, — что Достоевский далеко не исчерпывается одним христианством, что это было бы величайшей узостью видеть в его воззрениях только православие: мистическое или этическое, безразлично»... Долин. I, стр. 318.

¹¹⁵ *Вместо*: Достоевский — в *Мн РГБ*: Сам Достоевский, однако

¹¹⁶ В *Мн РГБ далее*: новозаветная христианская книга

¹¹⁷ ПСХП. Т. 3. С. 76.

¹¹⁸ В *Мн РГБ далее*: Это отнюдь не литературная метафора... Достоевский знал наизусть Новый Завет и, особенно, его последнюю книгу, которую он любил цитировать (напр<имер>, в «Легенде о Великом инквизиторе»). Сравнение торжествующей и, однако, обречённой на гибель буржуазной цивилизации с «вавилонской блудницей» для Достоевского казалось очень убедительным. В самом деле, в XVIII-ой главе Апокалипсиса, независимо от того, к каким историческим событиям приурочивал автор свою книгу, есть ряд афоризмов, которые должны были поразить воображение Достоевского в связи с этою темою о крушении капиталистического мира. Автор Апокалипсиса, характеризуя будущий Вавилон, прямо указывает на причину его неизбежного падения: «Цари земные любодействовали с нею и купцы земные разбогатели от великой роскоши её» (гл<ава> 18, стр<ока> 3). Любопытна апокалиптическая картина этой гибели мировой блудницы. Её гибель будут оплакивать прежде всего цари и купцы.

чавый и грозный язык этой книги всегда производил на Достоевского потрясающее впечатление. «Зимние заметки», несмотря на фельетонный жанр, все проникнуты эсхатологическим духом. Этот дух не имеет ничего общего ни с гуманизмом Герцена, ни с его пессимизмом. — Письмо Достоевского к Страхову из Парижа имеется в его «Воспоминаниях», а также в исправленной редакции у А.С. Долинина — см. *Пис. I, стр. 309–312*. О встрече Достоевского со Страховым в Женеве и об их поездке в Италию см. *Мат. 1883, стр. 243–245*. См. также В.С. Любимова-Дороватовская — «Французский <буржуа>» (Материалы к образам Достоевского). «Лит<ературный> критик». 1936 г. № 9. <С. 211–213>¹¹⁹.

XXXIII.

Полемике Достоевского с Салтыковым-Щедриным посвящена обстоятельная статья З.С. Боршевского «Салтыков-Щедрин и Достоевский». «Лит<ературный> критик». 1939 г., № 5–6, № 8–9. См. также комментарий С.Л. Белевицкого к VI тому Полного собр<ания> соч<инений> Салтыкова-Щедрина. 1941 г.¹²⁰

Письмо Аксакова о направлении журнала «Время» в воспоминаниях Страхова. *Мат. 1883, стр. 256–257*. У того же Страхова изложена вся история с запрещением журнала Достоевских в главе «Третий год журнала. — Польское дело». *Мат. 1883, стр. 245–258*. Объяснение самого Достоевского по поводу запрещения журнала «Время» имеется в его письме к Тургеневу от 17 июня 1863 г. «Запрещение это случилось довольно для нас неожиданно, — писал Достоевский. — У нас в апрельской книжке была статья “Роковой вопрос”. Вы знаете направление нашего журнала: это направление по преимуществу русское и даже антизападное. Ну, стали бы мы стоять за поляков. Несмотря на то нас обвинили в антипатриотических убеждениях, в сочувствии к полякам, и запретили журнал за статью в высшей степени по-нашему патриотическую». *Пис. I, стр. 317*. — О запрещении «Времени» — см. статью А.С. Долинина «К цензурной истории первых двух журналов Достоевского». *Долин. II, стр. 559–577*.

Относительно последних имеется даже указание, весьма характерное: «И купцы земные восплачут и возрыдают о ней, потому что товаров их никто уже не покупает».

¹¹⁹ В Мп РГБ последняя библиографическая ссылка отсутствует.

¹²⁰ В Мп РГБ отмеченный абзац отсутствует.

XXXIV.

Аполлиария Прокофьевна Сулова родилась в 1840 году. Она была дочерью бывшего крепостного гр<афа> Шереметьева, крестьянина села Панина Горбатовского уезда Нижегородской губернии. В начале шестидесятых годов он уже управлял всеми делами и имениями Шереметьева, проживал в Петербурге, числился купцом, и у него была собственная фабрика в Иваново-Вознесенске. У Сулова, кроме дочери Аполлиарии, был сын и другая младшая дочь, Надежда, получившая впоследствии известность как первая в России женщина-врач (о ней см. *«Женский вестник», 1867, № 8; А.Ф. Змеев. «Русские врачи — писатели». СПб. 1868; «Русская медицина», 1898, № 37*). Первоначальное воспитание А.П. Сулова получила в каком-то частном пансионе. В пятой книжке журнала «Время» за 1861 г. (Ценз<урная> пом<етка> — 1 сентября) был напечатан первый её рассказ «Покуда» на тему женской «эмансипации». В 1863 г., в третьей книжке того же журнала, появился её второй рассказ «До свадьбы», подписанный А. С...ва. Её близкие отношения с Достоевским относятся, по-видимому, к зиме и весне 1862–1863 гг. Летом 1863 г. — Сулова уехала за границу. В Париже у неё была кратковременная любовная связь с каким-то студентом медицинского факультета Сальвадором, испанцем по происхождению. В августе Достоевский приехал в Париж и вместе с Суловой предпринял поездку в Италию (3 или 4 сентября н<ового> с<тиля>). В конце октября они расстались в Берлине: она вернулась в Париж, а он в Россию. В Париже Сулова поддерживала знакомства с гр<афиней> Салиас (Евгения Тур), с Маркович (Марко Вовчок)¹²¹, с Тучковой-Огарёвой, с эмигрантами Утиным, Лугининым¹²² и др. Ещё ранее, во время поездки по

¹²¹ Салиас-де-Турнемир Е.В., гр. [Евгения Тур] (1815–1892) — русская писательница, литературный критик, сестра драматурга А.В. Сухово-Кобылина, в 1840–1860-е гг. хозяйка одного из лучших литературных салонов в Москве, который в разное время посещали И.С. Тургенев, Н.П. Огарёв, Т.Н. Грановский, Н.С. Лесков, К.Н. Леонтьев и др., с 1862 из-за политических преследований покинула родину и поселилась в Париже; Вилинская М.А. (в первом браке Маркович, во втором браке Лобач-Жученко) [Марко Вовчок] (1833–1907) — украинская писательница, поэтесса, переводчица, троюродная сестра и возлюбленная литературного критика Д.И. Писарева, стояла на антикрепостнических и либеральных позициях, в конце 1850-х гг. была близка к кругу ж. «Современник», в 1868–1870 вела отдел иностранной литературы в ж. «Отечественные записки».

¹²² Утин Е.И. (1843–1894) — юрист, младший брат революционного деятеля Б.И. Утина, участник студенческих волнений 1861 г. в Петербургском университете, в 1860-е гг. заканчивал своё образование в Западной Европе, по возвращении на родину

Италии, Достоевский познакомил её с Герценом. Сулова интересовалась политикой и общественностью, но всю себя никакому делу не отдавала. Однако по возвращении в Россию она привлекалась по делу её брата, Вас<илия> Пр<окофьевича> Сулова, и у неё при обыске нашли пачку прокламаций «Великоросс». (Дело о ней было начато 2 июня 1866 г. и кончено 17 апреля 1869 г.). Арестована Сулова не была. В 1868 г. она сдала при Московском университете экзамен, вероятно на звание учительницы. В конце того же года открыла школу в с. Иванове. Месяца через два школу закрыли ввиду политической неблагонадёжности Суловой. В 1872 году она числится слушательницей открывшихся в Москве курсов Герье¹²³. В 1880 году, когда ей было сорок лет, она вышла замуж за писателя, тогда ещё юного и никому неизвестного, В.В. Розанова <1856–1919>. Через шесть лет они разошлись¹²⁴. От политического радикализма шестидесятых годов А.П. Сулова отказалась в зрелом возрасте.¹²⁵ Из письма Розанова к А.С. Волжскому¹²⁶, который любезно ознакомил нас с этим доку-

стал деятельным сотрудником ж. «Вестник Европы»; Лугинин В.Ф. (1834–1911) — известный физико-химик, в 1860-е гг. изучал химию и вёл научную работу в университетах и лабораториях Германии, Швейцарии и Франции, примыкал к демократическому движению 1860-х гг., принимал участие в «Молодой эмиграции» и во многих общественно-политических начинаниях А.И. Герцена и Н.П. Огарёва, с 1889 г. профессор Московского университета.

¹²³ Курсы Герье — Московские высшие женские курсы; высшее учебное заведение для женщин в России (1872–1918, с перерывом в 1888–1900), организованное выдающимся русским историком, общественным деятелем и педагогом В.И. Герье.

¹²⁴ *Вместо:* Через шесть лет они разошлись — в *Мп РГБ*: Через шесть лет их брачной жизни она покинула своего мужа, при взаимных объяснениях в неверности.

¹²⁵ *В Мп РГБ далее:* В.В. Розанов уверял, что «она была русская легитимистка, ждавшая торжества Бурбонов во Франции (там она оставила лучших своих друзей (?)) — в России у неё никого не было), а в России любила только аристократическое, традиции, трон...» Это пристрастие купеческой дочки к аристократическим началам остаётся для нас неразъяснённым. К концу жизни, во время империалистической войны, она была настроена весьма патриотически. Год её смерти нам неизвестен. Определение Суловой как «русской легитимистки» взято нами из письма В.В. Розанова к А.С. Волжскому, который любезно ознакомил нас с этим документом. Отрывок из этого письма неточно процитирован Л.П. Гроссманом в его книжке «Путь Достоевского» — изд. «Современные» пробл<емы>. 1923, стр. 136–137. У Гроссмана: «она была по стилю души совершенно русская»... и т.д., а у Розанова как раз наоборот: «Она была по стилю души совершенно не русская, а если русская — то раскольница бы “поморского согласия”, или ещё лучше — “хлыстовская богородица”»... <Ср. с публикацией письма В.В. Розанова А.С. Глинке [Волжскому] от начала 1900-х гг., без даты: Сукач, Виктор. Жизнь Василия Васильевича Розанова «как она есть» // Москва. 1992. № 1. С. 113>.

¹²⁶ Имеется в виду А.С. Глинка [Волжский] (1878–1940), известный исследователь творчества Достоевского.

ментом, видно, что Сулова требовала, чтобы Достоевский развёлся с женой, несмотря на то что Мария Дмитриевна умирала в это время от чахотки и со дня на день ждали её смерти.¹²⁷

В 1928 году А.С. Долинин опубликовал её дневник, письма и неизданную повесть «Чужая и свой» (в изд<-ве> М. и С. Сабашниковых)¹²⁸. Ещё ранее им же была напечатана статья «Достоевский и Сулова». См. *Долин. II, стр. 151–253*. Там же имеются письма Достоевского к Суловой, письма Суловой к нему, письма к ней Салиас (Евгении Тур), Тучковой-Огарёвой и её сестры, Н.П. Суловой. — Чрезвычайной важности письмо Ф.М. Достоевского к Н.П. Суловой опубликовано *проф. Е.В. Петуховым в статье «Из сердечной жизни Достоевского»*. «Аполлилария большая эгоистка, — пишет Достоевский. — Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны. Она требует от людей в с е г о, всех совершенств, не прощает ни единого несовершенства в уважении других хороших черт, сама же избавляет себя от самых малейших обязанностей к людям. Она колет меня до сих пор тем, что я недостойн был любви её, жалуется и упрекает меня непрерывно, сама же встречает меня в 63-м году в Париже фразой: “Ты немножко опоздал приехать”, т.е. что она любила другого, тогда как две недели тому назад ещё горячо писала, что любит меня. Не за любовь к другому я корю её, а за эти четыре строчки, которые она прислала мне в гостиницу с грубой фразой “Ты

¹²⁷ В *Мп РГБ далее*: Со свойственной ему откровенностью Розанов подробно описывает женские прелести Суловой и сообщает тайны их брачных отношений. Она оказывается, тяготилась совокуплением и боялась беременности, что не мешало ей быть исключительной сладострастницей. Это сообщение объясняет отчасти поведение Суловой во время её итальянской поездки с Достоевским. По-видимому, Сулова была совершенно аморальна. Даже учитывая своеобразие и неточность рассказа Розанова, всё же убеждаешься в нравственной нечистоплотности Суловой: так, напр<имер>, она не постыдилась написать в Москву какому-то жандармскому полковнику донос на молодого еврея Гольдовского, который в письме к Розанову ругал Александра III-го. Донос она написала, пылая к нему ненавистью за то, что он отказался удовлетворить её любовную страсть. Гольдовский был арестован, а самого Розанова жандармы стали «тягать на допрос». В это время Розанов, по его словам, был «социалистичков». Несмотря на весьма тёмные черты характера Суловой, в ней было что-то значительное. «Сулова вполне героический тип “исторических размеров”, — пишет Розанов. — В другое время она наделала бы дел. Тут она безвременно увядала... «К деньгам она была равнодушна. К славе — тайно завистлива. Ума среднего, скорее даже небольшого. “Но стиль, стиль”... Поразительно, что в 37 лет покоряла 40–50-летних. С нею никто не спорил никогда — не смел. Всякое возражение её оскорбляло безумно. Она “рекла” и слушали, и тайно восхищались (я думаю) стилем»...<См.: Сукач, Виктор. *Жизнь Василия Васильевича Розанова «как она есть» // Москва. 1992. № 1. С. 114–115, 113>.*

¹²⁸ См.: Сулова А.П.

немножко опоздал приехать”. Я многое мог бы написать про Рим, про наше житьё с ней в Турине, в Неаполе, да зачем. К чему. К тому же я вам многое передавал в разговорах с вами. Я люблю её ещё до сих пор, очень люблю, но я уже не хотел бы любить её. Она не стоит такой любви. Мне жаль её, потому что предвижу, она вечно будет несчастна. Она нигде не найдёт себе друга и счастья. Кто требует от другого всего, а сам избавляет себя от всех обязанностей, тот никогда не найдёт счастья. Может быть, письмо моё к ней, на которое она жалуется, написано раздражительно. Но оно не грубо. Она в нём считает грубостью то, что я осмелился говорить ей наперекор, осмелился высказать, как мне больно. Она меня третировала всегда свысока. Она обиделась тем, что и я захотел, наконец, заговорить, пожаловаться, противоречить ей. Она не допускает равенства в отношениях наших. В отношениях со мной в ней вовсе нет человечности. Ведь она знает, что я люблю её до сих пор. Зачем же она меня мучает? Не люби, но и не мучай». См. *«Известия Крымского педагогического института. 1928. Т. II, стр. 1–12.* Письмо датируется — 19 апреля 1865 г. Оно адресовано к сестре Сусловой, Надежде Прокофьевне (1843–1918). Письмо перепечатано А.С. Долининым в первом томе *«Писем» — Пис. I, стр. 403–405.* Цитируемое нами письмо к Врангелю относится к марту месяцу 1865 года. См. *Пис. I, стр. 398.* — ¹²⁹

¹²⁹ В *Мн РГБ далее:* В противоречии с известными нам признаниями самого Достоевского находится характеристика Марии Дмитриевны, сделанная дочерью писателя со слов её матери, Анны Григорьевны, которая будто бы сообщала ей то, что говорил Ф.М. Достоевский. «Эта бесстыдная женщина, — пишет Любовь Достоевская, — была дочерью наполеоновского мамелюка, попавшего в плен во время отступления из Москвы и впоследствии привезённого в Астрахань»... «Как женщина хитрая, Марья Дмитриевна сумела разыграть примерную супругу, собрать вокруг себя интеллигенцию Семипалатинска и устроить что-то вроде литературного салона. Она выдавала себя за француженку, говорила по-французски, как на родном языке, много читала и была хорошо воспитана. Семипалатинское общество считало жену Достоевского безупречной женщиной. Барон Врангель говорит о ней в своих мемуарах с большим уважением. Между тем, она в сумерки ходила тайком к своему красивому учителю, следовавшему за ней в Семипалатинск, и обманывала, таким образом, людей и своего бедного мечтательного супруга»... Л.Ф. Достоевской известно будто бы, что Марья Дмитриевна накануне своей свадьбы «провела ночь у своего возлюбленного, ничтожного домашнего учителя»... У Марьи Дмитриевны, по словам дочери писателя, был «неприятный характер», и у неё бывали «бурные припадки ярости». После переезда из Семипалатинска в Тверь, а потом в Петербург у Марьи Дмитриевны, страдавшей туберкулёзом, болезнь приобрела угрожающий характер. «Кашляющая и харкающая кровью женщина вызвала вскоре отвращение в молодом любовнике, следовавшем до сих пор всюду за ней. Она надоела ему, и он покинул Тверь, не оставив своего адреса. Одиночество довело Марию Дмитриевну до крайности. Во время одной из обычных сцен, которые она делала своему мужу, она призналась Достоевскому во всём, рассказала свою любовную историю с молодым учителем

В 1863 году Достоевский написал ряд писем И.С. Тургеневу, Н.М. Достоевскому, В.Д. Констант, М.М. Достоевскому, Н.Н. Страхову. Все эти письма приняты нами во внимание при изложении фактов, относящихся к этому году. См. *Пис. I, стр. 317–344*. — Эпизод с папской визой, о котором в своём дневнике упоминает Сулова, использован Достоевским в «Игроке», где герой повести рассказывает о своём приключении в канцелярии при папском посольстве в Париже. См. *Соч. IV, стр. 234*. Последняя цитата из «Игрока» — *Соч. IV, стр. 237–238*. — Рассказ об этом эпизоде имеется в «Воспоминаниях» Врангеля. *СПб. 1912. Стр. 217*. Достоевский кричал в посольстве: «Dites à votre monseigneur que je crache dans son café»¹³⁰ и т.д.

XXXV.

О просьбе проигравшегося на рулетке Достоевского выслать денег — см. Дневник Суловой от 27 октября 1864 г. — «Годы близости с Достоевским». 1928. Стр. 66¹³¹. — О судьбе умирающей Марьи Дмитриевны — см. письма Достоевского к В.Д. Констант, к брату Михаилу, к Паше и др. — *Пис. I, стр. 344–373*. — Там же письмо И.С. Турге-

со всеми подробностями. С утончённой жестокостью она сообщила моему отцу, как они вместе смеялись и издевались над обманутым мужем, призналась, что она никогда не любила его и вышла замуж лишь из расчёта... «Она ненавидела моего отца тою неутолимой ненавистью, на которую способны лишь негритянки... В отсутствие Достоевского она останавливалась перед его портретом, «глядела на него, грозила ему кулаком и кричала: Каторжник! Бесчестный каторжник!»... См. «Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской». Ред. и предисловие А.Г. Горнфельда. Госиздат. 1922, стр.28–33. — Повествуя о Суловой, дочь писателя также не скупилась на краски. «В то время, — пишет она, — была в моде свободная любовь. Молодая и красивая Полина усердно не отставала от времени, переходила, служа Венере, от одного студента к другому и думала, что таким способом служит европейской цивилизации»... Достоевский «не догадывался о лёгких нравах Полины»... Она прислала ему письмо с объяснениями в любви и покорила его сердце и т.д. См. «Достоевский» в изобржении его дочери <Л. Достоевской>», стр. 33–40. Сообщения Л.Ф. Достоевской совершенно лишены точности: не только её оценка и характеристика людей грешит против истины, но и самые факты из жизни Достоевского искажены и перепутаны чрезвычайно. От своей матери она едва ли могла узнать что-либо значительное. Сама Анна Григорьевна Достоевская говорит в своих воспоминаниях: «Я пробовала расспрашивать его (т.е. Достоевского) об умершей жене, но он не любил о ней вспоминать»... Восп. А.Г. Д-ой, стр. 56. — Только будучи в Веве, после смерти маленькой дочери Сони, Достоевский говорил Анне Григорьевне о странном, мнительном и болезненно фантастическом характере своей первой жены, который помешал их семейному счастью. Восп. А.Г. Д-ой, стр. 122–123.

¹³⁰ «Скажите вашему монсенюру, что мне наплевать на его кофе» (*фр.*).

¹³¹ Сулова А.П. С. 66.

неву о «Призраках». — О разрешенье журнала «Эпоха». — *Мат. 1883, стр. 265–269*. — Там же в главе «“Эпоха” и её падение» — *стр. 269–276*. — Цитата из «Записок из подполья» — *Соч. IV, стр. 130*. — Записи Достоевского от 16 апреля 1864 года, около гроба жены, изложены нами с значительными сокращениями¹³². Ср. «*Der unbekannte Dostojewski*». München. R. Piper-Verlag. 1926: «*Über Christus*». S. 4–28¹³³. Оригинал в записной книжке, хранящейся в Рукоп<исном> отд<еле> библиотек<и> им. Ленина¹³⁴.

XXXVI.

Обстоятельное и точное изложение судьбы журналов «Время» и «Эпоха» мы находим в письме Достоевского к бар<ону> А.Е. Врангелю от 31 марта — 14 апреля 1865 года. См. *Пис. I, стр. 396–403*. См. также *Мат. 1883, стр. 269–284*. — Из статей, написанных Достоевским для журнала «Эпоха», можно указать на следующие: «Господин Щедрин, или раскол в нигилистах» (1864, май); «Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском» (1864, июнь) — это сбилось с толку некоторых биографов: М.М. Достоевский умер 10 июля. В это время только что вышла майская книжка. В некрологе, появившемся в июньской книжке, которая вышла в конце июля или в начале августа, в дате смерти была опечатка — вместо июля было помечено июнь. — «Необходимое заявление» (1864, июль); «Чтобы кончить. Последнее объяснение с “С о в р е м е н н и к о м”» (1864, сентябрь); «Примечание» к статье Страхова «Воспоминания об Аполлоне Григорьеве» (1864, сентябрь); «Каламбуры в жизни и в литературе» (1864, октябрь). Все эти статьи перепечатаны в XIII т<оме> сочинений Достоевского под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. *Соч. XIII, стр. 322–364*. Анна Васильевна Корвин-Круковская (впоследствии Жаклар) родилась в 1843 году в семье генерал-лейтенанта артиллерии В.В. Корвин-Круковского. Мать её — Е.Ф. Шуберт — была немка. Анна Васильевна Корвин-Круковская напечатала в журнале «Эпоха» 1864 г. (№ 8 и № 9) два рассказа «Сон» и «Михаил». По поводу пер-

¹³² Впервые указ. запись Достоевского была опубликована в: Гроссман Л.П. Путь Достоевского. Л.: Брокгауз и Ефрон, 1924. С. 130–131.

¹³³ «Неизвестный Достоевский». Мюнхен: Изд-во Р. Пипера, 1926: «О Христе» (нем.).

¹³⁴ См.: Описание рукописей Достоевского / Под ред. В.С. Нечаевой. М., 1957. С. 21–22, 133.

вого рассказа Достоевский написал юному автору ласковое письмо, ободряя его (письмо цитирует по памяти сестра Корвин-Круковской — С.В. Ковалевская — в своих воспоминаниях — *«Вестник» Евр<опы>»* 1890, кн<ига> 8, стр. 610–611). По поводу второго рассказа «Послушник», который, по требованию духовной цензуры, пришлось переименовать в «Михаил», Достоевский писал А.В. Корвин-Круковской: «Вам не только можно, но и должно смотреть на свои способности с е р ь ё з н о. Вы — поэт. Это уже одно многого стоит, а если при этом т а л а н т и в з г л я д, то нельзя пренебрегать собою. Одно — учитесь и читайте. Читайте книги серьёзные. Жизнь сделает остальное. Да ещё надобно верить. Без этого н и ч е г о не будет». Письмо датируется 14 декабря 1864 г. См. *Пис. I, стр. 382*. — Уехав за границу, А.В. Корвин-Круковская вошла в соприкосновение с революционными кругами, вышла замуж за будущего коммунара Жаклара, участвовала в событиях Парижской коммуны. Дружеские сношения с Достоевским возобновились с конца 1878 г., когда семья Жаклар жила в Старой Руссе. Умерла в 1887 году. О ней — см. статью С.Я. Штрайха (*«Молодая гвардия»*, 1931, №№ 5–6), его же *«Сёстры Корвин-Круковские»*. М., 1933¹³⁵, а также примечания А.С. Долинина к письму Достоевского. См. *Пис. I, стр. 573 и 574*. (Здесь неверная дата рождения Корвин-Круковской — 1847). См. также: Софья Ковалевская. Воспоминания. *«Вестник» Евр<опы>»*. 1890, VIII, стр. 584–640; см. статью И.С. Книжника в журн<але> *«Звезда»* 1928, кн<ига> 10; его же очерк в лит<ературно>-худ<ожественном> сборн<ике> *«Красная панорама»*, 1929, май; его же *«А.В. Корвин-Круковская»*. М. 1931. — А.Г. Достоевская в своих воспоминаниях влагает в уста мужа следующую <характеристику А.В. Корвин-Круковской>: «Это девушка высоких нравственных качеств; но её убеждения диаметрально противоположны моим, и уступить их она не может, слишком уж она прямолинейна. Наверяд ли поэтому наш брак мог быть счастливым»... *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 56*. — Рассказ о помещике, который, будучи молодым, изнасиловал десятилетнюю девочку, сообщённый С.В. Ковалевской как тема задуманной Достоевским повести, любопытен весьма при сопоставлении его с соответственной главой из «Бесов». Ставрогинское «сумасшествие» мерещилось, значит, Достоевскому уже в 1865 году, т.е. за пять лет до создания «Бесов». — В нашей биографии мы следуем рассказу С.В. Ковалевской, проверяя его по данным, сообщённым Ив<аном> Книжником-Ветровым. — Достоевский имел случай лично встретаться с Анной

¹³⁵ В Мп РГБ последняя библиографическая ссылка отсутствует.

Васильевной в марте-апреле 1865 года до её отъезда в Палибино, а потом в декабре 1865 и в январе 1866 г. Отец Анны Васильевны в письме от 14 января 1866 г. приглашал Достоевского приехать летом в Палибино. Эта поездка не состоялась. Биограф А.В. Корвин-Круковской (Жаклар) Ив<ан> Книжник-Ветров сомневается в точности сообщения Анны Григорьевны Достоевской, которая пишет: «Как-то раз Фёдор Михайлович подробно рассказал мне, как сватался к Анне Васильевне Корвин-Круковской, как рад был, получив согласие этой умной, доброй и талантливой девушки, и как грустно было ему вернуть ей слово, сознав, что при противоположных убеждениях их взаимное счастье невозможно». *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 36.* Биограф полагает, что А.В. Корвин-Круковская «невестой» Достоевского не была вовсе. По словам С.В. Ковалевской, её сестра говорила ей о Достоевском: «Я, разумеется, очень люблю его и ужасно, ужасно уважаю! Он такой добрый, умный, гениальный! ... Но... я не так люблю его, чтобы пойти за него замуж... Ему нужна совсем не такая жена, как я. Его жена должна совсем, совсем посвятить себя ему, всю свою жизнь ему отдать, только о нём и думать. А я этого не могу, я сама хочу жить! К тому же он такой нервный, требовательный. Он постоянно как будто захватывает меня, всасывает меня в себя; при нём я никогда не бываю сама собою». «Воспоминания детства». *«Вестник» Евр<опы>. 1890, № 8, стр. 638–639.*

XXXVII.

После отъезда Корвин-Круковских весной 1865 года в витебское имение последовательность событий была такова: май и июнь Достоевский посвятил на устройство своих материальных дел, весьма запутанных; в конце июля он уехал за границу; осень жил в Висбадене; в октябре он совершил поездку в Копенгаген к А.Е. Врангелю; в ноябре он уже был в Петербурге; в декабре и в начале января 1866 года он опять встречался с Анной Васильевной Корвин-Круковской, которая с матерью и младшей сестрой вернулась из Палибина в Петербург. — Относительно пародийности «Крокодила» — см. статью В.С. Дороватовской-Любимовой «Достоевский и шестидесятники». *Сб<орник> «Достоевский». Изд<ание> Госуд<арственной> акад<емии> худ<ожественных> наук. 1928. Стр. 41–54.* Исследователь, тщательно проанализировав все элементы идеологической и стилистической пародии, имеющиеся в «Крокодиле», приходит к такому заключению: «В самом тексте повести нет больше никаких основа-

ний к предположению, что здесь задета самая судьба Чернышевского, что здесь имеется биографическая пародия»¹³⁶. — Припоминая в 1873 году сплетню о «Крокодиле», Достоевский писал иронически: «В чём же аллегория? Ну, конечно, крокодил изображает собою Сибирь; самонадеянный и легкомысленный чиновник — Чернышевский. Он попал в крокодила и всё ещё питает надежду поучать весь мир. Бесхарактерный друг его, которого он деспотирует, — это все здешние друзья Чернышевского. Хорошенькая, но глупенькая жена чиновника, радующаяся своему положению “как бы вдовы”, — это... Но тут уж так грязно, что я не хочу маражаться и продолжать разъяснение аллегории (А между тем ведь оно укрепилось, и именно, может быть, последний-то намёк и укрепился; я имею несомненные доказательства). Значит, предположили, что я, сам бывший ссыльный и каторжный, обрадовался ссылке другого “несчастливого”; мало того — написал на этот случай радостный пашквиль. Но где же тому доказательства; в аллегории? Но принесите мне что хотите... “Записки сумасшедшего”, оду “Бог”, “Юрия Милославского”, стих Фета — что хотите — и я берусь вам вывести тотчас же из первых десяти строк, вами указанных, что тут именно аллегория о франко-прусской войне или пашквиль на актёра Горбунова, одним словом, на кого угодно, на кого прикажете»... *Соч. XI, стр. 28*. — О займе пятидесяти талеров у Тургенева — см. два письма к нему от 3 (15) августа и 20 августа 1865 года из Висбадена — см. *Пис. I, стр. 400–411*. — О попытке занять у Герцена 400 флоринов видно из писем к А.П. Сусловой от 22 (10) августа и от 24 (12) августа 1865 г. — см. *Пис. I, стр. 411–414*. — Письма к Врангелю из Висбадена от 5 сентября и 22 (10) сентября 1865 г. — см. *Пис. I, стр. 415–417*. — Черновик письма к Каткову относится, по-видимому, к первой половине сентября 1865 г. — см. *Пис. I, стр. 417–421*. — Письмо к Врангелю из Висбадена с благодарностью за высланные деньги датируется 28 сентября 1865 г. — Письмо к нему же из Петербурга от 8 (20) ноября 1865 г. — см. *Пис. I, стр. 424–426*. — Об истории текста «Преступления и наказания» см. «Из архива Ф.М. Достоевского». *Неизданные материалы «Преступления и наказания»*. Ред. И.И. Гливенко. *Центрархив. ГИЗ. 1931. <С. 3–33.>*¹³⁷ — О том, что редакция «Русск<ого> вестн<ика>» усмотрела в романе Достоевского «следы н и г и л и з м а» см. письмо к А.П. Милюкову. *Пис. I,*

¹³⁶ Дороватовская-Любимова В.С. Достоевский и шестидесятники («Искра», «Современник», Чернышевский) // *Сборник ГАХН. С. 5–60*.

¹³⁷ Также см.: Преступление и наказание. Рукописные редакции // *ПСС 30. Т. 7. С. 148–149*.

стр. 444. Жизнь в Люблине — см. воспоминания Н. фон-Фохта «Исторический вестник». 1901. XII¹³⁸; см. также В.С. Нечаева «Из архива Ивановых». Журн<ал> «Искусство». ГАХН. 1927, стр. 144–146. — Соня — Софья Александровна Иванова, в замужестве Хмырова <1846–1907>, старшая дочь Веры Михайловны, сестры Достоевского. Он с ней был в дружеских отношениях и поддерживал переписку, цenia её ум. — Масенька — Марья Александровна <1848–1929>, вторая дочь Веры Михайловны, ученица Н Рубинштейна. — Сашенька — Александр Александрович Иванов <1850–1894>, старший сын Веры Михайловны. — Елена Павловна Иванова <1823–1883> — жена брата А.П. Иванова. Вера Михайловна мечтала о том, чтобы Достоевский женился на Елене Павловне, когда скончается её муж, давно уж больной, смерти которого ждали со дня на день. Он, однако, умер лишь в 1869 году. Достоевскому нравилась эта Елена Павловна, и он однажды спросил её, «пошла ли бы она за него замуж, если б была свободна». Анна Григорьевна Достоевская в примечаниях к письмам мужа сообщает, что на вопрос Достоевского Елена Павловна «не ответила ничего определённого». Тем не менее Достоевского тяготила мысль, не внушил ли он ей напрасных надежд. По-видимому, его опасения были необоснованны, и Елена Павловна поддерживала впоследствии дружеские отношения как с самим Достоевским, так и с Анной Григорьевной. См. Пис. к жене. Стр. 313.

XXXVIII.

Цитата из воспоминаний Н.Н. Стрхова в *Мат. 1883, стр. 289–290*; относительно реализма в письмах к А.Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. из Флоренции — см. *Пис. II, стр. 150–151*; в одной из своих записных книжек Достоевский сделал такую заметку: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т.е. изображаю все глубины души человеческой». *Мат. 1883, стр. 373*. — Биографические данные, относящиеся к октябрю 1866 года, изложены обстоятельно А.Г. Достоевской. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 25–40*. — Отношение Достоевского к Сусловой нашло некоторое художественное воплощение в «Игроке». Иные признания «Игрока» имеют полное соответствие с данными дневника Сусловой¹³⁹.

¹³⁸ Фон-Фохт Н.Н. К биографии Ф.М. Достоевского // Исторический вестник. 1901. № 12. С. 1023–1033.

¹³⁹ Вместо отмеченного полуабзаца — в Мп РГБ: Отношение Достоевского к Сус-

XXXIX.

Изложение дела студента Данилова см. в статье В.С. Дороватовской-Любимовой «“Идиот” Достоевского и уголовная хроника его времени». *«Печать и революция»*. 1928. № 3.

«Преступление и наказание» печаталось в «Русском вестнике» в течение 1866 года — с пропуском четырёх месяцев (март, май, сентябрь, октябрь). При жизни Достоевского отдельным изданием роман выходил три раза в 1867, 1870 и 1877 гг. — Рассказ о сватовстве и женитьбе Достоевского имеется в обстоятельных записках жены. См. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 41–71*. — Канун свадьбы ознаменовался одним эпизодом, имевшим некоторое значение в биографии Достоевского, а именно — им было послано 9 февраля 1867 г. письмо Н.Н. Страхову с приглашением принять на себя обязанности шафера. Н.Н. Страхов согласился. Дело в том, что приглашение Достоевского означало желание его возобновить дружелюбные отношения, которые омрачились при ликвидации «Эпохи». Об этом сам Страхов сообщает следующее: «У нас вышла первая размолвка, о которой не стану рассказывать. Отчасти, но лишь в самой ничтожной части, тут участвовали и те неудовольствия и затруднения, которые бывают при падении общего дела. Приходится делить общее несчастье, и каждый из участников, естественно, старается, чтобы его доля была как можно меньше. Грустно вспоминать черты эгоизма, которые таким образом обнаруживаются. Но повторяю, дела не имели при нашей размолвке никакого существенного значения. Нечего и говорить, что Фёдор Михайлович был очень внимателен к своим сотрудникам, так что все мы сохранили к нему уважение и расположение. Но он сам был в тисках и невольно раздражался. Эта тень неудовольствия, однако же, быстро прошла». *Мат. 1883, стр. 284*. По-видимому, «размолвка» была серьёзнее, чем это изображает Страхов. Достоевский также хотел, по-видимому, забыть это недоразумение и в своих письмах из-за границы обращается к Страхову как к своему единомышленнику. Однако это «единомыслие» было весьма сомнительно. Страхов всё более и более склонялся к толстовскому упрощённому христианству, не понимая Достоевского. Вместе с тем в душе Страхова росла вражда к личности Достоевского,

ловой нашло себе совершенно точное художественное воплощение в «Игроке». Полина — портрет Сусловой. Некоторые признания «Игрока» имеют полное соответствие с данными дневника Сусловой, напр<имер> рассказ о том, что она много раз «считала его не за человека», чему косвенное подтверждение находим в письме Достоевского к Н.П. Сусловой, выше цитированном, а также в неизданном письме В.В. Розанова с характеристикой А.П. Сусловой <См. примечания 125 и 127 на с. 386–387 настоящего издания>.

которая, в конце концов, нашла себе выражение в позорном письме его к Л.Н. Толстому от 28 ноября 1883 г. См. *Толстовский музей*. <В 2 т. > Т. II. «Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. <1870–1894.>». СПб. <Издание Общества толстовского музея,> 1914. Стр. 307–310¹⁴⁰.

XL.

Отношения А.Г. Достоевской к родственникам мужа, петербургским и московским, изложены в её записках. См. *Восп. А.Г. Д-ой*, стр. 72–91. В этих воспоминаниях, между прочим, А.Г. Достоевская замечает: «Семья Ивановых описана Фёдором Михайловичем в романе “Вечный муж” под именем семейства Захлебининых». См. *Ibid.*, стр. 36. — Письмо к Сусловой от 23 апреля (5 мая) 1867 г. — см. *Пис. II*, стр. 3–5.

XLI.

Жизнь Достоевского в 1867 году известна нам во всех подробностях, потому что, кроме «Воспоминаний» А.Г. Достоевской, в нашем распоряжении имеется её дневник, который она вела прилежно, записывая стенографически всё, что её тогда интересовало. См. *Восп. А.Г. Д-ой*. Стр. 99–108; *Дн. А.Г. Д-ой*. Стр. 7–84; *Пис. II*, стр. 5–21 (Письма Достоевского из Гомбурга). Относительно статьи Достоевского о Белинском Н.Н. Страхов сообщает: «Эта статья по условию готовилась им для литературного сборника “Чаша”, который затеян был в Москве покойным К.И. Бабиковым <1841–1873>, одним из молодых сотрудников “Времени” и “Эпохи”... Статья эта была кончена только в Женеве, уже в половине сентября, была отослана А.Н. Майкову, им передана А.Ф. Базунову и затем пропала без вести, как и другие статьи, приготовленные для “Чаша”. Этому сборнику не суждено было явиться в свет». *Мат. 1883*, стр. 295.

XLII.

Достоевский вернулся из Гомбурга в Дрезден 15 (27) мая 1867 г.; 21 июня (3 июля) Достоевские выехали из Дрездена в Баден (через

¹⁴⁰ Упомянутое письмо Н.Н. Страхова к Л.Н. Толстому было впервые опубликовано: Современный мир. 1913. Октябрь. С. 307–309.

Лейпциг, где была пересадка); 22 июня (4 июля) утром они приехали во Франкфурт и, осмотрев город, в 2 часа дня выехали в Баден и прибыли туда в тот же день. См. *Дн. А.Г. Д-кой. Стр. 169–347; Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 109–112; Мат. 1883, стр. 296*. Откровенное и точное изложение фактов, относящихся к пребыванию Достоевского в Дрездене и Баден-Бадене, в письме Достоевского к А.Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г. из Женева. Здесь также рассказ о ссоре Достоевского и Тургенева. См. *Пис. II, стр. 24–36*. Ср. Ю.А. Никольский. «Тургенев и Достоевский. История одной вражды». *Рос<сийско>-бол<арское> изд<-во. София. 1921; И.С. Зильберштейн. «Переписка Достоевского и Тургенева». Изд<-во> «Academia». Ленинград<ад>. 1928* (На суперобложке — «История одной вражды»).¹⁴¹

В сентябре 1867 г. на имя П.И. Бартевева <1829–1912>, редактора «Русского архива» и заведующего Чертковской библиотекой, было прислано письмо неизвестного, в коем сообщалось в копии письмо Достоевского к А.Н. Майкову в части, касающейся Тургенева. В сопроводительном письме аноним предлагал П.И. Бартевеву сохранить этот документ для потомства, не опубликовавая его ранее 1890 года. Об этом факте узнал каким-то образом П.В. Анненков и предупредил о нём своего приятеля И.С. Тургенева. Последний прислал письмо П.И. Бартевеву. В этом письме он, между прочим, пишет, что до его сведения дошло, будто Ф.М. Достоевский приписал ему, Тургеневу, «мнения возмутительные и нелепые о России и русских»... «Я вынужденным нахожусь объявить с своей стороны, что выражать свои душевные убеждения пред г. Достоевским я уже потому полагал бы неуместным, что считаю его за человека, вследствие болезненных припадков и других причин, не вполне обладающего собственными умственными способностями»¹⁴²... Дата этого письма — 3 января 1868 (22 декабря 1867) г. — П.И. Бартевев постарался успокоить Тургенева, уверяя его, что «сберегая эту тетрадку по желанию доставителя», он полагает, однако, что «таковая апелляция к потомству не оправдывает надежд автора». Впрочем, он спешит заверить Тургенева, что документ получен не от Ф.М. Достоевского, да и подписи на этом документе не имеется. Этот ответ П.И. Бартевева удовлетворил Тургенева. — Рассказ о ссоре Тургенева с Достоевским имеется в «Днев-

¹⁴¹ В *Мп РГБ* далее: — Относительно взглядов Тургенева на христианство, столь раздражавших Достоевского, любопытны свидетельства В.С. Аксаковой (см. «Дневник». СПб. 1913, стр. 40–43), а также свидетельство А.А. Толстой (см. Толстовский музей. Т. I. Переписка Л.Н. Толстого с гр<афиней> А.А. Толстой. СПб. 1911, стр. 17–18).

¹⁴² Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1978–2003. Письма: В 18 т. Т. 8. С. 88.

нике» Анны Григорьевны. — См. *Дн. А.Г. Д-ой. Стр. <198–199,> 376–377.*¹⁴³

XLIII.

Рассказ о посещении Базеля и о впечатлении, какое произвела на Достоевского картина Ганса Гольбейна, имеется в дневнике Анны Григорьевны. См. *Дн. А.Г. Д-ой. Стр. 366.* Об этом же в её воспоминаниях: «В его взволнованном лице, — рассказывает она, — было то как бы испуганное выражение, которое мне не раз случалось замечать в первые минуты приступа эпилепсии. Я потихоньку взяла мужа под руку, увела в другую залу и усадила на скамью, с минуты на минуту ожидая наступления припадка. К счастью, этого не случилось: Фёдор Михайлович понемногу успокоился и, уходя из музея, настоял на том, чтобы ещё раз зайти посмотреть столь поразившую его картину». *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 112.* — В романе «Идиот» Достоевский поместил копию с этой картины в одной из зал дома Рогожина. «Над дверью в следующую комнату висела одна картина, довольно странная по своей форме, около двух с половиною аршин в длину и никак не более шести вершков в высоту. Она изображала Спасителя, только что снятого со креста. Князь мельком взглянул на неё, как бы что-то припоминая, впрочем, не останавливаясь, хотел пройти в дверь. Ему было очень тяжело и хотелось поскорее из этого дома. Но Рогожин вдруг остановился пред картиной...

— Да это... это копия с Ганса Гольбейна, — сказал князь, успев разглядеть картину, — и хоть я знаток небольшой, но, кажется, отличная копия. Я эту картину за границей видел и забыть не могу. Но... что же ты...

— А что, Лев Николаевич, давно я хотел тебя спросить, веруешь ты в Бога или нет? — вдруг опять заговорил Рогожин, пройдя несколько шагов.

¹⁴³ В *Мп РГБ* далее: — Необходимо отметить одну деталь в письме Достоевского к А.Н. Майкову от 16(28) августа 1867 г., где Достоевский, между прочим, пишет: «Но боже мой: деизм нам дал Христа, т.е. до того высокое представление человека, что его понять нельзя без благоговения и нельзя не верить что это идеал человечества вековечный!» <Письма II. С. 31>... Выражение «деизм» употреблено Достоевским, конечно, в смысле монотеизма, а вовсе не в обычном понимании этого выражения, определяющего эпоху рационализма XVIII в. Идея Богочеловека никак уже не могла быть плодом отвлечённого рационалистического представления о Боге и родилась, конечно, не в XVIII в., а две тысячи лет назад. Но эта очевидность — увы! — кажется, не для всех очевидна, и некоторые склонны приписывать Достоевскому какое-то абстрактное представление о Боге и какое-то рационалистическое понимание христианства.

— Как ты странно спрашиваешь и... глядишь? — заметил князь невольно.

— А на эту картину я люблю смотреть, — пробормотал, помолчав, Рогожин, точно опять забыв свой вопрос.

— На эту картину! — вскричал вдруг князь, под впечатлением внезапной мысли, — на эту картину! Да от этой картины у иного ещё вера может пропасть!»

Эта сцена имеется в IV-й гл<аве> второй части романа. См. *Соч. VI, стр. 192–193*. Сцена эта представляет собою любопытнейший приём художественной апологетики христианства, весьма характерной для всей диалектики Достоевского: автор защищает свою идею «от противного», пользуясь в поэтической транскрипции известным афоризмом, который приписывается Тертуллиану — «credo quia absurdum»¹⁴⁴, т.е. потому именно и верю, что для «эллинов это безумие». В качестве этой «безумной» аргументации в дальнейшем диалоге Мышкин приводит четыре случая из русской жизни, которые ему пришлось наблюдать после приезда из-за границы. Эти случаи, по мнению Достоевского, указывают, что в русском народе заключены предельные противоречия — самое крайнее богоборчество и самая пламенная вера: ничего среднего, ничего «тёплого», ничего компромиссного...

Рассказ о жизни Достоевского в Женеве в 1867 году — см. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 112–121*. — О конгрессе «Лиги мира и свободы» см. письмо Достоевского к С.А. Ивановой. *Пис. II, стр. 42–45*. — Об этом же конгрессе Достоевский писал А.Н. Майкову в тот же день 15 сентября 1867 года:¹⁴⁵ — Конгресс «Лиги мира и свободы» и выступление на нём Бакунина дали повод Л.П. Гроссману утверждать, что Бакунин был прототипом Ставрогина. Эта гипотеза была в своё время опровергнута В.П. Полонским. См. «*Спор о Бакунине и Достоевском*». *Госизд<ат>. Ленингр<ад>. 1926*. — Ср. комментарий А.С. Долини-

¹⁴⁴ «Верую, ибо абсурдно» (лат.).

¹⁴⁵ *Далее было:* «Писал ли я вам...» (начало указанного письма). См.: Письма. Т. II. С. <37–38>. В *Мн РГБ далее:* «Писал ли я вам о здешнем Мировом конгрессе? Я в жизнь мою не только не видывал и не слыхивал подобной бестолковщины, но и не предполагал, чтоб люди были способны на такие глупости. Всё было глупо: и то, как собрались, и то, как дело повели и как разрешили. Разумеется, сомнения и не было у меня в том, ещё прежде, что первое слово у них будет: драка. Так и случилось. Начали с предложений вотировать, что не нужно больших монархий и все поделать маленькие, потом что не нужно в е р ы и т.д. Это было четыре дня крику и ругательств. Подлинно мы у себя, читая и слушая рассказы, видим всё превратно. Нет, посмотрели бы своими глазами, послушали бы своими ушами! Видел и Гарибальди. Он мигом уехал»... Пис. II, стр. 37–38.

на к письмам Достоевского того времени. *Пис. II, стр. 390–393*. Ср. А. Боровой и Н. Отверженный. «Миф о Бакунине». Изд<-во> «Голос труда». 1926.

О жизни в Женеве — см. письмо Достоевского к Майкову от 12 янв<аря> 1868 г. *Пис. II, стр. 59–65*. — См. также *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 112–116*. О рождении и смерти дочери — *Там же, стр. 117–121*. О смерти Сони Достоевский писал Майкову 22 июня (4 июля) 1868 г.: «Друг мой, Аполлон Николаевич, я знаю и верю, что вы истинно и искренно жалеете меня. Но никогда я не был более несчастен, как во всё это последнее время. Описывать вам ничего не буду, но чем дальше идёт время, тем язвительнее воспоминание и тем ярче представляется мне образ покойной Сони. Есть минуты, которых выносить нельзя. Она уже меня знала; она, когда я, в день смерти её, уходил из дома читать газеты, не имея понятия о том, что чрез два часа умрёт, она так следила и провожала меня своими глазками, так поглядела на меня, что до сих пор представляется и всё ярче и ярче. Никогда не забуду и никогда не перестану мучиться! Если даже и будет другой ребёнок, то не понимаю, как я буду любить его; где любви найду; мне нужно Соню. Я понять не могу, что её нет и что я её никогда не увижу»... *Пис. II, стр. 122*.

XLIV.

Об истории создания «Идиота» — см. «Из архива Ф.М. Достоевского. “Идиот”. Неизданные материалы». Ред. П.Н. Сакулина и Н.Ф. Бельчикова. Центрархив. ГИХЛ. 1931. См. также В.С. Любимова-Дороватовская — «“Идиот” Достоевского и уголовная хроника его времени». «Печать и революция». 1928. № 3. О романе «Идиот» в письмах Достоевского к А.Н. Майкову. *Пис. II, стр. 59–65*; о том же в письме к С.А. Ивановой. *Пис. II, стр. 69–73*. В вышецитированном письме к А.Н. Майкову Достоевский указывает так же, как и в письме к С.А. Ивановой, на центральную мысль романа: «Давно уже мучила меня одна мысль, но я боялся из неё сделать роман, потому что мысль слишком трудная, и я к ней не приготовлен, хотя мысль вполне соблазнительная и я люблю её. Идея эта — и з о б р а з и т ь в п о л н е п р е к р а с н о г о ч е л о в е к а. Труднее этого, по-моему, быть ничего не может, и в наше время особенно. ¹⁴⁶».

¹⁴⁶ В Мп РГБ далее: Вы, конечно, вполне с этим согласитесь. Идея эта и прежде мелькала в некотором художественном образе, но ведь только в некотором, а надо-

XLV.

О пребывании Достоевского в Веве — см. *Восп. А.Г. Д-ой, стр. 122–124.* — О перлюстрации писем Достоевского — см. письмо его к А.Н. Майкову от 19 июля 1868 г. ст<арого> ст<иля>. — см. *Пис. II, стр. 129–131.* — Относительно книги «*Les mystères du Palais des Tsars (sous l'empereur Nicolas I)*», — par Paul Grimm¹⁴⁷ — 1868. — см. черновое письмо Достоевского к неизвестному в сентябре 1868 г. *Пис. II, стр. 134–136.* По поводу этой книжки в октябре уже из Милана Достоевский писал Майкову: «Я читал книжонку, о которой вы мне писали, как раз незадолго до вашего уведомления и, признаюсь, был взбешён ужасно. Наглее ничего представить нельзя. Конечно, наплевать, я так было и хотел сначала; но меня смущает и то, что, если я не протестую, то тем самым как бы дам моё оправдание подлой книжонке. Но где протестовать? В “Nord”»?... См. *Пис. II, стр. 134–136.* Ср. ст<атью> Н.Ф. Бельчикова «Достоевский — член тайного общества». «*Красн<ый> арх<ив>*». 1927. Т. XXI, стр. 241–244.

В романе Гримма¹⁴⁸ Достоевский, возвращённый из Сибири, вторично участвует в политическом заговоре в конце царствования Николая. Его арестовывают и подвергают телесному наказанию. Затем его отправляют в Сибирь, и он по дороге умирает. Жена его уходит в монастырь. Николай I, чувствуя непрочность своей власти, оканчивает жизнь самоубийством.

О жизни Достоевского в Милане и Флоренции — см. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 124–128.* — Ср. письма Достоевского 1868 года. — *Пис. II, стр. 136–156.* — О венецианских впечатлениях — см. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 128.* — В «Дн<евнике> пис<ателя>» за 1876 г. Достоевский вспоминает о своей первой поездке из Москвы в Петербург, когда отец вёз его и брата отдавать в Инженерное училище:

бен полный. Только отчаянное положение моё принудило меня взять эту невыношенную мысль. Рискнул как на рулетке: "Может быть, под пером разовьётся"! Это непростительно». Пис. II, стр. 61. <Письмо А.Н. Майкову от 22 июня (4 июля) 1868 г.>.

¹⁴⁷ «Тайны царского двора (времен Николая I)» — Пауль Гримм (*фр.*).

¹⁴⁸ Имеется в виду вышедшая в 1868 г. в Вюрцбурге на французском языке книга Пауля Гримма «*Les mysteres du Palais de Czars (sous l'Empereir Nicolas I)* par Paul Grimm, propriete de l'editcur. Vurzbourg 1868» («Тайны царского двора времен Николая I»). О резко отрицательном отношении к ней Достоевского см.: Бельчнков Н.Ф. Ф.М. Достоевский — «член тайного общества» // **Бельчиков Н.Ф.** С. 236–240.

«Я беспрерывно в уме сочинял роман из венецианской жизни»¹⁴⁹.
Ср. *Мат.* 1883, *стр.* 28.

XLVI.

О переезде из Венеции через Триест и Вену в Прагу, а потом в Дрезден — см. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр.* 128. — Жизнь в Дрездене. — *Восп. А.Г. Д-ой. Стр.* 128–139. К этим двум годам дрезденской жизни относится обширная переписка, главным образом со Страховым и Майковым. См. *Пис. II, стр.* 198–366. — Любовь Фёдоровна Достоевская (1869–1926) — писательница. В 1911 г. в Петербурге была издана её книга рассказов «Больные девушки». В Мюнхене, в 1921 году, вышла её книга «Dostoevski geshildert von seiner Tochter»¹⁵⁰.

В 1922 г. появился сокращённый перевод по-русски под редакцией и с предисловием А.Г. Горнфельда «Достоевский в изображении его дочери». — По поводу «двух строчек» Достоевский писал Страхову 24 марта (5 апреля) 1870 г.: «Две строчки о Толстом, с которыми я не соглашаюсь вполне, — это, когда вы говорите, что Л. Толстой равен всему, что есть в нашей литературе великого. Это решительно невозможно сказать! Пушкин, Ломоносов — гении. Явиться с “Арапом Петра Великого” и с “Белкиным”, — значит решительно появиться с гениальным новым словом, которого до тех пор совершенно не было нигде и никогда сказано. Явиться же с “Войной и миром”, — значит явиться после этого нового слова уже высказанного Пушкиным, и это во всяком случае, как бы далеко и высоко ни пошёл Толстой в развитии уже сказанного в первый раз, до него, гением нового слова»... *Пис. II, стр.* 260. Суждения Майкова в неопубликованном его письме от 14 марта 1868 г. цитирует А.С. Долинин. См. *Пис. II, стр.* 419. — Сам Достоевский о своей «фантастичности» пишет Н.Н. Страхову 26 февраля (10 марта) 1869 г. — См. *Пис. II, стр.* 169. — О первой поездке в Гомбург см. письмо к А.Г. Д<остоевск>ой от 17 (29) апреля 1870 <г.>, а относительно второй поездки см. письмо к ней же из Висбадена от 29 апреля 1871 г. — *Пис. II, стр.* 256, 349.

¹⁴⁹ ПСХП. Т. 11. С. 169 («Дневник писателя. 1876. Январь. Глава третья. I. Росийское общество покровительства животным. Фельдъегерь. Зелено-вино. Зуд разврата и Воробьёв. С конца или с начала?»).

¹⁵⁰ «Достоевский в изображении его дочери» (нем.).

Письмо к А.Н. Майкову с изложением темы «Жития великого грешника» от 25 марта (6 апреля) 1870 г. *Пис. II, стр. 263–264.* — Записи Достоевского, относящиеся к «Житию», опубликованы в изд<ании> *Центрархива «Документы по истории литературы и общественности»*. Вып. I. «Достоевский». М. 1922. Здесь статья Н.Л. Бродского «Угасший замысел». Цит<ируемые> отрывки записей «Главная мысль» — см. *Там же, стр. 76.* Ср. статью В.Л. Комаровича «Ненаписанная поэма Достоевского». *Долин. I, стр. 177–207.* Павел Прусский (1821–1895), церковный деятель, заявивший себя первоначально как раскольник (в 1848 году, будучи в Пруссии, основал там русскую раскольничью общину); впоследствии он присоединился к православию так же, как и его единомышленник К.Е. Голубов, весьма <нрзб.> одарённый человек, известный, между прочим, и в русских эмигрантских кругах: он вёл полемику с Огарёвым; инок Парфений <1806–1878>, автор «Сказаний о странствии по России, Молдавии, Турции и Св<ятой> земле», бывший раскольник, присоединившийся к православию. Его книга, написанная своеобразным и прекрасным языком, обратила на себя внимание Аполлона Григорьева и до сих пор не утратила своего значения как любопытный литературный памятник сороковых годов XIX в.

XLVII.

Майков писал по поводу сюжета «Вечного мужа»: «Узнал историю Яновского и его характер, так что для меня был двойной интерес. См. письмо А.Н. Майкова от 25 февраля 1870 года. Цит. из *Пис. II, стр. 476.* Достоевский был смущён такой откровенностью приятеля и поспешил отречься от этой портретности: «Кстати, дорогой Аполлон Николаевич, откуда могла к вам зайти идея о Яновском? И в мысли не было у меня, ни разу, ни одного мгновения! Я так удивился, прочтя у вас. Да и истории Яновского, в этом отношении, я совсем не знаю. Разве у него было что-нибудь подобное»¹⁵¹. Возможно, что Достоевский с совершенной искренностью отрицал эту портретность.¹⁵² Прямое указание на портретность семьи Зах-

¹⁵¹ *Письма II. С. 265* (Письмо А.Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г.).

¹⁵² *В Мп РГБ далее*: , но едва ли надо сомневаться, что бессознательно он воспроизвёл в «Вечном муже» характер именно Яновского. Об этом характере он сам писал достаточно выразительно его жене, А.И. Шуберт: «Мне кажется, он тоже и ревнует немного, он, может быть, думает, что я в вас влюблён. Увидя ваш портрет у него на столе, я посмотрел на него. Потом, когда я другой раз подошёл к столу и искал спич-

лебининых имеется в воспоминаниях Анны Григорьевны Достоевской. Она же отмечает сходство Лобова с Пашей Исаевым. См. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 129*. Последнее подтверждается характеристикой, которую ему даёт в своих письмах А.Н. Майков. Между прочим, Майков в одном из писем сближает его ещё с одним персонажем Достоевского в романе «Идиот», а именно: «Точь-в-точь племянник Лебедева». *Долин. II, стр. 351–352*.

Сообщение об убийстве Иванова и о связи Нечаева с эмиграцией — в «*Московск<ких> ведом<остях>*» 1869 г. от 25 декабря, № 281. Ср. статью в «*Голосе*» от 11 января 1870 г. «У нас в Дрездене и почти подле нас, живёт Иван Григорьевич, брат Ани», — писал Достоевский С.А. Ивановой 14 (26) декабря 1869 г. *Пис. II, стр. 240*. — Письмо Майкову с извещением о работе над «Бесами» — от 12 (24) февраля 1870 г. *Пис. II, стр. 253*. — Письмо к Страхову о том же — см. *Пис. II, стр. 257*. — Письмо Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г. *Пис. II, стр. 262*. — О Тургеневе в письме Страхову от 11 (23) июня 1870 г. *Пис. II, стр. 274*. — Достоевский печатно заявил о том, что он мог бы быть «нечаевцем» и выступил с своеобразной «защитой» петрашевцев от обвинения их в невежестве в «Дневнике писателя» за 1873 г. в статье «Одна из современных фальшей». «Да неужели же вы вправду думаете, — писал Достоевский, — что прозелиты, которых мог бы набрать у нас какой-нибудь Нечаев, — должны быть непременно лишь одни шалопаи? Не верю, не все: я сам старый “нечаевец”, я тоже стоял на эшафоте, приговорённый к смертной казни, и уверяю вас, что стоял в компании людей образованных»... *Соч. XI, стр. 133*. — Письмо к племяннице С.А. Ивановой — от 17 (29) августа 1870 г. *Пис. II, стр. 283*. — Письмо к М.Н. Каткову о плане «Бесов» — от 19 сентября (1 октября) 1870 г. *Пис. II, стр. 286–287*.

ку, он, говоря со мною, вдруг перевернул ваш портрет, так чтобы я его не видел. Мне показалось это ужасно смешно, жест был сделан с досадой. Я уверен, что мне это не показалось только, а действительно так было. Вот и судите теперь, дорогая моя, что вы можете ожидать от него. Он вас любит; но он самолюбив, раздражителен очень и, кажется, очень ревнив. Мне кажется, он из ревности не может перенести разлуки с вами. Может быть, я и ошибаюсь; но не думаю, чтобы ошибался. Знаете: ведь есть две ревности: ревность любви и самолюбия: в нём обе». См. *Пис. II, стр. 297–298*. — Надо также принять во внимание и тот факт, что А.И. Шуберт действительно давала повод для ревности «вечного мужа». Любопытно, что Яновский относился с дружеской нежностью к Достоевскому, несмотря на свою ревность, совсем как Труссоцкий, который за час до покушения на жизнь Вельчанинова ухаживал за ним как за самым близким человеком. —

XLVIII.

Последние годы жизни в Дрездене — см. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 134–136.* — Возвращение на родину — см. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 143–154.* Поездка в Москву в январе 1872 года для переговоров о гонораре с редакцией <журнала> «Русский вестник» — см. *Пис. к жене. Стр. 49–51.* — Вторая поездка в Москву, в октябре, с целью отложить печатание романа на ноябрь и декабрь 1872 года — см. *Пис. к жене. Стр. 67–68.*

То, что «исповедь» Ставрогина предопределяла иное развитие романа, чем то, какое мы находим в печатном тексте, явно из пропуска этой главы в авторском издании романа 1873 года. Если бы эта глава, исключённая по требованию Каткова, сочеталась органически с известным нам текстом, она бы уцелела в авторском издании. Однако Достоевский её всё-таки выкинул — именно потому, что конец романа был написан уже в ином плане. При таком конце встреча Ставрогина с Тихоном оказалась лишней. В главе «Лето 1872 года» в своих воспоминаниях Анна Григорьевна пишет: «Хотя муж и работал всё лето над романом, но до того был неудовлетворён своим произведением, что отбросил прежде намеченный план и всю третью часть переделал заново». *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 169.*

К вопросу о композиции «Бесов» — см. Н.Л. Бродский. «Творческая история романа “Бесы”» (публикация неизданных записных книжек, относящихся к роману). «Свиток». Вып. I. М. 1922; В. Фриче. «Свидание Ставрогина с Тихоном» (публикация «Исповеди»). *Документы по истории литературы и общественности*. Вып. I. Издание Централархива. М. 1922; В.Л. Комарович. «Неизданная глава романа “Бесы” Ф. Достоевского»¹⁵³ (публикация «Исповеди» по копии А.Г. Достоевской); А.С. Долинин. «Страница из “Бесов”». *Долин. II, стр. 544–556*; отрывки главы, не вошедшей в канонический текст, а также некоторые записи черновых тетрадей, были опубликованы в шестом издании собрания сочинений 1905 г.¹⁵⁴, т. VIII, стр. 597–626; см. также публикации (неточная) Л.П. Гроссмана в издании «Творчество Достоевского» (1821–1881–1921). Под ред. Л.П. Гроссмана. Одесса, 1921; А.С. Долинин. «Исповедь Ставрогина». Сборник «Литературные

¹⁵³ Комарович В.Л. Неизданная глава романа «Бесы» // Былое. Пгр., 1922. Кн. 18. С. 219–226.

¹⁵⁴ ПСС Юбил.

мысли». I. 1923, стр. 139–162; контаминированный текст «Исповеди» предложен Б. Томашевским и К. Халабаевым. Соч. VII, стр. 568–597. Ср. «Der unbekannte Dostojewski». München. 1926. Здесь статья Н.Л. Бродского — «Unbekannte Fragmente und ausgelassen Kapitel aus den Dämonen»¹⁵⁵ — текст «Исповеди» и проч^{<ие>} материалы, относящиеся к «Бесам». Записные тетради к «Бесам», опубликованные Е.Н. Коншиной. См. «Записные тетради Ф.М. Достоевского». <Коммент. Н.И. Игнатовой и Е.Н. Коншиной.> Подготовлено к печати Е.Н. Коншиной. <М.; Л.:> Academia, 1935¹⁵⁶.

XLIX.

О путешествии в Старую Руссу — см. примечания Анны Григорьевны к письмам Достоевского. Пис. к жене. Стр. 324. — Лето 1872 г. — см. Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 155–171. Письма к жене 1872 г. — см. Пис. к жене. Стр. 49–68. Цитаты из этих писем — стр. 52, 54, 55. — Подробное сообщение о том, как были изданы «Бесы» на средства автора и какой материальный успех имело это издание, мы находим в воспоминаниях Анны Григорьевны — в главе «1873 год. Издание “Бесов”». Стр. 174–180. — В той же главе — рассказ о том, как Достоевский принял на себя редактирование «Гражданина». Стр. 179–183. Ср. Кн<язь> В.П. Мещерский. Мои воспоминания. СПб., 1897. Т. II. Ср. Сб<орник> «Творчество Достоевского». Одесса. 1921. Стр. 63–82.

L.

«Дневник писателя» за 1873 год печатался в журнале «Гражданин» в № № 1–4, 6, 8, 10, 13, 18, 21, 25, 29, 32, 35 и 50. См. Соч. XI, стр. 3–141 и 507. См. В.Л. Десницкий. «Публицистика и литература в “Дневнике писателя”». Соч. XI, стр. III–XXVI. — В. Сидоров. «О “Дневнике писателя”». Долин. II, стр. 109–116. — Сообщение о редакторской работе Достоевского в «Гражданине» — см. В.В. Тимофеева (О. Починковская). «Год работы с знаменитым писателем». «Истор<ический> вестн<ик>» 1904. февраль. Стр. 488–542. — Об отношениях с

¹⁵⁵ «Неизвестный Достоевский». Мюнхен, 1926; «Неизвестные фрагменты и пропущенные главы из “Бесов”» (нем.). Пропуски в машинописи восстановлены по черновому автографу авторских «Примечаний» (РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 179, л. 113).

¹⁵⁶ В Мп РГБ последняя библиографическая ссылка отсутствует.

кн<язем> В.П. Мещерским и о работе в «Гражданине» — см. *Пис. к жене. Стр. 81, 87, 89–91.* — О снах — см. *Пис. к жене. Стр. 83–84.* — Статья Мещерского по поводу смерти поэта Тютчева, исправленная и, вероятно, дополненная Достоевским, напечатана в «Гражданине» 30 июля 1873 г. (№ 31). Ср. Н.Ф. Бельчиков. «Достоевский о Тютчеве». «*Былое*». 1925. № 5 (33), стр. 155–162. — Починковская — псевдоним Варвары Васильевны Тимофеевой, которая вскоре после знакомства с Достоевским стала печатать свои беллетристические произведения в разных журналах. — Об аресте Достоевского — см. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 180–181.* Об этом же — А.Ф. Кони. «*На жизненном пути*». Т. II. СПб. 1912. Стр. 98. Ср. Всеволод Соловьёв. «Воспоминания о Достоевском». «*Истор<ический> вестн<ик>*». 1881, март, стр. 614–616. Достоевский сидел под арестом на гауптвахте на Сенной (21 и 22 марта 1874 года). Редакция «Гражданина» помещалась на Надеждинской. Квартира Достоевского в это время была на Лиговке, на углу Гусева переулка, в доме Сливчинского. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 180.*

LI.

Отказ от редактирования «Гражданина» — см. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 185.* — О переговорах с «Отеч<ественными> зап<исками>» по поводу нового романа — см. В.В. Т<имофее>ва (О. Починковская). «Год работы с знаменитым писателем». «*Истор<ический> вестн<ик>*» 1904, февраль, стр. 534. Встреча с Некрасовым в *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 185–186.* — Поездка в Эмс для лечения. См. *Пис. к жене. Стр. 99–144.* О поездке в Женеву — *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 190.*

LII.

1874–1875 гг. в Старой Руссе — см. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 190–200.* — Относительно продажи Толстым романа в «Русск<ий> вестн<ик>» — см. *Пис. к жене. Стр. 143.* — Об оценке творчества Толстого и Тургенева как «помещичьей литературы» см. *Пис. II, стр. 365* и *стр. 300.* Относительно генезиса романа «Подросток» см. статью В.Л. Комаровича во *II-м сб<орнике> Долинина «Достоевский»*. Стр. 31–68¹⁵⁷. (Ср. «Литературная мысль». 1925, кн. III.

¹⁵⁷ Комарович В.Л. Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство // *Долинин II*. С. 31–68.

Ср. «Рукописные варианты романа “Подросток”». «Начала». 1922. № 2, стр. 217–230¹⁵⁸). — О косвенной связи тематики «Отцов и детей» Тургенева с тематикой «Подростка» говорит Достоевский в «Дневн<ике> пис<ателя>» 1876 г.: «Когда, полтора года назад, Николай Алексеевич Некрасов приглашал меня написать роман для “Отечественных записок”, я чуть было не начал тогда моих “Отцов и детей”, но удержался и слава Богу: я был не готов. А пока я написал лишь “Подростка”, — эту первую пробу моей мысли»... «Всё это выкидыши общества, “случайные” члены “случайных” семей». См. *Соч. XI, стр. 147–148*. Признание Достоевского, что он больше поэт, чем художник, в письме к А.Н. Майкову от 9 (21) октября 1870 г. См. *Пис. II, стр. 291*. — В письме к С.А. Ивановой от того же числа из Дрездена Достоевский писал: «Занимательность я, до того дошёл, что ставлю выше художественности»... «Поэт во мне перетягивает художника всегда». *Пис. II, стр. 297*. — Кроме публикации Комаровича, имеются частичные публикации черновых рукописей «Подростка» в изд<ании> «*Творчество Достоевского*». *Одесса. 1921*. — В.Л. Комарович сделал также публикацию черновых текстов «Подростка» на немецком языке в изд<ании> «*Der Unbekannte Dostojewski*». R. Piper-Verlag. München. 1926. S. 445–519: «*Handschriftliche, Aufzeichnungen, Varianten und Briefe zu dem Roman “Der Jüngling”*»¹⁵⁹.

«Подросток» печатался в «Отечественных записках» 1875 года, в следующих месяцах: янв<арь>, фев<раль>, апр<ель>, май, сент<ябрь>, ноябрь, декабрь. — Рассказ о Некрасове и его восхищении «Подростком», а также рассказ об охлаждении к Д<остоевско>му Страхова и Майкова — в *письмах Д<остоевско>го к жене. Стр. 145–160*. — О пребывании Достоевского в Эмсе в 1875 году — см. *Пис. к жене. Стр. 161–190*. — В «Дн<евнике> пис<ателя>» Достоевский жестоко высмеял Авсеенко, не упоминаемая, однако, об его статье в «Русск<ом> мире». См. *Соч. XI, стр. 246–253*.

¹⁵⁸ Комарович В.Л. Генезис романа «Подросток» // Литературная мысль: альманах. Вып. III. Л., 1925. С. 366–386; Комарович В.Л. Рукописные варианты романа «Подросток» // Начала. 1922. Кн. 2. С. 217–230.

¹⁵⁹ «Неизвестный Достоевский». Изд-во Р. Пипера. Мюнхен. 1926. С. 445–519: «Рукописи, записи, варианты и письма, связанные с романом “Подросток”» (нем.).

LIII.

О возвращении из Эмса в Петербург и о рождении сына Алексея см. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 204–208*. Цитаты из «Дневн<ика> пис<ателя>» — см. *Соч. XI*, письмо к Х.Д. Алчевской¹⁶⁰ об издании «Дн<евника> пис<ателя>» — см. *Мат. 1883, стр. 317*. — Письма 1876 г. из Эмса см. *Пис. к жене. Стр. 191–217*. — О недоразумении с Тургеневым. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 217–219*. — <Нрзб.> Впоследствии, уже после кончины Достоевского, а именно 19 декабря 1888 года А.Ф. Отто (Онегин) писал Анне Григорьевне, напоминая о себе: «Моё маленькое знакомство с Ф<ёдором> М<ихайловичем> было основано на неприятном для него недоразумении, в котором я играл роль невольную. Я — то лицо, которое являлось к вам давно, давно тому назад, когда вы жили ещё на Песках. Я явился в тяжёлую материальную минуту, тогда усугублённую болезненностью Ф<ёдора> М<ихайловича>, с поручением моего друга, И.С. Тургенева, получить деньги — долг Фёдора Михайловича. Я пережил тогда тяжёлые минуты, ибо вы сами доверчиво изложили мне общее положение дел, а потом Ф<ёдор> М<ихайлович> доказал, волнуясь и кипя, что требование Ивана Сергеевича было более, чем несправедливо. По свойственной мне несчастной резкости я написал тогда резкое письмо Ивану Сергеевичу. Дело выяснилось: Ив<ан> Серг<еевич> сознался в своей ошибке, но я почти утратил его дружбу, как всегда бывает с третьим лицом, замешанным в ссору двух других»¹⁶¹.

LIV.

О покупке дома в Старой Руссе — *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 224–225*. — Там же о поездке в имение брата Анны Григорьевны — см. *стр. 225 и след<ующие>*. — Ср. *Письма к жене. Стр. 218–228*. — Воспом<инания> Всево<лода> Соловьёва. «Истор<ический> вестн<ик>». 1881. Апрель. Стр. 846–847. Ср. Воспом<инания> Е.А. Штакеншнейдер. «Русск<ий> вестн<ик>» 1901, № 10. <С. 435–451.> «Голос минувш<его>» 1915, №№ 7, 8, 11–12; 1916, №№ 2 и

¹⁶⁰ Алчевская Х.Д. (1841–1920) — украинская общественная деятельница на ниве народного просвещения, педагог, публицист, составитель указателя книг для народного и детского чтения «Что читать народу?» (1884); почитательница таланта Ф.М. Достоевского и его корреспондентка в 1870-е гг.; автор воспоминаний о писателе.

¹⁶¹ См.: Достоевская А.Г. С. 218–219.

4; 1919, № 1–4. <С. 175–200.> (О Достоевском — в *отд<ельном> от<тиске> «Голоса минувшего» за 1919 г., №№ 1–4 — «Из истории русской литературы»*). — В своих воспоминаниях А.Г. Достоевская сообщает, что лето 1877 года прошло «весело и благополучно»¹⁶². В некотором противоречии с этим находятся письма самого Ф.М. Достоевского. Так, напр<имер>, 7 июня 1877 года Достоевский писал: «Сегодня (т.е. в четверг), утром, в 6 часов, во сне, со мною был припадок и разломал меня так, как редко когда. И устал, и обессилен, и нервы расстроены, и мрак в душе!»... Или, напр<имер>, в письме от 17 июля 1877 г.: «Аня, последние три дня я провёл здесь ужасно. Особенно ночи. Не спится. Думаю, перебираю шансы, хожу по комнате, мерещутся дети, думаю о тебе, сердце бьётся (у меня в эти три дня началось сердцебиение, чего никогда не было). Наконец, начинает рассветать, а я рыдаю, хожу по комнате и плачу, с каким-то сотрясением (сам не понимаю, никогда этого не бывало) и только стараюсь, чтоб старуха не услышала. А старуха поминутно по ночам кричит, что довершает картину»... *Пис. к жене. Стр. 219 и 227.* — О предсмертной болезни Некрасова и о том, что поэт думал о Достоевском, когда писал свою поэму «Несчастные» — см. «Дневник писателя» за 1877 <год>, № 12. *Соч. XII, стр. 348.* (Об этом же — в первом номере того же «Дн<евника> пис<ателя>», за тот же год)¹⁶³.

LV.

О Победоносцеве и его отношении к Достоевскому — см. Н.Ф. Бельчиков. «Достоевский и Победоносцев» (Публикация писем Достоевского). «*Красн<ый> арх<ив>*» 1922, т. II, стр. 240–255¹⁶⁴. Ср. К.П. Победоносцев и его корреспонденты. *Письма и записки.* <*Novum Regnum*>¹⁶⁵ Два полутома. 1928. — Уничтоженная цензурой статья в «Дневн<ике> пис<ателя>» — см. С. Переселенков. «Старина о петрашевцах». *Долин. I, стр. 369–375.* О смерти Некрасова — *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 228–230.* — «Дневн<ик> пис<ателя>» — *Соч. XII, стр. 346–363.*

¹⁶² См.: Достоевская А.Г. С. 226.

¹⁶³ ПСХП. Т. 12. С. 33 («Дневник писателя. 1877. Январь. Глава вторая. IV. Русская сатира. «Новь». «Последние песни». Старые воспоминания).

¹⁶⁴ То же см.: ПСС 30. Т. 30/1.

¹⁶⁵ Новое царство (лат.). Восстановлено по черновому автографу авторских «Примечаний» (РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 179, л. 117).

Запись 24 декабря 1877 <г.> — см. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 227.* — ¹⁶⁶ Оболезненной рассеянности Достоевского рассказывает А.Г. Д<остоевс>кая в своих воспоминаниях: в дрезденском консульстве Достоевский не мог ответить чиновнику, какая была фамилия у его жены до её замужества. Придя домой, Достоевский сердито спросил жену: «Аня, как тебя зовут? Как твоя фамилия?» — «Достоевская», — смущённо ответила я (рассказывает Анна Григорьевна). — «Знаю, что Достоевская, но как твоя девичья фамилия. Меня в консульстве спросили, чья ты урождённая, а я забыл, и приходится второй раз туда идти. Чиновники, кажется, надо мной посмеялись, что я забыл фамилию своей жены. Запиши мне её на своей карточке, а то я другой раз опять позабуду». — «Подобные случаи, — замечает Анна Григорьевна, — были нередки в жизни Фёдора Михайловича, и, к сожалению, доставляли ему много врагов». *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 241.* — Анна Григорьевна относит первую встречу Достоевского с Владимиром Соловьёвым к 1873 году. ...«В эту зиму, — пишет она, — нас стал посещать Владимир Сергеевич Соловьёв, тогда ещё очень юный, только что окончивший своё образование. Сначала он написал письмо Фёдору Михайловичу, а затем, по приглашению его, пришёл к нам. Впечатление он производил тогда очаровывающее, и чем чаще виделся и беседовал с ним Фёдор Михайлович, тем более любил и ценил его ум и солидную образованность. Один раз мой муж высказал Вл. Соловьёву причину, почему он так к нему привязан:

— Вы чрезвычайно напоминаете мне одного человека, — сказал Фёдор Михайлович, — некоего Шидловского, имевшего на меня в моей юности «громадное¹⁶⁷ влияние»... *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 181–182.* О Вл.С. Соловьёве и его наружности — см. «Воспоминания» Е.М. Поливановой, опубликованные С.М. Лукьяновым в его монографии «О Вл.С. Соловьёве в его молодые годы». Кн. III. Вып. 1. (Из трудов Акад<емии> наук). *Петр<оград>, 1921. Стр. 48.* Ср. Евг. Трубецкой. «Личность В.С. Соловьёва». *Сб<орник> «О Влад<имире> Соловьёве». Изд<-во> «Путь». М. 1911. Стр. 45 и след<ующие>». Ср. «Биография Вл.С. Соловьёва, написанная С.М. Соловьёвым и*

¹⁶⁶ В Мп РГБ далее: Рассказ о посещении Сусловой Достоевского, когда он был женат на Анне Григорьевне, имеется в книжке «Достоевский в изображении его дочери» (стр. 39-40). На этот раз можно поверить сообщению Л.Ф. Достоевской, так как забывчивость и болезненная рассеянность Достоевского подтверждается и другими сообщениями. Так, напр<имер>, А.Г. Д<остоевска>я рассказывает о том, что

¹⁶⁷ Вместо: *громадное* — в Мп РГБ: огромное

напечатанная при *седьмом издании стихотворений Влад<имира> Соловьёва*. М. 1921¹⁶⁸. — О пребывании Соловьёва в Лондоне, поездке в Каир и загадочной прогулке в пустыню подробно сообщается С.М. Лукьяновым в вышеуказанных «Материалах к биографии». Стр. 81–262. — Взгляды Соловьёва на Достоевского изложены им в трёх публичных лекциях. Первая из них относится к¹⁶⁹ году смерти Достоевского. Вторая — к 1882 г.; третья — к 1883 г. Кроме того, Соловьёв выступил на защиту Достоевского против К. Леонтьева (1882 г.). Все речи и эта полемическая заметка вошли в *собр<ание> соч<инений> <Вл.С.> Соловьёва<: В 9 т. Сост. М.С. Соловьёва>*. СПб. *Первое изд<ание [1901–1903]>*. Т. III. <С. 169–205.> В этот же том вошли «Чтения о Богочеловечестве» — публичные лекции, которые посещал Достоевский. — О поведении Страхова на лекции Соловьёва — см. *Восп. А.Г. Д-ой*. Стр. 230–231. — Письмо Достоевского Н.П. Петерсону от 24 марта 1878 г. напечатано в «*Русск<ом> арх<иве>*» 1904 г., т. I, № 3, стр. 402–403¹⁷⁰. — Первый том сочинений Ник<олая> Фёд<оровича> Фёдорова под названием «Философия общего дела» вышел под редакцией В.А. Кожевникова и Н.П. Петерсона в городе Верном¹⁷¹ в 1906 году (на обложке помета — не для продажи). Второй том был издан на обычных условиях в Москве в 1913 году под редакцией тех же ревнителей философии Фёдорова. В восьмидесятых годах Вл. Соловьёв писал Н.Ф. Фёдорову: «Прочёл я вашу рукопись с жадностью и наслаждением духа»... Он под влиянием первого впечатления называет Фёдорова «своим учителем и отцом духовным». Проект Фёдорова путём «науки» достигнуть «воскресения мёртвых» Соловьёв принимает очень серьёзно. Однако во втором письме к тому же Фёдорову Соловьёв уже более осторожен. «Проект» Фёдорова вызывает у него сомнения: «Простое физическое воскресение умерших, — пишет он, — само по себе не может быть целью. Воскресение людей в том их состоянии, в каком они стремятся пожирать друг друга, воскресить человечество на степени каннибализма было бы и невозможно, и совершенно нежелательно»... Из этого следует, что человечество должно быть восстановлено в д о л ж н о м в и д е, а для этого никакая «наука» недостаточна. *Письма <Владимира Сергеевича> Со-*

¹⁶⁸ Соловьёв С.М. Биография Владимира Сергеевича Соловьёва // Соловьёв Вл.С. Стихотворения. Изд. 7-е. М.: Русский книжник, 1921. С. 1–58.

¹⁶⁹ *Вместо*: относится к — *было*: была произнесена в; *то же* — в Мп РГБ.

¹⁷⁰ То же см.: ПСС 30. Т. 30/1. С. 13–15.

¹⁷¹ В настоящее время Алма-Ата (Казахстан).

ловьяева. <В 4 т. Под ред. Э.Л. Радлова.> СПб.: Тип. «Общественная польза»; Время, 1908–1923.> Т. II, 1909, стр. 345–347.

О смерти сына Алёши — *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 231–232*. Там же — о поездке в Оптину пустынь. *Стр. 232–233*. Об Оптиной пустыни — см. «*Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии)*». *Сергиев Посад. 1902*. Богатая библиотека пустыни и примечательный рукописный архив её находятся в настоящее время в библиотеке имени Ленина (бывш<ей> Румянцевской)¹⁷². «*Известия ЦИК*» 1928, февраля 15-го, № 39 (3273). Эту пустынь посещали многие писатели. По преданию, в ней был Пушкин (это правдоподобно ввиду близости её к Полотняному Заводу). Гоголь был почитателем оптинских старцев. Его письма хранились в пустыни до её закрытия¹⁷³. И.В. Киреевский был в тесном общении со старцем Макарием, который руководил, между прочим, его переводами с греческого языка Исаака Сирина¹⁷⁴. В Оптиной пустыни похоронены оба брата Киреевские¹⁷⁵. См. *Н.Г. Чулкова. «Некрополь Оптиной пустыни». 1925 (Рукопись в фондах Госуд<арственного> литер<атурного> музея)*. — В Оптиной пустыни жил Константин Леонтьев¹⁷⁶. Здесь бывали Алексей Толстой¹⁷⁷, Н.Н. Страхов и мн. др. Неоднократно посещал Оптину пустынь Л.Н. Толстой. — Старец *Амвросий* (1812–1891) пользовался немалой известностью. Его *письма* изданы в *трёх то-*

¹⁷² В настоящее время — Российская государственная библиотека (РГБ).

¹⁷³ Монастырь был закрыт Советской властью в 1923 г.

¹⁷⁴ Исаак Сирин, преп. — один из Отцов церкви, христианский писатель-аскет, живший в Сирии в VII в.; главной в его сочинениях является тема бесконечной и безмерной любви Божией и божественного милосердия к человеку и миру; также он много писал о путях «обождения» человека и стяжания им Святого Духа; один из любимых духовных учителей Ф.М. Достоевского.

¹⁷⁵ Киреевский И.В. (1806–1856) — религиозный философ, литературный критик и публицист, один из главных идеологов славянофильства; Киреевский П.В. (1808–1856) — известный собиратель и исследователь русского фольклора.

¹⁷⁶ Леонтьев К.Н. (1831–1891) — дипломат, мыслитель религиозно-консервативного направления, публицист, писатель, литературный критик, с 1887 г. жил при Оптиной пустыни, где в 1891 г. принял монашеский постриг; в статье «О всемирной любви. По поводу речи Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике» (1880), Леонтьев обвинил писателя в отходе от церковного христианства в сторону «розового» христианства социальных утопий, которыми тот увлекался с юности, а в письмах В.В. Розанову 1891 г. отказал старцу Зосиме из «Братьев Карамазовых» в духе подлинного оптинского старчества.

¹⁷⁷ Имеется в виду гр. А.К. Толстой (1817–1875), автор романа «Князь Серебряный».

мах (1908–1909)¹⁷⁸. Существует несколько его жизнеописаний. См., напр<имер>, С. Четвериков. «Описание жизни иеросхимонаха Амвросия в связи с историей Оптиной пустыни и её старчества». 1912¹⁷⁹. Ср. Арх<имандрит> Агапит <Беловидов>. «Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Амвросия». <М.,> 1900¹⁸⁰. — Впечатления, оставшиеся у Достоевского от посещения Оптиной пустыни, повлияли на соответствующие главы «Братьев Карамазовых». Если образ старца Зосимы отнюдь не портретен по отношению к старцу Амвросию, зато вся внешняя, бытовая и отчасти психологическая обстановка Оптинского скита воспроизводится в романе очень точно. Достоевский, между прочим, по-видимому, был знаком с историей Оптиной пустыни. Образ Ферапонта едва ли не находится в прямой зависимости от рассказов о схимонахе Вассиане, который умер в 1851 году, как значится на могильной плите. См. «Некрополь Оптиной пустыни». 1925. — (Скитское кладбище, 62-я могила). В первой книге первой части «Братьев Карамазовых» Достоевский сообщает о старчестве: «Возрождено же оно у нас опять с конца прошлого столетия одним из великих подвижников (как называют его) Паисием Величковским и учениками его, но и доселе, даже через сто почти лет, существует весьма ещё не во многих монастырях и даже подвергалось иногда почти гонениям, как неслыханное по России новшество. В особенности процвело оно у нас на Руси в одной знаменитой пустыни, Козельской Оптиной»... Соч. IX, стр. 29. — О художественном реализме в изображении старца — в письме к К.П. Победоносцеву. См. «Красн<ый> арх<ив>» 1923 (1922), т. II, стр. 246–247¹⁸¹. — В своих воспоминаниях Анна Григорьевна пишет: «Вернулся Фёдор Михайлович из Оптиной пустыни как бы умиротворённый и значительно успокоившийся и много рассказывал мне про обычаи пустыни, где

¹⁷⁸ Собрание писем оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к монашествующим. Изд. Оптиной пустыни. Вып. 1. Сергиев Посад, 1908. Вып. 2. Сергиев Посад, 1909; Собрание писем оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к мирским особам. 2-е изд. Оптиной пустыни. Сергиев Посад, 1908.

¹⁷⁹ Протоиерей Сергей Четвериков. Описание жизни блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия в связи с историей Оптиной пустыни и ее старчества. Составлено по прежним жизнеописаниям и по новым источникам. Изд. Козельской Оптиной пустыни. Тип. Казанской Амвросиевской Шамординской женской пустыни. 1912.

¹⁸⁰ Агапит (Беловидов), схиархим. Жизнеописание в Бозе почившего оптинского старца иеросхимонаха Амвросия с его портретом и факсимиле: В 2 частях. М.: Печатня А.И. Снегирёвой, 1900.

¹⁸¹ То же: ПСС 30. Т. 30/1. С. 122 (Письмо К.П. Победоносцеву от 24 авг. (5 сент.) 1879 г.).

ему привелось пробыть двое суток. С тогдашним знаменитым “старцем” о. Амвросием Фёдор Михайлович виделся три раза: раз в толпе, при народе, и два раза наедине и вынес из его бесед глубокое и проникновенное впечатление. Когда Фёдор Михайлович рассказал “старцу” о постигшем нас несчастии и о моём слишком бурно проявившемся горе, то старец спросил его: верующая ли я, и когда Фёдор Михайлович отвечал утвердительно, то просил его передать мне его благословение, а также те слова, которые потом в романе старец Зосима сказал опечаленной матери. Из рассказов Фёдора Михайловича видно было, каким глубоким сердцеведом и провидцем был этот всеми уважаемый “старец”. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 233.* Пишущий эти строки приезжал в Оптину после ликвидации монастыря¹⁸² для ознакомления с её архивом... Ничего, касающегося Достоевского, там не нашлось. Только в книге «приезжающих посетителей» под 1878 годом, от 25, 26 и 27 июня, записано: «Фёдор Михайлович Достоевский. Литератор. Владимир Сергеевич Соловьёв. Профессор философии христиан<ской>». В биографии о. Амвросия, написанной Е. Поселянином, имеются следующие строки: «О. Амвросий постиг сущность смирившейся души писателя и отзывался о нём: “эт о к а ю щ и й с я”. Но совершенно ошибочно думать, что о. Зосима, созданный Достоевским после посещения Оптиной, является художественным воспроизведением личности о. Амвросия». См. *Е. Поселянин. «Праведник нашего времени» оптинский старец Амвросий. <Жизнь его и подвиги.> СПб. <Изд. И.Л. Тузова,> 1907. Стр. 92.* Далее в этой же книжке имеются наивные, но весьма характерные мысли о том, что Зосима напоминает будто бы «протестантского пастора»¹⁸³. Не только автору этой простодушной книжки, но и более глубоким почитателям монастырских традиций религиозная концепция Достоевского, как мы не раз убеждались, совершенно непонятна. Любопытная черта в сцене свидания Достоевского с о. Амвросием («Достоевский стал быстро ходить по келье, размахивая рукой»...) передана нам одним из старых оптинских монахов, о. Феодотом, ныне умершим.

¹⁸² Известно, что Г.И. Чулков посетил монастырь в 1925 г.; Н.Г. Чулкова в своих неопубликованных воспоминаниях писала: «Во время моего пребывания в Оптиной пустыни Г<еоргий> И<ванович> решил приехать туда, с тем чтобы поискать для себя в Музее среди рукописей, следов о пребывании там Достоевского и Толстого... Он пробыл там несколько дней и вернулся в Москву раньше меня» (РГБ. Ф. 371 Чулков Г.И. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 188).

¹⁸³ См.: Указ. соч. С. 92.

LVII.

Об осени 1878 г. — см. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 333*. — Тема «каменной и хлеба» в романе «Подросток» — см. *Соч. VIII, стр. <181>¹⁸⁴*. Об основной идее Великого инквизитора см. Вступительное слово Достоевского к чтению этой главы, воспроизведённое в книге *Л.П. Гроссмана «Жизнь и труды Достоевского». <С. 350–351>¹⁸⁵*. См. также — письмо Достоевского к В.А. Алексееву (1828–1884) — флейтисту оркестра Мариинского театра.¹⁸⁶ В.А. Алексеев бывал у Достоевского. Письмо Достоевского датируется 7 июня 1876 года. Оно является ответом на письмо В.А. Алексеева от 3 июня того же года. — Письмо Достоевского к Страхову о теме монастыря — от 24 марта 1870 года. См. *Пис. II, стр. 258*. (В примечаниях к одноименному Достоевского 1931 г. по ошибке цитата отнесена к письму Достоевского к Майкову, которому Достоевский писал на другой день 25 марта на ту же тему о желании вывести «старца» вроде Тихона Задонского. *Пис. II, стр. 264*). — Признание в своей двойственности Достоевский делал в письме к Е.Ф. Юнге от 11 апреля 1880 г. См. *Мат. 1883, стр. 341*. Ср. *Чеших. II, стр. 143*. В этом письме интересны заключительные строки: «Милая, глубокоуважаемая Екатерина Фёдоровна, верите ли вы во Христа и в Его обеты? Если верите (или хотите верить очень), то предайтесь Ему вполне, и муки от этой двойственности сильно смягчатся, и вы получите исход душевный, а это главное». — Письмо от 10 мая 1879 г. Н.А. Любимову (в редакцию «Русск<ого> вестн<ика>» — см. «*Былое*», 1920, № 15, стр. 100–102¹⁸⁷). Письмо к К.П. Победоносцеву от 19 мая 1879 г. из Старой Руссы и к нему же из Эмса 24 августа (5 сентября¹⁸⁸) 1879 г. — см. «*Красный архив*» 1923 (1922), т. II, стр. 242 и 246^{189, 190}

¹⁸⁴ Восстановлено по черновому автографу авторских «Примечаний» (РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 179, л. 122) и Мп РГБ.

¹⁸⁵ В Мп РГБ последняя библиографическая ссылка отсутствует.

¹⁸⁶ В Мп РГБ далее: Письмо к нему сообщил Ф.Ф. Берсенев в Комиссии Достоевского при ГАХН 27 января 1926 года. См. «Бюллетени» 1926 г. № 4–5. О самоубийстве Писаревой в статье «Одна несоответственная идея». Дневник писателя 1876 г., май, Глава вторая. II. <ПСХП. Т. XI. С. 302–305>.

¹⁸⁷ То же см.: ПСС 30. Т. 30/1. С. 65.

¹⁸⁸ Исправлено по черновому автографу авторских «Примечаний» (РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 179, л. 123) и Мп РГБ.

¹⁸⁹ Красный архив. 1922. № 2. С. 242; 1923. № 2. С. 246. То же см.: ПСС 30. Т. 30/1. С. 66–67, 120–122.

¹⁹⁰ В Мп РГБ далее: — Если изображение «нигилиста» Ивана Карамазова в романе сделано с чрезвычайной тонкостью и умным беспристрастием, тем грубее и откровен-

«Братья Карамазовы» печатались в следующих номерах «Русского вестника» за 1879 г.: в январе, феврале, апреле, мае, июне, августе, сентябре, октябре, ноябре; за 1880 г.: в январе, апреле, июле, августе, сентябре, октябре, ноябре. — В отдельном издании в двух томах роман вышел в конце 1880 года, но помечен был следующим 1881-м годом. Материалы к творческой истории «Братьев Карамазовых» были опубликованы В.Л. Комаровичем на немецком языке, в Мюнхене, в изд<-ве> Пипер — «*F.M. Dostojewski. Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente. Erläutert von W. Komarowitsch*». München, 1928¹⁹¹. См. также «*Ф.М. Достоевский. Материалы и исследования*» под ред. А.С. Долинина. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. «Братья Карамазовы». Редакция, вступительная статья и комментарий А.С. Долинина¹⁹².

LVIII.

нее звучат признания Достоевского в письме к Любимову от 11 июня 1879 года: «Третьего дня я отправил в редакцию “Русского вестника” продолжение “Карамазовых” на июньскую книжку (окончание 5-й главы <“Pro и contra”>). В ней закончено то, что “говорят уста гордо и богохульно”. Современный отрицатель, из самых ярких, прямо объявляет себя за то, что советует дьявол, и утверждает, что это вернее для счастья людей, чем Христос. Нашему русскому, дурацкому, но страшному социализму — (потому что в нём молодёжь) — у к а з а н и е, и кажется энергическое: хлеба, Вавилонская башня (т.е. будущее царство социализма) и полное порабощение свободы совести — вот к чему приходит отчаянный отрицатель и атеист. Разница в том, что наши социалисты (а они не одна только подпольная нигилистичка, — вы знаете это) — сознательные иезуиты и лгуны, не признающиеся, что идеал их есть идеал насилия над человеческой совестью и низведение человечества до стадного скота, а мой социалист (Иван Карамазов) — человек искренний, который прямо признаётся, что согласен со взглядом “Великого инквизитора” на человечество, и что Христова вера (будто бы) вознесла человека гораздо выше, чем стоит он на самом деле. Вопрос ставится у стены: “Презираете вы человечество или уважаете, вы, будущие его спасители?” И всё это будто бы у них во имя любви к человечеству: “Тяжёл, дескать, закон Христов и отвлечён, для слабых людей невыносим,” — и вместо закона Свободы и Просвещения несут им закон цепей и порабощения хлебом. В следующей книге произойдёт смерть старца Зосимы и его предсмертные беседы с друзьями. Это не проповедь, а как бы рассказ, повесть о собственной жизни. Коли удастся, то сделаю дело хорошее: з а с т а в л ю с о з н а т ь с я, что чистый, идеальный христианин — дело не отвлечённое, а образно реальное, возможное, воочию предстоящее, и что христианство есть единственное убежище Русской земли от всех её зол»... См. «Блоке». 1920. № 15, стр. 104 <*ПСС 30. Т. 30/1. С. 68*>. —

¹⁹¹ «Ф.М. Достоевский. Первообраз “Братьев Карамазовых”: источники, планы и фрагменты Достоевского. Комментарий В. Комаровича». Мюнхен, 1928 (нем.).

¹⁹² В Мп РГБ последняя библиографическая ссылка отсутствует.

¹⁹³ О посещении Достоевским светских салонов — см. также Л.П. Гроссман «Достоевский и правительственные круги 1870-х гг.». «Литературное наследство» № 15, 1934 г. <С. 83–124>¹⁹⁴; «Дневник Е.А. Штакеншнейдер». «Голос минувшего». 1919, № 1–4. Стр. 175–187. Отец Е.А. Штакеншнейдер был известный в 1860–1870 гг. в Петербурге архитектор. ¹⁹⁵ — О чрезвычайном признании Достоевского молодёжью — в письме к Победоносцеву из Эмса в 1879 г., 24 августа (5 сентября)¹⁹⁶ — см. «Красный архив» 1923 (1922), т. II, стр. 246¹⁹⁷. В этом письме, между прочим, Достоевский употребляет выражение «симпатичный совсем не в том смысле, в каком оно обычно принято в наши дни». После смерти Достоевского Победоносцев писал Александру III-му (тогда ещё наследнику): «Несчастное наше юношество, блуждающее, как овцы без пастыря, — к нему питало доверие, и действие его было весьма велико и благотворительно. Многие несчастные молодые люди обращались к нему, как к духовнику, словесно и письменно. Теперь некому заменить его». См. «Красный архив» 1923 (1922), т. II, стр. 252. — В письме к С.Д. Яновскому Достоевский также писал о своей популярности: «Вы не поверите, до какой степени я пользовался сочувствием русских людей в эти два года издания. Письма ободрительные, и даже искренно выражавшие любовь, приходили ко мне сотнями»¹⁹⁸ ... *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 234.* Разговор о террористах и о судьбе Алёши Карамазова — *А.С. Суворин. Дневник. 1923.*

¹⁹³ В Мп РГБ: О состоянии русской государственности и общественности в 1879–1880 гг. см. однотомник «Сочинений Достоевского». 1931, стр. 732–733. — Свидетельство О. Миллера о «социализме» Достоевского. Мат. 1883, стр. 175.

¹⁹⁴ В Мп РГБ отмеченная библиографическая ссылка отсутствует.

¹⁹⁵ В Мп РГБ далее: — Любопытна характеристика Достоевского как «мещанина» в устах этой мемуаристки: «Он знает все изгибы души человеческой, предвидит судьбы мира, а изящной красоты от пошлой не отличит. Оттого ему и не удаются женские лица, разве одни только мещанские. Многие, со страхом подходя к нему, не видят, как много в нём мещанского, не пошлого, нет, пошл он никогда не бывает и пошлого в нём нет, но он мещанин. Да, мещанин. Не дворянин, не семинарист, не купец, не человек случайный, вроде художника или учёного, а именно мещанин. И вот этот мещанин — глубочайший мыслитель и гениальный писатель. Теперь он часто бывает в аристократических домах и даже в великокняжеских и, конечно, держит себя везде с достоинством, а всё же в нём проглядывает мещанство. Оно проглядывает в некоторых чертах, заметных в интимной беседе, а больше всего в его произведениях». *Голос минувшего*. 1919, № 1–4, стр. 185–186.

¹⁹⁶ Исправлено по черновому автографу авторских «Примечаний» (РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 179, л. 123) и Мп РГБ.

¹⁹⁷ То же см.: ПСС 30. Т. 30/1. С. 120–122.

¹⁹⁸ См.: ПСС 30. Т. 29/II. С. 179 (Письмо С.Д. Яновскому от 17 дек. 1877 г.).

Стр. 15–16. Ср. Фроленко <М.Ф.>. <Милость (Из воспоминаний об Алексеевском равелине). «Былое». 1906. № 2>. Стр. <5–20>; <Дополнительные сведения о процессе 20-ти. «Былое». 1906. №№ 1, 6.> — О поездке в Эмс — см. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 243.*¹⁹⁹

О манере Достоевского держать себя в салонах — см. Дневник Штакеншнейдер. «Гол<ос> мин<увшего>» 1919, № 1–4, стр. 178. Также о расточительности и бескорыстии Достоевского. Стр. 181. См. также Е.П. Опочинин. «Беседы с Достоевским» (Записи и припоминания Е.П. Опочинина). Предисловие и примечания Ю. Верховского. «Звенья» 1936, № 6, <стр. 457–494>²⁰⁰.

ЛIX.

Последний год жизни. — «Пушкинская речь». — см. *Мат. 1883, стр. 304–329.* — *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 250–281.* — *Пис. к жене. Стр. 278–307.* — А.Ф. Кони «На жизненном пути». СПб. 1912. Стр. 96–103. — «Дневн<ик> пис<ателя>» за 1880 г., август, и «Дневн<ик> пис<ателя>» за 1881 г., январь. *Соч. XII, стр. 369–458.* — Е.К. Штакеншнейдер. Дневник. «Голос мину<в>шего» 1919, № 1–4, стр. 175–187.

С.А. Венгеров передаёт о впечатлении, какое производил Достоевский своим чтением: «Достоевский не имеет себе равного как чтец. Чтецом Достоевского можно назвать только потому, что нет другого определения для человека, который выходит в чёрном сюртуке на эстраду и читает своё произведение. На том же вечере, когда я слышал Достоевского, читали Тургенев, Салтыков-Щедрин, Григорович, Полонский, Алексей Потехин. Кроме Салтыкова, читавшего плохо, и Полонского, читавшего слишком приподнято-торжественно, все читали очень хорошо. Но именно только читали, а Достоевский в полном смысле слова пророчествовал. Тонким, но пронзительно отчётливым голосом и невыразимо захватывающе читал он одну из

¹⁹⁹ В Мп РГБ далее: — Примеры любовных излияний Достоевского по адресу Анны Григорьевны таковы: «Позвольте, сударыня: (зачёркнуто шесть строк), ужасно целую тебя в эту минуту. Но чтобы решить о сне (зачёркнуто две строки) то, что сердечно моей обожаемой жёнки (зачёркнуто полторы строки). Анька, уже по этой странице можешь видеть, что со мною происходит. Я как в бреду, боюсь припадка. Целую твои ручки и прямо и в ладошки и ножки и всю»... Или в письме от 4 (16) августа: «Целую тебя минутно в мечтах моих всю, по м и н у т н о в засос. Особенно люблю то, про что сказано: И предметом сим прелестным, восхищён и упоён он. — Этот предмет целую поминутно во всех видах и намерен целовать всю жизнь»... См. Пис. к жене, стр. 257 и стр. 259–260.

²⁰⁰ В Мп РГБ последняя библиографическая ссылка отсутствует.

удивительных глав “Братьев Карамазовых” — “Исповедь горячего сердца”, — рассказ Мити Карамазова о том, как пришла к нему Катерина Ивановна за деньгами, чтобы выручить отца. И никогда ещё с тех пор не наблюдал я такой мёртвой тишины в зале, такого полного поглощения душевной жизни тысячной толпы настроениями одного человека. Когда читали другие, слушатели не потеряли своего “я” и так или иначе, но по-своему относились к слышанному. Даже совместное с Савиной превосходное чтение Тургенева не заставляло забываться и не уносило ввысь. А когда читал Достоевский, слушатель, как и читатель кошмарно гениальных романов его, совершенно терял своё “я” и весь был в гипнотизирующей власти этого измождённого, невзрачного старичка, <с> пронзительным взглядом беспредметно уходивших куда-то вдаль глаз, горевших мистическим огнём, вероятно того же блеска, который некогда горел в глазах протопопа Аввакума». — См. *«Речь», 25 апреля 1915 г.* О глазах Достоевского Глеб Успенский упоминает в своей переписке. См. *«Голос минув<шего>» 1915 г., март, стр. 219.*

Перед отъездом на пушкинские торжества в Москву Достоевский писал Победоносцеву из Старой Руссы 19 мая 1880 г.: «Должен ехать в Москву на открытие памятника Пушкина, да при этом ещё в качестве депутата от Славянского благотворительного общества. И оказывается, как я уже и предчувствовал, что не на удовольствие поеду, а даже, может быть, прямо на неприятности. Ибо дело идёт о самых дорогих и основных убеждениях. Я уже в Петербурге мельком слышал, что там в Москве свирепствует некая клика, старающаяся не допустить иных слов на торжестве открытия и что опасаются они некоторых р е т р о г р а д н ы х с л о в, которые могли бы быть иными сказаны в заседаниях Люб<ителей> российской словесности, взявших на себя всё устройство праздника. Меня же именно приглашал председатель общества и само общество (официальной бумагой) г о в о р и т ь на открытии»... «Впрочем, что вас утруждать мелкими сплетнями. Но в том-то и дело, что тут не одни только сплетни, а дело общественное и большое, ибо Пушкин именно выражает идею, которой мы все (малая кучка пока ещё) служим, и это надо отметить и выразить. Это-то вот им и ненавистно. Впрочем, может быть, просто не дадут говорить. Тогда мою речь напечатаю». *«Красн<ый> арх<ив>» 1923 (1922), т. II, стр. 243²⁰¹.* — Речь о Пушкине была первоначально напечатана в *«Московск<их> ведом<остях>»* 1880 г., 18 июня, № 162 и затем перепечатана во многих газетах и журналах. Она же с допол-

²⁰¹ То же см.: ПСС 30. Т. 30/1. С. 156.

нениями и полемикой против Градовского напечатана в единственном выпуске «Дневника писателя» за 1880 г.²⁰²

LX.

О западниках и славянофилах в «Объяснительном слове к речи». Соч. XII, стр. 374. Полемика с Градовским — Соч. XII, стр. 391–417. Статья А.Д. Градовского «Мечты и действительность» была напечатана в «Голосе» 1880 г., № 174.²⁰³

О двух мнениях Глеба Успенского о речи Достоевского — см. статью Л.К. Ильинского «Достоевский и Глеб Успенский». Долин. I, стр. 327–353. В связи с вопросом об отношениях «народничества» Достоевского к «народничеству» Н.К. Михайловского и Глеба Успенского заслуживает внимания истолкование «Пушкинской речи», предложенное автором статьи «Критика о Пушкине» в новом издании поэта («Красная нива»)²⁰⁴ ²⁰⁵

²⁰² См.: ПСХП. Т. 12. С. 369–417.

²⁰³ В Мп РГБ далее: — О русском «социализме» Достоевский писал в последнем январском номере «Дневника писателя» за 1881 год: «Я знаю, надо мною смеялись наши интеллигентные люди: "той идеи" даже и признавать они не хотят в народе, указывая на грехи его, на смрад его (которым сами же они виной были, два века угнетая его), указывают на предрассудки, на индифферентность будто бы народа к религии, а иные так даже воображают, что русский народ просто-напросто атеист. Вся глубокая ошибка их в том, что они не признают в русском народе церкви. Я не про здания церковные теперь говорю и не про причты, а про наш русский "социализм" теперь говорю (и это обратно противоположное церкви слово беру именно для разъяснения моей мысли, как ни показалось это странным), — цель и исход которого всенародная и всеобщая церковь, осуществлённая на земле, поколику земля может вместить её. Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нём присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово. И если нет ещё этого единения, если не созиждилась ещё церковь вполне, уже не в молитве одной, а на деле, то всё-таки инстинкт этой церкви и неустанная жажда её, иной раз даже почти бессознательная, в сердце многомиллионного народа нашего несомненно присутствует. Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасётся лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово. Вот наш русский социализм!» — См. Соч. XII, стр. 435–436. —

²⁰⁴ По-видимому, имеется в виду: Благой Д.Д. Критика о Пушкине // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 6 т. Прилож. к ж. «Красная нива» на 1931 г. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. Т. 6. С. 189–210.

²⁰⁵ В Мп РГБ далее: Последний полагает, что речь Достоевского была направлена непосредственно против народолюбцев. Слова Достоевского, обращённые к пушкинским «скитальцам» — от Алеко до Онегина, — «Смирись, гордый человек»... надо будто бы понимать как протест против террора партии «Народной воли». См. Путеводитель

О том, что Апокалипсис был настольной книгой Достоевского, свидетельствует, между прочим, Влад<имир> Соловьёв в своей «Заметке в защиту Достоевского от обвинения в “новом” христианстве по поводу статьи К. Леонтьева “Наши новые христиане”». Конст<антин> Леонтьев обвинял Достоевского, как известно, в том, что он подменил церковное христианство мнимо христианским социализмом. См. *Соч<инения> Влад<имира> Соловьёва: В 9 т. СПб., [1901–1903]>. Перв<ое> изд<ание>. Т. III, стр. <201–>205.*²⁰⁶

LXI.

Возвращение в Старую Руссу — см. *Восп. А.Г. Д-ой. Стр. 263–265.* — Письмо И.С. Аксакову. — *Мат. 1883, стр. 344*²⁰⁷. — Письмо к Н.А. Любимову об окончании «Братьев Карамазовых». См. *«Былое». 1920. № 15. Стр. 131*²⁰⁸. — Статья о Земском соборе и последние дни

по Пушкину, в изд. соч. Пушкина 1931 г. <Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 6 т. Прилож. к ж. «Красная нива» на 1931 г. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. Т. 6>, стр. 204–205. Совершенно справедливо, что народовольцы были в глазах Достоевского его противниками, как и все прочие партии, искавшие в западных политических формах панацеи от социальных бедствий. Однако выражение Достоевского «Смирись, гордый человек» толкуется здесь совсем не в том смысле, в каком употребил его сам Достоевский. Следуя неудачной традиции, установившейся в нашей критической литературе, автор думает, что Достоевский предлагает «смириться перед фактом», т.е. признать существующее как должное, а Достоевский предлагает как раз наоборот — «смириться перед абсолютным идеалом», т.е. отнюдь не принимать дурной действительности. Здесь происходит такое же недоразумение, как с известной формулой Гегеля «всё действительное разумно». Белинский, плохо знавший и понимавший Гегеля, думал, что под «действительным» можно понимать любой исторический факт, напр<имер> самодержавную монархию, и на этом основании сначала стоял перед нею на коленях («Бородинская годовщина»), а потом её же проклинал. И в том, и в другом случае Гегель был привлечён совершенно напрасно. Достоевский в своём ответе Градовскому писал, между прочим: «Тяжело было видеть, что идею, которой служу я, волокут по улице. Вот вы-то её и поволокли» <ПСХП. Т. 12. С. 417 («Дневник писателя. 1880. Август. Глава третья. Придирка к случаю. Четыре лекции на разные темы по поводу одной лекции, прочитанной мне г. А. Градовским, с обращением к г. Градовскому. IV. Одному смирись, а другому гордись. Буря в стаканчике»)>. Едва ли следует и в наши дни упрощать мысль Достоевского и тем самым делать её вульгарной.

²⁰⁶ В Мп РГБ далее: — Цитата «конец мира идёт» — взята из «Записн<ой> книжки» Достоевского. См. Мат. 1883, стр. 357. — Цит<ата> «Я, как Пушкин, слуга царю»... — из «Зап<исной> кн<ижки>». Мат. 1883, стр. 366. — Цит<ата> «На это есть одно магическое слово»... взята из январского (единственного) номера «Дневн<ика> писат<еля>» за 1881 г.

²⁰⁷ То же см.: ПСС 30. Т. 30/1. С. 214 (Письмо И.С. Аксакову от 28 авг. 1880 г.).

²⁰⁸ То же см.: ПСС 30. Т. 30/1. С. 227 (Письмо Н.А. Любимову от 8 нояб. 1880 г.).

Достоевского — см. *Восп. А.Г. Д-й. Стр. 268-273.* — Посещение Достоевским А.А. Толстой — см. её воспоминания в кн. «Толстовский музей». СПб. 1911. Т. I. Стр. 25–26. — Последние минуты — *Мат. 1883, стр. 321–324.* — Похороны. — *Восп. А.Г. Д-ой. <Стр.> 278–281; Мат. 1883, стр. 324–329.*

Среди ряда воспоминаний о похоронах Достоевского заслуживает внимания свидетельство одного очевидца, который сообщил П.И. Бартеневу своё впечатление, пометив записочку датой: «Александр-Невская лавра. 1 февраля 1881 г.» (Возможностью опубликовать этот документ мы обязаны М.А. Цявловскому). Текст записочки таков: «Сообщаю вам курьер. Вчера принесли в Лавру тело покойного Достоевского, чтобы ныне отпеть и похоронить. Провожавшего народа было бесчисленное множество. Кажется, подвигся весь Петербург. Все учебные заведения — мужские, женские, высшие, низшие — разные общества, цехи и прочие и прочие и все с громаднейшими венками и надписями на высочайших шестах. Ход шёл по Невскому, начался в 10 часов и едва к 4-м добрался до Лавры. И царям таких почестей ещё не оказывали. Дай Бог, чтобы за этой церемонией не крылось чего-нибудь посерьёзнее венков и надписей».

Чрезвычайно любопытно, что автор записки был не только поражён огромностью напугавшей его манифестации, но и склонен был истолковать её как революционную. Несомненно, что доля истины была в этом понимании события: несмотря на борьбу с «нигилизмом» и все прочие ретроградные факты биографии писателя, в Достоевском видели бывшего каторжанина и смертника, ревнителя освобождения крестьян, ненавистника западноевропейской буржуазии и вдохновенного провозвестника идеи возможной «мировой гармонии». Все чувствовали, что «гений и злодейство вещи несовместные»²⁰⁹, что личность Достоевского и его творчество находятся в непримиримом противоречии с ветхим порядком, государственным и социальным.

Рассказывали о любопытном эпизоде во время похорон Достоевского: «Одну минуту на Владимирской площади произошёл какой-то переполох. Прискакали жандармы, кого-то окружили, что-то отобрали»...²¹⁰ Это «что-то» были арестантские кандалы. См. Е. Леткова. *Воспоминания о Достоевском. «Звенья» 1932, I, стр. 476.* См. также пасквильное стихотворение князя А.В. Мещерского

²⁰⁹ См.: Пушкин А.С. Т. 5. С. 314 (Из «маленькой трагедии» «Моцарт и Сальери», 1830).

²¹⁰ Фраза печатается по Мп РГБ (авторская приписка от руки синими чернилами); в Мп ИМЛИ очевидна ошибка при перепечатке.

ПРИМЕЧАНИЯ

по случаю кончины Ф.М. Достоевского (А.В. Мещерский <1822–1905> – штальмейстер высочайшего двора, бездарный салонный поэт – сообщено С. Любимовым). «Звенья» 1936, № 6. <С. 790–792>²¹¹.

²¹¹ В Мп РГБ последняя библиографическая ссылка отсутствует.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Г.И. ЧУЛКОВ ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА¹

Как это ни странно, но биография Достоевского появилась на иностранных языках ранее, чем на русском. Так, в 1925 году в Лейпциге, в издательстве Гесселя вышла большая книга Карла Нэтцеля «Das Leben Dostojevskis»², а в 1931 году вышла в Париже в издательстве Plon биография Достоевского, написанная Левинсоном «La vie pathétique de Dostojevsky»³. Немецкая биография Нэтцеля несколько устарела, потому что теперь мы располагаем новыми существенными материалами, ему неизвестными, напр<имер>, двумя⁴ томами писем писателя, прокомментированными А.С. Долининым⁵, — публикацией писем и дневника Сусловой, — воспоминаниями А.М. Достоевского и многими другими. Что касается биографии Левинсона, то она рассчитана, по-видимому, прежде всего на французского читателя и претендует главным образом на лёгкость изложения. Но всё же обе эти книги суть биографии писателя, а на русском языке таковой нет вовсе, если не считать чрезвычайно устаревших «материалов для жизнеописания» О.Ф. Миллера, доведённых им до 1861 года и дополненных отчасти воспоминаниями Н.Н. Страхова, от правдивости коих он сам впоследствии отказался в своём известном письме к Л.Н. Толстому⁶. Кроме

¹ Печатается по машинописи с небольшой авторской правкой (РГБ. Ф. 371 Г.И. Чулков. К. 8. Ед. хр. 1. Лл. 1–6). Практически идентичная машинопись находится в РГАЛИ (Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 179. Л. 21–26). Небольшие разночтения отражены в постраничных редакторских комментариях. В экз. РГАЛИ заголовок: Предисловие. Это и последующие разночтения позволяют с высокой долей вероятности предположить, что автором данного текста является Г.И. Чулков.

² «Жизнь Достоевского» (нем.).

³ См.: André Levinson, La Vie pathétique de Dostoïevski, éd. Plon, Paris, 1931. Варианты перевода заглавия: «Волнующая жизнь Достоевского», «Страстная жизнь Достоевского», «Трогательная жизнь Достоевского» (фр.).

⁴ В экз. РГАЛИ: три

⁵ Эти сведения дают возможность установить приблизительную дату написания статьи «От издательства»: между 1931 и 1935 гг., — так как 3-й том писем Достоевского под ред. А.С. Долинина вышел в 1935 г.

⁶ Имеется в виду письмо Н.Н. Страхова к Л.Н. Толстому от 28 ноября 1883 г. о биографии Ф.М. Достоевского, написанной Страховым для Полн. собр. соч. Досто-

книги Нэтцеля, на немецком языке имеется ещё апокрифическая биография Достоевского, написанная его дочерью. К сожалению, этой фантастической биографией пользовались доверчиво многие немецкие исследователи творчества и психологии Достоевского. Опыты биографий-характеристик Достоевского появлялись за границей неоднократно. Укажем, например, на книгу Стефана Цвейга⁷.

Предлагаемая советским читателям книга Георгия Чулкова⁸ «Жизнь Достоевского» является первой попыткой «прагматического» жизнеописания писателя. Автор этого опыта воспользовался многочисленными публикациями последних лет, до сих пор ещё не введёнными в русло биографии Достоевского, и с этой стороны книга эта⁹ заслуживает внимания. Впрочем, её отнюдь не следует рассматривать как опыт научного исследования жизни Достоевского. Автор — не марксист. Этим всё сказано. Однако¹⁰ биографический материал, неплохо в литературном отношении им обработанный, открывает перспективы социологического исследования, на которое сам автор, по-видимому, нисколько не претендует¹¹.

Вот это социологическое освещение биографии Достоевского весьма существенно для понимания его творчества и той роли, которую он сыграл в культуре XIX века¹². Будем надеяться, что наши молодые исследователи-марксисты посвятят не одну работу этой любопытнейшей проблеме. Она тем интереснее, что решительно¹³ не терпит упрощённого и грубого решения. Тот сложный литературный и культурный факт, который определяется именем Достоевского, не утратил до сих пор своей значительности. Если попытки разгадать его индивидуальное лицо Михайловским, Розановым, Мережков-

евского в 14 т. (СПб., 1882–1883), с очень дурными отзывами о Достоевском и с резко отрицательными его характеристиками. См.: Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым // Современный мир. 1913. Октябрь. С. 307–309.

⁷ По-видимому, имеется в виду книга С. Цвейга «Три мастера: Диккенс, Бальзак, Достоевский» (1919).

⁸ В экз. РГАЛИ: имя автора вычеркнуто

⁹ В экз. РГАЛИ на этом месте: , быть может,

¹⁰ В экз. РГАЛИ: начиная со слова «Впрочем» все вычеркнуто

¹¹ В экз. РГАЛИ другой вариант: Биографический материал, впервые в этой книге литературно обработанный, открывает перспективы социологического исследования, на которое, однако, сам автор жизнеописания нисколько не претендует. В этой книге — «упрямые факты» — не более.

¹² В экз. РГАЛИ фраза вычеркнута

¹³ В экз. РГАЛИ исправлено на: вовсе

ским, Шестовым и др. были неудачны с марксистской точки зрения, то не более удачны были и попытки разгадать его классовую сущность (В.Ф. Переверзевым у нас или Отто Каусом на Западе). А между тем сам Достоевский чувствовал себя н о в ы м ч е л о в е к о м, пришедшим на смену отмиравшего класса. И этот его внутренний конфликт с теми современниками, которые были прямыми выразителями интересов враждебной ему социальной стихии, чрезвычайно поучителен для нас, вооружённых методом диалектического материализма¹⁴.

Сам Достоевский отчётливо сознавал себя антагонистом наших писателей-дворян, писателей-помещиков, не исключая и славянофилов, «сытость» коих в вопросе социальном он и отметил с присущим ему сарказмом. — «О, выписавшиеся помещики!» — восклицает Достоевский по поводу одного из неудачных рассказов Тургенева (Пис. II, стр. 300). — В мае 1871 года Достоевский писал Страхову из Дрездена: «А знаете — ведь это всё помещичья литература. Она сказала всё, что имела сказать (великолепно у Льва Толстого). — Но это в высшей степени помещичье слово было последним. Н о в о г о с л о в а, заменяющего помещичье, ещё не было, да и некогда»...

Правда, в это время появились уже писатели-разночинцы — Решетников, Глеб Успенский и другие «народники», — но эти н о в ы е л ю д и, не обладая дарованиями старших писателей — Толстого, Тургенева, Гончарова, Писемского — не могли ещё занять командующих высот в художественной литературе. А между тем жизнь предъявляла всё новые и новые требования. «Помещичья» литература не могла удовлетворять идеологических требований новых социальных сил. Требования эти были весьма реальны и нашли себе отчётливое выражение в публицистике Добролюбова, Чернышевского и отчасти Писарева. Это была эпоха «обличительства» и «нигилизма». Если Достоевский был прямым врагом «помещичьей» литературы, то по отношению к народникам-нигилистам он был их страстным соперником. Едва ли следует торопливо и безоговорочно характеризовать Достоевского как писателя-мещанина, как выразителя мелкобуржуазной стихии, однако есть любопытный мемуарный документ, дающий нам понятие о том, как смотрели на Достоевского, на его социальное лицо, некоторые современники, не имевшие, между прочим, никакого понятия о марксизме и записавшие свои впечатления «в простоте душевной». Некая Е.К. Штакеншнейдер, светская дама, принимавшая в своём салоне Достоевского, пишет в дневнике 1880 года: «Он знает все изгибы души человеческой, предвидит судьбы мира, а

¹⁴ В экз. РГАЛИ три последние слова исправлены на: диалектическим методом

изящной красоты от пошлой не отличит. Оттого ему и не удаются женские лица, разве одни только мещанские. Многие, со страхом подходя к нему, не видят, как много в нём мещанского, не пошлого, нет, пошл он никогда не бывает и пошлого в нём нет, но он мещанин. И вот этот мещанин — глубочайший мыслитель и гениальный писатель. Теперь он часто бывает в аристократических домах и даже в великокняжеских и, конечно, держит себя везде с достоинством, а всё же в нём проглядывает мещанство»... («Голос минувш<его>, 1919, № 1–4).

В.Ф. Переверзев и особенно его ученики очень старались вывести «мещанство» Достоевского из характера его стиля. Противники этой школы указывали не без основания на односторонность этого метода, на совершенно напрасное игнорирование биографии Достоевского и его идеологии, которая нашла себе выражение в «Дневнике писателя». В самом деле, понять и определить позицию Достоевского в современной ему культуре едва ли возможно, разделив насильственно его «художество» от его «публицистики». Закрывать глаза на его «ретроградство» нам нет надобности. Мы не народники, которые слишком наивно понимали это «ретроградство», пугаясь его и других им пугая. Мы достаточно объективны, чтобы правильно оценить меру реакционности Достоевского, и это нам нисколько не мешает включить мастера в пантеон великих художников. Маркс прекрасно понимал мещанскую и реакционную природу Гёте, однако это ему не мешало не только самому восхищаться его поэзией, но и рекомендовать её своим ученикам. И, конечно, Эсхила тот же Маркс читал и перечитывал ежегодно не только потому, что великий трагик создал образ «Прометей», но и за всю глубину и сложность его дивного театра. Нет ничего вреднее «упрощённого» марксизма. Как известно, Маркс не опубликовал написанного им о б щ е г о ф и л о с о ф и ч е с к о г о в в е д е н и я, которое, по первоначальному замыслу, должно было предшествовать его книге «К критике политической экономии». В предисловии к своей книге Маркс объяснил, что он не решился опубликовать своего «Общего введения» («Eine allgemeine Einleitung»¹⁵), потому что не хотел предвосхищать результатов длительного и упорного анализа фактов. Нам не мешало бы следовать учителю в этой его осторожности.

В частности, по отношению к Достоевскому это очень важно. Вовсе недостаточно сказать, что в «Дневнике писателя» Достоевский был «реакционером». Нам интересно знать, какова социальная основа этой его реакционности, каков «цвет и вкус» его убеждений и симпа-

¹⁵ «Общее введение» (нем.).

тий. «Ночью все кошки серы». А нам следует светом ортодоксально-марксизма¹⁶ уничтожить ночные потёмки всяких народнических и меньшевистских¹⁷ предрассудков и показать Достоевского во всей его противоречивой сложности. Надо помнить, что¹⁸ художник мыслит «вещами». Это значит, что он всегда реалист и диалектик, какова бы ни была его политическая маска. Вот тщательно проследить эту диалектику на всех стадиях творчества писателя и является существенной задачей современности. В этом случае нам пригодится «прагматическая» биография художника. Она кстати напомнит нам, что чутьё Белинского, критика-плебея, критика-разночинца, подсказало ему приветствовать в лице Достоевского автора «нашего первого социального романа». Эта биография и есть то предварительное (конечно, далеко ещё недостаточное!) связное изложение фактов, которое должно послужить базой для наших идеологических обобщений. Эта биография напомнит нам о прямой зависимости движения «петрашевцев» от февральской революции 1848 года, идеи коей оплодотворили оппозиционные головы тогдашних русских разночинцев и деклассированных дворян. Ведь связь Достоевского со Спешневым («коммунистом и атеистом») была вовсе не случайна в 1848–1849 годах. И весьма любопытно, что Достоевский, будучи уже тогда «верующим», не уклонился (как это сделал, например, его приятель А.Н. Майков) от ответственного конспиративного дела по организации нелегальной типографии. Социолог-исследователь должен проследить всю сложную эволюцию «социалистических» убеждений Достоевского. «Монархизм» Достоевского в его фантазии поэта мирился как-то с будущей «социальной гармонией». О. Миллер свидетельствует, что Достоевский до конца дней был «социалистом». Мы, конечно, хорошо знаем реальную цену этой романтической утопии, но эта утопия проводит, однако, ту весьма определённую между, которая отделяет Достоевского от его мнимого «союзника» Победоносцева. Социальная природа Достоевского не так проста. Недаром он уже в эпоху своей «дружбы» со знаменитым «обер-прокурором» ревниво и не без гордости заявляет о себе, что он «старый петрашвец», что они, петрашевцы, и не думали раскаиваться и стыдиться своего дела, когда стояли на эшафоте, ожидая смертной казни¹⁹.

¹⁶ В экз. РГАЛИ последние три слова вычеркнуты.

¹⁷ В экз. РГАЛИ это слово с предшествующим ему союзом «и» вычеркнуто

¹⁸ В экз. РГАЛИ вписано от руки: настоящий

¹⁹ На этом месте машинопись обрывается: вступительная заметка не завершена ни в экз. РГБ, ни в экз. РГАЛИ.

Г. И. ЧУЛКОВ
«О ПЛАНЕ КНИГИ “ЖИЗНЬ ДОСТОЕВСКОГО”»¹

На русском языке до сих пор нет ни одной обстоятельной и серьезной биографии Достоевского. До прихода фашистов в Германии появилось несколько биографий писателя — Карла Нэтцеля «Das Leben Dostojewskis»², Хольцмана <нрзб.>³ и многие другие, но все эти книги русского читателя удовлетворить не могут как по своей идейно-психологической сущности, так и по недостаточному, этими авторами, познанию для биографии Достоевского материалов. Во Франции биографическая литература о Достоевском беднее <нрзб.> В Англии и Италии вышло несколько значительных работ о Достоевском, но нет ни одной солидной биографии писателя.

Нет надобности доказывать, что в биографии Достоевского мы нуждаемся. Пора советского читателя осведомить о жизни русского писателя, имя коего представители мировой культуры давно уже ставят наряду с именами Данте, Шекспира и Сервантеса.

Книга о жизни Достоевского, подготовленная мною к печати, представляет тот же биографически-повествовательный жанр, коим я пользовался, когда писал мои книги «Жизнь Пушкина», «Императоры» и «Мятежники». Решительно избегая всяких беллетристических вольностей, я точные фактические сообщения сочетаю с занимательным рассказом.

Что касается творчества художника, то я анализирую его постольку, поскольку оно биографично. Моя книга — биография по преимуществу, а не историко-литературная и тем менее критическая работа о Достоевском. Однако я не могу умолчать ни об одном значительном его произведении, так как все его романы освещают историческую обстановку и, с другой стороны, ею определяются.

¹ Печатается по черновому автографу (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 179. Лл. 1–2). Вступительная заметка к ЖД написана, по-видимому, в 1935–1936 гг. для первой редакции книги, получившей затем отрицательную рецензию, предположительно Б.М. Другова.

² «Жизнь Достоевского» (нем.)

³ По всей видимости, имеется в виду книга Хольцмана «Dostojewski. Sein Leben und Werden», München, 1923 [«Достоевский. Его жизнь и будущее», Мюнхен, 1923 (нем.)].

Одностороннее понимание Достоевского как реакционера кажется мне грубой ошибкой. Неразумно, конечно, <нрзб.> говорить, будто бы Достоевский до конца дней оставался верен «утопическому социализму» и примировать его под революционера, но ещё менее разумно отождествлять его с мракобесами и преувеличивать его связи с Победоносцевым.

Достоевский — гениальный художник. Уступить его нашим врагам было бы смешно и нелепо. Несмотря на все свои политические ошибки, Достоевский нужен нам и будущему бесклассовому обществу как великий мастер романа-трагедии, жанр коего им создан впервые.

ПЛАН КНИГИ ГЕОРГИЯ ЧУЛКОВА «ЖИЗНЬ ДОСТОЕВСКОГО»⁴

I.

Тридцатого октября 1821 года в Москве «в больнице для бедных» у штаб-лекаря Михаила Андреевича Достоевского родился сын Фёдор. Предки и родственники писателя. Быт старой Москвы и семейная жизнь Достоевских.

II.

Круг чтения Достоевского в его детские годы — Ломоносов, Державин, Жуковский, Карамзин. Театральные впечатления — «Разбойники» Шиллера.

III.

Покупка в 1831 году родителями Достоевского сельца Дарового в Каширском уезде Тульской губернии. Жизнь в деревне. Дружба с крестьянами Феди Достоевского. Мужик Марей. Пожар деревенского дома в 1833 году.

IV.

Уроки дьякона Екатерининского института; преподавание Сушардом французского языка; латинскому языку обучал детей сам отец, Михаил Андреевич. С осени 1834 года учение в пансионе Чермака на Новой Басманной. Чтение Пушкина и восторженное ему

⁴ Печатается по машинописи 2–3 экз. закладки с небольшой авторской правкой (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 179. Лл. 11–20), идентичной черновому автографу (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 179. Лл. 3–10).

поклонение. Юный Достоевский отличается необыкновенной горячностью в отстаивании своих взглядов, и отец нередко ему говорит: «Эй, Федя, уймись, не сдобровать тебе... быть тебе под красную шапкую!..»

Смерть Пушкина и смерть матери писателя. Поездка «на долгих» в Петербург для поступления в военное Инженерное училище. Фельдъегерь, избивающий ямщика, производит потрясающее впечатление на Достоевского.

V.

Достоевский в Инженерном училище. Романтизм тридцатых годов. Дружба с романтиком Шидловским. Чтение Шекспира, Шиллера, Гюфмана и прочих европейских классиков.

VI.

Крестьяне убили в Даровом отца Достоевского.

VII.

С осени 1841 года Достоевский живёт на частной квартире. В августе 1843 года Достоевский получил диплом военного инженера. Первые литературные опыты — драмы.

VIII.

В октябре 1844 года Достоевский в чине поручика выходит в отставку. Перевод романа Бальзака — «Евгения Гранде».

IX.

Встреча с Григоровичем. Работа над повестью «Бедные люди». Некрасов. Восхищение поэта первою повестью Достоевского.

X.

Белинский и его кружок. Критик называет «Бедных людей» первым в России «социальным романом». Споры Белинского с Достоевским.

XI.

Поездка Достоевского к брату Михаилу в Ревель (1845). Успех «Бедных людей». Знакомство с Тургеневым.

XII.

Работа над «Двойником». Знакомство с Панаевыми. Ссора Достоевского с Тургеневым и Некрасовым.

XIII.

Травля Достоевского. Рассказ «Прохарчин».

XIV.

Белинский недоволен «фантастическим колоритом» повестей Достоевского. «Хозяйка». Разочарование Белинского в Достоевском. Кружок Бекетовых. Знакомство с Петрашевским весной 1846 года.

XV.

Февральская революция в Париже. В мае 1848 года смерть Белинского. Выступления Достоевского в кружке Петрашевского.

XVI.

Чтение Фурье и других социалистов-утопистов. Знакомство и близость с «коммунистом» Спешневым. Участие в его кружке, где подготавливалась нелегальная типография.

XVII.

Весной 1849 года Достоевский читал на одном из вечеров Петрашевского «Письмо к Гоголю» Белинского.

XVIII.

23 апреля 1849 года арест Достоевского и заключение в Петропавловскую крепость.

XIX.

Восемь месяцев в одиночке. Во время следствия Достоевский держал себя с достоинством, давал показания умно и никого не выдал.

XX.

22 декабря 1849 года — Достоевский на эшафоте, уверенный, что его казнят. После «помилования» — приговор: четыре года каторги и потом солдатчина.

XXI.

Письма к брату. «И в каторге не звери, а люди, может, ещё и лучше меня, может достойнее меня»... Жёны декабристов встречают Достоевского и его товарищей в Тобольске. Встреча с Н.Д. Фонвизиной. Она вручает Достоевскому Евангелие.

XXII.

Омский острог в 1850 году. Классовые противоречия на каторге.

XXIII.

Быт и работы в остроге. Отношение Достоевского к уголовным. Философские и моральные противоречия в мировоззрении Достоевского, определившиеся уже тогда с достаточной ясностью. Разногласия Достоевского с поляками, его товарищами по каторге.

XXIV.

Выход из каторги. «И в каторге между разбойниками, — писал Достоевский брату, — я в четыре года отличил наконец людей. Проверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото»... «Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров!...» «На целые томы достанет. Что за чудный народ!...»

XXV.

Достоевский отбывает солдатчину в Семипалатинске. Письмо к Фонвизиной — его исповедь.

XXVI.

Смерть Николая Первого. Тяжёлый и страстный роман с Марией Дмитриевной Исаевой. Смерть её мужа. В феврале 1857 года Достоевский венчается с Исаевой — в городе Кузнецке. При возвращении в Семипалатинск с Достоевским случился эпилептический припадок. «Если бы я наверно знал, что у меня настоящая падучая, я бы не женился», — писал Достоевский брату.

XXVII.

В 1857 году впервые после каторги появился в печати рассказ Достоевского «Маленький герой» (в «Отечественных записках»). Работа над «Селом Степанчиковым» и «Дядюшкиным сном». Возвращение в европейскую Россию. Жизнь в Твери. «Записки из Мёртвого дома».

XXVIII.

Возвращение в Петербург. Встречи с участниками кружков сороковых годов. Актриса Шуберт.

XXIX.

Издание с января 1861 года братьями Достоевскими журнала «Время». Направление так называемых «почвенников». Страхов и Аполлон Григорьев. Работа над повестью «Униженные и оскорблённые».

XXX.

Фельетон «Петербургские сновидения». Журнал «Время» ведёт полемику на два фронта. Достоевский старается отмежеваться от московских славянофилов; с другой стороны, он полемизирует с Добролюбовым, критикуя его эстетику.

XXXI.

Свидание с Чернышевским. Арест Чернышевского и закрытие «Современника» на восемь месяцев.

XXXII.

Поездка за границу летом 1862 года. Париж. Свидание в Лондоне с Герценом. «Зимние заметки о летних впечатлениях» — страстный памфлет против западноевропейской буржуазии.

XXXIII.

Запрещение «Времени» за статью Страхова по польскому вопросу — благодаря доносу «Московских ведомостей».

XXXIV.

Болезнь М.Д. Исаевой. Увлечение Достоевского А.П. Суловой. Вторая поездка за границу. Путешествие по Италии. Встреча с Герценом в Неаполе.

XXXV.

По возвращении в Россию Достоевский отвёз в Москву умирающую в чахотке жену, Марию Дмитриевну, и сам поселился временно в Москве. Здесь он пишет свои «Записки из подполья». В январе 1864 года братья Достоевские получили разрешение на издание журнала «Эпоха». Смерть жены. Запись-исповедь 16 апреля в памятной книжке, когда тело жены лежало в гробу.

XXXVI.

Возвращение в Петербург. Полемика с «нигилистами». Анна Васильевна Корвин-Круковская. Софья Васильевна Ковалевская.

Десятого июля 1864 года смерть брата Михаила. Падение журнала «Эпоха». Достоевский берёт на себя все долги брата и, закабалённый обстоятельствами, в конце июля 1865 года уезжает за границу.

XXXVII.

Азартная игра на рулетке. Проигрыш. Работа над романом «Преступление и наказание». Возвращение в Россию. С января 1866 года роман печатается в «Русском вестнике». Лето в Люблине под Москвою в семье Ивановых.

XXXVIII.

Успех романа. «Реализм в высшем смысле» — эстетика Достоевского. Необходимость срочно написать повесть «Игрок» под угрозой кабального договора с издателем Стелловским. Достоевский диктует повесть стенографистке А.Г. Сниткиной, увлекается ею и женится на ней.

XXXIX.

Интриги родственников и, в том числе, пасынка Достоевского. Эпилептические припадки.

XL.

Поездка в Москву. Решение уехать за границу, чтобы освободиться от кредиторов и писать новый роман.

XLI.

Жизнь в Дрездене в 1867 году. Поездка в Гомбург для игры на рулетке. Крайняя нужда в деньгах.

XLII.

Жизнь в Баден-Бадене — два месяца. Проигрыш на рулетке. Свидание с Тургеневым. Их ссора. Встреча с Гончаровым.

XLIII.

Жизнь в Женеве. Знакомство с Огарёвым. Достоевский присутствует на заседаниях «Лиги мира и свободы». Рождение дочери Сони и смерть её через три месяца.

XLIV.

С осени 1867 года по январь 1869 года Достоевский пишет свой роман «Идиот». Идея «прекрасного человека». Дон-Кихот.

XLV.

Жизнь в Веве. Перлюстрация писем Достоевского русскими полицейскими агентами. Отъезд в Италию. План романа «Атеизм».

XLVI.

В сентябре 1869 года в Дрездене рождение дочери Любви. Переписка со Страховым и Майковым. План романа «Житие великого грешника».

XLVII.

Повесть «Вечный муж». Приезд в Дрезден брата Анны Григорьевны, студента Земледельческой академии, который рассказывает Достоевскому о своём товарище-революционере, Иванове, которого позднее убил Нечаев. Узнав об этом убийстве в декабре 1869 года, Достоевский задумывает роман-памфлет («Бесы»).

XLVIII.

Против чего направлен роман-памфлет Достоевского? Против революции вообще или против психологии таких «революционеров», как Нечаев? Жестокая картина представителей старого порядка в том же романе. Энгельс в статье «Эмигрантская литература» упоминает об «авантюризме» и «подлости» Нечаева. В резолюции лондонской конференции Первого интернационала (1871) сказано, что Нечаев действовал в России «для одурачивания людей и создания жертв». Резолюцию составлял сам Карл Маркс. Возвращаясь в Россию, Достоевский сжигает все свои черновые рукописи, за исключением записных книжек, опасаясь обыска на границе.

XLIX.

Достоевский лето 1872 года проводит в Старой Руссе. Раздражение Достоевского против «нигилистов» и сближение на этой почве с мнимыми идейными союзниками, которые компрометируют его. Таковы К.П. Победоносцев и князь В.П. Мещерский, хотя, нужно сказать, что эти господа ещё носят в те годы маски «свободомыслящих» славянофилов. Достоевский берёт на себя обязанности редактора «Гражданина». В октябре правительство запрещает розничную продажу «Гражданина» за напечатанную Достоевским статью Солского о самарском голоде, где автор намекает на необходимость создания центрального правительственного органа, состоящего из народных представителей.

L.

«Дневник писателя». В первых номерах появились воспоминания Достоевского о Белинском («Старые люди»), о Чернышевском («Не-что личное»), о петрашевцах («Одна из современных фальшей»). Достоевский ревниво защищает достоинство своих товарищей по эшафоту, отстраняя непрошенных союзников из реакционного лагеря.

LI.

В начале 1874 года Достоевский отказался редактировать «Гражданин». Сближение с редакцией «Отечественных записок». Некрасов приобретает у Достоевского его роман «Подросток». Отъезд в Эмс для лечения эмфиземы лёгких.

LII.

Достоевский для писания романа «Подросток» поселяется на год в Старой Руссе. Роман печатался с января 1875 года в «Отечественных записках». Хвалебные отзывы Некрасова и Салтыкова-Щедрина о романе Достоевского. Охлаждение к Достоевскому его приятелей-славянофилов — Страхова и Майкова. Вторая поездка в Эмс. Русская полиция продолжает перлюстрировать письма Достоевского, так как он всё ещё находится под тайным надзором.

LIII.

В августе 1875 года — рождение сына Алёши. Новое издание «Дневника писателя». В нём, между прочим, Достоевский иронически писал: «Считаю себя всех либеральнее, хотя бы по тому одному, что совсем не желаю успокаиваться»... Чрезвычайный успех «Дневника писателя» у молодёжи.

LIV.

Поездка в Даровое, которое теперь принадлежало сестре Достоевского, Вере Михайловне Ивановой. Достоевский ходил по окрестностям. Страшное убийство отца не повлияло на его отношения с крестьянами. Он заходил в избы и дружески разговаривал со сверстниками, с которыми играл в детстве. Возвращение в Петербург. Припадки эпилепсии. Достоевского мучают также припадки удушья. В ноябре 1877 года Достоевский узнал, что Некрасов умирает. Их свидания.

LV.

Смерть Некрасова. Речь Достоевского на могиле Некрасова.

LVI.

Дружба Достоевского с молодым Владимиром Соловьёвым. Их понимание «правды социализма». Замысел «Братьев Карамазовых». Смерть Алёши. Поездка Достоевского и Соловьёва в Оптину пустынь.

LVII.

Осень 1878 года в Петербурге. Работа над «Братьями Карамазовыми». С января 1879 года роман печатается в «Русском вестнике».

LVIII.

Жене Достоевского удалось, наконец, расплатиться со всеми долгами, тяготевшими над писателем. Наступили годы сравнительно обеспеченной жизни. Книги Достоевского переиздавались неоднократно. У него были десятки тысяч читателей и поклонников. Но жизнь была на ущербе. Достоевский задыхался, и смерть была близко. Однако он работал и даже надеялся, что «Братья Карамазовы» будут первым романом какого-то большого повествовательного цикла.

LIX.

Поездка в Москву на Пушкинские торжества 1880 года. Речь Достоевского 8 июня. Потрясающее впечатление на слушателей. Славянофилы и западники чествуют Достоевского.

LX.

Полемика с Градовским. Антропософия Достоевского и его мечта о «золотом веке».

LXI.

25 января 1881 года ночью во время работы у Достоевского пошла горлом кровь. Он лёг спать, никого не разбудив. 26-го числа кровоизлияние повторилось. Смерть Достоевского 28 января 1881 года.

РЕЦЕНЗИИ НА МАШИНОПИСЬ Г.И. ЧУЛКОВА «ЖИЗНЬ ДОСТОЕВСКОГО»¹

ГЕОРГИЙ ЧУЛКОВ. «Жизнь Достоевского», стр. 1–389. Комментарий, стр. 1–110.

По материалу примечаний можно установить, что работа Г. Чулкова «Жизнь Достоевского» написана задолго до смерти автора, а именно — не ранее 1938 года и не позднее — 1934 года. Обстоятельство это не имеет решающего значения в оценке рукописи, но в ней не могли быть учтены публикации записных тетрадей к «Бесам» и «Братьям Карамазовым», публикация тогда неизвестного интереснейшего отзыва Щедрина о Достоевском (рецензия на «Светлова» Оммулевского).

Имя Г. Чулкова избавляет от необходимости говорить о таких сторонах работы, как знание материала, полнота использования источников и т.п. Правда, в способе изложения есть и спорные моменты, например передача от имени Г. Чулкова некоторых автобиографических страниц «Дневника писателя» и «Записок из Мёртвого дома», что оговорено в примечаниях. В целом работа читается с интересом, отлично написаны I–VI главы (стр. 1–23)², которые воспроизводят обстановку детства и юности писателя, с большим тактом, хотя и слишком подробно в соотношении с остальным материалом, освещены любовные связи Достоевского.

Но при всем этом работа в основных положениях является спорной и неверной.

Автор пишет не как историк литературы, а как увлечённый своей темой «достоевсковед», который, в целях никому не нужной «реабилитации» Достоевского, вольно обращается с русской литературой. Не будем говорить о том, чего не хватает работе со стороны историко-литературного объяснения творчества Достоевского (например, отношение к традициям русской литературы, литературный фон твор-

¹ Все четыре рецензии печатаются по машинописи, находящейся в ОР ИМЛИ РАН (Ф. 36. Оп. 1. № 68. Лл. 1–16). Они расположены в установленном нами хронологическом порядке (см. справку «От составителя» к настоящему изданию).

² Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы машинописи, находящейся в НИОР РГБ (Ф. 371. Карт. 8. Ед. хр. 1).

чества Достоевского, проблема его наследия, Достоевский и Горький, Достоевский и мировая литература), — все подобные замечания можно отвести формальным указанием на «биографический» жанр работы. Но поскольку Г. Чулков не может не затронуть тех или иных идейно-литературных связей и отношений Достоевского, постольку возражения становятся неизбежными.

Г. Чулков совершенно неправильно осветил отношения Белинского и Достоевского. Постепенное разочарование Белинского в Достоевском истолковано так, что Белинский будто бы «не устает повторять “с одной стороны — с другой стороны”, оставляя на всякий случай какие-то позиции для отступления» (63). Это говорится о честнейшем Белинском! В связи с этим вообще усиленно раздут конфликт Белинского и Достоевского с непрерывной дискредитацией критика. Автор бездоказательно оперирует ироническим образом гимназистика Красоткина из «Братьев Карамазовых» для выяснения отношений Достоевского 40 г. к Белинскому (81). Между тем, правильное объяснение этого конфликта возможно в плане критики Белинским утопических социалистов и «гуманических космополитов» (статьи о литературе 1846 г. и 1847 г., упоминания в переписке Белинского о французских утопистах, об «Исповеди» Руссо, о «Противоречиях» Щедрина и т.д.), и это объяснение не ведёт хотя бы к малейшей дискредитации ни петрашевца Достоевского, ни великого демократа Белин<ского>.

Необъективность Г. Чулкова видна и на отношении к Тургеневу. Обиды Достоевского 40 г. на пародии Некрасова и Тургенева разрисованы во всех подробностях, а о фигуре Кармазина в «Бесах» — этом беспримерном проявлении мести Достоевского (если говорить о личном плане отношений), сказано глухо, вскользь, да и вообще Тургенев упоминается только в ироническом и, по сути дела, отрицательном контексте.

Несколько осторожней Г. Чулков с шестидесятниками, но удержаться от иронии на их счёт он не может и вот как, например, пишет о «Современнике»: «“Современник” Некрасова, где теперь заседал литературный “Комитет общественного спасения”, казнивший беспощадно всех писателей, уклонявшихся от “прогрессивного направления”, приветствовал “Время” как своего союзника» (182).

Вполне понятно, что трактовка борьбы Достоевского с «нигилизмом» ведётся опять-таки в плане «реабилитации» писателя. В связи с «Бесами» Г. Чулков пишет, что «Достоевский старался не замечать, что все его прозрения, гениальные в масштабе тысячелетий, кажутся неуместными и ложными в пределах “злобы дня”; он старался не за-

мечать, что его романтическими идеями пользуются ничтожные современники» (т.е. реакционеры — *Б.Д.*) — стр. 302–303. Это Г. Чулков говорит о Достоевском, который минуты не мог прожить без «злости дня» и способен был к тончайшим поворотам и изворотам полемики и тактики, если вспомнить о «Дневнике писателя».

Достаточно этих замечаний, чтобы осознать основную идею Г. Чулкова, которая, впрочем, кое-где автором обнажена. Достоевский, — полагает Г. Чулков, — проходит совсем в стороне от общественного движения своей эпохи. В равной мере он далёк от своего «Мефистофеля» — петрашевца Спешнева, — как и от другого своего дьявола — Победоносцева. И Спешнев, и Победоносцев — люди цельного критического мировоззрения, хотя и с противоположными общественными знаками. Не таков Достоевский. Он — диалектик (как считает Чулков) в том смысле, что признаёт лишь «антиномичную» истину, вечную раздвоенность бытия и сознания, и, утомляясь этой «раздвоенностью», он хочет «порядка без противоречий» и потому тянется к таким «рассудочным умникам», как Спешнев и Победоносцев. Его синтез, считает Г. Чулков, — социализм со Христом, и поэтому он всем чужд и безмерно одинок. Отсюда, придётся предположить, хотя прямо Г. Чулков этого нигде не скажет, что «прозрения в масштабе тысячелетий» касаются как раз проблемы социализма без Христа и тем самым не очень благожелательно затрагивают наши дни. Эта мысль особенно заострена в последних строках работы: на похоронах Достоевского «выделялся один нескладный высокий молодой человек, необычайно бледный. Это был Владимир Соловьёв. У него были странные глаза. (Трезвым людям) казалось, что он (это сумасшедший, который) видит то, чего другие не видят» — стр. 389. Фразы эти характерны для стиля Г. Чулкова: в скобках приведены сделанные от руки добавления к машинописному тексту, которые, как, очевидно, предполагает автор, обеспечат цензурность текста. Вся работа написана в этом стиле: осторожных умолчаний, гибких формулировок с затаённым смыслом, поскольку это касается проблемы отношения Достоевского к революционному движению и к наиболее прогрессивным тенденциям русской литературы. Естественно, что из-за своей «методологии», при отличном знании материала, Г. Чулков не может воссоздать убедительный жизненный облик Достоевского. Его Достоевский, с одной стороны, «не от мира сего», он воплотил «прозрения в масштабе тысячелетий», с другой стороны — в нём немало мелких, смешных, некрасивых черт обиходно-бытового порядка. Что касается последнего, то Чулков очень подробно сообщает о страсти Достоевского к рулетке или об истории с денежным

займом у Тургенева и т.п. Всё это было, и нигде, конечно, автор не выходит за пределы мемуаров и писем. Но дело в пропорциях. В портрете Достоевского, написанном Чулковым, возникает человек, напоминаящий и о библейском пророке, и о развинченном «подростке» Долгоруком. Спору нет — это вовсе не выдумка. Но вот вполне действительный Достоевский, русский человек, который жил и работал с постоянно кровоточащей раной от «измены своим прежним убеждениям», тот рождённый русской действительностью Достоевский, который «по глубине замысла, по ширине задач нравственного мира» (Щедрин) — превосходил большинство своих великих литературных современников и создавал для русской литературы её мировую славу, — он плохо виден в работе Чулкова. И отсюда надо сделать вывод о нецелесообразности издания подобной работы.

Б. ДРУГОВ.

ГЕОРГИЙ ЧУЛКОВ. ЖИЗНЬ ДОСТОЕВСКОГО³

Точно установить жанр работы покойного Георгия Чулкова трудно. Это не роман о Достоевском, но и не научное сочинение о жизни писателя. Вернее всего, книга представляет собой нечто среднее — беллетризованную биографию Ф.М. Достоевского.

Текст Г. Чулкова опирается, однако, на тщательно изученный обширный материал. Примечания и библиографические данные, приложенные к книге, документируют ее изложение. Некоторые главы переходят как бы в монтаж отрывков из писем, мемуаров и других документов. Другие главы сокращённо излагают сочинения Достоевского («Записки из Мертвого дома», «Зимние заметки о летних впечатлениях»). Тем не менее книга Георгия Чулкова дает связное и последовательное, популярное, но серьёзное изложение всей жизни Достоевского.

Главное внимание автор уделяет биографии в тесном смысле этого слова, жизни писателя, его личной судьбе, событиям его интимной жизни и последовательным этапам появления его произведений.

³ *Даты, стоящие в экз. идентичной рецензии В.Я. Кирпотина в РГАЛИ (Ф. 1234. Оп. 12. Ед. хр. 301), следующие: в печатном экз. — 16/ I — 46; в рукописном экз. — 22 XII — 45. По содержанию автограф и машинопись в РГАЛИ идентичны. Рецензии РГАЛИ находятся в папке: «Издательство “Советский писатель”, ред. критики и литературоведения, 1947 год». В РГАЛИ (Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 179. Лл. 145–147) имеет ещё один экз. этой рецензии, представляющий собой машинопись 3-го экз. закладки, дата отсутствует. По содержанию все имеющиеся в РГАЛИ и ИМЛИ РАН экз. рецензии идентичны.*

Там, где автор трактует о главнейших художественных произведениях Достоевского, он даёт их краткую творческую историю.

Значительно меньше внимания Георгий Чулков уделил общественной оценке и идейному смыслу произведений Достоевского. Судя по рукописи, она подвергалась сокращениям. Сокращения, очевидно, и шли за счёт удаления идейно-философских обобщений.

В конце концов, с этим можно в данном случае примириться. Ведь речь идёт о сочинении умершего писателя, к тому же, несмотря на обширную литературу о Достоевском, этот великий классик недостаточно изучен. Георгий Чулков пошёл, быть может, по единственно возможному для него пути — удаления из книги ответов на те вопросы, которые ещё не были решены или решены были в идеалистическом духе.

К достоинствам книги Г. Чулкова следует отнести то, что она ясно и определённо говорит об участии Достоевского в революционном и социалистическом движении, о влиянии, оставленном его молодыми убеждениями на всю его последующую жизнь. Точно так же правильны утверждения Г. Чулкова об особом положении Достоевского по отношению к реакционерам, с которыми он сблизился под конец жизни. Достоевский в самом деле умер человеком двойственным, так и не разрешившим даже для себя самого раздиравших его внутренних противоречий.

Однако в изложении т. Чулкова всё же проходит ряд идеологических оценок, являющихся или упрощёнными, или просто неверными. Так, явно упрощена «идея» обогащения в биографии и творчестве Достоевского (стр. 25)⁴, в связи с этим дана неверная оценка Некрасову. «Та идея, которая соблазняла Достоевского у Некрасова, стала впоследствии делом, из мечтаний обратилась в действительность, и сам он из нищего стал, как известно, богачом» (стр. 31).

В некоторых случаях изложение Г. Чулкова слишком сливается с пересказом текста Достоевского, что не даёт возможности отделить точки зрения исследователя от того, что он исследует. Особенно это относится к тем местам во второй половине книги, где трактуется о религиозных взглядах Достоевского, об его отношении к Христу, к загробной жизни (см., напр<имер>, стр. 168, стр. 257 и след<ующие> до 262, и некоторые другие). В этих пунктах недопустима двусмысленность, тут необходима совершенно чёткая оценка сути дела.

⁴ Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы машинописи ЖД, находящейся в ОР ИМЛИ РАН (Ф. 36. Оп. 1. № 68).

В книге встречаются и другие неточности, неясности или даже ошибки в отдельных пунктах (о петербургских пожарах 1862 г., об отношении Достоевского к знаменитому письму Белинского, адресованному к Гоголю: Чулков полагает, что Достоевский не разделял положений этого письма, а на самом деле он был с ним согласен, и т.д.)

Каков же вывод? Биографии Достоевского, настолько подробной и систематической, как предложенная мне для рецензирования, нет. А такая биография нужна. С другой стороны, печатать книгу Георгия Чулкова без исправлений нельзя. Поэтому необходимо поручить доработать её редактору, который, сохранив текст автора, устранил бы имеющиеся в нём ошибки и ответил бы на некоторые вопросы, на которые не мог ответить Георгий Чулков. При этом условии книгу можно издать и она принесёт свою пользу.

В. Кирпотин

ГЕОРГИЙ ЧУЛКОВ. ЖИЗНЬ ДОСТОЕВСКОГО⁵

Рукопись Г. Чулкова представляет собою интересную, а местами и увлекательную биографию Достоевского. Покойный автор занял почётное место в нашей литературе о Достоевском, и эта новая работа пополняет его литературное наследие, связанное с именем великого русского прозаика. Появление её в печати весьма желательно, так как, по существу, мы не имеем удовлетворительной биографии Достоевского.

Биография, написанная Чулковым, относится к жанру беллетризованных. Это документированный рассказ о жизни Достоевского, но самый рассказ отделён от документации, которая полностью перенесена в приложенные к книге примечания. Объём самого повествования относительно невелик (около 12 листов), принимая во внимание обилие событий в жизни Достоевского. Примечания составляют около 3-х листов⁶. Относительная обширность примечаний объясняется тем, что в них входит не только перечень источников, но и частные этюды, касающиеся отдельных эпизодов жизни Достоевского.

⁵ *Машинопись рецензии Б.В. Томашевского, находящаяся в РГАЛИ (Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 179. Лл. 147–149) полностью идентична машинописи в ОР ИМЛИ РАН (Ф. 36. Оп. 1. № 68. Лл. 8–10).*

⁶ По-видимому, рецензия Томашевского появилась существенно позже рецензии Другова, так как объём авторских «Примечаний», о котором они говорят, — разный: у Другова 110 стр. (это около 5 а. л.), у Томашевского — около 3 а. л. Это соответствует разнице в объёме «Примечаний» в Мп РГБ и Мп ИМЛИ (в очевидно более раннем экз. РГБ — 110 стр.; в более позднем экз. ИМЛИ — 76 стр.).

Однако, как мне кажется, рукопись требует некоторой редактуры. Это, конечно, усложняет дело, так как приходится иметь дело с произведением покойного автора. Правильнее всего было бы сопроводить этот труд примечаниями редактора, исправляющими отдельные места, но это затруднит процесс чтения и изменит самый характер произведения. Подобные примечания всегда вредят живости изложения и мешают непосредственности восприятия. Поэтому целесообразнее внести изменения в самый текст. Так как при этом необходимо сохранить стиль и систему автора, то изменения эти могут идти по двум путям: 1) исправления мелкого порядка, преимущественно фактические, 2) сокращения.

В порядке исправления следует исправить некоторые обмолвки, некоторые неверные факты. Как пример приведу фразу на стр. 25: «Накануне французской революции Лоу затеял банк»⁷. Фраза эта дана от автора, а потому анахронизм должен быть устранён.

На стр. 277 сохранён апокрифический рассказ о госте, спор с которым вызвал обострение болезни Достоевского, послужившее непосредственной причиной смерти (см. по этому поводу «Жизнь и труды Достоевского»⁸).

Что касается до сокращений, то они должны быть троякие.

1). Автор задался целью не только рассказать жизнь Достоевского, но и дать истолкование его творчества и связное изложение его идеологии. Хотя творчество писателя неразрывно связано с его жизнью и обойти факты творчества в биографии нельзя, но, конечно, здесь нужна какая-то мера, а по отношению к Достоевскому мера сугубая. Мне кажется, что соответствующие места, где автор пытается изложить сущность идей, можно сократить. Таковы и попытки вкратце формулировать философию Достоевского, как, напр<имер>, на стр. 54 (ср<авни> стр. 126), где самая краткость формулировок бессильна передать сложный путь размышлений Достоевского, и те места, где отчасти в цитатах, отчасти в пересказе характеризуется содержание отдельных произведений, как, напр<имер>, на стр. 141 или 160. Тем более что самый метод изложения мне кажется порочным. По самому плану беллетризуемой биографии автор в соответствующих местах

⁷ Эта фраза присутствует в Мп ИМЛИ в неизменном виде, что свидетельствует о том, что предлагаемой редакторской правке данный экземпляр не подвергался. Та же ситуация — со всеми дальнейшими предлагаемыми в рецензии сокращениями текста ЖД, что является дополнительным подтверждением отсутствия такого рода редакторской правки в Мп ИМЛИ.

⁸ Имеется в виду: Гроссман Л.П. Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. Биография в датах и документах. М.; Л.: Academia, 1935.

говорит за Достоевского, и остаётся неясным, имеем ли мы дело с сокращённым изложением взглядов Достоевского, или с творческим воссозданием круга его идей, или с собственными рассуждениями автора, выступающего в качестве единомышленника Достоевского.

Во вторую очередь, можно сократить некоторые отступления. Так, например, на стр. 13 изображаются уроки дьякона. В порядке характеристики речей дьякона дано краткое изложение ветхозаветной истории. Это кажется лишним. Таких отступлений порядочно.

В третью очередь, можно устранить кое-какие слишком субъективные оценки. Зачем, например, столкновения Достоевского с группой Некрасов-Белинский-Тургенев упорно называть «травлей» (стр. 47)? Зачем уж так пренебрежительно отзываться о Плещееве, с которым Достоевский в 40-х годах был близок (стр. 58). Вот образец таких субъективных оценок: на стр. 190 сообщается, что Достоевский «не очень разбирался в живописи». Между тем, Достоевский и сам выступал в качестве художественного критика и в его произведениях фигурируют живописные образы, а потому следовало бы с большой осторожностью говорить о его неумении разбираться в искусстве. Оказывается, что всё это потому, что, наряду с Рембрандтом и Рафаэлем, Достоевский ценил Мурильо («приторного») и Лиотара («совсем неглубокого»). Но ведь и Мурильо, и Лиотар — достаточно крупные мастера. Их произведения с почётом украшают лучшие европейские галереи живописи. Неужели же те, кто любит Мурильо и Лиотара, — «не разбираются в живописи»? Если же Чулков хотел упрекнуть Достоевского в эклектизме вкуса, в «неразборчивости», то скорей мог бы указать на тот факт, что Достоевский любил одновременно и Рембрандта, и Рафаэля, но здесь Чулков не находит противоречия. Следует убрать и слишком примитивное истолкование «Села Степанчикова» как памфлета против Гоголя (стр. 121).

Эти исправления не отразятся на общей композиции биографии и не касаются собственно жизнеописания. Если пересмотреть внимательно всю работу Чулкова и устранить спорные и излишние места, то от этого она только выиграет.

Вообще же, конечно, данный труд заслуживает печати и отвечает давно назревшей потребности в живой, литературной биографии Достоевского.

17 июня 1945

Б. Томашевский.

ОТЗЫВ о книге Г.И. Чулкова «Жизнь Достоевского»

В литературе о Достоевском существует большой пробел: до сих пор нет его полной, синтетической биографии, хотя имеется обильный и разнокачественный материал к ней. Это, прежде всего, большая мемуарная литература, вышедшая после 1921 г., три тома писем Достоевского под редакцией А.С. Долинина, материалы к делу петрашевцев, публикации отдельных документов и записных тетрадей — разработка отдельных периодов в биографии Достоевского, и, наконец, «Жизнь и труды Достоевского» — хронологическая канва Л.П. Гроссмана. Кроме того, ещё до сих пор исследователи пользуются уже очень старыми материалами к биографии Достоевского Стрехова и Миллера (1883 г.).

Книга Г.И. Чулкова должна была бы восполнить этот пробел.

В своей книге Чулков пошёл по особому пути. Это не научная биография Достоевского, не исследование о его жизни — это художественная биография, — написанная художником, цель которой дать прежде всего образ писателя, раскрыть характер и смысл этой своеобразной и ещё во многом неразгаданной личности. Но Г.И. Чулков не только художник, он одновременно и исследователь, поэтому под его художественную биографию подводится научный фундамент в виде обширных документированных примечаний. Книга сделана как бы в двух планах.

Не только образ самого Достоевского, но и образы спутников его жизненного пути, их часто сложные отношения, мастерски раскрываются перед читателем в книге Чулкова. Автор очень удачно изображает бытовую обстановку в разные периоды жизни Достоевского, всегда точно указывает его адреса, даёт прекрасные описания городов и местностей, в которых протекала его жизнь, описывает памятники искусств, которые любил Достоевский. Как художник он часто выбирает «выигрышный» материал, вставляет целые куски из воспоминаний, писем и автобиографических признаний Достоевского (материал Чулкова всегда доброкачественный), нередко пользуется формой диалога... Всё в книге подчинено одной цели — созданию образа писателя. Самое творчество его берется в биографическом плане, самые идеи его рассматриваются как переживания. Этой целью автора отчасти оправдывается некоторая неполнота биографии (пропуск некоторых лиц и эпизодов). Чулков рисует образ необычайного, очень одинокого и очень искреннего человека, с противоречивыми страстями, все доводящего до крайности, рисует характер гения, постигшего все «глубины души человеческой» и одержимого идеей — об «оправдании человека», пленённого «образом совершенного человека». Этой

идее подчинено всё творчество Достоевского и все его отношения с людьми.

Этот характер книги требует и соответствующего к ней отношения.

Излишне доказывать, что такой тип биографии давно узаконен в литературе и что жизнь Достоевского даёт для неё прекрасный материал. Он удачен ещё и потому, что до некоторой степени позволяет обойти те моменты в творчестве и идеологии Достоевского, которые пока ещё не могут быть разрешены со всей определенностью, хотя бы вследствие недостатка материала или спорности. Тема о Достоевском требует очень осторожного к себе подхода. Эта осторожность не всегда имеется у Чулкова.

Желательно, чтобы книга его была издана, особенно в виду предстоящего юбилея⁹, но для того, чтобы она «пошла», над ней нужно поработать.

Недочёты ее объясняются, во-первых, тем, что книга написана давно (до 1935 г.), а во-вторых, некоторыми неверными тенденциями автора. Эти недочёты могут быть устранены без вреда для художественной целостности книги и без искажённого образа Достоевского, который у Чулкова кажется достаточно правдоподобным. Достигнуто это может быть с помощью купюр, довольно значительных (объём книги должен быть сильно сокращён), и может внести в неё некоторых цитат из самого Достоевского или из других более поздних исследований Чулкова. Дополнения и сокращения должны быть сделаны под углом великих исторических событий последних лет, заставивших многое пересмотреть в нашем прошлом.

Прежде всего, тут должны быть устранены часто неверные тенденции Чулкова, его скрытая полемика, следы его личных симпатий и антипатий, которые снимают объективное значение книги, а также некоторые общие положения, теперь уже устаревшие.

Так, например, можно указать на следующие места в книге Чулкова, которые частично или совсем должны быть исключены:

1. Нужно отбросить неверный приём Г.И. Чулкова, заключающийся в некотором отождествлении Достоевского с его героями — подростком, двойником... Это были идеи не биографические, а литературные.
2. Нужно сделать значительные сокращения в той части книги, где говорится об отношениях Достоевского и Белинского и где рисуется образ критика. Тут имеется неверная тенденция автора,

⁹ Вероятно, имеется в виду 125-летие со дня рождения Ф.М. Достоевского, что позволяет датировать рецензию 1945–1946 гг.

- известная по его другим работам («Последнее слово Достоевского о Белинском»), например, неверно истолкована оценка Белинским «Двойника», который был хорошо понят и оценен Белинским. Белинский понял и его огромное значение, и его недостатки, с которыми не мог не согласиться и сам Достоевский.
3. Также должны быть сделаны купюры в тех страницах книги, где изображён Некрасов и его отношения с Достоевским до каторги. Образ Некрасова должен создаваться под углом окончательного отношения к нему Достоевского, выраженного в «Дневнике писателя». Достоевский любил и ценил Некрасова. Некрасов также ценил и понимал Достоевского более других его современников. Об этом говорит и Чулков в связи с их встречами в 70-е годы.
 4. Достоевский не любил Тургенева. Отношения их были враждебны. Но всё, что говорит Чулков о Тургеневе, должно быть сильно смягчено, что может быть сделано с помощью сокращений. Автор по отношению к Тургеневу необъективен и несправедлив — он находится во власти отношения к нему Достоевского.
 5. Внешний облик Петрашевского сделан неплохо, но тон автора по отношению к нему взят совершенно неверный. Ирония автора должна быть устранена. Отношение Достоевского к Петрашевскому должно быть взято так, как оно рисуется самим Достоевским в его показаниях <и> в «Дневнике писателя». Сюда могут быть включены некоторые цитаты из показаний Достоевского, особенно характеризующие патриотизм петрашевцев.
 6. Слишком прямолинейно говорится о Спешневе как прототипе Ставрогина. Это гипотеза, и относиться к ней нужно с большой осторожностью. В страницах о Спешневе необходимо сделать большие сокращения.
 7. Там, где говорится о журналах Достоевского, необходимо подчеркнуть их патриотическое направление и веру Достоевского в особое предназначение русского народа («национальная идея русская есть в конце концов лишь всемирное, общечеловеческое единение»).
 8. Неверно определение «Современника» как органа «нигилизма». Всё, что говорится о «Современнике» под этим углом, должно быть вычеркнуто.
 9. Сокращению должны подвергнуться страницы о «Бесах» как романе-памфлете.
 10. Совершенно неверна аналогия между отношениями Достоевского к Спешневу и Победоносцеву. Это нужно вычеркнуть.

11. Нужно также внести изменения в те страницы книги, где говорится о «Дневнике писателя», посвящённом Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Излишне сейчас прикрывать иронией патриотизм <и> славянские идеи Достоевского. Напротив, их надо подчеркнуть некоторыми цитатами.
12. Также ложным является ироническое отношение автора к славянофилам. Достоевский был близок к ним, особенно в 70-е годы.
13. Мысль о «христианском социализме» Достоевского — неверна. Под «христианским социализмом» подразумевается обычно совсем другое явление, очень далекое от Достоевского.
14. Всё, что касается отношений Достоевского с Владимиром Соловьёвым, нужно ослабить. Правда, они вместе ездили в Оптину пустынь, но отношения только начинались, и ставить между ними почти знак равенства — не следует. Фигура Вл<адимира> Соловьёва на похоронах Достоевского как концовка книги — неудачна.
15. Великолепно сделан пейзаж Оптиной пустыни в связи с «Бр<атьями> Карамазовыми», но излишне слишком подробно описание пребывания там Достоевского.
16. Некоторым сокращениям должна быть подвергнута любовная история Достоевского, дабы она не перевешивала количественно другой материал. Так, напр<имер>, перегружены эпизоды с Сусловой и Корвин-Круковской.

Та же работа по сокращению текста должна быть проделана и в отношении примечаний. Но их желательно было бы пополнить более поздними библиографическими указаниями.

От всех этих сокращений — книга должна значительно выиграть и может явиться ценным вкладом в литературу о Достоевском.

В. Любимова<-Дорватовская>

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ РЕЦЕНЗИЙ

Другов Б.М. (1908–1947) — бескомпромиссный литературовед-марксист и литературный критик, выступавший на страницах журналов «На литературном посту», «Книга и пролетарская революция», «Детская литература»; рецензент книг о Ф.М. Достоевском; один из первых исследователей архива Н.С. Лескова, автор посмертно изданной книги «Н.С. Лесков. Очерк творчества» (1957).

Кирпотин В.Я. (1898–1997) — литературовед и литературный критик, в 1920–1930-е гг. непоколебимо стоявший на марксистских позициях, автор книг о русских революционерах-демократах; за увлечение творчеством Ф.М. Достоевского в 1940-е гг. был уволен с поста заместителя директора ИМЛИ; в 1949 г. пострадал в кампании против космополитизма; с 1956 г. профессор Литературного института, где вёл спецкурс по Достоевскому, автор известной книги «Разочарование и крушение Родиона Раскольников (Книга о романе Достоевского “Преступление и наказание”» (1970).

Томашевский Б.В. (1890–1957) — выдающийся литературовед, с 1921 г. — преподаватель ГИИИ, в 1924–1957 (с перерывами) — ЛГУ, с 1921 г. — сотрудник ПД; в 1920-е гг. был близок к «формальной школе»; один из основателей российской текстологии; в 1926–1930 гг., совместно с К.И. Халабаевым, составитель и редактор **ПСХП**; в 1930-е гг. участник издания юбилейного Полн. собр. соч. А.С. Пушкина.

Дороватовская-Любимова В.С. (1888–1955) — детская писательница, литературовед и филолог, сотрудница Музея Ф.М. Достоевского в Москве; в 1920-е гг. работала в секции по изучению творчества Достоевского в ГАХН, которой руководил Г.И. Чулков; автор статей о творчестве Достоевского, М.Ю. Лермонтова, А.А. Ахматовой и др.

О.А. Богданова

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящее издание является первой публикацией научно-художественного исследования Г.И. Чулкова «Жизнь Достоевского» (далее ЖД).

Черновой рукописный автограф (далее ЧА РГАЛИ) в старой орфографии имеется в РГАЛИ (Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 178. 447 л.). На папке указаны крайние даты написания: 1935–1936 гг. Листы исписаны чёрными чернилами, с многочисленными поправками, вставками, зачёркиваниями, с нумерацией страниц. Само исследование занимает с. 1–429; с. 430–441 — повтор первых четырёх глав рукописи с дополнительной авторской правкой; с. 442–444 — авторские «Примечания» к первым четырём главам рукописи.

В РГАЛИ также хранятся: черновой автограф Чулкова «О плане книги ЖД» (1 с.); черновой автограф и идентичная ему авторизованная машинопись плана книги ЖД (10 с.); авторизованная машинопись авторского «Предисловия» к ЖД (6 с.); черновой автограф авторских «Примечаний» ко всем главам ЖД (132 с.); авторизованная машинопись рецензий на ЖД, написанных Б. Томашевским и В. Кирпотиним (5 с.) (Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 179. 152 л.); черновой автограф и авторизованная машинопись рецензии на ЖД В.Я. Кирпотина (Ф. 1234. Оп. 12. Ед. хр. 301). На рецензии Томашевского стоит дата 17 июня 1945 г.; на автографе рецензии Кирпотина стоит дата 22/ХІІ-45, на её же машинописном экземпляре стоит дата 16/І-46. Экземпляры рецензии Кирпотина находятся в папке с надписью «Издательство “Советский писатель”, редакция критики и литературоведения, 1947 год. Г. Чулков. «Жизнь Достоевского». Рецензенты: В.Я. Кирпотин». Все машинописные документы — это 2-е или 3-ьи экземпляры закладки на пишущей машинке.

В НИОР РГБ (Ф. 371. Карт. 8. Ед. хр. 1) имеется машинопись ЖД (далее Мп РГБ) с небольшой авторской правкой фиолетовыми чернилами и простым карандашом, а также с припиской фиолетовыми чернилами на последней странице. Общий объём Мп РГБ — 505 с.: предисловие «От издательства», которое практически полностью идентично авторскому «Предисловию» из РГАЛИ, — 6 с.; основной текст исследования — 389 с.; авторские «Примечания» к каждой главе с предвещающим их «Сокращённым обозначением главных источни-

ков» — 110 с. На папке обозначены крайние даты: 1935–1936 гг. Все машинописные документы — это 2-е или 3-ьи экземпляры закладки на пишущей машинке.

В ОР ИМЛИ РАН (Ф. 36. Оп. 1. № 68) имеется ещё один экземпляр машинописи ЖД (далее Мп ИМЛИ), содержащий авторскую правку от руки чёрными чернилами, в редких случаях — простым карандашом. Единица хранения включает в себя: текст основного исследования (389 с.), текст авторских «Примечаний» к каждой главе с предваряющим их «Сокращённым обозначением главных источников» (76 с.) и текст четырёх рецензий на ЖД (16 с.). Авторы рецензий: Кирпотин, Б. Другов, Томашевский, В. Любимова<-Дороватовская>. Рецензии Кирпотина и Томашевского полностью идентичны их же рецензиям на ЖД, хранящимся в РГАЛИ. На рецензии Томашевского стоит дата: 17 июня 1945 г.

Листы Мп ИМЛИ представляют собой, по-видимому, 4-й экземпляр закладки на пишущей машинке, так как текст на них во многих случаях трудно различим. Кроме того, имеются многочисленные зачёркнутые от руки места, величиной от одного слова до целого абзаца. Большинство из них неразборчивы, но в ряде случаев предыдущие варианты фраз можно восстановить.

В Мп ИМЛИ имеются многочисленные авторские исправления и вставки от руки (иногда — целые страницы), которые можно разделить на три типа: 1) устранение опечаток, 2) стилистические и смысловые изменения, направленные на объективное улучшение текста, 3) изменения, вызванные стремлением к цензурной «проходимости» текста в печать.

Основной текст ЖД в Мп РГБ и Мп ИМЛИ — это, по-видимому, два экземпляра одной и той же машинописной закладки. Однако в Мп ИМЛИ внесена авторская правка, отсутствующая в Мп РГБ. Более того, большинство неразборчивых зачёркнутых мест в Мп ИМЛИ могут быть прочитаны в Мп РГБ. Текст авторских «Примечаний» в Мп ИМЛИ значительно сокращён по сравнению с Мп РГБ (со 110 до 76 с.) и, по-видимому, перепечатывался после авторской правки Мп РГБ заново. Кроме того, текст «Примечаний» Мп ИМЛИ дополнен, по сравнению с Мп РГБ, новыми источниками, появившимися в 1935–1937 гг., а также — внесёнными неустановленным лицом в 1945–1947 гг., когда исследование уже покойного автора готовилось к печати.

Попытка гипотетического восстановления по косвенным данным процесса подготовки ЖД к печати привела к следующим результатам. По-видимому, в 1936–1937 гг. Чулков готовил свой труд для

публикации в одном из советских издательств и получил отрицательную рецензию кого-то из критиков, возможно Б.М. Другова, который, как очевидно из его рецензии, читал ещё несокращённый экземпляр (Мп РГБ)¹. Несмотря на несомненные достоинства, работа Чулкова, по мнению Другова, «в основных положениях является спорной и неверной»: «неправильно» освещены отношения Достоевского с В.Г. Белинским, Н.А. Некрасовым и Н.Г. Чернышевским (образы «честнейших» революционеров-демократов «дискредитированы»); «необъективен» Чулков и в изображении конфликта Достоевского с И.С. Тургеневым (чья западническая позиция была ближе к тогдашнему советскому интернационализму, чем «реакционный» патриотизм Достоевского), превознесение Чулковым главной идеи Достоевского — «социализма со Христом» — подразумевало, считал Другов, отрицание автором господствовавшего в СССР атеистического социализма². Приблизительную дату рецензии можно установить по упомянутым Друговым публикациям о Достоевском³, не учтённым Чулковым. (Однако в Мп ИМЛИ они уже частично учтены). Закончил Другов «выводом о нецелесообразности издания подобной работы»⁴.

Можно предположить, что редакция Мп ИМЛИ сделана Чулковым после ознакомления с отрицательной рецензией, которая, вероятно, легла в основу имеющейся в Мп ИМЛИ рецензии Другова, так как правка коснулась указанных критиком «недостатков»: мест о революционерах-демократах, показа любовных романов писателя, отступлений на религиозно-философские темы, неучтённых библиографических единиц. Тем не менее Чулков не добился публикации своей биографии Достоевского. Причиной могли стать как опасность обвинения в политической неблагонадёжности с самыми катастрофическими последствиями (1937 год — разгар «большого террора»), так

¹ Показательно, что в 1935 г. Б.М. Другов опубликовал рецензии на только что вышедшие книги о Достоевском: Гроссман Л.П. Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. Биография в датах и документах. М.; Л.: Academia, 1935; Ф.М. Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. А.С. Долинина. Л.: Изд-во АН СССР, 1935 («Книга и пролетарская революция», 1935, № 10, с. 67–70).

² См.: ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 68. Лл. 4–6.

³ Критик ссылался на следующие издания: Ф.М. Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. А.С. Долинина. Л.: Изд-во АН СССР, 1935; Записные тетради Ф.М. Достоевского / Коммент. Н.И. Игнатовой и Е.Н. Коншиной. М.; Л.: Academia, 1935; Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. / Под ред. В.Я. Кирпотина, П.И. Лебедева-Полянского и др. Т. VIII. М.; Л.: Гослитиздат, 1937.

⁴ ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 7.

и занятость другой работой (писались и печатались книги «Жизнь Пушкина»⁵, «Как работал Достоевский»⁶), а также плохое состояние здоровья (целый «букет» тяжёлых заболеваний, приведших автора к скорой смерти 1 января 1939 г.).

Ещё одна попытка публикации ЖД, как уже отмечалось, была в 1945–1947 гг. в издательстве «Советский писатель»; сохранившиеся в ИМЛИ и РГАЛИ в целом положительные рецензии Кирпотина, Томашевского и Любимовой<-Дороватовской> или помечены этими годами, или содержат приметы послевоенного времени. Особенно обстоятельна последняя рецензия, написанная многолетней сотрудницей Чулкова по ГАХН, где он в 1920-е гг. был бессменным председателем Комиссии по изучению творчества Достоевского. В отличие от Другова, Любимова<-Дороватовская>, в условиях послевоенного возрождения в СССР российской великодержавной ментальности, предлагала акцентировать близость Достоевского к славянофилам, чей патриотизм «излишне сейчас прикрывать иронией», а следует «подчеркнуть некоторыми цитатами»⁷. Но и она заявляла о том, что чулковская «мысль о “христианском социализме” Достоевского — неверна». И, видимо желая «реабилитировать» писателя и «спасти» машинопись Чулкова, заключала: «Под “христианским социализмом” подразумевается обычно совсем другое явление, очень далёкое от Достоевского»⁸.

Кирпотин и Томашевский, со своей стороны, предлагали «поручить доработать» книгу Чулкова «редактору, который, сохранив текст автора, устранил бы имеющиеся в ней ошибки...»⁹. Действительно, в «Примечаниях» Мп ИМЛИ видна незначительная доработка книги покойного к тому времени Чулкова неустановленным лицом, касающаяся добавления новых источников о Достоевском 1939–1941 гг. Так, «Примечания» к главе III открываются словами: «О Даровом в дополнение к воспоминаниям А.М. Достоевского см. <у> В.С. Нечаевой «В семье и усадьбе Достоевских» М., 1939 г.»; в «Примечаниях» к главе XV упомянуты «“Петрашевы” материалы, изд. Академ<ией> наук. 1940 г. Тт. I и II»; «Примечания» к главе XXXIII начинаются со слов: «Полемика Достоевского с Салтыковым-Щедриным посвящена

⁵ Чулков Г.И. Жизнь Пушкина. М.: Художественная литература, 1938. 340 с.

⁶ Чулков Г.И. Как работал Достоевский. М.: Советский писатель, 1939. 340 с.

⁷ ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 15.

⁸ ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 15.

⁹ ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 3.

обстоятельная статья З.С. Борщевского «Салтыков-Щедрин и Достоевский». «Лит<ературный> критик». 1939 г., № 5–6, № 8–9. См. также комментарий С.Л. Белевицкого к VI тому Полного собр<ания> соч<инений> Салтыкова-Щедрина. 1941 г.». Эти позднейшие вставки в тексте «Примечаний» специально не выделены. Тем не менее очевидно, что первоначальный текст ЖД (представленный в Мп РГБ) был сокращён и доработан *самим* автором: об этом свидетельствует как авторская правка в Мп ИМЛИ, так и утверждение Кирпотина о том, что он читал уже сокращённый экземпляр (т.е. явно не тот, что Другов): «Судя по рукописи, она подвергалась сокращениям. Сокращения, очевидно, ... шли за счёт удаления идейно-философских обобщений»¹⁰.

Почему это издание не осуществилось, можно только гадать: скорее всего, тому виной усиление идеологической «бдительности» на новом витке сталинских репрессий 1946-1953 гг., начавшихся печально знаменитым ждановским постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград» в 1946 г. Кроме того, отрицательную роль могла сыграть и давняя рецензия Другова, подновлённая (указанием на смерть автора и авторскую правку в Мп ИМЛИ по сравнению с Мп РГБ) и вновь приложенная к ждущей своей участи машинописи ЖД.

В других обследованных архивах (РО ИРЛИ РАН, РО РНБ) материалов, связанных с ЖД, не обнаружено.

Источником настоящей публикации является наиболее поздний из известных вариантов ЖД — Мп ИМЛИ. Текст публикуется по последнему авторскому слою, который включает в себя машинопись с позднейшими рукописными вставками. Однако учитывая, что большая часть сокращений в Мп ИМЛИ очевидно произведена с целью «проходимости» текста в советскую печать, в постраничных редакторских комментариях восстанавливается автоцензурная правка из соответствующих мест Мп РГБ.

Так как художественная и научная части ЖД композиционно разнесены, в основном тексте полностью отсутствуют ссылки при многочисленных цитатах и авторские комментарии. Весь научно-справочный аппарат вынесен Чулковым в авторские «Примечания», сплошным массивом расположенные *после* основного текста. Построенные параллельно основному тексту, по главам, авторские «Примечания» являются органической частью биографического исследования, занимая значительный объем (более 3 п.л.). Они содержат отсылки к источникам сведений основного текста, цитатам (часто без

¹⁰ ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 1.

указания страниц каждой отдельной цитаты), разъяснения к основному тексту и нередко дополнительные сведения об упоминаемых в нём лицах и фактах, а также собственные оценки автора.

Кроме того, в настоящее издание ЖД входит раздел «*Приложение*», состоящий из архивных материалов, относящихся к чулковской биографии Достоевского: предисловия «*От издательства*», заметки «*О плане книги ЖД*», плана книги ЖД, четырёх издательских рецензий на ЖД.

Издание снабжено вступительной статьей «*Г.И. Чулков — биограф Ф.М. Достоевского*», справкой «*От составителя*» и «*Списком принятых сокращений*».

Главный принцип настоящего издания — минимальное вмешательство в авторский текст Чулкова и его рецензентов. Однако чтение биографического исследования и рецензий на него не должно вызывать неудобств. Поэтому задачей редактора стал поиск компромисса между двумя целями: удобочитаемостью и понятностью текстов 1930–1940-х гг. современному читателю, с одной стороны, и сохранением аутентичности текстов с присущими им особенностями эпохи написания и индивидуального авторского стиля — с другой. Из этого вытекают все нижеприведенные принципы.

Явные опечатки (искажение слов, пропуск букв, лишние буквы, рассогласование членов предложения, непроставленные или лишние кавычки) устраняются без каких-либо упоминаний в редакторских примечаниях.

Текст приведён в соответствие с современными нормами орфографии, но при этом сохраняются такие орфографические и лексические особенности языка эпохи, которые имеют стилистический смысл, а также языковые нормы, отражающие индивидуальное своеобразие стиля Чулкова (напр.: «*проповедывать*», «*заведывал*», «*треугольной*», «*с роялью*», «*кофеем*», «*коим*», «*коей*», «*коими*», «*коих*», «*назади*», «*на биллиарде*», «*сексуализм*», «*шкапами*», «*номер*»). Пунктуация, как правило, везде приведена к современным нормам, а при необходимости исправлена (прежде всего, это касается передачи прямой речи). В спорных случаях в подстрочных примечаниях может быть дан пунктуационный вариант.

Стоит особо оговорить случаи замены прописных букв на строчные в соответствии с современными правилами в словосочетаниях типа: «*пушкинское стихотворение*», «*пушкинского “Станционного смотрителя”*» и гоголевской «*Шинели*», «*гегелевский Абсолютный разум*», «*пушкинскую Татьяну*», «*Оптина пустынь*», «*Медный всадник*», «*Сикстинская мадонна*», «*Дрезденская жизнь*», «*оптинские старцы*»,

«*Великий инквизитор*», «*пушкинские торжества*», «*Славянское благотворительное общество*», «*Общество любителей российской словесности*» и т.п.

В ряде случаев, напротив, строчные буквы заменены на прописные, когда это требуется по смыслу, напр.: «*Ваше Императорское Высочество*». В этом случае строчные буквы в машинописи — примета раннесоветской эпохи с ее подчёркнутым неприятием монархии.

Названия исторических эпох также даются по современным правилам правописания (напр.: *Средневековье*).

Унифицированы по современным нормам написания исторически сложившихся культурных регионов (напр.: *Запад*).

В ряде случаев, в отличие от машинописи, поставлены кавычки, напр. в несобственно-прямой речи Белинского при словах «*бог*» и «*религия*»: «*В словах “бог” и “религия” — тьма, мрак, цепи и кнут...*»; или при словосочетании «*страшный критик*», являющемся цитатой из «*Дневника писателя*» Достоевского. Кавычки при этом словосочетании в Мп ИМЛИ то присутствуют, то отсутствуют. В настоящем издании их постановка унифицирована.

Также унифицировано написание названий художественных и др. произведений: в тех, которые выделялись не кавычками, а подчёркиванием, подчёркивание снято, а названия также выделены кавычками.

Как в основном тексте, так и в «*Примечаниях*» Чулкова унифицируются имена собственные писателей и др. реальных исторических лиц — в соответствии с современными нормами, напр.: Жорж Санд, Кабе, Поль де Кок. Исключение составляет имя «*Евгенья Сю*» (глава VIII) в несобственно-прямой речи Достоевского, устаревшая форма которого передает колорит эпохи юности писателя.

В заглавиях журналов и альманахов, литературных произведений второе и последующие слова даются в настоящем издании со строчной буквы, по современным нормам, напр.: «*Отечественные записки*», «*Репертуар и пантеон*», «*Библиотека для чтения*», «*Дневник писателя*», «*Записки из Мертвого дома*» и т.п.

Унифицировано написание учреждений: первое слово с прописной буквы, последующие — со строчных, напр.: «*Инженерное училище*», «*Инженерное управление*», «*Академия художеств*».

В настоящем издании сохранены сочетания знаков препинания (, -), часто используемые Чулковым. Не будучи специфическими для него, они являются приметой стиля эпохи первой трети XX века. Т.н. полуабзацы, т.е. тире между фразами (после точек, означающих конец предыдущей фразы, и перед большой буквой, начинающей следующую фразу) — (. -), оставляются как знаки смыслового вы-

деления, характерные для эпохи первой трети XX века (особенно их много в «Примечаниях» Чулкова). Отмеченные пунктуационные сочетания усиливают паузы, определяют авторскую интонацию. Примеры: «Теперь все равно никого на свете нет, давно сгнили, — можно сказать»; «Велите подать мне сахарной водицы, сестрица». — Попивая сладкую воду, он весело и дружелюбно беседовал с маменькой».

Встречающиеся в текстах Чулкова и его рецензентов сочетания «40-е гг.», «60-е гг.» не дополнены цифрами, указывающими на век, так как все они относятся к XIX в.

По условиям советских изданий такие слова религиозно-богословского семантического гнезда, как «Бог», «Сын Божий», «Провидение» и др., печатались в машинописи Чулкова, предназначенной к публикации, со строчной буквы. Принимая во внимание религиозность автора, напечатание этих слов в его дореволюционных сочинениях и написание их в ЧА РГАЛИ с прописной буквы, печатаем их в настоящем издании также с прописной буквы.

Исключения составляют характерные авторские случаи:

1. Если написание какого-либо слова не совпадает с современной нормой, но и не противоречит ей, — оставляем написание Мп ИМЛИ (напр.: «образование», «состоянье», «издания», «чтение», «к оправданию» и т.д.). Если в пределах книги встречаются разные написания одного слова: «матерьял» и «материал», «счастье» и «счастье», — то оставляем разночтения.
2. В машинописи Чулкова встречаются цифры (напр.: «Вся квартира состояла из 2 комнат»). Так как в «Справочнике издателя и автора» А.Э. Мильчина и Л.К. Чельцовой (М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004) только рекомендуется в художественной и близкой к ней литературе писать числительные не цифрами, а словами, прямой же запрет на это отсутствует, то оставляем написание машинописи Чулкова, т.е. количественные и порядковые числительные передаем цифрами. Такое решение принято в соответствии с главным принципом издания — минимальным вмешательством в авторский текст.
3. Имена собственные литературных и фольклорных персонажей (напр.: Иванушка-Дурачок, Дон-Карлос) и некоторых реальных лиц (напр.: Н.Д. Фон-Визина) оставлены в написании Чулкова, за исключением особо оговорённых отдельных случаев.

Редакторский комментарий (текстологический, библиографический, реальный и историко-литературный) даётся в постраничных сносках как в основном тексте книги, так и в тексте «Примечаний», и отмечается арабскими цифрами с новой нумерацией в каждой из

частей ЖД (основном тексте, авторских «Примечаниях», единицах «Приложения»).

В отличие от реального, историко-литературного и библиографического, в постраничном комментарии текстологического характера редакторский текст даётся курсивом.

Реальные, историко-литературные и библиографические постраничные редакторские комментарии к основному тексту ЖД и авторским «Примечаниям» Чулкова даются только в том случае, если точные сведения отсутствуют в «Примечаниях» самого автора. Библиографические описания в постраничных редакторских комментариях даются по источникам, указанным Чулковым, но по современным нормам, напр.: *Достоевский Ф.М. Полное собрание художественных произведений: В 13 т. / Под ред. Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева. М.: Гос. изд-во, 1926–1930 (ПСХП)*. При ссылках на письма Достоевского 1878–1881 гг., которые во время написания ЖД ещё не были собраны в отдельный том¹¹ и брались Чулковым из труднодоступных изданий, ставших библиографической редкостью, в редакторских комментариях, для удобства обращения к текстам этих писем, даются также ссылки на издание: *Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990 (ПСС 30)*.

Зачёркнутые в Мп ИМЛИ слова и фразы, при условии своей разборчивости, воспроизводятся в постраничном редакторском комментарии. Неразборчивые зачёркнутые места отмечены в тексте настоящего издания в угловых скобках — <нрзб.> (если находятся внутри фразы) или <Нрзб.> (если представляют собой фразу или несколько фраз, а также если находятся в начале фразы). Пропуски текста в Мп ИМЛИ отмечены в тексте настоящего издания в угловых скобках — <пропуск>. Большинство из зачёркнутых и пропущенных мест можно прочесть в более ранней редакции РГБ. Как уже указывалось, они воспроизводятся в постраничном редакторском комментарии.

Все библиографические описания в авторских «Примечаниях» Чулкова в целом оставлены без изменений. Если первоначальное авторское библиографическое описание неполное (нет года, страниц и т.д.), то оно дополнено сведениями в угловых скобках внутри авторских «Примечаний». Напр.: в первоначальной авторской записи: «*Рассказ о свидании Белинского с Достоевским изложен (а не точно процитирован) по «Днев. Пис.» 1877, («Старые воспоминания»)...*» В нашем издании: «*Рассказ о свидании Белинского с Достоевским*

¹¹ IV том писем Ф.М. Достоевского был подготовлен А.С. Долининым и издан только в 1959 г.

изложен (а не точно процитирован) по «Днев<нику> писат<еля>» <за> 1877 <год>, <Январь. Глава вторая. IV> (<«Русская сатира. “Новь”. “Последние песни”.> Старые воспоминания»)...» Однако в случаях невозможности внести в библиографическую запись Чулкова все необходимые сведения без её деформации — в редакторском постраничном комментарии даётся библиографическое описание упоминаемого Чулковым издания в соответствии с современными правилами. Тем не менее, для удобства чтения и восприятия, библиографические записи в «Примечаниях» Чулкова по возможности унифицированы: устранён разноречивый в сокращениях, расстановке запятых, точек и тире, кавычек, скобок, постановке строчных и прописных букв при сокращённых словах «стр.», «т.» и т.п. Также устранён разноречивый в написании известный издательству 1920–1930-х гг. — в настоящем издании везде пишется «Academia». Кроме того, для удобства обзора источников в «Примечаниях» Чулкова их названия выделены курсивом. Однако в постраничных редакторских сносках к «Примечаниям», в которых воспроизводится удалённый при авторской правке текст авторских «Примечаний» из Мп РГБ, курсивное выделение приводимых Чулковым источников отсутствует. Как уже отмечалось, в них курсивом выделен редакторский текст.

Также внутри авторских «Примечаний» в угловых скобках даются недостающие сведения о ряде упоминаемых лиц (годы жизни, инициалы и т.п.).

Цитаты, приводимые Чулковым, остаются в неизменном виде (кроме исправления явных опечаток и ошибок). Характерны его приёмы цитирования: нередко без ссылок на источники, зачастую неточно. Основные виды неточности: пропуск слов; инверсии; не отмеченное многоточием или угловыми скобками стягивание (сокращение); перестановка цитируемых фрагментов; несоблюдение фразового и абзацного членения; замена знаков препинания (добавленные или убранные тире, запятые, точки с запятой, восклицательные и вопросительные знаки, двоеточия, многоточия, скобки); изменение орфографии: окончаний глаголов, прилагательных, существительных, суффиксов причастий (напр.: «чтенье» вместо «чтения», «свидание» вместо «свиданья», «отличающимся» вместо «отличавшимся», «о» вместо «об», «бездной» вместо «бездною», «сыпали» вместо «сыпались»), правописания в корнях слов (в ряде случаев «чёрт» вместо «чорт»), добавленные или убранные дефисы, слитное и раздельное написание слов с предлогами и т.п.; замена слов (наречий, местоимений, предлогов, напр.: вместо «и» — «а», вместо «тебе» — «так», вместо «меня» — «его»); изменение написания слов с заглавной или со

строчной буквы; изменение в выделении курсивом тех или иных слов цитируемого автора; дописывание сокращённых слов без обозначения конъектуры; и др.

Так как большинство цитат, приводимых Чулковым, являются неточными, то в настоящем издании эти разночтения не отмечаются и не исправляются; при необходимости уточняется местоположение цитат в первоисточниках. Если из контекста книги Чулкова непонятно, из какого именно текста Достоевского или др. цитируемого автора приведена цитата, то в комментарии в круглых скобках указывается название источника, напр.: *ПСХП. Т. 1. С. 43* («Бедные люди»). В отдельных случаях значительных или смысловых расхождений приведённой Чулковым цитаты с первоисточником в комментарии приводится точная цитата.

Цитаты проверяются только по указанным Чулковым источникам (*ПСХП, Материалы 1883* и т.д.).

Если в основном тексте ЖД и авторских «Примечаниях» к нему встречаются бессмысленные цитаты из каких-либо авторов, то источник цитаты ищется по изданиям, которыми пользовался или с высокой долей вероятности мог пользоваться Чулков; в ряде случаев (напр., для стихотворных цитат) даются ссылки на авторитетные издания второй половины XX — начала XXI вв.

В постраничном комментарии тома *ПСХП* и *ПСС 30* обозначены арабскими цифрами, напр.: *ПСС 30. Т. 28. Кн. 1. С. 134*. То же относится к обозначению томов собраний сочинений других авторов.

Перевод иностранных слов и выражений, отсутствующий в тексте Чулкова, даётся в постраничном комментарии.

Сокращения, не используемые ныне, раскрываются, т.е. приводятся к единообразию в соответствии с современными общепринятыми нормами.

Выделение Чулковым с помощью прерывного подчёркивания заменено в настоящем издании разрядкой.

Сведения о сокращениях и принятых обозначениях собраны в «*Списке принятых сокращений*».

О.А. Богданова

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Помимо «Списка сокращений», предваряющего авторские «Примечания» Г.И. Чулкова к ЖД и действительного в границах его авторского текста, сюда входят следующие редакторские сокращения:

ГАХН — Государственная академия художественных наук

ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы

ГИЗ, Госиздат — Государственное издательство

ГИИИ — Государственный институт истории искусств

ЖД — «Жизнь Достоевского» Г.И. Чулкова

ЖЗЛ — книжная серия «Жизнь замечательных людей»

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР

ЛГУ — Ленинградский государственный университет

Мп РГБ — машинопись «Жизни Достоевского», находящаяся в РГБ

Мп ИМЛИ — машинопись «Жизни Достоевского», находящаяся в ОР ИМЛИ РАН

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей российской государственной библиотеки

ОР ИМЛИ РАН — Отдел рукописей Института мировой литературы Российской академии наук

ПД — Пушкинский Дом

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РО ИРЛИ РАН — Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук

РО РНБ — Рукописный отдел Российской национальной библиотеки

РПАЦ — Русская православная автономная церковь

РПЦ — Русская православная церковь

ЧА — черновой автограф

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Белинский В.Г.** — Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1976-1982.
- Бельчиков Н.Ф.** — Бельчиков Н.Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
- Библиогр. указатель** — Достоевская А.Г. Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф.М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф.М. Достоевского» в Московском Историческом музее имени Императора Александра III. 1846–1903. СПб., 1906.
- Врангель А.Е.** — Врангель А.Е., барон. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири. 1854–56 гг. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1912.
- Григорович Д.В.** — Григорович Д.В. Литературные воспоминания / Вводн. статья, ред. и примеч. В.Л. Комаровича. Л.: Academia, 1928.
- Дневник 1867** — Достоевская А.Г. Дневник 1867 года. М.: Новая Москва, 1923.
- Долинин I** — Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Сб. I. Пб.: Мысль, 1922.
- Долинин II** — Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Сб. II. Л.; М.: Мысль, 1924. На обл. 1925.
- Достоевская А.Г.** — Достоевская А.Г. Воспоминания / Под ред. Л.П. Гроссмана. М.; Л.: Госиздат, 1925.
- Достоевская Л.Ф.** — Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. Пер. с нем. Л.Я. Круковской / Под ред. и с предисл. А.Г. Горнфельда. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1922.
- Достоевский А.М.** — Достоевский А.М. Воспоминания / Ред. и вступит. статья А.А. Достоевского. Л.: Изд-во писателей, 1930.
- Ковалевская С.В.** — Ковалевская С.В. Воспоминания детства. Окончание // Вестник Европы. 1890. Кн. 8. С. 584–640.
- Материалы 1883** — Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского: В 14 т. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883. С. 1–332 («Материалы для жизнеописания Ф.М. Достоевского» Ореста Миллера и «Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском» Н.Н. Страхова).
- Некрасов Н.А.** — Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л.: Наука, 1981–2000.
- ПСС Просв.** — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 23 т. Пб.: Просвещение. 1911–1918.
- ПСС 30** — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

- ПСС Юбил.** — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 14 т. Юбилейное (6-е) изд. СПб.: Изд. А.Г. Достоевской, 1904–1906.
- ПСХП** — Достоевский Ф.М. Полное собрание художественных произведений: В 13 т. / Под ред. Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926–1930.
- Петрашевцы** — Петрашевцы: Сб. материалов: В 3 т. / Сост. П.Е. Щёголев. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926–1928.
- Письма I** — Ф.М. Достоевский. Письма. I. 1832–1867 / Под ред. и с примеч. А.С. Долинина. М.; Л.: ГИЗ, 1928.
- Письма II** — Ф.М. Достоевский. Письма. II. 1867–1871 / Под ред. и с примеч. А.С. Долинина. М.; Л.: ГИЗ, 1930.
- Письма III** — Ф.М. Достоевский. Письма. III. 1872–1877 / Под ред. и с примеч. А.С. Долинина. М.; Л.: Academia, 1934..
- Письма Белинского I** — Белинский В.Г. Письма: В 3 т. / Ред. и примеч. Е.А. Ляцкого. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1914. Т. 1.
- Письма Белинского III** — Белинский В.Г. Письма: В 3 т. / Ред. и примеч. Е.А. Ляцкого. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1914. Т. 3.
- Письма к жене** — Письма Ф.М. Достоевского к жене / Ред. В.Ф. Переверзева; предисл. и примеч. Н.Ф. Бельчикова. М.; Л.: ГИЗ, 1926. (Центрархив).
- Пушкин А.С.** — Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.
- Сборник ГАХН** — Достоевский: Сб. статей. М., 1928. (Труды ГАХН. Литературная секция. Вып. 3).
- Суслова А.П.** — Суслова А.П. Годы близости с Достоевским. Дневник. — Повесть. — Письма / Вступит. статья и примеч. А.С. Долинина. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928.
- Творчество Достоевского** — Творчество Достоевского (1821–1881–1921): Сб. статей и материалов / Под ред. Л.П. Гроссмана. Одесса: Всеукр. гос. изд-во, 1921.
- Ч. Ветринский** — Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках / Сост. Ч. Ветринский (Вас.Е. Чешихин).. М.: Изд. т-ва И.Д. Сытина, 1912.
- Чешихин I** — Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах / Сост. Чешихин-Ветринский В.Е. Часть I. М.: В.В. Думнов, 1923. Второе испр. и доп. изд.
- Чешихин II** — Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах / Сост. Чешихин-Ветринский В.Е. Часть II. М.: В.В. Думнов, 1923. Второе испр. и доп. изд.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Г.И. ЧУЛКОВ
ЖИЗНЬ ДОСТОЕВСКОГО

Компьютерная верстка
А.З. Бернштейн

Подписано в печать 10.09.2015.
Формат 60×90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 29,5.
Тираж 500 экз.
Заказ № 2954.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

Отпечатано с электронного оригинал-макета,
предоставленного издательством,
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

ISBN 978-5-9208-0465-5

9 785920 180465 5

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРЫ XX века

ИМЛИ РАН

Москва
2015